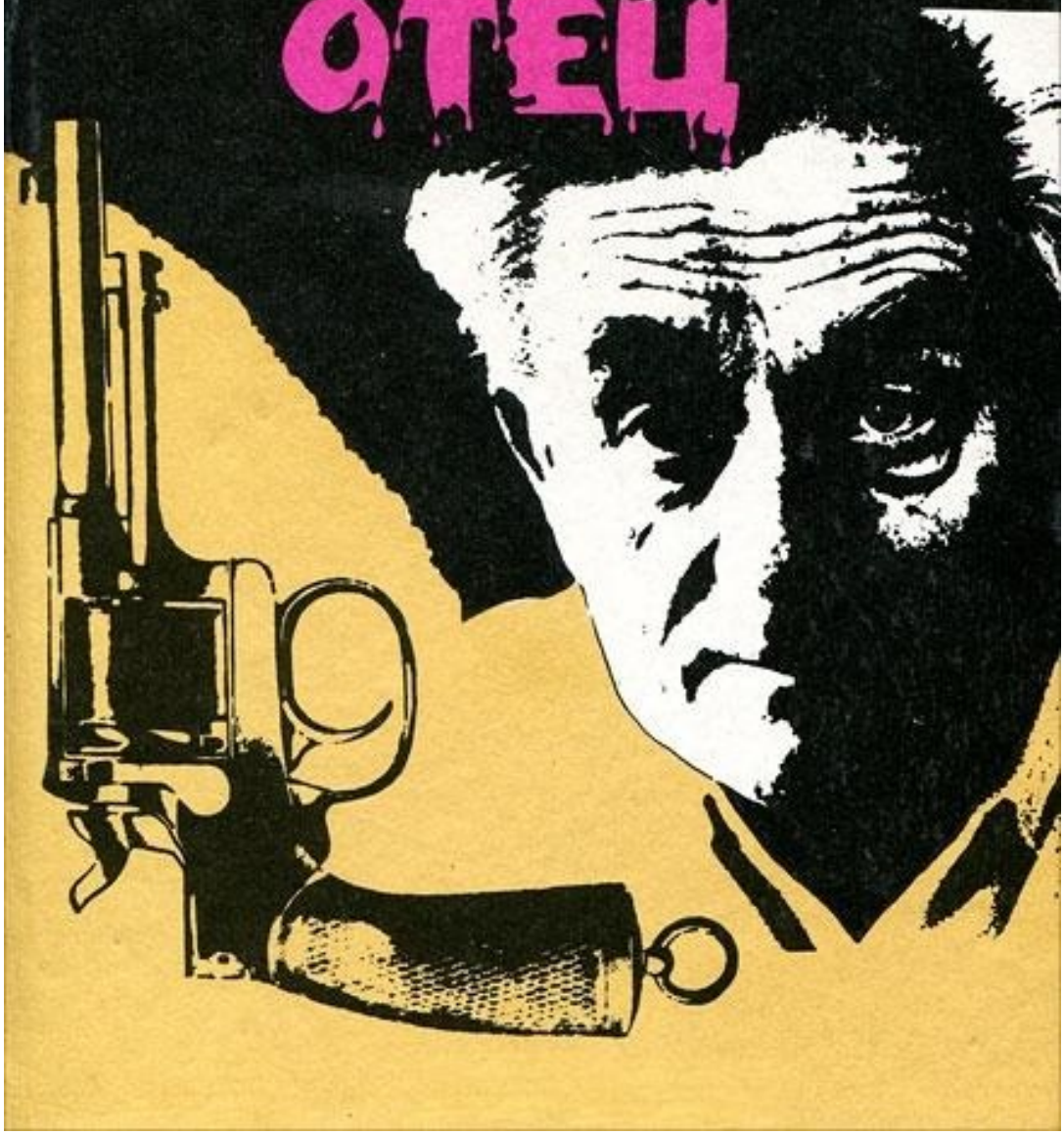
Марио Пьюзо

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

Марио Пьюзо

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ



Марио Пьюзо

Крестный Отец

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Америго Бонасера дожидался правосудия в Третьем отделении уголовного Суда Нью-Йорка: слушалось дело о надругательстве над его юной дочерью, которую преступники пытались обесчестить.

Судья — огромного роста, внушительный — высоко подкатал рукава своей черной мантии, будто собирался собственноручно разделаться с двумя молодыми людьми, представшими перед его судейским столом. Его лицо выражало холодное негодование в их адрес. Но вместе с тем было нечто неуловимо фальшивое во всей процедуре суда, что ощущал Америго Бонасера, пока еще не вполне осознавая.

— Вы поступили как отъявленные негодяи, — резко произнес судья. «Да, да, — подумал Бонасера. — Негодяи. Ублюдки. Скоты».

Оба парня покаянно склонили вымытые до блеска головы с модными стрижками. Их гладкие физиономии выражали молчаливое признание вины.

— Так ведут себя только дикие звери в джунглях, — продолжал судья, — и ваше счастье, что вы не успели совершить непоправимого, иначе за изнасилование я засадил бы вас лет на двадцать. — Так судья сделал многозначительную паузу, коротко глянув в сторону Америго Бонасера из-под густых насупленных бровей, потом перевел взгляд на лежащие перед ним материалы следствия, нахмурился еще сильней и заключил, недовольно пожав плечами и как бы против собственной воли:

— Однако, принимая во внимание ваш молодой возраст и то, что вы впервые нарушили закон, а также безупречную репутацию ваших родителей и исходя из того, что мудрость правосудия не в мести, а в милосердии, я приговариваю обоих к трем годам заключения. Условно.

Америго Бонасера был гробовщиком с сорокалетним стажем, и только многолетняя профессиональная выдержка помогла ему скрыть нахлынувшие волной чувства ненависти и негодования. Он не выдал себя, хотя все внутри закипело. Ведь его девочка еще лежит в больнице со сломанной челюстью, изуродованная скобками и швами, а эти два молодчика, выходит, уже совершенно свободны? Значит, суд над ними был просто фарсом? Между тем счастливые родители заполучили своих драгоценных, ничуть не пострадавших сынков и сбились вокруг них тесной кучкой. Разумеется, они могли теперь улыбаться, они выиграли.

Злоба и горечь сдавили горло Бонасеры, во рту стало кисло. Он стиснул

зубы, прижал к губам белый полотняный платок и смотрел, как эти подонки, совершенно спокойные и уверенные в себе, вышли из-за барьера и двинулись к выходу, не удостоив его даже взглядом. Следом прошествовали довольные родители, две женщины и двое мужчин примерно того же возраста, что и Бонасера, но внешне совсем другие — стопроцентные американцы. Они все еще были несколько смущены, но в глазах затаились торжество и вызов. На миг утратив контроль над собой, Бонасера дернулся к ним и хрипло выкрикнул:

— Вы еще поплачете у меня! Отольются вам мои слезы!

Адвокаты подсудимых немедленно заслонили от него своих клиентов, уже и так отгороженных спинами. Здоровенный пристав быстро перекрыл проход возле места, где стоял Бонасера. Но все предосторожности были излишними: Бонасера овладел собой.

Всю долгую жизнь, проведенную в Америке, он твердо верил в торжество закона и порядка, и это помогла ему прижиться и преуспеть здесь. Но теперь, когда в разгоряченном ненавистью сознании лишь желание немедленно приобрести оружие и пристрелить обоих мерзавцев оставалось до боли отчетливым, Бонасера обернулся к сидящей рядом жене, которая, похоже, до сих пор не поняла происшедшего, и объяснил ей коротко:

— Над нами надсмеялись.

Потом помолчал и принял решение, не считаясь больше с ценой, которую придется заплатить:

— За правосудием надо идти на поклон к дону Корлеоне.

В роскошном отеле Лос-Анджелеса вдребезги пьяный Джонни Фонтейн терзался муками ревности. Растянувшись на красном диване посреди номера «люкс», он тянул виски прямо из горлышка бутылки, а потом, чтобы отбить неприятный привкус, опускал голову в хрустальное ведерко со льдом и оттуда глотал талую воду.

Была четыре часа утра, и он пьяно соображал, как расправится со своей блудной женой, когда она, наконец, явится дамой. Если, конечно, она вообще явится.

От тоски ему вдруг захотелось позвонить первой жене и справиться о малышках, на в такое время суток эта было невозможно. А от одной мысли о том, что можно обратиться к кому-нибудь из прежних друзей сейчас, когда в его жизни все разладилось, Джонни стало смешно. Эта раньше любой из них был бы счастлив, вздумай он позвонить в четыре утра. Теперь же Джонни Фонтейн только раздражал своим падением коллег по

киномиру, еще недавно принимавших близко к сердцу его дела.

В очередной раз приложившись к бутылке, он услышал, что ключ повернулся в замке, но не стал отрываться от горлышка, пока жена не вошла в комнату и не оказалась перед ним — как всегда очаровательная, с ангельским личикам и глубокими фиалковыми глазами. Она казалась хрупкой, хотя фигурка была скульптурно точеной. На экране ее красота выглядела еще ослепительней. Ста миллионов мужчин во всех концах света готовы были платить только за то, чтобы полюбоваться ею в темноте кинозалов.

— Где ты шлялась? — спросил Джонни Фонтейн.

— По чужим постелям, — ответила жена.

Она решила, что он, как обычно, в стельку пьян, и просчиталась. Джонни одним прыжком перемахнул через столик и ухватил ее за ворот платья. Но близость этого поразительного лица и фиалковых глаз действовали безотказно, и Джонни смягчился. Поняв это, она насмешливо скривила губы — и вновь поторопилась: он немедленно занес кулак.

— Джонни, только не по лицу! — завизжала она. — Я же работаю!

Он ткнул ее кулаком в солнечное сплетение, и она рухнула на пол. Джонни навалился сверху, упиваясь ароматным дыханием, когда она, как рыба, широко раскрывала рот. Он стал осыпать тумаками ее руки и шелковистые бока, как когда-то, еще подростком, лупцевал малышей в «адской кухне» нью-йоркских трущоб: побольней, зато без видимых следов, вроде сломанного носа или выбитых зубов.

Впрочем, он бил ее все-таки не по-настоящему. Распростертая на полу так, что подол дорогого платья задрался выше пояса, она поддразнивала его, хихикая:

— Ну же, Джонни, давай! Иди ко мне, тебе ведь только этого и надо.

Джонни Фонтейн поднялся на ноги. Пришибить бы ее, но она неуязвима за броней своей красоты. Марго, освободившись, грациозно перекатилась на живот, легко вскочила и стала пританцовывать перед ним, по-детски кривляясь:

— И совсем не больно, и ни капли не больно… — потом сказала вдруг почти печально: — Придурок ты, Джонни. Наставил мне синяков, как мальчишка. Как был романтичным слюнтяем, так и остался. Думаешь, люди и правда занимаются тем, о чем ты пел в своих дурацких песенках, а в любви черта не смыслишь. Бедный Джонни, — она покачала головой.

— Пока, Джонни, бай-бай!

Ключ в замке ее спальни решительно щелкнул.

Джонни снова опустился на пол и спрятал лицо в ладони. Охватившее

его отчаяние было тупым и немилосердным. Но не зря же он был вскормлен нью-йоркскими трущобами и джунглями Голливуда — в приливе решимости он ухватился за телефон и вызвал машину, чтобы ехать в аэропорт. Сейчас на свете только один человек мог спасти его, значит, нужно лететь в Нью-Йорк, к этому единственному человеку, у которого достанет мудрости и силы и который по-прежнему любит его, Джонни. Нужно лететь к крестному, к дону Корлеоне.

Пекарь Назорини, румяный и пухлый, как итальянские булки его выпечки и как они же, припудренный мукой, разносил на все корки свою жену, великовозрастную дочь Катарину и работника Энцо, своего помощника. Энцо, переодевшийся уже в форму военнопленного, в нарукавной повязке с зелеными буквами ВП, стоял перед пекарем навытяжку, более всего беспокоясь, как бы не опоздать к вечерней поверке в губернское управление. Его, как и тысячи других пленных итальянцев, отпускали подрабатывать в наймах у американских хозяев, и он пребывал в постоянном страхе, что может лишиться этой милости. Поэтому семейная комедия, разыгравшаяся сейчас, могла иметь для него самые серьезные последствия.

— Значит, теперь, когда война окончена и не сегодня-завтра тебя должны выпнуть в твою вонючую Сицилию, ты решил осчастливить мою дочь подарочком? — свирепо рычал на помощника Назорини.

Низкорослый, но крепко сбитый Энцо прижимал руку к груди и отвечал чуть ли не со слезами на глазах, хотя и вполне здраво:

— Клянусь святой Девой, хозяин, я никогда не злоупотреблял вашей добротой. Я люблю вашу дочь и со всем уважением к вам готов просить ее руки, только не имею на это прав. Ведь если меня отправят домой в Италию, я никак не смогу жениться на Катарине.

Жена Назорини Филомена высказалась решительно.

— Не трать слов понапрасну, — обратилась она к мужу. — Ясно, что Энцо надо оставить тут. Отправь-ка его пока к нашей родне в Лонг-Айленд, пусть спрячется покуда. А сам ты прекрасно знаешь, как поступить.

Катарина рыдала. Уже располневшая, с темными усиками над верхней губой, она отнюдь не сияла прелестью. И вполне понимала, что не просто будет найти второго второго такого Энцо, с его почтительностью и умением приласкать бережно и любовно.

— Если ты не оставишь Энцо, я сама уеду с ним! — крикнула. она отцу. — Поеду в Италию!

Назорини посмотрел на нее сердито и все же хитро. Хороша штучка его дочка! Он давно замечал, куда она клонит, как норовит потереться сдобным задом о штаны Энцо, когда тот вместе с нею наполняет корзины горячими из печи хлебами. И если не принять необходимых мер, — нехорошо подумал Назорини о дочери, — она обязательно допросится горяченького в самом ближайшем будущем. Значит, Энцо необходимо оставить в Америке, устроить ему гражданство. И лишь один человек способен помочь в таком щекотливом деле. Крестный отец. Дон Корлеоне.

Все эти трое и еще много других людей получили изукрашенные золотом карточки — приглашения на свадьбу к мисс Констанции Корлеоне, назначенную на последнюю субботу августа сорок пятого года. Отец невесты дон Вито Корлеоне никогда не забывал никого из своих старых друзей и соседей, хотя давно уже обитал вдали от всех, в большом особняке на Лонг-Айленд. Гостей приглашали именно туда и празднество было рассчитано на целый день, не меньше. Тем более, что момент этому благоприятствовал: только что закончилась война. с Японией, а вместе с ней — тревога за сыновей, оказавшихся вовлеченными в эту войну, и теперь ничто не должно было омрачить людям праздника. А свадьба как раз то событие, которое легко может стать настоящим радостным праздником.

Поэтому в субботнее августовское утро в дом дона Корлеоне из Нью-Йорка стали стекаться многочисленные друзья, искренне жаждущие отметить своим присутствием его семейное торжество. Все везли с собой, разумеется, плотно набитые банковскими банкнотами конверты нежно-кремового цвета. Никаких чеков, только визитная карточка в каждом конверте с именем дарителя и суммой подношения, указывающей на меру уважения к крестному отцу. Уважения, которое он, безусловно, заслужил. Ибо дон Вито Корлеоне был тем человеком, к которому любой мог обратиться за помощью и никто не бывал разочарован. Он никогда не давал пустых обещаний, как никогда не прибегал к уклончивым объяснениям, что его руки связаны силами, более могущественными, чем его собственные. При этом помогал не только друзьям и даже не только тем, кто способен был заплатить за услугу. Лишь одно имело значение: вы лично, вы сами должны были объявить себя его другом. Тогда Вито Корлеоне немедленно принимал на себя ваши беды и заботы, не заботясь о том, бедны вы или богаты, сильны или убоги. И не было на свете таких преград, которые могли бы оказаться непреодолимыми.

А что в благодарность? Совсем немногое. Дружба, почтительное

обращение «дон» и изредка более теплое и сердечное: «крестный отец». Порой, возможно, — только, чтобы выразить искреннее уважение и ни в коем случае не в целях материального вознаграждения — что-нибудь невзыскательное, вроде галлона домашнего вина или корзины печенья, специально приготовленного к рождественскому столу дона Вито. Само собой подразумевалось, что подобный скромный дар — знак вашего хорошего воспитания. А также молчаливое признание того, что вы его вечный должник, и он вправе в любую минуту рассчитывать на вас.

Сейчас, в торжественный день свадьбы единственной дочери, дон Вито Корлеоне встречал своих гостей на пороге собственного особняка в Лонг-Айленде. Всех этих людей он хорошо знал. Многие из них были обязаны дону всем своим благополучием и потому, пользуясь случаем, без стеснения называли вслух Крестным отцом. Даже те, кто обслуживал сегодня гостей, были своими людьми в доме. Бармен, старый товарищ дона Вито, преподнес в качестве свадебного подарка всю напитки, украшавшие столы, а к ним — свое непревзойденное искусство. Официантами сплошь были сыновья друзей дона. Дружеские руки помогли жене дона Корлеоне приготовить яства, от которых ломились столы, и украсили гирляндами просторный сад вокруг особняка.

Дон Корлеоне встречал всех своих гостей, от власть имущих до совсем ничтожных, с одинаковым радушием и приветливостью. Никого он не обидел невниманием, таков был характер дона. А гости так искренне поздравляли его, так единодушно хвалили фрак, который дону к лицу, что человеку постороннему можно было бы принять его самого за счастливого новобрачного.

Рядом с доном в дверях стояли двое из трех его сыновей. Старшего, крещенного именем Сантино, все, кроме отца, называли ласково «Санни» — сынок. Пожилые итальянцы поглядывали на него испытующе, молодые — восторженно. Для американца итальянского происхождения он был высок, почти чести футов ростом, могуч, словно молодой бычок. Копна черных волос, шапкой поднимающаяся надо лбом, делала его еще выше. У него было лицо взрослого Купидона, маска с правильными чертами, но с чувственно изогнутыми, точно лук, капризными губами. Эти губы и крутой, с ямочкой, подбородок смутно волновали и наводили на непристойные мысли. Природа и впрямь так щедро наградила его производительной силой, что бедная супруга Санни страшилась брачной постели почти как язычники пыток. Ходили даже легенды, передаваемые шепотом, будто самые закаленные и бесстрашные обитательницы публичных заведений, которые Санни, случалось, посещал в юности,

познакомившись с ним поближе, требовали двойной платы за риск.

И сегодня, на свадебном пиру, многие юные матроны, большеротые и могучие плотью, поглядывали на Санни Корлеоне издали оценивающе и маняще. Но именно сегодня они старались зря, ибо он, невзирая на присутствие жены и трах малышей, уже наметил цель и к ней двигался. Люси Манчини, лучшая подруга его сестры, давно знала, что именно на нее имеет виды сегодня Санни. Сейчас она сидела в розовом своем одеянии и с диадемой на блестящих черных волосах рядом с невестой за свадебным столом в саду. Всю предсвадебную неделю она неудержимо кокетничала с Санни, а во время брачной церемонии, у алтаря, крепко сжала ему руку. Большего ни одна незамужняя девушка не могла бы себе позволить. Для нее не имело значения, что Санни никогда, на удастся и сравняться со своим великим отцом. Куда важнее было то, что он смел и силен в жизни и в любви. В отличие от всегда выдержанного дона, Санни часто безрассуден и вспыльчив, способен на опрометчивые поступки. Поэтому многие сомневаются, что он станет преемником Крестного отца, хоть пока и ходит в первых помощниках дона.

Второй сын дона Фредерико — попросту Фредо или Фред — был именно таким ребенком, о каком любой итальянец молит святых. Преданный, почтительный, всегда готовый исполнить отцовскую волю, он в свои тридцать лет продолжал жить в родительском доме. Невысокий и коренастый, он тоже имел фамильные черты сходства с Купидоном, но его круглое лицо под шлемом курчавых волос было некрасиво, а чувственный изгиб губ не притягивал, казался жестким. Замкнутый и суровый по характеру, Фредо был тем не менее опорой отцу. Он никогда не спорил с ним, не доставлял ему неприятностей своими похождениями или скандалами. Но и магнетизма сильного зверя, который необходим вожаку, у Фредо тоже не было, поэтому, при всех его достоинствах, никто не верил, что он унаследует отцовское дело.

Третий сын дона Корлеоне, Майкл, не приветствовал гостей вместе с отцом и братьями, а сидел за столом в самом дальнем углу сада. Но и там ему не удавалось избежать пристального внимания окружающих.

Майкл был младшим сыном дона и единственным-отпрыском семьи, который отказался признавать над собой волю всесильного родителя. Он не унаследовал и фамильных черт Корлеоне. Волосы Майкла были скорее прямыми, чем курчавыми, светло-оливковый цвет его кожи вполне подошел бы девушке, да и вообще в его внешности долгое время было что-то девичье, какая-то изысканность рисунка. Дон Вито даже встревожился было, вырастет ли его младший сын настоящим мужчиной, но едва

достигнув семнадцати лет, Майкл Корлеоне рассеял беспокойство отца.

Заняв место за самым дальним столом в глухом углу сада, младший сын демонстрировал тем самым отчужденность от родителя и семейства. С ним была его девушка, коренная американка, о которой многие слышали, но никто не видел раньше. Разумеется, следуя правилам хорошего тона, Майкл представил ее всем, в том числе и собственной родне. Она не произвела на них особого впечатления: худосочна, белеса, слишком свободна в обращении и чересчур умна для женщины. Ее имя звучало чужим для итальянского слуха — Кей Адамс. Если бы она сказала им, что Адамсы обосновались в Америке два века назад и эта фамилия здесь очень распространенная, в ответ только пожали бы плечами. Ну и что?

А вот на то, что дон не уделяет никакого внимания третьему сыну, среагировали все. Раньше, до войны, Майкл был любимцем отца, и совершенно очевидным казалось, что именно его Вито Корлеоне сделает в конце концов своим преемником. Тем более, что Майкл обладал той же спокойной силой характера, тем же умением поступать определенным образом, определяя умом или интуицией как именно, чтобы окружающие невольно проникались уважением.

Но когда разразилась война, Майкл Корлеоне пошел на фронт добровольцем вопреки воле отца, поскольку дон Вито не испытывал ни малейшего желания подставлять родного сына под пули во имя чужой страны. Врачи заранее были подкуплены, это обошлось недешево, но все уладилось должным образом. Все, кроме решения самого Майкла, которому уже исполнился двадцать один год. Он поступил в морскую пехоту и отправился за океан. Дослужился до звания капитана, в бою заработал медали, и журнал «Лайф» в 44-м году опубликовал его фотопортрет с описанием героических подвигов. Когда кто-то из друзей показал журнал дону Корлеоне (никто из семьи на это не отважился), тот только пренебрежительно хмыкнул:

— Так гореть на чужом пиру…

А в начале сорок пятого Майкла Корлеоне демобилизовали подчистую после ранения, и он в мыслях не имел, что это организовал ему отец. Но пробыв дома недели три, Майкл опять обманул родительские ожидания и, ни с кем не посоветовавшись, поступил в Дартмутский университет в Гановере, штат Нью-Хемпшир. В родительском доме ему не жилось. Объявился он здесь только по случаю свадьбы сестры, а заодно чтобы предъявить родным свою будущую жену, эту повидавшую виды типично американскую девицу.

Сейчас Майкл Корлеоне развлекал Кей Адамс, обрисовывая наиболее-

колоритные фигуры из числа приглашенных. Ему, в свою очередь, было любопытно наблюдать как Кей воспринимала этих экзотических птиц, таких непохожих на тех, с кем ей доводилось общаться в обычной жизни. Ее интерес был неподделен. Оглядываясь по сторонам, она усмотрела небольшую группку мужчин, собравшихся вроде бы вокруг небольшого бочонка с домашним вином, но выглядевших напряженно.

Майкл признал в них Америго Бонасеру, пекаря Назорини, Энтони Компиолу и Люка Брази. Наблюдательной Кей эти четверо не показались слишком радостными. Майкл усмехнулся:

— Верно подмечено. Это просители. Ищут возможности поговорить с отцом с глазу на глаз.

Действительно, все четверо неотступно следили за доном Корлеоне.

Владелец особняка все еще по-хозяйски радушно приветствовал гостей, когда в дальнем конце мощеной аллеи, в проезде, остановился черный «седан-шевроле». Двое сидящих на переднем сиденье, не таясь, вытащили из карманов блокноты и переписали номера остальных припарковавшихся там автомобилей. Санни обернулся к отцу:

— Ребята-то, видать, из полиции.

Дон Корлеоне пожал плечами:

— Улицей я не распоряжаюсь. Их дело.

Черты Купидона на тяжелом лице Санни окаменели от гнева.

— Совсем обнаглели, подонки.

Он сошел по ступенькам и направился туда, где стоял «седан-шевроле». Приблизившись, заглянул сквозь открытое окно прямо в лицо рассевшегося там водителя. Тот сейчас же раскрыл свой бумажник, продемонстрировав Санни удостоверение. Санни отошел, так ничего не сказав, и только смачно сплюнул на заднюю дверцу машины. Он надеялся, что обозленный водитель выскочит следом, но тот не шелохнулся.

— Эти типы из ФБР, — сообщил он отцу. — Вот вонючки.

Дон не удивился, ему было известно заранее, кто эти люди. Самым близким из друзей и самым высоким из гостей он тоже сообщил заранее, чтобы приезжали на такси, а не в собственных автомобилях. И хотя бессмысленная выходка сына ему не понравилась, она была на руку дону, так как говорила копам, что их приезд — неожиданность для хозяев.

Нет, дон Корлеоне не сердился. Давным-давно он усвоил истину, что общество то и дело готово оскорбить тебя, и надо мириться с этим, уповая лишь на то, что в свой час настанет пора посчитаться с каждым, пусть даже самым могущественным из обидчиков. Эта несложная истина помогала Вито Корлеоне всегда оставаться бесстрастным и доброжелательным, что

так восхищало всех, к нему приближенных.

В саду за домом заиграл квартет. Все были в сборе. Дон Корлеоне отбросил мысли о полицейских и вместе с сыновьями направился к гостям, чтобы возглавить застолье.

Огромный сад вмещал уже несколько сот человек: одни танцевали на деревянной эстраде, усеянной цветами, другие восседали за длиннейшими столами, плотно заставленными всевозможной едой, по-южному острой и пряной, и кувшинами с темным самодельным вином. Невеста, Конни Корлеоне, во всем своем свадебном великолепии помещалась за специальным столом на отдельном помосте вместе с новобрачным, подружкой и шаферами. Они представляли живописное зрелище в старо-итальянском стиле. Хотя жениху это было не очень по вкусу, Конни согласилась справлять свадьбу так, как исстари заведено в Италии, чтобы порадовать отца, которому она не угодила уже самим выбором мужа. Карло Рицци был полукровкой, отец-сицилиец наградил его смуглой кожей, северянка-мать — светлыми волосами и голубыми глазами. Родители жениха жили в Неваде, а ему самому пришлось покинуть штат из-за некоторых разногласий с законом. В Нью-Йорке он познакомился с Санни Корлеоне, а через него — с Конни. Разумеется, дон Корлеоне навел справки в Неваде и знал, что неприятности Карло были связаны с небрежностью в обращении с оружием. Пустяковое дело, которое ничего не стоит изъять из полицейских архивов, чтобы парень остался чист, как стеклышко. Попутно друзья, вернувшись из Невады, привезли дону сведения о легальных игорных домах. Эта информация очень заинтриговала дона, и над нею он с тех пор немало размышлял. На том и покоилось величие Вита Корлеоне, что он обладал способностью из всего извлекать пользу.

Конни Корлеоне не была красавицей, а с годами обещала стать нервной и сварливой. Но сегодня в белом подвенечном платье она почти преобразилась. Опустив под столом руку на колено мужу, она влюбленно смотрела на него и не могла насмотреться. Карло Рицци в ранней юности некоторое время трудился в пустыне, на тяжелой физической работе, и мышцы, которые он себе там накачал, выпирали из жениховского фрака. Сейчас Карло нежился в обожании своей молодой жены и в ответ на ее восторженные взгляды подливал вина в бокал, ухаживая за ней с подчеркнутой любезностью, будто исполнял роль жениха в каком-то спектакле. Зато огромный шелковый кошель, куда скрывались туго набитые конверты, прикрепленный по обычаю к правому плечу новобрачной, вызывал у него откровенный и вовсе не наигранный интерес.

Он то и дело косил в его сторону глазом. Сколько там? Десять тысяч? Двадцать? Карло Рицци удовлетворенно улыбался. Это ведь только начало. Женитьба вводила Карло в поистине королевскую семью. Теперь так или иначе о нем обязательно позаботятся.

Шелковый кошель невесты с интересом изучал и один из молодых гостей в толпе, смахивающий несколько на прилизанного хорька. Но чисто по привычке — Паоло Гатто совсем не собирался похищать его. Просто сама мысль о том, как это можно сделать, позабавила Паоло. Он развлекался пустой фантазией от нечего делать, прекрасно понимая, что эти мысли сродни мальчишеским желаниям подбить танк из рогатки.

Паоло перевел взгляд на своего шефа Питера Клеменцу, пожилого и тучного, который вихрем носился по танцевальной площадке в зажигательной тарантелле с юными красотками. Несмотря на свой огромный рост и гороподобный вид, Клеменца танцевал с таким азартом и искусством, плотно прижимая дам к огромному животу, что зрители единодушно захлопали ему, а пожилые матроны стали протискиваться поближе и дергать за рукав, напрашиваясь в партнерши. Молодежь почтительно очистила им место и стала прихлопывать ладонями в такт стремительному перебору мандолины.

В конце концов танцор обессилел и рухнул на подставленный под него стул. Паоло Гатто сейчас же подал ему холодного черного вина и осушил пот со лба шефа собственным носовым платком.

Клеменца отдувался, как кит, выброшенный на сушу. Он осушил стакан с вином несколькими жадными глотками и буркнул Паоло вместо благодарности:

— Нечего тут слоняться. Про дело не забывай. Пройдись-ка вокруг да посмотри, все ли в порядке.

Паоло безмолвно скользнул в гущу гостей.

Когда музыканты прервались, чтобы промочить пересохшее горло, один из молодых гостей Нино Валенти подобрал брошенную без хозяина мандолину, водрузил левую ногу на стул и затянул непристойную сицилийскую любовную песню. Некогда красивое лицо Нино Валенти заметно обрюзгло от постоянного пьянства, да и сейчас он тоже был уже навеселе. Подкатив глаза, он старательно выпевал двусмысленности. Женщины повизгивали от восторга, а мужчины охотно подпевали хором последние строчки куплета.

Приверженец благопристойности дон Корлеоне, который, как всем было известно, не любил сальностей (хотя его толстушка-жена радостно подхихикивала вместе с остальными), дипломатично скрылся в недрах

дома. Воспользовавшись этим, Санни сейчас же подсел за стол новобрачных к Люси Манчини. Они были в безопасности, поскольку жена Санни в это время колдовала над свадебным пирогом, наводя последние штрихи на его кремовые бока. Санни пошептался с девушкой, и она выскользнула из-за стола. Для конспирации Санни выждал еще пару минут, а потом последовал за ней не спеша, небрежной походкой, то и дело останавливаясь, чтобы перекинуться словечком с гостями.

Лучшая подружка невесты за три года обучения в колледже достаточно американизировалась, чтобы заполучить репутацию видавшей виды девицы. Пока готовились к свадьбе, она позволяла Санни волочиться за собой, не считая отнюдь, что это может показаться предосудительным, ведь он был шафером, а она подружкой невесты, и в свадебной церемонии они становились партнерами. Сейчас, придерживая подол своего длинного розового платья, Люси вошла в дом, где, сразу же стерев с лица деланную улыбку святой невинности, бегом взлетела по лестнице в ванную комнату. Через несколько минут, когда она вышла, Санни уже поджидал ее на верхней площадке.

Из закрытого окна кабинета дона Корлеоне — изолированной угловой комнаты — за свадебным пиршеством наблюдал Томас Хейген. Вся стена за его спиной была сплошь уставлена полками с юридической литературой. Хейген был адвокатом при доне и временным советником в семействе Корлеоне, занимая таким образом во внутренней иерархии одно из самых почетных и важных мест. Немало гордиевых узлов распутали или разрубили они вместе с Вито Корлеоне, сидя в этом кабинете, и потому, хорошо зная дона, Хейген понял, когда тот направился к себе, что им предстоит сейчас заниматься делами отнюдь не праздничными. Хейген проводил глазами дона и проследил за интермедией, которую разыграли Санни и Люси Манчини на помосте для новобрачных.

От него не укрылось и то, что оба один за другим удалились в дом. Хейген недовольно поморщился, раздумывая, следует ли намекнуть на это дону, решил, что не следует, и пересел от окна к столу. Едва он взял в руки список с именами тех, кто получит сегодня аудиенцию у Крестного отца, как дон вошел в комнату. Хейген протянул ему список.

— Оставь Бонасеру напоследок, — кивнув задумчиво, сказал Вито Корлеоне.

Сквозь стеклянную дверь Хейген вышел прямо в сад, туда, где у бочонка с вином все еще переминались с ноги на ногу просители. Он сделал знак пекарю Назорини.

Дон Корлеоне встретил первого посетителя с распростертыми

объятиями. Их детство прошло вместе в Италии, где оба играли и росли. Их дружба была проверена временем. Из года в год на рождество Назорини присылал дону Корлеоне необъятные хлеба с хрустящей поджаристой корочкой, а на пасху и в дни семейных праздников — многоэтажные торты с кремом, монументальность которых свидетельствовала о безграничном уважении пекаря к другу детства. Каким бы ни выдался год, скудным или щедрым, Назорини неизменно отдавал свой взнос в профсоюз булочников, организованный Вито Корлеоне еще на заре его карьеры. При этом он никогда не одалживался у дона, не нуждался в его помощи, кроме единственного случая с талонами на сахар, которые ему удалось скупить в годы войны на черном рынке. Так что пекарь давно имел полное право предъявить старинному другу долг многолетних отношений, а дон Корлеоне заранее с удовольствием предвкушал возможность оказать ему любую услугу. Он угостил Назорини сигарой «Ди Нобион», налил янтарной настойки «Стрега» полный бокал и ободряюще потрепал по плечу. Дон знал по собственному опыту, как непросто бывает обращаться с просьбой.

Пекарь рассказал ему про свою дочь и про Энцо. Если рассудить, этот парень-военнопленный работал для блага Америки, во имя победы! А теперь, когда с войной покончено, беднягу репатриируют в Италию, разбив чистую любовь этого добропорядочного сицилийского юноши и сердце дочери Назорини. Вся надежда несчастных, привязанных друг к другу детей — только на Крестного отца, на дона Корлеоне.

Дон прохаживался по комнате рядом с Назорини, не снимая дружеской руки с его плеча, покачивая время от времени головой в знак полного понимания и одобрения. Когда пекарь закончил, он улыбнулся ему и сказал:

— Не стоит беспокоиться так, дружище.

И подробно изложил, что следует делать и в какой последовательности: сначала подать прошение конгрессмену их округа, потом тот внесет на рассмотрение конгресса проект закона, предоставляющего Энцо возможность получить гражданство. Потом конгресс его примет, это будет стоить денег, примерно две тысячи долларов. Но он, дон Корлеоне, гарантирует, что законопроект пройдет и все будет сделано, как надо, а деньги он вручит кому следует. Согласен ли его друг на такое предприятие?

Назорини решительно подтвердил. Он и не предполагал, что ему могут оказать услугу задаром, да еще какую — специальный законопроект конгресса! По дешевке его, конечно, не купишь. Пекарь чуть не разрыдался

от избытка чувств.

Дон Корлеоне проводил его до самых дверей и пообещал прислать специалистов, которые помогут оформить документы и все устроят. На прощанье они еще раз обнялись, и Назорини спустился в сад.

Хейген улыбнулся дону:

— Неплохое помещение капитала для Назорини: и помощник у печи, и зять. Всего-то за две тысячи. — Помолчав, он спросил: — А кому поручить это дело?

Дон Корлеоне задумчиво нахмурил лоб.

— Конгрессмену из сицилийцев не стоит. Поручи лучше еврею от соседнего округа. Измени домашний адрес Назорини. Сейчас, когда война кончилась, подобных дел будет, я думаю, немало. Похоже, нам понадобятся дополнительно свои люди в Вашингтоне, чтобы легче справляться и не допустить роста цен.

Хейген сделал пометку в блокноте: «К конгрессмену Лютеко не обращаться. Договориться с Фишером».

Следующий, кого Хейген привел в кабинет, был Энтони Компиола; с его отцом Вито Корлеоне работал когда-то на железнодорожных складах. Ему требовалось пятьсот долларов для уплаты залога под открытие новой закусочной со специальной плитой. Дело было совсем простым, и дон понимающе кивнул, не вслушиваясь в причины, из-за которых Энтони не хотелось прибегать к кредиту. Он вынул из кармана пачку банкнот, их не хватило, и дон, поморщившись, обратился к Хейгену:

— Одолжи-ка мне сотню до понедельника, Том.

И несмотря на протесты Энтони, утверждавшего, что может обойтись четырьмя сотнями, всучил ему всю просимую сумму со словами:

— Эта свадьба оставила меня без наличных…

Хейген наблюдал эту сцену с тихим восхищением. Дон умел проявлять щедрость. Энтони Компиоле не могло не польстить, что Крестный отец сам взял в долг, чтобы выручить его деньгами. Конечно, дон владел миллионами, но много ли найдется миллионеров, способных пойти на неудобства для себя, чтобы помочь другому?

Когда Вито Корлеоне вновь вопросительно поднял глаза на Хейгена, ожидая следующего визитера, тот предупредил:

— В списке нет Люки Брази, но он очень хотел бы повидать вас. Знает, что на людях это неудобно, хочет лично.

Впервые дон выразил неудовольствие, спросив:

— Без этого не обойтись?

Хейген пожал плечами:

— Вам виднее. Но он так благодарен приглашению на свадьбу, которого никак не ожидал, что жаждет выразить свою признательность.

Дон Корлеоне жестом показал, что готов принять Люку Брази.

Кей Адамс, разглядывая окружающих, выделила Люку Брази из числа прочих, поразившись свирепости его лица. Она спросила у Майкла, кто это. У Майкла была тайная цель постепенно и без лишних эмоций дать понять своей будущей жене, с какой яблоньки он упал. Пока Кей считала, по-видимому, что дон Корлеоне обычный бизнесмен, разве что не очень щепетильный в своих делах. Майкл, приоткрывая перед нею завесу над истиной, сказал про Люку Брази почти правду: страшнее его трудно найти среди преступников восточных штатов. Он убийца-одиночка, и потому практически всегда уходит от карающей десницы закона.

Сообщив это Кей, Майкл состроил гримасу и добавил:

— По правде говоря, я не знаю, какая доля истины есть в этих сплетнях. Точно я знаю только, что он в некотором роде друг моего отца.

Только сейчас Кей начала догадываться кое о чем. Она спросила Майкла с сомнением в голосе:

— Не хочешь ли ты сказать, что твой отец пользуется услугами этого типа?

«Черт бы побрал все!» — подумал Майкл и ответил прямо, чтобы расставить точки над «i»:

— Лет пятнадцать назад конкуренты по импорту масла чуть не убили отца, чтобы перехватить его дело. Пришлось прибегнуть к помощи Люки Брази. Я слышал, что за полмесяца он прикончил шестерых и тем положил конец знаменитой оливковой войне.

Майкл улыбался, будто все это было веселой шуткой, но Кей передернуло:

— В твоего отца действительно стреляли гангстеры?

— Пятнадцать лет назад. А с тех пор все тихо-мирно, — Майкл уже стал опасаться, что для нее это слишком.

— Ты просто хочешь запугать меня, — приняла шутку Кей. — Решил, что тогда я за тебя не пойду! — она подтолкнула его локтем. — Остроумный замысел, ничего не скажешь.

Майкл продолжал улыбаться:

— А ты все-таки поразмысли на досуге.

— Нет, он и правда убил шестерых? — спросила Кей.

— Во всяком случае, об этом писали в газетах, — подтвердил Майкл. — Но доказать-то невозможно. Я думаю, в прошлом у этого парня

тоже есть кое-что такое, о чем распространяться не стоит. Мне отец не рассказывал, но Том Хейген знает, хоть тоже не разговаривает на эту тему. Я как-то попробовал поддразнить его, мол, интересно, когда я буду достаточно взрослым, чтобы знать про Люку Брази. А он мне ответил: «Через сто лет». — Майкл отхлебнул вина. — Должно быть, его история так же безобразна, как сам Люка.

В самом деле, Люку Брази мог напугаться даже сатана. Достаточно было увидеть его, чтобы почувствовать опасность, Низкорослый, с бульдожьим широким лицом, он носил на себе каинову печать кошмара. Его темно-карие глаза казались мертвенными, в них не было тепла и света. Тонкие, словно резиновые, губы напоминали цветом сырое мясо.

Его репутация убийцы была не более легендарна, чем его преданность Крестному отцу. Люка Брази стал одним из тех краеугольных камней, на которых строилась мощь семейства дона Корлеоне. Второго Люку отыскать трудно, а может, и невозможно. Он не страшился ни полиции, ни бога, ни черта, ни общественного мнения. Но дон Корлеоне был тем единственным в мире существом, которого Люка любил и боялся, — по собственному выбору и по своей доброй воле. Представая перед очами дона Корлеоне, ужасный Люка Брази каменел от почтительности. Вот и сейчас, кое-как пробормотав слова поздравления и выразив надежду, что первенец будет наследником, он счастлив был уже тому, что мог преподнести дону свой подарок для новобрачных: пакет с банкнотами. Это было пределом его мечтаний.

Хейген отметил про себя перемену в поведении дона Корлеоне. С Люкой он вел себя, как государь, принимающий своего верного подданного — достойно, но без тени фамильярности. Каждым сказанным словом, каждым жестом дон подчеркивал, как здесь ценят Люку Брази, как дорожат им. Дон ни на минуту не засомневался, что подарок для новобрачных передан не в их, а в его руки. Он отнесся к этому с полным пониманием.

Денег в этом конверте наверняка было больше, чем в любом другом. Можно не сомневаться, что Люка Брази провел немало часов в мыслях о том, сколько преподнесут остальные и какую сумму надо подарить ему, чтобы показать, насколько выше его уважение к дону, как он предан ему. Поэтому Люка и стремился передать свой конверт вовсе не молодоженам, а лично хозяину, и дон спустил ему эту маленькую вольность, поблагодарив в самых изысканных и цветистых выражениях. Хейген с интересом наблюдал, как из-под свирепой оболочки проступает улыбка удовлетворения на страшном лице Люки Брази. Он поцеловал дону руку и

удалился в стеклянную дверь, открытую для него Хейгеном. Благоразумный советник дона вежливо улыбнулся жуткому визитеру на прощанье, и тот в ответ тоже скривил свои резиновые губы в некоем подобии улыбки.

Когда он ушел, дон Корлеоне облегченно вздохнул. Люка Брази был единственным человеком, в присутствии которого дон нервничал. Нельзя было быть полностью уверенным, что сумеешь обуздать эту дикую силу, с ним требовалось обращаться так же осторожно, как с динамитом. Вито Корлеоне передернуло. Но ведь в случае нужды динамит можно использовать целенаправленно…

— Один Бонасера остался? — спросил он Тома Хейгена.

Том кивнул. Дон Корлеоне подумал еще немного, сдвинув брови, потом сказал:

— Прежде, чем пустить его, позови мне Сантино. Пусть поучится малость.

Разыскивая Санни, Хейген обошел весь сад. По дороге он предупредил Бонасера, что терпеть осталось недолго. Добрался до угла, где сидел Майкл Корлеоне со своей девицей, и спросил, не видел ли он Санни. Майкл отрицательно покачал головой. «Только не хватало, — подумал Том, — чтобы все это время Санни провозился с подружкой невесты. Жди тогда неприятностей. Здесь и жена Санни, и родичи этой вертихвостки. Такое бедствие может начаться…» Он торопливо двинулся к двери, за которой полчаса назад исчез Санни.

— А это кто? — спросила Кей Майкла, глядя вслед Тому. — Ты назвал мне его братом, когда знакомил, но фамилия у него не ваша и на итальянца он совсем не похож.

— Том живет у нас с двенадцати лет. Остался без отца, без матери, болтался по улицам, трахому где-то прихватил. Его привел Санни как-то вечером, идти ему было некуда. Заночевал, а потом и вовсе остался у нас. Так и жил, пока не женился.

Кей Адамс оживилась.

— Как это романтично! — воскликнула она. — У твоего отца, должно быть, доброе сердце. Усыновить чужого мальчишку, когда в семье и так куча детей!

Майкл не стал вдаваться в тот факт, что для итальянской семьи четверо детей совсем не много. Он только уточнил:

— Тома не усыновили. Он просто жил с нами.

— Почему? — удивилась Кей.

Майкл усмехнулся.

— Просто мой отец считает, что это было бы непорядочно по отношению к родителям Тома. Ведь он бы сменил фамилию.

— О! — только и сказала Кей Адамс.

Они увидели, как Том с Санни прошли в стеклянную дверь кабинета, а потом, следуя приглашающему жесту Хейгена, в эту же дверь заторопился Америго Бонасера.

— Как они могут лезть к твоему отцу с делами в такой день? — возмутилась Кей.

Майкл рассмеялся:

— Да потому, что они знают обычай. Ни один сицилиец не может отказать в просьбе в день свадьбы дочери. И трудно найти дурака, который упустил бы подобный случай.

Когда Люси Манчини подобрала подол своего розового платья и взбежала по ступенькам, лицо Санни, разгоряченное выпитым вином, еще пугало ее. Но ведь она сама заманивала его всю прошлую неделю, вполне понимая, чем это должно кончиться. На счету у Люси уже было два любовных приключения, но радости они ей не дали, да и длились не больше недели каждое. Последний ее возлюбленный даже бросил ей упрек, что на нее не угодишь. Люси поняла это однозначно и до окончания колледжа уклонялась от любовных свиданий.

Но легенды о мужской стати Санни Корлеоне, которых она наслушалась этим летом, воспламенили ее воображение. Однажды, возясь на кухне в доме Корлеоне, где бурно готовились к свадьбе Конни, Люси услышала излияния самой Сандры, жены Сантино. Недалекая добродушная Сандра утверждала, что ставит свечку в церкви всякий раз, когда Санни находит себе подружку, потому что брачная постель с первой ночи пугает ее. Женщины захихикали, а Люси испытала прилив желания.

Сейчас, спеша навстречу Санни, она вся горела. На верхней площадке Санни схватил ее за руку и повлек в одну из ближайших спален. Ее ноги ослабели, едва за ними захлопнулась дверь.

Губы Санни, горькие от табака, нашли ее губы.

Их близость превзошла все ожидания. Это было невероятное, немыслимое наслаждение, от которого Люси чуть не рыдала в экстазе. Она была безмерно благодарна Санни за эту сладостную, ни с чем не сравнимую пытку и впервые в жизни достигла вершин блаженства.

Когда он отпустил ее, Люси в изнеможении прислонилась к нему и так они простояли, недвижимые, довольно долго, пока не услышали деликатный стук в дверь. Санни быстро привел себя в порядок, подперев одновременно дверь спиной, чтобы никто не вошел. Люси неверными

движениями расправила свое розовое платье. Глаза ее сияли.

— Ты здесь, Санни? — позвал из-за двери тихий голос Тома Хейгена.

Санни облегченно улыбнулся Люси:

— Да, Том. А в чем дело?

Так же тихо Том ответил:

— Дон зовет тебя к себе в кабинет. Прямо сейчас.

Звук его шагов удалился по коридору. Санни выждал немного, поцеловал Люси и выскользнул за дверь.

Люси медленно причесалась, поправила платье, одернула ленты на нем. Когда она вернулась в сад и заняла свое место рядом с Конни, та спросила обиженно:

— Ты где была, Люси? Похоже, тебя напоили за это время. Не бросай меня больше, ладно?

Ничего не говоря, Люси подставила свой бокал, и новобрачный налил ей до самого верха темного густого вина, понимающе улыбнувшись. Люси опрокинула бокал залпом. Ее колотил нервный озноб. Поверх края бокала она поискала глазами Санни Корлеоне. Никто другой на свете больше не существовал для нее. Наклонясь к самому уху невесты, Люси лукаво прошептала:

— Через пару часов ты сама все узнаешь.

Конни хихикнула.

Люси выпрямилась и, как школьница, аккуратно сложила руки на скатерти. Она выглядела так, будто похитила у новобрачной сокровище.

Америго Бонасера вошел в кабинет дона Корлеоне вслед за Хейгеном. Дон сидел за огромным письменным столом, Санни стоял у окна и смотрел в сад. Впервые за все утро дон держался прохладно, он не обнял гостя и не подал ему руки. Собственно, гробовщик и не получил бы приглашения, если бы его жена не ходила в подругах супруги Вито Корлеоне. Сам же Америго не вызывал у дона никаких симпатий.

Бонасера заговорил с присутствующими издалека, осторожно подбирая слова.

— Не сочтите за невежливость, что моя дочь, крестница вашей жены, не присутствует на свадебном торжестве. Не ее вина в этом, она все еще лежит в больнице, — он бросил смущенный взгляд на Санни и Тома Хейгена, ясно показывая, что предпочел бы говорить с доном наедине. Но Вито Корлеоне был безжалостен.

— Я в курсе несчастья, постигшего вашу дочь, — произнес он, — и готов помочь, если могу быть чем-то полезным. Все-таки моя жена приходится ей крестной матерью, и мы помним о чести, которую вы нам

оказали, — в этих бесстрастных словах заключался упрек. Ведь гробовщик никогда не именовал Корлеоне Крестным отцом, как полагалось.

Бонасера, помертвевший от напряжения, не принял упрека и заговорил прямо:

— Нельзя ли мне побеседовать с вами наедине?

Дон Корлеоне покачал головой:

— Я доверяю этим людям свою жизнь. Каждый из них для меня — как правая рука. Я не могу оскорбить их, удалив отсюда.

Гробовщик на секунду прикрыл глаза, потом опять заговорил голосом ровным и печальным, каким он обычно утешал родственников усопших в похоронной конторе:

— Я вырастил свою дочь здесь, в Америке. Я уважаю американский образ жизни. Эта страна дала мне возможность встать на ноги. Я не навязывал дочери собственных правил, но учил ее уважать честь семьи. Она нашла себе приятеля. Я смирился с тем, что он не итальянец. Она не познакомила его с нами, но я старался не мешать ей жить, принимал все как должное. Это было моей ошибкой, я сам во всем виноват. Два месяца назад он повез ее покататься. С ними был еще один парень, постарше, его приятель. Они напоили мою девочку и хотели надругаться над ней. Как звери. Она не далась, не утратила чести. Тогда они избили ее, изуродовали. Когда я увидел свою дочь в больнице, глаз не было видно, нос перебит, челюсть сломана. Ей наложили скобы на лицо. Она плакала, хотя ей было больно даже плакать, и все спрашивала: «За что, папочка? Почему они так обошлись со мной?» И я плакал тоже.

Слезы и теперь мешали говорить гробовщику Бонасере. Но голос его оставался ровным, монотонным.

— Почему я плакал? Она была десницей моих очей, ласковой и преданной дочерью. Она была милой и доверчивой, а теперь никогда уже не сможет верить людям. И никогда не будет красивой, — Бонасера с трудом сдерживался, землистое лицо его побагровело.

— Как это положено по закону, я обратился в полицию. Обоих арестовали, потом судили. Хотя суд признал их виновными, им дали по три года условно. Они ушли свободными прямо из зала суда. Я, как дурак, ждал справедливости, а эти подонки смеялись мне в лицо. И тогда я сказал жене: «Правосудия надо искать у дона Корлеоне».

Дон слушал, не поднимая головы из уважения к горю Бонасеры. Но когда он заговорил, в голосе зазвучал металл отчужденности:

— Почему же вы сначала обратились в полицию? Почему сразу не пришли ко мне?

Бонасера отозвался еле слышно:

— Что вы от меня хотите за это? Я на все готов, только сделайте то, о чем я прошу, — он все-таки сорвался на крик отчаяния.

— А о чем же вы просите? — уточнил дон Корлеоне сурово.

Бонасера опять бросил взгляд на Хейгена и Санни и замотал головой. Дон, не поднимаясь с места, наклонился к гробовщику и тот, помедлив, тоже наклонился вперед и припал губы к волосатому уху дона. Дон выслушал его бесстрастно, как исповедник в исповедальне. Это длилось довольно долго, пока Бонасера не перестал шептать и не выпрямился. Дон посмотрел на него снизу вверх сосредоточенно и строго. Бонасера покраснел, но встретил взгляд дона, не дрогнув.

— Так не делается, — сказал наконец дон Корлеоне, — вы хотите невозможного.

— Я заплачу, — отозвался немедленно Бонасера. — Скажите, сколько это стоит? — он говорил теперь громко и отчетливо.

Хейген, услышав, нервно дернулся, а Санни, который все еще стоял у окна скрестив руки на груди, впервые обернулся и взглянул на то, что происходит в комнате, улыбнувшись сардонически.

Дон Корлеоне встал из-за стола. На его лице ничего не отразилось, но металл в голосе окреп и заледенел.

— Мы не первый день знакомы, — сказал он гробовщику, — и даже не первый год, но до сих пор дело не доходило до просьб или советов. Я не припомню уже, когда в последний раз был приглашен на чашку кофе в ваш дом, хотя вашу единственную дочь крестила моя жена. Если откровенно, то моей дружбой вы просто пренебрегли. Или боялись оказаться у меня в долгу?

Бонасера сказал глухо:

— Я старался не иметь лишних неприятностей.

Дон жестом прервал его.

— Нет, дело не в том. Вам казалось, что Америка — рай, мирная обитель, где можно почивать на лаврах в свое удовольствие, тем более, если дела складываются успешно и доллары стекаются в карман. Поддерживать дружеские отношения было ни к чему, раз есть полиция, которая охраняет, суд, который бдит, и закон, стоящий на страже твоей безопасности. К чему тогда дон Корлеоне? Все верно. Меня это задевало, но не в моем характере предлагать свою дружбу тем, кто ее не ценит. — Дон сделал паузу и посмотрел на гробовщика с улыбкой, таящей насмешку. — А теперь настал час, когда вы вынуждены идти ко мне, чтобы восстановить попранную справедливость. Но и в вашей просьбе нет уважения. Вы пришли не с тем, чтобы предложить мне свою дружбу и просить о моей. Вы явились в мой дом в день свадьбы моей дочери с предложением совершить убийство, за которое, — тут голос дона дрогнул от негодования, — готовы заплатить. Интересно получается. Предположим, я даже не обижен, но все-таки хотелось бы знать, чем я дал повод для подобного неуважения?

Бонасера воскликнул, терзаясь страхом и мукой:

— Америка была добра ко мне, и я хотел быть ей добрым гражданином. Я хотел, чтобы моя дочь стала родной в этой стране.

Дон похлопал в ладоши, всем своим видом выражая горячее одобрение.

— Прекрасно сказано, Просто замечательно. Раз так, то и не о чем

горевать. Суд состоялся, правосудие свершилось. Теперь можете утешать свою дочку в больнице цветами и конфетами. А сами утешьтесь тем, что все не так уж страшно, ерунда. Ну, ребята молодые, головы горячие, выпили малость. Один из них к тому же сын видного политика. Нет, дорогой мой Америго, надо быть последовательным до конца. Я всегда считал, что вы человек порядочный, так что выкиньте из ума сумасшедшую идею отомстить. В Америке это не принято. Простите, забудьте. Мало ли что случается в жизни?

В словах дона ядовитая насмешка так густо была замешана на сдержанном гневе, что гробовщик задрожал каждым нервом, но все же заговорил мужественно:

— Я вас пришел просить о правосудии.

— Поздно. Правосудие уже совершилось на суде, — отрывисто сказал дон Корлеоне.

Бонасера упрямо замотал головой:

— Их суд — для тех мальчишек. Но не для меня.

Дон признал справедливость такого разграничения одобрительным кивком.

— А чего же хочешь ты? — спросил он.

— Око за око, — ответил Бонасера.

— Но просил ты большего. Твоя дочь жива.

— Тогда пусть они пострадают так же, как она, — согласился неохотно Бонасера.

Дон помолчал, ожидая продолжения речи гробовщика. Бонасера, собравшись с силами, спросил отчаянно:

— Сколько мне заплатить вам за это?

В ответ дон Корлеоне повернулся к нему спиной. Это был отказ. Больше разговаривать не о чем.

Бонасера не двинулся с места.

Тогда вздохнув и тем самым показывая, что по доброте сердечной не может сердиться долго, дон опять обернулся к Бонасере, бледному, как те покойники, с которыми он обычно имел дело. Теперь дон был почти ласков:

— Стоило ли бояться прийти ко мне со своей бедой в самом начале? Вы пошли в суд и ждали месяцы своей очереди. Вы потратили деньги на адвоката, который заранее знал, что будет не суд, а посмешище. Правосудие вершил судья, продажный, как последняя шлюха. Все эти годы в Америке за деньгами вы обращались в банк, которому платили непомерные проценты, и там стояли с протянутой рукой, будто нищий,

пока они удостоверятся в кредитоспособности.

Дон остановился на миг, голос его построжал:

— А ведь достаточно было прийти ко мне, я с радостью раскрыл бы для вас свой кошелек. Подонки, унизившие вашу дочь, давно умывались бы горючими слезами, если бы справедливость вершил я. Враги и недруги, если бы они у вас оказались, имели бы дело со мной и тогда, — дон взмахнул рукой, указуя на Бонасеру, — вы уж поверьте мне, они боялись бы вас.

Бонасера опустил голову и сказал сдавленным голосом:

— Прошу вас, будьте моим другом.

Дон Корлеоне положил руку ему на плечо.

— Да будет так. Справедливость восторжествует. Возможно, в свой час, если этот час вообще когда-нибудь настанет, я попрошу тебя об ответной услуге. Но пока считай, что мое правосудие — подарок от крестной матери вашей дочери, моей жены.

Когда за благодарным гробовщиком закрылась дверь, дон Корлеоне распорядился:

— Поручи это дело Клеменце, Том, да пусть направит туда надежных ребят, чтобы не сдурели от вида крови. Мы все-таки не убийцы, что бы ни думал о нас этот тупой могильщик.

Его первенец в это время продолжал любоваться сквозь окно на свадебное веселье. «Ничего не выйдет, — огорченно подумал дон, — Сантино не желает перенимать опыт, а значит, никогда не сможет стать во главе семейства стать доном. Надо уже сейчас подыскивать другого, и поскорее. В конце концов, никто ведь не вечен.»

Из сада сквозь окно донесся громкий восторженный шум. Все трое откликнулись на него, а Санни, прижавшись к стеклу, увидел нечто, заставившее его прыгнуть немедленно к двери, просияв:

— Джонни приехал! Он все-таки приехал на свадьбу, а что я вам говорил!

Хейген посмотрел в сад.

— В самом деле, ваш крестный сын, — сказал он дону. — Позвать сюда?

— Нет, — ответил Вито Корлеоне, — пусть пообщается с гостями. Сам придет ко мне, — дон улыбнулся Тому Хейгену. — Он хороший крестный сын.

Хейген почувствовал легкий укол ревности.

— Два года глаз не казал. Видать, что-то случилось и без вашей помощи не обойтись.

— К кому же ему идти, как не к крестному? — отозвался на это дон.

Копни Корлеоне первой увидела Джонни Фонтейна, входящего в сад. Забыв о приличиях, подобающих новобрачной, она завизжала:

— Джонни! — и бросилась к нему в объятия.

Джонни крепко обнял ее, расцеловал и, одной рукой прижав невесту к себе, другой стал по очереди здороваться с остальными. Здесь все были его старыми друзьями, он вырос рядом с ними на вест-сайдских улицах. Конни потащила знакомить его со своим мужем. Забавно было, что светловолосый герой дня казался явно раздосадованным появлением Джонни, будто тот задвинул его во второй ряд. Пришлось голливудской звезде пустить в ход все свое обаяние, пожимая руку молодому супругу и говоря здравицу в его честь.

С дощатой эстрады чей-то знакомый голос окликнул:

— А как насчет того, чтобы спеть нам, Джонни?

Джонни обернулся и увидел улыбающегося Нино Валенти. Он немедленно вспрыгнул на эстраду и обнял Нино. Когда-то они были неразлучны, но потом Джонни перебрался в Голливуд, а Нино остался. Поначалу он изредка звонил Нино, просто чтобы поболтать и даже обещал устроить для Нино выступление в тамошнем клубе, но дальше слов дело не пошло. Сейчас, увидев знакомую усмешку Нино, его хмельную и задорную физиономию, Джонни почувствовал, что по-прежнему привязан к другу.

Нино стал перебирать струны мандолины. Джонни Фонтейн оперся рукой об его плечо.

— Посвящается невесте! — провозгласил он и, отбивая такт ногой, завел лихие и соленые сицилийские куплеты. Нино сопровождал пение Джонни красноречивыми телодвижениями. Невеста покраснела, но была в восторге. Гости дружно притопывали и подпевали. Последнюю строку припева, довольно сомнительную по содержанию, вопили хором, оглушительно хохоча. А когда песня кончилась, гости, не переставая, бурно аплодировали, пока Джонни не откашлялся и не запел снова.

Здесь все гордились им. Он был одним из них, а стал знаменитостью, прославленным певцом, кинозвездой. Ему были доступны самые прекрасные в мире женщины. Но он, тем не менее, приехал за три тысячи миль, чтобы оказать свое уважение крестному отцу и присутствовать на свадьбе. Он не зазнался, а по-прежнему любил своих старых друзей, таких, как Нино Валенти. Все помнили, как Джонни распевал свои песенки вместе с Нино, но разве можно было предположить тогда, что пятьдесят миллионов женщин готовы будут отдать свои сердца исключительно Джонни?

По ходу мелодии Джонни спрыгнул с эстрады, подхватил невесту на руки, поставил ее на помост между собой и Нино. Оба певца обратились лицом друг к другу, Нино взял на мандолине несколько резких аккордов, и голоса скрестились, как на поединке. Это была их давняя игра, состязание на голосах, как на шпагах. Они выкрикивали слова песни поочередно, пока Джонни не позволил Нино перекрыть его знаменитый голос своим, потом любезно передал ему невесту из собственных рук, чтобы Нино победоносно допел последний куплет, в то время как голос Джонни постепенно угас в заключительных аккордах.

Под вопли восторга и бурю аплодисментов все трое на эстраде обнялись. Гости не хотели отпускать их — требовали новых песен.

Только дон Корлеоне, стоявший все это время у боковой двери, ощутил, что не все ладно. Он добродушно подал голос, стараясь своей репликой никого не задеть:

— Мой крестник оказал нам честь, приехав из такой дали, а никто не подумал предложить ему промочить горло?

В тот же миг множество полных бокалов было протянуто Джонни. Он отпил по глотку из каждого и поспешил к дону Корлеоне. Прижавшись к его щеке, Джонни что-то шепнул крестному отцу на ухо, и тот повел его в дом.

В кабинете их встретил Том Хейген, протянувший Джонни руку.

— Как поживаешь, Том? — холодновато спросил Джонни, отвечая на рукопожатие. Сейчас в его голосе не было теплой сердечности, которая придавала обычно ему ауру очарования. Хейгена слегка задела холодность Джонни, но ему было не привыкать. Сложные отношения с людьми были неизбежным следствием его роли советника при доне. За все приходится платить так или иначе.

— Когда я получил приглашение на свадьбу, — обратился Джонни Фонтейн к крестному отцу, — я сказал себе: все, на меня там больше не сердятся. Я ведь пять раз звонил вам после развода, но Том все время отговаривался, что вы заняты или вас нет. Ясно, что не хотите меня слышать. Я так и понял.

Дон Корлеоне разлил по бокалам «Стрега» из золотистой бутылки.

— Кто старое помянет… Теперь все забыто, Джонни. Не знаю только, пригожусь ли я тебе теперь, когда у тебя есть и деньги, и слава?

Джонни залпом выпил янтарную жгучую жидкость и протянул дону пустой бокал. Он старался говорить легко и беспечно:

— О чем вы говорите, крестный? Какие деньги, какая слава? Я качусь вниз. Вы были правы, не следовало мне оставлять жену и малышек ради

этой беспутной твари. Не зря вы рассердились на меня.

Дон пожал плечами:

— Просто я был обеспокоен. Ты ведь мой крестный сын.

Джонни нервно забегал по кабинету.

— Я совсем помешался от этой девки. Самая яркая звезда Голливуда, ангел, да и только. Но слов нет, что творит. Стоит гримеру хорошо разрисовать ее, она ложится с ним. Стоит оператору найти удачный ракурс для съемок, готова немедленно бежать с ним в уборную. И вообще спит с кем попало. Отдает себя так же легко, как я отдаю мелочь из кармана. Сатану ей в мужья, подлой шлюхе.

Дон Корлеоне прервал его:

— А как поживает твое семейство?

Джонни Фонтейн вздохнул:

— Я о них забочусь. С тех пор, как мы разошлись, я плачу Джинни и малышкам больше, чем положено по суду. Раз в неделю навещаю, иногда чаще. Я скучаю без них, иной раз до безумия, — он выпил второй бокал. — А Марго смеется надо мной. Она даже не понимает, отчего я ревную. Считает, что я устарел вместе с моими песнями и итальянскими страстями. Перед отъездом я отлупил ее, только лицо не тронул, а так синяков понаставил. А ей хоть бы хны, хохочет, и все.

Джонни закурил сигарету.

— Такие у меня дела, крестный, так что жизнь моя, похоже, не имеет никакого смысла.

Дон Корлеоне сказал без обиняков:

— Тут уж тебе никто помочь не в силах.

Помолчал, потом спросил:

— А что у тебя с голосом?

Стоило ему сказать это, как с любимца фортуны Джонни Фонтейна слетело последнее обаяние. До сих пор он иронизировал над собой, теперь просто сломался:

— Я не могу больше петь, крестный, что-то с горлом, а доктора не берутся лечить.

Хейген и дон Корлеоне посмотрели на Джонни пристально. Не тот он был человек, чтобы паниковать без причин.

— На двух фильмах, где я играл, сборы были огромные, — продолжал Джонни. — Я стал звездой первой величины. А теперь меня вышвырнули. С хозяином студии я с самого начала не поладил, так что он счастлив возможности посчитаться.

Дон Корлеоне встал перед крестником и спросил мрачно:

— Что же вы с ним не поделили?

— Ему не нравилось, что я пел на левых митингах. Вы тоже ругали меня за это, крестный. А Джек Уолес прозвал меня коммунистом, правда, ничего поделать не мог, никто ему не поверил. Потом я еще увел девчонку, которую он хотел прибрать к рукам. Случайно увел, на одну ночь всего, так получилось. Она сама повисла на мне, что же я мог поделать? Все беды до кучи. Эта развратная стерва Марго гонит меня из дому, Джинни и дети меня обратно не примут, разве что приползу на коленях. И вдобавок ко всему, я не могу больше петь. Что мне делать, крестный, что мне делать?

Лицо дона Корлеоне не выражало сочувствия. Он смотрел холодно и презрительно.

— Прежде всего, веди себя, как подобает мужчине, — сказал он, и черты исказились гневом. — Как подобает мужчине! — проревел он, Потом, перегнувшись через стол, со свирепой нежностью сгреб волосы Джонни в кулак и притянул к себе его голову: — Господи милосердный, да как же это вышло? Как, прожив столько лет со мной рядом, ты остался ничтожеством? Что это за потаскун голливудский, способный только лить слезы и взывать о помощи? Что за бабья истерика: «Что мне делать? Что мне делать?»

Это произошло так неожиданно, и Джонни был изображен так удивительно похоже, что Хейген и сам Джонни не могли удержаться от смеха. Дон Корлеоне с удовлетворением замолчал. С минуту он размышлял, глядя на любимого крестника, как бы среагировали его родные сыновья, задай он им подобную взбучку. Сантино, тот надулся бы и стал потом назло куролесить. Фредо всерьез испугался и забился в угол. А Майкл, скорее всего, ответил бы холодной улыбкой и надолго скрылся из дому. Нет, до чего все-таки славный малыш этот Джонни: и смеется искренне, и собрался уже с духом, вполне понимая крестного.

Дон Корлеоне заговорил опять:

— Мало того, что ты отбил у хозяина девчонку, так теперь жалуешься, что он не носит тебя на руках. Есть чему удивляться! Сам бросил семью и оставил детей без отца из-за потаскухи — и сам же плачешь, что никто не ждет тебя с распростертыми объятиями. Не ставишь своей девке синяк под глазом, потому что она, видите ли, снимается, а потом недоволен, что она хохочет над тобой. Ведешь себя, как дурак, вот и выходит все по-дурацки.

Дон сделал передышку и спросил:

— Но теперь-то ты послушаешься моего совета?

Джонни Фонтейн пожал плечами:

— Ведь я не смогу снова жениться на Джинни, крестный. Во всяком

случае, на ее условиях. Я же играю в карты, пью, встречаюсь с друзьями, да и бабы вешаются мне на шею, куда от них денешься? А потом, когда приходишь к Джинни, всегда чувствуешь себя последним подонком. Я просто не в силах опять выносить это.

Терпение дона Корлеоне, похоже, было на исходе, хотя он умел владеть собой.

— Кто тебя заставляет опять жениться? Это твое дело. Помогаешь растить детей — молодец. Тот, кто не умеет быть отцом, не может считаться настоящим мужчиной. Но в таком случае умей поставить себя так, чтобы их мать не возражала. Почему ты не можешь настоять на своем и жить с ними под одной крышей? Где сказано, что у тебя нет права строить свою жизнь по-своему?

Джонни Фонтейн усмехнулся:

— Как бы не так, крестный, прежних жен-итальянок теперь нет. Джинни не станет мириться с этим.

— Потому что ты вел себя, как сосунок, — поддразнил его дон. — Одной бабе платишь больше, чем положено, другой боишься разбить мордашку, раз она снимается в кино. Вот они и диктуют тебе, как жить на свете, хотя много ли женщины могут понимать в этом? Может, конечно, на том свете их ожидает рай, а нас — ад, только это ничего не меняет. Верховодить должны мы. Вообще-то я все годы присматривал за тобой, — теперь уже дон говорил вполне серьезно. — Ты был примерным сыном, я не могу упрекнуть тебя в неуважении. Но по отношению к прочим друзьям ты часто ненадежен. То с одним сблизишься, то с другим. Помнишь парнишку-итальянца, который тоже снимался, в комедийных ролях? Он на чем-то сорвался, и ты сразу же перестал поддерживать с ним отношения, потому что был в зените успеха. А твой закадычный друг Нино, с которым вы вместе бегали в школу и распевали когда-то? Я говорю о Нино. Он слишком много пьет, но никто не слышал от него жалоб, хотя в жизни ему не слишком повезло. Всю неделю ишачит шофером на грузовике, а на уик-энд подряжается петь за ничтожную плату. Разве ты не мог бы помочь ему, ведь он хорошо поет? И никогда не сказал о тебе дурного слова.

Джонни Фонтейн ответил с терпеливой покорностью:

— Он поет неплохо, но талант у него небольшой. Шоу он не потянет, крестный отец.

Тяжелые веки дона опустились так, что глаз совсем не стало видно:

— Так ведь и ты не тянешь, как выясняется, крестничек. Или и у тебя таланта маловато? Может, пристроить и тебя на грузовик к Нино?

Джонни промолчал, и дон добавил:

— Друзья превыше всего. Дружба важнее таланта. Главнее любого правительства. Она почти то же, что семья, не забывай этого. Если бы ты сумел построить вокруг себя прочную стену дружбы, тебе не пришлось бы прибегать к моей помощи. А теперь объясни толком, почему больше не можешь петь. Ведь сегодня в саду ты нормально пел. Не хуже, чем Нино.

Хейген и Джонни, оба, одинаково улыбнулись при этом язвительном уколе. Настала очередь Джонни растолковывать дону, что к чему.

— У меня слабеет гортань. Достаточно спеть две-три песни, чтобы на много часов, а то и дней, полностью лишиться голоса. Я не могу дотянуть до конца ни репетиции, ни записи на студиях. Голос садится, вероятно, это какая-то болезнь.

— Понятно, у тебя неприятности с женщинами и слабеет голос. Ладно, теперь расскажи-ка мне про своего выскочку из Голливуда, с которым вы не поладили.

Похоже было, что дон перешел от слов к делу.

— Он там крупная величина, — сказал Джонни, — у него своя студия и еще он помощник президента по военной пропаганде в кино. Месяц назад он закупил для экранизации новый бестселлер, а герой там как будто для меня создан. Мне бы даже входить в роль не пришлось, достаточно играть себя самого. И вполне вероятно, что это именно та роль, за которую я мог бы получить премию Академии. В общем, все знают, что роль для меня и я для роли, что я мог бы опять войти в верхний эшелон уже как актер, а не певец. Но Уолес не даст мне сняться в картине. Я предложил играть почти даром, за минимальный гонорар. Бесполезно! Он велел передать мне, что только если я при всех поцелую его в задницу, он подумает, стоит ли дать мне эту роль.

Движением головы дон отмел чересчур эмоциональный финал изложенной истории. Всегда можно найти разумный выход из деловых затруднений. Он потрепал крестника по плечу:

— Похоже, ты совсем сник. Считаешь, что никому до тебя нет дела, все бросили, а? Ты даже с лица спал, пьешь, что ли? Не спишь по ночам, пичкаешься снотворным? — дон явно не одобрял такой образ жизни. — Ты лучше поверь моему опыту, — продолжал он, — приведи себя в порядок. Поживи тут у нас, поешь, выспись как следует. Я всегда рад видеть тебя, да и ты в моем обществе, глядишь, научишься кое-чему полезному, что, может, и в прославленном Голливуде свою службу сослужит. Короче, ни пьянок, ни баб, ни песен. Через месяц вернешься на студию и, думаю, этот твой выскочка и крупная величина даст роль, о которой идет речь. Идет? Годится?

Хотя не было случая, чтобы Крестный отец что-либо пообещал и не сделал, Джонни Фонтейн мучительно сомневался на этот раз.

— Но этот тип личный друг Эдгара Гувера, — сказал Джонни. — С ним так просто не поладишь.

— Он ведь человек дела, — сказал дон уклончиво. — Значит, должен принять деловое предложение.

— Ничего не выйдет, — запричитал опять Джонни, — поздно. Все контракты уже подписаны, съемки через неделю.

Дон Корлеоне сказал:

— Иди-ка к гостям, они тебя заждались. Предоставь все мне, — и он мягко подтолкнул Джонни в сторону выхода.

Хейген подсел к столу со своим блокнотом.

Дон устало спросил:

— Что у нас еще на очереди?

— Нельзя больше тянуть с Солоццо. Надо повидаться с ним буквально на этой неделе, — Хейген смотрел в календарь, готовый пометить число.

Дон повел плечами.

— Свадьба прошла, теперь в любой день, когда удобно.

«Значит, Виргилию Солоццо будет отказано, — вывел Хейген из слов дона. — А поскольку дон медлил с ответом, дотягивая до свадьбы, это чревато неприятностями».

Хейген спросил осторожно:

— Может, пусть Клеменца пришлет на время в дом своих ребят?

Дон нетерпеливо отмахнулся:

— С какой стати? Я не давал ответа, чтобы свадебный праздник не омрачило ни одного облачка. К тому же следовало узнать, что он предлагает. Теперь ясно, он идет с дурным предложением. Это позорное дело.

— Вы откажете ему?

Дон кивнул утвердительно.

— А не стоит ли собрать семейный совет, прежде чем дать отказ? — спросил Хейген.

— Ты так думаешь? — спрятал усмешку дон. — Добро, можем обсудить вместе. Когда ты вернешься из Калифорнии, Том. Я хочу, чтобы ты завтра же вылетел туда и уладил дело Джонни. А Солоццо назначь встречу позднее. Есть что-нибудь еще?

Хейген сказал официально:

— Из больницы сообщили, что советник Аббандандо при смерти. Он не доживет до утра. Семейство предупреждено, они уже там.

Хейген весь последний год исполнял функции Дженко Аббандандо, поскольку рак приковал советника к больничной постели. Теперь дон должен был решить, останется ли этот высокий пост за ним навсегда, и решение это было нелегким, так как остальные в семье выступали резко против. На такой высокой ступени в семейной иерархической лестнице по традиции должен был находиться коренной итальянец. Даже временное назначение Хейгена вызвало легкое неодобрение. Тем более, что ему едва исполнилось тридцать пять, так что, по мнению большинства, он был и слишком молод для роли советника, не имея за плечами изворотливости и мудрости, присущих людям опытным.

Поэтому дон не стал торопиться с ответом, а спросил Хейгена:

— Когда отбывают новобрачные?

Хейген посмотрел на часы.

— Через несколько минут должны разрезать свадебный пирог. Значит, уедут примерно через полчаса, — тут он вспомнил о еще одном нерешенном вопросе:

— Ваш зять… Мы ему предоставим работу в семье?

— Никогда, — ответил дон с удивившей Тома Хейгена резкостью. И, стукнув ребром ладони по столу, повторил: — Никогда. Подберем ему что-нибудь сбоку, чтобы мог прокормиться. Но ни в коем случае не вводи его в семейные дела. И остальным передай — Санни, Фредо, Клеменце.

Оба помолчали.

— Скажи моим сыновьям, всем трем, что они поедут со мной в клинику попрощаться с бедным Дженко. Пусть отдадут советнику последний долг. Вели Фредо подать большой автомобиль и попроси Джонни от меня лично поехать вместе с нами. — Дон остановился, заметив вопросительный взгляд Хейгена. — А тебе придется сегодня же вечером выехать в Калифорнию, так что навестить Дженко ты не успеешь. Но не уезжай до моего возвращения из клиники, я еще поговорю с тобой. Понял?

— Понял. Во сколько Фредо должен подать автомобиль?

— Как только гости разъедутся. Дженко меня дождется.

— Да, еще звонил сенатор. Извинялся, что не смог поздравить лично, сказал, что вы поймете. Наверное, имел в виду этих ребят из ФБР. Но подарок он прислал с посыльным.

Дон кивнул. Он не стал объяснять Хейгену, что сам посоветовал сенатору не приезжать.

— Подарок-то хоть хороший?

На ирландском лице Хейгена появилось чисто итальянское выражение высшей похвалы:

— Старинное серебро, очень ценное. Если пустить на продажу — никак не меньше тысячи. Думаю, сенатор убил уйму времени, чтобы отыскать, что хотел. Для таких людей, как он, это важнее цены подарка.

Дон Корлеоне не стал скрывать удовольствия: уважение, оказанное сенатором, было ему приятно. Как и Люка Брази, сенатор был одной из глыб, подпирающих мощь семейства Корлеоне, одним из краеугольных камней в твердыне дона. Подобно Люке, своим подарком сенатор выражал верность и преданность.

Едва Джонни Фонтейн появился в саду, Кей Адамс признала его. И искренне удивилась.

— Ты не говорил мне, что Джонни Фонтейн вхож в вашу семью, — сказала она. — Ну, теперь-то уж точно я выйду за тебя замуж!

— Хочешь познакомиться с ним? — спросил Майкл.

— Не теперь, — вздохнула Кей. — Знаешь, я три года была влюблена в него, когда он пел в Капитолии. Специально приезжала смотреть и просто выходила из себя от восторга. Как шикарно он пел!

— Ладно, еще познакомишься, — сказал Майкл.

Когда Джонни допел вторую песню и вместе с доном Корлеоне скрылся в доме, Кей не без язвительности спросила Майкла:

— Неужто и у Джонни Фонтейна есть какая-то просьба к твоему отцу?

— Он крестный сын моего отца, — ответил Майкл. — И как знать, может быть, именно потому так высоко вознесся.

Кей Адамс рассмеялась от восторга:

— Очевидно, за этим кроется еще одна поразительная история?!

Майкл мотнул головой:

— Эта история не для посторонних ушей.

— О, Майкл, я не из болтливых. Доверься мне.

Он рассказал ей, хотя вовсе не считал эту историю ни забавной, ни заслуживающей гордости. Рассказал, ничего не комментируя, что лет восемь назад дон был более самолюбив, и все, что как-то касалось крестника, воспринималось им делом чести. А Джонни Фонтейн тогда добился первого шумного успеха, выступая с популярным оркестром. Его пригласили на радио, и Лесс Геллей — личность в музыкальных кругах широко известная — подписал с Джонни пятилетний контракт. Контракт был кабальный, со всеми начинающими так поступают обычно: Лесс Геллей прикарманивал львиную долю прибыли, эксплуатируя Джонни. Но тут в переговоры вступил сам Крестный отец. Он предложил Геллею за двадцать тысяч долларов расторгнуть контракт. Тот в ответ согласился увеличить долю Джонни до пятидесяти процентов. Дон Корлеоне

заинтересовался и сбавил предложенную сумму до десяти тысяч долларов. Руководитель оркестра, не привычный к такого рода сделкам, гордо отказался от предложения. Но на следующий день переговоры продолжились, теперь уже в присутствии Дженко Аббандандо и Люки Брази. В результате Лесс Геллей подписал документ, в котором полностью отказывался от всяких прав на заработки Джонни Фонтейна, получив возмещение за это в размере всего лишь десяти тысяч долларов. У дона Корлеоне оказались очень веские аргументы — пистолет, прижатый к виску, и обещание, что на документе будет либо подпись, либо мозги мистера Геллея.

Все остальное общеизвестно — Джонни Фонтейн стал вскоре величайшей сенсацией Америки. Две музыкальные картины с его участием принесли Голливуду неслыханные доходы. Пластинки с его песнями шли нарасхват и составили ему славу и состояние. Потом он развелся с женой, которую любил с детских лет, и оставил ее с двумя дочерьми, чтобы жениться на самой ослепительной блондинке Голливуда. Дальше все пошло под откос. Кинозвезда оказалась не женой, а публичной девкой, он начал пить и спускать деньги в игорных домах, остался почти без голоса. Пластинки расходились все хуже, студия не возобновила контракта. Настал час, когда пришлось вернуться к Крестному отцу.

— А ты уверен, что не ревнуешь своего отца? — спросила Кей задумчиво. — Судя по тому, что ты мне рассказал, он все время помогает людям. Для этого должно быть щедрое сердце, — она слабо улыбнулась. — Хотя, конечно, методы он выбирает своеобразные.

Майкл вздохнул.

— Со стороны виднее. Только вот в чем фокус: он делает добро про запас. Слышала, наверное, как полярные исследователи оставляют по дороге небольшие запасы провианта на всякий случай? Отец действует примерно по такому же принципу. Настанет день, когда он постучится в дверь своего должника, и им же легче, если они сразу пойдут ему навстречу.

К моменту, когда вынесли свадебный пирог, наступили сумерки. Пирог, испеченный собственноручно самим Назорини, был встречен восторженными криками. Он и впрямь представлял собой произведение кулинарного искусства, был так аппетитно украшен шоколадными раковинами с кремом, что новобрачная, прежде чем пуститься в свадебное путешествие со своим молодым супругом, жадно выхватила несколько штук и проглотила.

Дон учтиво выпроводил гостей, незаметно поторапливая их отъезд.

Черного «седана» с ребятами из ФБР на горизонте уже не было.

Наконец перед домом остался последний автомобиль, большой «кадиллак», за рулем которого сидел Фредо. Дон вышел из здания быстрой упругой походкой и сел на переднее сиденье. Санни, Майкл и Джонни Фонтейн поместились сзади. Дон через плечо уточнил у Майкла:

— А твоя девушка? Она сама доберется до города или о ней позаботятся?

— Том сказал, что доставит ее.

Дон удовлетворенно кивнул. Хейген предусмотрителен, как всегда.

Хотя война кончилась, талоны на бензин еще не отменили, и по всей Белт Паркэй вплоть до Манхеттена движения почти не было. Менее чем через час «кадиллак» въехал в переулок, где помещалась Французская больница. Дорогой дон расспрашивал младшего сына о его университетских занятиях. Майкл считал, что нет проблем, все в норме.

Санни спросил отца, перегнувшись с заднего сиденья:

— Ты взялся уладить дела Джонни в Голливуде? Не съездить ли мне самому размяться?

Дон Корлеоне ответил сдержанно:

— Туда сегодня вылетает Том. Надеюсь, помощь ему не понадобится. Там ничего сложного.

Санни засмеялся в ответ:

— А Джонни не думает, что это так уж просто. Он утверждает, что ничего вообще не выйдет, вот я и предложил свои услуги.

Дон Корлеоне обернулся назад:

— Ты сомневаешься во мне, Джонни? Разве я когда-нибудь обманул твои ожидания? Или у меня репутация трепача?

— Простите, крестный отец, — нервно сказал Джонни, — но этот человек действительно крупная фигура. С ним не договоришься по-хорошему, и деньги тут бессильны. У него повсюду связи, а лично меня он не переносит. Представить не могу, как его можно обработать.

Дон Корлеоне прервал его мягко и не без иронии:

— Не гони волну, получишь ты свою роль. Как ты думаешь, — обратился он к Майклу, — не подведем мы своего крестника?

Майкл ни на грамм не усомнился в отцовском обещании. Могущество отца было для него аксиомой.

По дороге к больничному подъезду дон Корлеоне придержал Майкла за руку и чуть-чуть отстал от остальных.

— Ты приезжай, поговорим, как университет окончишь, — сказал он сыну. — У меня кое-какие планы есть на твой счет.

Майкл промолчал. Дон буркнул, уже раздражаясь:

— Да что я, не знаю тебя, что ли? Не предложу того, что не по тебе, не волнуйся. Хочешь идти своей дорогой — иди, ты мужчина, в конце концов. Но учебу закончишь, явись, как подобает сыну.

Семейство Дженко Аббандандо, жена и трое дочерей, уже обрядившиеся в черное, сгрудилось в дальнем конце клетчатого от плитки коридора, будто стая упитанных ворон. Едва дон Корлеоне вышел из лифта, все четверо инстинктивно ринулись к нему под защиту. Мамаша в траурном одеянии выглядела величественно, пышные дочки Аббандандо смотрелись простушками. Мадам клюнула дона Корлеоне в щеку и всхлипнула:

— О, ты просто святой, раз приехал в день свадьбы дочери.

Но дон Корлеоне отмахнулся от благодарностей:

— Разве я не должен отдать дань уважения другу, который двадцать лет был моей правой рукой?

И тут он понял, что, несмотря на черное платье, без пяти минут вдова не отдает себе отчета в близкой кончине мужа. Дженко Аббандандо уже очень долго уходил из лап смерти, и жена за это время свыклась с его роковой болезнью и внесла ее в обыденный распорядок бытия. А сейчас настал кризис.

Она продолжала всхлипывать:

— Повидайся с ним, он все спрашивает о тебе. Бедняжка, ему хотелось съездить на свадьбу, чтобы выразить уважение, но доктор не разрешил. Когда мне сказали, что ты сам придешь повидаться с Дженко, я не поверила. Как это возможно в такой большой день! Ах, мужчины умеют ценить дружбу больше, чем мы, женщины. Иди, он будет рад тебе.

Из палаты Дженко вышли сиделка и врач. Доктор Кеннеди был молод, но имел вид человека, привыкшего распоряжаться или выросшего в большом достатке. Одна из дочерей обратилась к нему робко:

— А нельзя ли нам пройти к отцу?

В глазах у доктора заметалось отчаяние. Человек за дверью палаты умирал, и умирал в мучениях. Неужели не понятно, что надо дать ему умереть спокойно?

— Думаю, к нему могут войти только самые близкие, — извиняющимся тоном сказал доктор Кеннеди. Услышав это, к великому удивлению доктора, жена и дочери больного обернулись на пожилого невысокого итальянца в плохо сидящем смокинге, предоставляя решать ему.

— Дорогой доктор, — спросил тот с едва заметным акцентом, — час

действительно пробил?

— Увы! — ответил доктор Кеннеди.

— В таком случае вам больше нечего делать возле него, — сказал дон Корлеоне. — Наш черед принять на себя тяжесть этой ноши. Мы успокоим его и закроем ему глаза. Мы похороним его, и оплачем, и позаботимся о жене и дочерях.

Теперь, когда все сказано было с полной откровенностью, жена Аббандандо, наконец, поняла происходящее. И разрыдалась.

Доктор Кеннеди самоустранился. Людям такого рода все равно ничего не втолкуешь. Более того, он осознавал, что слова этого человека жестоки, но справедливы. Его миссия закончилась. Очень вежливо, он все же оставил за собой последнюю реплику:

— Еще пару минут обождите, пожалуйста. Сестра пригласит вас. Остались последние необходимые процедуры.

И быстрым шагом удалился вдоль по коридору. Полы его халата развевались на ходу.

Сестра вернулась к больному. Несколько минут спустя она приоткрыла дверь, жестом приглашая их войти, и сказала вполголоса:

— Он бредит от боли. Не надо его тревожить. Лучше всего, если все, кроме жены, сразу же покинут палату.

Выходя, она признала Джонни Фонтейна и глаза ее распахнулись ему навстречу. Джонни чуть улыбнулся ей и постарался запомнить, вдруг пригодится. Он прошел к умирающему вслед за остальными.

Поединок Дженко Аббандандо со смертью длился целую вечность, но теперь его силы были на исходе, и он чувствовал, как сдает последние рубежи, лежа на больничной постели с приподнятым изголовьем в полном изнеможении. От него остались кожа да кости, прежде роскошная черная шевелюра истаяла и рассыпалась на желтоватые жалкие пряди.

Дон Корлеоне сказал ободряюще:

— Дженко, дружище, посмотри, кто пришел со мной, — все мои сыновья и даже Джонни, залетная птичка из самого Голливуда.

Умирающий поднял на дона затуманенные лихорадкой глаза, в которых светилась благодарность. Молодые люди по очереди подержали его костлявые пальцы в своих. Жена и дочери сгрудились возле постели, всячески стараясь проявить нежность и заботу.

Дон, в свою очередь, взял руку старого товарища в свои ладони. Сказал как можно душевней:

— Давай-ка вставай поскорее да махнем на пару в Италию. Помнишь нашу деревню? Давно мы не играли с тобой в шары перед пиццерией, где

еще наши отцы и деды их катали, а?

Умирающий мотнул головой и жестом показал, чтобы все отошли от его постели. Его костлявые пальцы крепко вцепились в рукав Вито Корлеоне.

Он пытался что-то сказать. Дон пододвинул стул поближе, присел и склонился к постели. Дженко забормотал невнятно об их детстве… Потом угольно-черные глаза его прояснились. Дженко перешел на шепот, дон еще ниже склонился к нему. Окружающие не поверили своим глазам, увидев, что по щекам Крестного отца текут слезы.

Он молча покачал головой, прерывистый шепот стал громче и отчетливей. Собрав остатки сил, Дженко приподнял голову с подушки и, уставя в пространство невидящий взгляд, выставил костлявый указательный палец, тыча им в дона.

— Крестный отец, — мучительно выговаривал он, — спаси меня от смерти. Умоляю тебя, Крестный отец. Моя плоть отделяется от костей, и я чувствую, как черви грызут мой мозг. Вылечи меня, Крестный отец, ты ведь всесилен. Посмотри на слезы моей несчастной жены! Вспомни, в Корлеоне мы вместе росли и играли, так неужели ты дашь мне умереть одному, зная, что мне уготован ад?

Дон не нашел ответа. Аббандандо сказал, хватаясь за последнюю соломинку:

— Ведь ты не можешь отказать мне сегодня, в день свадьбы своей дочери.

Тогда дон заговорил спокойно и серьезно, стараясь пробиться сквозь горячечный бред к разуму умирающего друга.

— Старина, — сказал он, — тут я бессилен. Будь мне дана такая власть, я явил бы больше милосердия, чем Господь, поверь мне. Но смерти не надо бояться и в ад ты не попадешь. Каждое утро и каждый вечер будут возноситься молитвы к небесам за упокой твоей души. Твоя жена и твои дочери попросят за тебя Всевышнего, и разве решится Всевышний наказать адом твою душу, если со всех сторон к нему будут возноситься мольбы о прощении?

По лицу живого трупа скользнуло лукавое выражение и, скривив пересохшие губы циничной усмешкой, умирающий заключил:

— Значит, ты с Ним сговорился…

Дон ответил сдержанно, но строго:

— Не кощунствуй. Надо смириться, Дженко.

Аббандандо откинулся на подушки, свет надежды угасал в его взоре. Вернувшаяся в палату сестра настойчиво стала выпроваживать

посетителей. Дон поднялся, но Аббандандо удержал его:

— Останься со мной, Вито. Быть может, смерть, увидев тебя у моего одра, перепугается и удерет подальше. Или ты замолвишь перед нею за меня словечко, договоришься? — умирающий теперь явно подшучивал над доном. — Если разобраться, мы ведь с ней в кровном родстве, а? — он стиснул руку дона Корлеоне, испугавшись, что тот обидится и все-таки уйдет. — Побудь со мной, не отпускай моей руки. Вот увидишь, мы перехитрим старую негодяйку, как многих других. Не предавай меня в последний час, Крестный отец.

Дон сделал знак остальным, те скорбно вышли. Вито Корлеоне забрал в свои широкие ладони иссохшую руку Дженко Аббандандо. Тихо и ласково он стал приговаривать старому другу слова веры и утешения, и так они провели еще не один час и ожидании пришествия смерти, будто дон и вправду готов был встретиться лицом к лицу с главным врагом человеческого рода.

День свадьбы завершился для новобрачной весьма приятно, Карло Рицци исполнил свои супружеские обязанности с пылом и сноровкой, что в значительной степени подогревалось интересом к содержимому свадебного кошеля. В кошеле оказалось более чем на двадцать тысяч долларов подношений. Невеста, правда, гораздо охотнее распростилась с невинностью, чем с упомянутым кошелем, и борьба за обладание им завершилась синяком под глазом невесты.

Вернувшись домой, Люси Манчини дожидалась звонка Санни Корлеоне. Не дождавшись, решила позвонить сама, но и трубке послышался женский голос, и она дала отбой. Она не предполагала, как много людей на свадьбе заметили их свидание с Санни и что слух об этом уже расползается по друзьям и знакомым, судачащим о новой привязанности старшего из сыновей Корлеоне.

Америго Бонасера спал, и во сне его мучили кошмары. Ему явился дон Корлеоне в комбинезоне, кожаных перчатках и островерхой шляпе, сваливший у дверей его конторы гору трупов, изрешеченных пулями. Бонасера отчетливо слышал команду дона: «Запомни, Америго, никому ни слова! Все прощу, если похоронишь немедленно». Гробовщик громко застонал во сне. Проснувшаяся жена растолкала его:

— Боже! Даже после свадьбы тебе снятся кошмары.

Кей Адамс доставили в ее нью-йоркский отель Паоло Гатто и Питер Клеменца. Паоло непринужденно вел роскошный автомобиль, Кей всю дорогу поддерживала разговор с обоими, которые показались ей весьма оригинальными. Особенно ее удивило то, как попутчики уважительно

отзывались о Майкле. Ведь если верить ему самому, он чужд среде, окружавшей отца, тогда как, по словам Клеменцы, выражавшемся точь-в-точь будто кинематографический обитатель Бруклина, в семействе Майкла считают лучшим из сыновей и прочат ему в наследство родительское дело.

— Что же это за дело? — поинтересовалась Кей между прочим.

Паоло Гатто бросил на нее быстрый взгляд и резко крутанул руль.

— Разве Майкл не говорил вам? — самым естественным тоном отозвался с заднего сиденья Клеменца. — Дон Корлеоне все равно что император в поставках оливкового масла из Италии. А теперь, когда война закончилась, дело будет расширяться, импорт увеличится. Самое время включаться в бизнес такому грамотному парню, как Майкл.

В гостинице Клеменца прошел вместе с Кей прямо к столику портье. На ее протесты сказал только:

— Мне поручили доставить вас до места в целости и сохранности. Вот я и доставляю.

Кей получила ключ от номера. Клеменца проводил ее до лифта и выждал, пока тот остановился перед нею. Кей помахала на прощанье рукой и была приятно удивлена ответной искренней улыбкой. Правда, если бы она услышала вопрос, который задал Клеменца чуть позднее, ей стало бы куда менее приятно. Он спросил у портье:

— Под каким именем проживает здесь эта дама?

Портье молча холодновато посмотрел на Клеменцу. Клеменца тоже молча скатал в ладонях и бросил на конторку зеленый долларовый шарик, Портье ловко перехватил его и тотчас ответил:

— Зарегистрированы мистер Майкл Корлеоне с супругой.

В машине Паоло Гатто сказал:

— А она ничего, в норме.

Клеменца проворчал:

— Спит с Майклом. — «Если, конечно, они уже не женаты в самом деле», — добавил он про себя. А вслух сказал: — Заедешь за мной с утра пораньше. У Хейгена есть для нас что-то срочное.

Только поздней ночью в воскресенье Хейген, поцеловав на прощанье жену, выехал в аэропорт. Пришлось воспользоваться форменным удостоверением номер один — даром признательности обязанного ему штабного генерала из Пентагона, — чтобы попасть на ближайший рейс в Лос-Анджелес.

Прошедший день был не из легких, но он возвысил Хейгена. Дон Корлеоне, вернувшийся в три часа ночи из больницы после кончины

Дженко Аббандандо, официально назначил Тома Хейгена своим советником.

Помимо реальной власти это означало, что отныне Хейген очень богат.

Для него дон нарушил древнюю и почтенную традицию. Издавна повелось, что советником в Семье может быть только чистокровный сицилиец. То, что Том воспитывался в доме дона наравне с сыновьями, значения не имело. Дело касалось только крови. Должность советника была ключевой в иерархии любой семьи, и доверить ее можно было только сицилийцу, впитавшему с молоком матери знания законов круговой поруки и омерты — обета молчания.

Между главой Семьи — доном и рядовыми ее членами-исполнителями существовала как бы тройная прослойка, своего рода буфер, не допускающий, чтобы хоть самый малый след навел на вершину. На дона могли выйти лишь в одном случае — если предателем окажется советник. В воскресенье дон Корлеоне отдал распоряжение, как поступить с обидчиками дочери Америго Бонасеры, но он отдал эти распоряжения советнику наедине. Том Хейген, тоже наедине, передал эти распоряжения лично Клеменце. Клеменца, в свою очередь, приказал Паоло Гатто позаботиться об исполнении. Самому Паоло Гатто предстояло подобрать нужных людей и объяснить, что от них требуется. Ни его самого, ни его подручных вовсе не касалось, чем вызвано поручение и от кого оно исходит. Чтобы след привел к дону, все звенья цепи должны были оказаться ненадежными. Такого никогда не случалось, Если в цепи обнаруживалось слабое звено, от него немедленно избавлялись.

Кроме того, в ряде случаев советнику приходилось официально представлять Семью, выступать от имени дона. Он, как подсказывало само звание, был советником, правой рукой, мозговым центром Семьи. Поэтому предполагалось, что это самый верный друг и первый компаньон дона. Во время дальних поездок он сам садился за руль, на совещаниях брал на себя заботу о напитках, кофе, закуске и свежих сигарах для дона. Это был единственный человек на свете, которому по силам было бы свергнуть Хозяина, но ни один советник на свете никогда не предавал своего дона, во всяком случае, на памяти многих сицилийских поколений. Любой советник хорошо знал, что будет богат и уважаем, если сохранит верность своему дону. А случись с ним неприятность, о его детях и жене позаботятся по самому высокому счету.

Случались дела и более открытые, которыми советник занимался, чтобы не раскрываться самому дону. Как раз по одному из таких дел Хейген и летел сейчас в Калифорнию. Он отдавал себе отчет, что его дальнейшее положение в роли советника во многом зависит от успеха или провала нынешнего поручения. В принципе для Семьи не имело особого значения, получит Джонни Фонтейн вожделенную роль или нет. Куда серьезнее и значимее была предстоящая в следующую пятницу встреча с Виргилием Солоццо. Но Хейген понимал, что для дона оба дела одинаково важны, а всякий настоящий советник руководствовался прежде всего интересами дона.

От самолетной качки и внутреннего напряжения Хейгену стало не по себе, и чтобы успокоить нервы, он спросил у стюардессы рюмку мартини.

Перед отъездом дон вместе с Джонни подробно обрисовали ему

клиента, и то, что представлял из себя, по словам Джонни, Джек Уолес, не внушало радужных надежд. Между тем обещание, которое дон дал Джонни Фонтейну, должно быть выполнено, в этом не может быть никаких сомнений. Так что Хейгену надо было постараться войти в контакт с Уолесом и приступить к переговорам.

Откинув спинку самолетного кресла и вытянувшись, Хейген попытался сосредоточиться. Джек Уолес входил в число самых крупных продюсеров Голливуда, владел студией, с ним заключали контракты десятки известнейших кинозвезд. Как член консультационного совета по военной информации при президенте США, занимался созданием пропагандистских фильмов, или, иначе говоря, фильмов, прославляющих вооруженные силы. По чину ему доводилось бывать на обедах в Белом доме и принимать у себя в Голливуде Эдгара Гувера. Но дело было, конечно, не в этом, да и столь ли глубоки связи Джека Уолеса с верхами, если копнуть? Вряд ли он имел личное влияние в официальных политических кругах, хотя бы потому, что исповедывал крайне реакционные убеждения и к тому же обожал рекламировать собственную персону. А это, как известно, простейший способ приобретать себе врагов.

Хейген вздохнул про себя. Едва ли удастся найти общий язык с Джеком Уолесом. Он открыл портфель и хотел было заняться текущими делами, но почувствовал, что слишком устал. Нет, надо хоть ненадолго отвлечься. Том взял еще один мартини и стал предаваться размышлениям о собственной жизни. Сомнений в выборе пути он не испытывал, напротив, считал, что судьба благосклонна к нему. Чем бы он ни руководствовался десять лет назад, выбирая дорогу в жизни, выбор оказался удачным. Он преуспевал, он был счастлив настолько, насколько это реально для взрослого разумного человека, и жилось ему интересно.

Внешность у Тома была вполне заурядная для высокого сухощавого мужчины тридцати пяти лет от роду. Будучи юристом по образованию, своей основной профессией занимался очень редко, поскольку содержание его работы в семействе Корлеоне очень мало было связано с ввозом оливкового масла. Впрочем, три года юридической практики сразу после получения диплома он имел и законодательства знал в совершенстве.

С Санни Корлеоне Том Хейген сдружился, когда им обоим было по одиннадцать лет. Мать Тома к этому времени уже умерла, а еще раньше — ослепла. Отец, большой любитель выпить, после смерти матери спился окончательно. Всю жизнь он плотничал, трудно и честно работал и никогда не совершил ничего дурного. Но пьянство сгубило семью, а затем и его самого.

Том Хейген в прямом смысле остался в подворотне. Его младшую сестренку определили в приют, а затем передали на воспитание в другую семью. Подростками же, беспризорниками, норовившими удрать из-под опеки дам-благодетельниц, американское общество в двадцатых годах еще не очень интересовалось. Ко всему у Хейгена развивалась какая-то глазная болезнь, и соседи, помнившие о слепоте его покойной матери, были уверены, что болезнь эта заразная, а значит, надо держаться подальше от мальчишки. Том чувствовал себя прокаженным. Только Санни Корлеоне, еще не огрубевший в свои неполные двенадцать лет, пожалел друга и решительно потащил его к себе домой, где буквально потребовал, чтобы отец разрешил Тому остаться. Перед Томом немедленно поставили блюдо горячих спагетти с густой и жирной томатной заправкой. Вкус этой пищи Том Хейген запомнил на всю жизнь. Спать мальчика уложили на раскладушке, и самым естественным образом, не произнося громких слов и не выдвигая сложных проблем, Вито Корлеоне принял его в свою семью. Он самолично сводил Тома к окулисту, болезнь оказалась вполне излечимой. Парнишка окончил колледж, а затем и университет, последовав совету изучать право. При этом дон отнюдь не проявлял к приемышу отцовских чувств, подчеркивая, что считает себя только опекуном Тома Хейгена. Однако, как ни странно, он всегда считался с мнением Тома и старался не навязывать ему собственной воли. Том сам ловил каждое слово дона. Он и юридический факультет выбрал только потому, что слышал из уст дона: «Юрист с портфелем в руках куда большая сила, чем сотня вооруженных налетчиков».

В то же время Санни и Фредо, к немалому разочарованию отца, не пожелали продолжить образование, а настояли на участии в родительском бизнесе сразу после школы. Только Майкл поступил в университет, но сразу же после Перл-Харбора записался в армию добровольцем. Хейген же, получив адвокатский диплом, женился на юной итальянке из Нью-Джерси, тоже выпускнице университета, что было большой редкостью в иммигрантских семьях по тем временам. Само собой свадьбу справили в доме Корлеоне, и дон пообещал Хейгену поддержку в любом его начинании, которое тот счел бы для себя желательным: все — от обстановки адвокатской конторы и рекомендаций для клиентуры до основания собственного дела, если Том захочет самостоятельности.

В ответ Том Хейген почтительно склонился перед приемным отцом и сказал:

— Больше всего я хотел бы работать у вас, дон Корлеоне.

Дон был не только польщен, но и удивлен.

— Ты имеешь представление о моих делах? — спросил он.

Хейген кивнул утвердительно. Правда, тогда он еще не представлял себе ни размах дел, ни масштабы могущества дона. Если быть полностью откровенным, он не представлял себе этого еще целых десять лет, пока не принял на себя обязанности советника на время болезни Дженко Аббандандо. Но тогда он кивнул головой уверенно и твердо встретил испытующий взгляд дона Корлеоне.

— Я хотел бы быть так же полезен вам, как ваши сыновья.

Он подчеркнул, что признает над собой власть дона полностью и безоговорочно, как родительскую, как богом данную. И дон, со своей стороны, признал за Хейгеном такое право, он принял его желание как должное. Более того, повинуясь внутреннему голосу, дон впервые за время пребывания Тома в его доме обнаружил к нему отеческую привязанность: он быстро и тепло прижал молодого человека к груди. И с тех пор уже всегда обращался с ним как с родным сыном, лишь изредка повторяя ему или себе самому:

— Никогда не забывай своих родителей, Том.

А Том и так помнил их, и не мог избавиться от воспоминаний. Измученная слепотой и нескончаемой агонией мать в последнее время своей печальной жизни не только не могла воспитывать детей и дарить их любовью, но даже перестала делать вид, что заботится о них, Отца же своего Хейген просто возненавидел. Слепота, постигшая мать, так напугала Тома, что собственная глазная болезнь была воспринята им как кара небесная. Он принял грядущую слепоту с обреченностью теленка, гонимого на убой. После смерти отца Том решил, что теперь его черед, и молчаливо слонялся по улицам, ожидая конца. Жизнь загнала его в угол и не выпустила бы, не вмешайся в его судьбу в один прекрасный день Санни Корлеоне.

Дальнейшее было настоящим чудом.

Но из года в год Тома Хейгена по ночам преследовал постоянный кошмар. Ему снилось, что он слеп и бродит по дорогам, постукивая белой палочкой, а следом за ним ковыляют его слепенькие дети, тоже дробно постукивая маленькими палочками по камням мостовой, и все они просят у прохожих подаяния. Том просыпался в холодном поту, и только лицо дона Корлеоне, вызванное в его воображении памятью в тягостный миг полуяви-полусна, успокаивало своей реальностью. Том избавлялся от кошмара и вздыхал облегченно.

Дон настоял в свое время, чтобы Том полностью провел трехгодичную адвокатскую стажировку, и опыт, приобретенный за время частной

практики, действительно потом оказался незаменимым. Кроме того, у Тома Хейгена было время подумать и излечиться от последних сомнений, стоит ли связывать свою судьбу с Семьей. Года два еще он проходил выучку в крупной юридической фирме, специализирующейся на криминалистике, с которой у дона имелись некоторые связи. В уголовном праве Том обнаружил серьезные способности. Со всеми делами справлялся. четко и профессионально, и когда, наконец, смог полностью посвятить себя работе на Корлеоне, у дона ни разу не оказалось повода проявить неудовольствие действиями Тома.

Но в роли советника другие могущественные сицилийские семьи чужого признавать не желали. К семейству Корлеоне прилипла презрительная кличка «ирландская шайка». Это немало позабавило Хейгена, в очередной раз утвердив его в мысли, что преуспевать он может только под покровительством Вито Корлеоне. У него самого не могло быть никаких надежд встать во главе Семьи, сменив дона, но его притязания и не заходили так далеко. Даже в мыслях своих он не допускал подобных намерений, потому что это было равнозначно неуважению к благодетелю, к его кровному семейству.

Еще не рассвело, когда самолет приземлился в Лос-Анджелесе. Хейген поехал в отель, принял душ, побрился, заказал себе завтрак в номер. Потом передохнул, глядя из окна, как поднимается с горизонта заспанное солнце, и лениво листая утренние газеты. Встреча с Джеком Уолесом намечалась на десять утра, и согласился он на нее удивительно легко. Достаточно оказалось связаться накануне по телефону с профсоюзником Билли Гоффом и попросить намекнуть всемогущему кинопродюсеру, что если свидание не состоится, на студии вполне может произойти забастовка. Уже через час Билли Гофф сообщил: свидание состоится, но к намеку о возможной забастовке Уолес отнесся равнодушно. Гофф добавил, что хотел бы переговорить с доном, если дойдет до дела.

— Разумеется, если понадобится, дон переговорит с вами, — дипломатично сказал Хейген, избегая конкретных обещаний. Он знал, почему Гофф так охотно идет навстречу пожеланиям дона. Хотя территорией семейства Корлеоне считался Нью-Йорк, влияние дона выходило за установленные границы, тем более, что начинал он когда-то, опираясь на профсоюзы, и многие профсоюзные лидеры все еще были у него в неоплатном долгу.

Свидание, назначенное на десять утра, не предвещало серьезного разговора. Очевидно, этот Уолес счел Тома недостойным приглашения на ленч, определив его место первым в списке визитеров. Похоже, Гофф не

пригрозил Уолесу как следует — наверное, сам подкармливается из рук киномагната. «Жаль, что дон постоянно держится в тени — чужие не знают его имени», — подумал Том Хейген.

Его предположения подтвердились незамедлительно: Уолес добрых полчаса продержал его в своей приемной, где, впрочем, сидеть было приятно: шикарный интерьер с мягкой мебелью цвета сливы, и на уютном сливовом диванчике — невероятно красивая девочка, каких просто не бывает. У девочки волосы светились, как нимб над огромными, глубокими, словно море, синими глазами. Одетая почти как взрослая, просто и очень дорого, девочка поджимала малиновые свежие губки. Она находилась под надежной охраной дамы или, скорее, мегеры, которая всякий раз, когда встречала взгляд Хейгена, торопилась обдать его с головы до ног ледяным холодом высокомерия. «Ангел-ребенок и мамаша-дракон», — подумал Хейген, возвращая ей не менее холодный взгляд.

Наконец элегантная и пышнотелая секретарша пригласила его войти и провела через анфиладу кабинетов непосредственно к продюсеру. Убранство комнат и внешний вид служащих не могли не произвести впечатления, здесь все ласкало глаз. Хейген усмехнулся. Большинство из сидящих здесь готовы были на все, лишь бы пробиться на экран, и поступали служить сюда, чтобы быть на виду — вдруг кто-то из именитых обратит внимание. Чаще всего они так и кончали за конторскими столами, если, конечно, не возвращались к родным пенатам, смирившись с поражением.

Джек Уолес смотрелся могучим в превосходно сшитом костюме, скрадывающем круглое увесистое брюшко.

Хейген заранее изучил историю своего клиента. Десяти лет от роду он катал пивные бочки и таскал ящики в Ист-Сайде. В двадцать помогал отцу надувать рабочих-текстильщиков на фабрике. В тридцать смылся из Нью-Йорка на Запад и вложил свои деньги в кино. К сорока восьми достиг вершин в кинобизнесе, оставаясь при этом мужланом — истинный волк среди стада небесных овечек — кинозвездочек, крепкий на язык и всегда готовый к необузданным любовным утехам. К пятидесяти он резко заматерел. И сменил стиль: стал брать уроки ораторского искусства, у камердинера-англичанина перенял вкус к хорошей одежде, у англичанина-дворецкого — манеры светского поведения. Овдовев, он соединился вторым браком с актрисой, всемирно признанной, но давно утратившей вкус к своей профессии.

Сейчас, когда ему было шестьдесят, он входил в консультационный совет при президенте, слыл знатоком и ценителем искусства,

коллекционировал полотна старых мастеров и создал фонд своего имени для поощрения талантливых кинематографистов. Дочь он выдал за английского лорда, сына женил на итальянской графине. Но самой пламенной страстью Уолеса, его последней любовью, как писали все знающие корреспонденты, был теперь конный завод, скаковые конюшни, на которые только за прошлый год он спустил десять миллионов долларов. Последняя покупка киномагната произвела сенсацию — он уплатил шестьсот тысяч долларов за знаменитого английского жеребца по кличке Хартум и сообщил во всеуслышание, что отныне непревзойденный скакун не выйдет больше на беговую дорожку, а станет производителем исключительно для улучшения племени на конном заводе Уолеса.

Хейгена он принял любезно, сложив на своем чисто выбритом и холеном лице гримасу, изображающую улыбку. Несмотря на усилия дорогих косметологов и массажистов, возраст прочитывался на его грубоватом лице, испещренном крутыми морщинами. Но жесты и движения Уолеса были чрезвычайно энергичными. Как и дон Корлеоне, он чувствовал себя хозяином в своем мире и привык повелевать, не опасаясь непослушания.

Хейген не стал тратить слов попусту. Он сразу заговорил, что, будучи посланцем одного из влиятельных друзей Джона Фонтейна, просит мистера Уолеса оказать небольшую услугу, которая будет оплачена искренней благодарностью и преданной дружбой. От мистера Уолеса требуется только пригласить упомянутого Джонни Фонтейна на роль в новом фильме, который, как известно, должны запустить в производство на студии со дня на день.

Лицо продюсера, словно продубленное временем, не выражало ничего, кроме учтивости.

— В чем же будет заключаться благодарность вашего общем друга? — спросил он с чуть заметной ноткой снисходительности.

Хейген, не реагируя на это, объяснил предельно обстоятельно:

— Вполне вероятно, что у вас возникнут неприятности с профсоюзом работников кино. Мой друг гарантирует, что — сможет легко решить любой вопрос к вашему удовлетворению. Но это не все. Мы знаем, например, что один из самых перспективных ваших киноактеров, приносящих большой доход, наркоман, и недавно переключился с марихуаны на героин. У моего друга найдется способ лишить его героина. И в принципе, любое ваше затруднение будет улажено — достаточно только позвонить и сообщить о нем.

Уолес выслушал Хейгена, будто перед ним распинался хвастливый

пацан, а потом спросил резко, перейдя с языка светской беседы на корявый западный диалект:

— Зажать меня, что ли, вздумали?

Хейген ответил с той же прохладной вежливостью:

— Мы рассчитываем на любезность с вашей стороны, поэтому я счел своим долгом разъяснить, что вы не останетесь в убытке.

Лицо Уолеса побагровело, густые брови сошлись на переносице в одну прямую линию. Он перегнулся через стол к Хейгену и выговорил кривым ртом:

— Ну ладно, скользкий ты гад, послушай, что я скажу и передай своему хозяину, кем бы он ни был: Джонни Фонтейн никогда не получит роль в моем фильме. Плевал я на всех бандитских мафиози, которыми он прикрывается, — он откинулся на спинку кресла. — И еще кое-что имей в виду, приятель. Думаю, имя Джона Эдгара Гувера знакомо даже вам. — Уолес саркастически усмехнулся: — Так вот, у меня тоже есть друзья, и он в их числе. Стоит мне сказать ему, что вы меня достаете, вам, голубчикам, не поздоровится.

Хейген выслушал его с вниманием и терпением. От человека, достигшего его уровня, можно было ожидать большего. Как он при таком неразумном поведении умудряется возглавлять компанию и ворочать миллионами? Над этим стоило поразмыслить, тем более, что дон искал возможности расширения сфер вложения капитала. Если уж крупнейшие из владык киномира настолько тупы и неразвиты, дону нетрудно будет прибрать к рукам эту индустрию.

Угрозы не произвели на Хейгена никакого впечатления. Он учился искусству вести переговоры у самого дона Корлеоне. Дон преподал ему главные заповеди: «Никогда не выходи из себя. Никогда не угрожай. Людей надо убеждать». По-итальянски «убеждать» звучало как «заставить мыслить здраво», разбираться. Искусство дона заключалось в умении не слышать оскорблений и готовности подставить левую щеку, получив пощечину по правой, но добиться в конце концов своего. Хейгену случалось быть свидетелем переговоров, длившихся по восемь часов. Восемь часов подряд дон Корлеоне пытался образумить коллегу, возомнившего о себе и поднявшего излишний шум вокруг деятельности семейств. И только исчерпав все способы помочь человеку выбрать правильный образ существования, дон Корлеоне в отчаянии всплеснул руками и заключил:

— Нет, он не в состоянии разобраться ни в чем!

Матерый гангстер побледнел от этих слов, как институтка. Дона

поспешили вернуть за стол переговоров, и они завершились успешно. Но два месяца спустя гангстера кто-то застрелил, когда он брился в своей излюбленной парикмахерской.

Так что Хейген, дослушав, начал все сначала обычным вежливым тоном.

— Вот моя визитная карточка, — сказал он. — Я адвокат, и не стал бы нарушать законы, которые призван охранять. Разве вы услышали от меня хоть намек на угрозу? Я сказал только, что готов принять любые ваши условия, если Джонни Фонтейн получит роль в картине. На мой взгляд, мои предложения были достаточно крупными за одолжение, которое вам ничего не стоит оказать. Тем более, что отдать роль Джонни Фонтейну в ваших же интересах, ведь, по его словам, вы отлично знаете, он будет в ней, как влитой. Добавлю, что иначе мы и не стали бы вас беспокоить. Мой друг берется оплатить постановку картины, если в этом есть необходимость. Мне хотелось бы быть верно понятым. Мы не собираемся вас принуждать. Смею заверить, что мой шеф знает о вашей дружбе с мистером Гувером и относится к ней уважительно. Он вообще привык ценить дружеские отношения.

Уолес все это время раздраженно чиркал по бумаге красной ручкой в виде гусиного пера. При упоминании о финансовых возможностях дона он оторвал перо от бумаги и впервые выказал интерес:

— Фильм стоит пять миллионов, — произнес он назидательно.

Хейген тихо присвистнул, демонстрируя тем самым, что сумма впечатляющая. Потом сказал достаточно небрежно:

— У моего шефа достаточно друзей, готовых откликнуться на любое его начинание.

Впервые Уолес, кажется, начал осознавать серьезность разговора. Он покрутил в пальцах визитную карточку Хейгена:

— Имена всех крупных адвокатов Нью-Йорка мне знакомы. Вашего имени я не припомню. Кто ж вы такой, черт возьми?

— Я работаю в очень солидной фирме, — сухо ответил Том Хейген. — А этим делом занимаюсь по поручению друзей, — он встал. — Ну, не смею больше отнимать у вас время.

Они обменялись прощальным рукопожатием. Хейген повернулся к двери, потом еще раз оборотился к продюсеру:

— Полагаю, вы порой имеете дело с людьми незначительными, строящими из себя важных персон. Тут как раз все наоборот. Может, вам есть смысл навести справки обо мне? Если что, я буду в отеле, — он сделал паузу. — Возможно, это трудно себе представить, но кое в чем моему

шефу уступает даже сам мистер Гувер. — Глаза Уолеса сощурились, по-видимому, он начал осознавать. — Кстати, я искренний поклонник ваших картин, — добавил Хейген с неподдельным восхищением. — Желаю вам и впредь плодотворно работать на благо Америки.

В тот же день ближе к вечеру в номере Хейгена раздался телефонный звонок, и секретарша Уолеса сообщила о приглашении продюсера пообедать с ним в загородном доме. Машина заедет через час, сказала она, дорога долгая, но в автомобиле есть бар и выбор закусок. Хейген знал, что сам Уолес летает обычно на личном самолете. Отчего же ему предлагают другой маршрут?

— Мистер Уолес советует захватить вещи с собой, — прощебетала любезно секретарша, — вы сможете переночевать у него, а утром вас доставят в аэропорт.

— Я так и сделаю, — согласился Хейген. Значит, Уолес был в курсе того, что он собирался утром возвращаться в Нью-Йорк. Приставил частных детективов? Тогда, безусловно, он уже располагает необходимой информацией о доне Корлеоне, знает, что Хейген представляет Крестного отца и, надо думать, склонен отнестись к переговорам со всей серьезностью.

«Глядишь, еще не все потеряно, — подумал Хейген, — может, Уолес все-таки не так беспросветен, как казалось утром».

Загородный дам Джека Уолеса более всего напоминал роскошные декорации к очередному киносериалу. Это было огромное здание в стиле южан-плантаторов посреди огромного же парка. Гордость усадьбы составляли конюшни, рассчитанные на целый табун, к которым вела тропа для верховой езды, проложенная прямо по черноземе. Изгороди, клумбы и лужайки были ухожены не менее тщательно, чем прическа кинозвезды.

На застекленной веранде, где Уолес встретил Хейгена, прохладу и свежесть поддерживал кондиционер. Продюсер выглядел по-домашнему — в синей шелковой рубашке, горчичного цвета брюках и мягких кожаных сандалиях. Эта одежда богатой фактурой и сочными красками лучше оттеняла его лицо, больше подходила к нему. И вел себя продюсер сейчас куда дружественней. Он взял с подноса два бокала с мартини, один протянул Хейгену и дружески похлопал его по плечу:

— До обеда мы еще успеем пройтись немножко. Посмотрите на моих лошадок?

По пути он сказал:

— Я навел о вас справки, Том. Что ж вы темнили и не называли дона Корлеоне? Мог же Джонни просто нанять толкача и натравить его на меня.

А я не люблю, когда со мной блефуют. И зазря наживать лишних врагов тоже не в моих правилах. Ну да ладно, о делах поговорим потом. Не будем портить удовольствия.

К удивлению Тома, Уолес действительно оказался гостеприимным хозяином. Ему доставляло радость рассказывать гостю о методах и усовершенствованиях на своем конном заводе. Других таких конюшен в Америке не найдешь!

Конюшни содержались идеально. Выстроенные из огнеупорного кирпича, они поддерживались в немыслимой чистоте и охранялись тремя частными детективами. Напоследок Уолес подвел Хейгена к стойлу, над которым на огромной бронзовой таблице значилось коротко, но весомо имя коня: Хартум.

Жеребец не смотрел в их сторону. Его темно-карие глаза напоминали золотые яблоки. Вороная шкура лоснилась шелковистым черным блеском.

На широком смоляном лбу жеребца белела звездочка.

Даже Хейгену, не знающему толк в лошадях, Хартум показался прекрасным. Уолес по-мальчишески гордо оглядел любимца:

— Лучший скакун в мире! Я купил его в прошлом году в Англии за шестьсот штук. Готов спорить, что даже русские цари не платили столько за лошадь. Но на скачки он больше не пойдет, нет! Пусть разводит для меня потомков. Хочу получить племя, которому нет равных в Америке.

Он потрепал коня по шее, ласково приговаривая:

— Хартум, Хартум…

И жеребец отозвался на его голос звонким и нежным ржанием. Уолес сказал:

— Знаете, я прилично езжу верхом, а впервые сел в седло пятидесяти лет, — он засмеялся. — Если только с моей бабкой в России не пообщался какой-то казак и не передал мне страсть к коням по наследству. — Он пощекотал Хартуму брюхо и прибавил уважительно: — Вот ведь кого вознаграждает природа! Куда нам до них.

В доме, куда они вернулись, трое слуг под руководством дворецкого уже уставили столовым серебром парчовую золототканую скатерть. Но еда была приготовлена очень посредственно. Наверное, до гурманства Уолес еще не дорос.

Том Хейген выждал, пока не подали сигары, и только тогда спросил:

— Так как же с ролью для Джонни?

— Никак, — сказал Уолес. — При всем моем желании. Контракты подписаны, съемки начнутся на той неделе. Я не в силах что-либо изменить теперь.

— Мистер Уолес, у человека вашего положения есть одно преимущество: вы никому не подчиняетесь, а значит, соображения подобного рода теряют смысл. В вашей власти разорвать любые контракты и перерешить все по-своему, — он выпустил кольцо дыма и спросил Уолеса прямо: — Вы продолжаете сомневаться в возможностях моего хозяина?

Уолес сдержанно ответил:

— Я готов предположить, что профсоюзы устроят мне неприятности. Гофф звонил мне сегодня утром, и по его тону я сам бы не поверил, что этот подлец регулярно получает из моих рук сто тысяч персонально. Не трудно поверить, что вы способны лишить моего чокнутого актера-наркомана излюбленного им героина. Но все это мне не так уж важно, а финансировать свои картины я пока сам в состоянии. Беда в том, что я видеть не могу негодяя Джонни Фонтейна, и это как раз та единственная услуга, которую мне невыносимо оказывать вашему хозяину. Любую другую просьбу я выполнил бы с охотой и удовольствием. Все, что угодно, только не это.

«Черта ли было тащить меня в такую даль?» — выругался мысленно Хейген. — «Или это еще не все?»

Он сказал отстраненно:

— На мой взгляд, вы не вполне представляете себе ситуацию. Мистер Корлеоне — крестный отец Джонни Фонтейна, Это узы почти столь же прочные, как кровные, их освятила церковь, — Джек Уолес вежливо кивнул в знак понимания, Хейген продолжал: — Как шутят итальянцы, мир слишком суров, поэтому без второго отца не обойтись, Крестный заботится о своем сыне не меньше, чем родной. А у Джонни Фонтейна родного отца давно нет, так что дон Корлеоне испытывает всю меру ответственности за его судьбу. Что же касается любой другой услуги, это нереально, дон Корлеоне слишком щепетилен, чтобы вторично обратиться к человеку, однажды отказавшему в любезности.

Уолес пожал плечами.

— Весьма сожалею, и все-таки вынужден ответить отказом. Но мне бы хотелось воспользоваться вашим присутствием и узнать, во сколько мне станет профсоюзная затея с забастовкой? Я бы предпочел заплатить прямо сейчас, наличными.

Теперь стало понятно, с какой стати Уолес так долго возился с Томом, раз уж все равно решил не давать роль Джонни. Ответ оказался до обидного прост. Уолес, окруженный сетью политических связей, прямыми контактами с ФБР, пользующийся практически неограниченной властью в

киноиндустрии, чувствовал себя в безопасности — что ему дон Корлеоне? И любой непредвзято настроенный человек, даже сам Хейген, согласились бы с его оценкой вещей. Ну, понесет он какие-то потери в связи с забастовкой, что из этого? Он на эти потери заранее готов, а значит и вовсе неуязвим для дона Корлеоне.

Во всем безукоризненном уравнении, составленном Джеком Уолесом, имелась одна-единственная ошибка. Дон Корлеоне обещал своему крестнику, что тот получит роль, а дон ни разу, на памяти Хейгена, не нарушал своего слова. Тем более в такого рода делах.

Хейген спокойно заметил:

— Вы, очевидно, не хотите понять меня. Вы исходите из посылки, что я участник вымогательства, тогда как я предлагаю дружбу от имени дона Корлеоне. Мистер Корлеоне обещает посредничество в конфликте с профсоюзом исключительно в знак признательности, если вы окажете услугу ему. Вы содействуете нам, мы — вам, дружеский обмен любезностями, ни что иное. Мне кажется, вы совершаете ошибку, не принимая мои слова всерьез.

Уолес будто только ждал повода, чтобы оборвать разговор:

— Я прекрасно вас понял. Типичная мафия, все правильно: мягко стелет, да жестко спать. Сплошное оливковое масло и прочие штучки, а по существу — шантаж. Но будем откровенны. Джонни Фонтейну никогда не получить этой роли, хотя бы он словно рожден для нее и сразу попал бы в обойму самых великих. Потому что мне лично этот мерзкий пакостник противен, и я намерен вышвырнуть его из кино. И вот почему. Он мне угробил девчонку, на которую я делал самую большую ставку. Пять лет я хлопал сотни тысяч долларов, обучая ее пению, танцам, манерам. Из нее вышла бы звезда — да какая! Буду еще откровенней, дело не только в долларах и центах. Девчонка удивительно хороша собой, а от ее попки я просто обалдевал, хотя повидал на своем веку немало. Но тут объявился Джонни со своим чарующим голосом и итальянским обаянием, девчонка теряет голову, тем более, что голова у нее не самое главное. Но в моем возрасте, мистер Хейген, было бы излишней роскошью позволять кому-то выставлять себя на посмешище. Я должен посчитаться за это с Джонни Фонтейном, поймите меня правильно.

Тирада Уолеса, не оставляющая сомнений в искренности, буквально поразила Тома Хейгена. Казалось просто невероятным, как взрослый, состоятельный, деловой человек мог руководствоваться такими ничтожными соображениями, когда речь шла о делах, и совсем нешуточных. В мире Хейгена, как и в мире Корлеоне, менее всего могли

приниматься во внимание красота женщины или привязанность к ней. Кроме женитьбы, конечно, но тогда уже вступал в силу совсем иной фактор — семья.

Хейген решился на последнюю попытку.

— Признаю правоту вашего гнева, мистер Уолес, — сказал он. — Но стоит ли это принимать близко к сердцу? Нельзя ли забыть эту неприятность, столь ли она велика? Вы даже не представляете, как высоко оценил бы любезность с вашей стороны Крестный отец Джонни! Ведь мистер Корлеоне держал на руках малютку, когда его нарекали именем. Он принял обязанности родителя, когда умер родной отец Джонни. И не один Джонни Фонтейн уважительно именует дона Корлеоне Крестным отцом, этим званием множество людей выражают ему уважение и благодарность. Мистер Корлеоне никогда не оставляет друзей ни при каких обстоятельствах.

Уолес резким движением поднял свое крупное тело из кресла.

— Наш диалог, похоже, затянулся. Никакие головорезы не смеют ставить мне условий, здесь диктую только я. Если мне сейчас вздумается взять в руки телефонную трубку, вы проведете ночь за решеткой, уважаемый. И пусть только ваши мафиози рискнут сунуться ко мне, живо убедятся, что я не какой-нибудь эстрадник. Мне ведь доводилось слышать, как начинал карьеру ваш излюбленный Джонни. Имейте в виду, мистер Хейген, вашему хозяину не поздоровится. Если прижмете к стенке, я пущу в ход тяжелую артиллерию — свои связи в Белом доме.

«Ну и сам дурак, — подумал Хейген. — Как только угораздило пролезть в киномагнаты?»

Он по-настоящему огорчился. И это — советник президента, глава одной из крупнейших киностудий мира! Дону Корлеоне, определенно, есть смысл присмотреться к кинобизнесу. Этот идиот способен воспринимать слова только буквально, не ощущая подтекста.

— Благодарю вас за угощение. Было приятно познакомиться, — сказал Хейген невозмутимо. — Не окажете ли вы мне любезность, доставив в аэропорт немедленно? Было бы нежелательно оставаться здесь на ночь, тем более, что, — он выразительно посмотрел на Уолеса спокойными холодными глазами, — мистер Корлеоне предпочитает узнавать сразу о дурных новостях.

Ожидая машину под ярко залитой светом колоннадой, Хейген увидел две женские фигуры, усаживающиеся в длинный автомобиль, поданный прямо к подъезду. Он узнал их: девочка-ангел и мамаша-дракон, которые сидели с ним вместе в приемной Уолеса. Но прелестный свежий ротик

малышки теперь вспух и потерял очертания, глаза цвета морской волны помутнели, тонкие ножки подламывались, когда она, как сомнамбула, спускалась по лестнице. Мать, придерживая ее под руку, что-то повелительно шептала на ухо. В ее взоре светилось торжество хищницы, приблизившейся к цели. Дверца захлопнулась за ними, и автомобиль покатил.

Понятно, почему его не пригласили лететь сюда, — подытожил Хейген. — В самолете с Уолесом были мать и дочь. Уолес вполне успел до обеда заняться девочкой, пока Хейген добирался автомобилем. Ничего себе нравы! И к этому миру так стремится Джонни? Что ж, Бог в помощь, как говорится. И Уолесу тоже.

Паоло Гатто не терпел работать наспех, особенно если предстояло поучить клиента уму-разуму. Он любил продумывать план действий. То, что намечалось сегодня, нельзя было считать серьезной работой, но могло навлечь неприятности на исполнителей в случае любой ошибки.

Он пил пиво у стойки, держа в поле зрения сопливых щенков, пытавшихся склеить двух девок у бара. Все, что было возможно, он уже узнал об этих молокососах. Обоим — Джерри Вагнеру и Кэвину Мунану — было по двадцать: чистенькие, приличные сынки благополучных родителей. Через две недели они должны были отбыть в колледж после каникул, как сообщил Клеменца. То, что они были студентами, в сочетании с политическим влиянием отцов уберегало этих ребят от многих неприятностей. За грязную историю с дочкой Америго Бонасера оба схлопотали условный срок. «Шпана», — подумал Паоло Гатто. Пасутся здесь в надежде на легкую добычу.

Сам Паоло Гатто умудрился не попасть в полицейские досье с помощью врача-психиатра, организовавшего справку, что его подопечный, белый, двадцати шести лет от роду, прошел курс электрошоковой терапии в результате умственного расстройства. Такой справки было довольно, чтобы полиция не вязалась к нему. Паоло считал привилегию заслуженной, ее придумал для него сам Клеменца, когда Гатто вошел в семейный бизнес.

Именно Клеменца сообщил Паоло и об этом деле, которое следовало провернуть в срочном порядке, пока мальчишки не уехали в колледж. «Ну и на черта тогда устраивать это в Нью-Йорке?» — расстроился Гатто. Вечно Клеменца не даст сделать работу спокойно, без суеты. Если вдруг девки решатся составить компанию молокососам, вечер пропадет впустую.

Одна из девиц громко расхохоталась:

— Ты что, спятил, Джерри? Кто же теперь поедет с тобой? Так, чего

доброго, окажешься в больнице со сломанной челюстью вслед за несчастной девчонкой.

Услышав ее злорадный голос, Паоло Гатто допил свое пиво и вышел на улицу. Было совсем темно — уже перевалило за полночь. Лишь в одном баре неподалеку светились огни, остальные, как по заказу, уже закрылись. Великолепно! О дежурной патрульной службе Клеменца пообещал позаботиться, она появится лишь тогда, когда поступит условленный сигнал по радио, и торопиться не станут.

Гатто прислонился спиной к двери черного «седана-шевроле», стоящего у обочины. На заднем сиденье, почти невидимые в темноте, помещались двое дюжих ребят. Паоло предупредил:

— Сейчас выйдут. Берите сразу.

Его все еще тревожила неподготовленность, поспешность задания. У них имелись только моментальные полицейские снимки, выданные Клеменцей, и координаты заведения, где оба юнца торчали безвылазно, выпивая и привязываясь к девицам. Клеменца выдал и соответствующие инструкции: не доводить до крайностей.

Паоло подобрал из своих ребят парочку поздоровей, обрисовал им задачу. Главное, не бить по голове, чтобы избежать роковой случайности, в остальном же на собственное усмотрение. Но с одним условием. «Если эти сосунки выберутся из больницы раньше, чем через месяц, вам, ребята, придется вернуться на свои грузовики», — предупредил Гатто. Такая перспектива не показалась парням особенно привлекательной.

Они выбрались из машины. Оба имели профессиональный боксерский опыт, но выше маленьких спортклубов не поднялись и только подрабатывали время от времени на Санни Корлеоне, чем поддерживали приличное существование. Оба рады были на деле выразить благодарность.

Джерри Вагнер и Кэвин Мунан уже довольно сильно накачались, самолюбие их отказ девиц задел за живое. Поэтому они немедленно ощетинились, услышав реплику Паоло Гатто, которую он бросил им прямо в лицо, как перчатку:

— Этим казановам даже шлюхи крутят динамо.

Паоло Гатто выглядел подходящим объектом, чтобы сорвать зло: щуплый, как хорек, тщедушный, да еще и сам набивается. Юнцы с радостью и остервенением ринулись на него, и в тот же миг были схвачены за руки сзади. Паоло ловко и умело надел на правую руку сделанный по специальному заказу кастет с шипами. Кастетом он орудовал мастерски, не зря же еженедельно тренировался в спортзале, отрабатывая удары. Коротко

взмахнув рукой, он размозжил переносицу Вагнеру, тот покачнулся, но крепкие руки сзади удержали подопечного на ногах. Паоло опять точно выбросил руку, нацелив удар в пах Вагнеру. Теперь уж он свалился безжизненный, как мешок.

Все это заняло не больше пяти-шести секунд. Теперь настал черед Кэвина Мунана, тем более, что тот пытался поднять крик и пришлось, удерживая его одной рукой, второй придавить малость горло. Им занялись оба несостоявшихся боксера, в то время как Паоло Гатто уже вскочил в автомобиль и нажал на стартер. Мунана били смертным боем и делали это так старательно, будто в запасе имелась уйма времени. Удары сыпались не беспорядочно, а ритмично и тщательно, и по их звукам Паоло мог судить, что из Мунана делают отбивную котлету. Гатто в какой-то момент увидел лицо Мунана и не узнал его.

Наконец, оставив Мунана на тротуаре, ребята переключили усилия на зашевелившегося было Вагнера. Тот сделал попытку подняться и позвать на помощь. На его слабый крик кто-то выглянул из бара. Надо было поторапливаться. Вагнера сшибли с ног на колени, завернули руку за спину, и один из истязателей пнул ногой, как в мяч, в его позвоночник. Раздался громкий хруст, и жуткий вопль разбудил ночную тишину. В домах стали зажигаться огни, распахиваться окна. Двое действовали теперь очень быстро. Один держал голову парня, приподняв его от земли, другой бил умелым боксерским кулаком по неподвижной мишени.

Несколько человек выкатилось из бара, но никто не приближался и не делал попыток остановить избиение.

— Стоп! Рвем отсюда, — скомандовал Паоло Гатто.

Оба его помощника мгновенно вскочили в машину, и она исчезла в темноте улиц. Кто-нибудь, наверное, сможет описать полиции автомобиль или даже запомнит номер, но значения это не имело. Табличка с номером была краденая, сам номер — калифорнийский, а черных «седанов-шевроле» в Нью-Йорке не менее ста тысяч.

ГЛАВА 2

Утром в четверг Том Хейген был в своей адвокатской конторе. Предстояло привести в порядок материалы, необходимые для встречи с Солоццо в пятницу. Он считал эту встречу настолько значительной, что попросил дона уделить ему целый вечер на предварительное обсуждение предложения Виргилия Солоццо семейному клану Корлеоне. Следовало достичь ясности во всех деталях, включая незначительные.

Надо сказать, что дон ничуть не удивился, когда Хейген, возвратившись из Калифорнии, доложил о безуспешном окончании переговоров. Он только попросил Тома рассказать все очень подробно и брезгливо поморщился, услышав про юную красотку и ее хищную мамашу. «Позорники», — проворчал дон, что означало в его устах крайнюю степень неодобрения.

Выслушав все, дон спросил только:

— Он настоящий мужик?

Хейген призадумался, не торопясь с ответом, стараясь вникнуть в суть. За многие годы жизни и работы с доном Том Хейген убедился, что тот мыслит самостоятельно и часто совсем иными категориями, чем все прочие. И слова его часто имели дополнительный смысл. Настоящий ли мужчина Джек Уолес? Сильный ли у него характер? Или воля? В общем-то да, но дона, очевидно, интересует не это. Сможет ли продюсер не испугаться угроз? Пойдет ли на убытки, если разразится крупная забастовка, и на скандал, если разоблачить в кинозвезде отъявленного наркомана? Да, пожалуй. Но и это было не вполне все. Хейген вдруг понял, что занимает дона: сможет ли Джек Уолес рискнуть всем сразу, поставить на карту абсолютно все из чистого принципа, отстаивая честь или пылая местью.

Хейген улыбнулся. Он не часто позволял себе это в серьезных разговорах, но тут не удержался.

— Иначе говоря, сицилиец ли он? — переспросил он дона Корлеоне. И когда тот удовлетворенно кивнул, оценив остроту и ее лестный подтекст, Хейген решительно ответил:

— Нет.

Ответ был однозначным.

И решение дона тоже было вполне однозначным. Уже в среду к вечеру он выдал инструкции, и Хейген, в восторге от их простоты и

непредсказуемости, немедленно предпринял необходимые меры для выполнения. В том, что проблема таким образом будет решена, он ни минуты не сомневался: надо думать, утром Уолес лично сообщит о своей готовности отдать роль Джонни Фонтейну.

Утром телефон действительно зазвонил — но в трубке раздался дрожащий от волнения и благодарности голос гробовщика Бонасеры. Он почтительнейше просил Хейгена передать дону заверения в самой искренней дружбе. Если понадобится, Америго Бонасера не задумываясь отдаст жизнь за Крестного отца. До гробовой доски он будет возносить Богу молитвы, благословляя дона Корлеоне. Хейген заверил Бонасеру, что обязательно передаст его слова.

На первой полосе «Дейли Ньюс» красовалась жуткая фотография Джерри Вагнера и Кэвина Мунана на мостовой возле бара. Фотограф сработал профессионально, снимок свидетельствовал, что громилы Паоло Гатто задание выполнили на славу, от молодых людей осталось нечто бесформенное. Тем не менее оба были живы, хотя, как сообщала газета, им предстоит провести долгие месяцы на больничной койке и прибегнуть к пластической операции. Хейген пометил в блокноте, что Клеменца должен поощрить Гатто и его ребят.

Не менее трех часов ушло у Хейгена на подготовку подробного отчета о прибылях легальной компании, принадлежащей семейству Корлеоне и занимающейся торговлей недвижимостью, о результатах деятельности строительной фирмы и торговле оливковым маслом. Их оборот был не слишком впечатляющим, но стабильным, а в перспективе, поскольку война окончилась, все три обещали серьезный доход.

Увлекшись бухгалтерией, Хейген подзабыл про Джонни Фонтейна, но звонок из Калифорнии резко вернул его к голливудским делам. Снимая трубку, он испытывал не столько удовлетворение, сколько антипатию.

— Хейген слушает.

Он не сразу узнал голос продюсера, искаженный ненавистью и страданием;

— Вонючие подонки! — орал Джек Уолес. — Я засажу вашу банду в тюрьму на сто лет! Спущу все до последнего пенни, чтобы сгноить вас за решеткой. А вшивого мерзавца Джонни Фонтейна просто кастрирую, так и передай ему от моего имени, макаронник несчастный.

Хейген ответил ласково:

— По происхождению я ирландец.

Трубка замолчала, потом послышался щелчок — Уолес дал отбой. Хейген усмехнулся. Раз ни одного оскорбления не прозвучало в адрес дона,

значит, масштаб его гения был оценен.

Накануне Джек Уолес, как обычно, лег спать один на своей широченной постели, где при желании можно было улечься вдесятером. Спальня продюсера вполне подошла бы для съемок сцены какого-нибудь бала. Он не терпел никого рядом ночью с тех пор, как умерла первая жена, лет десять назад. Это отнюдь не значило, что с женщинами было покончено. Для своего возраста Уолес был полон сил, но желания в нем теперь возбуждали только очень юные девочки, и двух-трех часов возни с ними ему вполне хватало.

В этот четверг он пробудился неожиданно рано. Хрупкий утренний свет растворялся в огромных окнах спальни и клубился под высоким потолком, как туман над лугом. Далеко, в изножье необъятной своей постели, Уолес смутно разглядел странно знакомые очертания. Тяжело приподнявшись на локте, он некоторое время пытался понять, что это. По виду предмет напоминал лошадиную голову. Все еще в полусне продюсер повернулся и включил лампу на ночном столике.

То, что он увидел, сразило его, как физическая боль. Будто острое лезвие пронзило грудь, сердце стукнуло и остановилось на мгновенье, чтобы заколотиться опять неровными ударами в грудную клетку, вызывая приступ ужаса и тошноты. Его вырвало прямо на роскошный ковер, устилающий пол спальни.

Перед ним в луже уже запекшейся крови на краю постели стояла черная, со звездочкой во лбу, голова знаменитого Хартума, Из окровавленной шеи свисали белые сухожилия, Прекрасная морда была в пене, из огромных глаз исчезло золотое сияние и они подернулись тусклой мутью.

Ужас, охвативший Уолеса, был дикий, животный. Срывающимся голосом он стал созывать слуг, потом позвонил Хейгену, разразившись бессмысленными угрозами. Посмотрев на его состояние, дворецкий счел нужным вызвать врача, и, перестраховавшись, кроме семейного консультанта Уолесов, затребовал доктора, обслуживающего киностудию.

Но еще до их прибытия продюсер пришел в себя.

Удар, нанесенный ему, был страшным. У кого же смогла подняться рука на безвинного коня ценой в шестьсот тысяч долларов? Без какой бы то ни было попытки предупредить, найти компромиссный вариант, не доводить до крайности. Не поддающаяся логике жестокость жеста указывала на полное пренебрежение к человеческим законам, писанным и неписанным. Тот, кому пришло в голову совершить подобное, не считается, очевидно, ни с богами, ни с людьми, а живет по собственным

правилам и понятиям. И обладает неограниченной властью и изощренной изобретательностью. Содрогаясь, Уолес выяснил, что жеребца сначала напоили снотворным, а потом мучительно долго топором отделяли благородную голову от туловища. Служители конюшни и платные детективы, дежурившие в ту ночь, клялись и божились, что ничего не слыхали. Уолес дорого отдал бы, чтобы заставить говорить этих продажных тварей и выйти на след преступников, но сделать это было совсем непросто.

При всех своих недостатках Джек Уолес был все же далеко не глупым человеком. Его ошибка заключалась в переоценке собственных возможностей и пренебрежении к силам и уму дона Корлеоне. Предъявленные ему доказательства обратного говорили сами за себя. Теперь он все осознавал, не обольщаясь надеждами, что президент, к которому он вхож, или руководство ФБР, с которым он связан, уберегут его от малоизвестного импортера оливкового масла, вздумайся последнему убить его. И ведь убьет! Убьет, не засомневаясь, из-за дурацкой роли в военно-патриотическом фильме, которую размечтался сыграть ничтожный Джонни Фонтейн! Ну не чудовищен ли мир, в котором творится сплошная несправедливость? Не безумие ли жить и не быть уверенным в собственном праве поступать по усмотрению, распоряжаться своими деньгами, как заблагорассудится, командовать у себя на производстве? Это почище любого коммунизма. Такого просто нельзя допускать.

Уолес позволил доктору впихнуть в него очень мягкое успокоительное. Таблетка помогла расслабиться и унять нервный стресс.

Он попробовал здраво оценить ситуацию. Более всего пугала легкость, с какой неведомый Корлеоне погубил прославленного на весь мир драгоценного коня, шестьсот тысяч долларов — таков был первый шаг Корлеоне, первая ставка в их партии. Уолес мысленным взором окинул собственную жизнь. Ему всего удалось добиться: богатства, самых соблазнительных женщин, которые буквально стелились, только помани их контрактом. Он сиживал за одним столом с королями и королевами. Все, чем власть и деньги могли осчастливить, принадлежало Уолесу. И бросить все это теперь на карту из-за принципа? Из-за каприза? Нет, он еще не сошел с ума. Хорошо бы, конечно, добраться до этого Корлеоне! По какой статье, интересно, карается зверское убийство лошади?

Уолес дико расхохотался. Врачи и слуги переглянулись. Ему в голову пришла еще одна мысль: как будут потешаться над ним по всей Калифорнии, когда проведают о случившемся. Это доконало продюсера. Стать посмешищем и все время дрожать за свою жизнь? Опять же, имея

дело с подобными типами, ни за что нельзя ручаться. Убьют — не убьют? У них вполне может оказаться в запасе нечто страшнее смерти.

Уолес начал последовательно отдавать распоряжения, входя в рабочее состояние. Доктор и слуги были предупреждены, что если о происшедшем кто-нибудь узнает за пределами дома, они наживут в лице Уолеса вечного врага. Подготовили сообщение для прессы о смерти знаменитого рысака Хартума от болезни, подхваченной во время перевозки из Англии. Уолес распорядился схоронить останки коня прямо на территории усадьбы.

А еще шесть часов спустя Джонни Фонтейн получил по телефону приглашение от режиссера-постановщика на съемки картины, к которым приступали в следующий понедельник.

Вечером Хейген докладывал дону материалы к завтрашней деловой встрече с Виргилием Солоццо. Дон распорядился, чтобы при этом присутствовал и его старший сын. Санни явился, но выглядел измотанным и все время прихлебывал воду из стакана. «С невестиной подружкой переусердствовал», — подумал Хейген.

Дон Корлеоне в кресле пыхтел сигарой. Том всегда держал под рукой коробку «Де Нобион» для дона. Попробовал как-то угостить хозяина «гаваной», но тот заявил, что гаванские сигары дерут горло.

— У нас есть все, что требуется? — приступил к делу Вито Корлеоне.

Хейген раскрыл папку с материалами. Для постороннего глаза в этих бумагах не заключалось ничего особенного, так, кое-какие расчеты и заметки на полях.

— Солоццо собирается обратиться к нам за содействием, — сказал Хейген. — Он надеется получить от семейства Корлеоне примерно миллион долларов и защиту от властей. За это Солоццо гарантирует нам определенную долю в прибыли, но размер пока не установлен. Надо иметь в виду, что за спиной Солоццо стоит семейство Таталья, тоже входящее в долю. Солоццо занимается наркотиками, он связан с Турцией, где производится мак. Из Турции мак по морю доставляют в Сицилию, а уже оттуда, переработанным в героин, — сюда. Легально можно производить только морфий, но фабрика Солоццо по производству морфия в принципе является надежным прикрытием. Самое трудное — транспортировка наркотиков и Штаты и их реализация. И денег у Солоццо, видимо, не хватает для начала. Миллион долларов с ветки не снимешь.

Дон поморщился, он не любил лирических отступлений. Хейген заметил это и спохватился.

— Солоццо именуют Турком. Во-первых, потому что он долго жил в Турции и даже обзавелся там женой и детьми. Во-вторых, горяч, как турок,

и чуть что хватается за нож. Во всяком случае, таким он был в молодости. Но головы не теряет и действует всегда в интересах дела. Он не дурак и не привык попадать в зависимость. Имеет одну судимость в Италии и одну — в Америке. Власти знают его пристрастие к наркобизнесу. Нам это только на руку, поскольку при таком прошлом он не может рассчитывать на неприкосновенность. В Штатах у него тоже есть семья: жена американка и трое детей. По-видимому, он хороший семьянин. Если будет уверен, что о жене и детях позаботятся, вряд ли кто-то сумеет его разговорить даже под угрозой тюремного срока.

Дон Корлеоне выпустил дым и спросил сына:

— Что скажешь, Сантино?

Хейген представлял примерно позицию Санни. Тяжелая рука отца уже давно тяготила старшего Корлеоне, и он стремился найти собственное поле деятельности. Вроде того, о котором шла речь.

Санни промочил горло, прежде чем заговорить.

— В этом порошочке целые состояния, — сказал он. — Хотя риск не для слабонервных. Загремишь — так уж лет на двадцать. Но если в само дело не лезть, а только финансировать, почему бы и не заняться?

Хейген оценил ход Санни: самым верным было подчеркивать очевидное, выявляя возможные преимущества.

Дон Корлеоне опять попыхтел сигарой.

— Ну, а твое мнение, Том?

Хейген внутренне подобрался, считая своим долгом быть полностью откровенным. Он осознавал, что дон Корлеоне решил отказать Солоццо, но осознавал и то, что при этом не все последствия предусмотрены доном, а такое встречалось редко.

— Говори, говори, Том, — подбодрил его Вито Корлеоне. — Даже сицилиец на твоем месте может иметь собственное мнение.

Все трое рассмеялись.

— Мне кажется, предложение стоит принять, — сказал Хейген. — Это объективная необходимость. Наркотики более прибыльны, чем любой другой бизнес, и если мы уклонимся, найдутся другие, та же семья Таталья, например. При размахе доходов, которые принесет это дело, им нетрудно будет завести связи с полицией и с властями, а нам это совсем не на руку. Став сильнее в экономическом отношении, они могут посягнуть и на наши владения. Тут как с враждующими государствами: если одно начинает вооружаться, другому тоже приходится срочно хвататься за оружие. Сегодня наша опора в игорных домах и профсоюзах Но завтра наркотики выйдут на первое место. Отказавшись войти в долю, мы ставим под угрозу

свое благополучие, пусть не сразу, но в будущем — наверняка.

Казалось, речь Хейгена произвела впечатление на дона. Он запыхтел сигарой и проворчал:

— Это, конечно, самое важное.

Потом вздохнул и встал:

— Во сколько мы встречаемся завтра с этим нехристем?

— В десять утра, — ответил Хейген с надеждой в голосе. Может, дон все-таки решится?

— Будьте здесь оба, — сказал дон. Он выпрямился и тронул сына за плечо: — Сантино, отоспись хоть ночь. Ты черт знает на что похож. Пожалей себя, молодость не вечна.

Санни, ободренный отцовской лаской, задал вопрос, на который не отважился Хейген:

— Так что ты надумал, папа?

— А что я могу надумать, не имея цифр и других подробностей? — улыбнулся невесело дон Корлеоне. — Какой процент он предложит и вообще. Да и с вашими мнениями я еще не разобрался. Не в моем характере торопить события. Посмотрим.

Уже в дверях он небрежно сказал Тому:

— А есть в твоих бумагах информация о том, что перед войной Солоццо был сутенером? В точности, как сейчас семейство Таталья, которое эксплуатирует проституток. Ты запиши, пока не забыл…

Хейген вспыхнул, уловив насмешку. Он знал, конечно, об этом факте из биографии «Турка», но не стал упоминать, считая несущественным и опасаясь, как бы дон, щепетильный в подобных вещах, не сделал из сутенерства Солоццо далеко идущих выводов. Так и получилось в результате.

Смуглого и мускулистого Солоццо и впрямь можно было принять за турка. Жесткие черные волосы, выпуклые глаза и кривой семитский нос производили впечатление на окружающих странной гармонией. Держался Солоццо с суровым достоинством.

Санни Корлеоне встретил гостя у дверей и проводил в кабинет, где уже ждали дон с советником. «Опаснее его, пожалуй, один Люка Брази», — поймал себя на мысли Том Хейген.

Мужчины подчеркнуто вежливо обменялись рукопожатиями. «Если бы дон спросил о нем, настоящий ли это мужик, мне пришлось бы ответить утвердительно», — продолжал размышлять Хейген. Ни один из знакомых не излучал столько силы, даже сам Вито Корлеоне. Рядом с Солоццо дон

как-то проигрывал: выглядел простовато, приветствовал гостя чересчур по-крестьянски.

Солоццо сразу взял быка за рога. Он заговорил непосредственно о наркотиках. Дело уже поставлено на конвейер, с маковых плантаций в Турции ежегодно он получает товар. Имеется легальная, разрешенная властями фабрика во Франции, где из мака производится морфий. Есть надежно укрытое предприятие в Сицилии, перерабатывающее сырье в героин, В обеих странах дело поставлено сравнительно безопасно. Другое положение с ввозом в США. Как все они знают, ФБР на корню не купишь, так что ввоз товара в Штаты означает некоторый процент потерь. Но все равно игра сипит свеч, прибыль огромная. А риск минимальный.

— Тогда зачем вы пришли ко мне? — учтиво спросил дон. — За что мне такая честь?

Смуглое лицо Солоццо ничего не выражало.

— Мне требуются два миллиона наличными, — ответил он. — И, что не менее важно, мне нужен влиятельный друг, способный воздействовать на ряд должностных лиц в правительстве. Если кто-то из моих курьеров попадется с товаром, а это неизбежно, приговор суда может быть различным. Чистое прошлое сотрудников я гарантирую, но надо, чтобы кто-то мог гарантировать им минимальный срок, один-два года, не больше. Тогда ребята станут молчать. Под угрозой же десяти и даже двадцати лет тюремного заключения, кто знает, как может повернуться дело, и, спасая себя, кто-то может навлечь беду на всех сразу. Любой человек слаб. Покровительство закона в таких делах — условие необходимое. А про вас говорят, дон Корлеоне, что судей у вас в кармане не меньше, чем медяков в кармане чистильщика обуви.

Дон никак не отозвался на комплимент.

— Какой процент вы предлагаете моей семье? — спросил он Солоццо.

— Пятьдесят процентов, — сверкнул глазами «турок». Выждал и добавил почти ласково: — В первый год это выйдет три-четыре миллиона, потом больше.

— А сколько получит семейство Таталья?

Солоццо занервничал.

— Им достанется часть из моей половины. Я рассчитываю на их помощь в организационных моментах.

— Таким образом, — сказал дон Корлеоне, — я получаю пятьдесят процентов только за финансирование и поддержку со стороны властей. О самих операциях мне беспокоиться не нужно, я так понимаю?

Солоццо кивнул:

— Если, на ваш взгляд, финансирование в пределах двух миллионов подходит под определение «только», я вас поздравляю, дон Корлеоне.

Дон сказал очень миролюбиво:

— Я пошел на контакт с вами, уважая семейство Таталья и прослышав, что вы — человек серьезный. Но на ваше предложение мне приходится ответить «нет». И вот почему. Вы обещаете огромные доходы, но и риск очень велик. Участие в ваших операциях повредило бы другим моим предприятиям. Вы правы, что я поддерживаю контакты с многими лицами в правительственных кругах, но я не уверен, сохранятся ли эти контакты, если я займусь наркотиками вместо игорных домов. С их точки зрения азартные игры достаточно безобидны, выпивка и покер еще никому не повредили, тогда как к наркотикам отношение заведомо негативное. Нет-нет, я сейчас говорю не о своей, а об общей точке зрения, лично меня нисколько не занимает, каким способом зарабатываются деньги. Я только поясняю причину своего вынужденного отказа. Ваше предложение сопряжено с такой степенью опасности, какой я не вправе подвергнуть свое семейство. Вот уже более десяти лет нам живется спокойно. Если бросить на чаши весов корысть и благополучие, — благополучие, на мой взгляд, перевешивает.

Солоццо ничем не выразил своего недовольства, только быстро глянул в сторону Хейгена и Санни, словно надеясь, что они могут высказаться в его поддержку. Потом осторожно задал вопрос:

— А за свои два миллиона вы не тревожитесь?

Дон Корлеоне отозвался бесстрастно:

— Нет.

— Семья Таталья выдаст вам любые гарантии под эти деньги, — сделал еще одну попытку Солоццо.

В эту минуту Санни вдруг включился в диалог, совершив неисправимую ошибку. Он спросил с любопытством:

— Что, семейство Таталья готово обеспечить нам возвращение двух миллионов безо всяких процентов?

Хейгена бросило в дрожь от неожиданного вмешательства Санни. Дон Корлеоне посмотрел на старшего сына строго и предостерегающе. Острые глаза Солоццо вновь сверкнули в сторону Санни. Он выяснил, по в мощной крепости дона Корлеоне имеются бреши, и это обнадежило его.

Но в словах дона, когда он вновь заговорил, не было ничего, кроме вежливого отказа.

— Молодежь стремится объять все, а вести себя не умеет. Младшие смеют перебивать старших и вмешиваться в деловой разговор. С моими

детьми все понятно, я сам избаловал их. Как вы только что могли убедиться… Но мой отказ, синьор Солоццо — окончательный, хотя от себя лично я желаю вам всяческих успехов. Сожалею, что не оправдал ваших ожиданий. Надеюсь, мы станем работать рядом, не мешая друг другу.

Солоццо понял, что аудиенция окончилась, поклонился дону и пожал всем руки. Хейген проводил его до автомобиля. Когда он прощался с Томом, на смуглом лице ничего нельзя было прочитать.

— Что ты скажешь об этом человеке? — спросил дон у Хейгена после переговоров.

— Он сицилиец, — коротко ответил Том.

Дон Корлеоне задумчиво кивнул головой. Потом обернулся к сыну и сказал очень мягко:

— Сантино, никогда не позволяй посторонним читать твои мысли. Похоже, история с этой девчонкой плохо влияет на твои мозги. Кончай с ней и займись мужскими делами. А сейчас уйди с моих глаз.

По лицу Санни сначала прошло удивление, потом — возмущение, Хейген увидел, как пятна гнева проступили и погасли. Неужто он предполагал, что дон не знает о новой связи? Или не отдает себе отчета в серьезности допущенного сейчас промаха? Если так, то Хейген не хотел бы оставаться и советниках при доне Сантино Корлеоне.

Подождав, пока Санни выйдет из кабинета, дон устало опустился в кресло и знаком попросил что-нибудь выпить. Хейген налил анисовой ему в стакан.

Дон Корлеоне поднял на своего советника тяжелые глаза и сказал:

— Пригласи-ка мне Люку Брази.

Тремя месяцами позднее, когда Хейген разделывался с бумагами в своей городской конторе, надеясь выкроить время и успеть купить жене и детям рождественские подарки, его торопливые занятия прервал неожиданный звонок, Джонни Фонтейн в наилучшем расположении духа сообщил, что картина закончена, все рыдают от счастья. Он замечательно отработал, а сейчас шлет дону рождественский подарок — просто потрясающий. Сам бы привез, но остались доработки, и он должен еще некоторое время проторчать на побережье. Хейген слушал нетерпеливо, но старался не показать этого. Обаяние Джонни Фонтейна на него почему-то никогда не действовало. Все же он спросил с интересом:

— Что за подарок?

Джонни Фонтейн радостно захихикал в трубку:

— Не скажу, рождественский подарок должен быть сюрпризом. А то какой смысл?

Хейген окончательно утратил интерес к разговору.

Минут десять спустя после того, как он повесил трубку, секретарша сообщила, что на проводе Конни. Хейген вздохнул. Девушкой Конни была очень мила, но став замужней дамой, превратилась в сущее наказание. Она не переставала жаловаться на мужа и раз в два-три дня обязательно являлась к родителям с твердым намерением никогда больше не возвращаться в супружеский дом. Ее Карло Рицци совершенно ни на что не годился. Специально для него устроили небольшое, но вполне прибыльное заведение, которое он развалил в четверть часа. Он оказался способен только на то, чтобы пьянствовать, таскаться по публичным домам и поколачивать супругу. Конни скрывала это от родителей, но охотно изливала душу Хейгену.

«Что у нее там опять стряслось?» — подумал Хейген, берясь за трубку, Но, по счастью, в предвкушении Рождества Конни хотела только посоветоваться с ним о подарке, достойном отца. А также о подарках, которые она собиралась приобрести для Санни, Фредо и Майкла. Хейген высказал несколько предположений, Конни нашла их нелепыми и, наконец, оставила его в покое.

Не прошло и двух минут, как телефон зазвенел снова. Хейген в сердцах скомкал ненужный листок и швырнул в корзину. Все. Он уходит. Этому не будет конца. Мысль о том, что можно просто не отвечать на звонки, не приходила ему в голову. Но когда секретарша сообщила, что звонит Майкл Корлеоне, Хейген взял трубку с радостью.

Майкл был симпатичен ему.

— Привет, Том, — сказал Майкл Корлеоне. — Я завтра думаю быть в городе. Хочу приехать с Кей и поговорить со стариком до Рождества. Он будет дома завтра?

— Наверняка, — подтвердил Том. — На Рождество он никуда не отлучится. Тебе что-нибудь нужно помочь?

По немногословности и сдержанности Майкл мог вполне соперничать с доном.

— Нет, — сказал он. — Увидимся на Рождество. Все ведь соберутся на Лонг-Бич?

— Да, конечно, — ответил Хейген, и Майкл, не тратя лишних слов, повесил трубку. Вот уж не из болтливых!

Хейген попросил секретаршу передать жене, что немного задержится, но к ужину будет и, выйдя из конторы, направился в сторону универмага. Кто-то загородил ему путь. К удивлению Хейгена, это оказался Солоццо.

— Не пугайтесь, у меня к вам разговор, — негромко сказал Солоццо,

придерживая Хейгена за руку, В автомобиле, стоящем рядом у обочины, разом распахнулись дверцы. Солоццо повторил настойчиво:

— Садитесь в машину, поговорим.

Хейген вырвал руку. Он все еще не испугался, только был раздражен.

— Мне некогда, — попытался отмахнуться он от Солоццо. Но тут за его спиной словно выросли двое, и Хейген почувствовал внезапную слабость в ногах. Солоццо сказал подчеркнуто доброжелательно:

— Садитесь в машину. Если бы мы собирались убить вас, вы были бы уже на небе. Доверьтесь мне.

Не испытывая ни тени доверия, Хейген сел в автомобиль.

Майкл Корлеоне обманул Хейгена — он звонил из Нью-Йорка, из своего номера в отеле «Пенсильвания» менее чем в десяти кварталах от конторы Тома. Когда он повесил трубку, Кей Адамс вынула сигарету изо рта и сказала:

— Ты неисправимый врунишка, Майкл!

Майкл присел к ней на постель.

— Только для тебя, дорогуша. Если моя семейка узнает, что я в городе, обид не оберешься. Тогда уж нам с тобой ни пообедать вдвоем, ни сходить в театр. Не говоря уж о том, чтобы лечь вместе. В родительском доме это абсолютно исключено, раз мы не женаты. — Он нежно обнял ее и прижался к губам. Губы Кей были упругими и теплыми. Она прикрыла глаза. «Какое счастье, — подумал Майкл, — просто невероятно». Многие годы, сражаясь на Тихом океане, пройдя сквозь грязь и смерть, он представлял себе девушку, подобную Кей, прекрасную, хрупкую, с молочно-белой кожей. Ее страсть была подобна электричеству. Они могли не вставать до самого обеда, но не уставали друг от друга.

Проходя по дороге в театр мимо ярко освещенных праздничных витрин, Майкл спросил Кей:

— Что ты хотела бы в подарок на Рождество?

Кей вся подалась навстречу ему:

— Только тебя. Правда, боюсь, отец не одобрит твой выбор.

— Не в том штука, — поддержал скользкую тему Майкл. — Как вот переживут твое замужество у вас в семье?

Кей пожала плечами:

— Мне это без разницы.

— Я уж стал подумывать, не сменить ли мне фамилию, — продолжал Майкл, поглядывая на нее. — Но ведь в случае чего все равно опознают. Ты уверена, что хочешь стать мадам Корлеоне? — шутливо спросил он.

— Да! — ответила Кей решительно и снова прижалась к нему.

Они задумали пожениться в рождественскую неделю. Без лишнего шума зарегистрироваться в Сити Холле, позвать двух друзей в свидетели — и все. Никакого церковного обряда.

На том, чтобы заранее сообщить дону Корлеоне, настоял Майкл. Он знал, что отец не будет против, если не таиться от него. Кей отнеслась к этому с сомнением. Во всяком случае, своих она не стала извещать до свадьбы.

— Решат, разумеется, что я в положении, — сказала она.

— Да и мои тоже, — усмехнулся Майкл.

О том, что, женившись на Кей, Майкл порывает с семейством, оба умалчивали. Собственно, он уже и раньше отдалился от родных, но оба испытывали некоторые угрызения совести. В их планы входило закончить учебу в университете, а в уик-энды и каникулы предаваться любви. Роскошная жизнь!

Мюзикл, на который они попали, назывался «Карусель» — сентиментальная и смешная история о мелком жулике с большими амбициями. Она рассмешила их, и, выходя из театра, Кей, спрятавшаяся от вечерней прохлады под пиджаком Майкла, спросила:

— Ты тоже станешь колотить меня, когда мы поженимся, а потом обещать мне в подарок звезды с неба?

— Я собираюсь стать преподавателем математики, — рассмеялся на это Майкл. Потом спросил: — А не пора ли нам перекусить перед сном?

Кей была сыта любовью. Ее готовность забыть обо всем на свете восхищала Майкла. Но сам он проголодался и прежде, чем подняться к себе, заказал сэндвичи в номер.

— Купи газеты, — попросил он Кей, — пока я возьму ключ.

Ему пришлось немного обождать: в отеле все еще не хватало служащих, хотя война уже кончилась. Получив, наконец, ключ, Майкл нетерпеливо огляделся. Кей стояла у киоска, застыв с газетой в руках. Она подняла на него глаза, полные слез:

— О, Майк! — проговорила она. — О, Майк…

Он вынул из ее рук газету и сразу увидел на фотографии отца, распростертого посреди улицы в луже крови. В человеке, рыдающем, как дитя, сидя прямо на асфальте рядом с телом, Майкл признал брата Фредди.

Он похолодел. Это чувство нельзя было назвать ни горем, ни ужасом — только холодной, ледяной яростью.

— Поднимись в номер, — сказал он Кей.

Но пришлось отвести ее к лифту за руку. В молчании оба вошли в

номер. Майкл опустился на кровать и развернул газету. Достаточно было прочесть заголовки:

ВИТО КОРЛЕОНЕ СРАЖЕН ВЫСТРЕЛОМ.

РАНЕН СОДЕРЖАТЕЛЬ ИГОРНЫХ ДОМОВ, СВЯЗАННЫЙ С МАФИЕЙ.

ОПЕРАЦИЯ ПОД УСИЛЕННОЙ ОХРАНОЙ ПОЛИЦИИ.

УГРОЗА КРОВАВОЙ РЕЗНИ МЕЖДУ НЬЮ-ЙОРКСКИМИ ГАНГСТЕРАМИ.

У Майкла отлегло от сердца. Он сказал Кей:

— Отец жив. Этим сволочам не удалось угробить его.

Он вновь взялся за газету. Перечитал сообщение внимательно. Стрельба произошла в пять часов дня. В то самое время, когда он валялся в постели с Кей, сидел за обедом, смеялся на спектакле, отец находился на волосок от смерти. Его передернуло. Чувство вины было сродни физической боли.

— Надо ехать в больницу? — спросила Кей.

— Сначала позвоню, — сказал Майкл. — Узнаю, что дома. Те, кто палил в него, — смертники, и теперь, зная, что он остался жив, пойдут до конца. Не берусь даже предполагать, что они еще выкинут.

Оба телефона в особняке на Лонг-Бич были заняты, и только минут через двадцать ему удалось дозвониться. Наконец голос Санни в трубке сказал: «Алло!»

— Санни, это я, — проговорил Майкл.

— Господи, — отозвался Санни с явным облегчением. — Как мы волновались за тебя, малыш. Ты где? Ребята перевернули весь твой поганый городишко вдоль и поперек.

— Как старик? — перебил его Майкл. — Рана опасная?

— Очень, Пять пуль всадили. Но он молодцом, — почти с гордостью сказал Санни. — Доктора считают, что он выкарабкается. Слушай, сейчас не время разговаривать. Ты где все-таки?

— В Нью-Йорке. Разве Том не сообщил о моем приезде?

Санни понизил голос.

— Том попался. То-то я так беспокоился о тебе. Его жена здесь, она не знает, да и полицейские тоже. Не хочу шуметь раньше времени. Те твари, что зацапали Тома, видать, совсем рехнулись. Так что езжай сюда и держи язык за зубами. Добро?

— Ясно, — согласился Майкл. — А чья работа, знаешь?

— Естественно, — ответил Санни. — Как только объявится Люка

Брази, пусть пишут пропало. Пока козыри у нас на руках.

— Через час буду, — сказал Майкл. — Возьму такси.

Он повесил трубку, думая уже о другом. Сообщение в газетах вышло три часа назад. Наверняка и по радио рассказали о случившемся. Почему же Люки Брази до сих пор нет? Неужели он ничего не знает до сих пор?

О том же думал в этот момент Том Хейген.

И Санни Корлеоне, сидя в кабинете дона на Лонг-Бич, тоже задавался именно этим вопросом.

Примерно без четверти пять дон Корлеоне закончил разбираться с счетами, представленными управляющим оливковой фирмы. Он надел пиджак и кончиками пальцев тихонько постучал по затылку своего сына Фредди, чтобы отвлечь от вечерней газеты.

— Пусть Гатто подает машину, — сказал Вито Корлеоне, — пора ехать домой.

Фредо хмыкнул:

— Подавать буду я. Паоло простудился — звонил мне.

Дон Корлеоне на мгновенье задумался:

— Трижды за последний месяц? Не стоит ли поискать водителя поздоровее? Ты подскажи Тому.

— Да ну, — запротестовал сын. — Паоло нормальный парень. Раз уж заболел, ничего не поделаешь. Что мне, трудно машину подогнать?

Он вышел. Дон Корлеоне из окна наблюдал, как Фредо перешел Девятую авеню, направляясь к автомобильной стоянке. Потом набрал телефон Тома Хейгена, но Том не ответил на звонок. Помедлив, дон позвонил по домашнему номеру в Лонг-Бич, но и там никто не подошел к телефону. Раздраженный, он вновь выглянул в окно. Автомобиль уже стоял у подъезда. Фредди опирался спиной о бампер, скрестив руки на груди. Зрелище нескончаемой толчеи у рождественских прилавков занимало его.

Дон Вито застегнул пиджак. Управляющий фирмой кинулся подавать ему пальто. Дон, невнятно пробормотав слова благодарности, вышел из конторы и стал спускаться по лестнице со второго этажа.

Короткий зимний день уже клонился к вечеру. Фредо все так же стоял у «бьюика», но увидев отца, сразу же обошел автомобиль и занял место водителя. Дон Корлеоне взялся за ручку дверцы, но вдруг раздумал: на глаза ему попался фруктовый ларек. Он всегда любил посреди зимы золотые дары осени — медово-желтые персики и апельсины, маленькими солнышками сияющие на зеленых лотках.

Хозяин услужливо склонился перед доном. Не притрагиваясь к

фруктам, дон Корлеоне молча указывал, какой плод приглянулся. Хозяин складывал их в пакет и только раз не одобрил выбор, заметив у персика гнилой бочок.

Держа в левой руке полный плодами пакет, дон Корлеоне правой достал из кармана пятидолларовую бумажку, получил сдачу и повернул назад к автомобилю. В этот миг из-за угла появились двое, и Вито Корлеоне немедленно понял все.

Оба были в черных пальто и надвинутых на глаза, чтоб не опознали потом, черных шляпах.

Реакция дона Корлеоне оказалась мгновенной. Он швырнул на асфальт кулек с фруктами и кинулся к машине с поразительной для его возраста и комплекции скоростью.

— Фредо! Фредо! — крикнул он на бегу.

Двое в черном, не ожидавшие такой прыти, не сразу извлекли пистолеты, но все же извлекли и стали стрелять вдогонку.

Первая пуля угодила в спину, и дон ощутил сильный удар, по не остановился. Две другие пули попали в ягодицы. Он рухнул, как подкошенный. Нападающие торопились следом, стараясь не поскользнуться на рассыпавшихся под ногами золотистых фруктах. Все происходило стремительно. Фредерико Корлеоне, выскочивший из машины на крик отца — прошло секунд пять, не больше, — не успел ничего сделать. Прозвучали еще два отчаянных выстрела по распростертому без движения телу. Одна пуля ударила в руку, не задев кость, другая — в икру правой ноги. Последние раны были не самые опасные, но очень кровоточащие. Тело дона лежало теперь посреди кровавой лужи. Дон потерял сознание.

Для Фредо, услышавшего сначала голос отца, а затем два первых выстрела, то, что предстало его глазам, когда он выскочил из машины, показалось бредом. От растерянности он даже забыл, что вооружен. Убийцы легко могли пристрелить и его, но нервы у них сдали. Они-то прекрасно помнили, что сын Корлеоне не ходит без автомата. Да и время было потеряно. Двое в черном скрылись за углом, оставив Фредо одного рядом с истекающим кровью отцом. Прохожие, на глазах у которых разыгралась эта трагедия, скрылись за дверями подъездов или попадали ничком на мостовую. Те, кто находился подальше, испуганно сбились в кучки.

Фредо так и не вытащил оружие. Он был в шоке. Бессознательно смотрел на тело отца, плавающее, как ему казалось, в целом озере крови. Люди, увидев, что опасности больше нет, стали выходить из подъездов.

Кто-то поддержал пошатнувшегося Фредди, подвел его к кромке тротуара, усадил. Вокруг неподвижного тела дона Корлеоне собралась толпа, падкая до сенсаций. Она расступилась только перед полицейской машиной, которая въехала в гущу людей, завывая сиреной. Следом за полицией прикатила репортерская машина «Дейли Ньюс» с радиоантенной, и фотограф защелкал аппаратом вокруг истекающего кровью дона.

Последней появилась «скорая помощь».

Фотограф переключился на Фредо, откровенно рыдавшего. Это выглядело тягостно: грубое лицо, в тяжелых чертах которого просматривалось сходство с маской Купидона, и которое судорожно дергалось от неудержимых рыданий.

В толпе замелькали агенты, одетые в штатское. Число полицейских машин заметно увеличилось. Один из детективов, опустившись на обочину рядом с Фредо, попытался расспрашивать его, но безуспешно. Детектив сунулся в карман пиджака Фредо и вытащил бумажник, а в нем — удостоверение водителя. Мгновенно он свистнул своему напарнику. Фамилия Корлеоне произвела впечатление на полицейских. Толпу квалифицированно оттеснили от Фредо. Все тот же детектив, наскоро обыскав, обнаружил у Фредо автоматический пистолет в наплечной кобуре. Фредо помогли подняться и усадили в машину без опознавательных номеров, предварительно лишив его оружия. Репортерский автомобиль «Дейли Ньюс», ни минуты не колеблясь, двинулся за полицейской машиной. Фотограф продолжал снимать на ходу все, что попадало в объектив его аппарата.

Не прошло и получаса после покушения, как в доме Корлеоне один за другим зазвонили телефоны.

Детектив Джон Филиппо был из тех, что находились на месте происшествия и увезли Фредо Корлеоне в полицейской машине. Он состоял у дона на постоянном жаловании.

— Вы узнали мой голос? — спросил детектив у Санни.

— Да, — ответил ни о чем еще не подозревающий Санни, которого только что пробудила от сна супруга, позвав к телефону.

Филиппо сказал напрямую:

— В вашего отца стреляли на улице минут пятнадцать назад. Он жив, но тяжело ранен. Его отвезли во Французскую больницу, а вашего брата Фредди отправили в Челси, в полицейский участок. К нему надо вызвать врача, когда отпустят. Я сам еду в больницу, чтобы участвовать в допросе дона, если он сможет давать показания. Сообщу, если будет что существенное.

Сандра, жена Санни, испугалась, увидев, как багровеет от прихлынувшей крови его лицо.

— Что случилось? — спросила она.

Санни нетерпеливым жестом отмахнулся от жены, прикрыв телефонную трубку, и спросил в телефон:

— Он действительно жив?

— Да, — ответил агент. — Потеря крови большая, но похоже, не так плох, как кажется.

— Спасибо, — сказал Санни. — Я ваш должник. С меня штука. Вам принесут ее завтра домой, ровно в восемь.

Он швырнул трубку на рычаг и несколько минут нависал над телефоном, стараясь успокоиться. Нельзя было давать волю гневу, потому что Санни знал за собой этот грех. Дон всегда укорял его за необузданность, а сейчас позволить себе распуститься — значило погибнуть.

Для начала следовало отыскать Тома Хейгена. Санни потянулся к телефону, но звонок опередил его. Букмекер, имевший от семьи лицензию на контору в районе происшествия, спешил известить, что дон убит, его застрелили прямо на улице. Санни порасспросил его, чтобы убедиться, насколько осведомитель в курсе дела, и сказал, что он ошибается. Дон Корлеоне жив.

Почти тотчас же телефон зазвонил в третий раз, но услышав, что звонит репортер из «Дейли Ньюс», Санни без разговора повесил трубку.

Наконец ему удалось набрать номер квартиры Хейгена.

— Том еще не вернулся?

— Нет, — ответила жена. Но они ждут его к ужину.

— Скажи, чтоб он сразу позвонил мне, — попросил Санни.

Усилием воли держа себя в руках, он попробовал проанализировать ситуацию и представить, как повел бы себя отец, окажись на его месте. Санни с первой же минуты понимал, что нападение организовал Солоццо, но сам Солоццо не мог, безусловно, взять на себя смелость выступить против дона, слишком велика была разница в весовых категориях, то есть, в могуществе. Оставалось предположить чье-то мощное покровительство Солоццо.

Телефон зазвонил в четвертый раз, прерывая размышления Санни. Голос в трубке звучал мягко, почти душевно:

— Сантино Корлеоне?

— Да, — сказал Санни.

— Том Хейген у нас, — сообщили ему. — Мы отпустим его часа через

три с нашими конкретными предложениями. Пока не суетитесь, не устраивайте дополнительных неприятностей. Случившегося не вернуть. Только будьте благоразумны, ведь всем известно, что вы — человек горячий.

В голосе чувствовалась насмешка. Санни подумалось, что это звонит сам Солоццо, хотя он не мог бы в этом поклясться.

— Хорошо, подождем, — произнес он нарочито глухо и скорбно.

На другом конце провода положили трубку. Санни немедленно засек время на своих массивных золотых часах и, чтобы не забыть, записал цифру прямо на белой скатерти. Несколько минут он сидел неподвижно на табуретке возле обеденного стола, мрачно смотря в никуда. Жена опять попыталась спросить:

— Что стряслось, Санни?

Он ответил как можно спокойней:

— Старика подстрелили.

Увидев, какое это произвело на нее впечатление, Санни добавил грубовато:

— Не волнуйся, он жив. Все будет нормально.

О Хейгене он предпочел умолчать.

Телефон вновь затрезвонил. Теперь позвонил Клеменца. В трубке было слышно, как толстяк задыхается и захлебывается от волнения:

— Знаешь, что с отцом?

— Да, — ответил Санни. — В него стреляли, он жив.

В трубке наступило молчание, потом облегченный голос Клеменцы запричитал:

— Слава тебе, Господи, слава тебе, Господь милосердный… Ты уверен? — переспросил он в волнении. — Мне сказали, он умер прямо на улице.

— Он жив, — еще раз подтвердил Санни, внимательно вслушиваясь в интонации Клеменцы. Казалось, тот взволнован искренне, но актерство входило в его работу.

— Наберись мужества, Санни, — продолжал говорить Клеменца. — Что нужно делать теперь мне?

— Езжай домой к дону, — распорядился Санни. — С собой захвати Паоло Гатто.

— И все? — спросил Клеменца. — А не надо послать ребят к тебе домой и в больницу?

— Нет, приезжай с Паоло Гатто, — повторил Санни. — Вместе приезжайте. — Он выждал паузу, чтобы дать понять Клеменце, в чем дело.

Кажется, тот начал понимать. Стараясь говорить вполне естественно, Санни спросил:

— А где его носит, этого Паоло? Чем он занимается в такой момент?

Пауза в трубке затянулась. Потом Клеменца ответил:

— Паоло нездоров. Он дома, у него простуда. Всю зиму простывает.

Санни насторожился:

— Вот как? И часто он за последнее время не был на работе?

— Раза три-четыре, если не ошибаюсь, — ответил Клеменца. — Я всегда предлагал Фредо замену, но он отказывался. А причин беспокоиться лет десять не было, сам знаешь.

— Да, — согласился Санни. — Ну, так я жду вас дома у отца. Только обязательно привези Паоло, понимаешь? Мне плевать, болен он или здоров.

И опустил на рычаг трубку, не дожидаясь ответа.

Жена тихо плакала. С минуту он смотрел на нее пристально, потом сказал:

— Если будет звонить кто-то из наших, я у отца, пусть перезвонят в кабинет. Если чужие — ты ничего не знаешь. Жене Тома передай, что он может задержаться немного.

Санни помедлил:

— Сюда я подошлю кое-кого из ребят на всякий случай, — ее покорежило от страха, и он поспешил добавить: — Не пугайся зря, ничего не случится. Но слушайся, если скажут, что нужно делать. Можешь позвонить мне по папиному телефону, но без особой нужды не дергай. И вообще кончай психовать.

С этим он вышел из дома.

Уже стемнело, вдоль по улице задувал пронизывающий декабрьский ветер. Санни шел без опаски — все восемь домов на этой улице принадлежали дону Корлеоне. Два крайних дома занимали члены Семьи — верные люди, проживавшие вместе с домочадцами, и молодые итальянцы-холостяки, поселенные на первых этажах в служебных целях, В остальных шести домах, выстроенных полукругом, проживали: в одном — Том Хейген, в другом — Санни Корлеоне, в третьем, самом скромном, — дон Корлеоне, а еще в трех размещались старые, уже устранившиеся от дел друзья Семьи. Они получили это жилье бесплатно, но при условии, что освободят его в случае необходимости. Таким образом тихая улица была самым надежным образом защищена. К тому же подъезды всех домов всегда ярко освещались, так что проскользнуть незамеченным здесь было бы очень непросто.

Санни пересек улицу и открыл дверь отцовского дома собственным ключом. Он крикнул:

— Мам, ты где?

Мать вышла из кухни в облаке запахов — там жарился сладкий перец. Не дожидаясь ее вопросов, Санни взял ее за руку и усадил.

— Мне позвонили сейчас, — сказал он. — Ты, главное, не беспокойся. Папа в больнице, его ранили. Соберись, чтобы поехать со мной туда, а я пока раздобуду машину и шофера.

Мать внимательно посмотрела на него и спросила по-итальянски:

— В него стреляли?

Санни кивнул. Мать, опустив голову, на минутку вернулась в кухню. Санни вошел следом. Мать погасила плиту, сняла с конфорки сковороду с недожаренными перцами и ушла одеваться в спальню. Санни достал с горячей сковородки перец, из корзины — ломоть хлеба и съел огромный сладковатый сэндвич, слизывая с пальцев капающий жир.

Потом прошел в угловую комнату — отцовский кабинет, достал из запертого шкафа особый телефонный аппарат. Его номер был зарегистрирован на вымышленное имя по несуществующему адресу.

Прежде всего Санни набрал номер Люки Брази, но там не ответили. Тогда он позвонил в Бруклин человеку, которому полностью доверял, — Тессио, преданнейшему соратнику дона. Он поручил ему отобрать полсотни самых надежных ребят для охраны больницы и еще одну группу попросил прислать в Лонг-Бич. Предстояла работенка в ближайшем будущем.

— Клеменцу тоже сцапали? — спросил Тессио.

— Я не хотел бы пока пользоваться услугами его людей, — ответил Санни.

Тессио понял мгновенно. Помолчав в трубку, он сказал:

— Прости за откровенность, Санни, но это сказал бы и твой отец: не торопись с выводами. Никак не верю, что Клеменца может предать.

— Спасибо на этом, — сказал Санни. — Я тоже не верю. Но лучше перестраховаться, верно?

— Верно, — подтвердил Тессио.

— Да, чуть не забыл. Наш младший, Майкл, сейчас в университете в Бостоне. Пусть ребята привезут заодно его сюда, к отцу. Мало ли что может случиться… Поживет у нас, пока все утрясется. Я позвоню ему, чтобы был в курсе, предупрежу.

— О'кей, — сказал Тессио. — Как управлюсь, сам приеду к тебе. Моих людей ты признаешь?

— Соображу, — закончил разговор Санни.

Из маленького стенного сейфа он вынул алфавитную книжку в переплете из синей кожи. Пролистал ее и остановился на букве «Ф». Там значилось: «Рэй Фаррел, 500 долларов, Рождество» — и телефон рядом.

Санни набрал указанный номер, спросил:

— Фаррел?

— Да? — отозвался голос на другом конце провода.

— Вас тревожит Сантино Корлеоне. Мне необходима ваша помощь и притом немедленная. Проверьте два телефона — кто и куда звонил по ним за последние три месяца, — Санни продиктовал номера телефонов Паоло Гатто и Клеменцы. Потом добавил: — Это действительно очень срочно. Если вам сегодня до полуночи удастся сообщить информацию, нынешнее Рождество у вас будет вдвойне радостным.

Покончив с этим делом, Санни еще раз набрал номер Люки Брази. На сей раз молчание показалось ему подозрительным, Он старательно отогнал тревогу — Люка сам явится, как только узнает о случившемся.

Санни оседлал вращающийся табурет и откинулся на спинку, сосредотачиваясь. Не пройдет и часа, как в доме будет полно народу, а командовать предстоит ему самому. Лишь теперь, оказавшись на мгновенье в тишине и одиночестве, Санни осознал всю сложность ситуации. Впервые за десять лет брошен вызов могуществу семьи Корлеоне. Виновник этому Солоццо, но он явно не стал бы действовать без поддержки хотя бы одной из пяти нью-йоркских семей. Вероятнее всего, что за ним стоит клан Татальи. Значит, выбор был ограничен: либо кровопролитная война, либо немедленная капитуляция на условиях Солоццо.

Санни скривился в мрачной усмешке. Этот подлый турок все предусмотрел. Кроме одного — старик выжил, ему не повезло, этому турку.

Значит, война. Ну, что ж, имея в запасе связи в верхах, людские ресурсы и Люку Брази в качестве джокера, можно не опасаться исхода. Санни опять охватила тревога. Почему не появляется Люка Брази?

ГЛАВА 3

В машине, увозившей Хейгена, кроме него было четверо мужчин, считая водителя. Его поместили сзади между теми двумя, что выросли за его спиной так неожиданно, Солоццо устроился впереди. Сосед справа от Хейгена низко надвинул шляпу ему на глаза, заслоняя от Тома дорогу:

— И чтоб не шевелился у меня! — посоветовал мрачно.

Дорога была недолгой, не более двадцати минут, но когда они вышли, Хейген не смог определить, где он, так как совсем стемнело.

Его провели куда-то на первом этаже, ввели в помещение, вроде кухни, и усадили на кухонный стул с прямой спинкой. Солоццо уселся за стол напротив Тома. Его смуглое лицо напоминало очертаниями хищную птицу.

— Только не паникуй, — сказал он. — Я ведь знаю, что тебя ценят в семье Корлеоне не за силу, а за ум. Вот и поразмысли, как лучше помочь и им, и нам.

Хейген закурил, стесняясь дрожи в пальцах. Один из сопровождающих достал бутылку спиртного, налил в кофейную чашку, подал Тому. Хейген охотно выпил. Стало легче владеть собой.

— Твоего хозяина больше нет в живых, — сообщил Солоццо. И замолчал, изумленный слезами, выступившими на глазах Тома. Потом все-таки продолжил: — Мы застрелили его на улице, рядом с конторой, Как только ребята доложили мне об этом, я поехал за тобой. Только ты в силах помирить меня с Санни.

Хейген молчал, он еще не пришел в себя. Он сам не предполагал, что горе может быть так велико. К чувству утраты примешивались тоска от собственного одиночества и страх за жизнь.

Выждав, Солоццо заговорил опять:

— Я знаю, Санни пошел бы на мое предложение, оно грело его. Ведь так? Ты и сам понимаешь, что дело это стоящее. Час наркотиков уже наступил, и от этого никуда не денешься. А прибыль они приносят такую, что за пару лет все мы будем швыряться миллионами. Дон не мог расстаться с предрассудками, он был из другого времени, а сам не понимал этого. Но теперь он мертв, а мертвого не вернешь. Я хочу вернуться к нашим переговорам, и ты должен помочь мне уговорить Санни.

Хейген сказал прямо:

— Ничего не выйдет. Санни пойдет на все, чтобы отомстить за отца.

— Возможно — сгоряча, на первых порах, — перебил его Солоццо, — но его надо образумить. За мной стоит семейство Таталья, а остальные кланы постараются не допустить открытой вражды. Кому нужна война,

если она вредит делу? Если же мы договоримся с Санни, даже старые друзья дона не станут вмешиваться.

Хейген молча смотрел на собственные руки. Солоццо продолжал вкрадчиво и настойчиво:

— Дон так и так уже утратил прежнюю силу. Вот ведь — позволил застать себя врасплох. То, что он взял в советники тебя, а не сицилийца, тоже сильно повредило ему в глазах других семейств. В открытой войне Корлеоне просто раздавят. Но проиграют от этого все, и я сам в том числе. Политические связи семейства Корлеоне для меня важнее даже, чем деньги. Поэтому я и прошу — поговори с Санни, чтобы удалось избежать крови.

Хейген пододвинул фарфоровую чашку, показав, чтобы плеснули еще.

— Попробую, — сказал он, — но убедить Санни будет трудно. А ведь есть еще Люка Брази. Люку не остановит даже Санни, учтите. На вашем месте я остерегался бы встреч с Люкой.

Солоццо ответил спокойно:

— Это уж моя забота. Ты только позаботься о Санни и других сыновьях дона. Скажи им, что сегодня мои ребята запросто могли пришибить и Фредди, но не сделали этого, потому что я строжайше запретил им. Я совсем не стремлюсь обострять дело. Так и скажи: Фредди остался жив только благодаря мне.

Хейген наконец-то почувствовал себя уверенней, убивать его явно не собирались, да и держать в качестве заложника тоже, Почувствовав облегчение, Том в то же время покраснел от стыда. Солоццо, наблюдавший за ним, все понял. По змеистым губам «турка» скользнула неясная улыбка.

Мозги Хейгена стали работать. Как ему следует поступить? Его убьют только в том случае, если он откажется быть посредником. Но Солоццо хочет от него, собственно, только честного изложения дела, а ведь именно это и должен сделать в подобном случае любой советник, Кроме того, Хейген понимал правоту Солоццо во многих вопросах. Во всяком случае, войны между Корлеоне и Таталья надо постараться избежать, как бы дорого это ни обошлось. Правильнее всего для семейства Корлеоне было бы с почетом похоронить дона и, скрепя сердце, поладить с Солоццо. Когда-нибудь все равно подвернется случай сквитаться с ним.

Собравшись с мыслями, Хейген поднял глаза. «Турок» улыбался, казалось, он следил за ходом мыслей Тома. И тут Хейгена больно ударило удивительное спокойствие Солоццо. Он не мог быть так спокоен, пока рядом бродил Люка Брази. Или они купили бездействие Люки? Что случилось с Люкой Брази? Хейген вспомнил, что в день переговоров с

Солоццо дон вызывал к себе Люку и долго беседовал с ним наедине. Но сейчас невозможно было осмыслить все сразу. Главное, выбраться из этого логова под надежную крышу дома в Лонг-Бич — семейную крепость Корлеоне.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он Солоццо. — В ваших словах есть логика. Возможно, сам дон одобрил бы компромисс при подобных обстоятельствах.

Солоццо закивал головой с полным удовлетворением.

— Замечательно, — подытожил он. — Я и сам не терплю крови. Я человек дела, а кровь всегда обходится слишком дорого.

В этот миг прозвонил телефон, и один из мужчин за спиной Хейгена потянулся к аппарату. Послушав, он произнес отрывисто:

— Хорошо, передам.

И, повесив трубку на место, зашептал что-то Солоццо. Хейген наблюдал, как помертвело лицо «турка», а глаза налились яростью. Он тоже похолодел от тягостного предчувствия. Солоццо в задумчивости скользнул по нему взглядом, и Хейген понял, что свобода его отдалилась, а смерть подошла совсем близко.

— Старик остался жив, — сказал Солоццо. — Схлопотал пять пуль в свою сицилийскую шкуру и хоть бы хны. Не повезло, — развел он руками, подтверждая покорность судьбе. — Нам обоим не повезло, — сказал он Хейгену.

ГЛАВА 4

Когда Майкл Корлеоне подъехал к отцовскому дому на Лонг-Бич, дорога оказалась перегорожена тяжелой стальной цепью. Восемь прожекторов ярко освещали полукруглую площадь между домами, где скопилось не менее десятка автомобилей.

Цепь охраняли двое парней, не знакомых Майклу.

— Кто таков? — спросил один из них с сильным бруклинским акцентом.

Майкл представился. Из ближайшего к дороге дома вылез мужчина и внимательно оглядел его.

— Младший сынок дона, — подтвердил он. — Пропустите, я сам провожу его.

За ним следом Майкл вошел в отцовский дом, охраняемый еще двумя незнакомыми стражами. Они молча посторонились, впуская Майкла.

И дом, как показалось ему вначале, был полон чужих людей. Только в гостиной Майкл увидел тех, кого знал, — жену Тома Хейгена Терезу, курившую в закаменелой позе на диване, и толстяка Клеменцу, разместившегося с другой стороны. Перед Терезой на кофейном столике стоял стакан с виски. Лицо Клеменцы ничего не выражало, но он весь взмок от напряжения и дочерна измочалил во рту сигару.

Увидев Майкла, Клеменца поднялся к нему навстречу, сочувственно протягивая руку для пожатия и говоря:

— А мать в больнице, у отца… Но, даст Бог, все обойдется.

Подошел поздороваться Паоло Гатто. Майкл посмотрел на него испытующе. Он знал, что Паоло — водитель и телохранитель дона, а о том, что в момент нападения его не было за рулем из-за болезни, Майкл не слышал.

На взгляд Майкла, Паоло был напряжен до крайности, его смуглое лицо имело землистый оттенок. О Паоло сложилась репутация расторопного и умелого работника, мастера без накладок проворачивать любые щекотливые дела. Что ж он так опростоволосился сегодня? Ведь охрана дона являлась прямой обязанностью Гатто.

По углам комнаты торчали еще какие-то личности, но Майкл не признал их. Во всяком случае, людьми Клеменцы они не были. Майкл сопоставил все и понял: Клеменца и Гатто находились под подозрением.

Все еще считая, что Паоло присутствовал на месте происшествия,

Майкл спросил, вглядываясь в его похожее на хорька лицо:

— Как Фредди? Ничего?

— Ему сделали укол. Теперь спит, — ответил вместо Паоло Клеменца.

Майкл подошел к жене Тома Хейгена, нагнулся, чмокнул ее в щеку. Они всегда хорошо относились друг к другу.

— Не бойся за Тома, — вполголоса сказал Майкл. — Все устроится. Ты виделась с Санни?

Тереза на миг прижалась к нему, потом замотала головой, Хорошенькая, хрупкая, похожая скорее на американку, чем на итальянку, она совсем растерялась и пала духом. Майкл подал ей руку, поднял с дивана и отвел в угловую комнату — кабинет отца.

Санни развалился в кресле за письменным столом с желтой записной книжкой и карандашом в руках. С ним был только Тессио — доверенный. человек Семьи, которого Майкл признал, сразу же осознав, откуда взялись незнакомые ему люди в доме и в охране. У Тессио тоже был в руках блокнот и карандаш.

Увидев их, Санни встал из-за стола. Бережно обнял жену Хейгена.

— Не бойся за Тома, — как и Майкл, сказал он. — С ним все будет в порядке. Они собираются через него передать какие-то свои предложения, а значит, направят его к нам. Он же не член семьи Корлеоне, а только наш адвокат. Нет смысла трогать его.

Отпустив Терезу, Санни притянул к себе Майкла и, к немалому его удивлению, расцеловал. Майкл отпихнул Санни и хмыкнул:

— Получать от тебя тычки и затрещины я привык, а это что за телячьи нежности?

Как и все братья, они нередко дрались в детстве.

Санни сказал серьезно:

— Я так волновался за тебя, малыш. Особенно, когда ты исчез из своего поганого Гановера. Не то, чтоб я думал, что тебя укокошат, просто не представлял, как сообщу об этом старушке. Хватит того, что я ей сказал об отце.

— Как она вообще?

— Держится, — ответил Санни. — Ей ведь уже всякое доводилось переживать. Я-то помню, это ты тогда под стол пешком ходил. А когда подрос, все уже стихло. — Он замолчал, потом проговорил: — Она его выхаживает в больнице. Авось выкарабкается.

— Может, и нам надо быть рядом с ним? — спросил Майкл.

— Нельзя, — сухо сказал Санни, отрицатели но покачав головой. — Я не могу уйти отсюда, пока не доведу дело до конца.

Зазвонил телефон.

Санни слушал внимательно. Майкл, стоя у стола, видел список имен в желтом блокноте, составленный Санни. В этом списке первыми значились Солоццо, Филипп и Джон Таталья. С внутренним содроганием Майкл понял, что прервал брата и Тессио в тот момент, когда они прикидывали, кого надо убить.

Тем временем Санни повесил трубку и сказал Майклу и Терезе мягко:

— Подождите в той комнате, ладно? Нам с Тессио надо кое-что закончить.

— Звонили насчет Тома? — немедленно поняла жена Хейгена.

Санни, бережно обняв ее, выпроводил из кабинета, приговаривая:

— Клянусь тебе, с ним ничего плохого не будет. Подожди, как только что-то выяснится, я сразу выйду к тебе.

Когда дверь за нею закрылась, Майкл уже сидел в одном из кожаных кресел. Санни посмотрел на него оценивающе и тоже сел.

— Стоит ли тебе вникать в это, Майк? — сказал он. — Здесь можно наслушаться такого, что вовсе не стоит знать.

Майкл неторопливо закурил сигарету.

— Я могу пригодиться, — сказал он.

— Да ну? — отозвался Санни. — Отец не захотел бы впутывать тебя.

Майкл рывком вскочил на ноги и заорал на Санни:

— Ну ты, остолоп, он все же мне отец, не понял? Я должен быть здесь, и я могу быть полезен. Совсем не обязательно вылезать на улицу и палить налево и направо. Дел хватит, И кончай строить из себя взрослого, я тоже не пацан. Я воевал, был ранен, забыл? И убивал, кстати говоря, убивал японцев. Какого черта ты придуряешься, словно я бухнусь в обморок, если ты кого-то решишь прихлопнуть?

Санни заулыбался.

— Ну на меня-то не надо кидаться. Оставайся, если желаешь — будешь на телефоне. — Он обернулся к Тессио: — Только что сообщили самую важную информацию. Ведь кто-то должен был предать старика, — пояснил он Майклу. — Иначе у них ничего бы не вышло. Я все прикидывал — Клеменца или Гатто? Паоло Гатто как-то очень вовремя заболел сегодня. Теперь мне сообщили, кто именно. Ну-ка, Майк, посмотрим, как тебя научили шевелить мозгами в твоем университете. Что скажешь, кто из них продал нас Солоццо?

Майкл опять уселся на место, откинулся на спинку кресла, тщательно перебирая в памяти все известное. Клеменца был одним из самых доверенных лиц Корлеоне. Они дружили с доном более двух десятилетий,

нажив за это время не один миллион. В иерархии Семьи Клеменца занимал один из ключевых постов. Был ли ему смысл предавать дона? Чем могли соблазнить его? Еще большими деньгами? Он, разумеется, очень богат, но жадность — мать всех пороков. Или он хотел прибрать к рукам всю власть в клане? Или взыграла какая-нибудь застарелая обида? Например, что советником стал Хейген, а не он? А может, он пошел на сговор с Солоццо из деловых соображений, понимая, что сила на стороне Солоццо? В голове не укладывалось, что предателем может быть Клеменца. Нет, не он, — решил Майкл, и сразу же понял, что просто не хочет смерти Клеменцы. Толстяк всегда носил подарки маленькому Майку, водил его на прогулки, когда отцу было некогда. Невозможно поверить.

Но если Солоццо хотел бы иметь кого-то из клана Корлеоне в своих сторонниках, Клеменца подходил более других для этой роли!

Оставим пока Клеменцу, — подумал Майкл. А как Паоло Гатто? Он пока еще не разбогател, но числился на хорошем счету, рос активно и карьера его в семействе была обеспечена. Во имя чего ему стоило идти на предательство? Из нетерпеливости, — подумал Майкл. Он молод, а значит, торопится жить. Пока поднимешься по ступенькам обычным путем, не одни башмаки стопчешь. А Солоццо мог пообещать многое и немедленно. Да, скорее всего Паоло. Но тут Майкл вспомнил, что учился вместе с Паоло Гатто в шестом классе, и ему захотелось как-то прикрыть вину Гатто.

— Я не думаю, что это кто-то из них, — поднял он глаза на брата. Он знал, что Санни уже известен ответ, иначе пришлось бы высказаться против Паоло Гатто.

Санни смотрел, улыбаясь.

— Не волнуйся, это не Клеменца. С Клеменцей все в порядке. Виноват Паоло.

Майкл заметил, что и Тессио вздохнул с облегчением. Он ведь тоже был доверенным лицом дона и внутренне тревожился за Клеменцу как за равного, как за собрата. К тому же измена Клеменцы коснулась бы самых верхов Семьи, а с Паоло все было проще.

— Значит, завтра отправляю своих ребят домой? — осторожно поинтересовался Тессио.

— Послезавтра, — ответил Санни. — И до тех пор — полное молчание. А теперь нам надо с братом обсудить кое-что личное. Ты обожди в гостиной, Тессио, ладно? Список мы можем закончить и потом, тем более, что работать будет Клеменца.

— Конечно, — согласился Тессио. Он вышел из кабинета, оставив

братьев вдвоем.

— Это точно Паоло? — спросил Майкл.

— Из телефонной компании сообщили, — сказал Санни, — там у нас свой человек. Проверили разговоры Клеменцы и Гатто. Паоло трижды звонил за этот месяц, и трижды ему звонили из автомата, что напротив конторы отца в городе. Сегодня тоже звонили. Наверное, проверяли, поедет Паоло со стариком или нет. А может, еще зачем-нибудь. Сейчас уже не имеет значения. — Санни пожал плечами. — В общем-то хорошо, что это Паоло. Без Клеменцы нам очень трудно пришлось бы сейчас.

— Все-таки — война? — спросил Майкл с сомнением.

Взгляд Санни посуровел:

— Как только вернется Том. Война, пока отец не решит, что делать дальше.

— А почему бы не дождаться его решения? — спросил Майкл.

Санни с интересом посмотрел на младшего брата.

— Воевал, говоришь, и ордена заработал? Как же ты не поймешь, братец, что мы у них на мушке и надо спасать свою жизнь? Вот только боюсь, что они не отпустят Тома.

— Почему? — удивился Майкл.

Санни терпеливо пояснил:

— Они схватили его, когда считали старика убитым. Хотели через него договориться со мной, передать свои предложения. А раз отец жив, переговоры отпадают и Том им не нужен. Могут, конечно, отпустить, а могут и прикончить, как уж вздумается этому бандиту Солоццо. Захотят продемонстрировать свои серьезные намерения — и прикончат в лучшем виде.

Майкл поинтересовался:

— А с чего это Солоццо решил, что сможет поладить с тобой?

Санни вспыхнул и замолчал ненадолго. Потом сказал:

— У нас с ним была встреча, Солоццо предлагал включиться в его торговлю наркотиками. Старик выставил его, а я, дурак, слишком широко открыл рот во время разговора, так что Солоццо решил, будто я бы не прочь, да отец не согласен. Я сглупил, никогда нельзя при чужих высказывать свое мнение. Отец не раз пытался вколотить это в меня: в Семье невозможно допускать разногласий. Солоццо решил, должно быть, что если избавится от старика, я войду с ним в дело. Черта с два! Без отца Семья, конечно, ослабеет вдвое, только я жизнь положу, а сохраню клан. Так что, стреляя в отца, Солоццо действовал из чисто деловых соображений. Если старик умрет, я войду с ним в долю — тоже из

соображений дела. И чтобы постоянно держать его на прицеле. Он постарается не подпускать меня близко, чтобы я не мог подстрелить его. И отлично знает, что если я пойду на союз, остальные семейства сделают все возможное для сохранения мира между кланами. За Солоццо ведь выступает Таталья, ты знаешь?

— А если бы отца и впрямь застрелили, что сделал бы ты? — поинтересовался Майкл.

— Солоццо в любом случае — покойник, — просто ответил Санни. — Любой ценой, даже если понадобится воевать со всеми Семьями Нью-Йорка. И с Татальей я посчитаюсь тоже, вырежу начисто. Пусть все катится в тартарары.

— Не похоже на папин стиль, — мягко сказал Майкл.

Санни нетерпеливо отмахнулся:

— Ясно, что я — не он. Только, когда доходит до дела, — старик тоже знает это, — со мной не многие могут тягаться. В ближнем бою меня не переиграешь. И Солоццо, я думаю, знает это, и Клеменца, и Тессио. Мое боевое крещенье состоялось еще во время последних заварушек, десять лет назад, и я уже тогда показал отцу, на что способен. Так что бояться здесь нечего, наши карты надежней. Меня сейчас волнует только молчание Люки Брази.

Майкл спросил с неподдельным любопытством:

— Этот Люка действительно страшная сила?

— Он первый сорт, — отозвался Санни. — Один стоит их всех. Я натравлю его на верхушку Татальи. А Солоццо возьму на себя.

Майкл почувствовал себя неуютно. В его глазах Санни всегда был скорее добросердечным, чем жестоким. Слушать, как спокойно он рассуждает о предстоящих убийствах, казалось противоестественным, Составленный им список походил на проскрипционные списки римских императоров. Майкл втайне порадовался, что не стал винтиком в сложном механизме семейств. И еще тому, что отец остался жив, а значит он, Майкл, не связан кровным долгом мести. Он просто постарается, чем сможет, помогать Санни, отвечать на телефонные звонки, выполнять необходимые поручения. А в остальном, похоже, Санни сам знает, как поступать, да и отец подскажет, и Люка Брази поможет.

Тут из гостиной донесся женский крик. «О Господи! — успел подумать Майкл. — Это же жена Тома!» Он бросился к двери и распахнул ее.

В гостиной, где все вскочили на ноги и столпились у дивана, он прежде всего увидел Тома Хейгена, обнимавшего плачущую Терезу. Том был несколько смущен ее реакцией.

Осторожно усадив жену обратно на диван и освободившись от ее цепких рук, Том Хейген сдержанно улыбнулся Майклу:

— Рад видеть тебя, Майк, правда, рад.

Оставив все еще рыдающую Терезу, Том Хейген прошел в кабинет. «Закалка у него наша, Корлеоне, — со странным чувством гордости подумал Майкл. — Не зря он столько лет провел в этом доме, что-то от старика, безусловно, передалось Тому. И Санни, — мысленно добавил Майкл. — И мне самому, — подытожил он, — как это ни удивительно».

ГЛАВА 5

Около четырех часов утра в кабинете дона собрались вместе Санни, Майкл, Клеменца, Том Хейген и Тессио. Терезу им удалось уговорить пойти домой, тем более, что дом был по соседству.

Паоло Гатто все еще ожидал в гостиной под присмотром людей из отряда Тессио, которым было приказано не спускать с него глаз.

Том Хейген доложил условия, выдвинутые Солоццо. Рассказал, как чуть было не погиб от руки «турка», когда тот узнал, что дон выжил.

— Наверное, на Верховном Суде я не смог бы быть убедительнее, чем сегодня перед этим чертовым «турком», чтоб он сдох! Сказал, что смогу уговорить тебя, Санни, ведь дон все равно не у дел сейчас. Что даже обведу вокруг пальца, если понадобится. Что мы с тобой вместе росли, и я знаю, ты не прочь стать сам во главе Семьи, да простит мне Господь эту ложь, — он виновато посмотрел на Санни. Тот жестом показал, что все это не принципиально, он понимает Тома.

Майкл, пристроившись у телефона в кресле, молча наблюдал со стороны. Санни так обрадовался Хейгену, так горячо обнимал его, что Майкл ощутил некоторую ревность. Во многом Том Хейген был ближе с братом, чем он сам.

— Перейдем к делу, — сказал Санни. — Давайте определим ближайшие планы. Мы тут с Тессио кое-что набросали, гляньте. Тессио, покажи список Тому.

— Раз дело пошло всерьез, может, надо позвать и Фредерико? — высказался Майкл.

— Нет, — мрачно отрезал Санни. — От Фредо сейчас не много пользы. Судя по словам врачей, ему еще долго лечиться от нервного потрясения. Нельзя его беспокоить. Просто обидно за парня, всегда был таким спокойным, крепким. Наверное, его слишком сильно выбило из колеи то,

что при нем подстрелили отца. Отец для него всегда был все равно что Господь бог. Не то, что для нас с Майклом.

Хейген остановил рассуждения Санни:

— Ладно, оставим Фредо в покое. Пусть все это вообще не коснется его. Касается это в основном тебя Санни поэтому на время, пока все не кончится, из дома тебе выходить не следует. Не высовывайся никуда, только здесь ты можешь быть в безопасности. Не стоит недооценивать Солоццо — он на уши встанет, чтобы дотянуться до тебя, можешь не сомневаться. А больницу охраняют?

Санни кивнул.

— Во-первых, ее оцепила полиция, а во-вторых, там наши ребята, с отца глаз не спускают. Так что ты скажешь по поводу списка, Том?

Хейген продолжал всматриваться в имена, и лицо его хмурилось.

— Господь милосердный, помоги! Санни, ты принял все близко к сердцу, тогда как дон учил нас вести себя по-деловому. Прежде всего необходимо устранить Солоццо, если мы от него избавимся, с остальными будет легче договориться, а что тебе дались Татальи? К чему охотиться за ними?

Санни вопрошающе посмотрел на обоих доверенных. Тессио сказал невнятно:

— Это пока под вопросом.

А Клеменца вообще промолчал, и Санни продолжил, глядя на Клеменцу в упор:

— Об одном не может быть двух мнений — надо убрать Паоло. Обсуждать это незачем. Займись им первым делом, Клеменца!

Толстяк кивнул.

— А что слышно насчет Люки? — вспомнил Том. — Солоццо, как мне показалось, не очень его опасается, значит, самое время нам побеспокоиться. Если нас предал Люка Брази, дело хуже не придумаешь. Тут в первую очередь нужна ясность. Удалось кому-нибудь с ним связаться?

— Нет, — сказал Санни, — я звонил ему весь вечер, но номер не отвечает, Разве что заночевал у какой-нибудь бабы.

— Едва ли, — расстроился Хейген. — Не в его привычках оставаться у шлюх на ночь, спит он обычно дома. Позвони-ка ему еще, Майк, и подожди, пока не снимут трубку.

Майкл повиновался. На другом конце провода долго гудели сигналы, но трубку так никто и не снял.

— Позванивай ему каждые пятнадцать минут, — попросил Хейген.

— Ладно, Том, — нетерпеливо заговорил опять Санни. — Ты у нас советник, вот и советуй. Самое время сейчас услышать толковый совет, что делать да как быть дальше. А?

Хейген взял со стола бутылку с виски и налил себе.

— Сейчас мой тебе совет — вести переговоры с Солоццо. И ждать, пока отец войдет в норму и примет на себя руководство делами. Возможно даже — пойти на сделку. Я думаю, как только дон встанет на ноги, он сумеет убедить остальные семейства в нашей правоте.

— Значит, по-твоему, я ни на что не годен? — вскипел Санни. — Даже с Солоццо мне самому, без отца, не справиться?

Том Хейген посмотрел ему прямо глаза в глаза.

— Разумеется, ты справишься с ним, Санни. У семьи Корлеоне достаточно сил для этого. Клеменца и Тессио поставят на ноги хоть тысячу человек, если дойдет до войны. Но результатом этой войны будет море крови на всем Восточном побережье, и вина за эту бойню ляжет на нас. Семья Корлеоне наживет себе кучу врагов. Твой отец всегда предпочитал иной способ действий.

Майкл, внимательно наблюдавший со стороны за разговором, увидел, что слова Хейгена несколько остудили пыл брата. Но тут, ослепленный какой-то новой мыслью, Санни спросил:

— Тогда уж сразу выскажись и на тот случай, если старик не выживет.

Хейген ответил спокойно:

— Я знаю, что это тебе не по нраву, Санни, но самым правильным было бы в таком случае принять предложения Солоццо относительно наркотиков. Оставшись без политических связей дона и его личного авторитета, семья Корлеоне утратит половину своего могущества. Если не будет в живых твоего отца, другие семейства Нью-Йорка скорее поддержат Таталью и Солоццо, хотя бы с целью избежать кровопролития. Так что в случае кончины дона мой тебе совет: соглашайся на сделку с Солоццо. А там видно будет.

От лица Санни Корлеоне отхлынула кровь.

— Легко давать советы, если они не касаются родного отца!

Хейген парировал немедленно и в голосе его можно было различить своего рода гордость:

— Я считаю себя таким же сыном дона, как ты или Майкл, а может быть, даже лучшим. Ты спросил моего профессионального совета, и я говорил с тобой как советник. Если бы ты спросил о моем личном мнении, я сказал бы иначе. Я бы сам своими руками передушил всех этих ублюдков.

Взволнованность Тома устыдила Санни. Он сказал поспешно:

— О, Господи, не сердись, Том. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Нечаянно сорвалось с языка, прости.

И все же сорвалось с его языка именно то, что наболело. Когда задеваются кровные узы, никакой здравый смысл не помогает.

Санни тяжело замолчал, раздумывая. Остальные тоже сидели молча. Вздохнув, Санни заговорил опять:

— О'кей, будем сидеть тихо, как мыши, пока отец не даст команды. Ты, Том, тоже отсюда особенно не отлучайся, не давай им новых шансов. И ты, Майк, поосторожнее, хотя я не думаю, что Солоццо задался целью прирезать нас всех. Ему это не пошло бы на пользу в глазах других семейств. Но береженого бог бережет. Ребята Тессио пусть остаются в резерве — походят по городу, узнают, что к чему. Как только Клеменца покончит с Гатто, его люди сменят бруклинских в больнице и здесь. Но ты, Тессио, из больницы всех пока не забирай, ладно? Том завтра же с утра начнет переговоры с Солоццо, по телефону или через посредников. А ты, Майк, прихвати с собой пару ребят Клеменцы и сходи на квартиру Люки — либо дождись его, либо выясни, где он пропадает. Может, он сам уже давно охотится за Солоццо, а нас просто не поставил в известность. Не могу поверить, что Люка продаст дона, даже если «турок» посулит ему золотые горы.

Хейген сказал неодобрительно:

— А стоит ли втаскивать Майкла в самую гущу событий?

— Да, ты прав, — неожиданно легко согласился Санни. — Забудь про это, Майкл. Так и так ты мне нужен у телефона.

Майкл промолчал. Он чувствовал себя пристыженным, его самолюбию нанесли оскорбление. Ему показалось, что Тессио и Клеменца изо всех сил прячут презрение к его слабости.

Отвернувшись, он ухватился за телефон, набрал номер Люки Брази и долго слушал нескончаемые гудки, на которые никто не отзывался.

ГЛАВА 6

Ночью Питер Клеменца спал беспокойно. Поднявшись чуть свет, он сам приготовил себе завтрак, который, впрочем, не стоил больших трудов: стакан граппы, ломоть генуэзской салями и итальянский хлебец, только что испеченный и доставленный горячим. Потом запил все это большой чашкой горячего кофе.

Он слонялся по дому в старом махровом халате и красных войлочных шлепанцах, не переставая размышлять о предстоящем деле.

Распоряжение Санни звучало недвусмысленно: первым делом разобраться с Паоло Гатто. Значит, убить его надо прямо сегодня.

Клеменца нервничал. Не потому, что он сам рекомендовал Паоло Гатто, который оказался предателем, — в чужую душу ведь не заглянешь. А все, что было известно об этом сицилийском пареньке, говорило в его пользу: вырос на одной улице с мальчишками Корлеоне, с одним из них даже учился вместе в школе. На всех этапах испытаний, через которые обязательно проходили новобранцы в Семье, вел себя безупречно. После того, как он испачкался в крови, семейство Корлеоне определило ему содержание в виде процентов с ист-сайдского тотализатора и доли от сделок на Восточном побережье. Клеменца знал, что Паоло Гатто не довольствуется этим, добирая самостоятельными операциями вопреки принятым правилам, но умение пойти на риск тоже было не такой уж плохой характеристикой, доказывая мужское достоинство Паоло Гатто. Настоящий скакун всегда норовит оборвать поводья, это признак сильной натуры.

К тому же Гатто никогда не причинял Семье неприятностей своими внеплановыми вылазками. Он так хитро и с изобретательностью обставлял их, что никто не страдал — то поимеет тысячи три долларов от лавочника в Манхэттене, то окажется совладельцем небольшой фарфоровой фабрики на окраине Бруклина. В конце концов, молодому человеку нужны свободные карманные деньги. Из ряда вон его поведение не выходило. Кто же мог предположить предательство?

Клеменца нервничал не из-за необходимости убрать Гатто — такое случалось не впервой, обычная будничная мера. Его, как администратора и руководителя охраны, больше занимала мысль, кем заменить Паоло Гатто, кого пересадить на освободившееся, еще теплое место? Тут следовало подойти со всей серьезностью. Телохранитель должен быть человеком

надежным, с младенчества впитавшим понимание омерты — на случай, если вдруг угодит в лапы полиции. И умелым — ведь телохранитель первым попадает на линию огня в случае любых неприятностей. Для рядового члена Семьи место при доне становилось существенным повышением в положении и жаловании. Кстати, вопрос о жаловании тоже стоит продумать. Быть может, если бы труд Паоло Гатто вознаграждался более щедро, «турку», при всем его коварстве, не удалось бы соблазнить парня посулами.

После долгих раздумий Клеменца сократил список возможных кандидатур да трех. В их числе — огромный и невероятно сильный негр из Гарлема, который вел дела с цветными банкирами, отличался странным обаянием и в то же время умением подчинить себе людей. Помаявшись, Клеменца все-таки вычеркнул и его: слишком ловко ладит с черномазыми, в этом его сила, но в этом и слабость. На своем месте он принесет больше пользы.

Вторым шло имя трудолюбивого и верного парня, на котором Клеменца чуть было не остановился окончательно. Его обязанностью было выколачивать деньги по векселям из ростовщиков Манхэттена, имевших лицензию от Семьи. Начинал он помощником букмекера. «И все-таки еще не созрел до телохранителя», — подумал Клеменца.

Значит, Рокко Лампеоне. Он работал на Семью не так долго, но весьма плодотворно, а до этого воевал в Африке и демобилизовался по ранению в сорок третьем году. Из-за войны молодежи не хватало, и Клеменца взял Лампеоне, не взирая на то, что парень сильно прихрамывал после ранения. Клеменце понравился строй мыслей Рокко. Некоторое время ему доверяли только вести сделки на черном рынке с одеждой и продовольственными карточками. Затем Лампеоне полностью стал отвечать за этот участок. Мыслил он и в самом деле здраво, никогда не суетился и готов был рискнуть угрозой двух-трех месяцев отсидки, когда в руки шел крупный барыш. Он умел соизмерять ставку и выигрыш, понимая в то же самое время, чта на его поле деятельности нельзя лезть на рожон, когда достаточно бывает лишь припугнуть слегка, Словом, беспокойства с ним не бывало, что всех устраивало.

Облегчение, которое испытал Клеменца, остановившись на Рокко Лампеоне, знакомо, наверное, всякому добросовестному администратору, решающему сложную проблему расстановки штатов. И сегодня он возьмет себе в помощь именно Рокко. Сам Клеменца собирался участвовать в устранении Паоло не только чтобы присутствовать при боевом крещении новичка, но и сводя личные счеты со своим бывшим протеже. Ведь он

доверял и поддерживал Паоло, выдвинул его в телохранители через головы достойных ребят, всячески способствовал его продвижению. Гатто предал не только дона, но и его самого, Питера Клеменцу. Такая черная неблагодарность должна быть наказана.

Остальное складывалось, как по писаному. Паоло Гатто было приказано заехать за Клеменцей на машине в три часа, как не раз случалось раньше.

Клеменца набрал номер телефона Рокко Лампеоне. Не представляясь, велел:

— Будь у меня не позже двух. Есть дело.

Он с удовлетворением услышал в ответ короткое и уверенное: «Ладно». Рокко, хотя час был ранний, не казался заспанным или удивленным. Клеменца добавил:

— Не торопись. Успеешь позавтракать.

На другом конце провода опять послышалось лаконичное:

— Ладно.

Клеменца положил трубку. Он уже распорядился, чтобы его подручные сменили людей Тессио, ребята у него были толковые, и дважды повторять распоряжение ему не приходилось.

Клеменца, чтобы убить время, решил вымыть «кадиллак». Он относился к своей машине с любовью, ездить в ней было уютно и приятно, а роскошь отделки так восхищала Клеменцу, что он готов был проводить целые часы, любуясь на нее. К тому же, когда возишься с машиной, хорошо думать. Его отец вот так же ухаживал за своими осликами на Сицилии.

Гараж, в котором он мыл «кадиллак», хорошо отапливался: Клеменца не выносил холода. Протирая мягкой тряпочкой никелированные детали, он сосредоточенно размышлял. С Паоло Гатто нельзя ничего упускать из виду, он, как крыса, носом чует опасность. Тем более сейчас, когда старик остался в живых, — ведь наверняка труса празднует, а значит постарается ничем не навлекать на себя подозрений и быть тише воды, ниже травы. Но причину присутствия Рокко надо изобрести основательную. И для выезда за город найти правдоподобный предлог.

Строго говоря, все это было не обязательно. Можно легко разделаться с Паоло и здесь, не тратя сил и фантазии, потому что деваться ему все равно некуда, его обложили, как волка, флажками. Но Клеменца следовал старым традициям и не давал себе в этом смысле поблажек. Надо придерживаться раз и навсегда установленного порядка и устранять даже намек на нечеткость, ведь речь идет как-никак о жизни и смерти.

Тщательно обмывая свой небесно-голубой автомобиль, Клеменца снова и снова репетировал роль, примеряя соответствующее выражение лица и подбирая фразы. На ласку Паоло не купишь. Он будет с ним сух и резок, давая понять, что все еще недоволен им. Это собьет чувствительного Гатто с толку или, во всяком случае, заставит его мучительно искать причину. Если на дружескую интонацию он среагировал бы настороженно, то раздраженность шефа не испугает, а только озаботит его. Конечно, переборщить в этом нельзя, все в меру. А чем объяснить присутствие Рокко? Паоло непременно насторожится, почувствовав его за своей спиной, ведь человек за рулем беззащитен от сидящего сзади, он не может сопротивляться.

Клеменца до блеска полировал свой «кадиллак». Хитрая задача, не так-то просто расколоть этот орешек. Не взять ли с собой еще кого для прикрытия? Но он сразу отбросил эту мысль. Лишний свидетель ни к чему. Мало ли какая в дальнейшем может возникнуть ситуация? Если кому-нибудь из подручных вздумается возбудить дело против Клеменцы, никто не сможет подтвердить показаний, каждый окажется сам за себя. А два свидетеля — это перебор. Так нарушается равновесие.

Более всего дело усложнялось необходимостью оставить труп Паоло на виду. Клеменцу гораздо больше устроило бы, чтобы он исчез с концами. Чаще всего тело исчезало в недрах болот, в океане или в могилах, выкопанных на землях друзей семейства. Но смысл казни Паоло заключался в ее показательности, в угрожающем уроке — чтобы другим было не повадно. Следовало предупредить противника, что им не удалось ни одурачить, ни запугать семейство Корлеоне. Солоццо будет неприятно удивлен, поняв, как быстро выявили его тихаря. Этим кровавым жестом Корлеоне хоть в чем-то восстановят подорванный престиж, ведь то, что дон позволил подстрелить себя, нанесло Семье немалый ущерб в глазах прочих кланов Нью-Йорка.

Клеменца вздохнул. Автомобиль уже сверкал, как голубое яйцо, а до цели по-прежнему было далеко. Но решение пришло сразу, логичное и единственное, объясняющее все — и присутствие Рокко Лампеоне, и то, что в поездке они участвуют все втроем, и почему нужно соблюдать секретность. Он просто объяснит Паоло, что их миссия — разыскать подходящие квартиры на случай «лежачего положения».

Существовал такой обычай: когда между семьями разгоралась кровопролитная война, враждующие стороны устраивали «штаб-квартиры» не в собственных домах, а в специально снятых для этой цели помещениях, ночуя там же прямо на матрасах или тюфяках вповалку. Делалось это не

только в целях безопасности — на жизни женщин и детей никто и не покушался, — просто здравый смысл подсказывал, что в случае военных действий следует залечь подальше от чужих глаз, спрятаться, затаиться, чтобы ни противник, ни полиция не могли застать врасплох. Обычно помещение снимал кто-нибудь из доверенных лиц Семьи, он же снабжал новое жилище матрасами и всем необходимым. Клеменца вполне подходил для подобного дела, и совершенно естественно было ему взять себе в помощь Гатто и Лампеоне, надо ведь о многом позаботиться.

«К том же, — нехорошо усмехнулся про себя Клеменца, Паоло, при его жадности, сразу начнет считать, сколько еще можно содрать с Солоццо за информацию о квартирах, и потеряет бдительность».

Рокко Лампеоне приехал пораньше, и Клеменца разъяснил ему задачу и распределение ролей. Лампеоне мгновенно попил, что на него делают ставку, и благодарная улыбка осветила его смуглое лицо. Он выразил свою благодарность с такой сдержанной почтительностью, что Клеменца опять порадовался правильности собственного выбора. Потрепав Лампеоне по плечу, он сказал:

— Считай, что перешел на следующую ступеньку в своей карьере. И получать будешь с завтрашнего дня не в пример против прежнего. Но об этом позднее. Сам понимаешь, сейчас у всех нас другие заботы.

Лампеоне жестом показал, что готов ждать сколько угодно и не сомневается в щедрости своих покровителей.

Клеменца достал из стенного сейфа пистолет и передал Рокко Лампеоне.

— Возьми, — сказал он. — Пушка чистая, ни в чем не замешана. Бросишь потом в машине рядом с Паоло. Потом забери жену и детей и поезжай во Флориду, отдохнете немного, позагораете. Деньги не экономь — все тебе потом возместят. Остановитесь в нашем отеле на Майями-Бич, чтоб я мог тебя сразу найти, если понадобишься.

Жена Клеменцы, постучав в дверь, сказала, не входя, что подошел Паоло Гатто. Машину он поставил перед домом. Клеменца прямо из гаража пошел к автомобилю и бухнулся на переднее сиденье рядом с Гатто. Лампеоне сел сзади. С Паоло Клеменца поздоровался сквозь зубы и даже придирчиво посмотрел на ручные часы, проверяя, не опоздал ли он. Смахивающее на хорька личико Паоло Гатто вытянулось от внутреннего напряжения. Он почуял угрозу, но еще не понимал, откуда она исходит. Покосившись на устроившегося за спиной Лампеоне, телохранитель дона досадливо поморщился и сказал, проверяя ситуацию:

— Ты пересядь в другую сторону, Рокко. Сквозь тебя в зеркале ничего

не увидишь, такой дуб вымахал.

Лампеоне с готовностью передвинулся, словно не замечая в словах Паоло ничего необычного.

Клеменца, чтобы снять подозрительность Гатто, кисло произнес:

— Черт бы побрал Санни — он совсем взбесился от злобы. Похоже, нам всем придется залечь на матрасы. Так что нам с вами предстоит подыскать квартиру на Западном побережье и все наладить до последней мелочи, чтобы можно было залечь, как только он подаст сигнал. Может, кто-нибудь знает подходящее местечка?

Как и ожидал Клеменца, глаза Паоло вспыхнули жадным любопытством, которое пересилило осторожность. Парень, как рыба, заглотил наживку и забыл думать об опасности. Прикидывал, видно, сколько можно взять с Солоццо за столь важные сведения.

Лампеоне вел себя превосходно: сидел, развалясь, на сиденье, поглядывая в окно на безразличный пейзаж. Клеменца еще раз поздравил себя с правильным выбором.

— Надо подумать, — сказал, наконец, Гатто.

Клеменца проворчал:

— В таком случае, думай дорогой. Я планирую успеть вернуться в Нью-Йорк сегодня же вечером.

Паоло умело вел машину, движение за городом было не очень интенсивным, так что они прибыли, когда еще только смеркалось. Ехали молча. Клеменца велел Паоло свернуть к району Вашингтон-Хайтс, осмотрел там несколько домов. Потом они остановились на Артур-авеню, и Клеменца приказал ждать. Рокко Лампеоне тоже остался на месте. Клеменца пообедал в ресторане Веры Марио, взяв что полегче — телятину с салатом. Там многие были знакомы ему, он здоровался, перебрасывался ни к чему не обязывающими словами. К машине вернулся обходным путем примерно через час. Гатто и Лампеоне тихо сидели каждый на своем месте и ждали.

— Черт-те что, — проворчал Клеменца недовольно. — Требуют обратно в Лонг-Бич. Что-то у них срочное. Санни сказал, матрасы могут подождать, потом продолжим. Рокко, ты же живешь здесь, куда тебя подвести?

Рокко ответил спокойно:

— Мая машина осталась у вас во дворе, а жене она понадобится рано утром.

— Тогда поехали, — приказал Клеменца водителю.

На обратном пути они опять молчали. На одном из наворотов шоссе,

уже за городской чертой, Клеменца вдруг сказал:

— Притормози-ка, Паоло. Мне надо.

Гатто не удивился, за многие годы работы с Клеменцей он знал его слабости. Долгая дорога Клеменце была не по силам. Гатто свернул с автострады на ухабистую грунтовую дорожку, ведущую в сторону болота.

Клеменца вышел из машины и скрылся в кустах. Там он и вправду облегчился. Потом огляделся. На шоссе не маячило ни одного огонька. В полной темноте он вернулся к автомобилю, открыл переднюю дверцу и коротко сказал:

— Давай!

В ту же секунду автомобиль подбросило от выстрела. Паоло Гатто, словно бы подпрыгнув, ударился грудью о рулевое колесо. Потом его отбросило на подушку, и он сполз по сиденью вниз.

Клеменца аккуратно отстранился, чтобы не испачкаться. Рокко Лампеоне выбрался с заднего сиденья, все еще сжимая пистолет. Отшвырнув оружие и болото, новый телохранитель следом за Клеменцей торопливо проследовал к спрятанной неподалеку машине. Лампеоне пошарил под сиденьем и нашел приготовленный для них ключ зажигания. Они тронулись с места и скора были далеко от места происшествия. Рокко довез Клеменцу до дому, и чтобы не ехать тай же дорогой, выбрал дальний кружной путь до Лонг-Айленда, через Уотстон-Бридж и через Бронкс — домой, в Манхэттен.

ГЛАВА 7

В ночь, предшествовавшую покушению на дона Корлеоне, его самый преданный друг и самый опасный для недругов сторонник готовился к важной встрече. Несколько месяцев назад Люка Брази по поручению дона Корлеоне вышел на контакт с людьми Солоццо. Как и было задумано, он стал активно посещать ночные клубы семейства Таталья, познакомился там с одной из самых дорогих девиц и, лежа с ней в постели, Высказывался время от времени в том смысле, что Корлеоне ценят его недостаточна и что хватит ему быть мальчикам на посылках.

Примерно неделей позже с Люкой Брази стал заговаривать Бруно Таталья, хозяин ночного клуба. Бруно был младшим В семействе Таталья и, как считалось, не занимался фамильным бизнесом — торговлей проститутками. Но его почти приличный ночной клуб с длинноногими красотками на эстраде для многих красоток стал школой, пройдя через

которую они сходили с эстрады непосредственно на панель.

Первый разговор с Люкой не представлял делового интереса, Таталья предложил Люке поглядывать за порядком в зале, пообещав крупное вознаграждение. Флирт с девицей длился уже около месяца. Люка старательно изображал человека, впервые в жизни потерявшего голову из-за красивой девчонки. Бруно Таталья, в свою очередь, играл роль предприимчивого дельца, сманивающего у соперничающей фирмы отличного работника. Люка поддавался медленно, но все-таки поддавался. Он сказал как-то:

— Вы должны иметь в виду: против своего Крестного отца я не пойду никогда. Я безмерно уважаю дона Корлеоне и вполне понимаю, что родные сыновья для него важнее, чем я.

Бруно Таталья относился к поколению молодых дельцов, считавших всех приверженцев традиций, вроде Люки Брази, дона Корлеоне или собственного родителя, просто старыми смешными хрычами. Его пренебрежение выражалось подчеркнутой вежливостью:

— Семья Таталья никогда и не предложила бы вам ничего, что пошло бы во вред дону Корлеоне. Зачем это моему отцу? Мы все живем в мире, не то что в старые времена. Но такого ценного работника, как вы, я с удовольствием рекомендовал бы нашему семейству, если у вас есть желание. В нашем нелегком деле нужны серьезные дельные люди. Так что только скажите — мы будем рады.

— Да я и так не пропадаю, — ответил на это Люка Брази.

На этом разговор иссяк.

Поручение дона Корлеоне Люке Брази сводилось к выходу на наркотики. Таталья должны были поверить, что Люка по собственному почину решил заняться наркотиками как многообещающим бизнесом. Внедрившись, он мог бы разузнать планы «турка», ежели таковые имелись, особенно если тот намерен мешаться под ногами у семейства Корлеоне.

Два месяца все пребывало в равновесии. Как сообщил Люка дону Корлеоне, похоже, Солоццо проглотил свое поражение и сейчас переваривает. Дон наказал продолжать игру, но не пережимать, не торопить событий.

Вечером накануне покушения на дона Корлеоне Люка по обыкновению зашел в ночной клуб. Почти тотчас же к нему за столик подсел Бруно Таталья.

— С вами хотел бы переговорить один мой приятель, — сказал он.

— Давай сюда приятеля, — согласился Люка. — Отчего бы и не поговорить?

— Нет, — сказал Бруно. — Разговор не для чужих ушей.

— А кто это?

— Ну, один близкий знакомый, — уклонился Бруно, — с предложением для вас лично. Может, встретитесь попозднее?

— Ладно, — сказал Люка. — Когда и где?

Таталья сдержанно посоветовал:

— Проще всего — прямо здесь. Клуб закрывается в четыре часа утра. Почему бы вам не пообщаться, пока в зале наводят порядок?

«Видно, знают мои привычки», — подумал Люка. Обычно он спал до трех-четырех часов дня, потом, если не было работы, играл в кости со стариками или развлекался с девицами, ходил в кино или выпивал рюмку-другую в одном из клубов. До рассвета никогда не ложился спать, так что ночная встреча не была для Люки чем-то странным.

— Годится, — сказал он. — Вернусь сюда часа в четыре.

Выйдя из клуба, Люка взял такси и поехал к себе в меблирашку, которую снимал у одной итальянской семьи. С хозяевами своими он был в дальнем родстве. Вход в комнаты, которые он занимал, отделялся от прочих коридором. Это устраивало Люку, создавая иллюзию семейного существования и вместе с тем ничем не стесняя его свободы.

«Значит, хитрый лис решил высунуть свой турецкий хвост из норы», — думал Люка. Если удастся выяснить, что он задумал, дону будет неплохой подарок к Рождеству.

Он выдвинул из-под кровати чемодан, отпер его и достал бронежилет. Тяжеленькая штука. Люка натянул жилет поверх шерстяного нижнего белья, под пиджак и рубашку. Некоторое время он размышлял, не позвонить ли дону, но Вито Корлеоне не имел привычки сам отвечать на телефонные звонки, а задание Люке было полной тайной для всех остальных, так что дон не одобрил бы, если б тот же Хейген или даже Санни оказались причастны. У дона свои соображения на этот счет.

Как обычно, Люка вооружился, без пистолета он вообще не выходил, Его право на ношение оружия обошлось в десять тысяч долларов, возможно, это было одно из самых дорогих разрешений, выдаваемых властями. Зато при столкновении с полицией он находился в безопасности, а от действий Люки и семействе Корлеоне зависело так много, что стоило добыть ему охранную грамоту даже за самые бешеные деньги.

Собираясь на свидание с Солоццо, Люка запасся автоматическим пистолетом, не числящимся в регистрации, чтобы забросить подальше, если удастся разом покончить с «турком». Хотя, скорее всего, сегодня ему только выскажут предложение, и будет время завтра посоветоваться с

доном.

Люка направился в клуб, но по дороге не пил, а наоборот, поужинал на 48-й авеню у Пэтси, в любимом итальянском ресторанчике. Когда время стало приближаться к четырем, Люка Брази вновь явился к Бруно Таталье. Швейцара при входе уже не было, гардеробщицы тоже. Хозяин сам в одиночестве ждал его и немедленно проводил в дальний конец опустевшего зала прямо к бару. Среди рассыпанных рядов безлюдных столиков матово блестела полированным желтым деревянным кругом танцевальная площадка, в полумраке напоминающая огромный янтарь. Возвышение для оркестра тонуло во мраке, и только белый бутон микрофона торчал из темноты на тонкой металлической ноге.

Люка присел за стойку, Бруно прошел на место бармена. От выпивки Люка отказался, от ужина тоже. А если тут вовсе не «турок» замешан, а кто-то другой? Но едва Люка подумал это, как из полумрака большого зала возник Солоццо. Он протянул руку Люке Брази и уселся рядом. Бруно Таталья поставил перед ним стакан. Солоццо поблагодарил кивком.

— Вы меня знаете? — спросил Солоццо.

На зловещем лице Люки отразилась улыбка. Крыса все-таки вылезла из своей норы. Разделаться с этим подлым выродком будет одним удовольствием.

— А вы знаете суть моего предложения? — спросил Солоццо.

Люка отрицательно помотал головой.

— Мы начинаем новое дело, — сказал Солоццо. — Дело, которое даст не один миллион долларов. С первой же партии я могу гарантировать вам лично пятьдесят тысяч долларов. Мы делаем ставку на наркотики. Именно в них — будущее.

Люка спросил:

— Вы позвали меня с какой целью? Чтобы я передал об этом предложении дону Корлеоне?

Солоццо скривился:

— Я уже говорил с доном, он не хочет быть замешан в наркотиках. Без него я обойдусь. А человек, подобный вам, мне сейчас очень нужен. Необходимо быть уверенным в защите операций. Мне показалось, вы не так уж облагодетельствованы в семействе Корлеоне. Может быть, стоит сменить хозяина?

Люка пожал плечами:

— Смотря что вы мне предложите.

Солоццо, казалось, некоторое время пытался прочитать его мысли. Потом принял решение:

— Считайте, что предложение самое выгодное и обдумайте все это пару дней. Потом мы продолжим переговоры.

Он протянул руку Люке Брази, но тот сделал вид, будто не заметил прощального жеста и стал прикуривать сигарету. Бруно Таталья немедленно протянул ему свою зажигалку. Люка потянулся через стойку к огню, и в этот момент зажигалка выпала из рук Татальи, а рука Люки оказалась, как тисками, прижата к стойке.

Люка среагировал мгновенно — он соскользнул с табурета, весом собственного тела вырывая правую кисть. Но Солоццо уже ухватил его за запястье второй руки. С двумя Люка Брази все равно бы справился, он был сильнее обоих, но из темноты за его спиной выступил третий человек, затянувший горло Люки шелковой скользящей петлей. Веревка туго пережала шею, дыхание прекратилось. Лицо Люки побагровело, руки ослабли. Их уже не было нужды держать, и Солоццо с Татальей отошли, с любопытством наблюдая в отдалении за действиями убийцы.

Человек за спиной Люки Брази затягивал веревку все туже и туже, Вдруг пол под ногами стал скользким — это опорожнился мочевой пузырь жертвы, полностью потерявшей сознание, Сила покинула мощное тело, ноги подкосились, и, следуя за движениями Люки, убийца тоже медленно опустился на колени, затягивая веревку так, что она полностью. утонула и складках шеи, Глаза Люки вылезли из орбит, будто он был вне себя от удивления. Только это выражение и придавало трупу сходство с человеком. Жизнь покинула тело Люки навсегда.

— Нельзя, чтобы его обнаружили, — сказал Солоццо подручным. — Позаботьтесь, чтобы его не смогли найти, пока мы не сочтем это нужным. — Он резко повернулся на каблуках и скрылся во мраке, из которого вышел.

ГЛАВА 8

Следующий после покушения на дона день выдался очень трудным, Майкл сидел на телефоне и докладывал Санни все важное. Том Хейген подыскивал посредника, который устраивал бы обе враждующие стороны, для переговоров с Солоццо, «Турок» от переговоров уклонялся, возможно, знал уже, что люди Клеменцы и Тессио охотятся за ним по всему городу. Похоже, что он вместе с верхушкой семейства Таталья залег в укрытии и не высовывал носа наружу. Чего, впрочем, и следовало ожидать.

Сам Клеменца занимался с Паоло Гатто. Тессио должен был во что бы то ни стало отыскать Люку Брази, но выяснил только, что Люка не возвращался домой с ночи накануне покушения. Это не предвещало ничего доброго, но Санни все равно не мог поверить, что Люка предал дона или что его взяли голыми руками.

Жена дона Корлеоне переселилась теперь в город, в дом друзей, чтобы быть поближе к больнице, где лежал дон. Зять Карло Рицци примчался с предложением услуг, но ему было велено присматривать за собственными делами. Конни вместе с матерью ночевала у друзей и навещала отца.

Фредди все так же не покидал своей комнаты в доме Корлеоне, напичканный транквилизаторами. Когда Санни и Майкл зашли его проведать, они поразились виду брата.

— Господи, — вздохнул потом Санни, — похоже, что подстрелили его, а на отца, и гораздо сильнее.

Майкла передернуло. На войне ему доводилось видеть, как люди ломались, оказавшись лицом к лицу со смертью, но он никогда не предполагал, что кто-то из Корлеоне может так сдать. Фредди всегда казался крепким и надежным, даже в детстве. Но была в нем, видно, какая-то червоточинка, не зря же дон никогда не считал среднего сына опорой в своих делах, несмотря на преданность и безукоризненную исполнительность. Фредо не хватало хладнокровия, а пожалуй, и мужества.

Уже на исходе дня раздался звонок от Джонни Фонтейна из Голливуда. Майкл подозвал Санни.

— Да нет, Джонни, прилетать нет смысла, — сказал тот. — Чем ты поможешь ему? Он пока слишком слаб. А твое появление у больничной постели вызвало бы слишком много шума. Старику это бы не понравилось. Обожди, как только ему полегчает, заберем домой — и можешь тогда развлекать его. Ясно, привет передам, — Санни повесил трубку и сказал

Майклу: — Отец будет счастлив, что Джонни желал прилететь сюда из Калифорнии, чтобы проведать его.

Еще позже Майкла позвали к городскому телефону: звонила Кей.

— Как себя чувствует отец? — спросила она тревожным и не вполне естественным голосом. Наверное, начиталась газет и никак не могла привыкнуть к мысли, что именно отец Майкла действительно тот человек, которого в газетах именуют главарем преступного мира.

— Он выживет, — сказал Майкл.

— Нельзя ли мне с тобой съездить проведать его? — сказала Кей.

Майкл засмеялся. Видно, запомнила, как он говорил, что для итальянцев старшего поколения подобные жесты — ценнее всего.

— Тут случай особый, — сказал он Кей. — Если репортеры заинтересуются, твое имя немедленно появится на третьей странице «Дейли Ньюс»: «Дочь первых янки в объятиях сына мафиозо». Боюсь, твои родители не будут в восторге.

— Мои родители не читают «Дейли Ньюс», — сухо ответила Кей.

Оба неловко замолчали. Потом Кей спросила:

— Ты ведь в порядке, Майкл? Правда? Тебе ничего не угрожает?

Майкл опять засмеялся:

— Ты же знаешь, в семье Корлеоне я — недоросток. За игрока меня не держат ни те, ни другие. Кому я нужен в таком случае? Так что можешь не волноваться, Кей, все плохое уже состоялось, больше не предвидится. Если вдуматься, произошел несчастный случай. Объясню, когда встретимся, что и почему.

— А когда мы встретимся, Майк?

Он задумался:

— Можно сегодня, но попозже. Поужинаем и выпьем у тебя в номере, а потом я загляну в больницу к отцу. Мне уже поднадоело торчать у телефона. Устраивает тебя? Только не надо фанфар, не хочу обниматься с тобой на глазах у фотокорреспондентов. Нет, без шуток, Кей, не проболтайся. Мне все это не слишком приятно, особенно, когда я вспоминаю о твоих родителях.

— Отлично, — сказала Кей. — Жду тебя. Не купить ли тебе кучу рождественских подарков или еще что-нибудь приготовить?

— Нет, — сказал Майкл. — Подарков не нужно. Сама приготовься.

Ее горячий смешок опалил трубку.

— Я буду готова, как обычно. Разве не так?

— Конечно так, — сказал он. — Потому-то ты лучше всех, кого я знал.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Можешь сказать мне то же

самое?

Майкл покосился на четверку ребят, расположившихся неподалеку.

— Не могу, — сказал он. — Попозже, вечером, ладно?

— Ладно, — согласилась она, — я подожду, — и повесила трубку.

Как раз вернулся Клеменца, завершив намеченную на сегодня неприятную работу, и сейчас крутился на кухне вокруг огромной кастрюли с томатным соусом. Майкл кивнул ему и вернулся в кабинет к Санни и Хейгену.

— Клеменца объявился? — спросил Санни.

— На кухне уже. Готовит спагетти на целое войско, как армейский шеф-повар, — усмехнулся Майкл.

Санни нетерпеливо сказал:

— Пусть кончает ерундой заниматься и идет сюда. Есть дела поважнее. И Тессио пусть прихватит с собой.

Через несколько минут все опять собрались в кабинете. Санни коротко поинтересовался у Клеменцы:

— Все кончено?

Клеменца кивнул:

— Больше тебе не придется видеться с ним.

Смысл сказанного пронзил Майкла, будто током, — они говорили об убийстве Паоло Гатто. Маленький Паоло, его бывший одноклассник, был уже мертв, и покончил с ним веселый толстяк Клеменца, так весело отплясывающий на праздниках и умело готовящий соус для спагетти.

Санни спросил Хейгена:

— А как там с Солоццо?

Хейген огорченно покачал головой:

— Похоже, он совершенно остыл к идее решить все за столом переговоров. Во всяком случае, желанием не горит. Пока не удается найти посредника, который был бы для него и для нас вне подозрений, Однако без переговоров все равно не обойтись, он должен понимать это. Ведь Солоццо упустил свой шанс, раз дон остался в живых.

Санни сказал:

— Он — хитрый парень. Хитрее всех, с кем нашей семье приходилось иметь дело. Возможно, он предугадывает, что мы хотим просто выиграть время до тех пор, пока дон встанет с постели.

— Наверное, догадывается, — сказал Хейген. — И все равно от переговоров ему никуда не деться. Иного выхода нет. Завтра, надеюсь, условимся о встрече.

Кто-то из людей Клеменцы деликатно стукнул в дверь и заглянул в

кабинет.

— По радио сообщили, — доложил он Клеменце, — что полиция обнаружила труп Паоло Гатто в машине на дороге.

Клеменца кивнул.

— Можете не расстраиваться по этому поводу.

Парень удивленно посмотрел на своего начальника, потом удивление сменилось пониманием и он вышел за дверь.

Разговор продолжался, будто не был прерван. Санни спросил советника:

— А как сейчас чувствует себя дон?

— Полегче, но разговаривать ему еще не разрешают, — ответил Хейген. — Ранения тяжелые, много сил потерял во время операций. Твоя мать почти все время там вместе с Конни. Больница окружена полицейскими, но там еще и ребята Тессио — на всякий случай. Через пару дней, когда дон придет в себя после операции, попробуем узнать его мнение о завтрашнем дне. А пока главное не допустить Солоццо до непоправимого шага. Потому я и тороплю с переговорами.

Санни хмыкнул:

— Ну, чтобы он не наделал чего, за ним присматривают Клеменца и Тессио. Если им повезет, в переговорах особой нужды не будет.

— Вряд ли повезет, на это рассчитывать не приходится, когда речь идет о Солоццо, — возразил Хейген. — Этот турецкий лис совсем не дурак, — Том помолчал. — Солоццо понимает, что в случае переговоров диктовать будем мы, а не он, поэтому выжидает, не спешит пойти навстречу. Я думаю, он сейчас изо всех сил старается заручиться поддержкой других нью-йоркских Семей. Если ему это удастся, нам придется отложить месть до лучших времен.

— С какой стати им поддерживать «турка»? — нахмурился Санни.

Хейген спокойно разъяснил:

— В общих интересах — избежать большой бойни, которая привлечет внимание газет и правительства и от которой никто не выиграет. Кроме того, Солоццо, вероятно, пообещает им прибыль от торговли наркотиками, а это такое золотое дно, которого хватит на всех, ты сам понимаешь. Наша Семья может пока обходиться без наркотиков, у нас ведь игорные дома — самый выгодный бизнес. Но остальные Семьи в гораздо худшем положении, и возможность крупных прибылей будет для них соблазнительна. Всем ясно, что Солоццо поставит дело на широкую ногу, человек он опытный и гибкий, в этом нет сомнения. Вот и суди теперь, что им выгоднее: живой Солоццо, обещающий рост доходов, или мертвый с

которым одни неприятности.

Никогда раньше Майкл не видел лицо брата таким гневным. Смуглая бронзовая кожа и даже вишневые губы Купидона стали одного — серого — цвета.

— А мне плевать на их выгоду! Пусть не суют носа в чужую драку, не то можно и прищемить.

Клеменца и Тессио беспокойно заерзали в своих креслах, как сержанты, услышавшие от старшего по званию обрекающий их на гибель приказ. Хейген неохотно продолжал:

— Не дергайся, Санни, отец не одобрил бы твоих слов. Ты ведь знаешь его присказку: «Не следует делать того, чего делать не следует». Разумеется, никто не сможет остановить нас, если дон прикажет уничтожить Солоццо. Но руководствоваться тут надо не личными счетами, а в первую очередь деловыми соображениями. Если мы откроем охоту на «турка», другие Семьи обязательно вмешаются. Они, конечно, уступят нам голову Солоццо, но за это придется уступить им в чем-то другом, в порядке компенсации за нейтралитет. Так что терять голов в у в таком вопросе вовсе не стоит, потому что в основе всего — интересы дела. И покушение на дона было сделано в интересах дела — с точки зрения Солоццо, а никак не в качестве личного выпада. Ты должен представлять себе это совершенно отчетливо.

Глаза Санни все еще отливали металлом.

— Пусть так. Я все отлично усвоил. Но и ты заруби себе на носу — нет силы, которая помешала бы мне разделаться с Солоццо, если отец не будет возражать. — Он обернулся к Тессио: — Как с Люкой, что-нибудь ясно?

Тессио покачал головой:

— Ничего не ясно. Скорее всего попал в лапы Солоццо.

Хейген сказал:

— Мне уже тогда показалось странным, что «турка» не беспокоит Люка Брази. Люка не тот человек, которого можно легко сбросить со счетов. Значит, Солоццо предусмотрительно убрал его с дороги.

Санни пробормотал:

— Господи, на одно уповаю, — что Люка не против нас. Страшнее этого не придумаешь. Клеменца, Тессио, что вы думаете по поводу Люки?

Клеменца произнес очень медленно:

— Ошибиться может всякий, Паоло — пример тому. Но Люка не из тех людей, которые легко меняет направление. Крестный отец был для него больше бога, на него он молился, его одного боялся. Скажу больше, Санни, он по-настоящему уважал твоего отца — так, как никто другой, а ведь он

пользуется всеобщим уважением. Нет, я не верю, что Люка Брази может изменить семейству Корлеоне. Но и в то, что Солоццо, при всей его хитрости, поймал Люку врасплох мне тоже поверить трудно. Кроме дона, Люка не доверял никому и постоянно находился в боевой готовности, ждал самого худшего. Даст Бог, он появится где-нибудь через пару дней. Может, просто уехал куда-то.

Санни обернулся к Тессио. Бруклинский доверенный семейства Корлеоне повел плечами.

— Что правда, то правда, предать может любой. Люка очень мнительный, дон мог обидеть его невзначай, все возможно. Но я все же не думаю, что он поддался Солоццо. Надо готовиться к худшему, советник прав.

— Солоццо скоро узнает про Паоло Гатто. Интересно, как он среагирует, — сказал Санни.

— Призадумается, — отозвался Клеменца мрачно. — Поймет, что не дураки у нас собрались, и то, что однажды сошло с рук, второй раз не повторится, дело случая.

Санни резко возразил:

— Какой уж тут случай! «Турок» не одну неделю обсасывал свои планы, следил, небось, за конторой, просчитал все до мелочей. Паоло скупил, а может, и Люку. Тома устранили на время. Словом, из кожи лезли. Наоборот, случай оказался не на их стороне. Послали каких-то дилетантов, а старик у нас, слава Богу, профессионал. Убей они отца, мне поневоле пришлось бы идти на договор с Солоццо, чего он и добивался. Тогда он выиграл бы. Хоть и ненадолго, через пять лет, или десять, или раньше, я все равно убил бы его. Так что не думай, Питер, что случай на стороне «турка», не делай ошибки. Ошибок у нас и без того довольно.

Один из ребят Клеменцы принес в кабинет блюдо спагетти, тарелки, вилки, графин вина. Не прерывая разговора, все подсели к столу. Майкл с любопытством наблюдал за остальными. Кроме него и Тома Хейгена, все ели с аппетитом, макая хлеб в соус, обсасывая корочки, и в то же время ни на минуту не прерывая обсуждения дел. Тессио высказался в том смысле, что потеря Паоло Гатто ничуть не обескуражит Солоццо. Возможно, такой конец осведомителя был даже запрограммирован самим «турком», ведь это избавляло от лишних расходов. А разве Корлеоне в аналогичном случае испугались бы?

Майкл высказался сдержанно:

— Конечно, я не специалист во всем этом, но судя по вашим рассказам о Солоццо и исходя из того, как старательно он уклоняется от дальнейших

контактов с Томом, мне думается, надо ожидать с его стороны очередной неприятности. Возможно, он держит в руках какие-то козыри и собирается пустить их в ход. А раз его замыслы опережают наши предположения, перевес пока за ним. Только выяснив его намерения, мы опять сможем взять верх.

Санни согласился с неохотой:

— Я и сам постоянно об этом думаю и единственное, до чего додумался — Люка. Поэтому я наказал сразу вести его сюда, как только появится, но его по-прежнему нет. Правда, есть вероятность, что Солоццо уговорит остальные нью-йоркские семьи выступить против нас в случае открытой войны. Тогда нам поневоле придется соглашаться на условия «турка». Так, Том?

Хейген кивнул.

— Так, к сожалению. Без дона, в таком случае, нам бороться бессмысленно. Только он со своим авторитетом и политическими связями может диктовать те условия, какие сочтет нужными.

— А сюда Солоццо не проникнет? — спросил Санни.

Клеменца ответил на это с некоторым раздражением, не вполне убедительным, если учесть, что только что один из его подопечных оказался предателем:

— Солоццо и близко не посмеет подойти к твоему дому, Санни, можешь не беспокоиться на этот счет.

Санни какое-то время задумчиво смотрел на Клеменцу, потом обратился к Тессио:

— А как в больнице — все перекрыто?

Тессио ответил без колебаний:

— Снаружи и внутри. Сплошное кольцо из наших, да еще полицейские. Под дверями палаты постоянно дежурят детективы, чтобы получить показания дона. Кормят старика пока еще через трубочку, так что насчет кухни тоже все спокойно. Ведь «турок» наверняка подумает о яде. Но к дону им не подобраться ни с какой стороны.

Санни откинулся на спинку кресла:

— На меня покушаться они не станут — с кем же им тогда договариваться? С их точки зрения я представляю всю Семью, весь наш клан. — Он усмехнулся и посмотрел на брата: — Может, на примете у них ты, Майкл? Зацапает тебя Солоццо и будет держать в качестве заложника.

«Вот и повидался с Кей!» — расстроился Майкл. Теперь Санни наверняка никуда его не выпустит.

— Да нет, — нетерпеливо вмешался Хейген, — Майкла они давно

взяли бы, если б собирались застраховаться таким образом. Но все знают, что Майкл в стороне от наших дел. Если Солоццо захватит его, остальные семьи плохо отнесутся к подобной мере. Даже Таталья отвернутся от «турка», потому что существуют границы дозволенного. Нет, я думаю, все будет проще. Не сегодня-завтра представители пяти семейств выставят нам ультиматум — поладить с «турком». К тому, похоже, идет дело.

Майкл вздохнул с облегчением.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Тогда я спокойно поеду сегодня в город.

— Зачем еще? — недовольно сказал Санни.

Майкл широко улыбнулся:

— Ну, в больницу заскочу, повидаюсь с мамой и с Конни, еще кое-что надо сделать, — подобно дону, Майкл виртуозно умел уклоняться от прямых ответов. В его встрече с Кей Адамс не было особой тайны, он умолчал о ней просто по привычке недоговаривать все до конца.

Шум на кухне привлек внимание собравшихся. Клеменца вышел узнать, что происходит. Он вернулся сразу, держа в руках бронежилет Люки Брази, в котором завернута была крупная дохлая рыба. Клеменца сказал сухо:

— «Турок» получил весть о своем шпионе Паоло Гатто. Это его ответ.

Тессио добавил еще более сдержанно:

— Теперь и мы знаем о судьбе Люки Брази.

Санни безмолвно закурил и залпом выпил стакан виски. Ошеломленный Майкл спросил:

— Какого черта? Что означает эта рыбина?

Ему ответил советник, ирландец Том Хейген:

— Рыба означает, что Люка Брази на дне океана. Такой способ присылать известие — старый сицилийский обычай.

ГЛАВА 9

Майкл ехал в тот вечер в город в самом скверном настроении. Он понимал, что все больше втягивается в семейные дела, и уже жалел, что Санни воспользовался им, пусть даже только для разговоров по телефону. На семейных советах, где обсуждались готовящиеся убийства, он чувствовал себя лишним, как если бы ему нельзя было полностью доверять в подобного рода делах. А теперь, направляясь на свидание с Кей, Майкл ко всему еще испытывал вину перед нею. Она никогда не знала от него истины о семье Корлеоне. Свои рассказы он так изобретательно украшал шутками и живописными подробностями, что они больше походили на пересказ мультипликационных боевиков, чем на реальную действительность. А теперь отец лежит с огнестрельным ранением, едва избежав смерти, а старший брат строит планы мщения и ответных убийств. Разве мог он когда-нибудь сказать все это Кей с полной откровенностью? Даже сейчас он прикрылся формулой «несчастный случай» и пообещал ей, что ничего плохого больше не произойдет. А ведь на самом деле, черт побери, все только начинается! Санни и Том никак не раскусят, что за орешек этот Солоццо, хотя Санни достаточно опытен и чутьем чует опасность.

Майкл опять задумался о планах «турка». Какой-то козырь он держит в рукаве, но какой? Недооценивать Солоццо нельзя — человек он храбрый, умный и жесткий. Надо ясно отдавать себе отчет в этом, вступая с ним в борьбу. Но ведь и Санни, и Клеменца, и Тессио убеждены, что все предусмотрено, а они разбираются лучше Майкла. Он в этой войне принадлежит к «мирному населению», — криво усмехнулся про себя Майкл. И чтобы втянуть его в военные действия, нужны соблазны посерьезнее, чем боевые медали, которыми удостоили его во второй мировой войне.

Тут Майклу стало неловко от собственных мыслей. Ведь это его родной отец лежит в больнице с пятью дырками в теле, а он не способен на глубокие чувства. Как ни странно, более всего Майкл понял слова Тома Хейгена о том, что на первом месте — дело, а личные счеты — на втором. Покушение на дона — цена той власти и силы, которыми он располагал всю жизнь, расплата за униженное уважение окружающих.

Майклу всегда хотелось держаться подальше от Семьи, жить иной, отдельной жизнью. Но сейчас, когда наступил кризис, порвать с домом

было бы просто непорядочно. Он обязан им помогать хотя бы в той мере, в какой «мирное население» помогает действующей армии. Дойдя до этой мысли, Майкл вдруг отчетливо осознал, что более всего ему неприятна именно навязанная обстоятельствами роль привилегированного наблюдателя, свободного от воинских обязанностей. В памяти назойливо всплыло противное словечко — штатский.

Так он добрался до отеля, где Кей внизу у дверей ожидала его. Его подвезли на машине двое ребят Клеменцы и высадили на ближайшем к гостинице углу, убедившись, что «хвоста» нет.

Они с Кей пообедали и выпили за обедом.

— Тебе когда надо в больницу? — спросила Кей.

Майкл посмотрел на часы.

— Приемные часы там до половины девятого. Но я пойду попозже, когда посторонних не будет. Меня впустят, он ведь в отдельной палате, и обслуживание у него отдельное. Посижу рядом немножко, разговаривать с ним нельзя, да он и меня едва ли признает. Просто проявлю уважение.

Кей сказала тихонько:

— Мне очень жаль твоего отца, Майкл, Тогда, на свадьбе, он мне понравился, и я никак не могу поверить в ту чушь, которую вешают на него газеты.

— Я тоже, — подтвердил Майкл любезно, и сам удивился тому, что так скрытен с Кей. При всей любви и доверии, которое он испытывал к этой американской девушке, откровенничать с ней о своей Семье он никак не мог. Она все равно была из другого мира.

— Ну, а как же ты? — спросила Кей. — Что будешь делать ты в войне между гангстерами, о которой рыдают во всех газетах?

Майкл засмеялся, распахнул пиджак и продемонстрировал пояс:

— Поищи-ка здесь оружие, — сказал он, и Кей тоже засмеялась.

Время летело, и они заторопились наверх, в номер. Кей смешала коктейли и уселась на колени к Майклу. Его рука ощущала сквозь плотный шелк ее живое тепло. Они соединились друг с другом, не сбросив одежды, не отрывая губ.

Потом Кей съязвила:

— У вояк именно это именуется «молниеносной атакой»?

Майкл хмыкнул.

— Не так плохо, — авторитетно вывела Кей.

Несколько минут они лежали рядом, потом Майкл вдруг тревожно посмотрел на часы и вскочил:

— Черт, уже почти десять. Пора лететь в больницу.

Кей зашла следом за ним в ванную, где он приводил себя в порядок, прижалась сзади и спросила, уткнувшись носом в спину:

— А когда мы поженимся?

— Как только отдашь приказ, — ответил Майкл. — Вот дома немножко утрясется, старик выздоровеет и шум вокруг поутихнет. Но я считаю, что ты все-таки должна поговорить со своими родителями заранее, все объяснить им.

— Что — объяснить? — осторожно спросила Кей.

Майкл приглаживал волосы гребенкой.

— Ну, — сказал он, глядя на нее в зеркало, — скажи им, что встретила храброго и красивого итальянского парня, который отлично учится в Дартмурском университете, имеет кучу орденов за боевые заслуги и медаль «Пурпурное сердце» за отвагу. Парень честен и трудолюбив, но его отец — глава мафии, поэтому время от времени он кому-то дает взятки, кого-то убивает и кто-то, в свою очередь, норовит попасть в него. Что, тем не менее, никак не отражается на его честном и трудолюбивом сыне. Улавливаешь?

Кей опустила руки и отошла к дверному косяку.

— Это правда, Майк? — спросила она поникшим голосом. — Он действительно убивает людей?

Майкл отложил расческу.

— Откуда мне знать, Кей? Этого никто знать не может. Но и отвергать это я не решусь.

Провожая его, Кей спросила:

— Когда теперь увидимся?

Майкл поцеловал ее.

— Съездила бы ты к себе домой, да поразмыслила на досуге, — ответил он. — Вот уж чего я не хочу, так это чтоб ты хоть боком оказалась замешана. После рождественских каникул я вернусь в университет, так по встретимся в Гановере. Не возражаешь?

— О'кей, — сказала она.

Стоя у дверей, она смотрела, как Майкл подходит к лифту, машет ей рукой, входя в кабинку, уезжает. Сердце ее щемило от невысказанных чувств. Никогда раньше она не была так близка к нему, никогда не любила так сильно. Если бы кто-то сказал ей сейчас, что в следующий раз им предстоит увидеться только через три года, она не поверила бы, а поверив, не пережила бы разлуки.

Подъехав на такси к Французской больнице, Майкл удивился безмерно:

улица зияла пустотой. Еще больше поразил его абсолютно безлюдный вестибюль в больнице. А где же охрана? — возмутился Майкл. Клеменца и Тессио должны были позаботиться о наружной охране. Для этого совсем не обязательно обучаться военному делу в Уэст-Пойнте, это азбука. По крайней мере, в вестибюле должны находиться постоянно двое-трое ребят, не меньше.

Посетителей уже не пропускали — приемный час давно закончился. Близилось к половине одиннадцатого. Майкл не стал обращаться в справочную, он знал и этаж, и номер палаты. Весь подобравшись, напрягшись, как струна, он вызвал служебный лифт. Никто не остановил его, как ни странно. На этаже, миновав столик дежурной, он толкнул дверь в палату отца. Дверь была не заперта и никем не охранялась. Проклятие, где же чертовы детективы, караулящие в коридоре, пока отец сможет давать показания? Где, черт их раздери, люди Тессио или Клеменцы? Может, кто-то внутри палаты?

Он вошел. Никого не было, кроме лежащего на кровати отца. Даже при бледном свете декабрьской луны его лицо выглядело бесстрастным и неизменным. Он ровно дышал: от установленной рядом капельницы тянулись тонкие стеклянные трубочки прямо к ноздрям отца. Другие трубки вели к стеклянной посудине, куда отводилось содержимое желудка.

Майкл постоял с минуту на пороге, присматриваясь, все ли в порядке с отцом. Потом вышел в коридор и направился к дежурной.

— Я Майкл Корлеоне, — представился он. — Пришел проведать отца. Почему он один? Куда делись полицейские, которые его охраняли?

Молоденькая и миловидная сестра очевидно еще не утратила веры в могущество медицинских правил.

— К вашему отцу приходило так много людей, — безапелляционно сказала она, — что просто невозможно работать. Поэтому полицейские распорядились всем уйти. Это было минут десять назад. А буквально только что детективов пригласили к телефону и срочно вызвали в комиссариат. Но вы не беспокойтесь, я рядом и мне слышен каждый звук из его палаты. Видите, и дверь открыта для этого.

— Спасибо, — сдержанно сказал Майкл. — Я побуду с ним пока. Вы не против?

Она улыбнулась:

— Только не долго, у нас очень строгие правила, так что и Вам придется уйти.

Майкл вернулся в палату к отцу и немедленно ухватился за телефонную трубку. Больничная телефонистка вызвала ему номер тайного

телефона в кабинете отца в Лонг-Бич. Ответил Санни:

— Вас слушают.

— Санни, — громким шепотом сказал Майкл, прикрывая рукой трубку, — я в больнице, пришел сюда поздно и здесь никого, кроме меня, нет. Слышишь, Санни — ни людей Тессио, ни полицейских агентов. Ни одного поганого детектива у двери. Старик совершенно один, — голос Майкла сорвался.

В ответ Санни некоторое время молчал. Потом заговорил, сдерживая сумасшедшую ярость и буквально продавливая слова сквозь зубы:

— Вот это и есть, очевидно, сюрприз, который готовил Солоццо.

Майкл сказал;

— И я так понял. Но как ему удалось все это проделать? Убрать детективов? Избавиться от людей Тессио? Что с ними стряслось? Неужели, Господь милосердный, подлый подонок Солоццо управляет нью-йоркской полицией?

— Спокойней, малыш, — ласково сказал ему Санни. — Нам опять повезло. Судьба привела тебя так поздно в больницу к отцу. Побудь со стариком, запритесь изнутри. Мне надо минут пятнадцать, только дозвониться до ребят. Никуда не уходи и не нервничай понапрасну. Продержишься, малыш?

— Нервничать я не стану, — ответил Майкл, впервые с начала этой семейной драмы ощущая, как его охватывает лютая ненависть к врагам отца.

Опустив трубку на рычаг, он звонком вызвал сестру. Санни, возможно, прав, но ему здесь на месте виднее, как надо действовать.

— Вы только не пугайтесь, — сказал он вошедшей сестре, — но отца необходимо немедленно перевезти в другую палату. Лучше — на другой этаж. Помогите мне отсоединить эти трубки, чтобы ничего не повредить.

— Вы что, смеетесь? — возмутилась сестра. — Как же можно без разрешения лечащего врача?

Майкл не дал ей продолжить мысль. Он заговорил очень быстро:

— Вы же знаете из газет о моем отце. То, что всю охрану убрали, подстроено специально. Мне передали сейчас, что с минуты на минуту здесь объявятся убийцы. Поверьте мне, прошу вас, и помогите, — Майкл говорил очень убедительно. В случае необходимости, он мог воздействовать на кого угодно.

Сестра сдалась:

— Трубки можно не отсоединять, они передвигаются вместе с кроватью.

— А где есть свободная палата? — шепотом спросил Майкл.

— В конце коридора, — также шепотом ответила сестра.

Вдвоем они проделали все очень быстро и ловко, за какую-то минуту.

— Побудьте здесь с ним, — сказал Майкл сестре. — В коридоре у столика куда опаснее. Скоро подойдет помощь.

Голос отца, хрипловатый, но полный жизни, окликнул его:

— Это ты, Майкл? Что случилось?

Майкл наклонился к постели, взял руку отца в свою:

— Да, это я, отец. Не бойся. Только послушай меня — лежи тихо и не отзывайся, если кто-то позовет. За тобой охотятся, понимаешь? Они хотели бы убить тебя, но я здесь, и ты не бойся ничего.

Одурманенный транквилизаторами, дон Корлеоне не вполне осознавал, что происходит. Но преодолевая боль, он благодарно шевельнул губами, попытавшись сказать своему младшему сыну:

— Да чего мне бояться? С тех пор, как мне исполнилось двенадцать, всегда находится кто-то, кто хотел бы меня убить.

ГЛАВА 10

Французская клиника, где лежал дон Корлеоне, была небольшая, частная, с одним-единственным входом. Майкл из окна осмотрелся. Улица по-прежнему была пустынной, ни прохожих, ни автомобилей. Попасть в здание можно было только поднявшись по центральной лестнице.

Понимая, что времени в обрез, Майкл стремительно выбежал из палаты и бегом пролетел все четыре пролета — до парадных дверей. Выглянул во двор. На стоянке тоже машин не было, даже санитарных.

Майкл вышел из широких дверей на тротуар и закурил. Пальто он распахнул и встал под светлый круг уличного фонаря, чтобы его могли узнать. И его действительно сразу узнали: молодой человек в куртке от военной формы, появившийся со стороны Девятой авеню, направился прямо к больнице и остановился перед Майклом. Его лицо под копной черных волос показалось смутно знакомым младшему Корлеоне. Под мышкой у парня был пакет. Он переложил пакет в левую руку, а правую протянул Майклу:

— Вы, верно, не можете вспомнить меня? Я Энцо, помощник пекаря Назорини и его зять. Я всю жизнь буду благодарен вашему отцу — ведь он помог мне остаться в Америке.

Майкл пожал ему руку. Теперь он признал Энцо.

— Я пришел навестить Крестного отца и выразить ему свое уважение, — продолжал Энцо с сильным итальянским акцентом. — Но боюсь, что уже поздно. Меня, наверное, не пропустят?

Майкл с улыбкой покачал головой:

— Не пустят, но это неважно, дону будет приятно. Я передам ему, что ты приходил.

Шум мчавшейся на большой скорости машины заставил Майкла насторожиться. Он сказал Энцо:

— Ты шел бы отсюда поскорее, друг, — и обвел жестом двор и улицу. — Здесь того и гляди начнутся всякие безобразия. А тебе не стоит близко знакомиться с полицией.

Страх тенью скользнул по лицу молодого итальянца. Неприятности с полицией могли ему стоить американского гражданства и привести к высылке на родину. Но Энцо был мужчиной и сицилийцем. Он ответил по-итальянски:

— Если так, то я должен остаться. Я хочу быть полезен Крестному

отцу.

Это тронуло Майкла. Он хотел было настоять, но передумал — может быть, два человека у входа в больницу спугнут людей Солоццо. Одного-то они явно не станут принимать в расчет. Майкл угостил Энцо сигаретой, щелкнул зажигалкой. Теперь они стояли вдвоем в свете фонаря под зябким небом декабрьской ночи, греясь огоньком сигареты. В окнах больницы мерцали светильники, украшенные хвоей.

Сигарета уже дотлевала, когда длинный черный автомобиль вывернул с Девятой авеню на Тринадцатую улицу и покатил, почти вплотную держась к тротуару, прямо на них. Приблизившись, машина сбавила ход, и Майкл постарался заглянуть внутрь, хотя ему очень не хотелось этого делать.

Водитель, совсем уже притормозив, вдруг резко рванул, и черная машина растворилась в ночи. По-видимому, Майкла узнали.

Он опять достал пачку и протянул сигарету Энцо. Руки у парня подрагивали от напряжения. А у самого Майкла — нет, чему он мысленно удивился.

Опять стояли, глотая горький дым.

Прошло минут десять. Тишину пустынной улицы вспорол резкий звук полицейской сирены. Визжа тормозами, с Девятой авеню на полной скорости выскочила полицейская «раковая шейка» и стопорнулась перед зданием больницы. Следом прикатили еще два патрульных автомобиля. Полицейские в форме и детективы в штатском буквально высыпали на мостовую. Майкл перевел дух. Молодец Санни, четко сработано. Он шагнул навстречу прибывшим. Два здоровяка в форме тут же схватили его за руки, а третий профессионально обхлопал, ища оружие. Что-то было не так. По ступенькам к Майклу поднимался бравый капитан с золотым шнуром на фуражке — остальные почтительно расступались, давая дорогу. Капитан выглядел отяжелевшим от спокойного образа жизни, виски его уже посеребрила седина, но здоровья, похоже, ему было не занимать. Лицо капитана побагровело от гнева, налившись кровью.

— Я-то надеялся, что мы убрали отсюда всю итальянскую сволочь, — прорычал он в лицо Майклу. — А ты кто такой и какого черта ошиваешься тут?

Один из полицейских, стоявших рядом, сказал:

— С ним все чисто, капитан.

Майкл не произнес ни звука, он только сдержанно, внимательно разглядывал капитана, стараясь поймать мысль за металлическим блеском холодных глаз. Детектив в штатском пояснил:

— Это Майкл Корлеоне, сын дона.

— Мне хотелось бы знать, куда делась охрана, — спокойно проговорил Майкл. — Кто забрал ее отсюда?

Лицо капитана заполыхало еще сильней:

— Уж не перед тобой ли мне отчитываться, вонючий макаронник? Захотел — и снял их отсюда, плевать мне на всех на вас. Чем больше гангстеров перебьют друг друга, тем легче будет наводить порядок. Было б это в моей власти, и пальцем бы не шевельнул, чтобы защитить твоего старика от пули. Так что катись подальше, пока цел, и чтоб ступить сюда не мечтал в неурочное время.

Майкл не двигался, продолжая внимательно разглядывать капитана. Ругательства словно отлетали от него. Волновало другое: неужели сам Солоццо сидел в той, первой машине, заметившей их с Энцо на боевом посту? Неужели у Солоццо достаточно сил, чтобы сейчас же выслать сюда полицейских, потребовав убрать от больницы всех, раз за то честно заплачено? Значит, Санни был прав, сказав, что «турок» действует по плану, готовя им подарочек. Все сходится.

Сохраняя невозмутимость, Майкл вежливо сказал капитану:

— Я не могу уйти отсюда, не удостоверившись, что вы опять выставили охрану у палаты отца.

Капитан не счел нужным ответить. Он обернулся к детективу, стоящему рядом с Майклом, и коротко скомандовал:

— Засади этого щенка под замок, Фил!

Тот засомневался:

— За парнем ничего не числится, капитан. Он герой войны и не ввязывается в семейные игры. Газеты поднимут шум.

Об щеки капитана можно было прикуривать. Он сказал:

— Сказано тебе: засади под замок!

Тогда Майкл произнес обдуманно и громко, так, чтобы все слышали. Он вполне понимал, что говорит и что за этим последует, но не видел иного выхода.

— Дорого ли заплатил вам «турок», капитан, за то, чтобы погубить моего отца?

Капитан немедленно дернулся и повернулся к Майклу.

— Подержите-ка его! — приказал он своим громилам-подручным. Те заломили ему руки, стиснули их. Он увидел, как тяжелый кулак капитана, будто взбесившийся маятник, приближается к лицу, и попробовал уклониться. Удар попал по скуле, разорвавшись гранатой где-то внутри черепной коробки. Рот наполнился кровью и мелким крошевом выбитых зубов. Мгновенно вся левая сторона лица стала раздуваться, словно в нее

накачали воздух. Ноги ослабели. Майкл упал бы, хотя совсем не потерял сознания, но полицейские с двух сторон поддержали его. Кто-то из агентов в штатском прикрыл Майкла от второго удара.

— Господи Иисусе, — услышал Майкл. — Вы изуродовали его, капитан!

Капитан внятно проговорил:

— Я его пальцем не тронул. Он оказал сопротивление при аресте. Сам набросился на меня и упал. Всем ясно?

Вокруг Майкла стоял сплошной туман, багровый, как лицо капитана. Пробиваясь сквозь него сознанием, он увидел, что к больнице одна за другой подъезжают автомобили с людьми Клеменцы. Один из прибывших, в котором Майкл узнал адвоката Клеменцы, уверенно и с достоинством обратился к капитану:

— Семейство Корлеоне поручило охрану мистера Корлеоне частной сыскной компании. Все они имеют право на ношение оружия и на осуществление охранных функций. Если вы воспрепятствуете этому, капитан, объяснение будете давать на суде.

Потом перевел глаза на Майкла и спросил:

— Не хотите ли выдвинуть обвинение против того, кто так обошелся с вами?

Майкл ответил, с трудом ворочая непослушным языком:

— Я споткнулся. Споткнулся и упал.

Он поймал торжествующий взгляд капитана и постарался изобразить на своем лице улыбку, скрывая за ней ту ледяную решимость, которая зрела в нем, и ту лютую ненависть, которая до клеточки заполнила его тело. Майкл ни за что на свете не мог допустить, чтобы о волнующих его чувствах догадались посторонние, — как не допустил бы этого дон. Минуту спустя его уже укладывали на носилки, и осознав, что он в безопасности, Майкл позволил сознанию отключиться.

Утром на его челюсть были наложены шины. Майкл почувствовал это, проснувшись. С левой стороны десны были разворочены, четырех зубов не хватало.

Майкл встретился глазами с Хейгеном, сидевшим у его постели, и спросил:

— Меня что, усыпляли?

— Да, — ответил Хейген. — Надо было вынуть осколки зубов, а без наркоза это болезненно. Да ты и так был не в себе.

— Больше ничего не поломалось? — спросил Майкл.

— Все в норме, — ответил Хейген, — Санни жаждет видеть тебя дома,

в Лонг-Бич, если ты, конечно, способен ехать.

— Конечно, — сказал Майкл. — А с доном все в порядке?

Хейген вспыхнул.

— С этой проблемой все. Наняли частных детективов, те стерегут каждый шаг любого, кто приблизится к больнице. Ну, по дороге поговорим. Поехали?

Машину вел Клеменца. Майкл и Хейген разместились сзади. Каждый ухаб отдавался у Майкла в голове.

— Так что там вчера стряслось? Объясните мне, черт побери!

Хейген неторопливо начал:

— У Санни в полиции есть свой человек, Филиппо, — тот самый детектив, который вступался за тебя. Он разъяснил нам кое-что. Оказывается, Макклоски, еще будучи патрульным, отличался любовью к взяткам. Наша семья тоже немало переплатила полиции, но с Макклоски связываться не имело смысла: жаден и ненадежен. Надо думать, он расколол Солоццо на огромный куш. Короче, вчера, как только прием посетителей прекратился, Макклоски арестовал всех людей Тессио снаружи и изнутри больницы. У многих было оружие, за это он и ухватился. Потом Макклоски по телефону отозвал детективов, сказав, что для них есть другое задание. А смену не прислал. Солоццо скупил его на корню, и Филиппо считает, что теперь этот тип так просто не уймется. Наверное, «турок» выдал ему целое состояние авансом, а на сладкое пообещал золотые горы.

— То, что он избил меня, попало в газеты? — спросил Майкл.

— Нет, — ответил Хейген. — Мы не любим делиться новостями, да и полиция тут не заинтересована.

— Замечательно, — сказал Майкл. — А тот парнишка, Энцо, успел удрать?

— Да, — сказал Хейген. — В отличие от тебя, он сразу сделал ноги, как только увидел фараонов. Он правда был с тобой, когда подъезжал Солоццо?

— Правда, — подтвердил Майкл. — Свой парень.

— Мы возьмем его на заметку, — сказал Хейген. — Ты сейчас как себя чувствуешь? Вид у тебя не праздничный, — он с тревогой посмотрел на Майкла.

— Я в порядке, — сказал Майкл. — Как, говоришь, зовут того капитана?

— Макклоски. Между прочим, я могу тебя порадовать — счет мы сравняли: Бруно Таталья. Сегодня, в четыре утра.

Майкл выпрямился на сиденье:

— Как? Ведь решили выжидать.

Хейген развел руками:

— После того, что стряслось нынче ночью в больнице, Санни не остановишь. В Нью-Йорке и Нью-Джерси полно наших боевиков. Я еще пытаюсь сдерживать Санни, но он так и рвется. Хоть бы ты воздействовал на него, Майк! Пока не началась настоящая бойня.

— Я скажу, — пообещал Майкл. — А мы будем собираться сегодня?

— Надо, — сказал Хейген. — Солоццо, наконец, сыскался и готов приступить к переговорам. Сейчас посредник утрясает детали. Мы сейчас можем переиграть Солоццо, он ведь понимает, что пропал. — Хейген замолчал, потом продолжил — Возможно, он считал нас мягкотелыми и надеялся взять голыми руками. А теперь, когда убрали Бруно Таталья, осознал, что шутки кончились. Он шел ва-банк, когда собирался убрать дона. Кстати, теперь все ясно насчет Люки — его убили накануне покушения, в ночном клубе Бруно Таталья. Как тебе это нравится?

Майкл кивнул головой:

— Тогда не удивительно, что они застали его врасплох.

Дорога к восьми домам, полукругом стоящим на площади в Лонг-Бич, была надежно заблокирована — поперек въезда стояла длинная черная машина. Двое стояли рядом с ней, облокотясь на буфер. В домах по обе стороны от дороги окна верхних этажей были распахнуты настежь.

«Похоже, Санни всерьез взялся за дело», — подумал Майкл.

Клеменца остановил машину, и они вышли на площадь. Охранники были людьми Клеменцы. Проходя, он вместо приветствия повел бровями в их сторону. Ему ответили вежливыми кивками: никаких приветствий, никаких любезностей.

Клеменца сам провел Хейгена и Майкла Корлеоне в дом. Дверь перед ними распахнулась словно сама собой, звонить не пришлось. Видно, из окна контролировали вход. Все трое сразу направились в угловой кабинет, где их ждали Санни и Тессио. Санни подошел к младшему брату, осторожно взял его лицо в свои ладони и сказал со смешком:

— Ну, ты красавец у нас, Майк!

Майкл вывернулся из его рук, подошел к столу и налил себе виски, надеясь унять ноющую боль в развороченной челюсти.

Все они опять уселись за стол, но теперь воздух в комнате был раскален иными страстями. Санни искрился, как бенгальский огонь, пошучивая и похохатывая. Майкл прекрасно понимал, что стоит за этой веселостью — старший брат сделал выбор. Сомнения больше не тяготили его. Настало

время ножей. Вчерашняя вылазка Солоццо переполнила чашу терпения Сантино Корлеоне. Речь о компромиссах уже не шла.

— Пока ты отсутствовал, — сказал Санни Хейгену, — звонил твой посредник. «Турок» рвется на свидание. — Санни искренне рассмеялся: — Во, дает! Встречаться с нами после вчерашнего! Может, он надеется, что мы сложим лапки и запляшем под его дудочку? Каков сукин сын…

Том спросил нейтрально;

— А ты что ответил?

Санни ухмыльнулся:

— Я? Сказал, пожалуйста, милости просим, в любое время, от всей души. У меня все двадцать четыре часа в сутки его ждет-не дождется сотня вооруженных ребят. Пусть только Солоццо покажет кончик своего турецкого носа — большего не потребуется. Так что — добро пожаловать, я не тороплю.

Хейген спросил:

— А конкретно они что-нибудь предлагали?

— Очень даже конкретно, — сказал Санни. — Они просят прислать Майкла, чтобы передать условия через него. Посредник гарантирует Майклу безопасность. Гарантий собственной безопасности Солоццо у нас не просит, знает, подлец, что рылом не вышел. Но встречу организуют они сами: возьмут Майкла, отвезут, все скажут и привезут назад. Место встречи не говорят. Зато говорят, что такое предложат — мы рты разинем и отказаться не сможем.

— А как Таталья? — спросил Хейген. — Не захотят воспользоваться случаем и сквитаться с нами за Бруно?

— Все учли. Утверждают, что Таталья поддерживают Солоццо и готовы простить Бруно. Убийство Бруно Татальи — плата за покушение на дона. Долг платежом красен, так что мы вроде квиты. — Санни опять весело рассмеялся: — Вот скотина толстокожая!

Хейген попробовал предложить…

— Надо бы узнать, что они для нас приготовили.

Санни энергично замотал головой:

— Нет, нет и нет, дорогой наш советник, только не сейчас, — он продолжал со своеобразными итальянскими интонациями, подражая речи дона: — Никаких встреч, никаких разговоров больше. Хватит с нас забав с Солоццо. Либо его голова, либо всех под ружье. Ляжем на матрасы и будем отстреливаться. Бог с ним, с бизнесом.

— Но другие Семьи не захотят войны, — сказал Том. — Это никому не понравится.

Санни пожал плечами.

— У них есть выбор. Пусть выдадут мне Солоццо, — он помолчал и закончил грубовато: — Все, Том, хватит мирных советов. Меня больше не интересует, как это можно уладить. Решение принято. Теперь твой долг — помогать мне победить в этой войне.

Хейген опустил голову и какое-то время сидел в глубоком раздумье.

— Я говорил с твоим человеком из полиции, — сказал он. — Тот уверен, что Макклоски куплен «турком» за бешеные деньги. Причем он принял на себя еще и обязанности телохранителя Солоццо. Так что «турок» без него носа не высунет, и на встрече с Майклом Макклоски, надо думать, будет тоже сидеть рядом, в штатском, но с оружием. Понимаешь, Санни, при таком телохранителе «турок» нам недоступен. Невозможно рассчитывать убить в Нью-Йорке капитана полиции и выпутаться из этой истории. Шум будет невероятный, всю полицию поставят на ноги, церковь и газеты начнут верещать на каждом перекрестке. Все Семьи ополчатся на нас, и Корлеоне окажутся просто изгоями. Самые надежные политические связи старика в подобном случае бессильны помочь. Да они и не станут, они сразу от нас откажутся. Подумай об этом, прежде чем пойти на следующий шаг.

Санни сказал равнодушно:

— Макклоски ведь не может быть при Солоццо неотлучно. Надо только выждать.

Тессио и Клеменца, беспокойно попыхивая сигаретами, молчали, не вмешиваясь, но заранее нервничая: ведь риск в таком случае ложился на них.

Майкл вмешался впервые за время разговора.

— Нельзя ли перевезти дона домой? — спросил он.

Хейген отрицательно покачал головой:

— Никак нельзя, состояние еще тяжелое. Я уже справлялся об этом. Он выживет только в случае, если медицинская помощь будет самая что ни на есть квалифицированная. Возможно, предстоит еще несколько операций.

Санни внимательно посмотрел на Майкла.

— В таком случае, — сказал Майкл. — Ждать нельзя, надо избавиться от Солоццо как можно скорее. Этот тип чересчур опасен и с буйной фантазией. «Турок» заклинился на том, что достаточно убить отца — и все будет по его. Сейчас он понимает, конечно, что жизнь его стоит не слишком дорого, и хочет купить себе спокойствие ценой временных уступок. Если он почувствует постоянный «хвост» за собой, он непременно сочинит еще одно покушение, а при помощи капитана полиции, черт его

знает, чем это кончится. Мы не можем рисковать отцом. С Солоццо надо кончать.

Санни поскреб подбородок.

— Ты попал в самую точку, малыш, — сказал он. — Нельзя допустить, чтобы Солоццо еще раз поднял руку на старика.

Хейген остудил их вопросом:

— А как быть с капитаном Макклоски?

Санни со странной усмешкой опять посмотрел на Майкла:

— Да, малыш, как же нам быть с этим хамом, капитаном полиции?

Майкл медленно сказал:

— Но ведь ситуация-то отчаянная. Значит, и меры нужны крайние. Давайте исходить из того, что Макклоски тоже придется убирать. А значит, обставить все надо так, чтобы речь шла не об убийстве честно исполняющего свой долг полицейского капитана, а о продажном чиновнике, связанном с рэкетирами, жулике, замешанном в наркобизнесе, который получил свою пулю, как всякий другой гангстер на его месте. У нас ведь есть свои люди в прессе, которым надо все должным образом объяснить и представить материал с соответствующими доказательствами. Это несколько снизит впечатление. Как вы думаете? — он оглядел собравшихся. Тессио и Клеменца по-прежнему не разжимали губ. Санни поддерживал Майкла все с той же странной улыбочкой:

— Продолжай, малыш, у тебя здорово получается. Устами младенца глаголет истина, как говорил обычно дон. Нет, правда, мы все тебя слушаем.

Хейген тоже слегка улыбнулся Майклу. Майкл покраснел:

— Они же сами хотели, чтоб на встречу с Солоццо шел именно я? Я и пойду. На переговорах нас будет всего трое. Распорядитесь, чтобы осведомители выяснили место заранее и чтобы все происходило на виду, в ресторане или баре, в дневное время, — ночью и в чужой дом, на частную квартиру, я не пойду. Так я буду чувствовать себя безопаснее да и им не придет в голову, что мы посмеем пойти до конца при капитане полиции. Наверное, они меня обыщут, но я и не ношу при себе оружия. Оружие можно спрятать где-нибудь там или передать во время переговоров. Тогда я смогу убить обоих.

Четыре головы обернулись к Майклу, восемь глаз смотрели в его лицо. Клеменца и Тессио выглядели потрясенными. Хейген опечалился, но не удивился, он принял предложение Майкла с полной серьезностью. Зато Санни, ставший сейчас похожим на комедийного Купидона, искренне расхохотался. Его просто свернуло от хохота. Чуть не рыдая, он ткнул

пальцем в сторону Майкла:

— Ах ты наш неженка, училка-зубрилка, студент-интеллигент! Ты же знать не желал ничего о семейных делах. А стоило Макклоски попортить тебе рожицу, и ты готов сам застрелить полицейского капитана, и «турка». Нет, посмотрите! Обиделся, как мышь на крупу, вот и говори после этого о деловых отношениях. Двоих готов пришибить за то, что разок схлопотал по зубам! Ну, умница. Стоило ли столько лет придуряться?

Клеменца и Тессио тоже заулыбались в тон Санни, не очень понимая, что его так насмешило, но уверенные, что Майклу такого дела не потянуть. Зато Хейген был непроницаем и серьезен до предела.

Майкл оглядел всех и обернулся к Санни, который все еще покатывался от смеха:

— Значит, обоих убьешь? А ты знаешь, малыш, что за такое здесь не дают медалей, а отправляют на электрический стул? Здесь это не считается геройским поступком, как на войне. И стрелять надо не за целую милю, а в упор, тебе придется встать совсем близко с ними и разнести их головы вдребезги, так что мозги могут брызнуть прямо на твой костюмчик. Ты понимаешь это? И готов пойти на все из-за идиота-полицейского, распустившего свои поганые лапы?

Санни не мог уняться. Майкл встал.

— Может, довольно повеселились? — спросил он.

Улыбка разом сползла с лиц Клеменцы и Тессио — так мгновенно и неузнаваемо изменился Майкл. Он не был ни высокого роста, ни могучего сложения, но от него сейчас прямо повеяло силой и опасностью. Более всего казалось, что это сам Корлеоне проявился в образе младшего сына. Темные глаза побелели от гнева, лицо напряглось. При том, что Санни явно был и сильнее, и крупней, едва ли кто-то поставил бы на него, сойдись они в поединке, да еще с оружием в руках.

Санни подавился смешком, а Майкл продолжил бесцветным, холодным голосом:

— Может, ты сомневаешься во мне, паразит?

Санни сбавил обороты.

— Я вовсе не сомневаюсь, Майк. Я не над тобой смеялся. Просто все иной раз так смешно оборачивается. Я всегда знал, что ты самый сильный в Семье, может, даже сильнее дона — ведь ты единственный умел противиться ему. Я помню тебя совсем махоньким, но и тогда ты умудрялся нарываться даже на меня, не говоря уж о Фредди, а ведь я намного старше. Солоццо думает, что ты слабак, потому что позволил Макклоски ударить себя и не дал сдачи, а еще потому, что от наших дел в

стороне. Вот он и мечтает оказаться с тобой лицом к лицу, да и дурак Макклоски держит тебя за сосунка.

Санни остановился и договорил совсем мягко:

— Но ты-то Корлеоне, черт тебя задери! И я единственный, кто никогда не забывал об этом. Все время с того момента, как старика подстрелили, я ждал, когда же ты взорвешься и сбросишь с себя маску студента, интеллигента, героя войны. Я ждал, что ты станешь моей правой рукой и главной подмогой против всей этой сволочи, цель которой — погубить отца и всю нашу Семью. А оказалось, что нужна такая малость — заехать разок в челюсть. И все. Как вам это понравится?

Он скривил смешную детскую рожицу и переспросил:

— Нет, как вам это понравится, а?

Обстановка в комнате разрядилась. Майкл покачал головой:

— Но, Санни, другого ведь нет выхода. Не могу же я допустить, чтобы Солоццо еще раз добрался до старика. А раз я единственный, которого он согласен подпустить близко, я и надумал. И полицейского капитана, кроме меня, убить некому. Это мог бы сделать ты сам, Санни, но у тебя жена и дети, и кто, кроме тебя, будет вести дела, пока старик не поднимется. Остаемся мы с Фредо, но Фредо сейчас не в счет. Значит, остаюсь я один, все логично. И удар в челюсть тут ни при чем.

Санни подошел к Майклу и обнял его за плечи:

— Да плевать я хотел на логику, главное, что ты с нами, вот что я тебе скажу. А еще скажу: ты прав с начала и до конца. Как по-твоему, Том?

Хейген ответил не сразу.

— Звучит все очень убедительно, тем более, что полностью доверять Солоццо все равно нельзя, никакие переговоры не помешают ему замыслить новую пакость. Значит, от «турка» надо избавляться с концами. И если иначе, как убрать вместе с ним полицейского, не выходит, что делать? Выбора они нам не оставили. Но кто бы не сделал это, обойдется ему недешево, опасность слишком очевидна. Стоит ли взваливать ее на Майкла? Разве больше некому?

Санни сказал не задумываясь;

— Я сам готов пострелять.

Хейген нетерпеливо покачал головой:

— Ты не подходишь, Санни, Солоццо ни за что не подпустит тебя к себе даже на милю и даже если охранять его будет целый взвод полицейских, а не один продажный капитан. И тебе, как главе семьи, сейчас никак нельзя рисковать. — Хейген обернулся к Клеменце и Тессио: — Неужели у вас нет настоящего парня, на которого можно было бы

положиться? На всю жизнь обеспечим за такую услугу.

Клеменца высказался первым.

— Нет никого, кто не известен Солоццо. И у Тессио, и у меня. «Турок» ни минуты не станет сомневаться, сам понимаешь. Если пойду я сам или Тессио, результат будет тот же.

— А может, есть какой-нибудь малый, — продолжал настаивать Хейген, — который еще не проявил себя, но с характером?

Оба доверенных сделали отрицательный жест.

— С тем же успехом шахтера можно послать выступать на сцену, — сказал Тессио с усмешкой.

Санни прервал бессмысленный разговор.

— Без Майкла не обойтись, и причин тому — миллион. Но главное — что его не считают опасным, держат за сосунка. В том, что он справится, я не сомневаюсь ни секунды. А другой возможности подстрелить эту проклятую сволочь Солоццо в ближайшем будущем нам не предвидится. Значит, хватит тратить время зря, надо продумать все детали. Том, надо, чтобы Клеменца и Тессио немедленно выяснили место встречи, неважно, во сколько обойдется информация, не скупитесь. Когда узнаем где, решим вопрос об оружии для Майка. Я хочу, Клеменца, чтобы ты подобрал для него самый «чистый» пистолет из своей коллекции, самый «холодный», чтобы его абсолютно невозможно было вычислить. Желательно короткоствольный и с большой убойной силой. Точный бой не обязателен, с двух шагов и так не промахнешься. Майкл, как только пальнешь, пистолет кидай под стол. Упаси Бог, чтобы его обнаружили у тебя. Да, Клеменца, не забудь покрыть оружие специальным лаком, он у тебя есть, чтобы не осталось отпечатков пальцев. Запомни, Майк, мы скупим все, в том числе, и свидетелей, если понадобится, но оружие на руках — улика, против которой все бессильны. Не допусти только этого, ладно? Транспорт будет ждать тебя, охрану обеспечим. А потом тебе придется уехать надолго, брат, исчезнуть, пока все страсти не улягутся. Только, я тебя прошу, ты лучше не прощайся со своей девушкой, не звони ей и уж, во всяком случае, не встречайся больше. Когда все кончится, я сам свяжусь с ней, сообщу, мол, жив-здоров. Таковы мои распоряжения, — Санни опять широко улыбнулся. — А теперь можешь заняться оружием, которое подберет для тебя Клеменца. К нему надо привыкнуть, так что, возможно, есть смысл попрактиковаться. Об остальном не волнуйся. О'кей, малыш?

Майкл Корлеоне вновь почувствовал, как им овладевает холодная и восхитительная решимость. Он сказал брату небрежно:

— О'кей, только какого черта ты учишь меня, что говорить Кей, а что

— нет? Ты ведь это имел ввиду, когда не советовал звонить и встречаться?

Санни поспешно кивнул:

— Не злись, Майк, ты все-таки у нас новичок. Я должен предусмотреть все.

— Новичок, новичок, — передразнил его Майкл. — Не такой уж и новичок. Всю жизнь только и делаю, что слушаю ваши с отцом разговоры, даром, что ли, такой сообразительный?

Оба весело рассмеялись.

Хейген разлил виски по стаканам. В нем боролись две личности: штабист, который стремился к боевым действиям, и стряпчий с его уважением к закону.

— Во всяком случае, план действий у нас есть, — мрачновато сказал он.

ГЛАВА 11

Капитан Макклоски в своем кабинете рассматривал конверты, плотно набитые билетами скакового тотализатора. Сдвинув брови, он пытался расшифровать обозначения. Конвертов было три. Их изъял полицейский налет у одного из букмекеров семейства Корлеоне. Теперь букмекеру волей-неволей придется выкупать билеты обратно, если не хочет получить по шапке от своих вкладчиков.

Для Макклоски правильно расшифровать пометки было необходимо, чтобы не продешевить. Если в этих конвертах сделок тысяч на пятьдесят, уж пять-то штук ему обеспечены. Но вдруг, паче чаяния, за этими невзрачными лоскутками скрываются ставки на сто, а то и на двести тысяч, цена выкупа для букмекера должна резко возрасти.

Не разобравшись, Макклоски в раздражении смешал билеты в кучу. Он из этого паршивого букмекера душу вынет прежде, чем соблаговолит выслушать первое предложение. Авось со страху сам проболтается, какова настоящая цена.

Капитан перевел взгляд на стенные часы. Пора ехать за Солоццо, сопровождать грязного «турка» на встречу с Майклом Корлеоне, Макклоски открыл стенной шкаф и достал гражданскую одежду, Закончив переодеваться, он позвонил жене предупредить, чтобы к ужину не ждала, сегодня он работает допоздна. Макклоски не слишком откровенничал с женой, и та по простоте душевной считала, что они живут на одну его полицейскую зарплату. Услышав такое суждение, Макклоски только хмыкнул от удивления. Впрочем, его мать думала так же, зато он сам все осознал очень рано. Отец — сержант полиции раз в неделю совершал обход своего участка вместе с сыном. При этом Макклоски-старший знакомил со своим шестилетним сынишкой всех лавочников в округе, говоря:

— Это мой пацаненок.

А лавочники охотно пожимали руку ребенка, не жалели комплиментов и пяти-десяти долларов, тут же извлеченных. из кассы. К концу обхода карманы маленького Марка Макклоски раздувало от банкнот, так же, как его самого — от гордости и удовольствия, Он не сомневался, что так нравится папиным друзьям и что они с радостью делают ему подарки. Отец, разумеется, деньги у него изымал, складывал их в банк на имя сына, чтобы Марк когда-нибудь смог поступить в колледж, а на мелкие расходы

выделял новенький полтинник.

Потом они с чувством выполненного долга шли домой.

Когда дяди-полицейские интересовались у Марка, кем он станет, мальчик отвечал с детской откровенностью всегда одно и то же:

— Полицейским.

Это безумно смешило их. Но его намерения были серьезными. После средней школы он пошел отнюдь не в колледж, как мечталось отцу, а на полицейские курсы.

Из него вышел хороший полицейский, настоящий полицейский. Трудные подростки, терроризировавшие всех вокруг и торчащие группками в подворотнях на страх случайным прохожим, удирали сломя голову при его появлении и постепенно вовсе повывелись на его участке. Он никогда не использовал ребенка для получения мелких взяток, как делал его отец, спуская за эти дешевые подачки лавочникам нарушение санитарных норм или правил парковки автомобиля. Ничего подобного — свою дань Марк Макклоски взымал собственноручно, считая, что эти деньги он просто заработал. Службу он отбывал добросовестнейшим образом, не тратя время дежурства ни на посещение кинотеатров, ни на ужин в ресторане, что зачастую позволяли себе его коллеги, особенно в холодные зимние вечера. Он действительно охранял покой своего участка, и стоило хулигану или пьянчужке забрести в его пределы, их вышвыривала железная рука. Возобновлять попытки нарушители, как правило, не осмеливались, что высоко ценилось торговцами и мелкими предпринимателями. Такая полиция заслуживала в их глазах всяческой поддержки.

Его любовь к порядку помогла выстроить целую систему отношений и схему платежей, от которой он, надо отдать ему должное, не отступал. Зачем ему лишнее? Он был все-таки честным полицейским, по-своему честным, но это устраивало и окружающих, и начальство. Во всяком случае, все чины он получал вовремя.

Из четырех его сыновей ни один не пошел служить в полицию: все четверо поступили в университет. К тому времени Макклоски уже перерос по званию своего родителя, став лейтенантом, а потом и капитаном. Но учить сразу четырех сыновей, чтобы при этом они ни в чем не знали отказа, становилось все труднее, и о Макклоски пошла недобрая слава. Букмекеры на его участке вынуждены были откупаться от закона куда дороже, чем в других районах Нью-Йорка. Макклоски теперь откровенно называли хапугой, но сам он не видел в том ничего предосудительного. Раз полицейский департамент не платит своим сотрудникам достаточно, чтобы

они могли должным образом содержать семью, кто-то это должен компенсировать. Ведь он обеспечивал защиту от всякой шушеры в пределах зоны влияния и не раз рисковал собственной жизнью, вступая в бой врукопашную или с оружием в руках против матерых преступников. Он сделал мирным свой уголок города, и — черт побери! — неужели жалкая сотня в конверте, которую ему вручали еженедельно, была слишком большой платой за покой и безопасность?

Он был всем доволен и ни на что не жаловался — каждый сам кузнец своего счастья.

С Бруно Таталья Макклоски связывали теплые отношения. Бруно посещал колледж с одним из сыновей полицейского капитана, а когда открыл ночной клуб, все семейство Макклоски получило возможность бесплатно любоваться длинноногими красавицами в кабаре и запивать это зрелище коктейлями. Правда, такие визиты наносились Бруно не часто, он сам, как правило, на Рождество присылал бывшему школьному товарищу и его родителям нарядное приглашение — и тогда уж отводился лучший столик, к которому подводили знакомиться самых ярких знаменитостей эстрады, даже голливудских кинозвезд, если они присутствовали.

Разумеется, в ответ Макклоски оказывал Бруно мелкие услуги. Надо, скажем, принять в бар на службу кого-то, кому работать в кабаре запрещено — какой-нибудь девчушке, зарегистрированной в полиции как проститутка, или вылечившемуся наркоману, — Макклоски помогал в таких случаях с дорогой душой.

Он имел манеру придуриваться, делая вид, что до него не доходит истинная ситуация. Для чего ему вникать в намерения клиента? Пришел к нему Солоццо с просьбой снять охрану с больницы, где лежит Корлеоне, — Макклоски в мыслях не имел полюбопытствовать, что да зачем. Он спросил лишь: сколько? Солоццо назвал сумму в десять тысяч. Капитан полиции мгновенно понял, что почем, но колебаться не стал. Корлеоне — один из самых матерых мафиози, у которого связей больше, чем у самого Капоне. Избавить от него страну значило сделать доброе дело, кто бы это ни сделал. Но деньги в любом случае — вперед.

Он все выполнил по-честному, тут у Макклоски имелись принципы: он человек слова. Поэтому звонок Солоццо, тревожно сообщившего, что перед больницей на посту стоят двое ребят Корлеоне, буквально разъярил капитана. Он все сделал по-честному, посадил людей Тессио, отозвал детективов, а теперь ему же придется возвращать десять тысяч Солоццо. Десять тысяч, которые он уже, между прочим, зарезервировал на образование внуков. Можно понять, в каком бешенстве он был, когда

поднял руку на Майкла Корлеоне.

Тем не менее все кончилось благополучно, а сделка обернулась еще более выигрышной. Встретившись еще раз с Солоццо в ночном клубе Татальи, они заключили новый договор. Макклоски опять не стал вникать в суть дела, не задавал вопросов — ответы он знал заранее. Единственный вопрос, который он себе позволял в таких случаях, касался оплаты его труда. В том, что есть риск для него самого, у Макклоски и мыслей не было. Неужто найдется в Нью-Йорке такой идиот, который замыслит убийство полицейского капитана? Самые отчаянные головорезы ведут себя тише мыши, когда их лупцует самый мелкий и ничтожный полицейский чин. Убивать полицейских не только бесполезно, но и вредно. А если в ответ в полиции начнут пристреливать бандитов десятками при попытке к бегству или за сопротивление при аресте, — что тогда?

Макклоски собрался, он был готов. И почему ж все так сложно вокруг? Вот недавно в Ирландии сестра его жены скончалась, а до этого долго болела раком, так что одно лечение стало им всем в копеечку. А теперь еще похороны! И старым родственникам Макклоски тоже порой нужно помогать: с их овощной фермой, где растет один картофель, особо не разбогатеешь. Он подкидывал им на бедность, а когда случалось гостить у них в Ирландии на каникулах, к капитану и его семейству относились примерно, как к монаршей чете. «Этим летом опять можно будет съездить туда, — подумал Макклоски мимоходом, — ведь война кончилась, и с деньгами все складывается, как по писаному».

Выходя, он сказал дежурному, где будет, чтобы знали в случае чего. Секрета из своих встреч с Солоццо капитан не делал — может, это его осведомитель. Он вышел из конторы, прошелся пешком до поворота и там остановил такси. Солоццо уже ждал его.

Том Хейген готовил выезд Майкла из страны: поддельные документы, паспорт, матросскую книжку — предполагалось посадить Майкла на итальянский сухогруз, державший путь в Сицилию. Для обеспечения безопасности туда же, в Сицилию, был самолетом отослан гонец прямо к главарю тамошней мафии — с просьбой оказать прием и содействие младшему отпрыску Семьи Корлеоне. Требовалось надежное убежище в горах.

Санни позаботился о машине и водителе, который будет дожидаться Майкла после встречи с Солоццо. Водитель был надежный — сам Тессио, пожелавший лично выполнить эту работу. Автомобиль подобрали невзрачный с виду, но оснащенный сильным — не родным — мотором и с

фальшивым номером. Как и пистолет, «проследить» автомобиль было невозможно. Для Солоццо ее убогий вид послужил бы еще одним доказательством, что Майкл — личность несерьезная. В действительности же машину давно берегли для чрезвычайного случая, когда потребуется исключительная надежность.

Майкл весь день развлекался с пистолетом у Клеменцы, практикуясь в стрельбе. Для него раздобыли револьвер 22 калибра, маленький и удобный в руке. Пули с мягкой головкой, входя, оставляли след не больше булавочного отверстия, зато выходное отверстие было с блюдце. На расстоянии в пять шагов револьвер бил точно, с более дальнего пуля летела в белый свет, как в копеечку, куда вздумается. Курок шел туго, но после того, как Клеменца потрудился над ним, спускать его стало легче. Глушитель решили не надевать. Если случайный свидетель вдруг вздумает вмешаться, звук выстрела должен подействовать на него отрезвляюще.

Пока Майкл тренировал руку, Клеменца просвещал его разум.

— Пистолет опусти на пол сразу после выстрела. Просто дай ему выскользнуть из руки на пол — никто этого не заметит, Все будут считать, что ты вооружен, как и прежде. Смотрят обычно в лицо, а не на руки. Ты взгляда не отводи, но и в глаза старайся не смотреть. Иди оттуда как можно скорее, но не бегом, а шагом. Они все испугаются, остановить тебя никто не посмеет. Как только выйдешь из дверей, увидишь Тессио. Он будет дожидаться тебя с машиной. Садись — и остальное тебя не касается. Предоставь все ему. Вот увидишь, все пройдет, как по маслу. Ну-ка, примерь, — он протянул Майклу широкополую фетровую шляпу.

Майкл, никогда не носивший шляп, недовольно поморщился.

— Все нормально, — уверил его Клеменца. — Во всяком случае, лицо под этой штукой куда сложнее рассмотреть. И куда проще признать, что ты обознался — если придется растолковывать свидетелям их ошибку, а ведь такое не исключено. Об отпечатках пальцев не беспокойся — рукоятка и курок покрыты специальным составом. Остальное постарайся не лапать зазря.

Майкл спросил:

— Вы уже выяснили место встречи?

Клеменца пожал плечами:

— Пока нет, но ты не тревожься об этом, Солоццо тебя не тронет в любом случае. Пока ты будешь там, они оставляют у нас заложников. Для нас они не представляют интереса, но для них — еще какой, Солоццо понимает цену посредникам. Твоя безопасность в его же интересах.

— Зачем же он сует голову в петлю? — спросил Майкл.

— А куда же нам всем деваться? — ответил Клеменца. — Мы стоим на пороге открытой войны: Таталья против Корлеоне. Департаменту здравоохранения достанется немало работы этой зимой по сбору неизвестных трупов. Такое случается иногда, примерно, раз в десять лет. Избавляемся от дурной крови. А если мы пойдем им на уступки, немедленно ополчатся все разом и постараются все прибрать к рукам. Протянешь палец — откусят руку. Так что надо прижать их в самом начале. Если бы Гитлера остановили в Мюнхене, он никогда бы не смог зайти так далеко. Сами виноваты, что позволили ему разгуляться.

Майкл вспомнил, что дон говорил примерно то же еще в 39-м, когда война еще не была объявлена. «Если бы во главе правительств стояли семейные кланы, возможно, второй мировой войны и не было бы», — усмехнулся он про себя.

Они с Клеменцей пошли в дом Корлеоне, где Санни прочно обосновался в отцовском угловом кабинете. Майкл посочувствовал ему: столько времени находиться, как в осаде, за безопасной оградой домов в Лонг-Бич. Но ведь настанет момент, когда он сможет выйти отсюда.

Санни дремал на диване. На соседнем столике рядом стояли неубранные тарелки с недоеденным завтраком, корками хлеба и половиной бутылки виски, Всегда чисто прибранный, кабинет отца теперь походил на дешевый номер в меблированных комнатах.

Майкл потряс брата за плечо, пока тот не открыл глаза, а потом спросил:

— Слушай, что это за свинство? Почему ты не велишь навести порядок в комнате?

Санни зевнул:

— Ты что, явился инспектировать команды? Ох, Майк, все это чушь. Худо то, что мы до сих пор не узнали, где эти два негодяя — Солоццо и Макклоски собираются беседовать с тобой. А не зная этого, как мы передадим тебе оружие?

— Может, рискнуть, взять с собой? — спросил Майкл. — Ну, найдут — отберут и все. Или мы сумеем так ловко спрятать, что найти не смогут? Всерьез-то они меня не станут обыскивать.

Санни покачал головой:

— Нет, провала мы себе не можем позволить. Случай избавиться от Солоццо едва ли скоро повторится. Ты, кстати, учти, что стрелять надо в него раньше, чем в Макклоски. «Турок» изворотлив, а полицейский не готов к нападению, уверен, что его не тронут. Так что на него у тебя времени хватит. Клеменца предупредил, чтобы сразу ронял пистолет?

— Тысячу раз, — ответил Майкл.

Санни поднялся с дивана и сладко потянулся.

— Как твоя челюсть, малыш?

— Спасибо, хреново, — сказал Майкл. Левая сторона лица у него частью онемела от новокаина, частью ныла со страшной силой. Он взял со столика початую бутылку виски и отхлебнул прямо из горлышка, стараясь угомонить боль.

Санни сказал;

— Полегче, Майкл. Не к месту накачиваться.

Майкл отозвался:

— Помилуй, Санни, кончай изображать старшего братца. Не страшен мне твой поганый Солоццо, приходилось драться на войне и с людьми покрепче, и в куда худших условиях. Что, у него за спиной есть укрепления? Или воздушная защита? Или он может напустить на меня свою тяжелую артиллерию? В конце концов, он всего лишь хитрый сукин сын с толстой мошной. Стоит пришибить его — и на этом все проблемы кончатся. Ну, так я это сделаю. Трудно было решиться. А так-то — они даже понять не успеют, что стряслось.

Том Хейген, войдя в кабинет, кивнул братьям в знак приветствия и сразу же засел за телефон, Сделав пару звонков, он сказал огорченно:

— Ни просвета. Солоццо держит свои мысли при себе и делиться ими ни с кем не намерен.

В этот момент телефон зазвонил. Санни взял трубку и дал знак, чтобы не шумели, хотя и так все смолкли. Сделав каракулю в блокноте, он произнес одну лишь фразу:

— Договорились, он там будет.

Нехорошая улыбка скользнула по его лицу.

— Ну и лис этот «турок», хитрюга, каких мало. Разобъяснил свои условия: в восемь часов они с Макклоски подъедут за Майклом к бару Джека Демпси, что на Бродвее, Оттуда поедут туда, неизвестно куда. Разговор пойдет на итальянском, чтобы капитану нечего было ловить. Солоццо специально сказал, что Макклоски ирландец и по-итальянски знает только слово «сольди». Видать, деньги он любит на любом языке. А про тебя, Майкл, они навели справки и установили, что сицилийский диалект ты понимаешь.

— Они мне льстят, — сказал Майкл суховато, — но авось пойму, надеюсь, разговор выйдет не очень долгий.

Том Хейген сказал:

— Майкл не поедет, пока не прибудет их человек. Без заложника

разговаривать не о чем.

Клеменца ответил:

— Заложник уже у меня дома, играет в покер с моими ребятишками. Пока я не дам команды, его не выпустят.

Санни плюхнулся с размаху в кожаное кресло.

— Как же мы узнаем, черт возьми, где будет разговор? Том, у нас же есть стукачи в семье Таталья, что же они мышей не ловят?

Хейген повел плечом:

— Солоццо настолько осторожен, что не берет с собой никакой охраны, кроме капитана. Он считает, что Макклоски надежней любых телохранителей. В данной ситуации надежность важнее оружия, тут он прав. Похоже, нам остается пустить за Майклом «хвост» и надеяться на Господа Бога.

Санни сказал беспокойно:

— Э нет, от «хвоста» кто угодно избавится, а уж «турок» и подавно. Это он сделает первым делом, — помолчав, он высказался совсем уж отчаянно: — Может, пусть Майкл разрядит свою пушку прямо в машине, в кого попало. Тогда им придется раскрываться поневоле.

Время близилось уже к пяти вечера.

Хейген запротестовал:

— А вдруг Солоццо в машине вообще не окажется? Тогда мы влипнем в историю совсем зря. А выяснить заранее, сядет ли он в машину, ничуть не проще, чем определить место свидания.

— Может, нам для начала пораскинуть мозгами, — вставил реплику Клеменца, — с какой стати «турок» так засекретился?

Майкл сказал, не сомневаясь:

— Да потому, что так и должно быть. Если что-то можно утаить, ни к чему выдавать это. К тому же, он нюхом чует опасность. Он трусит, несмотря на полицейского капитана в тылу.

Хейген щелкнул костяшками пальцев:

— А этот парень из полиции — Филиппо? Ты не пытался звонить ему, Санни? Не подскажут ли в полиции, где искать ихнего проклятого капитана, если приспичит? Попробуй! Для Макклоски-то, в отличие от «турка», секрет невелик.

Санни опять взялся за трубку. Набрал номер и негромко отдал распоряжение.

— Перезвонит, если узнает, — сказал он, поигрывая желваками.

Прошло добрых тридцать минут, когда вновь раздался звонок. Это был долгожданный Филиппо. Санни слушал его внимательно, отмечая что-то в

блокноте. Потом торжествующе оглянулся на своих:

— Ух, кажется, то, что надо. Капитан Макклоски оставил свои координаты дежурному, чтобы с ним могли связаться. Сегодня с восьми до десяти вечера он собирался быть в «Лазурной луне» в Бронксе. Что это за забегаловка, кто-нибудь знает?

Тессио отозвался уверенно:

— Я знаю, для нас там — удобней не придумаешь. Ресторанчик тихий, семейный, с кабинками, отгороженными друг от друга. Можно разговаривать, не опасаясь соседей. Каждый столик сам по себе. Просто предел мечтаний, — Тессио придвинулся к столу и стал складывать макет ресторана из сигарет Санни: — Вот здесь вход, Майкл, потом сразу выйдешь и из дверей свернешь налево, за угол. Как ты появишься, я сходу заведу мотор и подхвачу тебя. Если что-то не будет складываться, крикни погромче, я постараюсь пособить и извлечь тебя оттуда. А тебе, Клеменца, уже сейчас надо пошевелиться, Пошли кого-то немедленно, чтобы запрятал оружие. Туалет у них там старомодный, между стенкой и бачком есть пустое пространство. Там и можно прикрепить револьвер клейкой лентой. Они тебя обыщут, Майкл, убедятся, что ты пустой и на том должны утешиться. В ресторане выжди немного, чтобы ничего не заподозрили, а потом скажи, что хочешь в уборную. Лучше даже попроси у них позволения. Может, ты просто перетрусил, вот живот и скрутило. Ну, а когда вернешься, действуй без промедления. Не садись снова за стол и не целься долго — пали сразу. Меть в голову, по два выстрела на каждого — и ходу.

Санни одобрительно слушал.

— Только ты уж позаботься, Клеменца, чтобы, когда Майкл выйдет из туалета, у него в руке был пистолет, а не кусок дерьма, — нажал он.

Клеменца выразительно посмотрел на Санни:

— За это ручаюсь — пистолет будет на месте.

— Ладушки, — сказал Санни. — Тогда можете все топать отсюда и браться за дело.

Тессио и Клеменца тут же ушли. Том спросил:

— Санни, не отвезти ли мне самому Майкла в Нью-Йорк?

— Нет, — ответил Санни. — Ты мне нужен здесь. Кстати, газетчики у тебя уже намечены?

Хейген кивнул:

— Как только, так сразу. Начиню их информацией до отказа.

Санни встал из-за стола, подошел к Майклу и крепко стиснул его руку в своей.

— Держись, малыш, теперь все в твоих руках. С мамой не скоро увидишься, но я ей все объясню, не беспокойся. И девчонке твоей сообщу, чуть позже, когда можно будет. Да?

— Конечно, — сказал Майкл. — А как ты думаешь, Санни, надолго я должен смыться?

— Не меньше, чем на год, — при самом лучшем раскладе.

— Ну, может, и раньше, — вставил Том, — если дон вернется к работе. Только ты не настраивайся на это, Майкл. Слишком многое должно сойтись. Чтобы газетчики купились на нашу приманку. Чтобы полицейский департамент не стал биться за честь мундира, раз мундир подмочен. Чтобы другие Семьи по-доброму среагировали. Нам здесь придется еще как попотеть и неприятностей предстоит куча, можно к гадалке не ходить — это наверняка.

Майкл протянул руку Хейгену.

— Ты все же постарайся, Том, — попросил он, — чтоб поскорее. Меня как-то не тянет болтаться невесть где еще три года.

Хейген мягко сказал:

— Еще не поздно, Майк, все переиграть. Пошлем кого-нибудь другого. Обдумаем все еще разок. Может быть, пока не будем убирать Солоццо?

Майкл рассмеялся.

— Можно занять любую позицию и ее отстаивать, — сказал он. — Но наше первое решение все равно единственно верное. Я всю жизнь пользовался благами, мной не добытыми, теперь мой черед платить долги.

— Ты никому ничего не должен, Майкл! Я не хочу думать, что ты видишь свой долг в мести за разбитую челюсть, — горячо продолжил Том. — Ведь Макклоски просто кретин, и все эти передряги чисто деловые, ничего личного.

Второй раз за сегодняшний день Том увидел, как вытянулось и заострилось лицо Майкла, приобретя сходство с отцовским, — не лицо, а маска, бесстрастная и глухая.

— Том, не позволяй дурачить себя на этот счет. Весь наш бизнес основан на чисто личных отношениях. Если человеку постоянно приходится только тем и заниматься, что жрать падаль, — это его личное дело. Даже если называть его делом общественным. Или бизнесом. Как ни называй, все это может быть только личным, твоим и ничьим больше, И знаешь, откуда я взял это? От папаши. От дона. От Крестного отца. Даже если бы молния поразила кого-то из его старых друзей, он считал бы личным выпадом. Когда я решил записаться в армию, он принял мой шаг только как свое личное дело. Оттого-то дон и велик. Он, как Господь Бог,

все считает своей заботой. Ему до всего есть дело, даже до пера из воробьиного хвоста. Так ведь? И знаешь, что еще я понял? С теми, кто считают, что несчастный случай — выпад против него лично, такие случаи не происходят. Или происходят много реже, чем с другим. Так что, рано или поздно, я все-таки нашел верную дорогу. Да, я воспринимаю сломанную челюсть как личное оскорбление. И то, что Солоццо хочет убить моего отца, я тоже воспринимаю как личное оскорбление, — Майкл широко улыбнулся. — Можешь сказать при случае дону, что его уроки я выучил наизусть и рад случаю отблагодарить его за науку. — Майкл теперь говорил задумчиво: — Знаешь, Том, я не могу припомнить, чтобы отец хоть раз меня пальцем тронул. Или Санни. Или Фредо. А уж на Конни он, наверное, и не повышал голоса. Ну, а если по правде, Том, как ты думаешь, сколько смертей на счету у моего отца?

Том Хейген сказал, не поднимая глаз:

— Я могу сказать тебе, Майкл, что таким разговорам ты явно научился не у дона. Кое-что делаешь, если жизнь заставляет, но об этом не стоит говорить вслух. Есть вещи, которые нельзя оправдать, сколько ни рассуждай, потому что им нет оправданья. О них надо просто забывать.

Майкл Корлеоне сдвинул брови. Он спросил Тома в упор:

— Как советник Семьи ты считаешь, что для всех нас, и для дона особенно, оставлять Солоццо в живых опасно?

— Да, — подтвердил Хейген.

— Все, — сказал Майкл. — Раз так, значит я убью его.

Без пяти восемь Майкл Корлеоне стоял у ресторана Джека Демпси на Бродвее, ожидая Солоццо. Он уже не первый раз посматривал на часы. Солоццо не торопится, видно, решил быть минута в минуту. А он-то прибыл заблаговременно, уже четверть часа здесь мерзнет.

Дорогой из Лонг-Бича в Нью-Йорк он тщетно пытался отвлечься от недавнего разговора с Томом. Ведь если правда то, что он сам говорил сегодня, значит, в эти минуты его жизнь делает крутой вираж, и пути назад больше не будет. Кто знает, чем обернется сегодняшний вечер? Может, еще до наступления ночи он вообще будет мертв. «Особенно, если не прекратит распускать слюни», — мрачно добавил про себя Майкл. Не о том думать надо. Надо собраться с силами. Солоццо тот еще лис, да и Макклоски не совсем идиот.

Острая боль схватила левую челюсть под шиной. Майкл даже испытал вместе с болью радость, что теперь-то уж сможет отвлечься и взять себя в руки.

На Бродвее народу было не много, хотя близился час начала вечерних

спектаклей в многочисленных здесь театрах. Холодрыга. Майкл передернулся, В тот же миг у тротуара остановился низкий черный лимузин, Водитель, приоткрыв дверцу, сказал коротко:

— Садись, Майкл.

Майкл не знал сидящего за рулем молодого парня с гладко зачесанными смоляными волосами, ниспадающими на открытый ворот куртки, но послушно сел вперед, с ним рядом. На заднем сиденье он увидел Солоццо и капитана Макклоски.

Наклонившись вперед, Солоццо протянул ему руку. Майкл ответил на рукопожатие. Рука «турка» была твердая, теплая и сухая.

— Рад видеть тебя, Майкл, — сказал Солоццо. — Мне кажется, с тобой мы поладим. Все так нехорошо обернулось, я совсем не хотел ничего подобного. Страшно неприятно.

Майкл ответил вежливо:

— Я тоже надеюсь, что сегодня мы все уладим. Не хочу, чтобы отца еще когда-либо тревожили.

— Больше не будут, Майкл, — сказал Солоццо проникновенно. — Клянусь своими детьми, больше его не тронут. Только постарайся отнестись к делу трезво. Давай не будем допускать недомолвок. Ты ведь не так невоздержан, как Санни, правда? Из-за его горячности мы никак не можем примириться.

Капитан Макклоски подал голос:

— Да он-то нормальный парень, Майкл, с ним можно иметь дело, — и, протянув вперед длинную руку, потрепал Майкла по плечу. — Прими мои сожаления за вчерашнее, Майкл. Наверное, я постарел, раз выдержки не хватает. Может, пора на заслуженный отдых? Такое напряжение целый день — того и гляди взорвешься. Чего не бывает, — и, заключив свои слова продолжительным вздохом, капитан умело и быстро обыскал Майкла.

Легкая улыбка скользнула по губам водителя.

Автомобиль мчался на запад. Не уступая дорогу никому, даже тяжелым грузовикам, но каким-то образом втискиваясь в щель между встречным транспортом, На сумасшедшей скорости они миновали Вест-Сайдскую дорогу — тому, кто шел бы на «хвосте», не позавидуешь. Затем, к отчаянию Майкла, они въехали на мост Джорджа Вашингтона, явно направляясь в Нью-Джерси. Похоже, информация о месте встречи-оказалась липовой.

Ночной город блестел огнями позади.

Майкл старался, чтобы на его лице ничего не проявлялось. Что задумал

«турок»? Утопить его в болоте? Или просто в последний момент подстраховался и сменил место встречи?

Однако, миновав мост, водитель вдруг резко крутанул руль. Большой лимузин, казалось, завис в зимнем сумраке, а потом плавно вписался в поток машин, движущихся в Нью-Йорк. Макклоски и Солоццо оглядывались назад, пытаясь рассмотреть, нет ли кого позади. Водитель по-прежнему гнал машину. Теперь они неслись к восточному Бронксу, выбирая боковые улицы и проезды. Следом никого не было. Стрелки часов приближались к девяти.

Солоццо закурил. Предложил сигареты Макклоски и Майклу, но оба отказались.

— Отлично сработано, — сказал «турок» водителю. — За мной не пропадет.

Еще через десять минут черный лимузин остановился перед небольшим рестораном в итальянском райончике. Поблизости никого не было видно, и в самом зале ресторана, поскольку обед уже кончился, сидело лишь несколько случайных посетителей. Майкла беспокоила мысль, не войдет ли водитель с ними вместе, но, по счастью, он остался в машине. Вообще о водителе речь не шла, при переговорах он даже не упоминался. Майкл мимоходом отметил это, но не стал фиксировать внимание. Водитель все равно за дверью, а его партнеры должны считать, что Майкл не осмелится задавать лишние вопросы, заинтересованный в благоприятном исходе переговоров.

Они сели втроем за отдельный столик — от кабинета Солоццо отказался. В зале, кроме них, было еще двое мужчин. Возможно, это люди «турка», — отметил Майкл, хотя сейчас это было несущественно. Вмешаться в ход событий им все равно не удастся.

Макклоски спросил с неподдельным интересом:

— А кухня здесь приличная?

Солоццо утешил его:

— Лучшая телятина в Нью-Йорке. Закажите на пробу, очень рекомендую.

Появившийся невесть откуда одинокий официант подал на их столик бутылку вина, откупорил, наполнил бокалы. Макклоски отказался, удивив тем самым и Майкла, и Солоццо.

— Возможно, я единственный в мире непьющий ирландец, — сказал он. — Но мне встречалось слишком много хороших людей, которых сгубила страсть к бутылке.

Солоццо миролюбиво обратился к капитану;

— Нам надо поговорить с Майклом по-итальянски. Не сочтите это за недостаток доверия к вам, просто по-английски я не смогу убедить Майкла так, как на родном языке, А достичь согласия нам сегодня необходимо. Не обижайтесь на меня, пожалуйста.

— Да Бога ради! Скучать я не буду наедине с телятиной и спагетти.

Солоццо немедленно заговорил по-сицилийски, торопя слова:

— Пожалуйста, воспринимай все, что случилось между твоим отцом и мною, только как деловой конфликт. Мое уважение к дону Корлеоне так безмерно велико, что я с радостью пошел бы к нему на службу, сложись обстоятельства иначе. Но ты должен понять правильно: твой отец консервативен. Он придерживается старых взглядов, и теперь, когда все стремительно меняется, просто тормозит движение вперед. Сейчас я начинаю заниматься делом, за которым будущее. Оно может дать миллионы долларов для каждого из нас, если подступиться к нему толково, а твой отец воспротивился всему из-за никому не нужной щепетильности. Тем самым он связывает мне и таким, как я, руки и ноги. Он говорит, разумеется, что я волен делать, что мне вздумается, но это только слова, мы оба знаем, что в реальности так не бывает. Работать необходимо вместе, иначе мы обязательно начнем давить друг друга. При всем моем уважении к дону, я не могу допустить, чтобы он диктовал мне свою волю. На том все и замкнулось, и начались беды, которых можно только было ожидать. При этом имей в виду, я заручился одобрением всех пяти семейств, а Семья Татальи вошла со мной в долю. В этой распре Корлеоне могут остаться совсем одни — против всех. Будь ваш отец по-прежнему у руля, вы, вероятно, выстояли бы, по твой старший брат Санни, хотя и я не хочу его обидеть, все-таки совсем не дон. А ваш ирландец-советник никак не потянет против Дженко Аббандандо, царствие ему небесное. Мир, который я предлагаю, вам необходим ничуть не меньше, чем мне. Давайте пока просто приостановим опасные выпады и подождем, пока дон Корлеоне не сможет сам принять участие в переговорах. Семья Таталья, идя мне навстречу, согласилась не требовать возмездия за убитого Бруно. Заключим мир. Я пока потихоньку буду заниматься своими делами — ведь жить как-то надо. Содействия с вашей стороны не прошу, только не препятствуйте. Мне кажется, ничего неприемлемого для вас здесь нет. И ты, я думаю, вправе принять мои предложения или поискать какой-нибудь компромиссный вариант.

Майкл ответил тоже по-сицилийски:

— А нельзя ли узнать поподробнее, что за дело затевается, как оно отразится на нашей Семье и получим ли мы от него выгоду?

— Ты хочешь вникнуть в суть дела? — переспросил Солоццо.

— Прежде всего я хочу получить гарантии, что никто не станет больше покушаться на жизнь моего отца, — серьезно сказал Майкл.

Солоццо горячо взмахнул рукой:

— Какие же от меня гарантии? Теперь на меня охотятся, я — дичь. Был в кои веки шанс, да весь вышел. Ты переоцениваешь меня, дорогой друг. Не столь уж я всесилен.

У Майкла больше не оставалось сомнений, что Солоццо хочет только выиграть время и сделать очередную попытку обезглавить Семью Корлеоне, А его самого «турок» никак не принимает всерьез, не стараясь даже держать хорошую мину при плохой игре: уж очень откровенно уклоняется он от ответа, гнет свою линию. Майкл опять ощутил во всем своем теле спокойную, непоколебимую решимость, от которой холодок пробегал вдоль спины.

Он заерзал на месте с обеспокоенным лицом. Солоццо резко спросил:

— Что-нибудь случилось?

Майкл ответил смущенно, переходя на английский:

— Да, много жидкости… Просто сил нет терпеть. Вино вот… Ничего, если я выйду ненадолго?

Солоццо пристально посмотрел ему в лицо. Черные глаза «турка» буравили Майкла насквозь. Он протянул руку и грубо пошарил у Майкла за поясом, нет ли оружия. Майкл развел руками сконфуженно. Макклоски бросил небрежно:

— Да нет у него, я проверил. Мне в жизни тысячу раз приходилось обыскивать таких салаг.

Солоццо все равно не понравилось — чутье у него было звериное. Он посмотрел на человека, сидящего напротив, показав глазами на дверь в туалет. Человек едва заметно кивнул, показывая в ответ, что все проверил.

Солоццо сказал неохотно:

— Иди, только побыстрее.

Майкл прошел в туалет, вошел в кабину и действительно почувствовал позыв, так что проделал все очень быстро. Потом просунул руку за эмалированный бачок и, пошарив, отыскал там свой маленький короткоствольный револьвер, прикрепленный к стойке клейкой лентой. Он легко отодрал его, не заботясь об отпечатках пальцев, сунул оружие за пояс и застегнул пиджак. Вымыл руки, смочил волосы ладонью, стер отпечатки мокрым платком и вернулся в зал.

Солоццо сидел лицом к выходу, напряженно буравя черными глазами дверь. Майкл улыбнулся.

— Теперь можно продолжить разговор, — с облегчением произнес он.

Капитан Макклоски доканчивал блюдо телятины со спагетти. Человек в дальнем углу зала напрягся при появлении Майкла, но сейчас, убедившись, что все в норме, уже расслабился и смотрел спокойно.

Майкл сел на прежнее место. Он помнил, конечно, что Клеменца не велел ему делать этого, а советовал стрелять сразу же, как только войдет с пистолетом в зал. Но инстинкт или неосознанный страх подсказывал, что за любым его движением сейчас внимательно следят, а значит, подстрелят раньше, чем он выхватит из-за пояса пистолет. С оружием он чувствовал себя в куда большей опасности, чем безоружный. Ноги стали ватными, поэтому он просто обрадовался, что можно сесть на стул.

Солоццо опять заговорил быстро и многословно, наклонившись к Майклу через стол. Майкл под прикрытием крышки стола медленно расстегнул пуговицы пиджака, глядя в рот Солоццо, но ничего не слыша, не понимая ни одного из множества произносимых им слов. В ушах только гулко стучала кровь. Правая рука под столом осторожно подобралась к рукоятке револьвера, вытащила его из-за пояса. Как раз в этот момент к их столику подошел официант, поинтересоваться, не нужно ли чего. Солоццо обернулся к нему, и Майкл, ни секунды не мешкая, оттолкнулся от стола и вскинул руки прямо к голове Солоццо. Этот человек обладал такой четкой реакцией, что он отпрянул уже от движения руки Майкла, ничего не осознавая. Но Майкл был моложе, его сознание обострилось напряжением, и курок он успел нажать. Пуля ударила точно между ухом и виском, вылетев с другой стороны и обрызгав остолбенелого официанта огромными багровыми сгустками. Тот же безошибочный инстинкт подсказал Майклу, что первой пули довольно: в глазах обернувшегося на выстрел Солоццо он явственно увидел, как из них уходит последняя искра жизни.

Всего лишь секунда потребовалась Майклу, чтобы развернуть пистолет дулом к Макклоски. Полицейский капитан посмотрел на него сначала с таким спокойным удивлением, будто случившееся никак не могло относиться к нему лично. Что дуло направлено на него, он чистосердечно не понимал, даже вилка с насаженным на нее куском телятины не дрогнула в полицейской руке. Потом Макклоски перевел взгляд с пистолета на лицо Майкла и выразил всем своим видом крайнюю степень негодования. Казалось, он убежден, что теперь Майклу остается только опустить руки, сдать оружие и самому сдаться на его милость, либо уж бежать отсюда со всех ног. Мысли так отчетливо отразились на лице капитана, что Майкл широко улыбнулся ему, спуская курок.

Выстрел вышел неудачным: пуля угодила в широкую шею Макклоски, и он стал задыхаться, гулко глотая воздух, будто подавился им, как куском телятины. Капитана стал душить кашель, вокруг рта его бился воздух, насыщенный мельчайшими каплями из надорванных легких. Старательно и хладнокровно прицелившись, Майкл всадил вторую пулю прямо в седеющую макушку капитана.

Казалось, зал заволокло густым розоватым туманом — будто Макклоски надышал перед смертью. Майкл дернулся к человеку, сидевшему в дальнем конце зала. Тот, заметив движение Майкла, сейчас же выложил пустые руки на стол перед собой и сделал отсутствующий вид. Официант на деревянных ногах неуверенно двинулся в направлении кухни, сохраняя маску ужаса на лице и с недоверием поглядывая в сторону Майкла. Солоццо все еще оставался на стуле, привалившись боком к столу, а тяжелое тело Макклоски медленно сползло вниз и теперь лежало на полу.

Майкл выпустил револьвер из рук, и он тихо скользнул по складкам одежды. Никто из присутствующих в зале, пожалуй, не заметил этого — ни испуганный официант, ни человек за дальним столиком. Майкл несколькими быстрыми шагами преодолел расстояние до двери и распахнул ее.

Черный лимузин Солоццо все еще стоял у дверей, но водителя в нем не было видно, Майкл стремительно свернул налево, за угол. Тотчас же возникли огни автомобиля и грузный «седан» подкатил, на ходу открывая дверцу. Майкл сел, и машина, взревев, понеслась прочь.

За рулем сидел Тессио. Угловатое его лицо словно закаменело от напряжения.

— Ты трахнул Солоццо? — спросил Тессио.

Майкл не сразу понял, о чем он, — обычно у слова «трахнул» имелся иной, эротический смысл. Но помолчав секунду, он ответил решительно:

— Обоих.

— Уверен? — переспросил Тессио.

— Я видел их мозги, — сказал Майкл.

Он переоделся, в машине для него была специально приготовлена дорожная одежда. Двадцать минут спустя его ноги уже ощутили палубу итальянского судна, берущего курс к берегам Сицилии. А два часа спустя сухогруз вышел в открытое море.

Стоя у иллюминатора своей каюты, Майкл долго смотрел на уменьшающиеся вдали огни Нью-Йорка, светящиеся в ночи, как уголья адского костра. Он чувствовал себя пустым и легким. Все кончено. Он выбрался. Похожее чувство ему довелось испытать, когда, легкораненого,

его подобрали санитары, а бой, без него, продолжался. Уплывая на катере по направлению к госпиталю, Майкл ощущал себя примерно, как сейчас: гори все синим огнем, только без него.

На следующий день после убийства Солоццо и капитана Макклоски во всех полицейских округах Нью-Йорка было объявлено, что впредь, до выяснения личности убийцы полицейского, всякая подпольная деятельность прекращается. Никаких публичных домов, азартных игр, тотализаторов и уличной проституции. По городу прокатились валы налетов на места, находящиеся в ведении семейств. Любая доходная деятельность, идущая в обход закона, прекратилась.

В тот же день ближе к вечеру к Семье Корлеоне был направлен посредник от пяти других Семей с вопросом, намерены ли они отстаивать убийцу. Посреднику сдержанно ответили, что остальных семейств эта история не касается.

Ночью мимо перекрытого въезда к домам на Лонг-Бич на большой скорости промчалась машина — и на площадь швырнули бомбу. Той же ночью вооруженные силы Корлеоне недосчитались двоих бойцов, убитых в мирном ресторанчике на Гринвич-Виллидж, где они тихо ужинали.

Так началась междоусобная война пяти Семейств 1946 года.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 12

Джонни Фонтейн жестом отпустил лакея. «До утра, Билли!» — сказал он.

Негр-дворецкий, распахивая перед Джонни дверь в просторную гостиную, где стоял обеденный стол, с видом на Тихий океан, отвесил хозяину поклон, содержащий понимания больше, чем почтения: Джонни сегодня ужинал не один.

Девушку, составлявшую ему компанию, звали Шерон Мур и прибыла она в Голливуд из Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк, в надежде попытать счастья. Ей выпала крохотная роль у одного из именитых режиссеров, как раз в ту пору, когда Джонни снимался в картине Уолеса. Джонни нашел, что Шерон свежа и остроумна, почему и счел возможным пригласить ее к себе домой. Его приглашения высоко ценились, поскольку Джонни умел все обставить с королевским величием, так что, разумеется, Шерон согласилась с радостью.

Вероятно, она ожидала немедленной силовой атаки с его стороны — от репутации пожирателя сердец он так и не избавился. Но Джонни терпеть не мог истинно голливудскую манеру «жажды плоти». Если девушка не интересовала его за столом, она не могла быть интересной в постели. Конечно, случались исключения, когда после попойки он просыпался невесть где и невесть с кем, явившейся неизвестно откуда. Но теперь, когда с одной женой он развелся, а с другой разъехался, да и числилось за ним с тысячу голливудских красоток, отношения с прекрасным полом утратили очарование новизны. Во всяком случае, относился он к ним куда проще. И лишь изредка испытывал теплую симпатию к кому-то, как к этой Шерон Мур, с которой обедал сегодня.

Сам он ел немного, но хорошо знал, от какой уймы вкусных вещей приходится отказываться голливудским девочкам, чтобы скопить на достойное платье, а ведь платье — их визитная карточка, проще поголодать, чем обойтись без него. Зато получив приглашение отобедать, бедняжки обычно наверстывали упущенное, и, зная это, Джонни не скупился на изысканные угощения. Напитки тоже были на любой вкус: шампанское в серебряном ведерке, шотландский и ржаной виски, коньяк, ликеры. За дамой Джонни предпочитал ухаживать сам. Все приготавливалось заранее, а он только подкладывал в тарелку и подливал в бокал.

После обеда они перешли из столовой в ту часть гостиной, где одна стена сплошь состояла из стекла и выходила на Тихий океан. Под голос Эллы Фицжеральд, звучащий с пластинки, Джонни устроился на диване рядом с Шерон. Их треп был легким и ни к чему не обязывающим. Он расспрашивал ее, была ли она в девчонках сорванцом или наоборот, влюблялась ли в мальчишек или они сами за ней бегали, казалась себе хорошенькой или дурнушкой, и какой у нее тогда был характер — веселый или замкнутый. Он любил поболтать на такие темы перед тем, как заняться любовью, они вызывали ностальгию и нежность.

Им было уютно сидеть вот так рядом, будто между ними давно уже сложились отношения более прочные, чем случайная голливудская связь. Он потянулся к губам Шерон, подарив ей прохладный дружеский поцелуй, она ответила тем же.

За широким окном в голубом лунном свете плескалась безмятежная океанская гладь.

— А что ж ты свою пластинку не ставишь? — с иронией спросила Шерон. Джонни одарил ее одной из самых лучезарных своих улыбок. Его забавляли ее попытки поддразнить партнера.

— Я еще не настолько свой в Голливуде, — ответил он.

— Ну пожалуйста, поставь что-нибудь для меня, — попросила она, — или лучше спой! Чтобы было совсем, как кино. Тогда и я, наверное, растаю, вроде девиц на экране.

Джонни откровенно рассмеялся. В юности он так и поступал, и результат выходил удивительно одинаковым: его гостьи изо всех сил старались продемонстрировать, как они млеют от счастья, их глаза становились зовущими и страстными, будто и впрямь находились перед всевидящим оком кинокамеры. Теперь же у него и в мыслях не было спеть для кого-то — уже потому, что много месяцев он вообще не решался петь, не доверяя голосу, Да, кстати, дилетанты и не представляют себе, как сильно зависят профессиональные певцы от техники — без ее ухищрений любой голос звучит совсем иначе, чем на пластинке.

Пластинку-то свою он мог бы поставить для Шерон, Но каково ему, немолодому и лысеющему актеру, услышать словно из юности донесшийся полный сил и страсти голос? Наверное, то же испытывают старые толстяки, когда видят самих себя на юношеских фотографиях стройными и прекрасными.

— Я не в голосе, — уклонился Джонни, — а если быть откровенным, мне просто надоело себя слушать.

Шерон отхлебнула из бокала.

— Все говорят, что в новом фильме ты просто супер, — сказала она. — А правда ли, что они совсем не заплатили тебе гонорара?

— Да заплатили какую-то ерунду, — ответил Джонни.

Он встал, чтобы подлить ей бренди, а заодно угостил сигаретой с золотой монограммой и щелкнул зажигалкой.

Она с удовольствием затянулась дымом и опять сделала глоток. Он вернулся на свое место рядом с нею. Себе он тоже подлил бренди, и даже несколько больше, чем гостье. Он испытывал потребность в этом, чтобы отогреться и почувствовать прилив энергии.

Обычно бывает наоборот: мужчина-соблазнитель спаивает для знакомства свою девицу. А ему, как правило, приходилось накачиваться самому, потому что партнерши куда сильнее горели желанием, чем он сам. Нервные стрессы, преследовавшие его в последние два года, истощили силы, и мужские в том числе. Поэтому все чаще Джонни прибегал к отработанному приему стареющих ловеласов: проведя с очередной юной птичкой всего одну ночь, он еще некоторое время усердно появлялся с нею на людях, возил обедать, а затем, всучив дорогой подарок, отделывался от нее наиболее деликатным образом, не ущемляя девичьего самолюбия. Таким образом его мужское реноме оставалось неизменным, а девчушка получала законное право рассказывать всем и каждому о своем романе с Джонни Фонтейном. Любовными такие отношения, конечно, не назовешь, но если партнерша мила и молода, почему бы не пойти на это?

Более всего он не переносил наглых и упорных самок, которые буквально стелились перед ним, преследуя домогательствами, только для того, чтобы потом сообщить подружкам под большим секретом, мол, теперь ясно, каков Джонни Фонтейн. При этом они не упускали случая добавить, что знают мужчин и покруче.

Впрочем, еще хуже были обманутые мужья, не раз за время голливудской карьеры Джонни потрясавшие его признаниями, что охотно отпускают женушке ее грех, раз она не смогла устоять не перед кем-нибудь, а перед самим Джонни Фонтейном, знаменитым певцом и звездой экрана. Их признания просто вводили Джонни в шок.

Голос Эллы Фицджеральд завораживал. Ему невыразимо нравилась манера исполнения певицы, чистота тона, ясность фразировки. Он действительно умел ценить это, может быть, лучше всех. Развалившись на диване, он почувствовал, как обожженное бренди горло буквально распирает от желания подпеть пластинке, причем не просто промурлыкать мелодию, а выдать во весь голос, полной грудью — вместе с вращающимся диском. Но в присутствии посторонних это было невозможно. Вздохнув,

он отхлебнул еще глоток бренди и положил руку на колено Шерон, ощущая тепло кожи сквозь тонкий шелковый чулок. В его прикосновении было не больше чувственности, чем в детской ласке. Но красота и гармония женских ног всегда волновали Джонни, и сейчас он тоже почувствовал, как в нем поднимается знакомая сладостная истома, — хоть она еще оставалась при нем, Что будет, если он лишится желания, как лишился голоса?

Поставив бокал на низенький столик для коктейлей, он всем телом обернулся к Шерон. Джонни был опытным и умным любовником. В его уверенных и нежных жестах не сквозила похоть. Губы припали к губам, руки бережно касались груди. Золотистая кожа Шерон на ощупь казалась шелковой.

На его поцелуй она ответила тепло, но без особой пылкости. Это даже понравилось Джонни, ему осточертели девицы, которые воспламенялись от одного прикосновения, словно были моторами, которые легко запустить нажимом ничтожной кнопки и которые созданы специально для производства любовной энергии.

Осторожным и легким движением он чуть слышно коснулся указательным пальцем впадинки между бедрами Шерон. Это был давно отработанный прием. Иные партнерши даже не замечали его, во всяком случае, не воспринимали как первый шаг к обладанию. Другие не знали, как реагировать, тем более, что в тот же миг Джонни одарял их долгим и страстным поцелуем. Третьи, наоборот, воспринимали как долгожданный сигнал и немедленно изъявляли готовность. В юности, пока Джонни еще не был знаменит и всеми признан, находились девчонки, которые отвешивали ему за это пощечину. Словом, ощущения всегда оставались достаточно острыми и прием срабатывал безотказно.

Но не с Шерон. Она спокойно приняла и прикосновение, Джонни, и страстный поцелуй, а потом так же спокойно отняла свои губы и слегка отстранилась, потянувшись за бокалом. Это могло означать только безоговорочный отказ. Что ж, иногда такое случалось. Редко, но случалось.

Джонни тоже взял свой бокал и затянулся сигаретой. Она сказала мягко:

— Не подумай, что ты не нравишься мне, Джонни. Ты даже симпатичнее, чем я думала. И не настолько я недотрога. Просто мне нужно, чтобы меня зацепило всерьез, понимаешь? Чтобы голову потерять.

Джонни усмехнулся. Она все еще нравилась ему:

— А от меня ты не теряешь голову?

Шерон несколько засмущалась:

— Видишь ли, ты стал великим певцом, когда я еще под стол пешком ходила. Другое поколение, вот в чем дело. Я не кокетничаю, правда. Если бы меня позвал кто-то из нынешних кумиров, я бы, наверное, не засомневалась.

Это понравилось ему уже куда меньше.

Девчонка действительно хороша собой и не глупа. Воспользоваться его связями в мире кино она, по всему видно, тоже не планирует. Возможно, и впрямь неплохая и прямодушная девчонка. Но с червоточинкой, теперь он понимал это. Такие тоже попадались ему иногда: те, что шли на свидание, заранее решив, что в постель не лягут, зато потом смогут радостно сообщить всем друзьям и подругам, как отказала самому великому Джонни Фонтейну. Раньше он в таких случаях просто готов был грызть локти. Теперь, став постарше, понимал все, как есть, и больше не злился. Но подобные девушки не вызывали у него теплых чувств, и Шерон теперь тоже. А жаль, ведь сначала она ему очень понравилась.

Не испытывая более никакого влечения к ней, Джонни вздохнул свободнее. Он выпил еще бренди. Шерон, глядя на Тихий океан за большим окном, сказала:

— Надеюсь, ты не обиделся, Джонни? Наверное, я веду себя не по правилам. Здесь, в Голливуде, принято относиться к таким вещам вроде как к поцелую на прощание. Но я еще не пообтерлась тут.

Букет чувств Джонни Фонтейна трудно передать двумя словами, но главным все-таки было облегчение. Ему сегодня не придется изображать выдающегося любовника, соответствуя экранному образу. А потом не надо будет выслушивать пространные излияния насчет вспыхнувшей в женской груди страсти с неизменным оттенком киномонологов. Пожалуй, лишиться неприятностей не менее приятно, чем получить все в наборе — приложением к женским прелестям.

Они еще посидели немножко, допили бренди, обменялись ничего не значащими поцелуями. Когда Шерон собралась уходить, Джонни ласково потрепал ее по щеке, собственноручно поправил на ней платье, одернув подол над круглыми и золотистыми, как яблоки, коленями девушки.

— Я не в обиде, — сказал он. — Иногда приятно побывать на старомодном рандеву. — Помолчав, он вежливо добавил: — Может, как-нибудь еще отобедаем вместе?

Она продолжала держаться с ним в открытую:

— Тебе это надо, Джонни? Стоит ли тратить время зря и только разочаровываться? Благодарю за приятный вечер, — добавила она с лукавой манерностью. — Когда-нибудь я буду рассказывать своим детям,

что обедала со знаменитым Джонни Фонтейном у него дома.

Он улыбнулся ей в тон:

— А также о том, что Джонни Фонтейн домогался вас, но вы остались неприступны.

Оба рассмеялись.

Джонни воспользовался возможностью взять реванш.

— Если угодно, могу выдать в том расписку, — сказал он.

Она помотала головой.

— Нет, правда, если кто-то вдруг усомнится, пусть прямо звонит мне. Я подтвержу, что гонялся за тобой по всему дому, но ты сумела героически отстоять свою честь, пойдет?

Он несколько переборщил — получилось довольно хлестко, Лицо девушки угасло, будто он сделал ей больно в разгар праздника. Она сразу же поняла, что он откровенно подчеркивает радость ее маленькой победы. Собственно, ее не очень-то домогались. Может, она сама была не столь уж соблазнительна для мужчины уровня Джонни Фонтейна, не так привлекательна, чтобы к ней воспылали страстью. И теперь, если ей захочется рассказать историю о том, как она отказала великому Джонни Фонтейну, надо будет по-честному добавлять, пусть даже с усмешкой: «Правда, он не был настойчив».

— Ну, вдруг когда-нибудь все-таки захочешь еще раз встретиться со мной. Позвони, ладно? Мне ведь совсем не обязательно укладывать в постель всех своих знакомых.

— Ладно, — сказала она, уходя.

Джонни остался в доме один. Предстоял долгий пустой вечер. Конечно, можно было воспользоваться услугами «мясокомбината», как выражался циничный Уолес по адресу неприкаянных и жаждущих полезных знакомств юных «звездочек», стайками ходивших за ним по пятам. Но настроение у Джонни было элегическое. Хотелось нормального человеческого общения. Подумав, он позвонил своей первой жене, Вирджинии. Теперь, когда работа над фильмом закончена, у него появилась масса свободного времени для малышек. Да и о самой Вирджинии он несколько беспокоился. Будучи неопытной и не знающей обычаев голливудских джунглей, она легко могла стать добычей праздного шакала, для которого сама возможность похвалиться перед прочими, что он прибрал к рукам жену Джонни Фонтейна, является достаточной приманкой. Пока, насколько это было известно, похвастаться подобным не мог никто. «Зато кто угодно мог с полным основанием рассказывать о Марго», — невесело подумал Джонни, набирая номер.

Он сразу узнал голос Вирджинии, да это и понятно. Он знал его с тех пор, когда им обоим было по десять лет и они вместе учились в четвертом «Б» классе.

— Привет, Джинни, — сказал он. — Чем ты занята сегодня? Ничего, если я подъеду?

— Приезжай, — ответила она. — Только девочки уже спят, мне не хотелось бы их будить.

— И не буди, — согласился он. — Мне как раз нужно поговорить с тобой.

Ее голос осекся в трубке. Помолчав, она спросила сдержанно, стараясь не проявлять излишнего беспокойства:

— Что нибудь серьезное? У тебя неприятности?

— Да нет, — успокоил ее Джонни. — Наоборот. Сегодня закончилась работа над картиной, вот мне и захотелось повидаться и поговорить с тобой. И на дочек с удовольствием взгляну, если ты решишь, что это их не разбудит.

— Приезжай, — сказала она. — Я рада, что тебе повезло с этой ролью, ты ведь мечтал о ней.

— Спасибо, — отозвался Джонни растроганно. — Так через полчасика я буду.

Подъехав к своему бывшему дому на Беверли-Хиллз, он некоторое время неподвижно посидел в машине, раздумывая. Крестный отец говорил ему как-то, что жизнь надо строить так, как считаешь нужным. Прекрасный совет, особенно, если знаешь, что тебе нужно. А что нужно ему?

Бывшая жена встретила его у дверей. Она всегда была маленькой, хорошенькой, типичной итальяночкой — девочка, воспитанная по патриархальным законам, за порядочность которой в браке можно поручиться, не задумываясь. Супружеская верность для Джонни всегда имела значение. Так не повернуть ли все вспять? — спросил он себя, и тут же ответил: нет. К жене его больше не влекло, она не дала бы ему радости, слишком давно и хорошо они знают друг друга. Да ей и самой никогда не удалось бы полностью простить его. Хорошо уж и то, что вражды между ними теперь не было.

Она сварила кофе и принесла кофейник на подносе вместе с домашними печенюшками в гостиную.

— Может, приляжешь? — предложила она. — Вид у тебя усталый.

Джонни снял пиджак, освободил от туфель ноги, развязал галстук — жена наблюдала за ним из кресла напротив, тая улыбку в глазах.

— Забавно, — проговорила она.

— Что тебя развлекает? — спросил он, поперхнувшись кофе и пролив на рубашку.

— Непревзойденный Джонни Фонтейн вдруг коротает вечер без красотки, — пошутила она.

— Непревзойденного Джонни Фонтейна красотки больше не ценят, — сказал Джонни, — и, представь себе, он счастлив этому.

Он не часто так откровенничал с ней. Дженни спросила сочувственно:

— Что-нибудь случилось?

Джонни усмехнулся:

— Девчонка крутанула мне динамо, И знаешь, мне как-то даже полегчало.

К немалому своему удивлению, Джонни увидел, что ее это огорчило.

— Да не думай об этой потаскушке, — гневно сказал она. — Просто она хочет так привлечь к себе твое внимание.

Похоже, ей действительно стало обидно за своего Джонни. Как это девка посмела пренебречь им!

— Да пропади они все пропадом, — махнул он рукой. — Утомили, ей-богу. А теперь, когда я больше не пою, поклонницы вовсе оставят меня в покое. Они ведь слетаются на песни, а не ради моих прекрасных глаз, сама понимаешь. Глаза у меня как раз самые обычные.

Она возразила со знанием дела:

— В жизни ты всегда выглядел лучше, чем на снимках.

Джонни не принял ее лояльности:

— Скоро я стану совсем толстым и лысым. Если фортуна не подвернется мне в этот раз, если на последней картине не получу «Оскара» — хана, можно идти в подручные к пекарю. А в кино послать сниматься тебя — ты куда лучше смотришься.

Она выглядела вообще-то на свои тридцать пять, никак не меньше. По голливудским меркам это все равно, что сто. Толпы длинноногих, роскошных, юных девиц заполняли этот город, и казалось, их молодость непроходяща, хотя век каждой в отдельности был почти так же короток, как жизнь бабочки-однодневки: год, максимум два. Иные из залетевших сюда пташек были так диковинно прекрасны, что дух захватывало, но лишь до поры до времени, пока азарт погони за карьерой не высушивал яростным огнем живые черты. Соперничать с кинодивами простым смертным женщинам было нереально. Обаяние, ум, воспитанность, манеры — все утрачивало цену перед нашествием вечной молодости и красоты. Может быть, каждая из них в отдельности имела изъяны, но подавляло то,

что их было бессчетное множество. И любая пошла бы следом за Джонни, стоило ему пожелать — Вирджиния давно осознала это. Так что его комплименты немногого стоили. Он любил говорить приятные вещи, надо отдать ему должное. Даже достигнув голливудских вершин, он не считал зазорным для себя польстить любой случайно оказавшейся рядом даме, подать руку, распахнуть перед нею дверь или хотя бы поднести огонь к сигарете. А поскольку все другие люди с готовностью делали все то же самое для него, жесты внимания оказывали неизгладимое впечатление на «звездочек», до которых он любезно снисходил. Причем любезным он оставался даже с теми, с кем проводил лишь одну ночь, не пытаясь толком познакомиться.

Она дружески улыбнулась в ответ на его комплимент:

— Ты как-то уже польстил мне, Джонни, и я поверила — на целых двенадцать лет. Так что я достаточно хорошо тебя знаю, можешь не любезничать зря.

Он со вздохом вытянулся во всю длину дивана:

— Да нет, Джинни, кроме шуток, ты выглядишь прекрасно. Кабы мне так.

Она переменила тему — ее смущало подавленное настроение Джонни.

— А как картина? Хорошо получилась? Думаешь, будет успех? — спросила она.

Джонни кивнул:

— С картиной все в порядке. Если повезет, сразу опять встану на ноги. Могут дать приз Академии — тогда не пропаду, даже если совсем перестану петь. Ну, и тебе с детьми будет перепадать больше.

— У нас и так больше, — сказала Вирджиния. — Куда больше, чем необходимо.

— Мне хотелось бы чаще видеть девочек, — сказал Джонни. — Надо как-то налаживать нашу жизнь. Что если мне обедать у вас по пятницам? Как ты считаешь? Можешь не сомневаться, я ни одной не пропущу — где бы я ни был, чем бы ни занимался. Еще можно проводить вместе уик-энды, хоть иногда. Или брать девочек с собой куда-нибудь на каникулы.

Джинни подала ему пепельницу, предугадывая желание закурить.

— Я не возражаю, — сказала она. — Я потому и не вышла во второй раз замуж, что дети должны знать родного отца.

Она сказала это безлично, ничего не подчеркивая, но Джонни, смотревший сейчас пустыми глазами вверх, в потолок, все равно почувствовал ее желание смягчить сказанное когда-то при разводе, после того, как их брак разрушился, а его успех стал клониться к закату.

— А угадай-ка, кто мне звонил? — опять переменила она тему.

— Кто? — спросил Джонни. Он не стал ей подыгрывать, как не делал этого и раньше.

Вирджиния сказала:

— Ну хоть попытайся угадать.

Он молча ждал.

— Твой Крестный отец, — сказала она.

Джонни поразился:

— Странно. Он ведь никогда и не подходит к телефону. Что он сказал?

— Просил меня помогать тебе, — мягко сказала Джинни. — Сказал, что можешь опять подняться на самый верх, что ты уже начал идти в гору, но надо, чтобы были рядом близкие люди, которые готовы поддержать и поверить в тебя. Я спросила: мне-то что до него? Но он сказал: Джонни — отец твоих детей. Очень приятный человек, просто удивительно, какие ужасы про него сочиняют.

Из кухни, будто в ответ на ее слова, раздался телефонный звонок. Вирджиния недолюбливала телефонов, поэтому после ухода Джонни сняла все лишние аппараты, оставив лишь в спальне и на кухне. Она вышла в кухню, но через секунду вернулась, не скрывая крайнего изумления:

— Это тебя, Джонни, — сказала она, — Том Хейген. Сказал, очень важно.

Джонни немедленно вскочил с дивана и поспешил на кухню.

— Да, я слушаю, Том!

Голос Хейгена был размеренным:

— Джонни, твой Крестный отец считает, что нам пора повидаться с тобой. Ведь картина твоя окончена, нужно обговорить дальнейшие планы. Я вылечу завтра утренним рейсом. Ты сможешь встретить меня в Лос-Анджелесе? Уже вечером я вернусь в Нью-Йорк, так что жертвовать ради меня целым днем тебе не придется.

— Конечно, встречу, Том, — ответил Джонни. — Какие жертвы, о чем ты говоришь? Наоборот, оставайся у меня на пару дней, погости. Я для тебя такую вечеринку закачу! Со всеми здешними шишками познакомлю.

Он всегда предлагал подобное, чтобы старым друзьям не вздумалось, будто он стесняется их в своем блестящем окружении.

— Спасибо, — сказал Том равнодушно, — но мне и вправду необходимо сейчас же вернуться обратно. Значит, мы договорились, встречай меня рейсом двадцать три тридцать из Нью-Йорка. Он прибудет в 11.30.

— Не сомневайся, — сказал Джонни.

— Сам оставайся в машине, — продолжал Хейген, не реагируя на реплики Джонни. — Пошли кого-нибудь встретить меня у трапа и проводить к твоей машине.

— Ладно, — сказал Джонни.

Он вернулся в гостиную на свой диван. Вирджиния смотрела вопросительно.

— У Крестного есть какие-то планы на мой счет. Он не выпускает меня из виду. Эту роль в фильме, которую я так хотел получить, добыл для меня он, не представляю даже, каким образом. Но я предпочел бы, чтоб больше не приходилось пользоваться его услугами, — он опять растянулся, чувствуя бесконечную усталость. Джинни сказала:

— Хочешь, я постелю тебе в гостевой комнате? Зачем тебе ехать куда-то так поздно? Утром позавтракаешь с девочками. Мне тяжко даже думать, что ты там будешь один-одинешенек и пустом доме. Неужели тебе не тоскливо одному?

— Да я там мало бываю, — сказал он.

— Значит, совсем не изменился, — засмеялась Джинни. — Так что, остаешься? Стелить тебе в гостевой?

— А в твоей спальне мне не найдется места? — спросил Джонни.

— Нет, — покраснев, сказала она и улыбнулась, чтобы смягчить отказ. Он тоже ответил ей улыбкой. Во всяком случае, друзьями они оставались.

Назавтра он проснулся поздно — яркие лучи солнца уже вовсю пытались пробиться сквозь задернутые шторы. «Не иначе, как полдень уже», — подумал Джонни.

Он крикнул:

— Эй, Джинни, а как там насчет завтрака?

Ее голос ответил из глубины дома:

— Сию же минуту будет.

Действительно, прошло не более минуты, как она появилась с подносом. Наверное, давно приготовила все и держала в духовке, чтоб не остыло.

Одна только Джинни умела так покормить его в любое время суток! Не успел он выкурить свою первую утреннюю сигарету, как она отворила дверь и две его малышки вкатили столик с подносом, аппетитно сервированным. Девочки были так милы, что у Джонни просто заныло сердце. Свежие личики были чисто вымыты, в живых глазенках горело любопытство. Они едва сдерживали желание броситься сразу ему на шею. Их пушистые волосы мать старательно заплела в тугие косички, следуя старым обычаям, платья, тоже не современного покроя, на пуговках, а

обуты в белые замшевые башмачки. Они встали около столика, следя за движениями, которыми он подносил ко рту сигарету, выпускал дым, стряхивая пепел. Но едва он широко распахнул руки, подзывая их, как обе подлетели к нему, отбросив чинность. Их мытые щечки благоухали, страшно было дотронуться до них небритым подбородком.

Джинни пододвинула столик поближе к кровати, чтобы он позавтракал, не вставая с постели. Она присела рядом и налила ему кофе, намазала гренки. Девчушки устроились на кушетке напротив, глядя на него во все глаза. Уже вполне по-женски они поправляли растрепавшиеся волосы и одергивали платьишки, смятые в объятиях отца. Прошли времена, когда они швыряли в него подушками или возились вместе на ковре. «О господи! — подумал Джонни. — Еще немного — и голливудские хлыщи начнут гоняться за ними». Он угостил дочек беконом с яйцом и дал отхлебнуть по глотку кофе из своей чашки. Это было их ритуалом с тех пор, когда он пел еще с оркестром в ночных клубах и редко мог завтракать с ними. Обе обожали делить с ним трапезу в любые неурочные часы и были в восторге, когда удавалось отведать самую неподходящую по времени пищу: бифштекс и хрустящий картофель в семь утра или бекон с яичницей в полдень.

Только жена да самые близкие друзья знали, насколько Джонни Фонтейн привязан к дочкам. Он просто молился на них. Самым трудным при разводе для него было то, что пришлось покинуть дом, где оставались девочки, и единственное условие, на котором он настаивал до последнего, — полное сохранение за ним отцовских прав. Он не хотел, чтобы Джинни вышла замуж не потому, что ревновал, а потому, что не хотел вмешательства отчима в жизнь девочек. С юридической точки зрения все обставлялось таким образом, что Джинни не стоило выходить замуж, во всяком случае, в финансовом отношении ей выгоднее было иметь любовника, а не мужа. Но тут с Вирджинией проблем не вставало, ее воспитывали в старых итальянских традициях, исключающих понятия секса из жизни матери семейства. Голливудские альфонсы не очень-то поживились деньгами знаменитого Джонни Фонтейна, хотя не раз пытались прибрать их к рукам заодно с его бывшей женой.

Он не опасался, что Джинни попытается вернуть его в дом или станет ждать с его стороны дальнейших шагов к примирению только потому, что вчера ему захотелось переночевать с нею вместе. Восстанавливать сломанный брак оба не стремились. Джинни прекрасно знала, что не в состоянии соперничать с молодыми красотками, так же, как Джонни не в состоянии устоять перед их чарами. Все его партнерши по съемкам

непременно поддавались мальчишескому обаянию Джонни Фонтейна и становились его партнершами по постели, пусть ненадолго.

— Теперь пора вставать, — сказала Джинни. — Ведь надо успеть к самолету Тома.

Она выпроводила девочек из спальни.

— Да, — согласился Джонни. — Между прочим, я решил избавиться от второго брака. Все, развожусь. Буду снова свободен, как птица.

Она молча наблюдала, как он приводит себя в порядок.

После свадьбы Конни Корлеоне, когда они впервые пошли на мировую, в доме всегда имелась смена свежей одежды для Джонни.

— Через две недели Рождество, — напомнила она. — Рассчитывать на тебя?

Он и впрямь сам забыл о приближающемся празднике.

Пока пел, любой праздник означал для него только сумасшедшую работу, но и тогда Рождество старался провести в кругу семьи, это было святое. Только раз и пропустил за все те годы — когда обхаживал Марго, собираясь взять ее в жены.

— Обязательно, — сказал он, — и в Рождество, и накануне буду у вас.

О Новом годе он намеренно умолчал — в новогоднюю ночь намечалось безумное пиршество в кругу друзей, без которых он никак не мог обходиться. Семья существовала отдельно, друзья — отдельно, как параллельные линии они не должны были пересекаться, так что укоров совести Джонни не испытывал.

Джинни подала ему пиджак, обмахнув щеткой пыль. Муж всегда заботился о своем внешнем виде, даже слишком. У него портилось настроение при виде плохо накрахмаленной или не так отутюженной рубашки, из-за цвета запонок, не вполне гармонирующих с цветом костюма. Сегодня тоже запонки оказались не совсем в тон. Джонни нахмурился. Она уловила это и мягко утешила:

— Можешь не волноваться — Том ничего не заметит.

Все втроем они пошли провожать главу семейства до автомобиля, ночевавшего у дома, на обочине тротуара. Девочки с двух сторон держались за руки отца. Джинни шла поодаль, улыбаясь тому, как счастливо светится лицо Джонни Фонтейна. Прощаясь, он по очереди подкинул девочек в воздух и обеих расцеловал. Потом приложился губами к щеке бывшей жены, сел за руль и стремительно укатил. Долгие проводы были не в его характере.

Секретарь Джонни сработал безупречно: автомобиль с шофером уже

ждали, готовые выехать в Лос-Анджелес. Вместе с секретарем в машине сидел один из рекламных агентов фирмы. Джонни пересел из своего автомобиля во взятый напрокат, рядом с шофером, и они немедленно тронулись. А в аэропорту секретарь с помощником благополучно встретили Тома Хейгена. Том тоже уселся в машину, они с Джонни обменялись рукопожатиями и тотчас же вернулись домой.

Когда наконец они с Томом остались один на один в гостиной, напряженность между ними словно витала в воздухе. Джонни был злопамятен и никак не мог простить Тому, что тот не давал ему достучаться до Крестного в худые времена, перед свадьбой Конни. Между прочим, Том даже не счел необходимым извиниться перед ним за это или как-то выразить свое огорчение. А у Тома на этот счет действительно не было никаких терзаний, он честно выполнял свой долг, служил громоотводом, чтобы люди, впавшие в немилость, таили обиду не на дона, а на него. Такая работа, ничего не поделаешь.

— Твой Крестный отец поручил мне еще кое в чем помочь тебе, — сказал Том Хейген. — И я хотел бы закончить с этим до Рождества.

Джонни пожал плечами:

— Картина готова. Режиссер-постановщик вел себя со мной вполне достойно. Сцены, где я играю, — центральные, так что при монтаже Уолес все равно не сможет их полностью вырезать. Не станет же он собственными руками калечить фильм ценою в десять миллионов из чистой вредности? Теперь все зависит от успеха картины. Что скажут критики, примет ли публика, понравлюсь ли я.

Хейген спросил сдержанно:

— Растолкуй мне, награда Академии действительно столь важна для карьеры киноактера или имеет больше декоративное значение, а на судьбе особо не сказывается? — он помолчал и, спохватившись, выразился уклончивей: — Не исключая того, разумеется, что признание и слава всякому лестны.

Джонни весело усмехнулся:

— Кроме тебя и моего Крестного, — вам слава не к чему… Здесь все сложнее, Том. Академическая премия дает возможность ее обладателю лет десять быть на самом верху, Имея «Оскара», он сам выбирает по вкусу роли, потому что от предложений отбоя не будет. Ведь режиссеры и продюсеры уверены, зритель пойдет на имя, отмеченное Академией. Конечно, сама премия еще не все, но лучшей ступеньки для карьеры не отыскать. Сейчас у меня появился шанс. Я ведь не считаю себя большим артистом, я не более, чем популярный певец. Но последняя роль может

оказаться для всех неожиданностью, а сыграл я ее в полную силу, можешь мне поверить.

Том Хейген посмотрел на Джонни пристально:

— Крестный отец считает, что твой шанс на премию ничтожен — исходя из сложившейся ситуации.

Джонни Фонтейн вспыхнул:

— Что ты плетешь, черт побери! Картина еще не смонтирована, никто ее не видел. Дон не имеет к кино никакого отношения. Неужто ты и вправду прилетел сюда за три тысячи миль, чтобы сообщить мне всякую чушь? — В его голосе зазвенели слезы досады.

Хейген искренне расстроился:

— Джонни, — сказал он, — я действительно ничего не смыслю в кино и во всем, что вокруг нагорожено. Меня ведь послал сюда дон, не забудь об этом. Но он постоянно возвращается к твоим делам, беспокоится за тебя и за твое будущее. Ему кажется, что сам ты не выстоишь, и надо решить твои проблемы окончательно. Потому он и послал меня. Пора тебе повзрослеть, Джонни, и перестать рассуждать о себе как о певце или актере. Прежде всего ты должен быть мужчиной, быть своим собственным режиссером и продюсером.

Джонни Фонтейн истерически расхохотался и плеснул виски себе в стакан.

— Если «Оскар» от меня уплывет, мужских качеств во мне останется не больше, чем в моих собственных дочках. Голоса у меня больше нет, иначе я протянул бы на мюзиклах какое-то время. А так… Пропади оно все пропадом! А откуда Крестный отец может знать, дадут ли мне «Оскара»? Нет, я верю ему, конечно, он всегда знает, когда говорит. Хотя все равно не понимаю.

Хейген закурил:

— Нам стало известно, что Джек Уолес не станет тратить денег на поддержку твоей кандидатуры в Академии. Более того, он уже проинформировал всех, что ты не достоин премии, что у него есть другие кандидатуры. И на того, другого парня, не жалеет рекламы. Да и просто покупает голоса: кого — наличными, кого — услугами или девочками. В средствах он не привык стесняться. И делает это так, чтобы не навредить самой картине, ее кассовому успеху. Значит, картина может пройти на «ура», а ты при этом останешься в тени.

Джонни Фонтейн выслушал Тома, опустив голову ниже плеч. Налил себе еще виски, поперхнулся, глотнул воздух и сказал обреченно:

— Тогда мне хана.

Хейген, внимательно наблюдавший за его действиями, неодобрительно покривил губами:

— Едва ли ты найдешь свой потерянный голос на дне стакана.

— Катись на легком катере, — огрызнулся Джонни. Лицо Хейгена окаменело.

— Ладно, — сказал он, — буду относиться ко всему этому только с деловой точки зрения.

Джонни протрезвел. Поставил стакан на стол, прошелся по комнате, подсел к Хейгену.

— Прости меня, Том! Ей-Богу, я идиот. Срываюсь на лай, потому что больше всего на свете хотел бы пришибить этого подонка Уолеса, я боюсь сознаться в этом Крестному отцу, — слезы стояли в его больших глазах.

Ища выход отчаянию, он швырнул пустой стакан из-под виски в ближайшую стену, но тяжелое литое стекло даже не треснуло, и стакан снова подкатился к ногам Джонни, как бумеранг. Тот уставился на него в бессильной ярости, потом расхохотался:

— Дожил, докатился! Господи, помилуй…

Он опять прошелся по комнате и вернулся назад, сел напротив Хейгена.

— Знаешь, мне очень долго везло, — сказал он. — Все желания сбывались будто сами собой. А потом я развелся с Джинни и судьба от меня отвернулась. Голос пропал, пластинки перестали быть популярными, меня больше не приглашали сниматься, да и Крестный отец вдруг рассердился. Ни по телефону говорить со мной не хотел, ни к себе не пускал, когда я бывал в Нью-Йорке. Вечно на моем пути к нему оказывался ты, и хотя я понимал, что это он велел, злился на тебя. Не на него же злиться? На него невозможно злиться, как на Господа Бога. Вот я и срывался все время на тебя, хоть ты не виноват. Но я все понимаю, Том, честное слово. Хочешь, чтобы доказать тебе и чтобы ты меня простил, я с этой самой минуты брошу пить — пока голос ко мне не вернется? Хочешь?

Он говорил так искренне, что Том забыл о своем отношении к Джонни. В нем и правда есть что-то подкупающее, не зря же дон так привязан к своему беспутному крестному сыну. Том сказал:

— Забудем об этом, Джонни. Замнем для ясности.

Его смутила не только искренность раскаяния Джонни — он все же был актер, хоть и не самый великий. Тому Хейгену показалось, что Джонни просто боится, как бы советник не настроил против него Крестного отца. Разумеется, такого быть не могло — в своих симпатиях и антипатиях дон руководствовался исключительно собственными соображениями. Но страх придал глубины раскаянию Джонни.

— Зря ты впадаешь в отчаяние, — сказал Хейген. — Дело еще поправимо. Дон говорит, что может расстроить замыслы Уолеса и устранить препятствия на твоем пути к «Оскару». Но, с его точки зрения, полностью твоих проблем премия Академии не решит, Хватит ли у тебя сил и мужества самому взяться за кинобизнес? Сможешь ли ты наладить производство картин?

— Неужели Крестный отец сумеет раздобыть для меня «Оскара»? — недоверчиво спросил Джонни. — Каким это образом, черт меня побери?

Хейген отрезал:

— В то, что Уолес может всех купить и продать, ты поверил не задумываясь. А по поводу дона сомневаешься? Ну, раз сомневаешься, я готов доказать тебе, что твой Крестный обладает гораздо большими возможностями, чем этот самый Джек Уолес в сферах, где Джека Уолеса и на порог не пустят. Ты хочешь знать, каким образом приз Академии окажется у тебя? Изволь. Он руководит — через зависимых от него людей — профсоюзами во всей кинопромышленности, а следовательно, члены жюри, или почти все члены жюри, так или иначе тоже находятся под его контролем. Естественно, человеку с улицы или ничего не представляющему из себя актеришке «Оскара» все равно дать не могут, премию действительно надо заслужить. Твой Крестный не приставит пистолет к затылку членов жюри и не будет диктовать им: «Отдайте премию Джонни Фонтейну, а не то птичкой полетите со своих мест!» У твоего Крестного мозгов много больше, чем у поганца Уолеса, и возможности его гораздо шире. Он не станет прибегать ни к подкупу, ни к физическому воздействию, все подобные меры недорого стоят. Он сумеет убедить всех, от кого что-то зависит, что в их же интересах голосовать за тебя, что это совпадает с их собственными желаниями. Иначе и быть не может. Так что, поверь мне на слово, дон может устроить для тебя «Оскара», а если уж он не станет этого делать, самому тебе никогда не получить.

— Пусть так, — сказал Джонни. — Я тебе верю, и у меня довольно сил и мужества, чтобы самому стать продюсером. Но денег-то у меня для этого все равно нет. Ни один банк за здорово живешь не станет меня финансировать, тут речь идет о миллионах.

Хейген сухо посоветовал:

— Как только получишь премию Академии, объяви о постановке собственных картин. Подбирай профессионалов самой высокой категории: лучших операторов, художников, режиссеров, всех, кто понадобится. И самых лучших звезд — выбирай по собственному вкусу. Рассчитывай так,

чтобы приступить к производству трех-пяти картин одновременно.

— Ты соображаешь? — взвился Джонни. Знаешь, во сколько это станет? Не меньше двадцати миллионов!

— Когда понадобятся деньги, — продолжал Хейген, — позвонишь мне, я подскажу, к кому из банкиров у вас в Калифорнии обратиться. Банки достаточно часто финансируют постановку фильмов, можешь не беспокоиться об этом. Самым обычным способом попросишь ссуду, представишь обоснование, выполнишь необходимые формальности. Они пойдут тебе навстречу. А предварительно, будь добр, согласуй со мной свои планы и предстоящие расходы. Устраивает такой вариант?

Джонни не сразу ответил. Он молча смотрел перед собой довольно долго, потом спросил тихо:

— Что я буду должен?

Хейген улыбнулся.

— Тебя интересует, что ты будешь должен дону в ответ за его заботу о тебе и в благодарность за двадцать миллионов? Верно, даром ничего не дается, — он выждал, но Джонни не подал голоса. — Но ничего такого, кроме того, что ты сам с охотой и удовольствием сделал для нас, делать тебе не придется.

Джонни высказался наконец прямо:

— Но пусть Крестный сам обратится ко мне, если понадобится что-то очень серьезное. Ты понимаешь, о чем я? Ни от тебя, ни от Санни я такого рода распоряжений принимать не стану.

Хейген несколько даже удивился здравому смыслу этого певца и киногероя. Похоже, какие-то деловые мысли шевелились в голове Джонни Фонтейна. У него хватило соображения предусмотреть, что Санни Корлеоне в любую минуту может попросить его о чем-то безрассудном и опасном, тогда как Крестный отец не станет зря беспокоить любимчика.

— Не тревожься зря, — ответил Хейген. — Дон уже давно отдал нам с Санни строгий приказ ни в коем случае не впутывать твое имя ни в какие дела, рискованные для твоего имиджа. Его заботит твоя репутация не меньше, чем тебя самого. А может, и больше, — не удержался Том, — во всяком случае, ничего такого, что бросило бы тень на твое доброе имя, он никогда не предложит, а если попросит о чем-то, то лишь о том, что ты и сам предложил бы, если б знал наперед. Ручаюсь за это.

Джонни улыбнулся:

— Тогда по рукам.

Хейген сказал:

— Я хочу, чтобы ты твердо знал — Крестный отец верит в твои

способности и в то, что голова у тебя не для того лишь, чтобы красотки балдели, глядя. Он надеется, что банк не прогорит, предоставляя тебе ссуду, а значит, в накладе никто не останется. Так что у дона здесь есть и практический деловой интерес, не забывай об этом, когда будешь тратить деньги. Ты, конечно, его любимый крестный сын, по двадцать миллионов — это состояние. Дону придется приложить немало усилий, чтобы организовать их для тебя.

— Передай дону, что я не совсем без ума, — сказал Джонни. — И если уж Уолес смог стать киномагнатом, то мы как-нибудь не ударим в грязь лицом.

— Дон тоже такого мнения, — удовлетворенно сказал Хейген. — Ну, а теперь распорядись, чтобы подали машину — мне пора в аэропорт. Кажется, я ничего не забыл сказать тебе. Когда дойдет до контрактов, найми собственного адвоката поголовастей, я в это вмешиваться не стану. Но бумаги мне для начала покажи, прежде чем подписать — если ты не против, конечно. С профсоюзами у тебя неприятностей не будет, на это можешь рассчитывать сразу. И это даст тебе экономию по каждой картине. Если вдруг кому-то вздумается сыграть против правил и предъявить тебе лишний счет — не обращай внимания, мы сами разберемся.

Джонни спросил настороженно:

— А сценарии, актеров и все прочее тоже согласовывать с тобой?

Хейген покачал головой:

— Нет, это на твое усмотрение. Если вдруг дону что-то уж очень не понравится, он даст тебе знать. Но не думаю, что такое случится. Кино не входит в сферу его дел, поэтому он мало им интересуется, да и не в его обыкновении навязывать другим свою волю. Это я по себе хорошо знаю.

— Замечательно, — сказал Джонни. — А в аэропорт я сам тебя отвезу. И передай от меня Крестному отцу самое большое спасибо. Я бы сам его поблагодарил, да он никогда не подходит к телефону. Почему, ты не знаешь?

Хейген развел руками:

— У него против телефонов предубеждение. Не хочет, чтобы кто-нибудь записал его голос, даже если разговор ничего не значащий. Боится, что можно из самых невинных слов составить прямо противоположное. Не так это трудно сделать, кстати. А единственное, чего дон всю жизнь избегает — это улик. Рано или поздно власти могут ополчиться против него — вот он и не хочет давать им в руки ничего стоящего, ни малейшей зацепки.

Они сели в автомобиль и по дороге Хейген размышлял о Джонни

Фонтейне. В этот раз впечатления его были более благоприятными для Джонни. Человек растет на глазах, и то, что он сам сел за руль, чтобы отвезти Тома в аэропорт, — тому подтверждение. Не велика любезность, но дон всегда более всего ценит именно такие знаки внимания. И его извинения все-таки шли больше от сердца, чем из-за страха. Джонни не трус, оттого-то зачастую и лез напролом с продюсерами и женщинами. И он один из немногих, кто не боится, а любит дона. Пожалуй, только о Джонни и Майкле можно с уверенностью сказать это. Так что Тому приятнее считать его извинения чистосердечными, тем более, что им теперь предстоит работать рука об руку.

«Джонни предстоит выдержать еще один экзамен, — подумал Том. — Доказать, что голова у него и впрямь умеет соображать. Дон ждет от крестника услуги, но никогда не станет подсказывать ему или делать это условием их соглашения. Тем не менее именно готовность Джонни угадать без подсказки со стороны, чем он может отблагодарить дона, является последним штрихом в их договоре на будущее. Интересно, додумается ли Джонни Фонтейн до того, что от него требуется?»

В аэропорту Хейген настоял, чтобы Джонни не провожал его дальше и не задерживался, а тут же уехал, не дожидаясь вылета самолета.

Джонни вернулся обратно, к своей первой жене. Джинни удивилась его возвращению, но ему не хотелось никуда больше ехать, пока не приведет в порядок мысли. Он понимал, что каждое слово, сказанное Хейгеном, имеет значение. Понимал, что этот разговор полностью изменит всю его жизнь и судьбу. Он взошел на голливудское небо яркой звездой, но звезда его угасла, хотя он все еще оставался молодым — ведь тридцать пять для мужчины не возраст. Однако что толку — его сбросили со счетов, и не надо строить иллюзий и обманывать ими самого себя. Даже «Оскар» его не спасет — не вернет же он ему голос?

А что может сулить еще Голливуд бывшей знаменитости? Второстепенные роли, съемки в малозначительных картинах, ни имени, ни славы, ни реальной власти. Та умница, что отказала ему вчера, решилась бы она вести себя так холодно и равнодушно, будь он на вершине карьеры?

Но имея за спиной поддержку дона, можно достичь настоящих высот. Стать одним из королей Голливуда, чья власть не зависит ни от голосовых связок, ни от настроения почтеннейшей публики. Джонни улыбнулся. Черт возьми, здесь он сможет стать даже почти что доном — при желании, разумеется. А с доном никаким королям не сравняться.

Хорошо бы пожить у Джинни недельки три. Или месяц. Он каждый день ездил бы с девочками кататься, пригласил бы к себе ближайших

друзей. Пить бы бросил, курил меньше, вообще пора заняться собой всерьез. Может, и голос еще вернется к нему? А при голосе, да с финансовой поддержкой дона, никому его не сокрушить.

Он и в самом деле станет одним из королей — на американский манер, разумеется. И создаст свое королевство, в фундамент которого будут заложены не голос и талант, а деньги и тайная мощь.

Джинни привела гостевую комнату в полный порядок по молчаливому уговору с ним. Они не будут жить вместе, как муж с женой, разбитый кувшин не склеить. Но почему бы им не жить под одной крышей? В свое время голливудские сплетники и киноманы всю вину за разлад в семье возлагали исключительно на Джонни Фонтейна, но если поразмыслить, ее вина тоже была, и ничуть не меньшая. Сейчас они оба осознавали это. Самому Джонни, когда он стал популярнейшим певцом и кинозвездой, радостью любого музыкального фильма, и в голову бы не пришло, что можно бросить жену и детей. Он был слишком итальянцем для этого. А итальянцы ставят семейный очаг превыше всего. Конечно, он изменял жене, да и как можно не изменять при его работе и бесконечных искушениях? Нельзя же допустить, чтобы его заподозрили в отсутствии мужественности! Хотя он не отличался мощным сложением и скорее был хрупок, чем атлетичен, с женщинами у него все держалось на искренней восторженности и неутомимости, присущей многим мужчинам с романской кровью. В каждой новой красотке Джонни открывал массу прелестей. Одни казались девичье-невинными, столь нежными и воздушными, что страшно было коснуться даже кончиками пальцев. Но едва пальцы все-таки прикасались к этим эльфам, под ними неожиданно оказывалось пышное и упругое тело, полное томной неги. Контраст между утонченными чертами лица и восхитительно-тяжелой грудью приводил Джонни в полный восторг. Но не менее нравились ему и красавицы, воспламенявшие с первого взгляда, которые, казалось, всем своим видом олицетворяли желание — а в действительности оказывались девственными, и чтобы выяснить это, требовалось провести не один час в любовных сражениях.

Для других мужчин в Голливуде понятие невинности давно утратило смысл, и они порой подшучивали над старомодностью Джонни, придававшего этому значение. Стоит ли тратить столько усилий, чтобы уломать, обучить, дать почувствовать вкус к утехам, если сразу вчерашние ученицы вливаются в стройные ряды других таких же — и не отличишь? В конце концов, все они одинаковы, все из одного теста сделаны. Но Джонни знал, что от первого наставника зависит многое, и если все выйдет по-доброму, удовольствие это ни с чем не сравнимо. Удивительно приятно бывает пробудить первое, дремавшее до сих пор чувство, увидеть своими глазами рождающееся наслаждение. Он как раз не воспринимал их всех одинаковыми, а отмечал, какие все разные, по-разному сложены, и какая богатая и нежная палитра в оттенках кожи. Однажды, когда он работал в очередном ночном клубе, в Детройте, у него была девчонка, которую до

сих пор невозможно забыть: дочь джазиста, игравшего там же, мулатка, но вовсе не потаскушка. Он лишил ее невинности, и близость с ней оставила на губах вкус теплого меда, смешанного с ароматным перцем. Слаще ее у него никогда никого больше не было. И никогда ему больше не приходилось гладить такую шелковистую коричневую кожу, будто сам Господь постарался сделать ее для радости.

Многоопытные голливудские мужи охотно обсуждали различные варианты любовных утех, современные и древние. Они со вкусом смаковали пикантные подробности. А Джонни ни капли не нравилось, когда партнерши разнообразили способы интимной игры, и если какая-нибудь сама предлагала нечто нетрадиционное, он утрачивал всякое желание. В этом отношении ему как раз не повезло с Марго, его второй женой, которая считала его консервативным и потому скучным, дразнясь, что он разбирается в ласках не больше подростка.

Может, Шерон тоже из прожженных и современных девиц, видящих насквозь его самого и его старомодные пристрастия? Да не очень-то и надо было! Девочек, которые подходили ему, он узнавал сразу, и только с ними и чувствовал себя по-настоящему хорошо. Его привлекала девичья наивность и неискушенность, тогда как перед молодками, пустившимися во все тяжкие годков с двенадцати, а к двадцати прошедшими огни и воды, Джонни внутренне пасовал. Ему казалось, будто сжимает в объятиях хорошо отлаженную механическую игрушку. Можно ли получить удовольствие от таких объятий, даже если игрушка эта — роскошная кукла, красивая до умопомрачения?

Джинни опять принесла к нему в комнату поднос с кофе и домашним печеньем. Поставила на стол.

Не распространяясь особо, Джонни сообщил, что Хейген приезжал по поручению дона для того, чтобы помочь начать работы над собственной картиной. Возможно даже, над несколькими картинами сразу. Новость привела Вирджинию в радостное волнение. Значит, Джонни действительно идет в гору! А дон Корлеоне настолько велик, что она раньше даже не представляла себе масштабов его могущества! Ей ведь и в голову не пришло, каким важным окажется визит Тома Хейгена. Да, согласился Джонни, речь шла об исключительно важных делах, и кроме того, Хейген проконсультировал его немного по финансовой и юридической части. Когда с кофе было покончено, он объявил жене, что сегодня вечером намерен поработать — позвонить кое-кому, прикинуть ближайшие планы.

— Половина заработка пойдет на счет наших малышек, — сказал он Джинни. Она поблагодарила его улыбкой и, прежде чем выйти из комнаты,

тепло поцеловала.

Для работы все имелось под рукой: стеклянная коробка, полная его любимых, с монограммой, сигарет, тонкие кубинские сигары в особом ящичке, похожие на черные карандаши. Письменный стол с телефоном. Джонни подсел к нему, откинулся на спинку стула и набрал первый номер. Голова его работала напряженно и ясно.

Для начала он позвонил автору бестселлера, по которому Уолес снял свой последний фильм. Роман сам по себе был популярен, а картина, в которой снялся Джонни, обещала еще умножить славу автора. К тому же писатель относился к поколению Джонни Фонтейна, признания добился не сразу, а когда добился и приехал в Голливуд, то рассчитывал на заслуженное уважение. Но в Голливуде не слишком-то носились со сценаристами, их здесь, что грязи. В иерархии киностраны сценаристы болтались где-то между актерами и техническим персоналом. Как-то вечером в Браун-Дерби Джонни видел случайно унизительный для этого автора эпизод: одна из див, пришедшая пообедать вместе с писателем, не задумываясь, покинула его прямо на званом вечере, едва ее поманил пальцем знаменитый комик, вызывающий взрывы смеха в зале своей крысиной мордочкой. Какое имело значение, что книги писателя читает весь мир, — крысиной мордочке отдавалось полное предпочтение, потому что в Голливуде своя табель о рангах.

Джонни Фонтейн позвонил писателю домой, в Нью-Йорк. От всей души поблагодарил за великолепную, словно специально для него написанную роль. Джонни льстил и очаровывал, пустив в ход весь свой арсенал средств. Перед этим никто не смог бы устоять, и писатель, естественно, не оказался исключением. Когда потом, будто между прочим, речь зашла о новом романе, еще не опубликованном, писатель находился в таком размягченном расположении духа, что пересказал по телефону сюжет одной из самых интересных романных линий. Джонни, слушая его, раскурил сигару.

— Необычайно интересно, — вставил он наконец в короткую паузу, как вставляют лезвие ножа в узкую щель. — А нельзя ли прочитать роман сразу, как вы закончите? Прямо в рукописи? Если у вас найдется для меня экземплярчик, я, возможно, смогу сделать вам деловое предложение. Во всяком случае, более деловое, чем то, какое сделал вам Уолес.

По голосу, в котором сразу же появились нотки заинтересованности, Джонни понял, что Джек Уолес, по своему обыкновению, обжулил автора.

Что ж, этого следовало ожидать.

Остановились они на том, что вскоре после праздников встретятся в

Нью-Йорке, и Джонни пригласил писателя поужинать с ним.

— В компании с двумя хорошенькими путанками, — добавил он шутливо. Писатель принял шутку и рассмеялся в ответ.

Следующие два звонка адресовались режиссеру-постановщику и оператору фильма, в котором Джонни только что снялся. Обоим он сказал примерно одно и то же. Что он, Джонни, знает плохое отношение к себе со стороны Джека Уолеса и потому не может не поблагодарить за доброе отношение с их стороны, которое он, конечно же, ощущал и не перестанет ощущать. Что разговор этот, конечно же, не для чужих ушей, а он, Джонни, со своей стороны чувствует себя должником и, даст Бог, сумеет выразить свою симпатию.

Теперь надо было позвонить Джеку Уолесу, никуда не денешься. Преодолевая внутреннее сопротивление, он набрал номер. Очень вежливо поблагодарил Уолеса за предоставленную ему возможность сыграть роль в картине, о которой он так мечтал.

Уолес был выбит из колеи звонком Джонни. При всей его неприязни он знал, что Джонни Фонтейн в закулисные игры не играет, а значит, кривить душой сейчас, когда картина снята, ему вовсе ни к чему. И вообще у Джонни была репутация честного, хоть и бестолкового, малого. Когда Уолес выяснит, что отныне Джонни становится его конкурентом, его больше всего ошарашит лицемерие телефонного звонка.

К чему и стремился Джонни Фонтейн.

Он положил трубку и еще долго пыхтел сигарой, сидя за письменным столом.

Дом затих, спала его бывшая жена, спали возлюбленные дочки. Никто не тревожил его одиночества, и Джонни мог позволить себе вернуться мысленно к тому тягостному периоду, когда собственными руками ломал покой этого славного дома, бросая самых близких людей из-за пустого ничтожества, каким была, по сути, его вторая жена.

Но даже сейчас, вспоминая о ней, он не мог оставаться хладнокровным — уж больно хороша эта штучка с ручкой. И к тому же однажды он зарекся уже испытывать чувство ненависти к женщине, твердо решил не держать злобы ни на первую жену, ни на вторую, ни на прочих баб, включая, к примеру, ту же Шерон Мур, отфутболившую его лишь для того, чтобы похвалиться потом своим подвигом.

В ту пору он разъезжал по стране с гастролями, пел под оркестр песенки и потихоньку начинал выступать по радио и кино, словом, взлетать на голливудский небосклон новой звездой. Взлетать было приятно

— он жил в свое удовольствие и любая женщина, стоило ее пожелать, падала ему в объятия, ничего не требуя взамен, так что на отношения с семьей его приключения не влияли. Так все шло, пока не встретилась на его пути прекрасная Марго — и он сошел с ума, все полетело в преисподнюю: съемки, пластинки, голос, карьера, семейное благополучие. Настал день, когда Джонни оказался полным банкротом.

По натуре он был щедр и стремился поступать по справедливости. Разойдясь с первой женой, он оставил ей лучшую половину того, что имелось, и позаботился, чтобы дочерям шел доход от каждого гонорара, картин, пластинок, любых выступлений на эстраде.

Став богатым и знаменитым, он ни в чем не отказывал бывшей жене, с готовностью откликался на любую просьбу помочь братьям и сестрам, родителям Вирджинии, ее бывшим одноклассницам и даже семьям этих давно выросших одноклассниц. Никогда он не отгораживался от людей, охотно пел на свадьбах дальних родственников и не ставил это себе особо в заслугу. Он действительно не мог ни в чем отказать Джинни, кроме главного: расстаться со свободой. Если бы она отняла у него свободу и индивидуальность, что бы вообще осталось?

И вот, свалившись со звездных высот и все разом утратив, кроме бесценной своей свободы, когда петь он уже не мог и сниматься его больше не приглашали, а вторая жена бесстыдно изменяла ему с каждым встречным, Джонни однажды приполз на порог бывшего дома, дома, где оставались его дочери и их мать. Ему было так тошно, что он буквально отдался на милость Джинни. Особенно жуткой была одна из ночей — после целого дня прослушивания последних записей, когда он убедился, что голос звучит отвратно, и стал вовсю крыть звукооператоров, обвиняя в халтуре, а потом вдруг понял, плоха не запись, плох сам голос, и расколотил матрицу. Записываться еще раз не стал, сгорая со стыда и бессилия, и с тех пор вообще не пел, — разве что на свадьбе у Конни, но то не в счет.

Та ночь под крышей своего бывшего дома осталась в его памяти мрачным пятном, но явственней всего из глубины мрака проступало лицо Вирджинии, искаженное злорадством. Оно мгновенно промелькнуло, когда он рассказал ей о своих бедах и напастях, но этого мига было довольно, чтобы Джонни почувствовал, как она относилась к нему все время. Он-то распинался перед ней, раскрывал душу!

Вирджиния быстро овладела собой тогда и довольно холодно изобразила дружеское сочувствие, но он уже все знал. В ближайшие несколько дней он поочередно назначил свидания трем самым

симпатичным своим подружкам — тем, с которыми не только спал, но и поддерживал приятельские отношения, подкрепляя их подарками в сотни и тысячи долларов или помогая устроить карьеру. Теперь он явился к ним, бос и наг, и жаждал тепла. А увидел только все то же злорадство.

Было ясно, что надо определиться самому. Он не раз видел, с какой неприкрытой ненавистью относятся многие преуспевающие обитатели Голливуда к прекрасной половине человечества. Продюсеры, писатели, режиссеры, актеры видели в женщинах лишь красивых животных, источник низких удовольствий и угрозу благополучию. Можно было последовать их примеру.

Но душа Джонни сопротивлялась ненависти. Ему казалось, отомрет что-то важное для него самого, если исчезнет любовь. Пусть те, кого он любил так преданно и нежно, оказались лживы и вероломны, пусть они торжествуют, видя его упавшим на дно жизни, пусть, в конце концов, они унижают его предательством и изменой, — что поделаешь? Они таковы, так что приходится принимать жизнь, какова она есть, и продолжать жить.

Он скрыл в своем сердце боль, причиненную ему злорадством любимых, и продолжал дарить подарки, ласкать, улыбаться женщинам. Он простил, принимая это платой за то, что всегда оставался свободен, пользовался их теплом и телом, их услугами и ночами. Но никогда больше он не терзался угрызениями совести из-за того, что обездолил Джинни, лишив ее супружеских радостей, чтобы сохранить при себе дочек. Больше он не помышлял о том, что можно опять вернуться к ней, и даже не скрывал от нее. Падая со звездных высот, он приобрел дубленую кожу и больше не огорчался, что не может сделать счастливыми всех, с кем был близок.

Рядом со столом в баре имелась бутылка виски, но Джонни пообещал Хейгену и самому себе не пить больше. Курить бы тоже не следовало. Вряд ли, конечно, можно вылечить голос, отказавшись от выпивки и курева, но вдруг хоть чуть-чуть это поможет. Пусть один шанс из тысячи — ему надо использовать этот ничтожный шанс, если и впрямь начинаются большие дела.

Джонни почувствовал, что валится с ног. Надо было пойти лечь спать, но что-то мешало, какая-то мысль не давала покоя. Почему-то опять вспомнилось, как он пел на свадьбе у Конни Корлеоне вместе с Нино Валенти. Да, Нино! Вот чем сможет он порадовать дона!

Он опять взялся за телефон и попросил соединить его с Нью-Йорком. Сначала позвонил Санни, чтобы узнать номер Нино Валенти. Потом позвонил самому Нино. Тот был нетрезв, если судить по тону, каким он

откликнулся на звонок из Калифорнии.

— Привет, Нино, не хочешь ли приехать ко мне сюда? — обратился к нему Джонни. — У меня здесь работенка имеется, и нужен свой парень.

Нино пьяно захихикал в трубку:

— С какого счастья, Джонни? Работенка у меня у самого есть. Катаюсь себе туда да обратно, бабенки в кабину подсаживаются, потолкуешь с ними, глядь, полторы сотни в неделю набежало. А у тебя что?

— А у меня получишь пятьсот в неделю и пару-другую кинозвезд вместо твоих домохозяек — на первых порах, — сказал Джонни, — пойдет? И может быть, даже позволю тебе вечерком попеть для моих гостей.

— Ну, тут есть над чем поразмыслить, — ответил Нино. — Мы посоветуемся с адвокатом, с банком, со сменщиком…

— Кончай придуриваться, — сказал Джонни. — Я ведь всерьез зову тебя к себе. Я хочу, чтобы ты прилетел завтра же, утренним рейсом, и мы тут же подпишем контракт сроком на год, по пять сотен в неделю. А если тебе вздумается увести у меня из-под носа какую-нибудь фифочку, я тебя уволю с выплатой жалования за год вперед. О'кей?

Нино замолк надолго. Потом в трубке раздался его совершенно трезвый и ясный голос:

— Эй, Джонни, ты издеваешься надо мной?

Джонни ответил:

— Да что ты, дружище, все совершенно серьезно. Сходи к моему агенту в Нью-Йорке и возьми у него билет на самолет и наличные на первый случай. Я ему позвоню с утра пораньше, попрошу подготовить. Сможешь прилететь завтра? Я подошлю кого-нибудь в аэропорт встретить тебя.

Нино опять долго-долго молчал в трубку. Потом коротко сказал:

— Ладно, Джонни.

Ни хмеля, ни веселья в голосе больше не было. Джонни повесил трубку и лег в постель. Впервые с тех пор, как он расколотил матрицу с собственным голосом, ему было светло на душе и легко на сердце.

ГЛАВА 13

В огромном зале студии звукозаписи Джонни Фонтейн занимался арифметикой: подсчитывал в столбик примерные цифры затрат на желтоватом листке блокнота. Музыканты сходились один за другим, все они были хорошо знакомы ему, некоторые — с юности, с тех еще пор, когда начинающий певец Джонни Фонтейн колесил по эстрадам в сопровождении оркестра. Дирижер относился к числу самых известных в легкой музыке — Эдди Нейлс, человек необычайно занятой, но питавший добрые чувства к Джонни и не отвернувшийся от него в худые времена. Эту запись он согласился провести тоже лишь в знак дружбы, хотя его буквально раздирали на куски.

Нино Валенти, пристроившись у пианино, нервно трогал клавиши инструмента, иногда взбадривая себя глотком виски из огромного бокала. Джонни не стал протестовать против допинга, потому что пьяный Нино пел ничуть не хуже трезвого. Да и вообще, сегодняшняя запись не требует особого вокального мастерства.

По просьбе Джонни Эдди Нейлс сделал оркестровку нескольких старинных сицилийских песен. В их число вошел и шуточный дуэт-поединок, который Джонни исполнял вместе с Нино на свадьбе у Конни Корлеоне. Джонни хотелось сделать дону сюрприз к Рождеству, и он понимал, что такая пластинка окажется в самый раз. Да, пожалуй, и финансовый успех ей гарантирован, до «золотого диска» не дотянет, а сотню тысяч штук распродать запросто.

Но все-таки главным было доставить радость дону. Чего-то именно такого Крестный отец ждал наверняка от своего любимца в благодарность за свою заботу о нем. «Ведь и Нино тоже крестный сын дона», — подумал Джонни. Он отложил блокнот и ручку на вращающийся стул неподалеку и направился прямиком к пианино, которое уныло терзал Нино Валенти.

— Эй, приятель!

Нино поднял на него взгляд и уныло улыбнулся. Похоже, он совсем скис.

Джонни дружески похлопал его по спине:

— Не дергайся, малыш. Поднатужься как следует, а за это я тебе выдам самую порочную из здешних звезд.

— Это какую? Лэсси, что ли? — фыркнул Нино, не отрываясь от своего бездонного бокала.

— Много лучше, — рассмеялся Джонни. — Очаровательная Диана Данн. Качество товара гарантирую.

Нино удовлетворенно блеснул глазами в ответ на соблазнительное обещание, но проворчал с притворным равнодушием:

— А Лэсси тебе слабо раздобыть?

Оркестр тихонько начал давать вступление. Джонни Фонтейн немедленно насторожил уши: Эдди Нейлс в качестве прелюдии создал попурри из песен в своей аранжировке. Сейчас они прорепетируют, и пойдет пробная запись. Вслушиваясь в мелодию, Джонни мысленно расставлял акценты, прикидывал, какой оттенок придать той или иной фразе, с какой тональности вступать. Он понимал, что его голоса на много не хватит, но солировать сегодня будет Нино, а он — только подпевать, вторить ему, исключая, конечно, дуэт-соревнование, там-то придется включаться в полную силу. Для этой песни и следует приберечь то, что осталось от голоса.

Он поднял Нино с его места и вытащил к микрофону. Оркестр дал вступление, Нино пропустил момент. То же повторилось в другой раз. От конфуза лицо Нино покраснею. Джонни дружески подстегнул его:

— Ты решил хорошенько потренировать оркестр?

— Руки пустые. Без мандолины стою, как голый, — сказал Нино.

— А ты возьми в руки бокал, — придумал Джонни.

Это подействовало. Правда, во время записи Нино изредка промачивал горло, но голос его звучал отлично. Джонни не напрягал гортань, стараясь беречь силы, но вторил пению Нино, словно обвиваясь вокруг взлетающей ввысь мелодии, — его техника пения была все еще совершенной и он знал, чего хотел. Полного удовлетворения, конечно, не было, но многолетние тренировки все-таки сказывались: он умел показать высший класс.

Когда настал черед дуэта-поединка, завершавшего запись, Джонни, наконец, дал голосу зазвучать во всю силу. Он заранее чувствовал, как будут ныть связки после записи, но не мог больше сдерживаться. Даже оркестранты вошли в раж, что бывало с ними редко, и, увлеченные песней, опомнились лишь тогда, когда все кончилось. Они постукивали по инструментам смычками и костяшками пальцев, отбивая ритм, а в конце затопали ногами, вместо аплодисментов и барабанщик выбил в знак восхищения лихую и громкую дробь.

Прошло почти четыре часа — с передышками, короткими совещаниями, повторами. Прощаясь с Джонни, Эдди Нейлс сказал ему вполголоса:

— Ты опять в форме, дорогой мой, запись вполне приличная, поверь

моему слову. Может, есть смысл подумать о новой пластинке? Я для тебя придержал роскошный шлягер.

Джонни горестно отмахнулся:

— Оставь, Эдди, все без толку. Через час-другой у меня не будет голоса даже для разговора. Сплошной сип полезет из глотки. Как ты думаешь, там еще много работы с этой записью? На диск наберется?

Эдди ответил меланхолически:

— Пусть Нино подойдет завтра в студию. Там есть кое-какие погрешности, надо будет подчистить. Но вообще он куда лучше, чем я боялся. Ну, а по твоей части техники сами дотянут, если мне что-то не понравится. Ты не против?

— Чего уж, — сказал Джонни. — Когда можно будет послушать матрицу?

— Завтра к вечеру, — сказал Эдди Нейлс. — Прислать к тебе домой?

— Да, — сказал Джонни. — И большое спасибо, Эдди. До завтра.

Рука об руку с Нино они вышли из студии и направились домой к Джонни. Было уже довольно поздно, а Нино пошатывало от виски и от напряжения. Джонни запихал его в душ, чтобы взбодрить немного. К одиннадцати их ждали на вечеринку.

После душа Нино отлежался и начал приходить в себя.

— Мы поедем в Клуб одиноких сердец, — объяснил ему Джонни, — там кучкуются все кинозвезды. Любая из девок, которая встретится тебе там, на экране — королева красоты, и миллионы сидящих в зале мужчин с удовольствием пожертвовали бы своей правой рукой, лишь бы разок получить от них то, для чего, собственно, они в этот клуб собираются. А собираются они туда исключительно, чтобы найти подходящего партнера на ночь, И знаешь, почему? Потому, что они, как звери в клетке, все время по одну сторону экрана, а все остальное человечество — по другую. Им не хватает ласки. Они чувствуют себя загнанными, а ведь любая женщина — это прежде всего женщина.

— Джонни, что у тебя с голосом? — прервал его Нино.

Джонни разговаривал посвистывающим шепотом.

— С голосом труба. Вот так каждый раз, стоит мне попеть немного. Теперь целый месяц не смогу взять ни одной ноты. А хрипеть перестану через несколько дней.

— Горло саднит, да? — спросил Нино сочувственно.

Джонни махнул рукой:

— Ты, Нино, сегодня не слишком злоупотребляй питьем. Надо же продемонстрировать всем этим голливудским стервам, что у нас на

Сицилии еще делают настоящих мужиков. Ясно? Ты имей в виду, что кое-кто из этих дамочек держит половину кинобизнеса в своих крохотных лапках. Им ничего не стоит вытащить тебя, если ты им приглянешься. Так что на сегодняшнюю ночь у тебя задача быть суперменом.

— Я всегда такой, — подтвердил Нино, наливая себе виски и залпом опрокидывая стакан в глотку. Потом спросил, посмеиваясь: — А насчет Дианы ты не шутил? В самом деле хочешь свести меня с ней?

— Только не заводись, — сказал Джонни. — Это совсем не то, что ты ожидаешь.

Клуб одиноких сердец, состоящий исключительно из кинозвезд, именовался так завсегдатаями-мужчинами, без которых не обходился ни один званый вечер в шикарном доме Роя Маклроя. Клуб собирался по пятницам, а Рой Маклрой был чем-то вроде пресс-агента или советника по связям в империи Джека Уолеса. Но, хотя помещение для вечеров и свою просторную студию кинозвездам предоставлял Рой, идея создания подобного клуба исходила из практичных мозгов самого Уолеса. Его прославленные кинозвезды, приносившие миллионные доходы, со временем неизбежно старели. Спасения от неумолимого бега времени нет и в горних высях. Стоило посмотреть на красавиц при комнатном свете, без специальных ухищрений гримеров и светотехников, их возраст можно было прочитать по морщинам так же просто, как возраст дерева по годовым кольцам на пне. Естественно, это создавало массу проблем. Чувств у них сохранилось не больше, чем в том же дереве, так что, устав изображать бесконечные влюбленности на экране и в жизни, обладая только подмоченной славой, памятью о былой красоте и кучей денег, они становились просто невыносимыми в общении.

Чтобы несколько снять возникающий из-за этого стресс, Уолес и придумал организовывать вечера, где утомленные звезды чувствовали бы себя комфортно, легко отыскивали себе партнеров на ночь, а если хватит ума, то и на более длительный срок, тогда как ухватистые молодые ребята получали возможность четко отработанным способом пробиться в звездные верха.

Вечера в клубе, как правило, сопровождались оргиями, из-за чего могли быть неприятности с полицией, так что Уолес предусмотрительно перенес их на территорию своего сотрудника, чтобы в случае необходимости уладить недоразумение. Впрочем, он оплачивал репортерам и полицейским авансом за молчание, так что все обходилось мирно и гладко.

Посещение клуба для молодых актеров, еще не выбившихся в люди,

было делом престижным, но не самым приятным. К тому же на клубных вечерах непременно устраивались просмотры только что отснятого фильма, что и служило официальным поводом для встреч. Формула речи: «Не посмотреть ли, какой там фильм отсняли?» — стала эвфемизмом: приглашение посмотреть кино значило то же, что и приглашение в номера.

Юным актрисам появляться в Клубе одиноких сердец не рекомендовалось. Запретов, конечно, не было, но девушки сами хорошо понимали негласное отношение к вечеринкам по пятницам у Роя Маклроя.

Как правило, фильм начинался в полночь. Джонни с Нино прибыли к одиннадцати.

Рой Маклрой производил впечатление безукоризненно светского человека. Щегольски одетый, подтянутый, улыбающийся, он приветствовал гостей с искренней симпатией.

— О, Джонни! — восторженно бросился он навстречу. — Рад тебя видеть. — И тут же добавил: — Каким ветром занесло тебя к нам, чертяка?

Джонни приветственно кивнул:

— Показываю холостому кузену из провинции голливудские нравы. Познакомься, это Нино.

Маклрой потряс руку Нино и оценил его профессиональным взглядом.

— Ведь сожрут, — доверительно сказал он Джонни, провожая обоих внутрь здания. Множество стеклянных дверей было распахнуто прямо в сад. Сквозь деревья виднелось искусственное озеро. Не менее сотни гостей — все, как один, с бокалами в руках — слонялись кругами в мягком свете розовых ламп. Художники и осветители постарались: в розовом полумраке женские лица казались удивительно привлекательными, а кожа — нежной и бархатистой. Это были те самые лица, которые Нино видел на белых экранах американских киношек с тех пор, когда ему стукнуло десять лет. Их воображал он, наделяя эротическими грезами, когда превращался из мальчика в мужчину. Сейчас они предстали во плоти, и это выглядело пугающе, все равно, что ожившие привидения. Никакие ухищрения гримеров не могли скрыть усталости их тел и упадка сил. Время жестоко по отношению к собственным дивным творениям. Если бы восковые фигуры из музея мадам Тюссо взяли в руки бокалы и присели в аллейках или зашагали по тропинкам, они, наверное, сильнее воспламенили бы его, чем эти былые божества экрана. Чтобы избавиться от тягостного чувства, Нино один за другим осушил два бокала и целенаправленно двинулся к бару, уставленному батареей бутылок. Джонни не отставал. Некоторое время они торчали около бара вдвоем, потом рядом с ними раздался волшебный голос Дианы Данн.

Этот голос был впечатан в память Нино так же, как в мозг миллионов других мужчин: Диану знал любой. Дважды удостаивалась она высших призов Академии, но никакими призами не измерить того очарования, которое делало ее совершенно неотразимой в глазах всех без исключения зрителей мужского пола. Ее чувственный голос сейчас произносил слова, отнюдь не предназначенные для кинозрителей:

— Джонни, негодник, ты так затрахал меня в прошлый раз, что пришлось приглашать лекаря. А сам смылся, свинья супоросая, хоть бы наведался когда.

Джонни чмокнул ее в нарумяненную щечку.

— Ты и так меня измотала до предела, — польстил он ей. — До сих пор не могу в силу войти. Познакомься лучше с моим кузеном Нино, только что из Италии, крепок, как молодой огурец и вообще парень хоть куда. Уж он-то не ударит в грязь лицом.

Диана Данн обернулась и смерила Нино холодноватым взглядом:

— Он что, собирается присутствовать на просмотре?

Джонни широко ухмыльнулся:

— Не уверен, что он представляет себе наше кино. Может, ты бы посвятила его?

Оставшись один на один с Дианой, Нино хорошенько хлебнул для храбрости. Он изо всех сил старался выглядеть уверенно, но это плохо получалось. Нордические черты Дианы были олицетворением северной красоты, только вздернутый носик придавал им живости. Нино казалось, что он давно и хорошо знает ее. Он помнил ее одинокой и несчастной, оплакивающей гибель неверного мужа, который оставил ее с детьми-сиротами. Помнил оскорбленной, растоптанной, но восхитительно-гордой, когда Кларк Гейбл коварно воспользовался ее слабостью. Помнил охваченную любовной страстью, застывшую в руках возлюбленного. Диана Данн никогда не играла характерных ролей, она не появлялась на экране в виде простушек и проституток. У нее было амплуа героини. Не менее дюжины раз он видел, как красиво она умирала. Он мечтал о ней, вдохновлялся ее красотой, представлял себе не однажды, каким счастьем стала бы их случайная встреча.

Но ни в каких снах не вообразил бы себе Нино Валенти первых слов, обращенных к нему прелестной Дианой Данн.

— Таких жеребцов, как Джонни, здесь мало осталось, — сказала она. — Остальные сплошь мерины, и толку от них как с козла молока, даже если влить целую цистерну пойла в их никчемные глотки.

С этими словами она изящно взяла Нино под руку и отвела в один из

укромных уголков, где толкалось меньше народу, а следовательно, некому было помешать им.

Холодная и загадочная Диана завязала светскую беседу, прощупывая новичка. Нино видел ее маленькие хитрости насквозь. Сейчас она входила в роль светской львицы, снисходящей к конюху или шоферу. На экране исполнитель его роли должен был бы сейчас дать ей понять, что чувство его безнадежно — если бы играл Спенсер Трайтон, или безумно разорвать любые преграды на пути, — тут уж нужен, конечно, Кларк Гейбл. А они болтали в уголочке, он рассказывал ей о своей жизни в Нью-Йорке, о том, как они с Джонни росли рядом, а потом вместе пели в клубе. Она умела слушать внимательно и сочувственно. Только раз, перебив его, она спросила мимоходом:

— Интересно, а как это Джонни удалось расколоть сукиного кота Уолеса, чтобы тот дал ему роль?

Но Нино уклонился от вопроса, и она не стала настаивать.

Дали сигнал начала просмотра. Показывали последнюю работу студии Джека Уолеса. Едва в зале погасили свет, Диана Данн взяла руку Нино в свою теплую ладошку и повлекла его за собой куда-то в глубь анфилад комнат, отыскав одну, совсем без окон, но уставленную множеством двухспальных кушеток. Их расстановкой, видно, занимался специалист, задавшийся целью имитировать уединенность.

Цели этой он успешно добился. В Голливуде держали профессионалов.

Рядом с кушеткой оказался столик, где чьи-то заботливые руки приготовили напитки, кувшин со льдом и кучу различных сигарет. Нино предложил Диане сигарету, щелкнул зажигалкой, осветив огоньком сосредоточенное ее лицо, и смешал коктейли. Больше они не разговаривали и вскоре погасили свет.

Нино ожидал каких-то из ряда вон выходящих ощущений. Мало ли ходит легенд о разврате, царящем за оградой кинодержавы! Но к тому, что не будет произнесено ни одного ласкового слова, ни одного теплого жеста — только яростные физические упражнения, он не был готов. В паузах он молча прихлебывал из стакана и поглядывал на огромный, будто в воздухе парящий экран, венчающий этот многоместный спальный зал. Но при этом не чувствовал ни вкуса напитков, ни удовольствия. Фильма, который крутили, тоже не видел, разумеется. Его возбуждение осознавалось странно отрешенным, ведь женщина, которая сейчас лежала с ним, все еще оставалась по ту сторону грез. В то же время было в сложившейся ситуации нечто унизительное для его мужского достоинства, и потому, когда всемирно признанная Диана Данн наконец насытилась им, он

протянул ей очередную сигарету и вежливо сказал:

— Правда, приличный фильм получился?

Она молча застыла в темноте. А каких, собственно, слов ей хотелось?

Нино протянул руку к столику и набухал невесть чего из первой попавшейся бутылки. Катилось бы оно все в тартарары! Сама обошлась с ним так, будто купила за недорогую цену, а теперь претензии предъявляет. Непонятная ненависть к бабьему непотребству поднималась в нем и подступала к горлу, как тошнота.

Они молча смотрели фильм еще с четверть часа, не касаясь друг друга. Потом она сказала, приблизившись к его уху:

— Не разыгрывай меня, у меня глаз наметанный. Я тебе понравилась. Твоя доблесть с целый дом выросла.

— У меня и обычно доблести хватает, — ответил Нино, не отрываясь от бокала. — А уж как действительно заведусь, так стоило бы тебе посмотреть.

Она хихикнула с нескрываемым интересом, но больше не проявляла активности.

Наконец, фильм закончился и зажгли верхний свет. Нино огляделся вокруг, осознавая, что происходило под покровом темноты. Как ни странно, до этого он даже не слышал соседей. А теперь видел женщин, томно поправляющих прически, с глазами загнанных скачками кобылиц, взмыленных от быстрой езды. Участники действа один за другими разбредались из просторного зала с погасшим киноэкраном. Диана Данн демонстративно покинула его, присоединившись к пожилому очень известному артисту, выходившему вместе со своим юным партнером. — Нино с изумлением понял, что гомосексуалисты здесь тоже чувствуют себя принятыми. Хорошо, что стакан его не пустовал, иначе мозги бы свихнулись набекрень от происходящего. Он налил себе еще.

Джонни Фонтейн разыскал его не без труда.

— Ну, как тебе, старичок, этот кинобардачок? — посмеиваясь, спросил Джонни.

Нино ухмыльнулся в ответ:

— Такого без разгона не придумаешь. Вернусь домой — расскажу всем, как Диана Данн меня поимела.

Джонни расхохотался в голос:

— О, она чрезвычайно изобретательна. Еще кое-чему и тебя научит. У себя дома она раскованнее. Пригласила к себе домой или на чем вы порешили?

Нино сказал задумчиво:

— Да нет, я засмотрелся на экран. Фильм-то вроде приличный получился.

Улыбка сползла с лица Джонни:

— Послушай, тут шутки плохи. Эти дамочки здесь заправляют всем на свете. Нельзя ссориться с Дианой Данн. Тоже мне чистоплюй! За такими уродинами таскался, что во сне увидишь — не проснешься, а здесь капризничаешь.

Нино пьяно взмахнул рукой с полным бокалом и громогласно заявил:

— Те-то уродины, а эти — нелюди.

Диана Данн обернулась на звук его голоса. Джонни немедленно послал ей обольстительнейшую из улыбок и приветливо помахал бокалом, будто пил в ее честь.

— Ну, ты дуболом деревенский, — тихонько сказал он Нино.

— Да какой уж есть, — подтвердил Нино, нарочито строя пьяные рожи.

Джонни прекрасно понял, что Нино не столько пьян, сколько притворяется, потому что с пьяного взятки гладки, и наговорить в таком виде можно куда больше, чем дозволено трезвому. Он прижал к себе Нино и грубовато пошутил:

— Хитрый, мошенник, подписал контракт на год и знаешь, что он железный. Куда мне теперь деваться? Уволить-то я тебя не могу.

— Ты не можешь меня уволить? — тем же пьяным голосом спросил Нино, лукаво посмотрев в глаза другу.

— Не могу, — ответил Джонни.

— Тогда клал я на тебя с прибором, — выразительно сказал Нино.

Джонни от неожиданности остолбенел, потом немедленно озверел. Нино наблюдал за ним с беззаботной улыбкой. Но последние годы все-таки многому научили Джонни Фонтейна, а падение с вершин славы сделало его более чутким. Во всяком случае, он смог поставить себя на место Нино и понять, почему его бывший товарищ по детским забавам и юношеским устремлениям не пытался до сих пор ухватить за хвост жар-птицу удачи, а наоборот, собственными руками сразу же уничтожал возникший шанс сделать карьеру. Не в характере Нино было платить компромиссами за улыбки фортуны, и все попытки Джонни направить его по накатанному пути встречали со стороны Нино только отчаянное сопротивление. Джонни ухватил друга за рукав и поволок на воздух. Нино едва держался на ногах. Джонни приговаривал утешительно:

— Ничего, малыш, без баб перебьемся. Петь будешь исключительно для меня, а я не стану мешаться в твои дела. Живи, как считаешь нужным. Ладушки? А петь для меня будешь, потому что сам я больше не могу. Кто-

то должен петь, понимаешь, Нино?

— Да, — Нино вдруг выпрямился, но продолжал говорить так невнятно, что Джонни едва понимал смысл: — Да, я буду петь за тебя, согласен. Я ведь теперь лучше тебя. Я и раньше всегда пел лучше тебя, — добавил он отчетливо.

Джонни застыл на месте, будто запнулся о преграду.

Значит, вот оно как выходит. Значит, пока он был в голосе и в зените славы, Нино вовсе не считал себя его другом и еще в ту пору, когда они вместе пели на непрофессиональной эстраде, Нино соперничал с ним, ревниво наблюдал за стремительным взлетом Джонни. Теперь он, безусловно, ждал ответа, пьяно покачиваясь на нетвердых ногах под яркой, как фонарь, калифорнийской луной.

И Джонни ответил мягко, но доступно.

— Клал я на тебя с прибором, — сказал он. И оба дружно заржали, как в те далекие времена, когда были одинаково молоды.

Получив известие о покушении на дона Корлеоне, Джонни сразу же забеспокоился. К его тревоге за здоровье Крестного отца примешивалось сомнение в том, что же будет теперь с финансированием начатого кинопроизводства. Первым его порывом было самому полететь в Нью-Йорк, чтобы выразить преданность дону, но этого не стоило делать, чтобы не допустить лишнего внимания со стороны прессы. Крестный сам не допустил бы подобного безрассудного шага. Поэтому Джонни занял выжидательную позицию.

Неделю спустя Том Хейген проинформировал его, что все остается в силе, только не стоит размахиваться на несколько картин сразу. Пусть Джонни начинает первую. С деньгами все в порядке.

Между тем предоставленный самому себе Нино понемножку обживался в Калифорнии и в Голливуде. Юные звездочки гроздьями висли на нем, и когда Джонни порой хотел пригласить Нино провести вечер вместе, как правило, просто не мог застать друга.

Как-то они разговорились о Крестном отце — вскоре после случившегося с доном несчастья.

Нино сказал:

— Знаешь, а я ведь просился работать на Семью, но крестный не позволил. Как-то мне осточертело гонять грузовик, захотелось настоящего дела и настоящих денег. И знаешь, что сказал мне дон? Кому, говорит, что на роду написано. Если тебе суждено быть артистом, то для рэкета ты непригоден.

Джонни потом не раз мысленно возвращался к этим словам Нино.

Какой психолог, оказывается, Крестный отец! Ведь Нино и впрямь не годится для рэкета или другой подобной работы. Толку от него будет чуть, а провалить может всех сразу или погибнуть, сорвавшись попусту. То, что дон определил его профессиональную непригодность, понятно. А как он узнал, что Нино выйдет в артисты? Да очень просто, — ответил сам себе Джонни. — Дон был уверен, что я вытяну Нино. Но почему же, черт возьми, он так твердо рассчитывал на то, до чего я сам случайно додумался? Потому что знал, — продолжал тянуть нить рассуждений Джонни, — что стоит мне намекнуть и я буду счастлив возможности его хоть чем-нибудь порадовать. И ведь не навязал мне Нино в открытую, не попросил, а только дал понять, что это ему было бы приятно.

Джонни вздохнул.

Теперь-то Крестный отец сам в беде, а Уолес по-прежнему копает под Джонни, так что не видать приза Академии, больше помощи ждать не от кого. Только сам дон с его связями в высших кругах мог нажать на нужные кнопки, чтобы одарить любимого крестника «Оскаром». А у остальных Корлеоне и без того полно забот.

Джонни предложил было свои услуги Тому Хейгену, но он отнесся к его предложению как к жесту вежливости. Да и чем Джонни мог помочь Корлеоне в трудный час?

Оставалось заниматься подготовкой к началу съемок собственного фильма. Писатель, с которым они сразу же нашли общий язык, уже закончил свой новый роман и, следуя приглашению Джонни, привез рукопись в Голливуд, чтобы обсудить все условия их сотрудничества, пока книга не вышла в свет и не вмешались другие студии и агенты. Книга не только понравилась Джонни, она вполне подходила для того, что требовалось. Хорошо было уже то, что ему не придется петь в новой роли. К тому же, сюжет строился на массе захватывающих ситуаций, в ней сочетались динамика и любовная тема. Вообще женских ролей оказалась масса и клубнички для зрителя — тоже. А еще Джонни сразу вычленил одну небольшую, но прекрасную роль, которая словно специально предназначалась Нино. Герой, которого он присмотрел, разговаривал, как Нино, вел себя точь-в-точь, как повел бы себя Нино в сходных ситуациях и даже по описанию идеально подходил. К тому же психологических и игровых выкрутасов в роли не предполагалось. Нино мог оставаться самим собой. Остальное — дело техники.

Взявшись за постановку, Джонни действовал быстро и четко. Он сам с удивлением обнаружил, что куда лучше разбирается в кинопроизводстве, чем можно было предположить. К тому же удалось пригласить на картину

опытного продюсера, оказавшегося не у дел из-за конфликта с руководством и потому не заломившего огромных ставок. Джонни не волновало то, что этот человек попал в черный список. Со своей стороны он не стал пользоваться ситуацией, предложил обычный взаимовыгодный контракт.

— Я думаю, мне выгоднее быть справедливым, — откровенно сказал Джонни.

Правда, без некоторых сложностей не обошлось. Вскоре продюсер сообщил ему, что необходимо уладить дело с профсоюзами и это обойдется в пятьдесят тысяч долларов. Джонни опешил: с какой стати? Там куча всяких правил, связанных с контрактами, сверхурочными и другими организационными моментами, — пояснил продюсер, — так что дешевле откупиться. У Джонни мелькнула нехорошая мысль, не хочет ли продюсер прибрать к рукам то, что плохо лежит. Он попытался оспорить необходимость, потом сказал:

— Пусть этот тип из профсоюза сам явится ко мне.

Явился не кто иной, как Вилли Гофф. Джонни спросил:

— Разве у нас с профсоюзом могут быть разногласия? Меня поставили в известность, что с вашей стороны я могу ожидать только содействие.

— Кто это вам сказал? — лениво спросил Гофф.

— Мои друзья, которые и вам хорошо известны, — ответил Джонни. — Так что нет нужды называть вслух имена. Тот, кто сказал мне, привык не бросать слов на ветер.

Гофф покачал головой:

— Обстоятельства изменились. Вашим друзьям сейчас самим не сладко, а уж здесь, вдали от Нью-Йорка, их слова вообще утратили силу.

Джонни не стал продолжать.

— Зайдите ко мне через пару дней, ладно?

— Ладно, — усмехнулся Гофф. — Но звонок в Нью-Йорк все равно ничего не изменит.

Однако именно звонок решил дело. Джонни вышел на Тома Хейгена. Хейген ответил не колеблясь.

— Не вздумай платить. Твой крестный сочтет личным оскорблением, если ты скормишь этим шакалам хоть один цент, — предупредил он Джонни. — Уступить им — значит уронить престиж дона, а этого сейчас никак нельзя допускать.

— Может, мне поговорить с доном? — спросил Джонни. — Или ты сам ему скажешь? Картину ведь нельзя останавливать.

— Никто не сможет поговорить с доном сейчас, — ответил Хейген. —

Он еще очень плох. Но мы обсудим с Санни, как все утрясти. Во всяком случае, ясно одно — нельзя платить мерзавцу. Если что-то возникнет, я свяжусь с тобой.

Джонни положил трубку в душевном расстройстве. Из-за неприятностей с профсоюзами не только смета фильма могла возрасти многократно, но и любая студия выйти из рабочего состояния. Ему уже хотелось дать Гоффу несчастные пятьдесят кусков втихую, чтобы не мешался. Ведь одно дело — слова дона, а другое — наказ Хейгена, знака равенства между ними не поставишь. Но потом он решил выждать время.

Это решение сберегло Джонни пятьдесят тысяч долларов: два дня спустя Гофф был найден застреленным в спальне собственного дома. Больше профсоюзные вожаки на горизонте не появлялись.

Известие об убийстве Гоффа ошеломило Джонни. Он все понимал, конечно, но впервые длинная рука Крестного отца обрушила смертоносный удар на человека, которого Джонни знал лично.

Время летело безудержно, и чем больше он погружался в пучину дел, тем стремительнее становились недели. Одно цеплялось за другое: надо было заканчивать проработку сценария, утвердить актеров на роли, разложить по этапам съемочные периоды, предусмотреть все детали. Теперь для Джонни не столь важным казалось, что петь он не может — все равно было не до пенья. И все же, когда в опубликованном списке кандидатов на соискание премии Академии он обнаружил свое имя, ему стало обидно, что не его попросили выступить с песней на торжественной церемонии: телевидение широко транслировало процедуру награждения по всей стране. Впрочем, Джонни довольно легко смирился с обидой и продолжал работать. Ну, спел бы он еще разок, что от этого случилось бы? «Оскара» ему все равно не получить, раз Крестный отец вышел из игры и не сможет повлиять на итоги голосования. Ладно хоть в списке кандидатов оставили.

Зато пластинка, которую они записали с Нино, пользовалась бешеным успехом — куда лучше, чем все прочие его диски за последние годы. Но здесь сыграли свою роль и его имя, и талант Нино. Сам-то Джонни понимал, что ему больше не петь.

Раз в неделю, как и договаривались, он обедал с первой женой и девочками. Несмотря на всю свою занятость, он не нарушал раз и навсегда заведенного обычая. Но ночевать с Джинни не оставался. Теперь, освободившись официально от уз второго брака, он вновь стал холостяком и, по голливудским меркам, завидной партией, однако юные звездочки перестали нравиться Джонни. В нем появился некий снобизм, и к тому же

не хотелось становиться добычей молодых хищниц, а звезды, находящиеся в зените славы, не торопились оделить его своим вниманием.

Более всего удовлетворения, как ни странно, приносила работа. По вечерам иногда, вернувшись домой в полном одиночестве, он ставил на проигрыватель какую-нибудь из собственных старых пластинок, наполнял бокал и слушал, изредка подпевая.

Все-таки Бог щедро одарил его талантом! Он ведь действительно был раньше хорошим певцом, сам не зная этого. Даже если не касаться необыкновенного тембра, полученного от рождения, в его песнях было настоящее искусство, был подлинный артистизм и, чего он тоже никак не осознавал раньше, всепоглощающая любовь к пению. А теперь, когда пришло понимание, голос изменил ему. Он сам угробил Богом данный дар, утопил его в вине, куреве и разврате.

Время от времени на огонек заскакивал Нино, подсаживался, выпивал рюмку-другую, тоже слушал. Джонни говорил ему с сарказмом:

— Что, брат, завидно? Тебе, паразиту, в жизни так не спеть, а?

— Где уж, — улыбаясь широкой и доброй улыбкой, соглашался Нино, но голос его звучал сочувственно, будто он умел читать все мысли Джонни, даже самые горькие и затаенные.

До начала съемок оставалась ровно неделя, когда наступил день определения лауреатов премии Академии. Джонни собрался на торжество и позвал с собой Нино. Тот отмахнулся: какого черта?

— Дружище, — сказал ему Джонни, — я ведь ни разу не просил тебя об услуге? А сегодня мне нужна твоя поддержка. Пожалуйста, давай поедем вместе. Ведь, хоть я и знаю, что «Оскара» мне не видать, услышать это со сцены будет печально. А кто посочувствует мне из тысяч людей, сидящих в зале? Разве что ты, единственный.

Нино несколько растерялся. Потом сказал.

— Раз так, я, конечно, поеду, само собой, — и, помолчав, закончил: — Наплюй на ихний приз, если не дадут, пусть жрут сами. А ты пойди и напейся до потери пульса, я уж пригляжу за тобой. Сам ни капли в рот не возьму по такому случаю. Как считаешь?

— С твоей стороны это гуманно, — грустно пошутил Джонни. — Нет, правда, ты настоящий друг.

Нино сдержал свое слово: на церемонии награждения он был трезв, как стеклышко, чуть не единственный в зале. Его удивило только, что ни одна из многочисленных подружек Джонни не оказалась рядом с ним в ответственный момент. Даже Джинни вроде ни при чем. Уж жена-то могла бы поддержать, пусть и не живут они вместе. Вечер казался Нино

безразмерным, церемонии не предвиделось конца. И выпить нельзя, совсем тоска.

Так продолжалось очень долго — до той минуты, когда вдруг объявили, что премия за лучшую мужскую роль присуждается Джонни Фонтейну. От неожиданности Нино сорвался с места и отчаянно зааплодировал. Джонни протянул ему руку, Нино дружески сжал ее и сразу же ощутил, как не хватает знаменитому Джонни Фонтейну тепла и участия, как одинок он на этом торжестве. Нино от всей души пожалел, что, кроме него, не нашлось у Джонни ни одной близкой души.

Сразу после вручения наград началось невесть что. Большая часть наград досталась творческой группе Джека Уолеса, поэтому празднества перенесли туда. В студию набилась толпа журналистов и всякого приблудного сброда. Нино, держа обещание, оставался трезвым и не выпускал из поля зрения Джонни, на которого, казалось, организовали настоящую охоту. Все звезды Голливуда, словно сговорившись, по очереди уволакивали Джонни в какую-нибудь укромную комнату, откуда он выходил все более пьяным и все менее контролирующим свои действия. Не меньше досталось внимания и актрисе, удостоенной премии за лучшую женскую роль, но она претерпевала атаки куда с большим самообладанием, чем Джонни. Похоже, единственным мужчиной, не удостоившим ее почитанием, был Нино, трезвый и злой, как никогда.

Тем временем кому-то из присутствующих пришла в голову идиотская мысль воссоединить обоих обладателей «Оскаров» прилюдно. Актрису в мгновенье разоблачили и водрузили на сцену, а женщины принялись раздевать упирающегося Джонни. И тут помощь Нино очень пригодилась. Он вырвал приятеля из цепких женских рук, сгреб в охапку и, прокладывая себе дорогу где локтями, а где и кулаками, доставил Джонни в автомобиль, благополучно поджидавший их поблизости.

Пришпоривая машину и ругаясь сквозь зубы, Нино всю обратную дорогу размышлял о том, что если это и есть желанная слава, ему она ни к чему, благодарим покорно.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 14

Дон почувствовал себя настоящим мужчиной, когда ему было двенадцать лет. Ростом он всегда был невысок, но его смуглое тело только казалось хрупким, а на самом деле состояло из сплошных мышц. Он жил тогда в деревушке Корлеоне, напоминающей мавританские селенья на юге Испании. Но Корлеоне находилась в Сицилии — потом дон возьмет название деревни своим родовым именем.

А в ту пору его звали еще Вито Андолини. Но ему пришлось сменить имя, которым был наречен, потому что однажды объявились люди, убившие его отца, а теперь охотившиеся за сыном кровника, и мать вынуждена была отослать Вито к далеким друзьям покойного мужа, в Америку. В чужой стране он стал именоваться Корлеоне, храня таким образом странную верность родной сицилийской земле. Впрочем, случаев, подобных этому, в жизни можно перечесть по пальцам — он крайне редко позволял проявляться романтическим чувствам.

На рубеже веков мафия в Сицилии так плотно срослась с правительственным аппаратом, что вершила практически все государственные дела. Трудно было оставаться в стороне от бесконечных распрь, раздирающих страну, а стоило найтись смельчаку, пытающемуся, как отец Вито, отстоять независимость, соседи обращались за содействием к мафии, и та призывала непокорного к порядку. Отец Вито не пожелал покориться и в открытом поединке убил одного из воротил местной мафии. Его немедленно настигла месть: тело обнаружили неделю спустя, изуродованное разрывными пулями. За Вито, по счастью, пришли только месяц спустя — не сразу осознали, что парень вот-вот подрастет и, возможно, сделает месть за отца своим кровным долгом. Но родные Вито додумались до этого раньше и спрятали двенадцатилетнего мальчишку с глаз долой, чтобы переправить его на корабле за океан, в неведомую Америку. А там беглеца приютила у себя чета Аббандандо. Позднее один из сыновей этой четы, Дженко Аббандандо, станет советником в могущественной семье Корлеоне.

Вито начинал свою трудовую жизнь в овощной лавке Аббандандо, на задворках Девятой авеню, которую иначе не называли, как «адской кухней» Нью-Йорка. В восемнадцать лет он обзавелся семьей, женившись на молоденькой итальянке, только что приехавшей из Сицилии. Ей и вовсе только что минуло шестнадцать, но готовить и хозяйничать она умела с детства. Став мужем и женой, они сняли квартирку на Десятой авеню близ

Тридцать пятой стрит — совсем рядом с местом службы Вито Корлеоне. Два года спустя Господь благословил их первенцем — Сантино, которого все вокруг немедленно прозвали Санни — «сынок», поскольку он таскался за отцом, как хвостик.

В том же квартале проживал некто Фануччи — коренастый и плечистый итальянец, отличавшийся свирепым выражением лица и странным в тамошних местах щегольством: он носил исключительно дорогие кремовые костюмы и мягкие светлые шляпы. За глаза Фануччи именовали «черной рукой», потому что занимался он взиманием дани с окрестных лавочников и мелких ремесленников от лица мафии. Делалось это под угрозой насилия, но народ в тех кварталах проживал лихой, угрозы Фануччи пугали разве только что пожилых людей, не вырастивших сынов, которые постояли бы за родителей. Впрочем, лавочники предпочитали все-таки откупаться от Фануччи, потому что дешевле заплатить, чем тревожиться из-за этого.

Фануччи водился в основном с мелкими правонарушителями — с теми, кто сбывал из-под полы нелегальные билеты итальянской лотереи, или содержателями частных притонов, устраивавшими на дому азартные игры.

Овощная лавка Аббандандо тоже регулярно отчисляла мелкую мзду в карман «черной руки», хотя Дженко давно уже бунтовал против этого, обещая отвадить Фануччи. Но отец строго-настрого запрещал Дженко связываться с мафией. Вито Корлеоне видел все происходящее, но его это не касалось, он был сторонним наблюдателем.

Однажды Фануччи жестоко проучили. Трое ребят напали на него и располосовали горло от уха до уха, правда, не глубоко. Очевидно, они не намеревались убивать соседа, только попугали. Вито видел, как Фануччи убегал от нападавших, прижимая к подбородку свою светлую шляпу, побуревшую от крови: рана на шее обильно кровоточила. Еще много лет спустя эта страшная картина иногда тревожила память Вито — окровавленный Фануччи, прикрывающий шляпой низ лица, словно уберегая от кровавых пятен дорогой костюм или стараясь не оставить следов своего позора.

Случившееся оказалось одним из поворотных моментов.

Ребята, напавшие на Фануччи, вовсе не были убийцами, просто им надоели поборы и угрозы «черной руки» и они решили поучить мафиозо. А вот Фануччи и впрямь был убийцей, так что вскоре тот из троих, кто орудовал ножом, угодил под пулю. Остальных двоих Фануччи не тронул, потому что напуганные родители на коленях умоляли его о снисхождении и вручили огромную сумму отступного. Так что Фануччи даже выиграл от

нападения. Суммы поборов сразу возросли, и к тому же он смело вошел в подпольный бизнес, заставив принять себя в долю.

Но Вито Корлеоне это по-прежнему не касалось. Происходившие события обходили его стороной.

В годы первой мировой войны торговля Аббандандо пошла труднее. Сократился ввоз оливкового масла в страну, и тут неожиданно Фануччи стал компаньоном Аббандандо, обеспечивая лавку не только импортным маслом, но и другими европейскими товарами, вроде салями, сыров и ветчины. Теперь события коснулись Вито Корлеоне — он остался без работы, потому что Фануччи пристроил в лавку к Аббандандо своего племянника.

У Вито к тому времени появился уже второй сын, Фредерико, и надо было прокормить четыре рта. Он вырос в спокойного и степенного молодого мужчину, умеющего не болтать лишнего, а свои мысли держать при себе. Сын Аббандандо Дженко с детства считался его законным другом, и Вито не удержался от горьких слов, упрекнув Дженко поступком отца. Разговор вышел неожиданным для них обоих. Дженко, вспыхнув, поклялся, что другу не придется знать нужды — он сам будет приносить продукты из отцовской лавки, раз такое случилось. Но Вито решительно отверг порыв Дженко, он считал, что обкрадывать собственного отца — срам.

Обида и ненависть Вито переместились на подлого гада Фануччи. Внешне он ничем не проявлял этого, но очень надеялся, что терпение его будет вознаграждено, Работать устроился поначалу на железную дорогу, но тут война кончилась, рабочих рук стало с избытком, и ему пришлось перебиваться случайными заработками. Мастера и бригадиры, по большинству уроженцы Штатов или ирландцы, крыли наемных рабочих самыми изощренными ругательствами, которые могли изобрести. Вито выслушивал ругань с каменным лицом, будто не понимал ни слова, хотя по-английски говорил великолепно, лишь сохраняя итальянский акцент.

Раз вечером, когда Вито ужинал вместе с женой и детьми, в окно постучали. Вито отодвинул занавеску и выглянул в узкий, как колодец, двор, отделявший их дом от соседнего. К своему удивлению он увидел, что Питер Клеменца, живущий напротив, свесился из своего окна и протягивает ему какой-то сверток в белой тряпичной обертке.

— Эй, земляк, — сказал Питер Клеменца, — будь другом, припрячь эту штуку, да поскорее. Я после заберу.

Вито машинально протянул руку, перегнувшись через подоконник, и принял сверток. Ему захотелось помочь соседу. Клеменца выглядел сейчас

напряженным и затравленным, наверное, с ним что-то стряслось. На кухне, оставшись один, Вито полюбопытствовал, что скрывается под белой тряпкой. Там оказались пять перепачканных машинным маслом автоматических пистолетов. Вито сложил их в платяной шкаф в спальне и затаился. Соседа, как он узнал, в тот же день арестовали. Наверное, он протягивал ему сверток как раз в тот момент, когда полиция колотилась в дверь. О случившемся Вито никому не сказал ни звука, а его жена, едва живая от страха, даже не рискнула посудачить с приятельницами, опасаясь, что мужа могут забрать, как забрали молодого Клеменцу.

Впрочем, уже два дня спустя Питер Клеменца снова объявился во дворе. Он спросил мимоходом у Вито:

— Вещички-то мои у тебя целы?

Вито молча кивнул. Он вообще был неразговорчив и не любил говорить лишнего.

Вместе с Вито Клеменца прошествовал в дом, угостился стаканом вина, а Вито тем временем достал из платяного шкафа припрятанное. Клеменца, потягивая винцо и благодушно улыбаясь, внимательно провожал глазами каждое движение Вито. «Знаешь, что там внутри?» — спросил он.

Вито ответил равнодушно, отрицательно мотнул головой:

— У меня нет привычки соваться в чужие свертки. И в чужие дела.

После этого они еще долго сидели друг против друга за бутылкой вина, и к ночи обнаружили, что это доставляет обоим удовольствие. Клеменца артистически рассказывал — он знал множество занятных историй. Вито умел внимательно слушать. На том они и сошлись.

Спустя немного дней Клеменца, заглянув домой к Корлеоне, спросил у жены Вито, как она отнеслась бы к большому ковру для их гостиной. «Прекрасно отнеслась бы», — хихикнула она. Но Питер не шутил — он позвал Вито помочь ему дотащить ковер.

Они поднялись по какой-то мраморной лестнице большого дома, Клеменца своими ключами открыл дверь в шикарной, уставленной мягкой мебелью квартире. Потом скомандовал:

— Берись с того угла!

Ковер оказался чисто шерстяным, богато затканным красными узорами. Вито Корлеоне удивился щедрости приятеля. Вместе они скатали ковер в толстый неуклюжий рулон, взяли его за оба конца и поволокли к выходу. Но тут в дверь позвонили. Клеменца отреагировал своеобразно: он бросил свой конец ковра, отпрыгнул к окну и, отогнув край шторы, выглянул наружу. То, что он увидел, заставило парня отшатнуться и выхватить из-за пояса револьвер. Только тут Вито догадался, что ковер, который собрался

подарить ему Клеменца, чужой, то есть ворованный. Если они, конечно, смогут унести его отсюда.

Вито тоже подошел к окну и слегка отодвинул штору. Звонок повторился — у двери стоял полицейский в форме. В третий раз нажав длинно на кнопку звонка, он пожал форменными плечами, спустился вниз по мраморным ступенькам и удалился.

Клеменца удовлетворенно вздохнул и спрятал оружие.

— И нам пора, — заключил он, берясь за ковер. Вито подставил плечо под другой конец рулона. Полицейский еще только скрылся за углом, когда они покинули гостеприимный дом, с трудом протащив толстый ковер сквозь входную дверь.

Спустя полчаса ковер был уже разрезан и прилажен на полу в квартире Корлеоне. Его хватило не только на гостиную, но и на спальню — квартирка-то небольшая. Клеменца ловко кроил куски, руки у него оказались умелые, а в карманах просторного пиджака нашелся необходимый инструмент. Он уже в молодости любил носить широкую, свисающую складками одежду, хотя не был еще толст.

Однако ковром, даже очень красивым, семью не прокормишь. Дни летели, а работа все не подворачивалась. Вито Корлеоне не знал, что и придумать, он даже вынужден был несколько раз принять от Дженко дармовые продукты.

В конце концов, когда Клеменца и Тессио, еще один отчаянный сосед, пришли к Вито и предложили войти в компанию с ними, ему ничего другого не оставалось, как согласиться на это. Хотя предстояло заниматься делом, уголовно наказуемым: кражей грузовиков с трикотажем. И Клеменца, и Тессио позвали Вито, потому что он нравился им спокойствием и полной бесстрастностью. А еще потому, что оба знали, как бедствует он и его семья.

Грузовики получали товар на фабрике здесь же, на Тридцать второй авеню. Водители чаще всего были слабонервными и разбегались, стоило показать им дуло пистолета, тихо, не делая ни малейшей попытки заорать или оказать сопротивление. Ангелы, а не водители. Так что угонщики абсолютно спокойно уводили грузовик, разгружали товар, а там, как правило, находились тюки с шелковыми женскими тряпками, и прятали его в сарае одного из приятелей. Хуже всего обстояло дело со сбытом. Часть товаров по дешевке у них скупал итальянец — хозяин местного магазинчика, часть они сами распродавали в районах итальянской бедноты на Артур-авеню, в Бронксе, в кварталах Челси в Манхэттене. Дочери итальянских эмигрантов за гроши приобретали у них платья, которые

иначе никогда в жизни даже не примерили бы.

Вито нужен был Клеменце и Тессио в качестве водителя — работая в лавке у Аббандандо, он выучился мастерски управляться с машиной. В ту пору, в 1919 году, умелый шофер попадался еще довольно редко.

Хотя рассудок подсказывал Вито, что не стоило совать голову в петлю, он все-таки принял предложение. Сильнее всего подействовал на него последний аргумент: гарантированная тысяча долларов за каждое участие в деле.

Но когда он впервые увидел, как неумно, торопливо и неряшливо растаскивается добыча, как непродумана вся постановка дела, он просто поразился, Хотя ребята, на его взгляд, подобрались подходящие, им можно было довериться: и беззаботному, но удачливому Клеменце, и серьезному, замкнутому Тессио.

Сам налет прошел, как по писаному. Ни одной накладки. Вито, сам себе удивляясь, остался совершенно спокоен, когда напарники вытащили револьверы и вытряхнули водителя из кабины. Произвело на него впечатление и хладнокровие товарищей, Они даже шутили с водителем, обещая наградить его за хорошее поведение роскошным платьем для супруги. Правда, самому водителю было не до шуток.

Свою долю товара Вито не стал распродавать поодиночке, а оптом сдал перекупщику за семь сотен. В 1919 году это было не так мало.

А назавтра Вито повстречался на улице с Фануччи, в неизменном кремовом костюме и светлой шляпе. Дорогой наряд не делал мафиозо привлекательней, он всегда-то смотрел свирепо, а теперь, с жутким шрамом от уха до уха, просто внушал ужас. Впрочем, сейчас Фануччи любезно улыбался, поблескивая масляными глазами из-под густых черных бровей. Он заговорил с Вито, акцентируя сицилийский акцент в английской речи:

— Что, синьорино, ты и вправду разбогател, как рассказывают люди? Ты и два твоих дружка? Не очень-то красиво, в таком разе, забывать обо мне. Это ведь мой район, моя улица, вам следовало бы поделиться, — последнюю часть фразы он сказал по-итальянски, использовав форму, обычную в среде мафии: «наполнить мой клюв». Но не было необходимости в переводе, чтобы понять: Фануччи требует подношения.

Вито Корлеоне по обыкновению промолчал. Он прекрасно понял, куда гнет Фануччи, но выждал, пока тот выскажется до конца.

Фануччи широко улыбнулся ему, сверкнул золотом зубов и туго натянув розоватую кожу на шраме. Потом полез за платком, чтобы вытереть пот со лба, а заодно продемонстрировать пистолет, торчащий из-

за ремня под полой пиджака. Вито все так же молчал. Фануччи сказал со вздохом:

— Я думаю, пятисот долларов будет достаточно, чтобы я забыл о вашей невежливости. Нынешняя молодежь просто плохо воспитана. Вас не научили, как подобает оказывать уважение людям вроде меня.

В ответ на это Вито Корлеоне тоже улыбнулся, но было что-то в улыбке совсем еще молодого мужчины опасное, хотя его руки пока не запятнала ничья кровь, и Фануччи, инстинктивно почувствовав это, продолжал менее напористо:

— От лишних денег только лишние неприятности: то ли полиция в дом нагрянет, а у тебя жена и дети, то ли гости похуже. Но может быть, люди болтают лишнее? Тогда я готов наполнить свой клюв совсем немножко. Обойдусь тремя сотнями — меньше никак нельзя. И не надейся обвести меня вокруг пальца.

Теперь настал черед отвечать Вито. Он заговорил спокойно, без гнева и суеты, даже с той долей почтительности, которую следует в любой беседе выказывать старшему по возрасту или человеку значительному, вроде Фануччи.

— Мои деньги пока у ребят, — очень мягко сказал он. — Мне надо будет встретиться с ними.

Фануччи съел это, как сладкое:

— Вот и ладно. И дружкам своим передай, что им тоже подобает наполнить мой клюв. Не сомневайся, сошлись на меня. С Клеменцей-то мы знакомы, он отлично поймет, что к чему. Учись у него, как поступать в подобных случаях, у него опыта побольше твоего.

Вито Корлеоне постарался всем своим видом продемонстрировать, что пристыжен словами Фануччи.

— Обязательно, — сказал он. — Я ведь совсем новичок. Спасибо за наставления. Вы говорили со мною, как настоящий Крестный отец.

Фануччи буквально растаял от слов Вито. Он взял его за руку и сжал своими волосатыми лапами.

— Ты уважительный парень, — восхитился Фануччи. — Уметь вести себя правильно для молодого человека — первое дело. Если еще когда-нибудь задумаешь подработать, можешь посоветоваться со мной. Я дурному не научу, а помочь сумею. Понял?

Только много лет спустя Вито Корлеоне проанализировал свое поведение с Фануччи и понял, что подсказало ему тактику, почему он с самого начала был сдержан и осознанно лицемерил. Просто в памяти отпечаталась бессмысленная гибель отца, открыто восставшего против

сицилийской мафии, сыну же с генами передалась ярость вместе с осторожностью. Понимая, что этот человек собирается ограбить его, тогда как он, скрепя сердцем, поставил на карту собственную жизнь и свободу, Вито не взбесился и не испугался. А может, Фануччи просто озверевший придурок? Насколько Вито знал своего приятеля Клеменцу, тот скорее живот положит, чем отслюнит Фануччи хоть цент из своих кровных доходов. Клеменца на глазах у Вито чуть ни в чем не повинного полицейского не укокошил из-за ковра, который собирался украсть. А суховатый Тессио гораздо больше годится для роли убийцы, чем этот облезлый морщинистый тип Фануччи.

Но в тот же вечер Вито Корлеоне пополнил свое образование еще одним уроком, полученным на квартире у Клеменцы, где они собрались втроем. Клеменца заковыристо выругался, Тессио буркнул мрачно: «Грязный ублюдок», — себе под нос, но оба отнеслись к требованию Фануччи совершенно серьезно.

Обсудили вопрос, не удовольствуется ли Фануччи двумя сотнями с носа. Тессио сказал, что вполне возможно. Клеменца засомневался.

— Этот номер не пройдет, — сказал он с досадой. — Даю голову наотрез, что он, гад недобитый, разузнал у перекупщика, по скольку мы получили. Упрется рогом и ни гроша не уступит. Деваться некуда. Три сотни — как псу под хвост.

Вито изумленно переводил взгляд с одного приятеля на другого, благоразумно стараясь не выражать вслух собственных мыслей. Потом спросил все-таки:

— Как он может заставить нас платить ему? Он один, а нас трое, и мы вооружены. И с какой стати он вообще претендует на деньги, заработанные нами?

Клеменца терпеливо начал вводить Вито в курс дела:

— Фануччи держит наш район в кулаке. У него и друзья, что псы цепные, и полиция на прикорме. Вон предложил же он тебе посоветоваться с ним — значит, желает заранее выведать наши планы. А потом, как ему вздумается. Может и впрямь помочь, если будем послушными, а может заложить фараонам, тогда они будут ему еще больше обязаны. У этого резаного подонка все ходы отработаны. Утверждает, что сам Маранцалла выдал ему лицензию на этот квартал.

Имя Маранцаллы, главы одной из крупнейших Семей, хорошо знали все: газеты очень часто склоняли его. Он специализировался на азартных играх и вооруженных нападениях, если верить репортерам.

Клеменца подал на стол бутыль вина собственного приготовления.

Жена поставила рядом с бутылью блюдо с салями и оливками и каравай итальянского свежего хлеба. Сама она садиться не стала, а спустилась вниз во двор посидеть на лавочке с соседками. Она совсем недавно приехала из Италии и еще плохо понимала по-английски, так что отводила душу в обществе старух-итальянок.

Они сидели за столом, попивая домашнее вино, но мозг Вито Корлеоне работал напряженно, как никогда. Ему самому было странно, что мысли выстраиваются в четкую и логичную схему. Сначала припомнилось все, что он знал о Фануччи: как застрелили парнишку, располосовавшего ножом горло мафиозо, как родители двоих других откупились, дав отступного. Почему-то пришла уверенность, что никаких серьезных связей с гангстерским миром у Фануччи нет, не тот у него масштаб действий. Разве стал бы человек, за спиной которого стоит семейство Маранцаллы, унижаться до доносов в полицию или продавать свое право мести? Быть того не может! Ни один уважающий себя бандит не оставил бы в живых тех, кто так оскорбил его самого. Значит, Фануччи просто повезло, что он сумел подстрелить одного из ребят. А с двумя прочими ему было не справиться, вот он и пошел на торг, продавая свое увечье. И дань, которую он регулярно взымал с местных лавочников и жуликов, держалась на угрозах и собственных кулаках, ничем со стороны подкреплена не была. Во всяком случае, Вито точно знал одного хозяина игорного дома, не плативщего Фануччи ни цента, — и ничего худого с ним до сих пор не случилось.

Из всего этого выходило, что Фануччи — одинокий волк, который время от времени просто нанимает за сходную цену вооруженных головорезов, оплачивая их услуги наличными.

Теперь следовало подумать уже не о личности Фануччи, а о собственной судьбе. Вито понял, что его жизнь подошла к развилке дорог. Куда повернуть?

Позднее дон не раз говорил близким, что у каждого имеется своя судьба, надо только распознать ее. И момент выбора возникает у каждого. Мог Вито Корлеоне тогда махнуть на все рукой, отсчитать Фануччи требуемую дань и со временем снова найти себе работу за прилавком овощной или бакалейной лавки. Потом, под конец своей карьеры, он обязательно обзавелся бы собственным магазинчиком. Но провидение сулило иное. Видать, на роду ему было написано, что встретится он с Фануччи и с этой встречи изберет непростую дорогу, ступив на нее уже доном.

Они доконали бутыль.

Вито Корлеоне, тщательно подбирая слова, предложил приятелям:

— Если хотите, давайте мне по две сотни, я сам передам их Фануччи. Ручаюсь, что на них он успокоится. И вообще можете в этом деле положиться на меня. Я его улажу к нашему общему удовольствию.

В глазах Клеменцы сверкнуло недоверие. Вито поймал его взгляд и парировал с холодноватой усмешкой:

— У меня нет привычки лгать людям, которых я считаю своими друзьями. Завтра можешь сначала сам поговорить с Фануччи, послушать, чего он запросит с тебя. Только советую: не спеши раскошеливаться. И ни в коем случае не протестуй. Скажи, что деньги нужно еще достать, что вы их оба передадите через меня. Пусть думает, что вы готовы на его условия, торговаться не стоит. О цене с ним я сам поговорю. Если он действительно так опасен, как вы считаете, нет никакого резона заранее выкладывать карты и злить его.

На этом остановились.

Переговорив с Фануччи, Клеменца понял, что Вито во всем прав. Он принес двести долларов домой к Вито и спросил, пристально глядя в лицо приятелю:

— С чего ты взял, что Фануччи согласится на меньшую сумму? Мне так не показалось. Три сотни — его крайняя цена. Что ты собираешься делать, чтобы уговорить его?

— Это уж мои подробности, — сказал Вито Корлеоне совершенно спокойно. — А ты запомни, что сегодня я оказал тебе услугу.

Тессио зашел попозже. Он соображал лучше Клеменцы, вел себя крайне осторожно и обладал феноменальным чутьем на опасность. Сейчас намерения Вито тревожили его.

— Эту сволочь не зря зовут «черной рукой», — предупредил он Вито. — Будь с ним начеку, он хитер, как поп. Может, стоит мне подстраховать тебя, когда ты будешь с ним встречаться?

Вито Корлеоне помотал головой. Он даже не стал отвечать на слова Тессио, только попросил:

— Ты скажи Фануччи, что деньги у меня, пусть зайдет часиков в девять. Мне ведь надо по меньшей мере напоить его, чтобы уговорить на меньшую сумму.

Тессио только рукой махнул:

— Зря надеешься. Фануччи ни за что не уступит.

— Посмотрим, — сказал Вито Корлеоне. — Я постараюсь убедить его.

Впоследствии эта фраза дона стала общеизвестной, он произносил ее всегда в качестве последнего аргумента перед смертным ударом. Если дон

предлагал противникам поговорить спокойно, высказывая при этом надежду, что ему удастся убедить их, значило это, что остался самый последний шанс. Следующим шагом мог быть лишь удар ножа или выстрел.

Проводив Тессио, Вито подозвал жену и велел ей после ужина погулять с детьми во дворе. Лучше всего, если она посидит у дверей дома. Дети ни в коем случае не должны возвращаться и квартиру, пока он сам не позовет. У него есть дела с Фануччи, не допускающие, чтобы им помешали.

На лице жены он прочитал выражение ужаса. Это рассердило Вито. Стараясь не испугать ее еще сильнее, он спросил обычным тоном:

— Ты считаешь, что вышла замуж за дурака?

Она промолчала, но страх не покинул ее — теперь уже страх перед мужем, а не перед Фануччи. Вито в этот миг преобразился прямо на глазах, от него исходила леденящая душу угроза опасности. Всегда спокойный, немногословный, мягкий в семейной жизни, что большая редкость среди вечно раздраженных и вспыльчивых сицилийцев, сейчас он сбросил защитную личину и оказался твердым и бесстрашным человеком, готовым откликнуться на призыв судьбы. Он возмужал поздно, ему уже сравнялось двадцать пять, но начало предвещало яркую жизнь.

По логике вещей Вито предстояло убрать со своего пути Фануччи. Это приплюсовывало семьсот долларов к его наличному капиталу — те триста, на которые претендовал наглец Фануччи, и еще четыре сотни, переданные в руки Вито его сотоварищами. Если Фануччи останется в живых, все семьсот долларов пойдут ему в убыток.

Такая арифметика.

Вообще-то Вито Корлеоне не считал, что живой Фануччи стоит семьсот долларов. Во всяком случае, лично он не дал бы семьсот долларов за то, чтобы сохранить жизнь Фануччи, например, если бы такая сумма понадобилась в уплату врачу для излечения Фануччи от смертельной болезни. Он не был ничем обязан Фануччи, они не состояли в родстве, не были связаны узами дружбы или симпатии. Тогда с какой стати своими руками дарить такую крупную сумму невесть кому?

Из всего этого с неизбежностью вытекало, что раз Фануччи собирается отобрать деньги с позиции силы, значит, надо эту силу против него же и обернуть. Мир отлично обойдется без Фануччи, если Вито убьет его.

Конечно, нужно заранее просчитать все. Какие-то связи и друзья из мафии у Фануччи могут оказаться. Тогда стоит заранее остерегаться мести с их стороны. Не надо сбрасывать со счетов и полицию с электрическим стулом. Но Вито Корлеоне, сколько помнил себя — с момента гибели отца

уж точно, — все время жил на волосок от смерти. Двенадцатилетним мальчишкой он пересек океан и затаился в чужой стране под чужим именем, только чтобы выжить. Он ни в чем не проявлял себя, став в позу стороннего наблюдателя, но наблюдая, примерял на свой лад чужие поступки, и часто понимал, что следовало поступить не так, а иначе, что против других у него куда больше и ума, и мужества, и выдержки. Другое дело, что до поры жизнь не представляла случая проверить на практике теоретические раскладки Вито Корлеоне.

Теперь случай представился. Чего ж он колеблется перед решительным шагом? Он даже сложил в аккуратную пачечку все семьсот долларов и спрятал деньги в удобный боковой карман брюк, но в левый — в правый карман Вито положил пистолет, выданный ему Клеменцей перед налетом на грузовик.

Фануччи явился в девять, он был пунктуален, Вито предложил ему освежиться стаканом домашнего вина. Вино тоже принадлежало Клеменце, как и пистолет.

Фануччи уселся за стол, положив свою светлую шляпу рядом с кувшином и ослабив узел широкого узорчатого галстука. Вино очень соответствовало жаркому летнему вечеру и слабому мерцанию газовых фонарей за окном. В доме стояла чуткая тишина. Чтобы не допустить двусмысленности, Вито, не дожидаясь слов Фануччи, сам протянул ему пачку денег. Фануччи взял ее и стал пересчитывать. Вито наблюдал, как он ловко тасует доллары, потом достает вместительный кожаный бумажник и тщательно укладывает пачку в одно из отделений.

— С тебя еще двести, — сказал Фануччи, отхлебывая вина. Его изуродованное лицо с тяжелыми бровями напоминало деревянного идола.

Вито ответил вежливо, но в полном соответствии с существующей сицилийской традицией:

— Мне трудно отдать всю сумму сразу, ведь я долго не работал и всем задолжал. Мне желательна отсрочка, хотя бы на две-три недели. Если вы не против, конечно.

Прием считался допустимым — основную сумму Фануччи получил, значит, с остальными можно подождать, а при взаимной договоренности даже пойти на скидку или еще потянуть с долгом какое-то время.

Гость хмыкнул, опять приложился к стакану, громко промывая прохладным вином глотку, потом сказал:

— А тебе палец в рот не клади. Как же я тебя раньше не замечал? Тих больно, вот и пропадаешь без толку. Пожалуй, можно пристроить тебя к какому-нибудь выгодному делу, чтобы не переживал о куске хлеба.

Вито Корлеоне подчеркнуто внимательно выслушал предложение и подлил гостю еще вина из кувшина. Но Фануччи больше не стал пить. Он поднялся, взял шляпу, протянул Вито руку на прощанье:

— Ну, пока, синьорино, не поминай лихом. Ничего зря не бывает, Если понадобится, дай мне знать. Сегодня ты сам себе сослужил хорошую службу, вот увидишь.

Когда тяжелые шаги Фануччи смолкли на лестнице и он вышел со двора, Вито бесшумно спустился следом. На улице было множество людей. Это значило, что найдется масса свидетелей, готовых подтвердить, что из дома Корлеоне Фануччи вышел целым и невредимым. Из окна подъезда Вито пронаблюдал, что Фануччи, свернув по направлению к Одиннадцатой авеню, движется, очевидно, к себе домой. Наверное, хочет спрятать добычу и избавиться от оружия.

Вито взбежал по лестнице вверх и через чердачный лаз выбрался на крышу. Совершив рискованное путешествие по кровлям соседних домов, примыкающих плотно одна к другой, он спустился по пожарной лестнице пустующего складского здания на задворки улицы, вышиб ногой запертую дверь черного хода неизвестного дома, не суетясь, прошел через безлюдный коридор и вышел уже из парадного подъезда.

Расчет оказался верным: как раз напротив размещался дом, где жил Фануччи.

По этой улице жилые дома тянулись к западу до Десятой авеню, а почти вся Одиннадцатая была утыкана складскими помещениями крупных торговых фирм, связанных с железнодорожными перевозками и потому тяготеющих к станциям. Вплоть до Гудзона склады лепились сплошняком, а дом, где проживал Фануччи, примыкал почти вплотную к их диким зарослям. Здесь снимали квартиры, как правило, холостые проводники вагонов, складские рабочие, тормозные кондукторы и дешевые привокзальные проститутки. Поэтому обитатели дома не сидели по вечерам на пороге, как принято у семейных итальянцев, с удовольствием отдыхающих в бездумной болтовне с соседями. Нет, здесь проводили время иначе — по дешевым забегаловкам, где просаживались все сбережения до последнего гроша.

Так что ничьи глаза не сторожили подъезд дома, в котором снимал квартиру Фануччи. Вито не составило большого труда пересечь пустую Одиннадцатую авеню и скрыться за дверью в подъезде. Там он вынул свой еще ни разу не стрелявший пистолет и стал поджидать Фануччи.

Парадная дверь была застекленной. Фануччи, как знал Вито, должен появиться со стороны Десятой авеню. Клеменца проинструктировал его,

как обращаться с пистолетом. А впервые он взял в руки оружие, когда жив был еще отец, — он приучал мальчика охотиться из лупары — тяжелого и короткоствольного сицилийского ружья. Маленький Вито так преуспел в стрельбе, что это оказалось одним из оснований вынесенного ему смертного приговора. Слишком меткий стрелок подрастал.

Затаившись в темном коридоре, он увидел, как со стороны улицы двинулся в его сторону светлый силуэт Фануччи. Вито отступил к противоположной стене, упершись лопатками прямо в дверь, ведущую на лестницу. Он взвел курок. Его вытянутая вперед рука самую малость не доставала до парадной двери.

Дверь распахнулась, массивная фигура Фануччи в светлом костюме, как в облаке, возникла на пороге. Вито тотчас же выстрелил. Здание содрогнулось от звука, гулким эхом вырвавшегося из распахнутых дверей на пустую улицу.

Фануччи пошатнулся и вцепился рукой в дверную раму, другую пытаясь засунуть под пиджак, чтобы достать оружие.

Его шатало, неловким движением он судорожно оборвал все пуговицы на пиджаке, открыв не только пистолет на боку, но и расползающееся кровавое пятно на широкой груди, чуть выше пояса. Тщательно примерившись, словно вводя иглу в вену, Вито послал вторую пулю следом за первой.

Фануччи рухнул на колени, застряв в дверном проеме. Стон, который он испустил, вместе с ужасом почему-то вызвал нервный смех у Вито. Он стонал и стонал, пока Вито Корлеоне не прижал дуло прямо к потной и жирной его щеке и не выстрелил в третий раз. Теперь уже Фануччи повалился бездыханным, не испытывая больше ни телесных, ни душевных мук. Его тело, как мешок, забило проход в дом.

Осторожным и быстрым движением Вито извлек из кармана пиджака убитого знакомый ему толстый бумажник и спрятал под рубашку. Перешагнул через тело, скользнул на другую сторону улицы и проверенным путем, через пожарную лестницу и черный ход, поднялся на крышу.

Там он остановился, чтобы обозреть окрестности.

Труп Фануччи лежал все в том же виде, в каком он оставил его. В соседнем доме открылись два окна, за ними неясно мелькали чьи-то лица, но разобрать толком ничего было невозможно, а значит, и они не могли увидеть или, во всяком случае, разглядеть Вито. Хотя даже если б и разглядели, в полицию уж все равно никто не донес бы. Здешние жители с полицией не настолько близки. Так что Фануччи пролежит на пороге до

самого рассвета, если только случайный полицейский патруль не обнаружит его раньше. И соседи не выскажут готовности давать показания для следствия, а покрепче запрут двери и окна, чтобы не навлекать на самих себя подозрения легавых. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Теперь спешить уже было некуда, и Вито по крышам аккуратно прошел до самого дома, пролез сквозь чердачный люк и уже по обычной лестнице спустился к собственной квартире. Открыл дверь, вошел и заперся изнутри. Вывернул над столом бумажник покойного Фануччи. Кроме тех семисот долларов, которые Вито вручил «черной руке», там оказалось всего ничего: несколько бумажек по одному доллару и одна пятерка. Еще в отдельном маленьком кармашке оказалась старая золотая монетка достоинством в пять долларов. Скорее всего она служила для Фануччи талисманом на счастье. Да, если Фануччи и был богатым гангстером, при себе он своих богатств не носил. Во всяком случае, все это только подтверждало догадки Вито Корлеоне.

Теперь следовало избавиться поскорее от бумажника и от оружия. Вито вложил обратно в кармашек пятидолларовую золотую монетку, уже тогда у него хватало соображения. Снова вылез на крышу, по переходам перебрался с кровли на кровлю и сбросил в щель между домами бумажник Фануччи. Потом высыпал из барабана пистолета все пули и изо всех сил рубанул стволом по коньку крыши. Но оружие было сделано на совесть и поддалось не сразу. Вито пришлось колошматить рукояткой о каменную трубу, пока пистолет не треснул пополам. Вито доломал его — отдельно ствол, отдельно рукоятка, и раскидал по частям в трубы водостока. Они беззвучно скатились по трубам через все пять этажей и шлепнулись в мусор, ежедневно скапливающийся во дворах. За ночь, авось, еще набросают из окон, и утром, если повезет, пистолет будет надежно погребен.

Возвращаясь в очередной раз через чердак к себе домой, Вито вдруг почувствовал, что его лихорадит. Дома он прежде всего переоделся на всякий случай — вдруг испачкался кровью. Все, что снял с себя, свернул и покидал в лохань, где обычно жена стирала белье. Самообладания он не утратил. Залил одежду водой, достал кусок едкого темного мыла и взбил воду в густую пену. Щеткой и мылом тщательно оттер все, потом так же тщательно ополоснул оцинкованную лохань, слил воду в раковину, а выстиранные вещи присоединил к белью, которое приготовила для стирки жена, побросав вперемешку.

В свежей рубахе спустился он во двор, присоединившись к жене, которая все это время чесала язык с соседями и приглядывала за

играющими тут же сыновьями.

Предосторожности, как оказалось, были излишними. Полиция, обнаружившая труп Фануччи, и не подумала поинтересоваться в связи с этим личностью Вито Корлеоне. Скорее всего так и не узнали, что перед своей гибелью Фануччи навестил его дом. А Вито старательнейшим образом подготовил себе алиби, рассчитывая, что соседи подтвердят, мол, сами видели, Фануччи ушел, а Вито дома оставался, сидел вместе с ними на лавочке. Потом Вито Корлеоне понял что полиция не слишком усердствовала в поисках убийцы и даже, возможно, радовалась избавлению от осточертевшего Фануччи. Ухватившись за самую простую версию о гангстерских междоусобицах, в полиции ограничились тем, что допросили имевшихся на примете бандитов, замешанных в ограблении или подпольном бизнесе. Вито Корлеоне для них был чист, о нем они и не вспомнили.

Но перехитрив полицию, он вовсе не сбил со следа приятелей, тут дело обстояло сложнее. Питер Клеменца и Тессио стали избегать его, и это продолжалось две или три недели. Наконец, они решились нанести визит и как-то под вечер заглянули к нему, держась с подчеркнутой почтительностью. Вито Корлеоне со своей обычной вежливой сдержанностью пригласил их к столу и достал бутылку.

Разговор начал Клеменца.

— Лавки и игорные дома на Девятой авеню остались без присмотра, — вкрадчиво сказал он. — Никто не собирает с них дань, но никто и не опекает. Могут явиться чужаки.

Вито Корлеоне внимательно посмотрел на обоих, но промолчал.

— Если прибрать к рукам клиентов Фануччи, — вступил Тессио, — это обеспечит регулярный доход.

Вито сказал равнодушно.

— А я тут при чем? Почему вы пришли ко мне с этой идеей?

Клеменца добродушно рассмеялся. Он был тогда совсем молодым и не растолстел еще, но смеялся так, как обычно смеются толстяки. Отсмеявшись, сказал:

— Ладно. А мой пистолет, тот, что я тебе давал — он ведь больше не нужен? Если не нужен, тогда верни мне его, на всякий случай.

Неторопливо и осторожно Вито полез в боковой карман, вынул пачку долларов, отсчитал пять десяток и протянул Клеменце.

— Видишь ли, я тоже решил, что он больше не нужен, и выбросил его после того налета. Я заплачу деньгами, не возражаешь? — и улыбнулся обоим.

Тогда еще Вито Корлеоне не знал, как действовала на людей его улыбка, отдающая ледяным предвестием смерти. Он не угрожал, он улыбался так, будто только его собеседник мог оценить им двоим известную шутку, непонятную для непосвященных. Но поскольку обычно именно в этот момент дело касалось жизни и смерти, а улыбка, раздвигающая губы, оставляла глаза холодными, казалось, будто на мгновенье слетела с лица будничная спокойная и безличная маска, и трудно описать впечатление, остававшееся у собеседника.

Клеменца содрогнулся.

— Деньги мне не нужны, — отодвинул он от себя доллары. Вито пожал плечами, убрал деньги обратно в карман и выжидающе посмотрел опять на приятелей. Все трое понимали, что свело их сейчас вместе. Клеменца и Тессио не сомневались, что Фануччи убил он, и хотя они ни словом не обмолвились ни с кем, соседи, да и все окружающие, стали иначе относиться к Вито Корлеоне. Ему старались выказать уважение. Он принимал это как должное, но не делал никаких попыток прибрать к рукам сомнительное наследство Фануччи, оставшееся бесхозным.

Дальше события развивались с неизбежностью брошенного с горы снежного кома. Однажды вечером жена привела в дом соседку, тихую вдову-итальянку. Эта трудолюбивая робкая женщина выбивалась из сил, чтобы содержать семью и одна растила двоих осиротевших детей. Дети тоже работали.

Шестнадцатилетний сын еженедельно приносил матери конверт с зарплатой, даже не распечатывая его, — как подобает в приличной итальянской семье, следующей традициям предков. Дочь, годом старше, стала портнихой, и по вечерам вся семья пришивала пуговицы часами за мизерную плату.

— Это синьора Коломба, — сказала Вито его жена. — Она хочет поговорить с тобой, у нее неприятности.

Вито решил, что у него собираются занять денег и готов был их одолжить. Но дело обернулось иначе. У синьоры Коломбы жила собачка, обожаемая сыном, Но соседи не давали им житья, постоянно жалуясь на лай по ночам, так что хозяин пригрозил выселить семейство из дома, если собака останется. Синьора Коломба пообещала избавиться от животного, но просто не могла выполнить обещания из-за сына.

Мальчик любит собаку, как родное существо. Ей пришлось спрятать псину, а домовладелец, узнав об обмане, так рассвирепел, что стал немедленно выгонять их с квартиры, грозя призвать на помощь полицию. Она отдала несчастную собаку родственникам в Лонг-Айленде, хотя сын

заливался слезами, но это уже не помогло. Мальчик в горе, собаки нет, а жить им не дают…

Вито Корлеоне мягко спросил синьору:

— Почему вы пришли за помощью ко мне?

Синьора Коломба кивнула на его жену:

— Она сказала, что вы поможете.

Он удивился. Жена ни о чем не расспрашивала его после визита Фануччи, не спросила и об одежде, которую он выстирал и сложил в общую кучу. Откуда у них вдруг появились деньги, она тоже не интересовалась, хотя знала, что он все еще без работы. И сейчас по ее лицу ничего нельзя было прочитать.

— Я могу дать вам денег на переезд, — предложил Вито синьоре Коломбе. — Вы найдете себе квартиру, где вас не станут беспокоить. Вы ведь этого хотите?

Женщина замотала головой, слезы текли по ее щекам.

— Куда же мне переезжать, если все, кого я знаю, живут здесь, и друзья, и подружки, с которыми мы вместе приехали из Италии. Как я буду жить среди чужих? Я прошу, чтобы вы походатайствовали за меня перед хозяином, пусть разрешит нам остаться.

Вито задумчиво кивнул ей:

— Пусть будет так. Я попробую поговорить с ним. Вам не придется съезжать с квартиры.

Улыбка скользнула по губам жены, это польстило ему, но он сделал вид, будто не заметил. Синьора Коломба с надеждой запричитала:

— Да хранит вас Господь! А вы думаете, он согласится?

— Кто, синьор Роберто? — переспросил Вито. — А как же? Он же добрый итальянец. Надо только объяснить ему, что к чему, и он, конечно, пожалеет вас и ваших детей. Не стоит так сильно расстраиваться, берегите свое здоровье. Вы нужны своим детям, не забудьте этого.

Домовладелец Роберто ежедневно обходил принадлежавшие ему дома в их нищем квартале. Домов у него имелось пять. Но основной свой доход он получал, запродавая дешевые рабочие руки итальянских эмигрантов крупным корпорациям, совершая договора чуть ли не на кораблях, плывущих из Европы в Америку. На эти деньги он и приобрел дома, где проживали те самые жалкие эмигрантишки. Мистер Роберто относился к ним пренебрежительно. Он тоже родился в Италии, но на севере Италии, и получил приличное образование. А невежды-южане, выходцы из Неаполя и Сицилии, ничего не умели, ни к чему не стремились, кишели, как муравьи, в его доходных домах и даже не пытались поддерживать

минимум порядка. Мусор сбрасывался в вентиляционные шахты, стены точил жучок, в подвалах водились крысы — но никто палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то противостоять безобразию.

В принципе, мистер Роберто был неплохим человеком, преданно заботящемся о собственном семействе. Но постоянное расстройство из-за разрушающейся недвижимости, о деньгах, которые уходили из рук, о бесконечных расходах на крупный и мелкий ремонт довели его нервы до ужасного состояния. Поэтому, когда Вито Корлеоне остановил его на улице, чтобы переговорить, домовладелец не выразил теплых чувств. Впрочем, груб он тоже не был: у всех южан есть дурная привычка ходить с ножами и чуть что не так — норовят воткнуть свой нож вам в живот.

Парень, остановивший домовладельца, на первый взгляд выглядел довольно приличным.

— Синьор Роберто, — обратился к нему Вито Корлеоне, — я хочу попросить оказать услугу одной бедной вдове, за которую некому заступиться. Она в отчаянии, что должна съехать с квартиры в вашем доме из-за неприятностей с соседями. Там какой-то мелкий конфликт, что-то связанное с собакой. Ну, от собаки-то она, положим, уже избавилась. Так почему бы ей не остаться на месте? У нее ни денег на переезд, ни друзей, которые помогли бы, нет. Моя жена с ней знакома, поэтому я сказал, что переговорю с вами, как итальянец с итальянцем. Вы ведь человек разумный, а здесь явное недоразумение.

Мистер Роберто внимательно оглядел просителя. Парень не походил на бандита. Коренастый, крепкий, скорее крестьянин по происхождению. А тоже готов равнять себя с ним: «Как итальянец!» Просто смех.

— Я уже сдал квартиру другим людям, — сказал Роберто сдержанно. — За более высокую плату. Не отменять же уговор из-за вашей знакомой.

Вито Корлеоне с пониманием склонил голову.

— И на сколько же дороже вы теперь берете? — поинтересовался он.

— На пять долларов, — ответил домовладелец. Это явно было неправдой. Плохонькую и темную квартиру прямо под железнодорожным мостом, которую снимала вдова за двенадцать долларов в месяц, за большую плату сдать не представлялось возможным. Эти маленькие четыре комнатки и того-то не стоили.

Вито Корлеоне достал из кармана пачку банкнот и отсчитал три бумажки по десять долларов.

— Вот разница в квартплате за полгода. Только не говорите вдове, она женщина гордая. Через шесть месяцев я опять расплачусь с вами. Но,

разумеется, теперь вы должны ей позволить держать собаку.

— Черта с два! — взорвался Роберто. — Черта с два я послушаю кого-то, кто вздумает мне диктовать, держать ли в доме собаку и держать ли в доме синьору. Кто ты такой, чтобы мне указывать и предлагать деньги? Неприятностей ищешь на свою сицилийскую задницу?

Вито Корлеоне пропустил оскорбление мимо ушей и с деланным удивлением поднял ладонь предостерегающе:

— Я ведь только просил вас о любезности, ничего больше. Никогда не знаешь заранее, чья помощь и дружба пригодятся, верно? Деньги — всего лишь доказательство моих добрых побуждений. А решать вам самим, — он буквально втиснул десятки в руку мистера Роберто.

— Ну, не противьтесь, возьмите их и все хорошенько обдумайте. Если вам захочется вернуть мне эти деньги, вы ведь всегда можете сделать это. Завтра утром, например. И отказать вдове в квартире я тоже не могу вам помешать, это же ваш дом, я понимаю. Кому понравится, что в квартире собака? Мне и самому не понравилось бы. Но надо помогать друг другу, — он похлопал домовладельца по плечу, к полному изумлению последнего. — Поступайте так, как вам выгодно. Я прошу о небольшой услуге. Те, кто знает меня, подтвердят, что услуги за мной не пропадают. Думаю, здесь найдутся люди, которые смогут рассказать вам обо мне. Я из тех, кто верит в человеческую благодарность.

Но мистер Роберто уже сам начал кое-что соображать. Навести справки о Вито Корлеоне не составило труда, и в тот же вечер, не дожидаясь завтрашнего дня, он постучал в квартиру недавнего просителя. Жена Вито впустила домовладельца. Он вежливо извинился за поздний визит и залпом выпил стакан вина, предложенный синьорой Корлеоне.

Теперь мистер Роберто сам уверял, что произошло ужасное недоразумение. Конечно, семья вдовы Коломбо может остаться в своей квартире, и если они хотят держать у себя собачку, домовладелец не станет им препятствовать. Да и стоит ли обращать внимание на недовольство соседей? Кому не по нраву, пусть ищет себе другое жилье, пожалуйста, он, Роберто, никого не держит.

Широким жестом он вынул те тридцать долларов, которые получил от Вито Корлеоне, и выложил на стол, говоря при этом с искренней сердечностью:

— Ваше доброе сердце и отзывчивость устыдили меня. Все мы итальянцы, всем нам не чуждо христианское милосердие. Я решил оставить плату за квартиру вдовы прежней. Так будет только справедливо.

Словом, все участники спектакля прекрасно разыграли свои роли. Вито Корлеоне опять разлил вино по стаканам и велел жене принести домашнее печенье для гостя. Он охотно протянул руку домовладельцу и превознес его готовность помогать ближним. Мистер Роберто со вздохом долго тряс протянутую ему руку, приговаривая, что знакомство с Вито Корлеоне вернуло ему утраченную веру в человека. Наконец, они распрощались.

Роберто, у которого кровь стыла в жилах от одной мысли, как близко он находился к верной гибели, немедленно укатил подальше от Десятой авеню — к себе, в Бронкс, едва дотащился до постели, и целых три дня не появлялся в своих владениях, чего раньше никогда не бывало.

Так Вито Корлеоне завоевал уважение в своей округе. Многие были убеждены, что за его спиной орудует непосредственно сицилийская мафия.

Его покровительства стали искать.

Хозяин одного из игорных заведений района самолично явился домой к Вито Корлеоне и добровольно предложил платить ему еженедельно по двадцать долларов. От Вито требовалось только изредка заглядывать к нему во время игры, чтобы игроки чувствовали себя под защитой. Лавочники, которым мелкое жулье причиняло немалый ущерб, тоже начали просить о помощи. Вито вмешался, и это решило дело. Естественно, что труд его был вознагражден. Еженедельный доход Вито достигал уже ста долларов — сумма по тем временам очень приличная. Считая Клеменцу и Тессио своими друзьями и союзниками, Вито выделил им определенную часть денег, и сделал это по собственному почину, без лишних просьб или оговорок.

Поразмыслив, он решил заняться торговлей импортным оливковым маслом и взять в компаньоны друга детства Дженко Аббандандо. Расходы брал на себя Вито, заботы — Дженко, ему предстояло организовать ввоз, транспортировку из Италии, закупку продукции по приемлемым ценам и хранение. Для хранения поначалу они собирались использовать склады отца Аббандандо. Для Дженко такая работа подходила, ведь определенный опыт он имел. Клеменца и Тессио тоже включились в дело. В их задачу входило разместить заказы на оливковое масло марки «Торговый дом Дженко» по бакалейным магазинам и лавочкам Манхэттена, Бруклина и Бронкса. Свое имя Вито Корлеоне с присущей ему скромностью не стал выносить в название фирмы. Что, собственно, ничего не меняло — настоящей главой дела был он. Ему принадлежала большая часть капитала, а главное, он вмешивался в тех случаях, когда без этого было не обойтись. Например, если кто-то из лавочников упрямился и не желал сдаваться на уговоры Клеменцы и Тессио, что без оливкового масла «Торгового дома Дженко» их бакалея зачахнет, Вито всегда мог пустить в ход свои неотразимые аргументы, а порой одного его имени хватало, чтобы убедить упрямца.

Жизнь торговца и бизнесмена многие годы вполне удовлетворяла Вито Корлеоне. Он весь отдался делу, и поначалу небольшое предприятие быстро расширилось и укрепилось. В семье он оставался безупречным мужем и отцом, только бывал дома гораздо реже, чем раньше: время занимали дела.

Постепенно масло марки «Торговый дом Дженко» стало пользоваться популярностью и уж, во всяком случае, распродаваться по всей Америке. Одновременно развивалась и система безопасности Вито Корлеоне. Любой хороший делец должен уметь вовремя нанести удар конкуренту, влиять на

цены, заинтересовать торговцев исключительно в своем товаре, чтобы не было отдано предпочтение другому. Иногда приходилось оказывать давление, чтобы владельцы складов запасались именно их продукцией, а не оливковым маслом других фирм. Как всякий бизнесмен, Вито тяготел к монополии в своей отрасли и потому правдами и неправдами вынуждал или уступить ему дорогу или вступить в сотрудничество. Он начинал сам, без посторонней помощи, даже без рекламы, потому что верил только в доходчивость личного убеждения, да и не верил очень-то, что их оливковое масло лучше любого другого хоть в чем-то. Но будучи лишен знания обычных торговых трюков, Вито Корлеоне опирался на вещи, доступные ему: собственную репутацию и позицию силы.

С юности все знали его как человека уравновешенного и толкового. Он предпочитал обходиться без угроз. Рассчитывал на логику — и она всегда оказывалась убедительной. Старался устроить все так, чтобы сделка обязательно приносила выгоду обеим сторонам. Никто не должен оставаться обиженным. Конечно, никакими средствами не приходилось пренебрегать. Став предпринимателем, Вито быстро понял, что рынок рынком, а монополия — это власть. А значит, надо добиваться монопольного положения в своей области.

Не все легко давалось. В Бруклине имелись торговцы оливковым маслом, которые в силу своего неподатливого характера ни за что не хотели считать фирму «Торговый дом Дженко» единственным поставщиком товара. Даже когда Вито Корлеоне лично повидался с ними и воззвал к голосу рассудка, они наотрез отказались от его предложений.

— Нет, мыслить здраво они не в состоянии, — подытожил Вито Корлеоне, воздев руки к Создателю. И направил в Бруклин Тессио. Склады непокорных торговцев строились на совесть, но могут ли склады устоять против огня? Оливковое масло разливалось из цистерн зеленоватыми озерами прямо по булыжной мостовой. Груженые машины опрокидывались.

Один из бакалейщиков, миланец, совсем потерявший голову в Америке и поверивший в полицию больше, чем церковник в Христа, бросился за помощью к властям, обвиняя соотечественников и совсем позабыв, вдали от родины, о вековом законе омерты. Но прежде, чем его жалобу подшили к делу, безумный миланец исчез, оставив безутешную жену и осиротевших детей. Хорошо еще, что дети оказались достаточно взрослыми и — благодарение Господу! — унаследовав отцу, немедленно поладили с фирмой по торговле натуральным оливковым маслом «Торговый дом Дженко».

Все люди рождаются одинаковыми, но некоторые становятся гениями и гигантами.

Когда страна вступила в эпоху «сухого закона» и продажа алкогольных напитков оказалась под запретом, Вито Корлеоне сделал следующий шаг от бизнесмена, правда, не слишком щепетильного в выборе средств, до одного из великих мира сего, пусть даже его империя именовалась преступной. Конечно, все происходило не в один день или час, и даже не за один год, но к концу эпохи «сухого закона», на пороге эры демократии и депрессии, Вито Корлеоне стал Крестным отцом. Доном. Доном Корлеоне.

Во многом дело решил случай, а возможно, в очередной раз сбывались предначертания судьбы. К тому времени фирма «Торговый дом Дженко» для перевозок оливкового масла имела небольшую колонну автомашин: шесть крытых фургонов. Через Клеменцу группа итальянских контрабандистов почтительно обратилась к Вито Корлеоне с предложением использовать машины для перевозки спиртных напитков из Канады. Бутлегерство только начиналось, потребность в людях была огромная, а прибыль, которую пообещали Вито Корлеоне за эксплуатацию грузовиков и людей, просто баснословная. К тому же кто-то должен был заниматься реализацией виски и прочих запрещенных напитков в Нью-Йорке, и этот «кто-то», с одной стороны, находился бы постоянно под страхом кары за нарушение законодательства, что, уже с другой стороны, вынуждало проявлять известную решимость, попросту говоря — оружие.

Осмыслив перспективы, Вито Корлеоне решительно перебросил все свои фургончики-грузовики с доставки масла на перевозку спиртных напитков. Его не смутило ни то, что отныне он вступает в противоречие с властью, ни то, что в предложении итальянских контрабандистов лестные условия подкреплялись тщательно замаскированными угрозами. Вито Корлеоне умел уже тогда не принимать угрозу за оскорбление и не переводить разговор на личности. Не стоило обижаться на бестактность, если маячила выгодная сделка. К тому же, при ближайшем рассмотрении, угрозы выглядели несерьезными, и компаньоны-контрабандисты только уронили себя в его глазах, прибегнув к дурным методам. Надо будет просто иметь в виду, на что они способны, и поразмыслить об этом на досуге.

Все пошло как нельзя лучше. В новом деле Вито Корлеоне приобрел новый опыт, богатство, а главное, связи. Опыт и связи были для него обеспечением капитала, более надежным, чем любой банк мира. В умении использовать то и другое Вито Корлеоне проявлял не просто способности, а подлинный большой талант.

Его отеческим покровительством пользовались все итальянцы, продававшие виски прямо на дому по доступной для любого работяги цене — пятнадцать центов стаканчик. Когда младший сын синьоры Коломбы проходил конфирмацию, Вито Корлеоне, в качестве его крестного, подарил парню на память золотую монету в двадцать долларов. Он нанял хорошего адвоката, понимая, что рано или поздно полиция неминуемо выловит его грузовики и понадобятся связи в полицейском департаменте. Адвокат был дипломированным специалистом и знал многих в верхних эшелонах юстиции. Вскоре начала складываться целая система выплат, охватывающая все этажи власти, сверху донизу. Корлеоне составил подробный список людей, занимающих ответственные должности, которым фирма регулярно выплачивала «вознаграждение». Адвокат, смущенный размерами взяток, предложил по возможности сократить их. Вито Корлеоне не согласился.

— Лучше заплатить больше, — сказал он, — чем пропустить кого-то, кто может нам пригодиться. Не сегодня, так завтра. Я верю в дружбу и готов первым проявлять дружеские чувства.

С годами империя Корлеоне разрасталась. Все больше фургонов с надписью «Натуральное оливковое масло „Торгового дома Дженко“» бороздило страну. Список должностных лиц, числящихся в друзьях у Вито Корлеоне, увеличивался. Больше стало и людей, работавших на Клеменцу и Тессио. Наступала пора разделить функции и разработать четкую структуру всей организации. Этим в свой срок и занялся Вито Корлеоне.

Для начала он назвал Клеменцу и Тессио своими доверенными, присвоив им звание вроде воинского — капитанов, тогда как прочие в Семье были рядовыми. Дженко Аббандандо стал у дона советником, как приятно в итальянских семействах. Между Вито и рядовыми исполнителями шаг за шагом воздвигался буфер, и теперь уже, отдавая указание, дон обращался только к советнику или к своим доверенным.

Редко кто мог похвастаться, что получил команду от самого Вито Корлеоне. Соответственно и связать его имя с каким-либо конкретным делом становилось все труднее. Дон скрывался в заоблачных высях.

Следующим этапом стало разделение групп Клеменцы и Тессио. Вито выделил для Тессио Бруклин и поручил ему и его ребятам контролировать этот район. Разлучая их с Клеменцей, он ясно дал понять, что и в будущем не рекомендует им поддерживать между собой контакты, даже на уровне личных отношений, кроме случаев крайней необходимости. Он объяснил, что это задумано в целях предосторожности — так закону труднее до них добраться. Но более смышленый Тессио моментально ухватил замысел

Вито: таким образом капитаны оказывались изолированными друг от друга, а значит, у них было меньше искушений сговориться против дона. Вито вовсе не думал ущемить их и не подозревал в предательстве, он просто хотел исключить подобную возможность. Вито Корлеоне действовал осмотрительно и благоразумно.

Поняв ход мыслей Вито, Тессио не обиделся, а Вито в ответ на доброе понимание дал ему полную свободу во всех бруклинских операциях, тогда как более активного, но менее понятливого Клеменцу оставил у себя под боком, контролируя каждый шаг. Клеменца всегда был отчаяннее Тессио. Но и жестокости в нем было больше, даром что со стороны казался безобидным и веселым малым. За ним нужен был глаз да глаз.

«Великая депрессия» не ослабила, а даже усилила Семью Корлеоне. Именно тогда, по сути, Вито превратился окончательно в могущественного дона.

В то время, как по всей стране миллионы американцев предлагали свои честные руки, готовые на любую работу, или, смиряя гордость, униженно стояли в очередях за подачками благотворительных учреждений, только чтобы не погибнуть с голоду, люди Вито Корлеоне ходили с высоко поднятой головой и туго набитыми карманами. Утратить работу они не боялись. Так что скромнейший дон Корлеоне мог с достоинством оглядывать свою державу, испытывая законное чувство удовлетворения: в созданном им маленьком мирке дела шли куда лучше, чем в окружающем большом мире. Он не оставил своей заботой никого из доверившихся ему людей и не предавал тех, кто рисковал жизнью и свободой ради служения Семье. Когда кто-то из ребят все же оказывался в лапах полиции и попадал в тюрьму, он мог быть уверен, что семья его живет безбедно, причем помощь не выглядела жалкой подачкой. Семье выделяли примерно столько, сколько обычно приносил домой кормилец.

Конечно, это делалось не из христианского милосердия. Даже лучшие друзья Вито Корлеоне отнюдь не считали его святым, спустившимся на нашу грешную землю. В его заботливости и щедрости был точный расчет. Человек, угодивший в тюрьму, знал, что, пока он держит язык за зубами, о его жене и детях позаботятся. Он понимал, что не заинтересован давать полиции хоть какую-нибудь информацию, если хочет, чтобы его приняли обратно в дружеские объятия. Что, едва он выйдет на свободу, для него накроют стол с самой лучшей едой, домашними вином, свежим хлебом и сластями, а быть может, сам советник Дженко Аббандандо или даже великий дон заглянут на праздничный огонек, подсядут к столу и поднимут бокал за стойкость и верность, одарив напоследок своего

рядового чеком на кругленькую сумму. А значит, неделю-другую можно не думать о хлебе насущном и насладиться бездельем и свободой, прежде чем приступить к обычной работе. Дон прежде всего был великим психологом, а уж потом — великим доном. Он очень глубоко умел заглянуть в души своих подчиненных.

Именно тогда Вито Корлеоне додумался до выводов, что он управляет собственной империей куда лучше, чем его враги — большим миром, то и дело препятствующим спокойной и привольной жизни Семьи. Об этом свидетельствовало огромное количество бедноты, чьи пути приводили за поддержкой ко всемогущему дону. Никто, кроме него, не брался помочь им в самых ничтожных и все же необходимых заботах. Одним надо было помочь с жильем, другим — пристроить на работу сына или вызволить из тюрьмы, третьи сидели без пособия, их спасла бы мелкая денежная ссуда. Иногда достаточно оказывалось усовестить домовладельца, чтобы не требовал с ножом у горла немедленной квартплаты у безработного жильца. Дон Корлеоне помогал всем, кто к нему обращался. И не снисходительно помогал, а делал это охотно, смягчая добрым словом горечь от необходимости просить о подачке. В результате, когда приближались выборы в городской совет или конгресс, все итальянцы округи прислушивались только к мнению своего благодетеля и отдавали голоса лишь за ту кандидатуру, которую рекомендовал им Крестный отец.

Дон Вито Корлеоне превращался в политическую силу, с которой вынуждены были считаться и партийные лидеры, и дальновидные политики в правительстве. Умея видеть перспективу, дон Вито щедро поддерживал талантливых детей из нищих итальянских семей, которые за его счет обучались в колледжах и университетах, становясь потом адвокатами, помощниками прокуроров и прокурорами, даже судьями, — он особенно поддерживал и поощрял тех, кто избирал юридическое поприще. Планируя будущее своей маленькой империи, Вито Корлеоне действовал с прозорливостью национального вождя.

Отмена «сухого закона» больно ударила по всем бутлегерам, хотя и здесь дон успел кое-что предугадать и опередить события. Возвращаться в границы торговли оливковым маслом было бы смешно. Вито наметил другой вариант: выход на игорный бизнес. В 1933 году он направил своего человека в Манхэттен к Сальвадору Маранцалле. Маранцалла контролировал все, что связано с азартными играми, — от шулерских притонов в доках до крупных и богатых игорных домов, где играли по крупному, от мелкого ростовщичества, неизменно сопутствующего картам и костям, до тотализатора и рэкета. Вито Корлеоне предлагал Маранцалле

взаимовыгодное сотрудничество: организованность и внешние связи с правительственными и полицейскими чинами с одной стороны и возможность расширения сфер влияния — с другой.

Маранцалла был крупной величиной в преступном мире Нью-Йорка. Он с негодованием отверг любезное предложение этого выскочки Корлеоне. Ведь в числе приятелей Маранцаллы значился сам Аль Капоне. А организация имелась и у него, надежней, чем у Корлеоне. И денег, и людей у Маранцаллы более, чем достаточно, чтобы утереть нос кому угодно. Зачем ему связываться с каким-то околопарламентским болтуном, который и не похож на настоящего мафиозо?

Отказ Маранцаллы стал поводом для начала большой и кровопролитной войны тридцать третьего года, перекроившей границы и структуру преступного мира, так же, как первая мировая война завершила передел границ между государствами.

Расстановка сил поначалу была не в пользу Корлеоне. У Сальвадора Маранцаллы имелась достаточно мощная гангстерская организация с хорошей поддержкой извне. Он дружил с самим Алем Капоне и в случае чего мог обратиться за помощью к громилам из Чикаго. Добрые отношения связывали Маранцаллу и с семейством Таталья, промышлявшим торговлей живым товаром, то есть проституцией, и уже делавшим первые робкие попытки прибрать к рукам наркотики. Из большого мира Маранцалла в основном поддерживал контакты с теми политическими деятелями, которые не брезговали пользоваться услугами бандитских группировок для запугивания еврейских лидеров в текстильной промышленности и итальянских анархистских объединений и строительстве, когда те излишне высовывались или подавали голос.

Против этой махины дон Вито Корлеоне мог выставить только два не слишком больших, хотя вышколенных и великолепно организованных отряда. Тессио и Клеменца оказались хорошими капитанами, их ребята чувствовали себя частью единого целого. Маранцалла и представить себе не мог, какие силы противостоят его могуществу. Все явно недооценили рядовую гвардию Корлеоне, к тому же ошибочно считали, будто Клеменца и Тессио совершенно самостоятельны и не связаны друг с другом. Недостаточная осведомленность противника в данном случае больше сработала на Корлеоне, чем даже его обширные связи в верхах, ведь Маранцаллу все равно этим было не удивить.

И все-таки шансы на победу были неравными, пока Вито Корлеоне не уравнял их одним мастерским, тщательно обдуманным ходом.

Маранцалла обратился к Алю Капоне с просьбой предоставить ему

двух специалистов-снайперов, решив разом избавиться от надоедливого выскочки Корлеоне. Но сеть информационной службы Вито уже настолько была отлажена, что не успели убийцы сесть в поезд Чикаго — Нью-Йорк, как весть об этом дошла до дона Корлеоне. Поезд прибывал вечером, и дон направил встречать его не кого иного, а Люку Брази, предоставив на его усмотрение выбор методов воздействия. Такая свобода всколыхнула звериную фантазию страшного Люки. Со своими тремя подручными он подкараулил чикагских посланцев прямо на вокзале. Носильщик, к пленный заранее, у выхода из вагона подхватил чемоданы приезжих и сопроводил их к машине, где за рулем сидел свой человек. Не успели захлопнуться дверцы, как Люка Брази с подручными втиснулись в ту же машину и без лишних слов, предъявив пистолеты в качестве визитных карточек, уложили чикагских снайперов на пол, к себе под ноги. Из такого положения проявлять искусство меткой стрельбы представлялось затруднительным.

Автомобиль покатил прямо к пустым складам на задворках портовых домов. Один из складов Люка присмотрел заранее. Людей Капоне, связанных по рукам и ногам, сложили на пол, а рты им заткнули махровыми полотенцами вместо кляпов.

Затем Люка Брази вооружился специально припасенным топором, заботливо поставленным у стены, и стал не спеша разрубать одного из пленников на куски, методично, как мясник, разделывающий тушу. Сначала он отрубил ступни, потом ноги до колена, потом — по линии бедра, там, где ноги переходят в туловище. Несмотря на свою огромную физическую силу, Брази так намахался топором, что устал. К этому времени его жертва, естественно, давно отдала богу душу, а на полу склада осталось от несчастного тела какое-то невообразимое кровавое месиво.

Покончив с первым гостем из Чикаго, Брази перешел ко второму, но тут выяснилось, что больше усилий с его стороны не потребуется: от ужаса тот совершил невозможное, проглотив кляп из полотенца, отчего и задохнулся. Когда найденный полицией труп вскрыли с целью установления причины смерти, полотенце оказалось в пищеводе покойника, чем ввергло в смятение видавших виды патологоанатомов.

Спустя несколько дней Аль Капоне получил от Вито Корлеоне дипломатическое послание. Там говорилось: «Теперь для вас не секрет, как я обращаюсь с врагами. Но чего ради вам, неаполитанцу, оказываться меж двух огней, когда ссорятся сицилийцы? Я предпочел бы считать вас своим другом, и если вам по душе мое предложение, считайте, что я ваш должник и в любую минуту готов доказать свою дружбу делом. Уверен, вы можете

оценить, что выгоднее иметь в друзьях того, кто сам улаживает свои дела, не обращаясь за посторонней помощью, и всегда готов сам выступить в вашу поддержку. Если же вы не сочтете, что момент для дружеских чувств подходящий, я не буду в обиде. Только хотелось бы предупредить: климат в нашем городе сырой, для неаполитанцев нездоровый, так что приезжать к нам, особенно сейчас, я вам искренне не советую».

Тон письма мог показаться несколько вызывающим. Но Вито Корлеоне действовал продуманно. У него сложилось мнение о семействе Капоне как о малоперспективном, понемногу утрачивающем влияние. Сам Аль бросал вызов общественным нравам, кичась награбленными богатствами, а дон считал подобное поведение неразумным, так как мирок Капоне, пусть даже охраняемый самыми отъявленными бандитами, без внешних связей, без соблюдения правил приличия и необходимого камуфляжа, становился легко уязвим.

Империя Капоне уже вступила в стадию распада, а его авторитет подкрепленный ужасающими легендами и жестоким террором, тем не менее не выходил за пределы Чикаго.

Дон не ошибся — его тактика принесла успех, и не столько в результате проявленной жестокости, сколько благодаря невероятной стремительности, мгновенности реакции дона. Аль Капоне здраво рассудил, что если у Корлеоне такие четкие связи, том что он умен и решителен, иметь его во врагах излишняя роскошь. Гораздо правильнее будет принять протянутую руку дружбы, а вместе с ней — обещание поддержки на будущее. Поэтому семья Капоне поставила дона Корлеоне в известность, что будет поддерживать нейтралитет.

Шансы сравнялись. Кроме всего прочего, Вито немедленно безмерно зауважали во всем преступном мире — и за пределами Нью-Йорка, по всей Америке — в восхищении, как ловко он утер нос самому Алю Капоне и за короткий срок обставил кругом Маранцаллу.

На то, чтобы слопать Маранцаллу, у Вито ушло чуть больше полугода. Он не давал спокойно работать игорным притонам, находившимся под опекой Маранцаллы. Его люди выследили самого крупного владельца игорного заведения в Гарлеме, отобрав у него не только выручку за целый день, но и кости, фишки и долговые книги. Вито Корлеоне шаг за шагом теснил своего его противника. Даже на текстильные фабрики направлены ребята Клеменцы, вставшие на защиту притесняемых Маранцаллой профсоюзников. Против них владельцы фабрик и фирм готового платья оказались бессильны, они уже не могли, как прежде, доверяться Маранцалле.

Наступление шло по всем фронтам разом — и везде приносило успех. Свирепость весельчака Клеменцы, которым дон умело руководил, тоже шла на пользу общему дел. Кончилось тем, что в один прекрасный час Вито Корлеоне ввел в действие резервный отряд под командованием Тессио, получивший задание начать охоту на самого Маранцаллу.

Маранцалла уже не раз жалел о неосмотрительных выпадах в адрес Семьи Корлеоне и пытался через посредников заключить мир. Но теперь дон сам отказывался, под разными предлогами уклоняясь от переговоров или перенося их на неопределенное время. Армия Маранцаллы разбегалась. Кому охота подставляться под пулю или нож понапрасну? Первыми перекинулись в другой стан букмекеры и ростовщики, которые платили мзду тем, кто действительно способен защитить их интересы. Война близилась к завершению.

В канун нового 1934 года Тессио удалось, наконец, найти выход на самого Маранцаллу. Его приближенные, не склонные умирать за утратившего силу вожака, сами горели желанием сдать его поскорее. Через них Маранцалле передали, что Вито Корлеоне готов встретиться с ним в одном из ресторанов Бруклина. В сопровождении предавших его телохранителей Маранцалла явился в назначенное место, уселся за заранее заказанный столик и только надкусил в тоскливом одиночестве свежий итальянский хлебец, как в дверях появился Тессио с четырьмя помощниками. Телохранители Маранцаллы испарились в одно мгновенье. Все произошло очень быстро. Маранцалла даже не успел прожевать кусок, как пуля вышибла дух из его тела.

Война кончилась.

Империя Корлеоне поглотила бывшие владения Маранцаллы. Новый дон определил размеры налога, но никого не тронул, великодушно дозволив всем заниматься прежними делами. Только на текстильных и швейных предприятиях он усилил влияние профсоюзов, полностью взяв их под контроль. Как оказалось потом, это был очень своевременный шаг.

Уладив свои взаимоотношения с окружающим миром, Вито Корлеоне хотел было вздохнуть с облегчением, но проблемы настигли его в собственном доме.

Сантино Корлеоне, Санни, уже подрос, ему исполнилось шестнадцать, и для итальянского мальчугана он вырос удивительно высоким и статным, а лицо его хотя черты казались тяжеловатыми, отличалось чувственностью. Если Фредо всегда вел себя смирно, а Майкл был пока совсем несмышленышем, то с Санни хлопот хватало, он умудрялся попадать из одной неприятности в другую. Без него не обходилась ни одна драка,

учился он еле-еле, а однажды Клеменца, который был крестным Сантино, вынужденно и неохотно сообщил дону Корлеоне, что его старший сын замешан в вооруженном ограблении. В сущности, затея с первого взгляда выглядела глупостью, но могла принести массу неприятностей. При дела этом инициатива, без сомнения, принадлежала Санни, а двое других ребят просто пошли у него на поводу.

Известие вывело дона Корлеоне из обычного для равновесия. Такое случалось с ним считанные разы. Прежде всего дон спросил у Клеменцы не замешан ли в истории Том Хейген, который к тому времени жил в доме Корлеоне уже три года. Клеменца ответил отрицательно. Тогда дон отправил за сыном машину, и Санни доставили прямо в контору фирмы «Торговый дом Дженко».

Но в разговоре с сыном ему не дано было одержать верх. Когда, оставшись наедине, он обрушил на Санни потоки родительской ярости, усиленные сицилийским диалектом, ибо только он мог придать выразительности обуревавшим дона чувствам, и, отведя душу, риторически спросил:

— Какого черта ты это придумал? Откуда в тебе это? — Санни только смолчал. Но когда дон добавил презрительно;

— Тебе, что, денег не хватает? Надо же дойти до такой дури! Ну, сколько ты заработал? Полста долларов? Или двадцатку? Стоило идти на риск из-за вшивых двух десяток? — Санни не выдержал и сказал с вызовом в голосе, не в ответ на слова отца, а сам по себе:

— Я видел, как ты убивал Фануччи.

Дон втянул ртом воздух, протяжно сказал: «Ох!» и опустился в кресло, Он молча ждал, что сын скажет еще. Санни продолжил:

— Когда Фануччи ушел, мама сказала, что все, можно идти домой. Я поднялся по лестнице, увидел, что ты полез на крышу и тихонько тоже полез за тобой. Я все видел. Все до последнего. И как ты выбросил бумажник. И как разломал револьвер. Все.

Дон перевел дыхание.

— Ну, тогда не мне тебя учить. Поступай, как знаешь. А разве университет ты не хочешь закончить? Один адвокат с портфелем способен сделать больше, чем сотня боевиков в масках и с пистолетами.

Санни широко улыбнулся и сказал не без лукавства:

— Я бы занялся семейным бизнесом.

Дон без особых эмоций воспринял его слова, и видя, что смеяться над его шуткой никто не намерен, Санни поспешно добавил: «Буду учиться торговать оливковым маслом».

Дон еще помолчал немного. Потом пожал плечами:

— Каждый творец своей судьбы.

Он не стал вдаваться в то, что судьбу его сына решило когда-то убийство, совершенное отцом на его глазах. Отвернувшись, дон безразлично произнес:

— Можешь приходить завтра в контору к девяти. Дженко определит тебе работу.

Но Дженко Аббандандо проницательно угадал истинные желания дона — он был настоящим советником, и использовал Санни, в основном, в качестве телохранителя отца, чтобы, находясь в непосредственной близости, Корлеоне сын имел возможность перенимать секреты управления Семьей. У самого дона тоже возникло желание наставлять первенца на извилистом пути семейного бизнеса, так что Санни получал курс наук, не менее полный, чем в отринутом им колледже.

Санни то и дело влетало за неуправляемость его поведения. Дон учил сына, что угрожать глупо и бессмысленно, а необдуманно давать волю гневу — непозволительная роскошь. Действительно, никто и никогда не слышал угроз от дона, а выказывать ярость он позволял только при самых близких людях, Дон стремился воспитать в сыне хладнокровие, которым обладал, и на практике преподносил ему уроки. Самая большая удача, — утверждал он, — если враг преувеличивает твои недостатки. Но если друг недооценивает твоих достоинств, это еще лучше.

Параллельно с прохождением «теоретических наук» Санни пребывал под опекой опытного Клеменцы, научившего его стрелять и обращаться с традиционным сицилийским оружием — гарротой. Удавка не понравилась Санни, он уже слишком американизировался для таких способов. И вообще он отдавал предпочтение бесхитростным и прямолинейным методам ведения борьбы, вроде доброй перестрелки на англо-сакский манер, что огорчало Клеменцу. Зато с обязанностями телохранителя Санни управлялся отлично, стал постоянным и желанным спутником дона, водил машину, помогал во всех житейских мелочах.

Два года спустя все, казалось, пришло в норму: сын постепенно вникал в дела отцовского предприятия, проявляя в меру таланта и усердия, но не гоняясь за журавлем в небе. Обычная картина в мире любого бизнеса.

Тем временем товарищ его детских игр и названный брат Том Хейген тоже подрос и поступил в колледж. Фредо заканчивал школу, самый младший из братьев Майкл одолевал еще начальную ступень, а сестренке Конни исполнилось четыре года.

Семейство Корлеоне давно переселилось из района нью-йоркской

бедноты в Бронкс и уже шла речь о покупке особняка в Лонг-Айленде. Но дон не стал торопить событий, так как переезд он планировал совершить параллельно еще с некоторыми делами.

Пожалуй, главный дар, которым обладал Вито Корлеоне, — это умение рассчитывать на два шага вперед. Преступный мир Америки то и дело сотрясали кровавые междоусобицы. Зараза противоправной деятельности проникала едва ли не во все сферы жизни страны. Честолюбивые и горячие гангстеры готовы были откусить друг другу головы из-за соблазнительной добычи. Руководителям семейств, подобно дону Корлеоне, приходилось постоянно быть настороже, чтобы сохранить в неприкосновенности сложившиеся границы и не уступить распоясавшимся коллегам собственные доходные места.

Вито Корлеоне внимательно следил по газетам за общественным мнением в стране и понимал: круг суживается. Любое преступление журналисты и политические деятели использовали как жупел, добиваясь все более суровых законов, требуя карательных полицейских мер. Вполне вероятным становилось то, что в ближайшем будущем либеральные порядки будут отменены под напором всеобщего негодования, а это роковым образом скажется на всех видах подпольного бизнеса, Империя Корлеоне изнутри была крепка и надежна, но опасность надвигалась извне, и дон решил предотвратить ее, пока не поздно.

Для этого требовалось добиться мира между враждующими группировками в Нью-Йорке и во всей стране.

Вито Корлеоне не обольщался надеждой, что сделать это окажется просто, наоборот, он понимал всю опасность принятой на себя миссии. Год ушел только на то, чтобы поочередно повстречаться с каждым по отдельности главарем нью-йоркских банд, налаживая добрые отношения, приводя резоны и пытаясь распределить более или менее справедливо сферы влияния, которые в дальнейшем закрепил бы общий совет Семей. Каждого приходилось прощупывать: чего он стоит, насколько опасен, в какой мере можно доверять. Но проделанная доном огромная работа не принесла результатов. Группировки оставались разобщены, их интересы постоянно сталкивались на узких пространствах, пересекались, казались непримиримыми.

Убедившись, что таким образом достичь согласия невозможно, Вито Корлеоне, подобно многим другим властителям, пришел к выводу, что остается идти по пути сокращения числа суверенных держав. Когда их будет считанное количество, можно продолжить мирные переговоры. Во

всяком случае, тогда станет понятно, с кем же эти переговоры следует вести.

Впрочем, уже на первом этапе выделились пять или шесть могущественных семейств, об отстранении которых от власти речь не могла идти. Пока предстояло прибрать к рукам одиночек, вроде «черной руки», промышляющих в отдельных кварталах, ростовщиков и букмекеров, действующих на свой страх и риск, мелкие банды, не имеющие соответствующей защиты, точнее говоря, не входящие ни в одну из крупных группировок. То, что затевал Вито Корлеоне, было, по сути, колониальной войной. Против мелкого неорганизованного сброда он двинул регулярные войска.

На покорение Нью-Йорка и его окрестностей ушло три года, но это неожиданно принесло добрые плоды. Долгое время затея всем казалась совершенно нереальной. Один озверевший ирландец из воровской шайки, намеченной к ликвидации, даже по воле случая смог прорваться сквозь кордон защиты и ранил дона пулей в грудь. Безумца, разумеется, пристрелили на месте, но случившегося было не воротить. Впрочем, нет худа без добра. Пока дон вынужденно бездействовал, Сантино Корлеоне смог попробовать собственные силы, взяв командование боевыми действиями на себя. Он создал своего рода личную гвардию, принял чин капитана, как Клеменца и Тессио, и, подобно юному бесстрашному Наполеону, ринулся в бой сломя голову. В суровых условиях войны у сына оказались черты, которых недоставало отцу для полной победы: безжалостность к врагу и непреклонность. Его нельзя было уговорить, он завоевывал и подчинял, либо уничтожал.

За время боевых действий Санни Корлеоне приобрел репутацию самого коварного и беспощадного убийцы в преступном мире Нью-Йорка. В довершение всего он действовал в содружестве с чудовищем по имени Люка Брази, одного упоминания о котором было достаточно, чтобы у человека леденела кровь в жилах.

Именно Люка Брази после покушения на дона пустился охотиться за ирландской шайкой воров и собственноручно уничтожил всех, до одного. Он же, действуя в одиночку, умудрился выйти на главу одной из шести крупнейших Семей, вздумавшей вступиться за мелкие независимые группировки, и истребил его вместе с приближенными. Впоследствии дон, оправившись от раны, сумел поладить с этим семейством, вернее, с тем, что от него осталось.

К началу 1937 года в городе Нью-Йорке установился мир, нарушаемый, конечно, время от времени незначительными инцидентами, порой со

смертельным исходом, но все-таки мир. У живущих в состоянии мира государств тоже ведь случаются пограничные инциденты.

Подобно правителям древности, вынужденным постоянно держать в поле зрения дикие варварские племена, копошащиеся у городских стен, дон Вито Корлеоне внимательно относился ко всему, что происходило вне границ его обширной империи. Он внимательно наблюдал за приходом к власти Гитлера в Германии, следил за событиями, которые привели к падению Испанской республики, живо интересовался Мюнхенской сделкой с англичанами. Он предвидел, что большой мир вот-вот окажется ввергнут во всеобщую мировую войну. Эта война только укрепляла и обогащала его собственный маленький мирок, который находился в полной изоляции от внешних событий. Наступало время, когда крупные состояния могли непомерно возрасти, надо только не упустить предоставляющихся возможностей. А для этого в будущем океане мировой войны его маленький мир должен стать оплотом единства и спокойствия.

Дон Корлеоне, как истинный дипломат, обратился с воззванием ко всем своим соратникам. Он созывал на совещания земляков, обосновавшихся в Лос-Анжелесе, Сан-Франциско, Кливленде, Чикаго, Филадельфии и Майями. Он, как апостол, нес мир всему преступному миру и, наконец, добился согласия между крупнейшими державами. В 1939 году состоялось соглашение, выдвигающее, как новая Конституция страны, принцип полной суверенности и независимости каждой Семьи в пределах конкретного штата и города. Определялись также сферы влияния. Такое четкое разграничение помогало поддерживать добрососедские отношения. Вито Корлеоне сумел достичь того, что оказалось не под силу государствам в большом мире, несмотря на многочисленные призывы людей доброй воли и заклинания самого папы Римского. Подпольные организации пребывали в мире, в то время как государства воевали друг с другом.

Поэтому и в 1939 году, когда Гитлер развязал военные действия, и в 1941, когда Соединенные Штаты присоединились к антигитлеровскому блоку, у Вито Корлеоне дела шли в полном порядке, а сотрудники заранее готовились к золотой страде, неизбежно наступавшей для работающих на войну промышленных предприятий и для воротил «черного рынка». Введение продовольственных карточек, талонов на бензин и сокращение правительственных перевозок предоставляло неограниченный простор для маневра. Семья Корлеоне получала прибыль буквально из всего. Она обирала приезжих, потому что владела транспортными средствами, распоряжалась продажей карточек на «черном рынке», содействовала

получению государственных заказов для подопечных предприятий, выискивала дополнительные ресурсы, а потом еще и сбывала товар за тройную цену.

Вито Корлеоне был уже настолько силен, что имел возможность уберечь своих подданных от всеобщей воинской повинности, освобождая тем самым молодых людей от гибели за чужие интересы. Содержались доктора, которые охотно советовали, каких таблеток следует наглотаться перед медицинским осмотром. В некоторых случаях дон пристраивал своих ребят на должности, не подлежащие мобилизации. Так что у дона имелись все основания гордиться достигнутыми успехами. Для тех, кто присягнул ему на верность, его держава становилась надежным оплотом, чем не могли похвалиться государственные органы, обрекающие миллионы людей на неминуемую гибель или нищету.

Правда, к сладости удач для дона примешивалась горечь, чему виной был Майкл, его младшенький. Сын наотрез отказался от помощи отца и добровольно ушел на фронт, чтобы сражаться под знаменами своей страны. К величайшему удивлению дона, еще несколько итальянских парней последовали примеру Майкла. Один из них, пытаясь обосновать причину столь странного поступка, высказался в том духе, что хочет отблагодарить страну, которая была так добра к нему. Вито Корлеоне, услышав об этом от доверенного, сказал только в сердцах: «Это не страна, это я был добр к нему». Наверное, добровольцам их патриотический шаг обошелся бы не дешево, но поступок младшего сына заставил дона и на других смотреть сквозь пальцы. Что поделаешь, если они не способны понять, в чем заключается их долг и перед кем.

Конец второй мировой войны означал очередные перемены для маленького мирка Корлеоне. Дон заранее предвидел это и считал, что организация должна стать гибче, незаметней, аккуратней протягивая свои длинные щупальцы в другой, большой мир. Ничего невозможного в новых формах работы не было, и дон рассчитывал, что перемены произойдут безболезненно и они смогут не упустить выгоды.

У него имелись основания полагать, что законы внешнего мира не более нравственны, чем продиктованные преступным образом жизни. Любое соприкосновение с внешней средой только в очередной раз подтверждало это.

Как-то еще давно к дону обратился за помощью Назорини, в ту пору работающий помощником булочника и собиравшийся обзавестись семьей. Он с невестой добропорядочно скопил деньги, чтобы обставить дом перед свадьбой. Уплатив огромную сумму в триста долларов торговцу мебелью и

выбрав все необходимое для будущей квартиры: ореховую спальню с двумя кроватями, тумбочками и ночниками и столовый гарнитур с мягкой мебелью, обитой золотым шитьем, — Назорини и его невеста целую неделю ходили счастливые, предвкушая, каким будет их семейное гнездышко, и вспоминая, как выбирали мебель прямо на складе, прежде чем отдали свои заветные триста долларов. Но неделя прошла, никто не спешил доставлять молодым купленную мебель, и, наведя справки, Назорини к своему ужасу узнал, что буквально на днях мебельный торговец обанкротился. Огромные складские помещения, где они с будущей женой прогуливались, выбирая свои гарнитуры, теперь были опечатаны, а содержимое предназначено для кредиторов. Сам же торговец скрылся с глаз, предоставив обманутым людям извергать проклятия вдали от его ушей.

Назорини, как и другие пострадавшие, устремился к адвокату, но оказалось, что по закону надо ждать, пока дело рассмотрят в суде и удовлетворят уже имеющиеся иски. Процедура займет не менее трех лет и в лучшем случае Назорини уплатят примерно десять процентов от его трехсот долларов. Да и то необязательно.

Вито Корлеоне выслушал рассказ Назорини с сомнением. Выходило, что закон просто поощрял подобный грабеж, Сам мебельный торговец продолжал жить в собственном доме в собственном имении в Лонг-Айленде, продолжал разъезжать в шикарном автомобиле, а его дети по-прежнему посещали дорогой колледж. Как же он смеет отнимать триста долларов у бедняка Назорини? В любом случае мебель, за которую уплачено, он должен был отдать владельцу.

Вито Корлеоне распорядился через Дженко Аббандандо, чтобы адвокаты его оливковой фирмы проверили, как в действительности обстоят дела. Все подтвердилось: состояние и имущество коварный мебельщик записал на имя жены, поэтому сейчас, когда дела подлежали ликвидации, сам он оставался в стороне и личной ответственности перед кредиторами не нес, за все расплачивалась корпорация. Он знал уже, конечно, что берет деньги у Назорини будучи на грани банкротства, этот грех на его совести, но не он первый, не он последний, так многие поступают. Закон здесь бессилен, помочь Назорини нечем.

Пришлось обходиться без помощи закона. Дон направил к обанкротившемуся мебельному торговцу своего советника Дженко Аббандандо и, как и следовало ожидать, долго уговаривать вернуть Назорини мебель не пришлось. Хитрый коммерсант с первых же слов осознал, что от него требуется, и позаботился, чтобы пекарь получил свою

мебель в лучшем виде.

А Вито Корлеоне тоже получил свое в этой истории — еще один жизненный урок, полезный и занимательный.

Второй урок стал еще более поучительным, во всяком случае, Вито Корлеоне не раз обращался к нему впоследствии. В 1939 году дон наконец решил переселиться за пределы города. Как хороший отец, он думал о том, чтобы дети посещали приличную школу и росли в подходящей общественной среде. Самому дону тоже было предпочтительнее поселиться в пригороде, чтобы меньше бросаться в глаза и не давать поводов слухам, которые, подобно степному пожару, стремительно распространяются в густонаселенных городских районах. На новом месте репутация торговца оливковым маслом не омрачилась никакими домыслами. Он купил небольшой участок на Лонг-Бич. В то время там стояло лишь четыре дома, недавно выстроенных, но было много места для будущей застройки.

Санни был уже помолвлен с Сандрой, так что один из четырех особняков предназначался ему в качестве свадебного подарка. Второй дом занял сам дон, в третьем поселился Дженко Аббандандо со своим семейством. Четвертый дом до поры оставался пустым.

Дон только-только начал обживаться в новом особняке — неделя прошла после вселения, — как на площадку между домами в Лонг-Бич въехал грузовик с тремя молодцами в рабочих комбинезонах. Они назвались городской пожарной инспекцией, и телохранитель пропустил приехавших к отопительным приборам на нижнем этаже здания.

Дон с супругой и Санни как раз прогуливались по саду, дыша солоноватым приморским воздухом и отдыхая, когда телохранитель, впустивший в дом рабочих, пришел позвать хозяина. Вито Корлеоне с неудовольствием пошел на зов. Он увидел, что гости, все трое — здоровенные парни, один к одному, развалили отопление и плиту в кухне, раскидав беспорядочно части агрегатов по цементному полу, а сами стоят, в предвкушении разговора с хозяином. Старший из инспекторов, самый мощный на вид, заговорил хрипловатым, не допускающим возражений голосом:

— У вас здесь не все в порядке. Если хотите, можем починить. Это вам станет в сто пятьдесят долларов, включая техосмотр, — он вытащил из кармана и показал дону красную картонную карточку. — Прикрепим эту штуку вам на плиту, чтобы никто больше не беспокоил. Сговорились, папаша?

Дона ситуация позабавила. Последнюю неделю он в основном занимался устройством на новом месте, и бытовые хлопоты отвлекли его от обычной жизни.

Обращаясь к старшему из инспекторов — или кем уж они там были? — Вито Корлеоне нарочито усилил итальянский акцент, давно уже почти сгладившийся в его английской речи:

— А если я не заплачу, что будет с отоплением в доме?

— Ничего, — пожал плечами тот, что постарше, — оставим все, как есть, и уедем, — он широким жестом указал на развороченную плиту и раскиданные металлические детали.

Дон не стал возмущаться.

— Вам придется чуть-чуть обождать, пока я расплачусь, — сказал он спокойно и вернулся в сад.

— Санни, — окликнул он сына, — там какие-то парни докапываются до нашего отопления. Что-то я не разберусь, чего им надо. Ты бы пообщался да выяснил все толком.

Он скорее шутил, чем всерьез распоряжался, но и в этой шутке имелась толика смысла. Уж если Санни и впрямь войдет в дело на правах заместителя дона, надо проверить его на разных уровнях.

Метод, которым воспользовался Санни, не совсем был в духе Вито

Корлеоне — очень уж прямолинейно, без традиционного сицилийского изящества. Получив задание отца, Санни ограничился несколькими вопросами к незваным гостям, а затем, не мудрствуя лукаво, наставил пистолет на всех троих и приказал ребятам из охраны поучить «инспекторов» уму-разуму. Получив причитающиеся им тумаки, инспекторы стали на редкость сговорчивыми, в кратчайшие сроки свинтили плиту и отопительные приборы, установили их по местам и даже прибрали за собой под бдительным присмотром телохранителей.

Когда порядок в кухне был восстановлен, Санни собственноручно обыскал пришельцев, выяснил, что они действительно работают в инспекции пожарной безопасности, но в фирме, относящейся к графству Суффолк. Санни поинтересовался, кто владелец фирмы, а затем вышвырнул троицу из дома, порекомендовав напоследок:

— Упаси вас бог еще когда-нибудь попасться мне на глаза в Лонг-Бич! А не то поотрываю все, что отрывается, и поменяю местами, можете в этом не сомневаться.

Более того, Сантино, желая довести дело до логического конца, связался с владельцами компании в Суффолке и предупредил о недобросовестности служащих. В ту пору в Санни еще не проснулась его жесткость и он распространял благодеяния шире, чем было необходимо. Впрочем, для городка, где поселилось семейство Корлеоне, уже само их появление стало фактом положительным. У семейства немедленно наладились деловые контакты с местной полицией, а поскольку дон оказался наиболее информированным человеком обо всех происшествиях на Лонг-Бич, местным хулиганам и гангстерам пришлось ретироваться. Не прошло и года, как преступность в Лонг-Бич упала до нуля и городок стал одним из самых спокойных в Соединенных Штатах. Ворам в законе и налетчикам достаточно было совершить всего лишь одну вылазку в этом районе, как их предупреждали о последствиях. Если же кто-нибудь оставался глух к предупреждению и решался на вторую попытку, этого человека больше не видели нигде. Мелкие жулики и вымогатели, вроде пожарных инспекторов, тоже вежливо предупреждались, что их появление на Лонг-Бич нежелательно. Наиболее дурковатые из них, не реагирующие на добрый совет, попадали в лапы костоломов. Местные подростки, проживающие в Лонг-Бич под родительским кровом, но тяготеющие к правонарушениям, получали отеческий совет вести себя прилично или покинуть пределы городка.

Лонг-Бич вскоре мог претендовать на звание образцового города.

Что больше всего удивляло Вито Корлеоне, так это мера

справедливости, которая в окружающем мире оставалась еще более сомнительной, чем в созданном им самим мирке. Он ясно видел, что в большом мире, все еще закрытом для него, с порядком дело обстоит ничуть не лучше, и понимал, что его таланты и знания могли бы пригодиться, если бы оказались востребованными, когда он только вступал в жизнь честным итальянским пареньком из овощной лавки. Но тогда никто не помог ему занять достойное место в мире, а сейчас все было в его собственных руках. Теперь он сам поступал, как считал нужным, и мог занимать любое положение, какое приглянулось бы. Какое он счел бы достаточно престижным для себя.

Он выбрал Лонг-Бич и спокойно и комфортно жил-поживал в собственном доме на собственной земле, понемножку расширяя и укрепляя границы своей державы, пока не закончилась вторая мировая война, а с нею — мир в пределах владений пяти нью-йоркских Семей, вовлеченных в очередную междоусобицу турком Солоццо, и пока он сам, дон Вито Корлеоне, не оказался прикованным к больничной постели пятью бандитскими выстрелами.

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА 15

Как и в любом другом провинциальном городке, в Нью-Гемпшире ни одно сколько-нибудь из ряда вон событие не может остаться незамеченным: обязательно углядят многочисленные домашние хозяйки, затаившиеся за своими окнами, или любопытные лавочники, словно из-под земли вырастающие в нужный момент на порогах собственных владений. Поэтому едва лишь появился черный автомобиль с нью-йоркскими знаками и направился к дому Адамсов, об этом знала вся улица, а может, и весь городишко.

Кей Адамс, которая по сути своей недалеко ушла от родных корней, оставалась внутренне провинциалкой, лишь слегка подпорченной университетским образованием, тоже не удержалась от соблазна посмотреть, что происходит. Она приподняла угол занавески в спальне, где до этого зубрила, готовясь к экзаменам. Время близилось к ленчу, она как раз собиралась спуститься к столу и уже встала от книги, но остановилась, заметив приближающийся к родительскому дому черный автомобиль. То, что он прибыл по ее душу, почему-то не удивило Кей, как не особенно поразило и то, что из остановившейся прямо перед газоном машины вылезли два рослых супермена, будто спустившиеся с экрана, непосредственно из гангстерского фильма, и двинулись к двери.

Кей кубарем скатилась вниз по лестнице, чтобы первой оказаться у двери. Она торопилась в уверенности, что эти двое прибыли от Майкла или от его родных. Лучше уж самой встретиться с ними. Не потому, что она стеснялась окружения Майкла, нет. Но родителям от неожиданности было бы трудно принять подобных гостей без подготовки, они все-таки воспитаны на старых традициях, настоящие янки из Новой Англии. Уже подобное знакомство дочери могло на долгое время выбить стариков из привычного уклада.

Она успела подскочить к дверям как раз, когда зазвонил звонок, и бросив матери: «Я открою!» — отворила.

Один из двоих стоящих на пороге тут же сунул руку под пиджак движением, которым гангстеры в фильмах выхватывают револьвер. Кей вздрогнула и тихо вскрикнула. Но он вынул из нагрудного кармана всего лишь маленький кожаный бумажник, привычным жестом распахнул обложку и предъявил удостоверение.

— Я Джон Филиппс из нью-йоркского сыскного полицейского управления, — представился он. — А это мой помощник, агент

Сириани, — указал на очень смуглого чернобрового сотрудника. Добавил вопросительно: — Вы — мисс Кей Адамс?

Кей кивнула.

Филиппс сказал:

— Вы позволите нам войти? У нас к вам есть разговор по поводу Майкла Корлеоне.

Она отступила, пропуская их в дом. В этот момент отец вышел сбоку из коридора, остановился в дверях комнаты, служащей ему кабинетом, и спросил:

— Что это за люди, Кей?

Отец всегда выглядел внушительно: седовласый, подтянутый, он не зря был пастором местной баптистской церкви и пользовался репутацией ученого. Кей вообще-то очень мало знала его, как и он ее, между ними всегда существовала непреодолимая дистанция, хотя в искренней любви отца она все же не сомневалась. Близости между ними не было, но было доверие. Поэтому она сказала, как есть:

— Это детективы из полиции, из Нью-Йорка. Хотят поговорить со мной об одном моем знакомом.

Мистер Адамс отреагировал безмятежно:

— В таком случае, давайте пройдем в мой кабинет, — пригласил он.

Филиппс сказал вежливо:

— Мы предпочли бы побеседовать с вашей дочерью наедине, мистер Адамс.

Мистер Адамс не менее вежливо ответил:

— Мне кажется, это зависит от желания Кей. Как тебе больше нравится, девочка: разговаривать с этими джентльменами наедине или в моем присутствии? Или позвать маму?

Кей сделала жест рукой: нет-нет. Лучше сама.

Мистер Адамс учтиво сказал агентам:

— Мой кабинет в вашем распоряжении, господа. А может быть, позавтракаете с нами?

Полицейские, поблагодарив, отказались, и Кей провела их в отцовский кабинет. Они уселись на краю стоящей там кушетки, чувствуя себя достаточно неуютно. Кей села в большое кожаное кресло отца.

Джон Филиппс начал разговор.

— Мисс Адамс, не виделись ли вы с Майклом Корлеоне в последние три недели и не получали ли от него вестей?

Одного этого вопроса оказалось достаточно, чтобы Кей выстроила целую логическую цепочку. Она читала в газетах, что три недели назад в

Нью-Йорке были убиты полицейский капитан, связанный с мафией, и торговец наркотиками Виргилий Солоццо. В сообщениях об этом убийстве, которым бостонские газеты уделили первые полосы, говорилось, что разворачивается война между гангстерскими группировками. Имя Корлеоне там тоже упоминалось.

Кей помотала головой:

— В последний раз мы встречались, когда он собирался в больницу к раненому отцу. Примерно месяц тому назад.

Второй агент вмешался в разговор достаточно резко:

— О той вашей встрече нам все известно. Нас интересует, встречались ли вы с тех пор? Или получали от него письма?

— Нет, — сказала Кей.

Агент Филиппс произнес ровным официальным тоном:

— Было бы желательно, чтобы вы откровенно сообщили нам, если все-таки виделись с Майклом Корлеоне после того свидания. Это действительно важно для следствия. Я вынужден предупредить, что если вы поддерживаете контакты и скрываете это, вы рискуете оказаться замешанной в крупные неприятности. Любая помощь Майклу Корлеоне с вашей стороны может обернуться плохо для вас лично.

Кей выпрямилась в просторном отцовском кресле:

— А почему я не могу оказывать ему помощь? Мы собираемся пожениться, значит, должны помогать друг другу, как всякие муж и жена.

Ей ответил агент Сириани:

— Помогая ему, вы становитесь соучастницей преступления. Мы разыскиваем вашего дружка, который обвиняется в убийстве полицейского капитана и осведомителя, встретившегося с ним по вопросам службы. Нам известно, что стрелял именно Майкл Корлеоне.

Кей откровенно рассмеялась, Смех ее был столь искренним и непринужденным, что это произвело впечатление на полицейских. Они переглянулись.

— Это невозможно, — сказала она, — Майкл не способен на такое. У него нет ничего общего с семьей. Я ездила с ним на свадьбу сестры Майкла, Конни, и сама видела, насколько он чужой там. С ним вели себя почти как со мною, тут нельзя ошибиться, это видно сразу. Если он и скрывается сейчас, то только потому, что не хочет огласки, чтобы его имя не трепали в печати. Майкл — не гангстер, можете мне поверить, я знаю его лучше вас или любого другого. Он очень порядочный человек и ни на какое убийство просто не способен. Он не нарушает самых невинных законов, я не помню, чтобы он хоть когда-нибудь соврал.

Агент Филиппс спросил мягко:

— И давно вы знакомы?

— Больше года, — с вызовом ответила Кей и удивилась, заметив, как одинаково, словно по команде, улыбнулись оба полицейских.

— Думаю, вы все-таки знаете далеко не все, — сказал Филиппс. — В тот вечер, когда вы расстались, Майкл Корлеоне поехал в больницу к своему отцу, а уходя из больницы, поругался с полицейским капитаном. Он нагрубил и поплатился за это: капитан дал ему сдачи, сломал челюсть и выбил несколько зубов. Друзья отвезли Майкла Корлеоне домой в Лонг-Бич. А на следующий вечер капитан, который ударил Майкла, был застрелен, а Майкла с тех пор никто не видел. Он исчез, смылся. Все сходится на том, что стрелял именно он, но доказательств у нас нет. Официант, который видел убийцу, на фотографии не смог опознать Майкла, но, возможно, опознает, если устроить очную ставку. Есть еще один свидетель — шофер, который отвозил их всех в ресторан, но пока Майкла нет, он говорить отказывается. Сейчас на розыски подняты все наши силы, включая ФБР. Но поиски безуспешны, вот мы и подумали, может быть, какие-то ниточки имеются в ваших руках.

Кей холодно сказала:

— Я не верю ни одному вашему слову, — у нее все внутри заледенело от одной только мысли, что Майклу разбили челюсть. Вряд ли они придумали это ради красного словца. Но о том, что из-за сломанной челюсти Майкл мог убить человека, она даже не подумала.

— Можем мы рассчитывать на вас, если Майкл вдруг подаст о себе знать? — спросил Джон Филиппс.

Кей негодующе покачала головой.

Второй агент, Сириани, грубо сказал:

— Да вы же путались с ним, нам это известно. Есть записи из журналов регистрации в гостиницах и куча свидетелей. Как это понравится вашим папочке с мамочкой, если газеты нечаянно подхватят такую информацию? Уважающие себя американцы, вроде ваших родителей, не придут в восторг, узнав, что их дочка спит с бандитом. Так что либо раскалывайтесь сию минуту, либо я позову вашего отца и все ему выложу.

Кей посмотрела на него с изумлением. Потом встала, открыла дверь и позвала отца, курившего трубку у окна в холле: «Ты не мог бы зайти сюда, пап?»

Он обернулся на ее голос, улыбнулся ей и вошел в кабинет. По дороге дружески обнял дочь за талию, остановился с ней рядом и спросил:

— В чем дело, джентльмены? Я слушаю вас.

Полицейские дружно молчали. Кей с достоинством сказала второму агенту, Сириани:

— Ну, выкладывайте, что собирались, командир.

Сириани покрылся багровыми пятнами.

— Мистер Адамс, ради блага вашей дочери я вынужден сообщить вам, что она связалась с преступником, подозреваемым в убийстве полицейского чина. Мы предупредили ее, что отказ помогать сыскной службе чреват для нее неприятностями. Но, похоже, она не отдает себе отчета в том, насколько серьезна ситуация. Возможно, вы сумеете повлиять на нее.

— Это совершенно невозможно, — корректно отозвался мистер Адамс.

Сириани еще сильнее вспыхнул, выпятив челюсть:

— Ваша дочь больше года общается с Майклом Корлеоне. Они много раз ночевали вместе в гостиницах и записывались как муж и жена. Сейчас Майкл Корлеоне разыскивается по подозрению в убийстве офицера полиции. А ваша дочь отказывается сообщить нам сведения, которые были бы полезны для розыска. Таковы факты. С вашей точки зрения такого быть не может, но все это легко подтвердить.

— Я ни в коем случае не усомнился в ваших словах, сэр, — сказал мистер Адамс невозмутимо. — Но я убежден, что невозможно предполагать неприятности, которые вы обещаете моей дочери. Какие же неприятности могут коснуться ее, я недопонимаю? Если только, конечно, вы не считаете, — он глубокомысленно поднял палец, припоминая нужное слово, будто научный термин, — если только вы не считаете ее «шалавой». Так, кажется, принято называть?

Кей внимательно следила за умозаключениями отца, догадываясь, что он в свойственной ему манере выставляет сыщиков на посмешище, хотя сами они об этом не догадываются. Но вообще-то даже ее поразило спокойствие и самообладание мистера Адамса.

Он продолжал с твердостью:

— Однако хочу вас заверить, что если разыскиваемый вами молодой человек когда-нибудь появится в нашем доме, я сочту своим гражданским долгом в сложившихся обстоятельствах уведомить о нем соответствующие органы. Моя дочь поступит так же, А теперь, прошу прощения, но наш завтрак стынет… — он вежливо, но настойчиво выпроводил полицейских за порог и немедленно закрыл за ними дверь на запор.

Потом взял Кей за руку и повел ее в самую дальнюю часть дома, где размещалась кухня:

— Пойдем, малышка, мама уже заждалась нас с ленчем.

Слезы брызнули из голубых глаз Кей: напряжение спало, а отец, как и прежде, был нежен с нею, не предал, поддержал. Мать сделала вид, что не замечает слез дочери. «Наверное, отец успел сообщить ей о визите полицейских», — подумала Кей. Она села на свое место, и мать тотчас поставила перед ней тарелку с завтраком. Все трое сели за стол и отец, склонив голову, прочитал молитву.

Миссис Адамс всегда держала себя в форме: причесанная, аккуратно одетая, несмотря на полноту, выглядевшая моложаво. Кей никогда не видела мать расстроенной или опустившей руки. Дочку она не баловала, предпочитая держать дистанцию уважительных отношений. И вообще выражение эмоций с ее точки зрения было чем-то неприличным. Сейчас она тоже высказалась в том же духе:

— Не делай из мухи слона, Кей! Нет никакой трагедии. Едва ли студент Дартмута может оказаться замешан в такой несимпатичной истории.

Кей удивленно вскинула глаза на мать:

— Откуда ты знаешь, что Майкл учится в Дартмуте?

Миссис Адамс сказала небрежно:

— Да что уж так темнить! Тоже мне, развели конспирацию. Мы с отцом с самого начала все знали, только ждали, пока ты сама заговоришь.

— Но откуда? — спросила Кей. Посмотреть в лицо отцу после того, как он узнал, что она спит с Майклом Корлеоне, ей все еще не удавалось. Поэтому она не увидела улыбки, с которой он произнес:

— Как — откуда? Мы читали твою почту, разумеется.

Кей была настолько поражена этой новостью, что теперь легко смогла посмотреть прямо в лицо отцу. То, что позволили себе они, было куда большим грехом, чем ее отношения с Майклом. Ее затрясло от негодования. Неужели могло. быть подобное?

Мистер Адамс спокойно улыбнулся дочери:

— Я кинул на чашу весов свой грех или опасения за твою судьбу и решил, что выбор может быть только один. Ведь и дочка у меня одна. Значит, все, что пойдет ей на пользу, добродетельно.

Миссис Адамс добавила, подняв голову от жареного цыпленка:

— В принципе, деточка, ты очень инфантильна для своего возраста. Нам постоянно приходилось быть начеку. Ведь у тебя нет привычки самой делиться радостями и неприятностями.

«Хоть то хорошо, — мелькнула мысль у Кей, — что Майкл не имеет привычки слишком нежничать в письмах. Попались бы родителям ее собственные послания Майклу, вот было бы весело».

— Я молчала о Майкле, потому что не знала, как сказать вам о его

семье. Вдруг вы бы попадали в обморок, — сказала она.

— Ясно, упали бы, — согласилась миссис Адамс бодрым голосом. — Послушай, а в самом деле, ты что-нибудь знаешь о Майкле? Он давал о себе знать?

Кей покачала головой:

— Я уверена, что он ни в чем не замешан, — и перехватила странный взгляд, которым обменялись родители.

Мистер Адамс осторожно сказал:

— Но раз он не виновен и все-таки исчез, здесь что-то иное. Всякое ведь случается.

Несколько минут его слова висели в воздухе, не доходя до сознания Кей. Потом дошли. Она выскочила из-за стола и убежала к себе в комнату.

Тремя днями позднее Кей Адамс высадилась из такси на площади перед домами Вито Корлеоне в резиденции дона на Лонг-Бич. Она предупредила о своем приезде заранее, ее ждали. Но когда Том Хейген встретил ее в дверях, Кей почувствовала себя глубоко несчастной: этот ничего не скажет, с ним все ясно.

Том пригласил ее в гостиную и налил вина в бокал. В доме ей повстречались какие-то чужие люди, но Санни не выходил. Делать было нечего, и она спросила Тома Хейгена напрямую:

— Вы не знаете, где Майк? Не поможете мне с ним связаться?

Том ответил без запинки, но уклончиво:

— Могу сказать только, что он жив и здоров. Но где его можно найти, нам неизвестно. Когда подстрелили этого полицейского капитана, Майкл испугался, что обвинят в убийстве его, и вынужден был на время исчезнуть. Через пару месяцев он сам свяжется с нами.

Его слова прозвучали настолько фальшиво, что воспринимались как намек на невозможность сказать правду. По крайней мере Том не считает ее круглой идиоткой, и на том спасибо.

— Этот капитан в самом деле сломал ему челюсть? — спросила Кей.

— Боюсь, что да, — ответил Том. — Но в Майкле никогда не было мстительности, так что он не имеет к убийству ни малейшего отношения, я уверен в этом.

Кей полезла в сумочку и достала письмо.

— Может быть, вы сами передадите ему это, когда он свяжется с вами?

Хейген покачал головой:

— Если бы на суде стало известно, что я взял у вас письмо, а я должен был бы подтвердить это, присяжные истолковали бы факт как

свидетельство о том, что я знаю, где находится адресат. Потерпите немного, скорее всего Майкл отыщет способ сообщить вам о себе.

Она допила свой бокал и поднялась. Что еще ей делать здесь? Хейген тоже поднялся, чтобы сопроводить Кей к выходу, но у самой парадной двери они столкнулись с входящей в ту же дверь полной пожилой итальянкой, одетой во все черное. Кей узнала мать Майкла и поздоровалась:

— Добрый день, миссис Корлеоне. Как поживаете?

Женщина мгновенно окинула взглядом всю Кей, подала ей руку, и на сморщенном темном лице вдруг возникла теплая и неожиданно сердечная улыбка.

— А, ты девочка моего Майкла, — сказала миссис Корлеоне с таким сильным итальянским акцентом, что Кей едва уловила смысл сказанного. — Тебя покормили здесь, детка?

Кей отрицательно повела головой: есть она не хотела. Но миссис Корлеоне поняла ее по-своему и немедленно набросилась на Тома, выговаривая ему по-итальянски и заключив, уже по-английски: «Чашку-то кофе можно было предложить бедной девочке, где у тебя совесть, как не стыдно!»

Взяв Кей за руку теплой и удивительно надежной рукой, мать Майкла отвела ее в кухню, на ходу снимая пальто и кинув вещи на случайно подвернувшийся стул. Не прошло и десяти секунд, как перед Кей уже стояли итальянский хлеб, сыр, салями, а на плите булькал кипятком кофейник.

— Сейчас попьешь кофейку, поешь, а потом ребята отвезут тебя на машине. Мне не нравится, когда девочки вроде тебя ездят на пригородных поездах одни.

Кей робко сказала:

— Я приехала, чтобы узнать про Майкла. У меня так давно нет известий от него. Мистер Хейген говорит, что никто ничего не знает и нужно ждать, пока Майкл сам объявится.

Том Хейген торопливо вмешался:

— Больше нам нечего сказать ей пока, ма.

Миссис Корлеоне посмотрела на Тома негодующе:

— Уж не хочешь ли ты научить меня, что говорить? Муж и то никогда не указывает мне, храни его, Господи.

— Как чувствует себя мистер Корлеоне? — поинтересовалась Кей.

— Уже лучше, — ответила миссис Корлеоне, — поправляется. Только он постарел и поглупел, иначе никогда не допустил бы, чтоб кто-то посмел

стрелять, — она постучала себя по голове жестом, не выражающим никакого почтения к великому дону. Потом разлила кофе по чашкам и заставила Кей выпить и съесть бутерброд с сыром.

Когда с кофе было покончено, миссис Корлеоне опять взяла Кей за руку и прихлопнула сверху второй своей теплой и смуглой ладошкой. Она заговорила спокойно и веско:

— Не жди писем от Майкла. Он ничего не напишет никому. Он будет прятаться два года или три, или больше. Может быть, много больше. Ты лучше не жди его, езжай к себе домой, найди хорошего парня и выходи за него замуж.

Кей опять вынула письмо из сумочки:

— Вы не могли бы переслать ему от меня?

Мать Майкла взяла письмо, маленькими черными глазками внимательно посмотрела на Кей и погладила ее по щеке:

— Обязательно, — сказала она. — Можешь не беспокоиться.

Хейген хотел вмешаться, но она резко осадила его по-итальянски. Потом сама проводила Кей до двери, быстро поцеловала ее в щеку и сказала:

— Не думай про Майкла. Теперь он не для тебя.

Машина уже стояла перед домом, двое мужчин сидели на переднем сиденье. Они отвезли Кей в гостиницу, в Нью-Йорк. За всю дорогу ни она, ни они не проронили ни слова. Кей старалась смириться с мыслью, что ее Майкл — хладнокровный убийца. К Майку, которого она знала и любила, это никак не могло относиться, но сомневаться теперь было бессмысленно, ведь она узнала о случившемся из самого надежного источника, от матери Майка.

ГЛАВА 16

Карло Рицци считал, что весь мир ополчился на него. Попробуй не разозлиться, если, породнившись с семьей самого Корлеоне, получаешь всего лишь жалкую букмекерскую контору в верхнем Ист-Сайде, глухой манхэттенской дыре. Он-то предполагал, что их с Конни поселят в одном из домов дона на площади в Лонг-Бич, ведь выселить оттуда жильцов не составляло труда. Он даже ни на минуту не сомневался, что окажется в гуще событий, внутри семейного бизнеса. Но дон не принял его в дело. Он не отдавал должного своему зятю. «Великий дон!» — презрительно скривился Рицци. Старый разиня, позволивший подстрелить себя на улице, как какого-нибудь ничтожного проходимца. Лучше бы он и вовсе подох, раз так случилось. С Санни они когда-то считались приятелями, так что если бы Санни стал во главе семейства, Карло мог бы рассчитывать на больший кусок от общего пирога.

Жена подавала ему кофе, а он с неудовольствием, брезгливо морщась, наблюдал, как она наполняет чашку. Господи, до чего она оказалась никчемной! Полугода еще нет, как замужем, а уже потеряла фигуру, живот просто на глазах пухнет. Эти итальянские самки с востока беременеют от одного прикосновения.

Он протянул руку и ущипнул пышные ягодицы Конни. Она ответила улыбкой, и он назло ей сказал с издевкой:

— Твоим окорокам приличная свинья позавидует.

У Конни от обиды немедленно вытянулось лицо, в глазах закипели слезы — Карло с удовлетворением наблюдал за нею. Может, она и дочь великого дона, только теперь-то перешла в его собственность, и в его воле обращаться с ней, как захочется. Она его жена, его подстилка. Мысль об этом тешила самолюбие Карло, придавала ему бодрости и сил.

Он с самого начала расставил все по местам, и правильно сделал. Стоило ей не уступить Карло свадебный кошель, полный денег, как молодожен, не задумываясь, соорудил новобрачной первый синяк под глазом, отобрал все подаренные деньги. Конни до сих пор не знает, на что употребил ее супруг щедрые свадебные дары, он никогда не говорил с ней больше на эту тему. И правильно: узнай она, у него, пожалуй, могли бы возникнуть некоторые неприятности. А так одни лишь угрызения совести. Самому непонятно, как можно угрохать пятнадцать кусков исключительно на девок и ночные попойки.

Спиной он чувствовал взгляд жены и специально напряг мышцы,

демонстрируя бицепсы, когда потянулся на другой конец стола за блюдом со сладостями. Ветчину с яичницей он уже умял, но такому крупному мужчине надо много и хорошо питаться.

Ему льстило то, что в глазах жены он неотразим, она сама внушила Карло мысль об этом. Она предпочитала блондинов с широкими мускулистыми плечами, тонкой талией и крепкими руками. Именно таким и был ее муж, не то что какой-нибудь чернявый мужчинка, — парень на все сто. Карло и сам был убежден, что может дать фору любому итальяшке из числа боевиков, работающих на Семью. Клеменца, Тессио, Рокко Лампеоне — все они проигрывали рядом с ним. Или взять этого типа Паоло Гатто, которого недавно прикончили. Карло на минуту задумался над тем, что же стряслось с Паоло Гатто. Ну, да Бог с ним. Если один на один, так он, Карло, даже Санни, например, одолеет, хотя Санни относился к другой весовой категории. Про Санни только слишком дурная слава ходит, а сам Карло всегда видел старшего сына Корлеоне веселым, озорным, готовым изобрести очередную игру. Санни входил в число приятелей Карло. Так что, если старый дон отбросит копыта, его зять об этом ничуть не пожалеет.

Он уныло сидел над чашкой кофе. Их семейное гнездышко давило на него, как пиджак, который тесен в плечах. Он не привык к тесноте — на Западе, в Неваде, жилье строят просторным. А через несколько минут надо будет встать и топать в опостылевшую уже контору, чтобы заниматься скучным и противным делом. Надо успеть к полудню, в воскресенье работы больше всего, а тут еще соревнования по бейсболу и скачки на ипподроме. Господи, до чего все осточертело!

Конни зашуршала чем-то за его спиной, и он недовольно обернулся. Жена одевалась. Как всегда, она вырядилась в безвкусное яркое платье по немыслимой итальянской моде: пышные рукавчики, поясок, шелк в цветочек. Да ко всему еще вульгарные браслеты и серьги из золота. В таком виде ей можно было дать не двадцать, а сорок лет.

— С чего это ты разоделась? — спросил он.

Она сухо ответила:

— Поеду в Лонг-Бич. Хочу навестить отца, он ведь еще в постели. Ему скучно лежать одному.

Карло оживился:

— Значит, Санни пока еще там за главного?

Жена непонятливо переспросила:

— В каком смысле — за главного?

Он взбесился:

— Ах ты, дрянь дешевая, не смей разговаривать со мной таким тоном! А то я вышибу из тебя дух вместе с пометом в брюхе!

Ее лицо перекосилось от испуга, она попятилась от него, и это еще больше взбесило Карло. Он сорвался со стула и с размаху ударил ее наотмашь по лицу. На щеке у Конни вспыхнула красная полоса. Короткими точными движениями он отвесил ей еще три звонкие пощечины. Верхняя губа Конни вздулась и из нее потекла кровь. Это привело Карло в сознание: он не хотел оставлять столь явных следов. Конни, едва он отступил, выскользнула из комнаты и спряталась в спальне, заперев за собой дверь. Услышав, как она повернула ключ в замке, Карло рассмеялся, вернулся к столу и нацедил себе еще кофе.

Потом посидел еще некоторое время, удовлетворенно попыхивая сигаретой. Однако давно пора было идти на работу. Он подошел к двери спальни и толкнул ее:

— Отпирай, а то сам вышибу.

За дверью молчали.

— Не дури, мне же надо одеться, — сказал он громко.

Конни скрипнула пружинами кровати, прошлепала к двери, тяжело повернула ключ в замке. Когда он вошел, она отвернулась от него, пошла назад к кровати и легла лицом к стене.

Он быстро оделся, обратив внимание на то, что она лежит в халате. Вообще-то не мешало бы ей побывать у отца, во всяком случае, принесла бы свежие новости. Он спросил:

— Что, пара пощечин выбила из тебя все силы, ленивая каракатица?

— Я не пойду туда сегодня, — со слезами в голосе ответила жена. Обида душила ее, так что слова получились сдавленными.

Он грубо протянул руку и развернул ее к себе. Действительно, в таком виде являться на Лонг-Бич не стоило, она права. Удар вышел сильнее, чем он намеревался. Щека Конни распухла до самого глаза, рассеченная верхняя губа вздулась нелепым кровавым пузырем под самым носом.

— О'кей! — сказал он. — Но рано меня не жди. Воскресенье — самый напряженный день.

Садясь в машину, он увидел на ветровом стекле штрафной талон за стоянку в неположенном месте, зеленый — пятнадцать долларов. Чертыхнувшись, Карло сунул его в бардачок, где вместе с перчатками уже валялась куча таких же бумажек. Настроения это ему не испортило. Всякий раз, когда ему удавалось покуражиться над дочерью Вито Корлеоне, он приходил в отличное расположение духа. Брал своего рода реванш за несостоявшуюся любовь с семьей.

Подняв на нее руку в первый раз, в ночь после свадьбы, Карло не на шутку встревожился. Конни прямиком полетела в Лонг-Бич плакаться отцу с матерью и демонстрировать им синяк под глазом. Молодой муж весь взмок от страха, пока дождался ее возвращения. Но она вернулась домой кроткая, как побитая собака, и примерная, как настоящая итальянская жена. Это удивило Карло, и в ближайшие несколько недель он изображал перед нею идеального мужа, всячески угождая и днем и ночью. В конце концов, удостоверившись, что в первую брачную ночь просто произошло недоразумение, Конни рассказала, как приняли ее тогда родители.

Отец и мать отнюдь не посочувствовали ей, а отнеслись с иронией и некоторой долей любопытства. Мать, правда, пожалела дочурку и намекнула отцу, что не мешало бы поговорить с зятем. Но дон наотрез отказался.

— Моя дочь, — сказал он, — теперь по закону принадлежит своему мужу. Муж сам должен содержать в порядке свой дом. Даже король Италии не может вставать между супругами. Пусть возвращается домой и научится вести себя так, чтобы муж не бил ее больше.

Конни обиженно спросила отца:

— А ты хоть раз ударил маму?

Конни всегда была любимицей дона и ей спускались подобные дерзости.

Дон ответил:

— Моя жена никогда не давала повода для этого, — и мать улыбнулась ему, кивком подтверждая его слова.

— Но муж отобрал у меня кошель с подарками, — пожаловалась Конни. — И даже не соизволил сказать, что собирается сделать с этими деньгами.

— Я тоже не стал бы церемониться, если бы мне попалась упрямая и вредная жена, у которой что-то надо отнимать, — равнодушно сказал дон. Так что Конни ничего не оставалось, как вернуться домой в полном расстройстве. Ей, любимице дона, удивительнее всего была его холодность.

На самом деле дон вовсе не остался безразличным к делам и неприятностям любимой дочери. В отличие от нее, он немедленно узнал, как поступил зять со свадебными подношениями друзей Семьи. У дона имелись осведомители в букмекерской конторе Рицци, и каждый шаг зятя становился немедленно известен Хейгену, а тот информировал самого дона Корлеоне. Но дон не считал возможным вмешиваться в семейные конфликты. Как можно требовать, чтобы мужчина был настоящим

супругом, если он живет под страхом вмешательства женином родни? Ситуация складывалась отчаянная. Карло Рицци просадил пятнадцать тысяч на непотребных девок и кабаки, а дон все еще не решался на разговор. Потом Конни забеременела, и это окончательно убедило дона, что он правильно выждал время. Порой дочь жаловалась матери, что муж обижает ее, а мать, разумеется, доводила ее жалобы до сведения дона. Тот разводил руками.

В конце концов Конни заявила даже, что хочет развестись со своим мужем. Услышав это, отец впервые в жизни рассердился на дочь.

— Как ты представляешь себе это? — возмутился дон. — Карло — отец твоего ребенка. Ты хочешь вырастить безотцовщину?

Карло Рицци считал, что он в полной безопасности, если дон проповедует такие конформистские принципы. Он даже похвалялся перед сотрудниками в конторе, что дал жене полную отставку с тех пор, как она забрюхатела. Сотрудники Сэл Рэгс и Коуч выслушивали излияния патрона с почтительным выражением на лице, ведь речь шла о дочери самого великого дона.

Впрочем, Рицци не вел бы себя столь бесшабашно, если бы знал, в какое бешенство привели рассказы о супружеской жизни сестренки Санни Корлеоне. Только строгий и категорический приказ дона не вмешиваться удержал руку Санни и сохранил жизнь его шурину. Теперь Санни всячески избегал встреч с Карло Рицци, опасаясь, что при виде негодяя, избивающего малышку Конни, он просто не выдержит и даст волю ярости.

Такова была расстановка сил в то прекрасное воскресное утро, когда Карло Рицци, вполне уверенный в собственной безопасности, оставив дома рыдающую жену, сел в автомобиль и помчал в сторону Ист-Сайда по Девяносто шестой улице. Он не видел, как в это же время из-за поворота выехала машина Санни и остановилась у их дома.

Санни Корлеоне ночевал в городе у Люси Манчини, покинув для свидания с ней безопасное убежище на Лонг-Бич. Сейчас он возвращался домой в сопровождении четырех телохранителей: двое впереди, двое по бокам, рядом с ним на заднем сиденье. Обычно Санни не имел привычки ездить с охраной, он сам мог неплохо постоять за себя. Но квартиры телохранителей находились рядом с домом Люси. Так просто удобнее было добираться на Лонг-Бич.

Свидания с Люси не таили большой опасности, они случались редко и без системы, так что никто не мог определить заранее поездку Санни в город.

Оказавшись воскресным утром в Нью-Йорке, Санни вдруг вспомнил,

что есть возможность прихватить по пути домой сестру, обычно по воскресеньям приезжающую в Лонг-Бич к родителям. Он знал, что у Карло сегодня рабочий день. Ясно, что о машине для жены этот жадный подонок ни в жизнь не позаботится. А Санни с удовольствием подвезет сестру.

Они остановились у парадного. Двое телохранителей первыми вошли в широкие двери, Санни — за ними. Оставшиеся в машине ребята контролировали улицу. Санни держал ушки на макушке и совсем не намеревался пропадать даром. Правда, шанс нападения в эту минуту был равен нулю целых нулю десятых, ведь противник не мог ожидать его появления в городе. Но лучше все предусмотреть заранее. Этому Санни научился еще во время прошлой войны между Семьями.

Он не вошел в лифт, а стал бегом подниматься по лестнице. Любой лифт грозит оказаться мышеловкой, это проверено. Миновав восемь лестничных маршей, Санни решительно постучал в дверь, зная, что Конни дома одна: он видел хвост машины Карло, мелькнувший на дороге, когда они подъезжали к дому.

Дверь не открывали.

Он постучал еще раз, и только тогда услышал робкий и испуганный голос Конни:

— Кто там?

Голос сестры поразил Санни в самое сердце. Как и все в семействе Корлеоне, Конни всегда была бодрой и лихой, умела постоять за себя и сохранить чувство юмора. Сколько же ей пришлось пережить, бедняжке, чтобы стать такой боязливой?

Он позвал:

— Конни, открой, это я.

Задвижка отодвинулась, дверь распахнулась, и Конни, вся в слезах, упала ему в объятия. Он так удивился, что несколько минут стоял на пороге, прижимая ее к себе и ничего не говоря. Потом отстранил сестренку, увидел избитое и распухшее ее лицо и все понял.

Следующим его движением было рвануться вниз, по лестнице вдогонку за ублюдком Карло. Ярость рвалась из него, лицо исказилось от гнева. Конни, увидев это, вцепилась в брата, не отпуская. Она заставила его войти наконец в квартиру, продолжая плакать, но теперь уже от ужаса — что будет? Горячность Санни она прекрасно знала. И понимала, чем все может кончиться. Не зря же раньше она никогда не жаловалась старшему брату на свои семейные несчастья.

— Я сама виновата, — заговорила она. — Полезла с ним драться и напоролась на кулак. Он вовсе не хотел ударить меня так сильно.

Лицо Санни застыло, сложившись в каменную маску повзрослевшего Купидона.

— Ты не собираешься сегодня на Лонг-Бич? — спросил он.

Она промолчала, и он продолжал:

— Я думал, ты поедешь навестить старика, вот и решил подвести тебя. У меня были дела в городе.

Она грустно качнула головой.

— Ни к чему, чтобы они меня такой видели. Приеду как-нибудь потом.

— Ладно, — сказал Санни. Он снял трубку телефона, стоящего в кухне, набрал номер. — Я вызову врача, надо посмотреть тебя, помочь немножко. В твоем положении следует беречься. Когда у тебя срок?

— Через два месяца, — ответила Конни. — Но ты, пожалуйста, ничего не затевай, Санни. Умоляю тебя.

Санни коротко хохотнул. По лицу его скользнула легкая тень злорадства.

— Не волнуйся, сестренка, — сказал он. — Я не сделаю твоего малыша сиротой до рождения.

Он нежно поцеловал ее в здоровую щеку и ушел.

На Сто двенадцатой улице Ист-Сайда перед небольшой кондитерской, под вывеской которой укрывался тотализатор Карло Рицци, автомобили выстроились в два ряда. У порога кондитерской прямо на тротуаре отцы, дожидаясь своей очереди, возились с ребятней, которую прихватили с собой за компанию и «на счастье», когда дело дойдет до ставок.

Увидев Карло Рицци, отцы, будто сговорившись, выдали чадам монетки и отослали их за мороженым, чтобы не путались под ногами в ответственный момент. Потом, тоже не сговариваясь, дружно достали газеты и, уткнувшись в них, стали изучать шансы команд: на сегодня намечалась большая игра.

Карло, не задерживаясь, прошел на задворки кондитерской, где в большой комнате его уже ждали оба сотрудника тотализатора: худощавый, но крепкий Сэл Рэгс и огромный верзила, именуемый просто Коуч. Давно пора было приступить к работе. Большие линованные амбарные книги уже лежали перед ними для занесения цифр ставок. В углу на грифельной доске аккуратно значились названия всех шестнадцати бейсбольных команд высшей лиги, выписанные попарно, чтобы понятно было, кто с кем играет. В пустой клетке напротив мелом заносились размеры ставок.

Карло сразу же прошел к телефону и набрал нужный номер. Под диктовку из трубки он внес в таблицу очки всех бейсбольных команд на

данный момент. Сэл Рэгс и Коуч нейтрально наблюдали за его действиями. Карло не знал, что они уже получили всю информацию и сейчас контролировали его.

В первую неделю работы Карло в тотализаторе он ошибся при переносе ставок и очков на доску. В результате вышла «середина» — мечта всех игроков. При таком раскладе любой мог сделать ставку у Рицци, а потом поставить против той же команды у другого букмекера — и выиграть там или здесь. Проигрывал только Карло и его тотализатор. Это обошлось лавочке, подаренной зятю доном Корлеоне, в шесть тысяч долларов за неделю. Дон лишний раз убедился, что с Карло Рицци каши не сваришь, и распорядился наладить строжайший контроль за его действиями.

Как правило, члены Семьи Корлеоне не снисходили до подобных мелких дел. Букмекеров отделяли от верхов по меньшей мере пять ступенек иерархической власти. Но для Карло Рицци и тотализатора, где испытывались деловые качества зятя, дон сделал исключение, и отчет о деятельности букмекерской конторы ежедневно передавался лично Тому Хейгену.

Едва доска заполнилась записями, игроки хлынули в заднюю комнату кондитерской и столпились вокруг. Некоторые привели малышей с собой. Один из мужчин, намеревавшийся сегодня ухнуть кучу денег, спросил у девчушки, крепко держащей его за руку:

— Кто лучше, солнышко, как ты думаешь: «Гиганты» или «Пираты»?

Девочка, привлеченная звучными названиями, немедленно спросила:

— А гиганты — они сильнее пиратов?

Все, в том числе отец, рассмеялись.

Перед столами обоих сотрудников Рицци стали выстраиваться желающие сделать ставку. Сотрудник заполнял очередной лист, вырывал его из толстой амбарной книги, заворачивал внутрь купюры и передавал ставку Карло. Карло через заднюю дверь поднимался в комнату владельца кондитерской, по телефону передавал ставки, а деньги прятал в маленький потайной сейф, прикрытый оконной портьерой. Потом возвращался в комнату тотализатора.

В воскресенье игры никогда не начинались раньше двух часов дня, так что на смену семейным игрокам, торопившимся сделать ставки и успеть свозить жену с детьми за город, приходили холостяки или те, кто, вконец обезумев от азарта, готов запереть домочадцев в душных городских квартирах из-за бейсбольного матча. Второй поток посетителей отличался большим темпераментом и большими размерами ставок. Некоторые, поразмыслив час-другой, возвращались к Карло, чтобы сделать повторные

ставки. Иногда и отцы семейств заглядывали в контору повторно, возвратившись в город с пляжа, чтобы попробовать отыграться и еще раз попытать судьбу. Из-за них-то и получался воскресный день самым трудным рабочим днем для букмекеров, с полной нагрузкой и переработкой, за которую никаких сверхурочных не выдавалось. Если не считать, разумеется, доходов от ставок.

В половине второго, когда наплыв посетителей несколько спал, Карло вместе с Сэлом Рэгсом вышли на воздух перекурить. Они уселись на тумбе позади кондитерской, где мальчишки кидали биту во дворе, весело гогоча.

Мимо проехала полицейская машина, но Карло это не встревожило. Кондитерская и тотализатор существовали под надежным крылом местных властей, так что беспокоиться было не о чем. Разве что городской муниципалитет вздумал бы устроить полицейскую облаву. Но и об этом им обязательно сообщили бы предварительно.

Коуч, отпустив последнего клиента, тоже вышел из комнаты и присоединился к ним. Поболтали по-мужски о бейсболе, потом о бабах. Карло бросил мимоходом:

— Опять пришлось сегодня врезать моей супружнице, чтобы не забывала, кто в доме хозяин.

Коуч спросил равнодушно:

— У нее уже небось срок близко?

— А, ничего с ней не станется. Дал пару затрещин, — ответил Карло. — Раньше срока не разродится. — Он помолчал нахмурясь, потом добавил: — Ей кажется, что она может командовать мной. Черта лысого!

Игроки еще не уходили, слоняясь вокруг кондитерской. Кое-кто пристроился на ступеньках крыльца повыше тумбы, занятой Карло и его сотрудниками. Кто-то оживленно точил лясы.

Вдруг стайка пацанов, игравших в биту, разлетелась, как испуганные воробьи. К кондитерской на полном ходу подкатил тяжелый, будто танк, автомобиль, резко остановился, заскрежетав тормозами, у самых ступенек черного хода, но прежде, чем он затормозил, передняя дверца с шумом распахнулась, выпустив пассажира. Он ринулся к сидящим на ступеньках с такой быстротой, что всех словно парализовало от неожиданности.

Это был Санни Корлеоне.

Его тяжелое лицо с застывшими чертами Купидона исказилось бешенством. В короткую долю секунды достигнув места, где восседал Карло Рицци, он схватил шурина за воротник и поволок от остальных, подальше, на тротуар. Карло, испугавшись, успел мертвой хваткой вцепиться в железные прутья перил. Голову он попытался поглубже

втянуть в плечи. Рубашка с треском разорвалась под руками Санни.

Дальше последовала ошеломляющая сцена. Санни принялся изо всех сил колотить кулаками Карло, помогая самому себе хриплым от ярости голосом и самыми страшными ругательствами. Перетрусивший Карло, хотя сил у него имелось достаточно, не сделал ни малейшей попытки воспротивиться избиению и даже не попросил о пощаде. Коуч и Сэл не осмелились вступиться за шефа. Они решили, что если Санни собирается убить своего шурина, то им совсем ни к чему разделять его участь.

Дети, игру которых прервал автомобиль, подбежали, чтобы отвести душу на водителе. Но увидев, что творится, замерли поодаль, с молчаливым ужасом наблюдая за избиением.

Тем временем подъехал еще один автомобиль с телохранителями Санни. Но и они не стали ввязываться, а стали настороже, готовые броситься на помощь Санни, если только у кого-либо из присутствующих хватит дури вступиться за Карло.

Самое жуткое в этом избиении было то, что Карло не делал ни малейшей попытки отбиваться. Не пытался он и заговорить, что, вероятно, спасло ему жизнь, Он только продолжал цепляться за железяки перил, чтобы Санни не смог выволочь его на улицу. Силой ничуть не уступая своему шурину, Карло подчеркнуто отказывался от честной драки. Он позволял Санни лупить себя по незащищенной голове и груди до тех пор, пока ярость не стала остывать. Шумно дыша, Санни наконец остановился, посмотрел в лицо Карло и мрачно пообещал:

— Еще раз посмеешь тронуть мою сестру, скотина, — убью, как последнюю собаку.

От угрозы Санни, как ни странно, всем полегчало. Раз грозится, значит, сейчас убивать до смерти не будет. Да и вообще, угроза вырвалась у Санни от бессилия, как раз потому, что он не имел возможности покончить с негодяем.

Карло не смотрел на Санни. Он по-прежнему стоял, вцепившись в железные прутья перил, пока не услышал рев отъезжающей машины, а затем голос Коуча, необычно участливый и мягкий:

— Ну, ладно, Карло, пойдем, Чего здесь торчать на виду?

Только теперь Карло решился поднять глаза от каменных ступенек крыльца, оторвать руки от перил и выпрямиться.

Он увидел детей, смотревших на него с болезненным интересом. На их лицах застыло отвращение, будто они стали свидетелями чего-то постыдного. Голова у Карло кружилась, но скорее от страха, чем от побоев. Санни не так уж жестоко избил его, ни один удар не причинил увечья, хотя

обрушился целый град.

Карло позволил Коучу отвести себя в заднюю комнату в кондитерской и приложить лед к разбитому, хотя и не кровоточащему лицу. Лицо постепенно распухало от синяков и ссадин. Страх медленно отпускал Карло, зато от сознания унижения, которому его подвергли, его замутило, а затем стошнило над раковиной. Коуч придерживал ему голову, будто пьяному, потом помог подняться по лестнице наверх, в квартиру кондитера, и уложил в постель одной из спален. Карло Рицци даже не обратил внимание на то, что Сэл Рэгс словно испарился.

А Сэл Рэгс в это время отправился на Третью авеню к Рокко Лампеоне, чтобы поставить того в известность о случившемся. Рокко принял новость сдержанно и, в свою очередь, позвонил Питеру Клеменце. Клеменца застонал:

— Господь милосердный! Пропади он пропадом, этот Санни, псих ненормальный, — но прежде чем произнести вторую часть фразы, предусмотрительно нажал пальцем на рычаг, так что Рокко не услышал его проклятий.

Теперь настал черед Клеменцы передавать информацию в Лонг-Бич. Том Хейген, помолчав, сказал устало:

— Пошли пару машин с ребятами на случай, если Санни нарвется на какое-нибудь дорожное происшествие, пробку или там аварию. Похоже, он потерял контроль над собой и не очень соображает, что делает. Вдруг наши приятели с другой стороны уже пронюхали, где он находится. Кто может знать?

Клеменца засомневался:

— Пока ребята доберутся до города, Санни уже вернется. Думаю, что и Таталья не успеют возникнуть.

— Скорее всего, — терпеливо согласился Хейген, — но если что-нибудь задержит его, последствия трудно предвидеть. Поторопись, Питер. Сделай, что возможно.

Кляня все на чем свет стоит, Клеменца позвонил Рокко Лампеоне и велел выслать ребят, чтобы перекрыли дорогу в Лонг-Бич. Потом и сам уселся в свой излюбленный «кадиллак» вместе с тремя телохранителями, день и ночь дежурившими в доме, и поспешил кратчайшим путем, через мост на Атлантик-Бич в сторону Нью-Йорка.

А некто, находившийся в толпе мужчин, отиравшихся подле кондитерской в момент инцидента и подрабатывающий у семейства Таталья осведомителем, не преминул связаться с теми, у кого состоял на жаловании. Он сообщил, что Санни Корлеоне в городе и только что избил

собственного шурина. Но то ли Тальи еще не приняли окончательного решения об участии в военных действиях, то ли слишком долго добиралась информация от мелкого стукача до верхушки семейства, но хода ей не дали. К тому времени, когда глава Семьи Таталья узнал о случившемся, Санни уже вернулся в Лонг-Бич и пребывал там в полной безопасности. Единственное, что грозило ему теперь, — это родительский гнев дона Корлеоне.

ГЛАВА 17

Война Семьи Корлеоне против пяти нью-йоркских семейств, объединивших усилия, разворачивалась трудно и обошлась обеим сторонам чрезвычайно дорого. Сложность заключалась еще и в том, что извне на них отчаянно старалась давить полиция, отстаивающая честь мундира, которая пострадала из-за убийства Макклоски. Невзирая на позицию ряда должностных лиц, покровительствующих противоправным, но невинным, с их точки зрения, деяниям, поставленным на деловую коммерческую основу, вроде игорного бизнеса, — полицейский департамент из кожи вон лез куда не попадя, так что чиновники оказались бессильны, как штабные офицеры перед лицом взбунтовавшейся армии.

Семье Корлеоне отсутствие привычной защиты сверху нанесло серьезный урон, но не больший, чем ее противникам. Хуже всего пришлось игорным заведениям и подпольной лотерее, на которых полиция стала устраивать регулярные налеты. Нескольких устроителей лотереи полицейские выловили с билетами в руках и покидали за решетку с применением самых простейших мер вроде кулака и дубинки. Были вскрыты также отдельные «банкиры» — крупье в закрытых игорных заведениях, которых попросту ограбили и припугнули законом. Защиты от закона они, естественно, бросились искать у своих капитанов, Те добросовестно представили поступившие жалобы и сигналы на семейный совет, но пока ничего невозможно было предпринять. Приходилось на время выходить из игры, оставляя территорию неграм-одиночкам, которые так ловко орудовали в Гарлеме все порознь, что полиция не могла с ними справиться.

Однако постепенно нажим ослабевал.

Сразу после убийства Макклоски в газетах появились сообщения, связывающие имя полицейского капитана с Солоццо, мафией и наркотиками. То здесь, то там мелькали разоблачения относительно взяток, которые доблестный капитан незадолго до своей гибели получил наличными. Назывались конкретные суммы. Источником этой информации был Том Хейген, щедро и грамотно снабжавший корреспондентов всем, что могло вызвать их интерес и что отвечало одновременно интересам Семьи. Полицейский департамент отказался прокомментировать для прессы материалы, связанные с именем Макклоски.

Публикации оказывали свое воздействие на общественное мнение. Полиция, стремясь разобраться, что к чему, едва начав копать, получила

массу подтверждений от собственных сотрудников (находившихся одновременно на службе у Семьи Корлеоне), что Макклоски действительно повязан с преступным миром. Ну, ладно бы он брал взятки у лавочников и мелких жуликов, тут большого греха нет, все полицейские так или иначе подкармливаются в своих участках. Но за ним тянулись грязные деньги, вырученные от наркомафии и убийств. Таким преступлениям уже не могло быть прощения в глазах закона и полицейского кодекса чести.

Как ни странно, полицейские свято верили в закон и порядок, вера их выглядела несколько более сложнообъяснимой, чем понятия рядового обывателя, на службе у которого они состояли. Обыватель, разочаровавшись, мог признать, что закон и порядок не более, чем фикция, погремушка в руках у верховной власти. Для полицейских служак правопорядок и законность являлись тем волшебным источником, из которого они черпали свою силу, и отрицать их значило отрицать самих себя. А не ценить собственную силу было бы противоестественно. Правда, на оборотной стороне медали существовали те самые обыватели, которых полиция должна защищать. Они опекались полицейскими, но их же они и обирали в меру возможностей. Как подопечные они чаще всего оказывались неблагодарными и бестактными. Как жертвы — изворотливыми и опасными, словно змеюки. Стоит обывателю провиниться и угодить в лапы того правопорядка, который призваны охранять полицейские, как внутри системы возникают черные дыры, и общество под гуманными лозунгами делает все возможное, чтобы свести на нет усилия полиции и смягчить наказание. Обязательно выясняется, что в деле замешаны крупные политические деятели, чье имя надо оберегать пуще самого закона. Или суд охотно игнорирует вопиющие доказательства, объявляя последним подонкам, будто на смех, условные приговоры. Наконец, существует еще помилование, на которое не скупятся верховные власти.

Так что закон законом, а вывод простой, и каждый хоть сколько-нибудь умеющий соображать полицейский в конце концов к нему приходит. Раз преступникам все равно удается отмазаться, почему бы ему самому не погреть руки на этом? Тем более, что полицейский оклад не дает возможности жить на широкую ногу, а детям надо посещать колледж, жене — делать покупки в магазинах, где все так дорого, а ему самому, хоть раз в году, позволить себе отдохнуть где-нибудь на пляжах во Флориде. Не так уж много ему нужно, если учесть, что он каждодневно рискует жизнью на службе у общества.

Но определенный нравственный кодекс при этом все-таки действует. Можно получить взятку от букмекера, ничего страшного, его операции большого вреда никому не приносят, Получить в «лапу» от водителя, который нарушил правила стоянки или превысил скорость, — тому все равно платил штраф. Может допустить за определенную плату, естественно, промышляющих любовью девиц на территорию своего района. Все это правонарушения, что и говорить, но основанные на извинительных пороках, свойственных человеческой природе. Но есть граница, которую нельзя переступить. Ни один полицейский не должен оказывать содействие грабителю, убийце или торговцу наркотиками, какой бы большой куш ему не пообещали преступники. Иначе доверие к полиции как к органам охраны существующего правопорядка будет безнадежно подорвано, а вместе с ним рухнет и личный авторитет каждого отдельного представителя закона. Такого допускать нельзя.

Убийство полицейского капитана, в принципе, равнозначно цареубийству. Но слух о том, что Макклоски застрелили в компании с известным контрабандистом, промышлявшим наркотиками, несколько снизил настрой соратников капитана. А когда стало известно, что он подозревался в причастности к покушению на убийство, даже самые мстительные полицейские служаки ослабили рвение. К тому же, черт бы побрал этого Макклоски! — никто не избавил полицейских от платежей за кредит, никто не снял с них забот о новом автомобиле, если старый годится только на свалку, да и дети по-прежнему нуждались в родительских заботах… Если бы полицейские полностью отказались от своих «левых» доходов, им крайне туго пришлось бы. Мелочные торговцы, не имеющие лицензий, платили ничтожные крохи, на хлеб без масла. Гроши набегали и с любителей нарушать правила уличного движения. Совсем другое дело — букмекеры. Даже проститутки и гомики не давали столько. Так что едва напряжение в связи с убийством Макклоски улеглось, полицейские вернулись к прежним отношениям с семействами, предварительно подняв цену своих услуг.

Семьи не стали противиться или торговаться. Повсеместно были заведены новые прейскуранты полицейских выплат с повышенным тарифом. Порядок — или некое его подобие — восторжествовал.

Привлечение частных детективов для охраны больницы, где лежал Вито Корлеоне, было идеей Тома Хейгена. В их стройные ряды влились и отдельные бойцы из грозного отряда Тессио. Но Санни считал, что все равно надо быть начеку. Только в середине февраля, когда дон стал транспортабелен, его доставили в карете «скорой помощи» домой на Лонг-

Бич и за надежно защищенными стенами семейной резиденции облегченно вздохнули. Спальню полностью переоборудовали под больничную палату, оснащенную оборудованием по последнему слову медицинской науки. Специально отобранные и тщательно проверенные сиделки, сменяясь, сидели у постели больного круглые сутки. Доктор Кеннеди, не устоявший перед суммой предложенного гонорара, согласился обслуживать пациента на дому до полного выздоровления.

Теперь площадь в Лонг-Бич превратилась в настоящую крепость. Жильцов попросили отправиться на отдых в родные сицилийские места, их квартиры заселили вооруженными молодцами — стрелками из отрядов Санни и Клеменцы.

Фредо Корлеоне командировали в Лас-Вегас — для поправки нервов, а также с заданием присмотреться поближе, нет ли перспектив для развития семейного бизнеса в комплексе роскошных отелей и казино, строящемся там. Лас-Вегас относился к семействам Западного побережья, занимавшим нейтральную позицию в войне. Фредди была гарантирована полная безопасность. Впрочем, едва ли кто-либо из нью-йоркских семейств стал бы выслеживать Фредди на чужой территории, рискуя нажить себе лишних врагов. Своих забот в Нью-Йорке было не расхлебать.

Доктор Кеннеди запретил беспокоить больного любыми деловыми разговорами, однако запрет оказался бессилен против желания дона немедленно провести военный совет в его присутствии. Санни, Том Хейген, Питер Клеменца и Тессио собрались вокруг его постели в тот же вечер.

Сам Вито Корлеоне был еще слишком ослаблен, чтобы высказываться, но он хотел выслушать всех и, в случае надобности, воспользоваться правом вето. В ответ на сообщение о поездке Фредо в Лас-Вегас для знакомства с организацией казино дон одобрительно кивнул. Узнав о расправе над Бруно Татальи, укоризненно покачал головой и тяжело вздохнул. Но больше всего дона огорчила весть, что именно Майкл застрелил Солоццо и полицейского капитана, а теперь скрывается в Сицилии. Выслушав эту новость, дон сделал знак, что совещание закончено, и все удалились из его комнаты в угловой кабинет, заставленный книгами по юстиции: там продолжить разговор было легче.

Санни Корлеоне привычно развалился в кресле у отцовского письменного стола.

— Мне кажется, не стоит торопить события и беспокоить старика в ближайшие две-три недели, пока он совсем не поправится, — сказал он. Помолчав, добавил: — Я бы хотел привести дела в порядок за это время.

Полицейские пошли на компромисс, значит, можно запускать машину. И начать необходимо с Гарлема. Черные ребятишки порезвились там, пора кончать с этим. Вся их самодеятельность для нас только в убыток. Ставки они зажимают, зато сами раскатывают в роскошных «кадиллаках» и присваивают себе половину выигрышей. На мой взгляд, совсем ни к чему нам работники, выставляющие свое богатство напоказ. Мне не нравится, что они щеголяют в дорогой одежде и разъезжают на новых машинах. И еще меньше нравится, когда с клиентами ведут двойную игру. Так дело не пойдет, они роняют нашу репутацию. Надо избавиться от них, Том, и чем скорее, тем лучше. Дай знать нашим «банкирам», что с полицией улажено, и все само собой решится.

Том Хейген сказал задумчиво:

— Среди черных в Гарлеме есть несколько крепких ребят, узнавших вкус больших денег. Боюсь, что им понравился этот вкус. И опускаться вниз они не пожелают.

Санни пожал плечами:

— Тогда сообщи их имена Клеменце, он уладит все в лучшем виде.

Клеменца согласился:

— Нет проблем.

В разговор вступил Тессио. Он задел самую больную тему:

— Как только мы приступим к работе, все пять Семей навалятся на нас. Начнут налеты на «банкиров» в Гарлеме и букмекеров в Ист-Сайде. Могут зацепить даже универмаги, которые мы обслуживаем. Это станет нам в копеечку.

— Ну, не обязательно, — отозвался Санни. — Может, и не полезут. Что они, не понимают, чем это для них самих обернется? Я, кстати, отправил к ним посредников с предложением выкупа за младшего Таталью. Может, на том они успокоятся.

Хейген возразил:

— Пока что они вполне равнодушны к нашим мирным предложениям. У них слишком много потерь, и винят они во всем только нас, не без оснований, в общем-то. Мне кажется, они ставят своей целью все-таки привлечь нас к наркобизнесу, чтобы использовать в собственных интересах политические связи дона. Иначе говоря, нам навязывают условия Виргилия Солоццо, только без него самого. Но прежде, чем Таталья признаются в этом, они постараются нанести нам удар побольнее, чтобы ослабить Семью Корлеоне. Тогда нам некуда будет деваться и мы пойдем на сговор по части наркотиков.

Санни резко сказал:

— С наркотиками пустой номер. Раз дон отказал им, значит, только он сам может изменить решение.

Хейген немедленно подхватил:

— Тогда перед нами вопрос не стратегии, а тактики. Мы работаем в открытую: тотализатор, азартные игры. Любой может взять и нанести нам удар. У семейства Таталья — проститутки и профсоюзы докеров. Каким образом нам подставить им ножку? У других Семей тоже большая часть бизнеса под водой. Кое у кого есть и игорные дома, но они не главное. Ночной клуб Таталья слишком хорошо известен, чтобы рискнуть напасть на него. Потом не расчихаешься с последствиями. А пока дон не встал на ноги, использовать его политические связи мы можем не больше, чем те же Таталья. А главное, они привыкли действовать силой втихаря: усмирять, запугивать, давить на психику. Так что не стоит недооценивать встающей перед нами проблемы.

— Ладно, это моя проблема, Том, — сказал Санни, — мне и решать ее. А ты продолжай вести переговоры и контролировать текущие дела. Возвращаемся к обычной работе и посмотрим, куда кривая вывезет. Тогда и будем думать дальше. У Клеменцы и Тессио людей достаточно, чтобы выставить дуло против дула, хоть они впятером, а мы в одиночку, если уж они захотят сразиться. А на крайний случай «заляжем на матрасы».

Вывести из игры негров-букмекеров в Гарлеме оказалось достаточно просто: полиция получила необходимую информацию и навела порядок. Причем сделала это с особым удовольствием. Тогда еще существовали расовые предрассудки, и ни один полицейский не стал бы брать отступного у черномазого. Санни оказался прав: проблем с Гарлемом не было. Все решилось само собой.

Пять Семей, однако, не дремали, а нанесли удар там, где никто не мог ожидать, в профсоюзе текстильщиков, опекаемом Корлеоне. Убив двух лидеров, которые работали на дона, противники стремительно потеснили также букмекеров и ростовщиков, обитавших в районах доков и морского порта. Профсоюз портовых рабочих благоразумно перешел на сторону пяти Семейств. По всему Нью-Йорку уже в открытую призывали владельцев тотализаторов и лотерей сменить подданство. Крупнейшего «банкира» в Гарлеме — старого друга и союзника Вито Корлеоне зверски убили в устрашение другим.

Теперь выбора не оставалось. Война вступила в опасную фазу, и Санни отдал команду доверенным «залечь на матрасы».

Наскоро оборудовали две квартиры в городе, завезли туда необходимое количество постелей, холодильники с продуктами, оружие и боеприпасы. В

одной квартире обосновался Тессио со своими людьми, в другой — команда Клеменцы. К каждому букмекеру приставили телохранителя. Но Гарлем перешел на сторону неприятеля, и пока с этим ничего нельзя было поделать. Затраты становились все больше, а размеры прибыли все сокращались.

В ближайшее время выяснилось — и это было особенно неприятно для Санни, — что Семья Корлеоне переоценила свои силы. Объяснялось это легко. Дон все еще болел и не мог активно участвовать в решении насущных задач, не мог подключить политическую мощь своих приятелей из высших сфер. За целое десятилетие мирной жизни боевые подразделения Семьи и капитаны, Тессио и Клеменца, во многом утратили гибкость и энергию. Клеменца был теперь прекрасным администратором и толковым исполнителем, но вдохновенной юношеской пылкости, конечно, не осталось, как не осталось и способности лично повести за собой людей, что крайне необходимо уметь любому военачальнику. Тессио, при всем его цепком уме, значительно потерял в натиске, стал осторожным скептиком, предпочитающим борьбу за кулисами, а не лицом к лицу с противником. Теперь он не обладал не только былой беспощадностью, но и решимостью, и поднимал свой отряд, лишь преодолевая самого себя.

Кроме того, Том Хейген, прекрасный советник в условиях мирной жизни, не годился для этой роли во время войны, несмотря на все свои таланты, он не был сицилийцем, и тут положение тоже не поддавалось исправлению.

Поэтому, объявив войну Большой пятерке, семейство Корлеоне вступило в нее не в лучшей своей форме. Санни знал изъяны своего войска, но знал и то, что устранить их не в его силах. Он не был доном, а значит, не имел права решать кадровые вопросы. Сместить доверенных и советника мог только Вито Корлеоне. Да и вообще серьезные перестановки в верхах только усугубили бы ситуацию, напугав рядовых сотрудников Семьи, и без того пребывающих в сомнительном состоянии. А паника всегда чревата малодушием и изменой.

Санни намеревался вести открытые боевые действия, пока дон не будет в силах принять на себя бразды правления. Но учитывая опасность обстановки, предательство гарлемских «банкиров» и террор, нависший над букмекерами, он занял круговую оборону и стал готовиться к решительному удару. Такой удар следовало нанести в самое сердце противника — и бить без промаха.

Санни решил обезглавить разом все пять Семей. Это была грандиозная операция, и если бы ее удалось осуществить, фортуна повернулась бы

лицом к семейству Корлеоне.

За главами всех пяти Семей организовали пристальную слежку. Однако уже неделю спустя все пятеро вожаков попрятались в глубокие норы и носа не высовывали на поверхность. Очевидно, тоже перешли на лежачее положение.

Война между империей Корлеоне и Большой пятеркой зашла в тупик: все находились в осаде.

ГЛАВА 18

Америго Бонасера обычно ужинал дома, потому что его похоронная контора находилась всего в нескольких кварталах, на Мальборо-стрит. Отужинав, он, как правило, возвращался на работу, считая своим долгом утешить скорбящих родственников и друзей покойника, которые по вечерам приходили проститься в затемненные залы конторы Бонасеры. Гробовщик относился к своей профессии без цинизма, игнорируя шуточки, черный юмор и тому подобное. Но его от них коробило, и никто из близких, разумеется, не позволял себе в его присутствии отпустить анекдот на погребальные темы. Он требовал уважения к своему занятию, из поколения в поколение кормящему род Америго и ничуть не менее достойному, чем любое другое. В тот день Америго Бонасера ужинал, как обычно, в своей добротно обставленной столовой, где по углам резного буфета стояли золоченые статуи Девы Марии и серебряные подсвечники с зажженными под красным стеклом свечами. Жена тоже сидела за столом. Прежде, чем приступить к супу, Бонасера достал пачку сигарет «Кэмел» и глотнул доброго американского виски. Жена разливала суп из супницы по тарелкам. Дочь они отправили на время в Бостон, к сестре жены, чтобы бедная девочка сменила обстановку и понемножку пришла в себя после нанесенных ей увечий. Будь трижды прокляты во веки веков негодяи, поднявшие на нее руку! Хорошо, что дон Корлеоне восстановил справедливость.

За супом жена спросила:

— Ты и сегодня собираешься работать?

Америго Бонасера кивнул. Жена относилась с должным пиететом к профессии мужа, но без глубокого понимания. Например, она не могла взять в толк, что не только техническая сторона процедуры имеет значение. Ей, как и многим, казалось, что ему платят за умение обрядить и прибрать усопшего покрасивей, чтобы казался почти живым. Действительно, в деле оформления трупа с ним вряд ли кто другой мог сравниться, его мастерство достигало высот искусства. Но куда важнее, с его точки зрения, был тот психологический настрой, которого он умел достичь, присутствуя лично во время ночных бдений у гроба. Когда осиротевшая семья сходилась у ложа смерти, только он, Бонасера, умел удержать церемонию на скользкой грани между искренним горем и официальным мероприятием, поскольку он, словно привратник, находился вблизи от разверстых врат смерти. Его серьезное лицо давало поддержку и

утешение скорбящим, его низкий приглушенный голос словно специально предназначался для траурных речей. Не было равных Бонасере в организации погребения, когда приходилось в одно и то же время утешать рыдающих и одергивать несдержанных, позаботиться о детях, до которых никому не было дела в тяжелый час, и не оставить особым вниманием вдовца или вдову. Словом, если клиент однажды воспользовался услугами похоронной конторы Америго Бонасера, в следующий раз, когда выпадал роковой час, о другом гробовщике не могло идти и речи. Так что не зря он тратил свои вечера и ночи на бдения вместе с родственниками у последнего одра.

Обычно ему удавалось немножко вздремнуть после ужина, прежде чем возвращаться в контору. Отдохнув, он ополаскивался под душем, заново брился, тщательно припудривал щеки, чтобы скрыть синеву. Заново чистил зубы, переодевался в чистое, похрустывающее от крахмала белье и белоснежную сорочку, надевал темный, подобающий случаю костюм, матово-черные туфли, повязывал черный галстук. Несмотря на траурные тона одеяний, Бонасера умудрялся выглядеть во всем этом не пугающей черной фигурой, а другом скорбящих. Волосы гробовщика всегда сохраняли ровный черный цвет, что достигалось с помощью краски и выглядело бы несколько вульгарно для итальянца его поколения, если б не профессиональные соображения: естественная с проседью шевелюра разрушала гармонию образа. А он считал, что все в облике должно составлять единое целое.

Следом за супом жена поставила перед Америго маленький бифштекс с овощами — он был воздержан в еде. Покончив с ужином, он выпил чашку кофе и закурил сигарету «Кэмел». Мысли о дочери то и дело возвращались к нему. Теперь она никогда уже не будет сама собой. Ей почти вернули былую красоту с помощью пластической операции, но кто мог вернуть спокойствие и прелесть ее глазам, в которых, казалось, навсегда застыл страх маленького затравленного зверька? Когда Бонасера ловил взгляд дочери, в его душе поднималось отчаяние. Поэтому он и решился отправить ее на время в Бостон. Все пройдет в конце концов. Время — лучший лекарь. Кому-кому, а Бонасере хорошо известно, что и боль, и страх проходят, неизменна только смерть. В силу своей профессии он стал оптимистом.

Телефонный звонок в гостиной раздался как раз, когда он допивал последние глотки кофе. Поскольку, если он был дома, жена никогда не отвечала на звонки, он встал, слизнул оставшиеся капли кофе из чашки, загасил сигарету и пошел в гостиную, расстегивая рубашку и развязывая

галстук по пути. Надо будет все-таки успеть вздремнуть хоть ненадолго.

Он снял трубку и произнес обычным, настроенным на волну сочувствия голосом:

— Вас слушают.

Ответивший ему голос звучал подавленно:

— Это Том Хейген. У меня к вам поручение от дона Корлеоне.

Америго Бонасера почувствовал, как последний глоток кофе встает поперек горла, вызывая приступ тошноты. Прошел уже год с тех пор, как он обратился за справедливостью к дону Корлеоне и стал тем самым его должником, пойдя на это только ради дочери. Он понимал, разумеется, что рано или поздно долги приходится отдавать, но мысль об этом успела притупиться. Тогда, увидев на первой полосе изуродованные физиономии обидчиков дочери, Бонасера готов был на все, что только могло быть угодно дону, его благодарности не было предела. А теперь благодарное чувство иссякло, как вода в пересохшем ручье, оставив только животный ужас перед неизбежным и тоскливое отчаяние. Казалось, земля разверзлась под ногами Бонасеры и спасения нет.

Его голос задрожал, когда он с трудом выдавил из себя:

— Понятно. Я к вашим услугам.

Удивительнее всего был ледяной бесстрастный голос Тома Хейгена. Советник, отличавшийся итальянской галантностью, хоть и не был итальянцем по крови, неизменно любезно разговаривал со всеми. А сейчас его слова звучали отрывисто, почти грубо:

— Вы не забыли о том, что в долгу у дона? Он не сомневается в вашей готовности оказать ему ответную услугу. Хочется верить, что вы сделаете это с радостью. Сегодня вам предоставляется такая редкая возможность. Не раньше, чем через час, а возможно чуть-чуть позже, дон сам приедет в вашу контору и сам сообщит, какая услуга потребуется с вашей стороны. Ждите его. Кроме вас, никого из служащих быть не должно. Всех отправьте домой. Вы поняли меня? Если что-то не получается, говорите сразу же, я передам дону Корлеоне. У него есть и другие друзья, способные помочь в этом деле.

Америго Бонасера вскричал в ответ, цепенея от страха:

— Как я могу отказать в чем-то Крестному отцу? Что вы такое говорите? Я сделаю все, что в моих силах. Я не забыл, чем обязан дону, и немедленно отправлюсь в контору ждать его.

Том Хейген заговорил мягче, но все равно в его голосе оставались странные интонации.

— Спасибо, — сказал он, — дон ни минуты не сомневался в вас. Это я

усомнился. Но если сегодня вы сослужите службу дону, я, в свою очередь, всегда готов помочь вам в любой ситуации. Обращайтесь, когда нужно, и, поверьте, вам не придется усомниться в моей признательности.

Америго Бонасера окончательно испугался. Его хватило только на то, чтобы пробормотать:

— Дон сам приедет ко мне?

— Да, — коротко сказал Хейген.

— Значит, он уже вполне поправился после болезни, слава Господу, — пролепетал Бонасера, но прозвучало это как вопрос.

На другом конце провода наступило молчание. Потом Хейген отозвался очень сдержанно:

— Да.

В трубке раздался щелчок и пошел сигнал отбоя. Хейген прервал разговор.

Бонасеру прошиб холодный пот, Он машинально прошел в спальню, достал свежую рубашку. Потом ополоснул рот зубным эликсиром, но ни бриться, ни менять галстука не стал.

Теперь надо было позвонить помощнику. Он велел провести церемонию прощания с очередным покойником в передней зале и обойтись без него, поскольку он сам весь вечер будет занят. Помощник попытался задать вопрос, но гробовщик резко оборвал его и положил трубку, еще раз наказав остаться вместо него у гроба вместе с родственниками усопшего.

Потом оделся в тот же костюм, в котором работал сегодня. Жена, все еще не вставшая из-за стола, посмотрела на мужа недоуменно.

— Есть срочное дело, — сказал он, и она не решилась уточнять, смущенная странным выражением, застывшим на лице Бонасеры.

Гробовщик вышел из дому и пешком двинулся привычным маршрутом сквозь кварталы, отделяющие его дом от похоронной конторы.

Контора размещалась в просторном здании за белым металлическим забором. С улицы во двор можно было въехать прямо к заднему крыльцу, где обычно останавливались кареты «скорой помощи» и откуда выезжали катафалки. Им как раз хватало места, чтобы развернуться.

Бонасера отпер ворота и вошел во двор, оставив их открытыми. Стоя на заднем крыльце, он видел, как в парадный подъезд входят скорбящие родственники, чтобы отдать последний долг покойнику.

Раньше, когда Бонасера откупил это здание у старого гробовщика, собиравшегося удалиться на покой, парадный подъезд возвышался над крутыми каменными ступенями, по которым приходилось подниматься в центральный зал. Если дряхлые, с трудом переставляющие конечности

родичи оказывались не в силах одолеть подъем, прежний хозяин прибегал к помощи грузового лифта. Собственно, небольшую металлическую платформу, предназначенную для поднимания гробов из цокольного этажа наверх, называть лифтом можно было лишь с большой натяжкой. Когда престарелый родич появлялся из люка в паркете в непосредственной близости от гроба прямо на глазах у прочей родни, испуганно отодвигающей черные стулья в сторону, эффект получался трагикомический. Да и использование этой платформы после отпевания, чтобы опустить старика или старуху на бренную землю, создавало некоторые неудобства. Во всяком случае, железная плита, возникающая из-под натертого до блеска темного паркета, не смотрелась. Бонасера решил, что такой способ малоэстетичен и несоразмерно дорог.

Он перестроил фасад здания, заменив ступеньки плавно поднимающейся асфальтовой тропой. Лифт, конечно, сохранился, но использовался отныне только по назначению.

На задней половине здания, отделенной от торжественных зал и прочих помещений массивной звуконепроницаемой дверью, размещалась собственно контора, а также склады для хранения гробов и погребальных принадлежностей и лаборатория для бальзамирования, где под надежными замками хранились химикалии и страшноватые на вид инструменты — атрибуты его ремесла.

Бонасера прошел в контору, сел за письменный стол и достал пачку сигарет, хотя обычно не курил на работе.

Он ждал дона Корлеоне с чувством безнадежности и отчаяния. Особых иллюзий относительно характера требуемых от него услуг гробовщик не питал.

Да и чего доброго было ожидать? Вот уже год, как Семья Корлеоне вела кровопролитную войну с Большой пятеркой нью-йоркской мафии. Информации об этой войне гангстеров то и дело мелькали на страницах газет, ведя счет жертвам жестокой резни. С обеих сторон убитых насчитывалось уже немало. Так что можно было предположить, что очередной жертвой побоища стал слишком приметный преступник, и теперь встал вопрос, как спрятать концы в воду, то есть в землю. Разве не самое простое в таком случае упокоить труп в земле с помощью легального похоронного бюро, специально предназначенного для организации похорон? В таком случае искать пропавшего без вести покойника абсолютно бессмысленно, и следа от него не останется.

Америго Бонасера не питал иллюзий и насчет того, как закон расценивает подобные деяния. Если вся эта история когда-нибудь

всплывет наружу, он станет соучастником преступления и будет осужден на долгие годы тюремного заключения. Его фамилия будет опозорена, поскольку для всех окружающих Америго Бонасера окажется замешан в кровавые дела воюющей мафии.

Он закурил вторую сигарету. Перебор, конечно, но сегодня можно себе позволить. Надо собраться с силами. Он глубоко втянул дым, и тут же замер от еще более ужасной перспективы. Ведь как только главари Пяти семейств узнают, что он на стороне дона Корлеоне, его автоматически зачислят в стан врагов. Пять семейств раздавят его, как таракана. Америго бросало то в жар, то в холод. Он проклинал уже тот день и час, когда пошел за отмщением к Крестному отцу, проклиная жену, сдружившуюся, на беду, с супругой Вито Корлеоне. Проклинал собственную несчастливую дочь, Америку и свое любимое процветающее заведение. Впрочем, обычный оптимизм быстро вернулся к Бонасере. Ведь еще не все потеряно. Может, ситуация в действительности не настолько безнадежна, как он себе представляет. Дон Корлеоне мудр, он наверняка позаботился о конспирации. Бонасере надо только взять себя в руки и не суетиться. Как бы то ни было, но худшее из возможного — это рассердить Крестного отца.

Он услышал шелест шин по гравию. Привычка подсказала гробовщику, что машина въехала во двор и движется к заднему подъезду. Когда взвизгнули тормоза, Бонасера открыл дверь.

Первым вошел могучий и тучный Клеменца, за ним — двое молодцов типично гангстерской внешности. Не здороваясь и вообще не произнося ни слова, они наскоро обыскали комнату. Потом Клеменца вышел, а двое остались в помещении.

Через несколько тягостных минут Бонасера опять услышал, что во двор въезжает машина. Это была карета «скорой помощи». Клеменца вновь появился на пороге. На этот раз следом за ним шли двое с носилками.

Америго Бонасера понял, что самые ужасные его предположения начинают сбываться. На носилках, завернутый в серое одеяло, лежал труп. Из-под одеяла высовывались голые восковые ступни, явно принадлежащие мужчине.

Клеменца знаком показал сопровождающим на ту дверь, которая вела в лабораторию для бальзамирования. Бонасера еще не пришел в себя, как из темноты двора в комнату, в световое пятно лампы, вступил еще один человек — Крестный отец, дон Вито Корлеоне.

Дон выглядел исхудавшим и двигался скованно, видно, движения давались ему с трудом.

Он вошел с обнаженной головой, держа шляпу в руке. Волосы на массивном черепе казались совсем редкими. Он очень постарел и сгорбился с тех пор, как Бонасера видел его на свадьбе Конни. Правда, внутренней силы и властности не убавилось. Прижав шляпу к груди, он пристально глянул в глаза гробовщику и спросил:

— Ну как, старина, готов ли ты помочь мне сегодня?

Бонасера кивнул, не в силах произнести ни слова.

Дон направился к носилкам в лабораторию, будто хорошо знал дорогу в этом доме. Бонасера, как гость, поплелся за ним. Носилки уже подняли на один из столов, где производилось вскрытие. По бокам столешницы имелись специальные желоба.

Дон Корлеоне сделал едва уловимый жест, и все вышли из лаборатории, кроме него самого и гробовщика.

Бонасера проговорил, едва подбирая слова:

— Что я должен сделать?

Дон Корлеоне, не поднимая глаз, смотрел на безжизненное тело.

— Я хочу, чтобы ты употребил все свое мастерство, все искусство, если только уважаешь меня, — сказал он. — Нельзя, чтобы мать увидела его таким.

Он сделал шаг к столу и сдернул серое одеяло.

Америго Бонасера, вопреки своей воле и несмотря на огромный профессиональный опыт, глухо вскрикнул от ужаса. Он увидел разбитую пулями голову Санни Корлеоне. Левый глаз Санни Корлеоне плавал в заполненной кровью глазнице. Переносица и скула были размозжены в крошево из костей и клочков плоти.

На короткое время дон не устоял и вынужден был опереться на руку Бонасеры.

— Видишь, что они сделали с моим мальчиком, — сказал он.

ГЛАВА 19

Скорее всего именно ощущение тупика заставило Санни Корлеоне избрать кровавый и гибельный путь, который в конце концов стал для него последним. Быть может, у него уже и не было выхода, поэтому оставалось только дать волю своему неистовому характеру и принять смерть в открытом бою, чтобы не стать побежденным.

Всю весну и все лето он вел кровопролитную войну, разя противника, но стрелы его доставались, в основном, мелкой шушере из стана Большой пятерки. Один за другим погибали жалкие сводники, состоявшие на службе у Татальи, ростовщики и букмекеры, подвизавшиеся в Гарлеме. Затем настал черед профсоюзных лидеров в доках, перешедших на сторону Пяти семейств. Другие профсоюзные деятели пока обошлись предупреждением с приказом сохранять нейтралитет. Но когда выяснилось, что букмекеры и ростовщики Семьи Корлеоне все еще не имеют доступа к набережным, Санни направил громил Клеменцы наводить порядок в портовых кварталах.

Вся эта резня не могла изменить, а уж тем более повлиять на исход войны. В ближних целях Санни добивался блистательных успехов, но для успешного ведения войны в целом требовался стратегический талант Вито Корлеоне. Война давно уже велась партизанскими методами, и обе стороны понимали, что смысла в ней немного. Увеличивался счет потерь доходов и человеческих жертв, а выхода из тупика не обнаруживалось.

Настал момент, когда Семья Корлеоне вынуждена была прикрыть сначала одну, а потом несколько букмекерских пунктов, в том числе и тотализатор, где хозяйничал зять дона Карло Рицци. Карло немедленно пустился во все тяжкие, стал водиться с целым табуном девок из ночных клубов, так что Конни пришлось совсем невесело. Правда, с тех пор, как Санни избил его, Карло Рицци не осмеливался трогать жену, но и исполнять свой супружеский долг он окончательно перестал. Конки делала все, чтобы он снизошел к ней, чуть ли не в ногах у него валялась, но Карло, приняв позу римского патриция, оттолкнул жену и величественно, словно римлянин, дал отпор ее притязаниям:

— Ты можешь пожаловаться братцу, что я больше не ублажаю тебя. Может, если он побьет меня, ты опять мне понравишься.

Тем не менее он безумно боялся Санни. Внешне они поддерживали холодноватые, но корректные отношения, но у Карло хватало ума понять, что для Санни убить человека — проще простого, тогда как сам он, Карло,

если и пошел бы на преступление, то только собрав в кулак все свои силы, все мужество, всю силу воли. Правда, Карло не считал, что это является его личным достоинством или моральным преимуществом по сравнению с шурином. Хуже того, он завидовал Санни, его звериной жестокости, о которой ходили легенды.

Том Хейген, как советник Семьи, не одобрял действия Санни, но не хотел беспокоить по этому поводу дона, тем более, что тактика Санни во многом себя оправдывала. В какой-то момент вообще стало казаться, что война на измор утомила Пять семейств: их вылазки происходили все реже, а потом и вовсе прекратились.

Правда, Хейген не склонен был радоваться по поводу наступившего затишья, не слишком доверяя ему. Зато Санни торжествовал:

— Я им еще поддам, — улыбаясь, говорил он Тому, — и так, что небу жарко станет. У этих подонков кишка тонка — сами приползут просить о мире.

Возникшие было радужные надежды притупили бдительность Санни еще и потому, что проблемы навалились на него с другой стороны. Начались разлады в доме: жена начала закатывать ему скандалы по поводу Люси Манчини. Если раньше Сандра могла публично распространяться о невоздержанности Санни в постели, то теперь она выносила на всеобщее обозрение его измену. Супруг перестал домогаться ее любезностей, и ей оказалось неуютно на слишком просторном ложе. Постоянные попреки Сандры вконец отравили жизнь Санни.

Его нервы и так были на пределе из-за необходимости выверять буквально любой шаг и нести ответственность за все вокруг. Как и всякая крупная личность, он находился на виду у друзей и врагов, разумеется, давно прознавших о его визитах к Люси Манчини. Хотя Санни предпринимал кучу предосторожностей, такая связь традиционно считалась уязвимым местом, брешью в круговой обороне. Сама Люси даже не подозревала, что днем и ночью находится под неусыпной охраной. Сантино выделил для присмотра за ней людей из своего отряда, а когда на этаже, где жила Люси, освободилась квартира, ее немедленно заняли для одного из наиболее бдительных бойцов, чтобы всегда был поблизости.

Дон понемножку поправлялся. Близилось время, когда надо будет сдавать ему полномочия.

Санни рассчитывал, что к этому моменту ситуация окончательно склонится в сторону Семьи Корлеоне. До тех пор ему еще надо было многое сделать и для восстановления границ империи в прежних пределах, и для обеспечения безопасности подданных, чтобы заслужить

благодарность и уважение отца. Ведь титул дона отнюдь не наследственное звание, право наследовать отцовский бизнес еще надо доказать.

Однако затишье в стане врага скорее походило на затишье перед бурей. Противники тоже строили планы, тоже анализировали ситуацию и пришли к выводу, что единственная возможность избежать поражения — избавиться от Санни. Совсем избавиться. Разобравшись в нынешнем положении дел, они видели, что если со здравомыслящим и рассудительным доном каким-то образом можно поладить, то Санни безнадежен. Его необузданность и жажда крови были сродни варварству. К тому же никакие деловые соображения не казались Санни Корлеоне заслуживающими внимания, если им овладевали месть и злость. А возвращаться в эпоху смут и тревог, как было во время войны Корлеоне с Маранцаллой, никто не стремился.

Как-то вечером, когда Конни Корлеоне сидела дома одна, позвонил телефон. Незнакомый женский голос спросил Карло.

— Кто его спрашивает? — не удержалась Конни.

Девица хихикнула в трубку:

— Да так, подружка. Мне только надо передать ему, что сегодня я не могу с ним встретиться. У меня дела в городе.

— Ах ты грязная тварь! — закричала Конни, — сучка бесстыжая…

На другом конце провода дали отбой.

Карло в этот вечер ходил на скачки и домой заявился поздно. Он был в проигрыше — злой, как черт, и крепко пьяный, потому что без конца прикладывался на ипподроме к бутылке. Едва он переступил порог, Конни набросилась на него с упреками и проклятиями. Он отмахнулся от нее, как от мухи, и прямиком прошел в ванную, чтобы принять душ. Потом вышел, голый, и стал растираться полотенцем на глазах у жены, явно собираясь переодеться и уйти куда-то.

Конни наблюдала за ним подбоченясь, с побледневшим и вытянувшимся от негодования лицом.

— Можешь не наводить красоту, — бросила она ему в лицо, — твоя девка звонила и передала, что не может сегодня. У тебя еще хватает наглости, мерзавец, давать домашний телефон своим шлюхам! Убить тебя мало, сволочь проклятая! — и двинулась на него с кулаками. Впрочем, на кулаки она не очень рассчитывала, а старалась оцарапать или пнуть посильнее.

Карло своей сильной мускулистой рукой отстранил ее.

— Ты спятила, — сказал он равнодушно. Но жена поняла, что он

встревожен: видно, девица, с которой он путался, и впрямь могла позволить себе отколоть подобный номер.

— Кто-то пошутил, глупость какая-то, — сказал он.

Конни вывернулась из-за его руки и умудрилась вцепиться мужу в лицо ногтями. Ненависть придала ей силы, и она расцарапала его так, что кусочки кожи остались под ногтями. Он, проявляя удивительное терпение, только отпихнул ее. Она почувствовала, что он осторожничает, возможно, из-за ее беременности, и вошла в раж, давая волю эмоциям. Кроме всего прочего, по его милости ей слишком долго пришлось обходиться без мужчины. Скоро вообще это станет запретным плодом — в последние два месяца перед родами, как объяснил ей врач, контакты не рекомендуются. Обида подогревалась неутоленным женским желанием. Ей хотелось еще хотя бы раз спровоцировать мужа на интимные отношения.

Страх нанести физическое увечье жене был еще слишком силен в Карло. Он молча направился в спальню, она последовала за ним. То, что он в смятении, грело ее душу.

— Посидишь дома сегодня, — сказала она. — Никуда не пойдешь.

— Да ладно тебе, — сказал Карло, — отцепись от меня.

Он все еще не оделся, расхаживал в одних коротких шортах, получая от этого определенное удовольствие, ведь не каждый так безупречно сложен и может похвастаться гладкой золотистой кожей. Конни голодными глазами следила за гибкими движениями мужа. Он попытался свести на шутку:

— А кормить меня в этом доме будут?

Напоминание о супружеских обязанностях, во всяком случае, об одной из них, отвлекло Конни. Она отлично готовила, обучившись кулинарному искусству у матери. Сейчас ей не составило труда обжарить бифштекс из телятины с перцем, а пока он доходил под крышкой в духовке, Конни занялась салатом.

Пока она торчала на кухне, Карло окончательно развалился на кровати, изучая программу завтрашних скачек и держа под рукой стакан виски с содовой.

Конни вошла в спальню и остановилась у дверей, не приближаясь к кровати, будто ждала приглашения Карло.

— Иди есть, — сказала она.

— Расхотелось, — лениво ответил Карло, не поднимая глаз от скаковой таблицы.

— Но еда уже на столе, — повторила Конни настойчиво.

— Ну и засунь ее себе куда-нибудь поглубже, — посоветовал Карло, допивая остатки из стакана и не отрываясь от программы. Потом он вновь

потянулся к бутылке, взболтнул ее и опрокинул над стаканом. Будто жены и не было вовсе.

Конни развернулась, вышла из комнаты, прошла на кухню и, собрав со стола тарелки с едой, звонко шмякнула их об раковину. На грохот бьющейся посуды Карло выскочил из спальни. От вида прилипших к кафельным стенам кусков мяса, жира и соуса его перекосило от бешенства. Аккуратность была его манией.

— Немедленно прибери, мерзкая паскуда! — заорал он, — или я тобой вычищу все это, за мной дело не встанет.

— Черта с два я стану убирать, — презрительно ответила Конни, выставляя вперед скрюченные, будто когти, пальцы, готовая вцепиться ими в его обнаженную грудь.

Карло выскочил из кухни в спальню и через минуту вернулся, держа в руках сложенный пополам брючный ремень.

— Немедленно прибери, — приказал он снова угрожающим голосом. Конни не удостоила его ответом и не подумала шевельнуться. Тогда он хлестнул ее по тяжелым ягодицам. Ремень громко хлопнул: не больно, но чувствительно.

Конни отступила к кухонному столу, нашарила в выдвинутом ящике длинный хлебный нож. Когда она поудобнее перехватила рукоятку и уставила острие на мужа, Карло рассмеялся.

— В семействе Корлеоне все убийцы, даже бабы, — насмешливо произнес он. Оставил ремень на столе и двинулся на жену. Она резким движением выбросила руку с ножом вперед, целя исключительно в пах, но отяжелевшее тело не слушалось, и Карло легко перехватил удар. Обезоружив Конни, супруг размеренно, не спеша стал бить ее по щекам, стараясь не довести до кровоподтеков. Она пятилась, закрывалась, пытаясь уклониться от потока оплеух, но Карло настойчиво продолжал экзекуцию, пока от боли и унижения Конни не разрыдалась, словно малое дитя. В какой-то момент ей захотелось укусить мужа изо всей силы, но зубы щелкнули в воздухе — Карло успел ухватить ее за волосы и оттянуть голову вверх. Он загнал ее в спальню, небрежно швырнул на постель, а сам ухватился за остатки виски в бутылке, все еще стоящей на столике рядом с кроватью.

Последние глотки переполнили чашу — теперь он напился по-настоящему и, разглядев безумный блеск в его остекленевших голубых глазах, Конни испугалась уже всерьез. Поставив на столик пустую бутылку, Карло наклонился над лежащей на постели женой, ухватил ее за бок крепкими жесткими пальцами так, что она взвыла от боли и

взмолилась о пощаде.

— Да нужна ты мне, жирная итальянская свинья, — с отвращением сказал он и вышел.

Некоторое время она испуганно продолжала лежать на постели, не решаясь встать и проверить, чем он занят в соседней комнате. Потом все-таки не удержалась и тихонько подкралась к двери. Она прикинула, что скоро сон сморит его и тогда ей нетрудно будет выбраться на кухню и позвонить в Лонг-Бич. Пусть пришлют кого-нибудь, чтобы забрали ее отсюда. Хорошо бы к телефону подошел не Санни, а Том Хейген, или мама.

Стрелка часов уже подползла к десяти, когда в доме дона Корлеоне зазвонил телефон. Трубку снял один из телохранителей и тут же послушно передал ее матери Конни, миссис Корлеоне. Но та ни слова не поняла из воплей дочери, которая билась в истерике и в то же время старалась говорить шепотом, чтобы не разбудить спящего в соседней комнате мужа. К этому времени лицо Конни уже раздулось от пощечин, а вспухшие губы отказывались повиноваться, так что слова звучали очень невнятно. Послушав ее горестные бормотания, миссис Корлеоне знаком попросила одного из телохранителей позвать сына.

Санни сидел в гостиной вместе с Томом Хейгеном. На зов матери он вышел в кухню и взял трубку.

— Это я, Конни, — сказал он.

Конни, испуганная до последней крайности — между мужем, храпящим на диване в гостиной, и братом, способным на что угодно, — заговорила совсем уж неотчетливо:

— Санни, ты пришли за мной машину, пожалуйста. Я все расскажу, когда приеду. Ничего не произошло, ты не вздумай приезжать сам. Пошли лучше Тома. Мне просто хочется съездить к вам.

Том Хейген как раз вошел в кухню: дон заснул после снотворного в своей спальне, а Том предпочитал постоянно иметь Санни в поле зрения. Первое, что он увидел, и было лицо Санни. К его лицу были прикованы взгляды всех, кто находился рядом. Двое телохранителей, как завороженные, смотрели на телефон, будто из телефона исходили таинственные пугающие сигналы. Под их воздействием постепенно могучая шея Санни налилась темной кровью, глаза сначала яростно сверкнули, потом помутнели.

Черты лица Санни заострились и окаменели, как камень стал и цвет его серых щек. Руки, держащие трубку, мелко подрагивали, но голос ему удалось сдержать, когда после долгой паузы он заговорил:

— Успокойся, сестренка. Жди — за тобой скоро приедут. Ничего не бойся.

Опустив трубку на рычаг, он с минуту стоял неподвижно, будто омертвев, раздавленный новой неприятностью, собственной яростью и отчаянием. Потом сказал очень тихо:

— Вот вонючий подонок! Проклятый сукин сын… — и, разрядившись этими словами, стремглав выскочил за дверь.

Хейген, по выражению лица Санни хорошо зная, что сейчас он не способен внимать голосу разума и пытаться остановить его также бессмысленно, как кинуться грудью против курьерского поезда, напряженно просчитывал варианты. Пока Санни доедет до города, ненависть его несколько поутихнет и он начнет соображать. Но его визит к Карло не станет от этого менее опасным. Дай Бог, чтобы он хотя бы позаботился о минимуме предосторожностей.

За окнами зашуршал мотор, и Том понял, что Санни поехал сам.

— Быстренько — следом! — приказал советник телохранителям.

Потом взялся за телефон. Сначала распорядился, чтобы ребята из отряда Санни, которые проживали в городе, немедленно отправились на квартиру к Карло и вытащили того из дома. Другая группа бойцов должна была остаться охранять Конни до приезда брата. Больше всего Хейген опасался, что Санни не засомневается убить шурина даже в присутствии свидетелей, поэтому вводил в операцию множество людей. Противника он в этот момент не слишком опасался. Пять Семей уже долгое время не предпринимали никаких враждебных действий, ожидая, когда можно будет, наконец, сесть с доном за стол переговоров. Так что главное было обезопасить Санни от самого себя. Хейген знал, что дон одобрит его позицию.

Действительно, почти сразу, едва выехав за безопасные пределы Лонг-Бича на своем стремительном «бьюике», Санни опамятовался. Он услышал, как телохранители вскочили следом за ним в другую машину и последовали по пятам, и остался доволен расторопностью Тома. Ощущения опасности у него не было. Большая Пятерка вела себя тихо и мирно и, казалось, вышла из игры.

Пробегая через холл, Санни успел схватить пиджак с пистолетом в кармане. Другой пистолет лежал в потайном ящичке в автомобиле, автомобиль же был зарегистрирован на подставное лицо, и его номер не мог привлекать внимание ни противников, ни полиции. Впрочем, оружие он прихватил чисто автоматически, а не с какой-нибудь конкретной целью. Он даже представить себе не мог, что делать теперь с этим подонком Карло

Рицци. Не стрелять же в него в самом деле?

Гоня автомобиль вперед, Санни невольно размышлял и, по здравому размышлению, отдавал себе отчет в том, что не сможет убить отца неродившегося еще ребенка, тем более, что это муж его родной сестры. Да и семейный скандал — плохой повод для убийства, никуда не годный повод. Хотя, если вдуматься, дело было не в поводе и не в семейном скандале. Карло оказался поганцем, а Санни чувствовал, что несет ответственность за несчастливую жизнь сестры, раз сам познакомил ее с этой белобрысой образиной.

Как ни странно, при всем своем бешеном темпераменте, Санни никогда не поднял бы руку на женщину, не мог бы обидеть ребенка или немощного старика. В тот раз, когда он набросился с кулаками на Карло Рицци, того спасло лишь полное непротивление. Санни действительно пришиб бы подлеца, если б тот вздумал отмахиваться. Но убивать безоружного и несопротивляющегося он не мог. В мальчишеском возрасте Санни отличался добросердечием. Он не хотел быть убийцей, просто это у него, видать, на роду написано.

«Тем не менее пора решить проблемы Конни раз и навсегда», — думал, въезжая на «бьюике» на неширокий мостик над плотиной, который обязательно надо было миновать по дороге в Джоунс-Бич, Санни Корлеоне. Он всегда ездил в Нью-Йорк именно этой дорогой, где движение редкое и можно разогнаться на полную скорость. Быстрая езда освежала и успокаивала нервы. Он просто заберет сестру от этого негодяя, а с ним поговорит по душам. Если гад опять избил Конни, придется покалечить его. Свежий ветер врывался в приоткрытое стекло вместе с солоноватым морским воздухом. Санни ниже опустил стекло, чтобы дышать полной грудью.

Как обычно, дорога по Джоунс-Бич Колуэй оказалась почти пустынна. Он мчался на полной скорости, пока не увидел впереди огни большого шоссе. Но и там в это время транспорта было немного. Он не стал снижать скорости: быстрая езда не только освежала, но и избавляла от ярости. Машина с телохранителями осталась далеко позади.

На боковой дороге не виднелось ни одного автомобиля. Освещения тоже не было. Далеко впереди маячила белая будка сборщика дорожной пошлины. Позади имелось еще несколько будок, похожих на картонные конусы, но там люди сидели только днем, когда машин ездило много больше. Санни нажал на тормоз, одновременно шаря в карманах в поисках мелочи, Карманы были пусты. Тогда одной рукой он нашел в пиджаке бумажник, вынул банкноту и въехал под аркаду перед освещенной будкой.

С некоторым удивлением он обнаружил, что там застрял автомобиль, перегородивший проезд. Водитель стоял неподалеку, о чем-то спрашивая у сборщика податей. Санни нажал на сигнал, и машина немедленно съехала с дороги, освобождая проезд.

Санни подал бумажный доллар. Стекло в окне он поднял, потому что сквозняк выстудил всю машину. Сборщик долго копался в поисках сдачи. Считая монеты, он рассыпал всю горсть и теперь его совсем не было видно в будке, наверняка ползал по полу, собирая монетки, бездельник косорукий.

Второй автомобиль, однако, до сих пор не отъехал, а опять остановился впереди, в нескольких метрах от машины Санни, по-прежнему перегораживая путь. Санни мимоходом отметил это, и сразу же чутье подсказало ему, что внутри неосвещенной будки мелькнула темная тень. Санни напрягся, но не успел сделать выводов из своих наблюдений, потому что из застрявшего впереди автомобиля вышли двое мужчин и двинулись в его сторону. Сборщик пошлины так и не появился больше в окне своей будки, но прежде, чем все началось, Санни как-то сразу понял, что пришел конец.

Ни злобы, ни ненависти Санни не ощутил. Голова оставалась ясной, будто страх, глубоко спрятанный всегда в глубинах его души, вырвавшись наружу, очистил мысли и сердце от всего наносного — перед лицом гибели.

Но даже сейчас сила жизни была так сильна в нем, что он, не задумываясь, привалился к дверце «бьюика», блокируя замок. Из затемненной будки полетели первые пули.

Силуэт Санни в лучах фонаря был удобной мишенью — ему мгновенно угодили в шею и в голову, и тело сползло вниз с сиденья. Теперь двое, почти вплотную приблизившиеся к «бьюику», тоже разрядили свои пистолеты. Тело Санни вломилось в дверцу, высадив замок, и вывалилось на асфальт, тогда как ноги все еще находились внутри. Расстреляв обоймы, налетчики стали наносить удары тяжелыми башмаками по лицу убитого, стараясь изуродовать его до неузнаваемости.

Через несколько секунд все четверо — трое убийц и фальшивый сборщик дорожной пошлины — уже мчались в своей машине по трассе на Медоубрук Паркуэй, начинающейся сразу за Джоунс-Бич. Когда телохранители Санни примчались к месту происшествия, они не застали никого, кроме Санни, распростертого в луже крови рядом с собственным автомобилем, перегородившем дорогу возле белой сторожевой будки. Догонять убийц было невозможно, да и не имело особого смысла.

Автомобиль с телохранителями сделал резкий разворот, описав длинную параболу, и рванул в обратную сторону, до ближайшего телефона-автомата. Там один из бойцов выскочил, набрал номер Тома Хейгена в Лонг-Бич и коротко сообщил:

— Санни убит. Попал в засаду у Джоунс-Бич, на переезде.

— Понятно, — бесстрастно ответил Том Хейген. — Сообщите Клеменце, чтобы немедленно прибыл сюда. Дальнейшие распоряжения получите от него.

Том разговаривал с телефона, стоявшего на кухне, где возилась у плиты мама Корлеоне, готовящая ужин дочери, которую ждала с минуты на минуту. Он собрал все свое мужество, чтобы сохранить спокойствие и не дать ей заподозрить несчастья.

Впрочем, она могла бы догадаться, если бы обратила внимание на разговор. Но за долгую жизнь с доном миссис Корлеоне научилась не вникать в мужские дела, сделав вывод, что так жить проще. Ведь если стрясется что-то неладное, ей все равно сообщат, а о чем не сообщат, того разумнее не знать вовсе. Ее вполне устраивало, что муж щадит сердце супруги, не перекладывая на ее хрупкие плечи свои мужские заботы. В конце концов, так было даже справедливо, женщины же тоже, как правило, сами решают свои женские проблемы.

С привычной заботливостью миссис Корлеоне накрывала на стол и варила на плите ароматный свежий кофе. По собственному опыту она знала, что ни боль, ни страх не утоляют голода, а вкусная еда до какой-то степени помогает справиться и с болью, и со страхом. Она рассердилась бы, если бы доктор сейчас предложил ей принять транквилизатор. Вот чашка кофе и бутерброд — другое дело. Они обязательно помогут поддержать силы.

Разумеется, понятия миссис Корлеоне находились на весьма невысоком уровне, но воспользовавшись ее спокойствием, Том Хейген беспрепятственно выскользнул из кухни, скрылся в угловой кабинет и там, оставшись сам с собой, дал волю нервной дрожи. Его заколотило так, что пришлось сесть в кресло, тесно сжав колени, которые сотрясались от дрожи. Голову он низко опустил, а руки, стиснутые между колен, буквально ходили ходуном. Казалось, он совершает обряд моления черным дьявольским силам.

Он не годился на роль советника Семьи в военное время, теперь это окончательно стало ясно. Большая Пятерка обвела его вокруг пальца, как ничтожного пацана, и он позволил привести в исполнение коварный замысел, поверив показному смирению. Они притаились, а вовсе не

примирились с победой Санни Корлеоне. Они вынашивали свои черные планы и выжидали подходящего момента, а потому не реагировали на провокационные мелкие выпады. Зачем драться на кулачках, если собираешься нанести один, но смертельный удар? И этот удар нанесен. Дженко Аббандандо никогда не попался бы на голый крючок, он звериным чутьем учуял бы опасность, он нашел бы способ выкурить противника из норы и заранее отрубил бы кровавые лапы, нацеленные на Санни. Он утроил бы меры предосторожности… Том застонал. Горечь от понимания собственных ошибок примешивалась к большому личному горю. Санни был его названым братом. Санни спас ему жизнь, привел в дом Корлеоне, все детские годы Том молился на него. Санни никогда не обижал Тома, ничем не оскорблял его самолюбия, он действительно относился к нему как к брату. Хейген вспомнил, как обрадовался Санни и шагнул навстречу ему, широко распахнув объятия, когда мерзавец Солоццо отпустил его целым и невредимым. В глазах Тома Санни не мог быть жестоким бандитом и кровожадным убийцей. Том Хейген потерял дорогого, близкого человека.

Он удрал из кухни, потому что не в силах был сообщить маме Корлеоне страшную весть. На это у него не хватило бы мужества. Том никогда, даже мысленно, не воспринимал ее матерью, хотя звал Санни братом, а дона — отцом. Его привязанность к миссис Корлеоне была сродни теплому и доброму чувству, которое обычно возникает к хорошим, но не связанным с вами чувством любви людям. Так же примерно он относился к Фредди и Конни, несколько лучше — к Майклу. Но сказать ей о смерти Санни сейчас, когда она одного за другим потеряла всех сыновей, ведь Фредо скрывался в Неваде, а Майкл спасал свою жизнь в Сицилии, было сверх человеческих возможностей. «Кого из троих она любила сильнее? — неожиданно подумалось Тому. — Она ни в чем не выказывала своих предпочтений».

Потребовалось некоторое время, чтобы Том справился со своим смятением и взял себя в руки. Наконец, он подошел к телефону и набрал номер Конни. На звонок долго не отвечали. Он слушал длинные гудки, пока голос Конни не отозвался сдавленным шепотом:

— Слушаю.

— Алло, Конни, — сказал Том как можно ласковее. — Разбуди мужа, будь добра. Он мне очень нужен.

— Санни едет сюда? — тихим испуганным голосом спросила понятливо Конни.

— Нет, — ответил Хейген, — Санни не приедет, не волнуйся. Только

разбуди Карло и скажи, чтобы обязательно взял трубку, это очень важно.

Конни сказала со слезами в голосе:

— Том, он опять избил меня. И совсем прибьет, если узнает, что я звонила домой.

Хейген по-прежнему мягко обнадежил:

— Он тебя не тронет, Конни. Я поговорю с ним и все объясню, можешь не сомневаться. Только пусть обязательно подойдет к телефону, ты поняла?

Прошло не меньше пяти минут, пока в трубке не раздался сиплый со сна и с перепою голос Карло. Хейген заговорил с ним резко, чтобы тот сразу пришел в сознание.

— Слушай меня внимательно, — сказал он. — Я скажу тебе страшную новость. А ты приготовься к этому и отвечай мне так, чтобы Конни не почувствовала по твоим словам, что случилась беда. Слышишь, Карло? Я сказал ей, что у меня к тебе деловой разговор, поэтому придумай что-нибудь для нее. Можешь сказать, например, что я передал тебе предложение о новой работе, или что мы сочли нужным переселить вас сюда, в один из домов на Лонг-Бич. Или что дон в ближайшее время привлечет тебя к участию в семейном бизнесе, чтобы ты мог проявить себя и поправить положение. Понимаешь?

Карло отозвался с надеждой в голосе:

— Ага, понял. Все в порядке.

Хейген продолжал:

— Очень скоро к тебе подъедут ребята и предложат поехать с ними. Передай им, что сначала они должны связаться со мной. Больше ни о чем не распространяйся. Я отменю распоряжение. Ты останешься дома, с Конни. Понял?

— Да, да, все понял, — подтвердил Карло. По его взволнованности стало ясно, что он действительно заподозрил что-то страшное. Очевидно, напряжение Тома дошло до него по телефонному проводу.

Теперь Том счел возможным сообщить все напрямую:

— Только что убили Санни. Только не отвечай ничего, слышишь, Карло? Конни позвонила сюда, когда ты спал, и он сорвался ехать к вам. Нельзя допустить, чтобы она узнала это — что его убили по дороге к ней. Возможно, она когда-нибудь догадается, но не вздумай сам навести ее на подобную мысль. Иначе она станет во всем винить себя. Твоя задача оставаться с ней рядом, но ничего ей не рассказывать. Ты должен помириться с Конни. Веди себя с ней как идеальный любящий муж. Ты должен оставаться таким во всяком случае, пока она не родит, я прошу

тебя об этом, Карло. Завтра ей расскажут о гибели брата. Это будет дон, или ее мать, или ты сам. Но я хочу, чтобы в трудный час она могла опереться на тебя. Если ты выполнишь мою просьбу, то можешь рассчитывать и на помощь с моей стороны. За мной не пропадает, ты это знаешь. Я понятно объясняю?

Карло ответил, еле сдерживая ужас:

— Все понятно, Том, разумеется. Мы ведь всегда отлично ладили с тобой. Я тебе многим обязан и очень благодарен. Ведь так?

— Ладно, — сказал Хейген. — Никто не станет винить тебя или Конни за случившееся, я позабочусь об этом, — он помолчал и добавил ободряюще: — Главное, ты сейчас позаботься о Конни, — и положил трубку. Дон никогда не произносил вслух угрозы. Том воспринял его науку. Но Карло и так прекрасно понял, что находился на волосок от смерти.

Теперь Том позвонил Тессио и вызвал его в Лонг-Бич. Он не стал объяснять, в чем дело, а Тессио не стал задавать вопросов.

Переговорив с Тессио, Том глубоко вздохнул. Оставалось самое мучительное, чему он противился всеми силами души, — разговор с доном.

Он должен был пойти в спальню, переоборудованную в медицинскую палату, и разбудить дона, еще слабого после ранений и одурманенного снотворным, и сказать этому человеку, которого он любил больше всех людей на свете, что подвел его, не уберег жизнь его первенца. Он должен пойти к дону и сказать ему, что война проиграна, и только он, старый и больной человек, способен спасти Семью от полного краха, если вмешается в ход событий. На свой счет Том больше не обольщался. Только великий дон еще способен был как-то выправить положение, только он один.

Хейген не стал советоваться с докторами, это не имело смысла. Что бы ни сказали доктора, он должен был разбудить дона, даже если это было смертельно опасно, и сообщить своему названному отцу, что его старшего сына больше нет в живых, а он, Том, готов подчиниться любому указанию. Медицина в данном случае была бессильна, да и вообще ничто больше не играло особой роли.

Что будет дальше, тоже не вызывало сомнений. Как только дон узнает о несчастье, он вынужден будет или принять на себя руководство делами, или отдать приказ Хейгену от имени Семьи Корлеоне сдаться на милость Пяти семейств.

Хейген не мог не противиться предстоящему разговору. Он оттягивал

страшную минуту, оправдываясь перед самим собой тем, что надо подготовиться. Он честно и немногословно признавал свою вину. Заниматься самобичеванием не стоит, дону и так будет слишком больно, незачем растравлять раны пустыми словами. Если Том станет демонстрировать собственное горе, страдания дона только усугубятся этим. Даже если он начнет каяться в своей непригодности к роли советника во время военных действий, дону не станет легче, наоборот, он почувствует, что совершил ошибку, назначив Тома на столь важный пост.

Но сообщать все равно надо. Значит, надо коротко рассказать о случившемся, затем изложить свои соображения о том, что еще можно предпринять, чтобы спасти ситуацию, — и умолкнуть, пока дон не примет решение или не задаст дополнительных вопросов. Если Том почувствует, что проявить горе или раскаяние будет уместно, он откровенно признает вину, позволит излиться скорби. Если нет…

Хейген поднял голову: за окнами послышался шум подъехавших автомашин. Это прибыли доверенные, Клеменца и Тессио. «Сначала поговорить с ними, — подумал Том, — потом сразу подняться к дону».

Он встал, открыл в стенном шкафчике дверцу бара, где хранилось спиртное, достал бутылку, вынул стакан и замер в неподвижности, не находя в себе сил даже на то, чтобы налить себе виски. Позади его тихо открылась дверь. Том Хейген обернулся и увидел дона Корлеоне, который впервые после ранения, полностью одетый, переступил порог своего кабинета.

Не говоря ни слова, дон пересек комнату, прошел к своему огромному кожаному креслу и опустился в него. Ступал он с некоторым трудом, одежда болталась на нем, став излишне просторной, но в остальном выглядел, как обычно. Казалось, дон одним усилием воли сумел отбросить все внешние признаки нездоровья и разом преодолел недуг. На лице дона застыло выражение прежней силы и суровой решительности.

Он выпрямился в кресле и сказал Тому:

— Плесни-ка мне анисовой.

Том повиновался. Он достал другую бутылку, налил дону и себе по капельке крепкого напитка. Настойка была домашней, куда более крепкой, чем виски, с привкусом лакрицы. Она обжигала гортань, как огнем. Анисовую ежегодно привозили дону в подарок от старинного друга, из деревни, в невероятно больших количествах: столько, сколько вмещал в себя грузовой автофургон.

— Моя жена плакала перед сном, — сказал дон, — а сейчас к дому подъехали мои капитаны, хотя время позднее, за полночь. Мне кажется,

пора бы моему советнику сообщить дону то, что все уже знают.

Том Хейген ответил тихо:

— Я ничего не сказал маме. А вам собирался сказать как раз сейчас. Через минуту я поднялся бы наверх, разбудил вас и все сообщил.

Дон Корлеоне заметил бесстрастно:

— Но сперва тебе потребовалось выпить.

— Да, — ответил Хейген.

— Теперь ты выпил, — сказал дон. — Так что можешь говорить, — в голосе дона Хейгену послышался легкий упрек в слабости.

Он сказал:

— Санни застрелили сегодня вечером по дороге в город. Он убит.

Дон Корлеоне прикрыл глаза веками. На какое-то время его безмерная воля изменила ему, броня распалась, и на усталом лице выразилась такая мука, которую ни скрыть, ни утаить невозможно. Силы покинули дона, но только на долю секунды. Он взял себя в руки.

Стиснув на столе перед собой пальцы до посинения, дон посмотрел прямо в глаза своему советнику и попросил:

— Расскажи обо все подробно, Том. Нет, — он поднял ладонь вверх привычным движением, — подожди. Пусть зайдут Клеменца и Тессио, чтобы тебе не пришлось рассказывать дважды.

Оба доверенных немедленно явились в кабинет. Они сразу поняли, что дону уже известно о гибели сына, потому что он поднялся при их появлении. Они сердечно и скорбно обняли Вито Корлеоне, как и подобает в горе старым друзьям. Хейген разлил анисовую по стаканам. Все выпили, и тогда Том стал рассказывать подробно о событиях этого несчастного вечера.

Когда он замолчал, дон задал всего один вопрос:

— Это точно, что Сантино мертв?

Ему ответил Клеменца:

— Да. Телохранители были из отряда Санни, но я лично допросил их, и они понимают, что поплатятся головой за ошибку. Они хорошо видели его при свете фонаря. При тех выстрелах, которые они описали, остаться в живых невозможно.

Дон Корлеоне выслушал окончательный приговор, ничем не показывая волнения, только не сразу смог продолжать разговор. Молчание повисло в комнате. Потом дон опять собрался с силами.

— Никто из вас не должен заниматься этим делом, — сказал он. — Никаких актов возмездия, никаких расследований относительно тех, кто убил моего сына. Без моего особого распоряжения не предпринимать

никаких враждебных действий. Отныне и до часа похорон Санни все дела прекращаются. Потом мы проведем совет и решим, что делать дальше. А сегодня надо заняться тем, что еще можно сделать для Сантино. Я хочу похоронить сына по-христиански. Надеюсь, мои друзья помогут уладить необходимые формальности с властями и полицией. Ты, Клеменца, будешь при мне вместе с ребятами. Ты, Тессио, возьми на себя охрану членов моей семьи. Том, позвони Америго Бонасере и сообщи ему, что его услуги понадобятся мне сегодня вечером. Пусть ждет меня, сколько придется: час, два или больше. Я сам приеду туда. Всем все понятно?

Клеменца, Тессио и Том молча кивнули в ответ.

— Садитесь с ребятами по машинам, Клеменца, — сказал дон. — Через пару минут я присоединюсь к вам. Том, ты все сделал правильно. Теперь позаботься о том, чтобы к утру Констанция была у своей матери. Вообще организуй, что необходимо для их переезда сюда, на Лонг-Бич, вместе с Карло. Потом сообщи подругам Сандры о несчастье, и пусть они не оставляют ее одну. Моя жена тоже пойдет туда, как только я переговорю с ней. Она сама сообщит все снохе, а женщины пусть позаботятся о соблюдении обрядов и обычаев. Закажите мессу в церкви, чтобы молились за упокой души Сантино.

Дон встал со своего кожаного кресла, остальные тоже поднялись с мест. Клеменца и Тессио вновь обнялись с доном по праву, которое дается старой дружбой. Хейген распахнул дверь перед Вито Корлеоне, который, выходя, остановился на миг и внимательно посмотрел ему в лицо. Потом быстро прижал ладонь к щеке Хейгена, легонько прижал его к себе и сказал по-итальянски: «Ты вел себя достойно, Том. Как положено доброму сыну. Ты дал мне утешение».

Слова дона сняли камень с души Тома Хейгена. Дон дал ему понять, что он не подвел его в это ужасное время.

Теперь Вито Корлеоне последовал в спальню — разговаривать со своей женой. А Том Хейген снял трубку и позвонил Америго Бонасере, чтобы сообщить гробовщику: настал час, когда он должен вернуть долг Семье Корлеоне.

ЧАСТЬ V

ГЛАВА 20

Гибель Санни Корлеоне словно молнией поразила весь преступный мир Америки. А когда прошел слух, что дон Вито Корлеоне восстал одра болезни и взял в руки кормило власти, а соглядатаи, воротясь с похорон, донесли, что он, вероятно, вполне поправился, главы Пяти семейств предприняли экстренные меры для укрепления обороны, опасаясь кровавой мести, В том, что Семья Корлеоне обязательно совершит какой-нибудь страшный акт возмездия, ни у кого не имелось сомнений. Дураков, полагающих, что отныне с доном Корлеоне можно не считаться, в Большой Пятерке не было. Даже с учетом свалившихся на него бед Вито Корлеоне не утратил авторитета. Было хорошо известно, что он, как и каждый, допускал в своей жизни какие-то ошибки, но, в отличие от большинства, умел из каждой ошибки извлечь основательный урок.

Только Хейген догадывался об истинных намерениях дона, и поэтому нимало не удивился, когда к Пяти семействам были посланы посредники с предложением мира. Более того, Вито Корлеоне призывал все нью-йоркские семейства провести большой совет, пригласив на него семейные кланы из других американских городов, если только они посчитают полезным для себя присутствовать на таком совете.

В Нью-Йорке сосредоточились крупнейшие Семьи страны, так что ясно было, что их взаимоотношения оказывают влияние на благоденствие всего теневого мира. Об этом не говорилось вслух, но это подразумевалось само собой.

Поначалу Большая Пятерка отнеслась к идее дона Корлеоне подозрительно. Что это? Какая-нибудь сверх хитроумная ловушка? Или Вито Корлеоне надеется таким образом усыпить бдительность неприятеля, чтобы застать его врасплох? Они пойдут на мирные переговоры, а он перережет всех, как курят, отомстив тем самым за убийство старшего сына.

Но дон Корлеоне последовательно, одно за другим, рассеял сомнения противников. Он не только пригласил на встречу остальные семейные кланы Америки, но наглядно доказал, что не делает никаких попыток поставить под ружье подданных своей империи. Не спешил он и вербовать себе сторонников.

Следующий шаг окончательно подтвердил серьезность намерений дона Корлеоне и убедил Большую Пятерку, что безопасность ее представителей на общем совете гарантируется. Дон Корлеоне заручился поддержкой Семьи Бокиччио.

Семья Бокиччио являлась единственной в своем роде. Когда-то на родине, в Сицилии, она отличалась необычайной даже в тех суровых местах кровожадностью и беспощадностью. Перенесенная целиком на благодатную почву Америки, Семья, неожиданно для всех, превратилась в оплот мира в преступной среде. Если когда-то они кормились убийством и насилием, то теперь они взяли на себя миссию миротворчества. В клан входили исключительно люди, связанные с семейством кровным родством, и на первое место выдвигался принцип преданности роду, редкостной даже в среде, где преданность Семье всегда ставилась выше, чем верность собственной жене.

В Семье Бокиччио все были связаны узами родства. Как правило, эти узы доходили до третьего и более поколения. На юге Сицилии, где они единовластно господствовали в старые времена, основой их доходов служили три-четыре мукомольных предприятия, которые, хоть и не являлись общей собственностью, но помогали всем без исключения членам, числом около двух сотен Бокиччио, иметь свой кусок хлеба. А имея хотя бы кусок хлеба, можно сохранять нерушимость союза и, следуя давним традициям, поощрять браки между кузенами и кузинами, делая Семью полностью замкнутой, как королевскую династию.

В результате в их уголке Сицилии никто не рискнул бы взяться за строительство мельницы или плотины, которая дала бы энергию мукомольному заводику конкурента. Нарушать экономический баланс Семьи Бокиччио было смертельно опасно. Как-то один влиятельный помещик вздумал построить собственную мельницу. Она незамедлительно сгорела. Помещик вызвал карабинеров и обратился за помощью к властям, арестовавших трех представителей семейства Бокиччио. Но еще не был объявлен день суда над поджигателями, как синим огнем полыхнула вся усадьба незадачливого помещика. Суд не состоялся, арестованные вышли на волю.

В другой раз некий высокопоставленный правительственный чиновник прибыл в Сицилию с задачей решить проблему плохого водоснабжения острова. Он предоставил правительству проект возведения мощной дамбы. Проект одобрили, и из Рима были направлены инженеры, которые добросовестно принялись производить замеры под мрачными взглядами аборигенов, носящих фамилию Бокиччио. Полиция заранее заняла все стратегические точки, наводнив остров своими людьми до такой степени, что пришлось специально оборудовать жилые бараки. Казалось, сооружению дамбы ничто не может воспрепятствовать: в Палермо уже поступало необходимое оборудование и строительные механизмы. Но не

тут-то было. Бокиччио обратились за помощью к местной мафии. На строительстве начался отчаянный саботаж. Все, что можно было взять и унести, разворовывалось подчистую. Депутаты итальянского парламента, находящиеся на жаловании у мафии, начали серьезное наступление на проект, нащупывая его уязвимые места. Дебаты тянулись несколько лет, пока власть не перешла к Муссолини. Диктатор издал особый приказ о немедленном строительстве плотины.

Но и указ не помог.

Почувствовав, что мафия наносит урон его единовластию, диктатор направил своего посланца с чрезвычайными полномочиями на юг Сицилии, где тот предпринял самые простые и действенные меры, отправив всех, до кого дотянулся, в тюрьму или на принудительные работы. За каких-то несколько лет власть Муссолини взяла верх над властью семейных кланов, потому что аресты стали массовыми и за решетку попадали не только члены Семей, но и те, кто подозревался в связях с мафией. Тысячи ни в чем не повинных крестьян были загублены.

Семья Бокиччио оказалась достаточно здравомыслящей, чтобы понять, что существует сила более мощная, чем их собственная. Бессмысленно пытаться пробить головой каменную стену. Половина способных держать в руках оружие мужчин погибла в вооруженных стычках, остальные отбывали наказание на каторжных работах. Чтобы сохранить род, оставшаяся горстка людей из клана Бокиччио эмигрировала по одному из нелегальных каналов в Канаду, а оттуда — в Америку. В Штаты прибыло всего два десятка человек. Они обосновались в долине Гудзона и стали добывать хлеб в поте лица, так что спустя некоторое время в распоряжении семейства имелась уже большая мусороуборочная фирма с парком автомашин. Дело Бокиччио стало разрастаться, росли и доходы, потому что конкурентов у них не было. А конкурентов не находилось по одной причине: стоило кому-то попробовать свои силы на ассенизаторском поприще, как его машина загоралась прямо с мусором. На таких условиях подыскать шоферов для мусоровозок, не относящихся к фирме Бокиччио, было проблемой. Один упорный молодой предприниматель попробовал все-таки вступить в соперничество с сицилийским кланом и лично сел за руль машины, но утро был найден закопанным в куче того самого мусора, который успел собрать в последний день своей жизни.

Естественно, что мужчины из клана Бокиччио обзаводились семьями, женясь исключительно на итальянках. Подрастало новое поколение, и уборка мусора перестала удовлетворять потребности разросшегося клана. На хлеб, конечно, хватало, но обеспечить своих близких массой

соблазнительных благ, которыми полна Америка, было невозможно. Тогда Семья Бокиччио избрала своей профессией посредничество в деле примирения конфликтов, постоянно вспыхивающих между различными кланами мафии.

Надо сказать, что в семье Бокиччио народ был в основном ограниченный, достаточно примитивный по складу ума. Звезд с неба они никогда не хватали. Но их ума все же доставало на то, чтобы оценить собственную неполноценность и не стремиться отвоевать себе место под солнцем в таких изощренных формах бизнеса, как контрабанда, проституция, азартные игры или шантаж. Бокиччио были простосердечные люди, фантазии которых еще хватало на то, чтобы всучить взятку полицейскому, но подступиться к чиновнику они уже не решались. Собственно, характерных черт у них имелость всего две: врожденная жестокость и благоприобретенная честность. В Семье Бокиччио существовало суровое правило, запрещающее ложь. Да это им и давалось сложно, ведь ложь предполагает определенное вдохновение, изобретательность, умение сводить концы с концами. Так что Бокиччио не пытались укрыться за завесой неправды, но и не прощали обмана или оскорбления. Причем страх перед грядущей расплатой никогда не останавливал их. Таким образом, сама судьба предначертала на их знамени лозунги уникальной профессии — миротворцев. Когда воюющие кланы заходили в тупик и хотели пойти на мировую, они связывались с Семьей Бокиччио.

Далее все шло по уже сложившемуся ритуалу. Глава Семьи Бокиччио организовывал безопасность переговоров на первой стадии. Например, когда Майкл Корлеоне шел на встречу с Солоццо, Бокиччио посылали своих заложников, как гарантию его неприкосновенности. Если бы Майкл оказался в западне, Корлеоне убили бы заложника-Бокиччио, а его Семья незамедлительно и самым свирепым образом отомстила бы Солоццо, поскольку в из глазах он стал бы причиной смерти сородича. Поскольку Бокиччио были бесхитростны и целеустремленны, не существовало силы, способной помешать им осуществить акт возмездия. Они положили бы еще массу людей, если понадобилось бы, но расплата в этом случае была неотвратима, как рок.

Так что гарантии безопасности, которые выдавала Семья Бокиччио, котировались очень высоко. И как только дон Вито Корлеоне обратился к их клану с просьбой обеспечить неприкосновенность всех, без исключения, участников мирных переговоров, сомнения в искренности дона отпали сами собой. Тут уж о коварных замыслах речь не могла идти. При

посредничестве Бокиччио встреча враждующих семейств становилась не более опасной, чем свадебное застолье.

Бокиччио согласились принять участие в организации переговоров и обещали направить необходимое число заложников. Местом встречи глав преступного мира страны стал небольшой актовый зал в одном из банков, коммерческий директор которого был многим обязан дону Вито Корлеоне. Часть акций, числящихся за этим директором, в действительности принадлежала Семье Корлеоне. Причем одним из самых сильных впечатлений в жизни этого человека было воспоминание о том, как он хотел выдать дону Корлеоне письменную расписку о владении акциями, а тот только замахал руками.

— Помилуйте, дорогой мой, — сказал дон изумленному директору, — какие могут быть формальности между добрыми друзьями? Я бы доверил вам все свое состояние. Больше того, я готов вверить в ваши честные руки свою жизнь и благополучие своих детей. Никак не может быть, чтобы вы обманули мои ожидания! Если бы случилось такое, я утратил бы веру в людей. Конечно, для себя, на память, я записал сумму, которая будет лежать у вас, чтобы наследники, если Господь неожиданно призовет меня к себе, знали, где хранится их достояние. Но я совершенно уверен, даже если покину этот мир, вы останетесь верны моим интересам и нашим добрым отношениям.

Директор банка не был сицилийцем, но обладал чутким складом ума. Он отлично понял дона Корлеоне, и теперь любая просьба Крестного отца воспринималась им как приказ.

Вот почему в назначенное субботнее утро актовый зал банка с его удобными кожаными креслами и прекрасной изоляцией от внешнего мира оказался в распоряжении преступных американских синдикатов, собравшихся из разных штатов страны.

Для охраны выставили вооруженную гвардию, переодетую в униформу банковских служащих. Встреча назначалась на десять часов утра, и ее участники прибывали с достойной уважения точностью. Кроме нью-йоркских Семей, сочли своим долгом присутствовать на общем совете все десять американских кланов из разных городов, за исключением Чикаго. Вотчина Аля Капоне держалась белой вороной в пределах преступного мира, и все уже оставили любые попытки цивилизовать чикагские банды. Приглашать же костоломов на мирное совещание просто не имело смысла.

Для удобства участников переговоров в зале работал небольшой бар. Каждый из глав семейств мог иметь при себе одного помощника или советника. Как правило, брали советника, поэтому средний возраст

собравшихся оказался много выше среднего. Том Хейген в этой компании был самым молодым. И единственным несицилийцем, что вызывало на совете всеобщее любопытство. Впрочем, Том отлично знал свою роль. Он не высказывался, не проявлял эмоций, а весь всецело отдавался услугам, которые оказывал дону, ведя себя при этом, как вышколенный царедворец, со всем уважением и преданностью прислуживающий своему монарху.

Он подавал дону напитки, подносил огонь к его сигаре, пододвигал поближе пепельницу — и все это без тени угодливости, корректно и с достоинством. Один Вито Корлеоне мог по-настоящему ценить своего советника. Куда до него было прочим, путь они хоть трижды сицилийцы по крови! Например, никто из присутствующих, кроме Тома, не мог был сказать, чьи портреты развешены по стенам актового зала. А это были портреты кистей именитых мастеров, и изображали они известные исторические лица. В их числе, например, висел портрет министра финансов мистера Гамильтона. Хейген подумал с удовлетворением, что Гамильтон, безусловно, одобрил бы мирную конференцию, собравшуюся под сенью его портрета. Вообще место выбрано удачно: ничто не воздействует на людей так благотворно и умиротворяюще, ничто так не взывает к голосу разума, как дух богатства, витающий в банковских стенах.

Участники прибывали один за другим, но сам дон, как хозяин встречи, счел необходимым явиться первым. Пунктуальность он расценивал в данном случае как проявление вежливости. Но он вообще любил пунктуальность.

Вторым подъехал Карло Трамонти, чья держава занимала весь юг Соединенных Штатов. Он выглядел не просто внушительным, но и красивым, с ровным южным загаром, обаятельной улыбкой, высокий и стройный для сицилийца. Трамонти одевался у лучших портных и очень заботился о своей прическе, поэтому походил скорее на одну из фотографий в американских иллюстрированных журналах, изображающую миллионера с удочкой на борту собственной яхты, чем на итальянского эмигранта, не более чем тридцать лет назад прибывшего за океан.

Семья Трамонти тоже владела игорным бизнесом, хотя по виду дона Карло вряд ли кто-нибудь мог заподозрить, какими средствами пользовался этот не старый еще и щеголеватый джентльмен, чтобы создать собственное дело.

Эмигрировав из Сицилии в детском возрасте, он попал во Флориду, вырос там и стал работать на американский синдикат. Хозяева синдиката — южане, активно занимающиеся политикой в местных органах власти,

попутно контролировали все игорные заведения округи. Они были смелыми и упорными людьми, умело опиравшимися на поддержку полицейских чинов и действовавшими очень решительно. Если бы кто-нибудь предупредил их, что малолетний эмигрант из Сицилии приберет к рукам всю отлаженную ими систему, они только рассмеялись бы в ответ.

Но никто не оказался готов к той звериной жестокости, которую взял на вооружение приблудный щенок Трамонти. Они просто не могли отомстить ему той же монетой, потому что прибыль от игорного бизнеса явно не стоила кровавых слез. А полицию Трамонти попросту перекупил, увеличив ее долю в доходах, так что убрать с пути всех, кто пробовал помешать триумфальному шествию его власти, теперь было совсем не сложно. Очень скоро он уложил на обе лопатки тех противников, которых не посадил на нож несколько раньше.

Следующим шагом Трамонти стало содружество с диктаторским режимом Батисты на Кубе. Он вложил капитал в игорные дома и публичные заведения Гаваны, стал щедрой рукой выдавать кредиты всем, желающим повеселиться на острове развлечений. Под ростовщические проценты, разумеется. Прожигателей денег среди американцев оказалось немало. Куба славилась проститутками и казино. А Трамонти нажил на этом несколько миллионов и приобрел один из самых шикарных отелей в Майями-Бич.

Он появился в зале заседаний вместе со своим советником, таким же загорелым, как он сам, порывисто обнял дона Корлеоне, всем своим видом выражая сочувствие отцу, потерявшему первенца, и сказал несколько подобающих случаю слов.

Главы семейств хорошо знали друг друга. Им не раз доводилось встречаться за эти годы то в общественных местах, то для выработки позиций по тому или иному вопросу. Они всегда старались подчеркнуть уважение, какое питают к коллегам, а при случае даже оказывали мелкие любезности.

Следом за Трамонти прибыл Джозеф Залуччи из Детройта. Его Семья, заручившись поддержкой местных властей, нелегально содержала крупнейший ипподром. Семья не гнушалась, разумеется, и более мелкими статьями доходов, но на Детройтском ипподроме хозяйничала полностью. Лицо Залуччи постоянно светилось благодушнейшей из улыбок. Оно напоминало полную луну. Стопятидесятитысячный особняк дона Джозефа размещался в самом фешенебельном квартале города. Его сын и наследник женился на девушке из знаменитого в Америке рода политиков и предпринимателей.

Как и Вито Корлеоне, Залуччи предпочитал разумные действия преступным. Среди городов, контролируемых мафией, Детройт занимал последнее место по проценту преступлений. За последние три года ребятам дона Джозефа лишь дважды пришлось приводить в исполнение смертный приговор. Кроме того, Залуччи не одобрял наркотиков.

Он тоже приехал с советником, и оба сочли своим долгом высказать соболезнование дону Корлеоне. Раскатистый бас Залуччи звучал совершенно по-американски, еле уловимый акцент придавал его речам бархатистость. Он выглядел типичным американским бизнесменом, несколько старомодным и консервативным, но деловитым и подкупающе внимательным к собеседнику. Судя по его поведению, Залуччи склонялся к позициям Вито Корлеоне. Он даже подчеркнул это, произнеся с большой сердечностью:

— Я приехал сюда только на твой зов.

Дон Корлеоне склонил голову в знак признательности. Значит, он мог не сомневаться в поддержке Залуччи.

Еще два дона прибыли с западного побережья вместе. Они приехали в одном автомобиле и вообще, поскольку работали сообща, предпочитали держаться вдвоем. Их звали Фрэнк Фальконе и Энтони Молинари, обоим было только по сорок лет — младше всех прочих донов. Их отличала не только молодость, но и манера вести себя: Голливуд налагал свой отпечаток даже на подпольный мир. И чувствовали себя куда раскованнее, чем прочие главы Семей в такой щекотливой ситуации. Фрэнк Фальконе занимался в основном профсоюзами и казино в пределах Голливуда, прирабатывая мимоходом поставками живого товара в дома терпимости на Дальнем Западе — из числа совсем пропащих кинозвездочек. Молинари держал в руках все побережья в пределах Сан-Франциско и контролировал все игорные заведения, связанные со спортивными играми. Помня о своем сицилийском происхождении, а предки его сплошь рыбачили, Молинари открыл лучший в Сан-Франциско ресторан «Дары моря», славящийся своей кухней. Про него сплетничали, что он скорее потерпит убыток, чем пожертвует качеством блюд. Ресторан был предметом особой гордости для Молинари, хотя по виду он куда больше походил на профессионального игрока. Что, впрочем, было недалеко от истины: его караваны не раз переходили мексиканскую границу, провозя контрабанду. Наркотиками он тоже не брезговал.

Советники голливудских донов более походили на телохранителей, но, конечно, они не посмели бы явиться на подобное сборище вооруженными. Правда, ходил слух, будто телохранители Фальконе и Молинари владеют

приемами каратэ. Это обстоятельство могло только позабавить остальных глав Семей, не больше, в общем-то, чем если бы кто-нибудь из гостей явился на встречу, увешанный ладанками и охраняемый благословениями папы Римского. Хотя в большинстве своем все они отличались набожностью и религиозностью.

Следующими прибыли представители бостонской мафии. Бостонский дон, единственный из всех, не пользовался уважением соратников. Было известно, что он жесток со своими подданными и норовит вырвать у них изо рта последний, трудно заработанный кусок. Конечно, у всех бывают недостатки, и жадность относится к их числу, но раз это сказывается на порядке в империи, извинить порок невозможно. В районе Бостона частенько происходили немотивированные убийства, много находилось одиночек, действующих на свой страх и риск, слишком часто случалась грызня между своими. Все это вместе бросало вызов правопорядку. Если в Чикагской мафии орудовали головорезы, то в Бостоне просто хамы и всякое мелкое отребье. Да и сам бостонский дон Доменик Панца — невысокий, приземистый, быстроглазый, больше смахивал на ворюгу, чем на уважаемого главу Семьи.

Кливлендский клан представлял престарелый дон благообразной внешности, с тонкими, интеллигентными чертами лица под венчиком белоснежных волос. Под контролем кливлендской Семьи находилась, пожалуй, самая разветвленная система игорных домов, и действовала эта машина безукоризненно, как часы. Дона Винсента Форленцу за глаза называли евреем, потому что среди его помощников и приближенных евреев было куда больше, чем сицилийцев. Злые языки утверждали, что Форленца, если б осмелился, и советника выбрал бы из жидов, во всяком случае, если семейство Корлеоне из-за одного Тома Хейгена называли «ирландской бандой», то уж тут определение «еврейской кодлы» подходило к семейству Форленцы, как приклеенное. Но при всей утонченности своего облика и манер дон Винсенто управлялся со своим огромным хозяйством железной рукой в бархатной перчатке. Про таких как раз говорится, что стелет мягко, да спать жестко. Во всяком случае, никто никогда не видел, чтобы дон Винсенто упал в обморок при виде крови.

Последними подъехали представители Большой нью-йоркской пятерки, и Тому бросилось в глаза, насколько внушительнее и серьезнее смотрятся эти пятеро донов рядом со своими провинциальными коллегами. Могучие, плотные, ибо сохраняли верность старой сицилийской традиции, согласно которой дон даже внешне должен выглядеть величественным, быть «в

теле», они подавляли плотью: массивные львиные головы, крупные черты лица, словно вырезанные из камня, похожие на хищные орлиные клювы носы, щеки в тяжелых складках морщин. Этих не волновала изысканность одежды или красота прически. Достаточно было посмотреть на всех пятерых, чтобы любые мелкие заботы отошли на второй план.

Среди пятерых был Энтони Страчи, господствовавший в районе Нью-Джерси и на причалах Манхэттена. У него имелись связи с демократической партией, которая в настоящее время занимала большинство в Конгрессе. Целые караваны фургонов-грузовиков бороздили дороги Америки, не подвергаясь риску угодить под проверку дорожных инспекторов, потому что ими владел Энтони Страчи. Груженные до отказа, эти машины буквально вдавливались шинами в дорожное покрытие, нанося ему непоправимый урон. Впрочем, поправлять положение бралась дорожная фирма, тоже имеющая отношение к Энтони Страчи. Она брала подряд на ремонт искалеченной грузовиками дороги, а доллары текли все в тот же карман. Кому бы не понравилось исправлять одной рукой то, что другой разрушаешь, и драть с одной мышки две шкурки?

Страчи тоже относился к приверженцам добрых старых традиций и никогда не пачкал рук проституцией, например. Но поскольку все его перевозки так или иначе связаны с портами и доками, волей-неволей он вынужден был заняться наркотиками. Из всех пяти Семей, объединившихся против Корлеоне, его клан выделялся благополучием и наименьшей агрессивностью.

Над северными районами штата Нью-Йорк господствовал Оттилио Кунео, специализирующийся на перевозке итальянских эмигрантов из Канады в Америку. Кроме контрабанды, Семья понемножку баловалась игорным бизнесом в пределах севера. Без содействия дона Оттилио не открывался ни один ипподром, ни одна букмекерская контора. Сам Оттилио Кунео внешне походил скорее на безобидного пекаря или бакалейщика. У него и впрямь имелась молочная ферма, большая и процветающая. И молочная кампания, вполне легальная. Кунео постоянно таскал в карманах всевозможные сласти для ребятни, получая искреннее удовольствие от самого процесса угощения. Дети, включая его собственных внуков, доверчиво тянулись к добродушному ласковому дедуле. В этом не было ничего удивительного, многие взрослые отдали бы отрезать руку в уверенности, что Кунео никакого отношения к мафии не имеет. Ходил Кунео в мягкой широкополой шляпе, вроде панамки от солнца, и его круглая физиономия, выглядывающая из-под примятых книзу

полей, сама напоминала радушной улыбкой солнышко, правда, испещренное морщинами от времени. Один из немногих донов, он ни разу не попадал за решетку. У окружающих даже мыслей не возникало о роде его деятельности. Это доходило до такой степени, что он постоянно избирался во всевозможные комитеты компаний и общественных организаций, а однажды даже удостоился звания «Лучший бизнесмен года в штате Нью-Йорк», о чем и сообщалось в очередном бюллетене Министерства финансов.

Дон Эмилио Барзини ближе других примыкал к главному противнику Семьи Корлеоне — клану Таталья. За его спиной стояло многое: и игорные дома, и дома терпимости в Бруклине и в Куинсе. Отряд отборных головорезов функционировал в Статен-Айленде в качестве наемных убийц, способных по заказу клиента убрать любого. Дон Эмилио Барзини обладал широким кругом интересов: спортивный тотализатор Бронкса и Вестчестера, торговые связи с синдикатами Кливленда и Западного побережья, торговля наркотиками, доля в прибылях от эксплуатации живого товара на курортах Майами-Бич и Кубы. Он упрямо не желал отказываться от влияния на казино в Лас-Вегасе и Рено, хотя открытые города Невады всячески уклонялись от вмешательства в их территориальные дела. После Семьи Корлеоне Семья Барзини считалась самой крупной и влиятельной в Нью-Йорке, а значит, и во всей стране. Рука дона Эмилио достигала даже берегов Сицилии. Он не пропускал ни одного вида подпольной деятельности, из которого можно извлекать барыши. Поговаривали, что и на Уолл-стрите у Барзини свои люди. То, что с самого начала разногласий среди семейств Барзини оказался на стороне Татальи, оказывая поддержку людьми и деньгами, показывало его личную заинтересованность в результатах гангстерской войны. Для него свержение дона Корлеоне и ослабление его империи было заветной мечтой. Тогда на первое место, безусловно, выходила Семья Барзини. Они, кстати, внешне очень походили друг на друга, и в характерах имелось много общего: несомненная властная сила, умение подчинить других своему авторитету, широкий взгляд на вещи. Но деловая хватка Барзини, несомненно, имела другую основу. У Корлеоне на первом месте стоял престиж, уважение, оказываемое окружающими. Барзини не считал необходимым затруднять себя заботой о ближних, теплыми отношениями, сердечностью. Показателем уважения для него служил исключительно доллар. На этом фундаменте он и построил свою Семью. Он же стал основой того, что на сегодняшний момент в Большой пятерке Барзини явно лидировал.

Последним прибыл дон Филипп Таталья, глава рода, который своей

поддержкой «турка» Солоццо развязал междоусобную войну. Бросив открытый вызов Корлеоне, Таталья почти преуспели в достижении поставленной цели, но не смогли добиться, как ни странно, уважения от прочих семейств. Их откровенно презирали и за то, что Солоццо, по сути дела, позволил себе втянуть Семью Таталья в собственную авантюру, а ведь именно эта авантюра и шумиха вокруг нее ударила по карману всех, без исключения, дельцов преступного мира. Сколько начинаний остались незавершенными, сколько доходов было упущено, сколько лишних взяток пришлось переплатить чиновникам и полицейским, чтобы совсем не провалить имеющиеся предприятия!

К тому же в свои шестьдесят лет Филипп Таталья молодился и таскался по бабам. Потворствовать слабостям ему было легко — при том, что Семья Таталья зарабатывала на женщинах. Основой бизнеса у них всегда являлась проституция, точнее, сутенерство, только в широких и организованных размерах. Кроме того, Таталья прибрали к рукам практически все ночные увеселительные заведения Нью-Йорка, и поэтому легко могли помочь начинающим исполнителям и также легко прижать любого из удачливых певцов или комиков, оказывая влияние на фабрикантов грампластинок. Но во главе угла для Семьи Таталья все равно оставалась проституция.

Как личность Филипп Таталья тоже не вызывал особых симпатий у собратьев. Он причитал и жаловался на нескончаемые расходы, утверждал, что счета из прачечных за стирку полотенец и белья для сотрудниц съедают львиную долю доходов, хотя все знали, что Семья Таталья владеет целым комплексом прачечных комбинатов. Скулил, что девицы ленивы все, как одна, и норовят сбежать или того пуще, покончить жизнь самоубийством. Что сводники — пропойцы и жулики, понятия не имеют о верности — продадут от делать нечего. Толкового работника ни за какие пряники не сыщешь. А сицилийские парни воротят нос от такой работы, считают ниже своего достоинства сутенерство, тоже — чистюли, небось, перерезать горло ни секунды не засомневаются.

Таталья обычно охотно делился своими трудностями со всеми, кому не лень было его слушать, даже если не находил в своих собеседниках ни внимания, ни сочувствия. Наоборот, его разглагольствования вызывали только насмешки и брезгливость. Может быть, оттого-то даже победа над Семьей Корлеоне не принесла Таталье ни авторитета, ни популярности. Все знали, что свою силу Таталья черпал сначала в турке Солоццо, а потом — в опоре на головорезов Барзини, и значит, победу нельзя было считать почетной и заслуженной. Да и то, что Таталье не удалось воспользоваться

преимуществом первого удара, который мог бы стать единственным, будь они более ловкими и решительными, тоже не служило им на пользу. Ведь смерть дона Корлеоне развязала бы гордиев узел и война окончилась бы, еще не начавшись.

Но дон Корлеоне остался жив и сидел во главе стола. Обе Семьи — и Таталья, и Корлеоне — потеряли сыновей в междоусобной войне, поэтому при встрече они обменялись только вежливыми кивками, подтверждающими, что признали друг друга. Дон Вито Корлеоне притягивал к себе взгляды собравшихся уже потому, что все старались рассмотреть признаки недавней немощи, слабости, горечи от поражений в его спокойном и властном лице. Тот факт, что великий дон ищет мира после недавней гибели горячо любимого сына, вызывал недоумение и настораживал. Что это? Расписка в собственном бессилии?

Конечно, Семье Корлеоне не просто пришлось, и могущество ее, наверное, поослабло. Но нынешнее совещание тем и любопытно, что должно расставить все по своим местам.

Пока все обменивались приветствиями и перебрасывались дружескими репликами, пока выпили по первой рюмке, прошло почти полчаса. Наконец дон Вито Корлеоне уселся поудобнее за ореховым полированным столом, Том Хейген пристроился за его спиной, слева от дона — и все остальные восприняли это как сигнал к началу. Доны тоже разместились вокруг стола, а сопровождающие их телохранители и советники — рядом, чтобы быть в случае необходимости под рукой у хозяина.

Дон Вито Корлеоне заговорил. Заговорил так, будто ничего не изменилось с того времени, когда Семья Корлеоне заслуженно признавалась первой среди равных. Будто он сам не перенес тяжелого ранения, а старший сын не убит из-за угла, будто империю его не раздирают на куски, число подданных не уменьшилось, а остальных сыновей не разбросало по свету, одного — на запад, под защиту Молинари, другого — в сицилийскую глушь, под покровительство старых друзей.

Дон говорил сдержанно и ровно, на сицилийском диалекте.

— Спасибо всем, что приехали, — сказал он. — Я считаю приезд каждого как услугу, оказанную вами мне лично, и теперь я перед вами в вечном долгу, — он сердечно улыбнулся. — Скажу сразу, что я не хочу ни ссориться, ни выяснять отношений. Моя единственная задача — поговорить трезво и разумно, как подобает серьезным людям. Я со своей стороны готов сделать все возможное, чтобы мы разъехались отсюда друзьями. Поверьте моему слову, — это искреннее слово. И те, кто знает меня, знает и цену моим обещаниям. Так что давайте сразу перейдем к

делу. Мы люди честные и порядочные, и нам ни к чему выдавать друг другу векселя. Пусть этим занимаются юристы, — он замолчал.

Все кругом тоже молчали. Одни дымили сигарами, другие прихлебывали из бокала, но никто не торопился высказываться. Что-что, а слушать эти люди умели, и терпение их было неистощимо.

Кроме того, имелись у них и другие общие черты характера. Ведь каждый по-своему сумел отказаться от власти государства над собой, отказался признать законы организованного общества. Тем более не считали они нужным подчиниться власти над собой других людей. Не существовало на свете силы, способной подчинить их помимо их собственного желания. Все они сохранили свободную волю, выбрав путь насилий и убийств. Противостоять им могла только смерть. Или здравый смысл.

Дон Вито Корлеоне вздохнул.

— Как мы все могли допустить, чтобы дело зашло так далеко? — задал он риторический вопрос и не стал дожидаться ответа. — Ну, теперь уже все равно. Слишком много наделано безрассудства. Много бед бессмысленных и никому не нужных. Я хотел бы систематизировать ситуацию, какой она видится мне, если не возражаете? — он замолчал, давая возможность высказаться, но никто не произнес ни слова.

Тогда дон продолжил:

— Теперь, когда я опять, благодарение Господу, здоров и принял на себя руководство делами Семьи, может быть, смогу отыскать разумный выход из совершившегося. Наверное, мой сын был слишком горяч и действовал чересчур прямолинейно. Что скажешь против этого? Но началось все с того, как ко мне обратился с деловым предложением Солоццо, которому понадобились мои деньги и мое влияние, чтобы наладить свой бизнес. Он сразу оговорил, что его поддерживают Таталья. Речь шла о наркотиках, а наркотики меня не интересуют. Я человек спокойный, а такие дела, на мой вкус, излишне взбудоражили бы жизнь Семьи. Я так и объяснил Солоццо, причем проявил должное уважение и к нему, и к семейству Таталья. Я отказал ему с максимальной любезностью и заверил, что его бизнес никак не пересекается с моим, и что хотя такие дела меня не интересуют, я желаю ему всяческих успехов на избранном поприще. Я не знаю, почему Солоццо воспринял мой отказ как личное оскорбление и зачем он навлек столько горя на всех нас. Что поделаешь, каждый сам кузнец своей судьбы. Уверен, что любой из присутствующих здесь может поведать собственную грустную историю о невзгодах. Но мы собрались все-таки не для этого.

Дон Корлеоне остановился, показал глазами Тому Хейгену на бутылку с минеральной водой, и Том немедленно подал ему бокал. Дон сделал глоток.

— Я предлагаю мир, — сказал он. — Довольно крови. Таталья потеряли сына. Я тоже потерял своего первенца. Мы в расчете. Что даст нам в будущем бесконечная резня, поможет ли она уменьшить боль от постигшей нас утраты? Как выжил бы род людской, если бы кровная месть диктовала законы? Вендетта всегда была проклятьем нашей Сицилии. Если все мужчины заняты исключительно кровной местью, им некогда добывать хлеб для семьи. Это неразумно. И поэтому я призываю сейчас: оставим все, как есть. Я не предпринял никаких шагов, чтобы найти предателя и убийц своего сына. Если мы заключим мир, я и не стану делать этого. У меня есть другой сын, который не может вернуться домой. Если вы гарантируете мне его безопасность, я смогу уладить дело с властями. Это мое единственное условие, и уладив с ним, мы сможем прийти к любому соглашению по другим интересующим всех нас проблемам, — Вито Корлеоне выложил ладони на стол перед собой и закончил: — Я все сказал.

Речь прозвучала отлично. Все увидели, что перед ними прежний дон Корлеоне. Разумный. Рассудительный. Мягкий в выражениях, но умеющий убеждать. И каждый отметил про себя, что дон объявил о своем полном выздоровлении. Этого факта нельзя было недооценить. Значит, несмотря на все горести, свалившиеся на Семью Корлеоне за последнее время, дон считает себя в полной силе и отнюдь не собирается шутить.

Не пропустили и участники встречи и то условие, которое оговорил дон, дав понять, что иначе мирные переговоры не имеют смысла. И призыв оставить все, как было, тоже не ускользнул от внимания. Семья Корлеоне не собиралась идти на уступки или поступаться своим достоянием, как будто империя Корлеоне не пострадала больше всех от междоусобной войны, как будто оставалась все еще в расцвете былого могущества.

После паузы дону Корлеоне ответил — не Таталья, как следовало из логики встречи, а Барзини. Дон Эмилио был краток и говорил только по существу, не допуская бестактности или личных выпадов.

— Все сказано верно, но не все сказано, — начал он. — Дон Корлеоне поскромничал. Он не упомянул о том, что Таталья и Солоццо попросту не могли заниматься своим новым предприятием без поддержки Семьи Корлеоне. Именно в этом, а не в тоне отказа, усмотрели они оскорбление себе и ущерб своему делу. Возможно, дон Корлеоне действительно не хотел вставать поперек бизнеса, но факт остается фактом: только от дона Корлеоне судьи и политики приняли бы знаки внимания, даже если речь

зашла бы о наркотиках, Солоццо не мог начать действовать без надежды на снисхождение властей к его людям. Мы все отлично понимаем это. А сейчас, когда срок за торговлю наркотиками стал совсем уж несуразный, судьи и прокуроры буквально звереют, если им удается схватить наших ребят. Двадцать лет тюрьмы сломят даже сицилийца. До такого нельзя доводить. А машина правосудия — в руках дона Корлеоне. И если он не хочет помочь нам — значит, не ценит нашу дружбу. Он вынимает кусок хлеба изо рта у наших жен и детей. Сейчас не те времена, когда каждый мог сам по себе заниматься своим делом. Раз все органы правосудия в Нью-Йорке принадлежат дону Корлеоне, он должен поделиться с нами или хотя бы предоставить возможность пользоваться его услугами. За плату, разумеется, мы ведь не коммунисты, чтобы требовать уравниловки. Но дать нам напиться из колодца, из которого черпает ведрами, дон Корлеоне просто обязан. По-моему, это ясно.

После слов Барзини опять воцарилась тишина. Его слова не оставляли место недомолвкам. К старому возврата уже быть не могло. Фактически Барзини объявил, что если соглашение не будет достигнуто, он всецело на стороне Татальи. Все они во многом зависели друг от друга, от взаимной поддержки и взаимных услуг. Поэтому отказ помочь и вправду мог восприниматься как враждебный акт. Ведь никто не стал бы беспокоить без крайней нужды, а значит, рассчитывал на помощь, как на последнее возможное средство. И не так просто давалась этим гордым донам просьба об одолжении.

Дон Корлеоне опять заговорил:

— Друзья мои, не из гордости и не по злой воле не пошел я навстречу пожеланиям Солоццо. Вы хорошо знаете меня. Когда и кому отказал я в помощи? Не в моем характере это, но тут пришлось сказать «нет». Почему? Да потому, что я считаю наркобизнес предприятием гибельным. Наркотики опасны и для тех, кто их употребляет, и для тех, кто делает на них деньги. Недаром в стране так ополчились против них. Одно дело — азартные игры, даже публичные дома. Кроме денег, человек на этом ничего не теряет, а свои потребности может удовлетворить. Но наркотики — совсем другое. Это смертельный яд для человечества. И хоть мне и лестно, что вы уверены в моем могуществе, боюсь, что никакое мое влияние в данном случае не поможет. Те самые высокие чиновники и судьи, которые сегодня относятся ко мне с уважением, завтра в негодовании перестанут подавать мне руку, если я начну покровительствовать наркобизнесу. Они побоятся испачкаться в грязи, в которой оказывается всякий, кто прикасается к наркотикам. В обществе против наркотиков существует четкое

предубеждение, и я разделяю его. Даже полицейские, которые сейчас охотно закрывают глаза на тотализатор и лотерею, наверняка откажутся делать это в отношении наркотиков. Поэтому обращаться ко мне за подобной услугой — значит предлагать мне оказать дурную услугу самому себе. Тем не менее, если таково будет общее решение, я готов поступить в ущерб собственному делу — ради общего блага.

Когда дон Корлеоне кончил, по залу прокатился шепоток. Все обменивались впечатлениями, ведь Вито Корлеоне уступил в самом важном, с их точки зрения, пункте: обещал свою поддержку организованной торговле наркотиками. То есть, он согласился на то, что Солоццо предлагал с самого начала — при условии, если совет, собравшийся со всей страны, сочтет это необходимым. Предполагалось, что в самих операциях Семья Корлеоне участвовать не станет и деньги вкладывать тоже не будет, но обеспечит легальную защиту нелегальных действий. Со стороны дона был сделан широкий жест.

Вслух высказался дон из Лос-Анджелеса Фрэнк Фальконе:

— Что же делать, если наших людей все равно не удержать от наркобизнеса? Они начинают рисковать в одиночку и еще хуже залетают на этом. Слишком большой барыш сулит это дело, чтобы можно было устоять перед соблазном. Так что, если мы все дружно откажемся от него, выйдет только хуже. Мы-то хоть сумеем наладить систему и принять меры предосторожности. Если уж говорить всерьез, ничего такого страшного мы совершать не собираемся. Мы же не навязываем товар тому, кому он не нужен. А кому нужен, все равно отыщет, где взять. Поэтому, чтобы прекратить инициативу снизу, идущую от наших работников, нужно взять дело в свои руки, обеспечить его надежность. Нельзя работать без организации, мы же не анархисты.

Даже дон из Детройта, безусловный сторонник Вито Корлеоне, высказался в защиту наркобизнеса.

— Я не верю, что наркотики столь уж перспективны, — сказал он, — и вообще противник их распространения. Я даже специально доплачивал своим людям, чтобы они не лезли на операции с наркотиками. Но ничего не получается. Регулярно кто-нибудь рискует, потому что не может отказаться. Представьте себе, что вам предлагают вложить три-четыре тысячи в какой-то там порошок и заработать на его продаже тысяч пятьдесят. Кто способен не понять такую арифметику? А раз они включаются в собственный доходный промысел, работа, за которую плачу им я, отходит на второй план. Наркотики дают много больше, спрос на них все увеличивается, и это — как снежный ком, покатившийся с горы. Мы не

остановим начавшийся процесс, если не сможем поставить дело. Например, я не хочу, чтобы наркотики попадали в школы, чтобы к ним привыкали с детства. Это позор, и у себя я не допущу подобного безобразия. Думаю, что в основном мы займемся сбытом наркотиков в цветных районах. Там самые лучшие покупатели, с ними меньше проблем, да и заботиться о них нужно куда меньше, эти черные что с порошком, что без него все равно полуживотные. Достаточно посмотреть, как они живут. Так жить — самому себя не уважать. Словом, надо решать что-то. Больше пускать наркотики на самотек просто немыслимо. Если наши ребята и в будущем станут заниматься самодеятельностью, всем нам только хуже будет.

Слова Джозефа Залуччи попали на благодатную почву. Все одобрительно заговорили разом. Он высказал общую позицию. Раз наркобизнес все равно невозможно остановить, невозможно удержать людей от участия в сбыте. Конечно, никому наркотики не нравятся, штука скверная. Но еще хуже отдавать их в чужие руки. Что же касается детей, то нельзя, конечно, допускать, чтобы их приучали к подобной гадости. Да и откуда детям взять деньги, товар-то дорогой. Замечание же о неграх вообще прозвучало вхолостую. Стоит ли делать ставку на цветных, много ли с них толку? Негров никто особенно не принимал в расчет.

Все доны высказались один за другим. И все соглашались, что выхода нет, кроме как заняться наркотиками всерьез, поставить дело на широкую ногу. Иначе все равно найдутся люди, которые не упустят свой шанс. Такова уж человеческая порода. Была бы наживка, а рыбка сама приплывет.

Наконец достигли согласия: распространение наркотиков больше не считалось чем-то неприемлемым. Дон Корлеоне брал на себя функции прикрытия перед властями в восточных штатах, по мере возможности, конечно. Организацией этой новой деятельности в крупных масштабах предполагали заняться семейства Барзини и Таталья, само собой вытекало, что им дается и львиная доля прибыли, хотя не вся.

Покончив с принципиальным вопросом, совет перешел к другим, помельче, но достаточно актуальным. Определили, что Лас-Вегас и Майами остаются свободными городами, где никому не возбраняется орудовать, но вести себя в рамках допустимого, не прибегать к грабежам и насилиям. Тех же, кто не знает меры, просто изгонять из этих благодатных мест. Все сошлись во мнении, что за подобными курортными территориями с казино и веселыми домами — будущее подпольного бизнеса.

Решили также, что, когда возникнет необходимость убрать кого-то, что может вызвать излишнюю шумиху в прессе и вообще негативную общественную реакцию, следует обсудить это со всеми членами Большого совета. Желательно и предостерегать рядовых членов семейств от кровавых расправ, не допускать случаев личной мести.

Условились, что Семьи будут оказывать друг другу помощь, когда понадобится, как людьми, так и техническими средствами, если, например, нужны специалисты-снайперы или возникла необходимость подкупить присяжных в чужом штате.

Разговор грозил затянуться, но дон Барзини вовремя предложил поставить точку.

— Похоже, мы обо всем сумели столковаться, — сказал он. — Мир заключен, и посему позвольте мне выразить свое безмерное уважение дону Корлеоне. Честь и слава ему. Теперь, когда общий язык найден, по отдельным вопросам мы всегда сможем сговориться, не так ли? Лично я уверен, что успеха сможем достичь только на мирном пути. Я рад, что все кончилось благополучно.

Только Филипп Таталья не чувствовал себя полностью обнадеженным: убийство сына Корлеоне делало его позиции наиболее уязвимыми. Теперь он впервые заговорил:

— Меня тоже устраивает мир и все, о чем здесь решалось. Но мне хотелось бы услышать от дона Корлеоне лично, что он не намерен искать отмщения. Где гарантии этого? Не получится ли так, что, укрепив свои позиции, дон Корлеоне позабудет о наших дружеских клятвах. Можем ли мы сейчас быть уверены, что через три-четыре года ему не покажется обидным сегодняшний договор и он не попытается свести личные счеты? Ведь сейчас он соглашается против воли. Не придется ли нам теперь всегда опасаться, что у кого-то лежит камень за пазухой? Можем ли мы разойтись с миром, не остерегаясь друг друга? За себя я готов поручиться. А сделает ли это перед всеми дон Вито Корлеоне?

И тогда дон Корлеоне ответил словами, которые всем надолго запомнились, подтвердив свою славу дальновидного политика.

Он встал при этом, и хотя болезнь оставила свой отпечаток, хотя явно видно было, что он не молод и утомлен заботами, никто не усомнился в его силе и могуществе.

— Что мы будем за люди, — сказал он, — если не внемлем разуму? Чем мы тогда отличаемся от диких зверей? А если у нас есть разум, значит мы способны договориться друг с другом. Как можно предположить, что я могу заново развязать войну, которая всем нам обошлась так дорого? Мой сын мертв, это горе, которого не изменить, и мне суждено жить с этим горем до конца своих дней. Имею ли я право из-за этого причинять горе другим людям? Должны ли неповинные страдать вместе со мной? Нет, клянусь честью, я не стану искать возмездия, никогда не попытаюсь выяснить, кто виновен в несчастье. Я уйду отсюда с легкой душой и чистой совестью. Позвольте мне напомнить вам, что главное — интересы дела. Здесь собрались люди, которые не любят считать себя болванчиками в чужой игре, марионетками, которых дергают за ниточки те, кто сверху. Нам повезло в этой стране: мы нашли себе бизнес, а наши дети смогут жить лучше нас. У некоторых уже сейчас сыновья выучились на юристов, ученых, музыкантов. Может быть, наши внуки станут крупными политическими деятелями. Во всяком случае, никто из сидящих здесь не хотел бы, наверно, чтобы дети пошли по его стопам, слишком трудное и опасное у нас ремесло. Пусть живут спокойно, как все обычные люди, мы добыли для них эту возможность, вложив в дело всю свою душу и все свое мужество. У меня уже есть внуки, и я надеюсь, что их дети спокойно могут стать губернаторами или, может быть, даже президентами, ведь в Америке

нет ничего невозможного. Надо только идти в ногу со временем, а эпоха кровной резни и поножовщины должна остаться в далеком прошлом. Нам надо научиться пользоваться приемами обычных деловых людей всего мира — умом, гибкостью, точным расчетом, ведь бизнес сегодня гораздо выгоднее, чем война. Ну, а если даже власти опять захотят распоряжаться нашими жизнями, навязав стране кровавую бойню, мы-то с вами не станем слушать этих безумцев. У них на этот счет могут быть свои выгоды, а у нас — свои интересы, и лежат они в другой плоскости. Никто не в силах заставить нас, потому что свой мир мы создали для себя сами и сами установили в нем законы. Так что нам лучше держаться вместе, объединившись против всех, кто захочет вмешиваться в наши дела со стороны. Это наше дело, — сказал дон Корлеоне, — Sonna cosa nostra. А если каждый из нас останется сам по себе, они найдут способ вдеть кольцо нам в ноздри и повести своим путем, как водят бычков. С миллионами наших соотечественников, неаполитанцев и других итальянцев так и произошло. Но я не хотел бы такой судьбы себе и своим близким. Поэтому я добровольно предаю забвению месть за своего убитого сына — для пользы нашего общего дела. Я клянусь, что до тех пор, пока несу ответственность за дела своей Семьи, никто из моих людей не причинит вреда никому из здесь собравшихся, если, конечно, нас не вынудят к действиям новыми провокациями или еще чем-нибудь чрезвычайно серьезным.

Я готов пожертвовать своими коммерческими интересами, раз все хотят этого. Я сделаю это, мое слово тому порукой, а большинство из присутствующих здесь знают цену моему слову. Но у меня есть личный интерес, и прошу вас всех отнестись к нему с вниманием. Мой младший сын вынужден скрываться на родине, потому что над ним висит обвинение в убийстве полицейского капитана. Мне необходимо добиться, чтобы власти сняли это ложное обвинение — он вернется домой чистым перед лицом закона. Я это сделаю, это моя забота, как. Или придется самому найти истинного виновника, или убедить полицию, что свидетели и информаторы дали ей ложные сведения. Как бы то ни было и чего бы это ни стоило мне, я найду способ вернуть сына домой. Однако я человек суеверный, и, хотя суеверие кому-то может показаться смешным, признаюсь вам сегодня в этом. Что поделаешь? Поэтому если вдруг с моим сыном произойдет любой несчастный случай: полицейский или офицер его застрелит или сам он повесится в следственной камере, когда неожиданно объявятся новые свидетели, показывающие на него, скажу откровенно, мое суеверие подскажет мне, что во всех этих бедах следует искать злую волю

кого-то из здесь присутствующих. Более того, даже если в него ударит молния, я стану винить вас. Если самолет, на котором он полетит, упадет в море, и пароход утонет среди океана, если он подхватит смертельную лихорадку или на его автомобиль наедет поезд, то мне, при моем суеверии, невозможно будет отделаться от мыслей, что дело нечисто, что кто-то из членов нашего сообщества желает мне зла. А такого зла, уважаемые джентльмены, такого нового горя я никогда не прощу никому на свете. В остальном же — клянусь невинными душами моих дорогих внуков! — я буду верен мирному договору, который мы заключили здесь. В конце концов, если даже те ненормальные, которые втянули в войну полмира, нашли возможность договориться между собой, уж мы-то не уступим им.

С этими словами дон Корлеоне вышел из-за своего места и направился туда, где сидел дон Филипп Таталья. Тот поднялся ему навстречу, и они обнялись и расцеловали друг друга. Остальные дружно зааплодировали. Все находящиеся в зале повставали со своих кресел, стали пожимать руки дону Вито и дону Филиппу, поднимать тосты в их честь. Каждый понимал, что объявленная сейчас дружба не будет самой горячей и нежной, что едва ли дон Вито Корлеоне и дон Филипп Таталья с этого момента начнут посылать друг другу рождественские подарки. Но они хотя бы не станут подсылать друг другу убийц, чего вполне достаточно, чтобы отныне считать их друзьями. Только это и требовалось, объективно говоря.

Поскольку Фредди все еще находился на Западе, под защитой Семьи Молинари, дон Корлеоне немного задержался с доном из Сан-Франциско, когда общий совет закончился, чтобы выразить свою признательность за оказанную в трудный час услугу. Молинари в нескольких словах сообщил, что Фредо в полном порядке, вполне прижился в Сан-Франциско и, кажется, стал даже пользоваться симпатиями у тамошних красавиц. Возможно, у него призвание быть менеджером. Дон Корлеоне с сомнением покрутил головой, не предполагая подобного рода талантов за средним сыном. Впрочем, не зря же говорят в народе: не было бы счастья, да несчастье помогло. Оба собеседника поулыбались, вспомнив эту народную мудрость.

Вито Корлеоне постарался всячески подчеркнуть свою благодарность Молинари. Он обещал позаботиться о том, чтобы ребята из Сан-Франциско всегда первыми получали информацию о курсе ставок на скачках, независимо от любых изменений в структуре организации. Для дона Молинари такой подарок являлся чрезвычайно ценным, потому что приоритет тут всегда держали чикагцы, ревностно оберегая его. Только дон Корлеоне, чей авторитет имел вес даже в варварском городе Аля Капоне,

мог сделать столь щедрый жест.

Уже стемнело, когда, наконец, дон вместе с Томом Хейгеном в своем автомобиле, за рулем которого сегодня сидел Рокко Лампеоне, въехал на площадь между восьмью домами в Лонг-Бич.

По дороге в дом дон Корлеоне обронил мимоходом:

— Тот парнишка, что вез нас, Рокко Лампеоне, — похоже, годится для большего. Ты возьми его на заметку, пожалуйста.

Хейген удивился: за всю дорогу Лампеоне не сказал ни слова, даже не обернулся ни разу на сидящих сзади боссов. Он только распахнул дверцу перед доном, как и полагается приличному водителю, и вообще работал так, как надо работать профессиональному шоферу, но не более того. Что же ускользнуло от глаз Хейгена, но произвело впечатление на дона?

Они расстались у дверей с тем, чтобы Том зашел поработать после ужина, а пока передохнул немножко. Возможно, придется засидеться допоздна. Клеменца и Тессио тоже должны прибыть, часам к десяти, не раньше. Надо, чтобы Хейген подробно ознакомил доверенных с решениями совета и вообще проинформировал о состоянии дел.

К десяти они и сошлись все вместе в угловой комнате — кабинете дона, где стеллажи по-прежнему были уставлены юридическими справочниками, а в шкафу за дверцей прятался специальный — тайный — телефон. Дон уже ждал их за своим письменным столом, где на подносе стояли бутылки с виски, лед и содовая.

— Мы заключили мир, — сразу же сказал дон, едва все расселись вокруг стола. — Я поручился своим честным словом, и думаю, этого достаточно для всех вас. К сожалению, союзники знают меня гораздо меньше, поэтому надо держаться настороже. Никакие неожиданности нам сейчас не нужны. — Дон обернулся к Хейгену. — Бокиччио отпустили?

— Я велел это сделать Клеменце, как только мы вернулись домой, — сказал Том.

Корлеоне вопросительно посмотрел на своего могучего доверенного. Тот кивнул головой:

— Отпустил, разумеется. Интересно, как это может человек быть настолько тупым? Или эти Бокиччио только придуряются? Как считаешь, Крестный отец?

Вито Корлеоне улыбнулся:

— Чтобы загребать денежки, у них ума хватает. Чего же еще от них требовать? Не их вина, что мир настолько несовершенен. Хотя, конечно, голова у них варит не так, как у сицилийцев. Тут Господь что-то напутал.

Все четверо испытывали подъем и расслабленность одновременно, ведь

резня кончилась. Вито Корлеоне сам смешал напитки и подал каждому. Потом отхлебнул глоток из своего бокала, закурил сигару и сказал:

— Я действительно не хочу, чтобы вы искали тех, кто убил Санни. Забудем это раз и навсегда и похороним вместе с ним. Надо сейчас действовать в полном согласии с остальными Семьями, даже если их притязания будут излишними. Не хочу, чтобы из-за чьей-то жадности или глупости отношения порушились, во всяком случае, до тех пор, пока Майкл не вернется домой. Его возвращение должно стать главной вашей заботой. Мне нужна стопроцентная гарантия его безопасности. Причем Таталья и Барзини не кажутся мне более опасными, чем полиция. Настоящих показаний против него немного: официант да еще один свидетель, мы их знаем и они знают нас, так что едва ли они выступят в суде против Майкла. Страшнее всего, если полиция решится на фальшивку и сфабрикует показания на основе подложных улик. Ведь осведомители, разумеется, убедили полицейский департамент, что Майкл Корлеоне — истинный виновник. Что ж, в таком случае нам придется настоять, чтобы все пять Семей всеми доступными им средствами убедили полицию в обратном. Их стукачи, сотрудничающие с полицией, должны подложить новую версию. Я думаю, после нашего сегодняшнего совета они сами понимают, что содействовать нам — в их интересах. Но давайте думать дальше. Надо придумать вариант, при котором Майклу не надо будет опасаться суда и следствия по этому делу уже никогда. Иначе возвращение теряет всякий смысл. Тут есть над чем поразмыслить, но это — главная наша с вами забота.

— Главная, но не единственная, — продолжал дон, — каждый имеет право ошибаться, но свое право на ошибку я уже использовал. Больше не хочу. Потому необходимо скупить всю территорию вместе с жилыми домами в Лонг-Бич и вокруг. Чтобы даже за милю отсюда никто не мог заглянуть хоть одним глазком в мой сад. Надо обнести всю усадьбу оградой и установить круглосуточную охрану. Внутри зоны и на воротах. Говорят же: мой дом — моя крепость. Вот с этого дня я и намерен сделать свой дом крепостью. В городской конторе я больше работать не буду. Возможно, вообще понемножку отойду от дел. Лучше уж повожусь в собственном саду, если потянет работать. Недавно, например, я размечтался о том, что сам приготовлю вино, когда созреет виноград. Короче, жить буду у себя дома, а выезжать — только когда захочу отдохнуть и сменить обстановку. Или уж когда совсем некуда будет деваться. Но если деваться будет некуда, придется утроить бдительность. Поймите меня правильно. Я ничего излишнего не замышляю, сами знаете,

насколько благоразумно и осторожно я вел наши с вами дела. Ничего более противного для меня, чем расхристанность и безалаберность, не придумаешь. Может быть, это позволительно детям и женщинам, но не мужчинам. Давайте и впредь соблюдать разумную осторожность. Никакой видимости лихорадочной спешки, никакой гонки быть не должно. Все — шаг за шагом, без суеты, чтобы со стороны выглядело вполне естественно.

Учтите, что я полностью полагаюсь на вас троих. Сам я буду в стороне. Отряд Сантино расформируйте, а его ребят возьмете в свои команды. Пусть это станет еще одним подтверждением того, что я стремлюсь к миру. Ты, Том, подберешь группу ребят, которых можно заслать в Лас-Вегас. Их задача приготовить подробный отчет о тамошних делах. Кстати, не мешало бы узнать, как там Фредо. То, что мне рассказывают о нем, непохоже на моего сына. Вроде он там стал менеджером и только и щупает девок, что неприлично взрослому уважающему себя человеку. Раньше он, наоборот, на все смотрел чересчур серьезно, и я всегда сомневался, что он пригоден для наших дел. Но все-таки разобраться, как там обстоят дела в действительности, не мешает.

Том осторожно спросил:

— Может быть, послать туда вашего зятя? Ведь он уроженец Невады. Ему легко сориентироваться там.

— Нет, — ответил дон Корлеоне. — Жене и так тоскливо без детей. Пусть Констанция с мужем перебираются сюда. Карло необходимо пристроить куда-нибудь. Возможно, я слишком сурово обошелся с ним, — дон Корлеоне сделал нетерпеливый жест, прищелкнув пальцами: — Да мне и самому без детей пусто в доме. В общем, пристройте его по профсоюзной части, что ли, бумажки-то он писать сумеет и языком болтать горазд, а там это сгодится. Самая по нему работа, — в голосе дона прозвучал едва уловимый оттенок презрения.

Хейген подтвердил кивком, что понял задачу:

— Ясно. Клеменца и я все сделаем, людей в Лас-Вегас пошлем, А не позвать ли Фредди сюда на несколько дней?

Дон с неожиданной жестокостью сказал:

— А зачем? С хозяйством моя жена и без него управляется. Пусть остается на месте.

Все трое неловко переминались в своих креслах. Раньше Фредди не был у отца в такой немилости. Может быть, за этим кроется что-то, чего они не знают?

Вито Корлеоне сказал мечтательно:

— Как посажу огород, да как соберу урожай… Столько выращу

помидоров и перцев, что и на вашу долю хватит. Всех оделю, Господи, много ли мне надо для счастья? Мира и покоя и тишины, я ведь уже не молод. Ну, я все сказал. Наливайте-ка себе еще, на здоровье.

Все поняли, что разговор окончен, и поднялись. Хейген проводил капитанов к автомобилям и назначил встречу каждому, чтобы проработать детали. Потом вернулся в кабинет, зная, что дон ждет его.

Вито Корлеоне уже снял пиджак и галстук и прилег в кабинете на кушетке. Жесткие линии его лица расслабились, и видно было, как он устал за этот длинный и трудный день. Он махнул рукой, указывая Хейгену на кресло рядом, и спросил негромко:

— Ну как, Том, с точки зрения советника, одобряешь ли ты мои сегодняшние решения?

Том Хейген ответил не сразу.

— Да, — сказал он, — хотя все это не похоже на вас. Вы поклялись, что не будете выяснять обстоятельства убийства Санни и что не собираетесь мстить за него. Я не верю вашей клятве. Тому, что постараетесь сохранить мир, верю, а этому — нет. Не может быть, чтобы вы позволили врагу одержать над собой победу. Наверное, вы задумали что-то, о чем я пока не в силах догадаться. Поэтому мне трудно судить, одобряю я их или не одобряю.

Лицо дона выражало полное удовлетворение.

— Ну, Том, ты и впрямь изучил меня, как никто другой. Хоть по крови ты и не сицилиец, но я сделаю из тебя настоящего сицилийца. Они этого не понимают, дурачье. Ты прав, и ответ на твои недоумения есть, скоро сам его отыщешь. Ты ведь понимаешь, что мне дорого мое слово, а значит, я выполню в точности все, что пообещал. И все мои распоряжения следует принять к неуклонному исполнению.

Но самое главное — вернуть Майкла как можно скорее. Используй все связи, прощупай все возможности. Неважно, во сколько это нам обойдется, не жалей денег. Только получи самые надежные гарантии его безопасности. Подключи к делу лучших адвокатов, судей — я назову тебе их имена, пусть действуют в частном порядке. И соблюдай особую осторожность, хуже всего сейчас — предательство.

Хейген заметил;

— Настоящие свидетели мне, как и вам, не кажутся опасными. Вот лжесвидетелей не остановишь, потому что не вычислишь. А если полиции удастся арестовать Майкла, они из себя вылезут, но постараются прикончить его — либо руками уголовников в камере, либо под предлогом побега. Так что нельзя допустить, чтобы они его арестовали или

предъявили обвинение.

Дон Корлеоне вздохнул:

— Ясное дело. Но и медлить нельзя. На Сицилии тоже не безопасно. Молодежь там теперь не слишком прислушивается к мнению старших, а среди тех, кто вернулся из Америки, попадаются ребята, с которыми и мафии не справиться. Майк там вроде меж двух огней. Я, конечно, предпринял меры предосторожности, убежище у него есть, но оно не вечное, к сожалению. Это тоже одна из причин, которые вынудили меня сегодня мириться с Большой пятеркой. У Барзини нос длинный, он и до Сицилии достает, и там уже вышли на след Майкла. Теперь ты понимаешь, почему я так торопил события. Мне ничего другого не оставалось, если я хочу уберечь от них сына.

Хейген переспросил:

— Барзини? Вы считаете, что это он стоял все время за спиной у Солоццо и Тальи?

— Таталья — сутенер, — брезгливо сказал дон, — ему бы никогда не переиграть Сантино. Потому-то мне и не надо выяснять, кто убил моего мальчика. Я и так знаю, что к этому приложил руку Барзини.

Хейген с минуту молча размышлял. Дон приподнял занавес над истиной, но не все еще стало ясно. Хейген знал, о чем хотел бы спросить, но знал и другое: что не его дело — задавать вопросы. Он задал только один:

— Когда я буду вести переговоры с людьми Тальи, надо ли настаивать на подборе «чистых» кадров? Ведь если кто-нибудь попадется с наркотиками, имея в прошлом судимость, его уже никакими силами не вытащить.

Дон Корлеоне повел плечом:

— Да сами не маленькие, пусть соображают. Упомяни об этом, конечно, а настаивать ни к чему. Сами будут виноваты, мы и усилий в таком случае прилагать не станем. Объясним, что так не договаривались. Но Барзини сам все знает, ему подсказки не нужны. Он с этой историей вышел сухим из воды, отсиделся за спиной у Тальи.

Хейген внимал каждому слову. Когда он пожелал дону спокойной ночи и собрался уже уходить, Вито Корлеоне еще раз напомнил:

— Помни, что надо обязательно придумать, как вернуть Майкла домой. Думай об этом непрестанно, хорошо? И еще, позаботься, чтобы наш человек с телефонной станции постоянно держал на контроле телефонные звонки Клеменцы и Тессио. Я их ни в чем не подозреваю и готов поклясться на распятии, что они не предадут. Но сейчас ничего нельзя

упускать из виду.

Хейген кивнул и молча удалился. «Интересно, мои телефонные разговоры тоже прослушиваются?» — подумал он, но тут же устыдился собственных мыслей. В одном он теперь ничуть не сомневался: в том, что в черепной коробке Крестного отца, среди сложных и никому не доступных мыслей, затаившихся в его извилинах, созревает грандиозный замысел событий, в результате которых нынешнее отступление окажется ничего не значащим тактическим маневром.

Был еще один момент, о котором никто не обмолвился ни словом, Том Хейген не набрался решимости, чтобы спросить об этом, а сам дон полностью проигнорировал. И если свести все выводы воедино, то они безошибочно указывали на приближающийся день расплаты.

ГЛАВА 21

Но вышло так, что прошел целый год, прежде чем дону Корлеоне удалось вернуть Майкла в родительский дом на Лонг-Бич. Труднее всего был поиск подходящего способа прикрыть его от преследования полиции. Над этим ломала головы вся Семья, даже у Карло спросили его точку зрения. К этому времени Карло Рицци уже жил вместе с женой за оградой имения в Лонг-Бич, у Конни родился ребенок и намечался второй.

Но ни одно предложение не получило окончательного одобрения дона.

На помощь пришел случай, точнее, несчастный случай, происшедший с одним из клана Бокиччио двоюродных братьев. В отличие от своих многочисленных сородичей, этот молодой человек по имени Феликс, родившийся уже в Америке и наделенный значительно большим числом извилин, наотрез отказался заниматься уборкой мусора и ассенизаторством. Он женился на вполне приличной американской девушке, англичанке по происхождению, чем усугубил разрыв с Семьей. Поставив своей целью стать адвокатом, парень учился вечерами, а днем работал на почте. Так продолжалось до тех пор, пока он получил диплом. Все эти годы его англичанка-жена исхитрялась кормить семейство, выросшее уже за счет троих малышей, на очень скромную заработную плату почтового служащего.

Добившись таким образом поставленной цели, Феликс, как многие другие молодые люди, считал, что все трудности позади, а его мужество и трудолюбие теперь будут вознаграждены по достоинству. Но жизнь показала, что диплом еще не гарантирует благополучия. Пометавшись, парень все-таки проявил твердость и в родимое семейство на поклон не

пошел. Зато пошел на правонарушение. По сути нарушение его было совсем незначительным, так, услуга, которую его попросил оказать один из приятелей, тоже молодой юрист. Услуга внешне казалась вполне законной, но в действительности основывалась на различных юридических тонкостях, связанных с мнимым банкротством. Опасность сводилась к одному шансу против миллиона, и Феликс не устоял от соблазна. Тем более, что от него потребовались знания, которые он получил в университете и жаждал применить на практике. И перспективы впереди замаячили вполне реальные. С его точки зрения это и преступлением не стоило считать, одна игра ума.

А отвечать ему пришлось по всей строгости закона. Хуже того, приятель-юрист не только не подставил плечо, но даже перестал отвечать на тревожные звонки Феликса. Клиенты, толкнувшие его на противоправные деяния, теперь сами с пеной у рта винили Феликса в непрофессионализме. Они считали, что он плохой адвокат, раз не сумел выкрутиться. Сами же они пошли в суд с повинной, валя всю вину на него одного и даже показывая, что он склонил их к мошенничеству угрозами, а они, якобы, поддались, так как знали, что с людьми из Семьи Бокиччио лучше не спорить, зарежут и «мама» сказать не успеешь.

Упоминание семейства Бокиччио, где у всех дядек, братьев и кузенов числилось не по одной судимости, сыграло не последнюю роль, Оба дельца получили условное наказание, тогда как Феликс угодил за решетку на целых три года, оставив жену и детей без средств к существованию. Помощи им тоже ждать было неоткуда. Семья Бокиччио и не подумала вступиться за отщепенца, считая, что ему это послужит полезным уроком. Так устроена жизнь — только от родных можно ждать помощи и защиты, а значит, Семье надо больше доверять и больше уважать ее традиции и законы. Родная кровь — гарантия более надежная, чем социальная защита общества.

Так или иначе, но Феликс отсидел в тюрьме свой срок до звонка, после чего явился домой, расцеловал жену и ребятишек, в мире и согласии с окружающими прожил полный год, после чего доказал всем, что не зря в его жилах течет кровь клана Бокиччио. Нисколечко не прячась, он с оружием в руках отправился к своему бывшему приятелю-адвокату и застрелил его, а следом за этим — двух предателей-клиентов. Они как раз выходили из закусочной, когда он встал на их пути и аккуратно прострелил голову обоим. Потом, оставив трупы лежать на тротуаре, спокойно вошел в закусочную, заказал чашку кофе и выпил ее в ожидании полиции. Впрочем, полиция не заставила себя ждать долго.

Для суда дело было на редкость простым: член преступного сообщества, только что отбывший справедливое наказание, хладнокровно убивает трех человек, проходивших с ним по прошлому правонарушению.

Но на этот раз Семья Бокиччио не стала жалеть денег на адвокатов и ходатайства, потому что теперь Феликс проявил себя достойным всяческого уважения. Они даже гордились его поступком. Но усилия не достигли цели: и судьи, и пресса, и общественное мнение были едины в своем желании увидеть Феликса Бокиччио на электрическом стуле. Так что оставались лишь пустые формальности до приведения приговора в исполнение.

Хейген обратил внимание дона на этот горестный случай. Один из Бокиччио попросил вмешательства Корлеоне, попросив, если возможно, облегчить участь родственника. Дон Корлеоне вежливо отказал — он же не волшебник, нельзя рассчитывать на невозможное. Но ситуация привлекла его внимание, и уже на следующий день он велел Хейгену изучить подробнее все связанные с этим делом обстоятельства. Когда Хейген разобрался, что к чему, дон Вито Корлеоне пригласил главу Семьи Бокиччио к себе для разговора.

Все гениальное просто, так вышло и на этот раз. Дон Корлеоне предложил Семье Бокиччио пожизненно обеспечить жену и детей Феликса, причем деньги передать главе клана немедленно, чтобы осужденный, которому все равно уже нечего было терять, взял на себя убийство Солоццо и Макклоски.

Важно было только проработать детали, чтобы власти не могли усомниться в признании Феликса Бокиччио. Кроме прочего, ему предстояло изобличить капитана полиции в преступной связи с наркобизнесом. Официанта из ресторанчика, где произошло убийство, убедили опознать Феликса, хотя роста он меньшего, чем Майкл, и фигурой покоренастей. Но тут особых проблем не было. Официант, который узнал, что преступник окончил колледж, дал понять, что хотел бы и он иметь возможность выучить своих детей. Поэтому дон Корлеоне только позаботился о том, чтобы главному свидетелю хватило средств на высшее образование для его отпрысков.

С Семьей Бокиччио тоже пришлось потолковать, прежде чем они пришли к осознанию безысходности положения Феликса, ибо надежды на снисхождение так и так не имелось. Новое признание фактически ничего не меняло в его трагической участи.

Все устроилось в точном соответствии с задуманным. Адвокаты организовали необходимые встречи с заключенным, он получил

подробнейшие инструкции и сделал признание правосудию. Сенсацию дружно подхватили все газеты.

Но осторожный дон Корлеоне выждал еще четыре месяца, пока Феликса Бокиччио и в самом деле не усадили на электрический стул. Теперь Майкл мог спокойно возвращаться домой, и дон с радостью распорядился об этом.

ГЛАВА 22

Год миновал после гибели Санни Корлеоне, но Люси Манчини продолжала отчаянно тосковать по нему — сильнее, чем любая героиня душещипательного романа. Он не приходил к ней в ночных мечтах, как к глупой школьнице. Она не имела права вслух предаваться горю, как преданная и верная жена, потерявшая спутника жизни. У нее не осталось ни сентиментальных воспоминаний, ни трогательных подарков, какими обмениваются влюбленные, ни улыбающейся фотографии, напоминающей о веселом блеске глаз, когда губы произносят ласковые слова.

Ничего. Только глухая ноющая тоска по единственному в мире мужчине, подарившему ей подлинное наслаждение, когда их тела сливались в любовной страсти. Второго такого просто не может быть, Люси по своей молодости и неопытности не сомневалась в этом.

Но прошел год. Люси нежилась на теплом песке в ласковых лучах солнца Невады. А рядом лежал стройный высокий блондин и поддразнивал ее, проводя пальцами по босой ступне и пальчикам ног. Воскресенье уже перевалило за полдень, пляж заполняли толпы отдыхающих, что совсем не мешало молодому человеку приставать к ней.

— О Господи, Юлиус, прекратите, — сказала Люси. — Вот уж не думала, что доктора такие же мужики, как прочие.

Юлиус рассмеялся:

— Я ведь доктор в Лас-Вегасе.

Он погладил пальцем нежную кожу на внутренней стороне бедра и был поражен той бурной реакцией, какую вызвала эта невинная ласка: лицо Люси пошло пятнами, она резко отодвинулась от него. Юлиус явно видел, что ее что-то мучает. Вроде нормальная девица, все при ней. Почему же ему никак не удается пробудить в ней ответное чувство?

Его это просто заинтриговало. Ну ладно, болтовня о разбитом сердце и прочей ерунде не дорого стоит, нельзя же принимать ее всерьез. Под его рукой трепетала живая горячая плоть — и не шла навстречу его желаниям. Доктор Юлиус Сегал решил сегодня же вечером попробовать еще раз. Может, удастся обойтись безо всяких фокусов с ухаживаниями и обещаниями. Но если это необходимо, черт с ним, он сумеет побыть вечер любезником. В конце концов, он же человек ученый. А девчонка-то просто тает на глазах.

— Юлиус, перестаньте. Ну пожалуйста, я прошу вас! — взмолилась она. Голос ее подрагивал.

— Ладно, ладно, малышка, уже перестал, — ответил он и, пристроив голову поудобнее на мягком бедре Люси, закрыл глаза. Сквозь дремоту он ясно ощущал тепло ее тела, ток крови, пульсирующей под нежной кожей. Она положила руку ему на затылок и стала перебирать пальцами пряди светлых волос. Неожиданно, так, что она испугалась, Юлиус поймал ее руку за запястье. Пульс под его профессиональными пальцами колотился бешено. Что-то не так с этой малышкой. Только что? Ну, ничего, сегодня вечером он займется ею всерьез. Решив это для себя, доктор Сегал и вправду задремал на теплом песке.

Люси молча сидела рядом, наблюдая за отдыхающей на курорте публикой. Она сама не понимала, почему так изменилась за последние два года. Ни разу не пожалела она о том сумасбродстве, на которое согласилась в день свадьбы Конни Корлеоне. Ведь блаженство, которое подарил ей тогда Санни, не могло сравниться ни с одним другим впечатлением в ее недолгой жизни. Сколько раз с тех пор она пыталась мысленно восстановить упоение тех минут.

И сколько раз они повторялись, пока Санни был жив и любил ее!

Он посещал ее часто, как правило, раз в неделю, иногда два-три раза. И все время, пока она ждала его, ее тело помнило ласки Санни. Их тяга друг к другу была самой что ни на есть земной, без флера поэзии или интеллектуальных духовных изощрений. Нормальная плотская любовь, грубоватая, но жизнеутверждающая.

Когда Санни звонил ей, сообщая о своем приходе, она первым делом проверяла, довольно ли в доме еды и питья. Обычно они ужинали и завтракали вместе, он оставался у нее на всю ночь. У него имелся ключ от входной двери, и услышав, как он поворачивается в замке, она выбегала навстречу и немедленно бросалась в его пламенные объятия. Еще целуясь в прихожей, они так яростно прижимались друг к другу, что одежды слетали с тел, как листья. Он подхватывал ее на руки, она обвивалась вокруг, как лоза. Порой они не могли удержать чувств и сливались прямо в прихожей ее квартиры, не успевая добраться до спальни. Потом он все-таки уносил ее в постель, и там они опять любили друг друга.

Они проводили вместе по шестнадцать часов кряду, порой без нитки одежды на теле, нагие и прекрасные, как Адам и Ева в райском саду. Она готовила ему гигантские порции пищи. Иногда телефонный разговор прерывал ненадолго их ласки, но о чем он разговаривал, Люси не слушала. Ее не интересовали ни его дела, ни его душа, только тело, которое она могла без конца осыпать благодарными поцелуями. Когда он вставал с постели, чтобы помыться и поесть, или принести выпивку, она тянулась

следом за ним, как подсолнух за солнцем, торопясь дотронуться, пока он не отошел слишком далеко. Санни весь был словно создан ей на радость, специально сотворен для нее Создателем. Экстаз, который он дарил ей, был не сравним ни с чем на свете.

Сначала она стеснялась своих порывов, но потом заметила, что ее страстность не тяготит Санни, а напротив, радует его, даже льстит его мужскому самолюбию. Она полностью покорялась его желаниям, зная, что ничего плохого он не может причинить ей. В их связи таилась животная первобытность, но такая же невинность и чистота. Будто и впрямь они оба были созданы друг для друга на шестой день творения.

Только когда Люси узнала о покушении на дона Корлеоне, она вдруг осознала, что и ее возлюбленному, значит, угрожает опасность. Сидя одна в своей квартире, она не плакала, а выла от ужаса, как раненая волчица. Три недели, в течение которых Санни вынужден был затаиться в Лонг-Бич, Люси провела исключительно на таблетках и на спиртном, глуша муки дурных предчувствий. Боль и тоска ощущалась ею почти физически, ее тело ломало и сворачивало. Но он появился вновь, она смогла дотронуться до него, прижаться, почувствовать каждой мышцей, каждой клеточкой. Могла держаться за него, не отпуская ни на минуту, пока не настал миг расставания. С тех пор он опять регулярно приходил к ней каждую неделю. Ночь накануне убийства стала последней ночью их счастья.

Люси узнала о его смерти из газет, и в тот же вечер наглоталась снотворного в немыслимых дозах. Но таблетки почему-то не убили ее, а одурманили. Сознание отключилось, зато включился инстинкт сохранения жизни. Отравленная, ничего не видя вокруг, она выбралась из квартиры и свалилась прямо в подъезде лифта. Там, на лестничной площадке, ее и обнаружили и отправили в больницу. Занятые гибелью Санни, газеты уделили ее попытке самоубийства лишь несколько строк — их связь оставалась секретом для окружающих.

В больнице Люси навестил сам Том Хейген. Он постарался утешить ее, пообещал работу в Лас-Вегасе под началом Фредди, брата Санни. Он же позаботился о ее переезде, когда она смогла встать на ноги. Том спросил, не беременна ли она и не было ли какой-нибудь особой причины травиться таблетками. Она отрицательно покачала головой. А не собирался ли Санни приехать к ней в ту роковую ночь? Не звонил ли заранее?

— Нет, — ответила Люси. — Санни не звонил и не приезжал. — Она не удержалась и сказала Хейгену ту правду, которая камнем давила ей грудь: — Он — единственный на свете мужчина, которого я любила и буду любить когда-нибудь.

По лицу Тома скользнула легкая улыбка.

— А что тут особенного? — взвилась Люси. — Разве ты можешь сомневаться в том, что Санни достоин любви? Ты, которого он подобрал на помойке, сделал своим братом?

— Тогда он был совсем другим, — задумчиво сказал Том. — Он очень вырос с тех пор и стал совсем другим человеком. Скорее жестким, чем добрым и внушающим любовь.

— Только не со мной, — отвергла Люси Манчини. — Может, с кем другим он и был жестким, я не знаю. Со мной он был лучше всех.

У нее не хватило сил объяснить Тому, как нежно относился к ней Санни. Он никогда не сердился, не раздражался, не повышал голоса в ее присутствии.

Том Хейген снял для Люси квартиру в Лас-Вегасе и помог во всех вопросах. Он сам проводил ее в аэропорт и по дороге заставил пообещать, что она будет звонить ему, если почувствует себя одинокой или если что-то пойдет не так. Достаточно телефонного звонка, чтобы он немедленно сделал для нее все, что возможно.

Уже стоя у трапа в самолет, Люси не удержалась и спросила:

— Отец Санни знает, что ты опекаешь меня?

Хейген улыбнулся:

— Я действую по собственной инициативе, но наши желания совпадают. Дон слишком ярый приверженец старых взглядов, чтобы мог позволить себе проявить участие в чем-то, нарушающем законные интересы вдовы его сына. Но он знает, как ты молода и как относился к тебе Санни, и считает, что сын понимал, что делал. А когда ты наглоталась таблеток, это потрясло всех.

Он не стал объяснять Люси, что для дона Корлеоне сама идея самоубийства, совершенного из-за любви, кажется противоестественной.

Теперь, больше года спустя, здесь, в Лас-Вегасе, Люси, наконец, почувствовала, что время залечивает ее рану. Ей хороню и спокойно жилось. С удивлением она подумала однажды, что почти счастлива. Случалось, ей ночами снился Санни и она ощущала его ласку совсем как наяву и, просыпаясь перед рассветом, старалась продлить это ощущение сама, пока с облегчением не засыпала вновь. После Санни она не подпускала больше мужчин к себе близко, но жизнь на курорте действовала успокаивающе: купалась в прохладной воде бассейна, лежала на солнечном пляже, каталась на лодке по озеру Мид или просто выезжала на автомобиле и колесила одна по пустынным окрестностям.

Она исхудала, стала стройнее, правда, утратила облик цветущей

итальянской девушки. Теперь Люси куда больше походила на типичную американку, каких немало работало в здешних отелях.

По работе ей никак не приходилось соприкасаться с Фредо Корлеоне, но иногда, встретившись случайно, он останавливался поболтать с нею. Ее удивило, что он тоже резко переменился после покушения на дона. В Лас-Вегасе Фредо обрел себя: стал дамским угодником, прекрасно одевался и вообще полностью подходил для роли распорядителя казино и богатого курорта.

Лето в Лас-Вегасе выдалось жарким и длинным. Фредо тоже загорел и похудел, а костюм, сшитый умелым голливудским портным, придавал ему вид изысканный, но несколько манекенный.

Том Хейген навестил здесь Люди примерно через полгода после того, как она обосновалась в Лас-Вегасе. Каждый месяц она получала чек на шестьсот долларов сверх положенного жалования, Хейген объяснил ей, что получение этих денег надо соответствующим образом оформить — для отчета перед налоговой инспекцией. Надо, чтобы она подписала доверенность на его имя. Ей было все равно, что подписывать. Том сказал еще, что на ее имя они купили часть акций местного отеля. Это связано с некоторыми формальностями, но все будет сделано так, чтобы как можно меньше затруднять Люси. Однако обсуждать подобные дела с посторонними не стоит, ни к чему вовсе. Если возникнут вопросы у официальных лиц, у тех же налоговых инспекторов, например, пусть она адресует всех к своему адвокату, то есть к Тому, и ее оставят в покое. Люси была согласна на все.

Она прекрасно осознавала, впрочем, что Корлеоне используют ее как подставную фигуру, но какое это имело значение? Ей совсем не составляло труда идти навстречу их пожеланиям. Услуга невелика. Однако, когда Хейген дружески попросил ее присматриваться к тому, что происходит в отеле, а особенно держать в поле зрения Фредди и здешнего босса, Люси удивленно воскликнула:

— Помилуй, Том, что это значит? Я должна шпионить за Фредо? Не станешь же ты требовать от меня подобного?

Хейген улыбнулся открыто:

— Что ты, Люси! Какой тут шпионаж? Отец все время не спокоен из-за Фредо. Он свел здесь компанию с Моу Грином, а это не та фигура, на которую можно положиться. Не хотелось бы допустить, чтобы с Фредо стряслась беда.

Он не стал объяснять ей, что дон финансировал развитие местного курорта не только для того, чтобы дать надежное прибежище среднему

сыну. У Вито Корлеоне имелись свои, далеко идущие намерения в отношении курортной зоны Лас-Вегаса. Он искал новые пространства для расширения семейной империи.

Новый врач Юлиус Сегал появился в отеле вскоре после отъезда Тома Хейгена. Высокий и худощавый, он подкупал обаянием, но для врача казался чересчур молодым, даже с точки зрения Люси Манчини.

Они познакомились, потому что у Люси появилась странная опухоль на руке чуть повыше запястья. Несколько дней она переживала по этому поводу, а потом решилась показаться врачу. Медицинский кабинет размещался в одном из крыльев здания отеля.

В приемной сидели две красотки из кордебалета, оживленно болтавшие о своих интимных делах, легкомысленные блондиночки, симпатичные, как куколки. Люси всегда относилась с тихой завистью к такому типу женской красоты.

Когда доктор Юлиус Сегал приоткрыл дверь, приглашая войти одну из куколок, Люси впервые увидела его и сразу засомневалась, стоит ли оставаться здесь дольше. Доктор не внушал доверия, слишком он выглядел несерьезным в мягких светлых брюках и спортивной рубашке с открытым воротом. Вероятно, если бы она пришла за консультацией по какому-то более серьезному или личному вопросу, то тут же и ушла бы. Воспитанная в старых правилах, Люси в глубине души всегда оставалась несколько консервативной, считая, что медицина предполагает основательность и солидность.

В новом докторе только и было солидного, что очки в толстой роговой оправе. Но и то, как спокойно он держался с пациентами, тоже несколько сглаживало первое впечатление. Поэтому, когда она, наконец, попала в его кабинет, недоверие почти сразу улетучилось. В его манере вести себя было нечто располагающее, говорил он мало, и хотя не спешил, чувствовалось, что зря тратить время не в его привычках.

Осмотрев опухоль, доктор сообщил, что это обычный жировик, который ничего общего со злокачественной опухолью не имеет и вообще не стоит того, чтобы из-за него беспокоиться. Потом взял со стола тяжелую медицинскую энциклопедию и сказал: «Протяните-ка руку вперед!»

Она повиновалась не без внутреннего колебания. Тогда он впервые улыбнулся ей:

— Я намерен сам себя лишить гонорара за хирургическое вмешательство. То есть я готов прооперировать вас, но, во-первых, это будет стоить денег, а во-вторых, вам придется ходить довольно долго с забинтованной рукой. Лучше я ударю сейчас по вашему жировику вот этой

книгой. Надеюсь, опухоль напугается удара и пройдет сама собой. Не возражаете?

Она тоже улыбнулась в ответ. Непонятно почему, но она прониклась доверием к этому молодому и несолидному врачу.

— Валяйте, — кивнула она и немедленно вскрикнула от боли, потому что он очень сильно стукнул ее книгой по руке. Действительно, опухоль пропала прямо на глазах.

— Неужели очень больно было? — спросил он ее, усаживаясь за стол, чтобы сделать запись в истории болезни.

— Да не очень, — призналась она, глядя, как он пишет, не поднимая глаз. — И это все? Я могу идти?

Он кивнул, по-прежнему не глядя на нее. Ей ничего другого не оставалось, как поблагодарить и уйти вон.

Через неделю они случайно столкнулись в служебном баре у стойки — он сидел рядом.

— Ну, как рука? — спросил он.

Люси радостно улыбнулась ему:

— Прекрасно. Вы применяете недозволенные приемы, но результат исключительный. Наверное, вы талантливый врач.

Он засмеялся:

— Вы даже не представляете себе, как часто я пользуюсь этими самыми приемами, которые недозволенные. Правда, я не думал, что вы богаты, иначе все-таки содрал бы гонорар. Только что прочитал в газете «Сан», что вы, оказывается, обладательница целого пакета акций в нашем отеле, причем из числа самых крупных. Надо было постараться извлечь состояние из вашего жировика.

Люси замяла эту тему, вспомнив предупреждение Тома Хейгена, что желательно помалкивать. Доктор понимающе хмыкнул:

— Да не волнуйтесь, я и так знаю, что почем. Вас просто используют как подставное лицо. Лас-Вегас буквально кишит подставными лицами. Но ваше мне симпатично. Не хотите ли сходить со мною вечером в казино? Посмотрим представление, я угощу вас и даже куплю фишек, если вы любите рулетку. Годится?

Она задумалась: его тон был очень настойчивым, С минуту поколебавшись, Люси решила:

— Так и быть, угощайте вином и ужином. А фишки я куплю сама. Но боюсь, я не оправдаю ваших надежд. Со мной все сложно.

— Поэтому я вас и приглашаю, — ответил довольный доктор. — Я заранее прописал себе сегодня легкий ужин и спокойный сон.

— Неужели это написано на мне? — невесело усмехнулась Люси.

Они замечательно провели вечер. Юлиус оказался остроумным собеседником и очень развлек ее за ужином, характеризуя с точки зрения анатомии различные типы женских бюстов и бедер, которые демонстрировали перед ними полуобнаженные красотки в варьете. После ужина они действительно сыграли в рулетку на одном из столов и даже умудрились выиграть сто долларов. Потом они прокатились на машине до озера, полюбовались луной и Юлиус попытался овладеть ею в машине. Она решительно отказалась и, убедившись, что это не притворство, Юлиус спокойно отнесся к поражению. Он умел относиться ко всему с мягким юмором.

— Я ведь предупреждала, — сказала Люси укоряюще и в то же время виновато.

— Но я не мог не сделать попытки, чтобы не обидеть вас, — галантно ответил он.

И она искренне рассмеялась, потому что так оно и было.

Еще несколько месяцев они шли на сближение, чисто дружеское, безо всяких романов. На интимные отношения Люси не соглашалась. Она понимала, что удивляет доктора своей неуступчивостью, но он не злился и не оскорблялся, как поступил бы любой другой мужчина на его месте. Ее привязанность становилась крепче день ото дня. Постепенно она ближе узнала его характер, в котором за внешним приличием и сдержанностью человека в белом халате таилась склонность к авантюрам и даже некоторая бесшабашность. Он рассказал ей, как участвовал в автомобильных гонках. Или забирался во время отпуска в самые глухие мексиканские дебри, по-настоящему дикие, где жизнь человека стоила меньше, чем пара новых ботинок, а люди оставались в том же первобытном состоянии, что и тысячу лет назад.

Совершенно случайно ей стало известно, что по специальности Юлиус — хирург и раньше практиковал в одной из известнейших нью-йоркских клиник. Люси очень удивилась: как же он мог согласиться на бездельное место курортного врача, имея такую высокую квалификацию. Она решилась заговорить с ним об этом, но он отшутился:

— Я открою тебе свою мрачную тайну лишь тогда, когда узнаю твою.

В ответ на эту шутку Люси вспыхнула всерьез и сменила тему разговора. Юлиус тоже не настаивал на продолжении. Их дружба крепла, и только после Люси поняла, как уже тогда дорожила ею, — куда сильнее, чем казалось.

Теперь, на теплом пляжном песке, перебирая пальцами светлые пряди

Юлиуса, голова которого покоилась на ее бедре, Люси почувствовала прилив нежности, какого давно не испытывала. Осторожно, чтобы не разбудить, она стала касаться пальцами его крепкой шеи. Он делал вид, что спит и не чувствует ее прикосновений, но потом внезапно оторвал голову от ее бедра, резко поднялся и, ни слова не говоря, подал ей руку, чтобы помочь встать с песка. Она послушно встала.

Все так же молча он повел ее за собой через газон по асфальтовой дорожке. Так они пришли в коттедж, где он поселился, и уже в квартире Юлиус внимательно посмотрел на нее и объявил, что им обоим необходимо выпить. После солнечной неги и ее собственных томительных мечтаний виски показалось Люси чрезмерно крепким. У нее закружилась голова. Юлиус поддержал ее, и их загорелые тела, едва прикрытые купальными костюмами, тесно сплелись. Люси неуверенно пробормотала:

— Не недо…

Но не слыша убежденности в ее голосе, Юлиус пропустил мимо ушей. Осыпая ее жаркое тело поцелуями, он ловко избавил ее от последних тряпочек и мгновенье спустя они оба уже лежали, обнявшись, в его постели, полностью предоставленные друг другу. После долгого перерыва уже одних прикосновений оказалось достаточно, чтобы Люси испытала удовлетворение. Но чудо, которое дарил ей Санни, не могло повториться. Юлиус, будучи опытным любовником, попробовал еще раз, крепко прижимая к себе и целуя в губы. Повидимому, он и сам ожидал чего-то от их близости.

Когда, наконец, он оставил ее, она тихо отодвинулась в дальний угол постели и заплакала от стыда и обиды. Но слезы высохли, когда добрый и насмешливый голос Юлиуса произнес:

— Ах ты маленькая глупая итальянская девочка. Вот почему ты ускользала от меня так бесконечно долго! Кабы я знал, — он говорил это так тепло и ласково, что Люси невольно повернулась к нему. Он снова обнял ее. — Дурочка ты у меня непросвещенная, — приговаривал он очень ласково, — ну прямо будто из средневековья, честное слово, — и под ласковыми его руками Люси опять заплакала, но теперь уже с облегчением.

Юлиус достал сигарету, раскурил ее и воткнул ей в губы так, что она, затянувшись, перестала лить слезы.

— А теперь послушай меня внимательно, — сказал он. — Все это издержки воспитания. Если бы твои знания соответствовали культурному уровню двадцатого века, проблемы просто не существовало бы. Попробуй разобраться сейчас, в чем она заключается. Это не имеет ничего общего с физическим уродством, которое медицина не в силах исправить. Ты

считаешь, что устроена ненормально, из-за чего ни один мужчина не может удовлетворить тебя, а ты его. Но ты ошибаешься. Природа одарила тебя, как женщину более щедро, чем других, и то, от чего ты страдаешь, хорошо известно в медицине. Чаще всего такие явления наблюдаются после родов, но могут быть и врожденными, от неправильного развития матки. Твоя беда не более серьезна, чем родинка на подбородке или бородавка на руке. Или оттопыренное ухо. Понимаешь? Достаточно очень несложной операции, чтобы справиться с нею, хотя многие всю жизнь мучаются из-за этого и даже кончают самоубийством. А виной всему — темнота и невежество. Вот и ты воспринимаешь все не с позиции медицины, а с позиции секса, что в корне неверно. Честно говоря, мне и в голову не приходило, что ты, при твоем великолепном телосложении, можешь комплексовать по подобной причине. Я считал, что у тебя какая-то чисто психологическая травма, поскольку знал от тебя о Санни и вообще всю историю твоей трагической любви. Ну ладно, дело гораздо проще, чем я думал. А теперь быстренько прими душ и позволь мне осмотреть тебя как следует. Тогда я окончательно поставлю диагноз.

Люси сходила в ванную, и Юлиус, несмотря на ее отчаянные протесты, осмотрел ее тщательнейшим образом. У него на квартире имелся полный набор инструментов. Приступив к работе, он сейчас же перестал воспринимать Люси как любовницу, задумчиво хмурил брови, рассматривал ее, будто муху под микроскопом. Люси почувствовала себя униженной, но он, завершив осмотр, звонко чмокнул ее и сказал рассеянно:

— Впервые в жизни сегодня я работаю ради собственного удовольствия.

Потом бережно прижал ее к себе, еще раз поцеловал и завершил:

— Все будет великолепно, хорошая моя. Тем более, что в результате я сам удостоверюсь лично. Это станет событием в гинекологии, и я, пожалуй, сочиню даже статью в научный журнал.

Его неизменная нежность и добрая усмешка в конце концов сокрушили застенчивость и страх Люси, которые терзали ее поначалу. Чтобы успокоить ее, Юлиус даже стащил с полки стоявшую на самом верху толстую медицинскую книгу и стал показывать ей описания аналогичных случаев в медицинской практике, подчеркивая, что хирургическое вмешательство дает полное излечение. Люси с интересом рассматривала иллюстрации и слушала его рассказы.

— А прежде всего — общее здоровье организма, — деловито объяснял он ей. — Несвоевременно принятые меры могут привести к нарушению ряда других функций. Стыд и срам, когда врачи из-за старомодной

щепетильности уклоняются от лечения подобных вещей, оставляя бедных женщин наедине со своими невзгодами и неприятностями.

— Ох, довольно, Юлиус, — взмолилась наконец Люси. — Хватит об этом. Давай сменим пластинку, прошу тебя.

Увлекшийся темой Юлиус сразу же почувствовал, как измучена Люси, и понял, что она продолжает стесняться открывшейся ему тайны. С точки зрения врача это было пределом глупости, но он уже слишком близко принял ее в свое сердце, чтобы не огорчаться ее огорчениями и не стараться избавлять ее от любых неприятностей, Он сказал:

— Ну, теперь, когда я заглянул в мрачные бездны твоих секретов, я готов открыть тебе свои. Помнишь, ты спрашивала меня, что я делаю в этом курортном городишке, будучи «одним из самых блестящих и молодых хирургов Востока», — иронически процитировал он газетную публикацию о себе самом. — А все дело в том, что я — специалист по абортам. Этой практикой добывает себе пропитание добрая половина моих коллег, но я имел неосторожность попасться с поличным. Могло кончиться совсем худо, но выручил меня старый друг, доктор Кеннеди — мы когда-то с ним вместе были интернами. Он вообще человек чрезвычайно порядочный и честный. Насколько я понял, Том Хейген, которому доктор Кеннеди в чем-то помог, не знаю уж, в чем, заверил его, что в любое время доктор может рассчитывать на ответную услугу. Чтобы вытащить меня, доктор Кеннеди обратился к Тому Хейгену. Все обошлось: обвинение с меня сняли, в покое оставили. Но медицинская Ассоциация уже успела включить мое имя в свой «черный список», так что я остался без работы. Поэтому Семья Корлеоне приютила меня здесь. И надо сказать, я не зря ем свой кусок: эти птички из варьете то и дело «залетают». Впрочем, делать им аборты совсем нетрудно, если они приходят вовремя, не труднее, чем хозяйке вычистить сковородку. Самый страшный производитель в Лас-Вегасе — Фредо Корлеоне. С того времени, как я здесь, от него забеременели пятнадцать девиц. У меня даже иногда появляется мыслишка побеседовать с ним по-отечески на мужские темы. Тем более, что трижды он лечился от венерических заболеваний, а раз обратился по поводу заражения сифилисом.

Юлиус прервался. Он специально говорил с ней об этом так откровенно, хотя не имел привычки распространяться о профессиональных делах, чтобы Люси пришла к выводу: у других людей, у того же Фредо Корлеоне, например, которого она хорошо знала и немного остерегалась, бывают тайны куда более постыдные, чем ее.

— А с тобой все просто, — продолжал он, возвращаясь к волновавшей

их обоих проблеме. — Представь себе, что внутри есть кусочек резинки или эластика, который растянут. Если отрезать часть, остальное сократится и станет упругим и эластичным. Вот и все.

— Я подумаю, — сказала Люси, но в действительности она уже полностью отдалась на волю Юлиусу, доверяя ему больше, чем себе самой. Но задумавшись, вдруг спросила:

— Это будет дорого стоить?

Юлиус сдвинул брови:

— У меня здесь необходимых условий нет, да это и не моя специфика. Но в Лос-Анджелесе живет один приятель, который очень котируется в подобных делах, и операционная у него — в специализированной клинике. По сути дела, он практикует на кинозвездах, когда они начинают тускнеть и пытаются вернуть себе молодость, подтягивая кожу на лице или подрезают мышцы на груди. Но для того, чтобы мужчины продолжали относиться по-прежнему, внешних эффектов мало. Так что Фридрих Келнер натренировался, можешь не сомневаться. А поскольку он мне тоже кое-чем обязан, надеюсь, операция ничего не будет стоить, во всяком случае, денежном исчислении. Я в свое время сделал для его девочек не один бесплатный аборт. А знаешь, сколько голливудских красавиц прошли через ту операцию, которая так пугает тебя?

— Это кто? — сразу же загорелись любопытством глаза у Люси. — Скажи мне, Юлиус, ну пожалуйста.

Любопытство пересилило в ней мысль о том, что в глазах Юлиуса интерес к голливудским сплетням может выглядеть примитивной женской слабостью. Но Люси уже не опасалась, что он будет насмехаться над ее слабостями.

— Скажу при условии, что ты поужинаешь со мной: и останешься здесь на ночь, — ответил Юлиус. — Мы и так слишком много времени потратили на разговоры, надо наверстывать упущенное.

Как он добр с нею! Люси тепло посмотрела на друга и сказала:

— Не считай, что ты теперь обязан быть со мной, раз уж из этого все равно ничего не получается.

Юлиус расхохотался:

— Господи, ну в кого ты такая! Во-первых, это не единственная радость на свете, а во-вторых, человечество изобрело еще массу способов получать удовольствие и они известны еще со времен древних цивилизаций. Неужели ты действительно не знала об этом?

— А, всякие извращения, — протянула она неодобрительно.

— «Извращения», — передразнил ее Юлиус, — то, чего нельзя знать

приличным девушкам и совершать настоящим мужчинам. Да я могу познакомить тебя с одной благородной старой леди, которая была самой очаровательной молодой леди в далекие дни освоения Дальнего Запада, году этак в 1880-м. Она обожает вспоминать добрые старые времена и с удовольствием поделится опытом, Мне, например, она рассказывала, что самые мужественные и храбрые ковбои, гоняющие по прериям на своих конях и палившие без промаха, очень любили заниматься с девушками тем, что в обиходе называют «французской любовью» и про что ты, невозможная дурочка, сказала «извращения». Причем тем самым ковбои оберегали невинность своих подружек. Усекла? В медицине для этого понятия существует специальный термин и ничего противоестественного в таком способе общения нет. Неужто твой возлюбленный Санни никогда не занимался с тобой этим?

И тут впервые за время их знакомства Люси по-настоящему удивила его. Она обернулась к нему с загадочной полуулыбкой Джоконды на губах, так что в ученом мозгу Юлиуса сейчас же мелькнула мысль, не кроется ли именно здесь веками волнующая искусствоведов разгадка, и спокойно сказала, нимало не смущаясь:

— С Санни я занималась всем на свете.

Никогда и никому она не решилась бы раньше. сказать такое.

Две недели спустя в операционной лос-анжелесской гинекологической клиники Юлиус присутствовал на операции у своего друга, доктора Фридриха Келнера. Перед тем, как Люси дали наркоз, Юлиус наклонился к ее уху и шепнул:

— Я предупредил его, что ты моя девушка и что у меня самые серьезные намерения. Так что он постарается, чтобы я остался доволен. Исключительно мой любимый размер.

Но Люси уже уносилась волнами сна и поэтому не смогла улыбнуться в ответ на его шутку. Правда, смысл дошел до ее сознания и помог справиться со страхом перед операцией. Через минуту она спала.

А Юлиус напряженно следил за неторопливыми и уверенными руками Келнера. Правда, случай был рядовой, безо всяких аномалий. Сегал сам внимательнейшим образом изучил все рентгеновские снимки и анализы. Все шло, как по маслу. Но хирургия всегда связана с определенным риском, он понимал это лучше, чем кто бы то ни было.

Доктор Келнер справился с задачей безупречно. На операцию ушел час ровно. Когда Люси увезли на каталке в палату, Юлиус задержался со старым приятелем. Келнер находился в превосходном расположении духа — верный признак успешной работы.

— Все без проблем, дорогой мой, — сказал он Юлиусу весело, — у нее кругом чисто, ни эрозий, ни воспалений. Вообще прекрасное сложение, такое редко встречается. Просто высший класс. Тебе можно позавидовать, старина. Разумеется, придется подождать немного, но моей работой останешься доволен, гарантирую.

Юлиус усмехнулся:

— Да я и так знаю, что Пигмалион в подметки тебе не годится. Тебе просто нет равных.

Доктор Келнер удовлетворенно хмыкнул:

— Скажешь тоже. Вообще-то это не сложнее, чем твои аборты. Если бы общество было способно ценить людей по уму и таланту, мы с тобой могли бы заниматься куда более важной работой, чем эти детские игры. Кстати, я подошлю к тебе одну девчушку на той неделе, не возражаешь? Такая миленькая… Такие почему-то чаще попадают в неприятности. Будем в расчете за сегодняшнее таким образом.

Юлиус протянул ему руку:

— Премного благодарен, док! Присылай свою девчушку. И сам приезжай как-нибудь. Я позабочусь, чтобы для тебя специально приготовили самую счастливую игру.

Келнер отрешенно покачал головой:

— У меня тут своя рулетка, что ни день. Такая идет игра, что даже крапленые карты не помогут. В моей-то работе на карту ставится чья-то жизнь. Ох, Юлиус, зря ты там размениваешься по мелочам. Смотри, еще пару лет — и о настоящей хирургии придется забыть. Кто не оперирует, тот дисквалифицируется в два счета, — он огорченно отвернулся от друга.

Юлиус принял упрек близко к сердцу, понимая, что это не упрек даже, а дружеское предупреждение. Но что поделаешь?

Люси можно было увезти только через полсуток, не раньше. Чтобы скоротать время и заглушить поднявшуюся в душе тоску по настоящему делу, доктор Сегал выбрался из больницы, добрел до ближайшей забегаловки и там напился до чертиков. Ему полегчало от этого. И еще от мысли, что операция Люси прошла в лучшем виде.

Утром, явившись к ней в палату, Юлиус, к своему удивлению, обнаружил у постели Люси двух незнакомых мужчин. Палата утопала в цветах, а сама Люси сияла, как майская роза. Она полулежала на приподнятых подушках и весело болтала с посетителями. Вообще-то гостям было неоткуда взяться, ведь Юлиус знал, что с родными Люси давно порвала. Она даже попросила сообщить им только в самом крайнем случае, если случится непоправимое.

Правда, о том, что Люси ляжет в больницу, знал Фредди Корлеоне. И она, и доктор Сегал вынуждены были обратиться к нему, чтобы оформить короткий отпуск. Он принял их любезно, обещал Люси получить всю ее почту и заверил, что отель оплатит счет за операцию, если он поступит. Так кто же эти двое? Пока Люси представляла гостям доктора Юлиуса Сегала, одного из двоих он опознал: знаменитый Джонни Фонтейн, звезда кино и эстрады. Вторым был крепкий итальянский парень по имени Нино Валенти.

Оба посетителя почтительно пожали руку доктору и немедленно забыли об его присутствии, Они хихикали с Люси, припоминая общих друзей юности на нью-йоркских задворках, где вместе росли когда-то, называли имена незнакомых Юлиусу людей и события, о которых он не имел представления. Постояв какое-то время рядом, Юлиус сказал Люси:

— Я зайду попозже. Повидаюсь пока с доктором Келнером.

Джонни Фонтейн сейчас же переключил на доктора все свое фантастическое обаяние:

— Не уходите, док. Еще минута — и мы прощаемся. Оставляем Люси на ваше попечение, лечите ее хорошенько.

Юлиус отреагировал не на слова Джонни Фонтейна, а на характерную хрипотцу в его голосе.

Ему вспомнилось, что вроде бы Джонни Фонтейн уже давно не выступает с концертами, а приз Академии получил не в мюзикле, а за драматическую роль. Неужели знаменитый Джонни Фонтейн потерял голос из-за столь поздней мутации, а газеты утаили этот сенсационный факт от его бесконечных поклонников? Но ведь и сплетен на эту тему не ходило. Юлиус, как правило, знал закулисные тайны от клиенток, обожавших болтать на такие темы.

Он вслушался в голос Фонтейна, пытаясь установить причину хрипоты. Могло быть и просто перенапряжение, и результат неумеренного пьянства и курения. Злоупотребление плотскими радостями тоже могло повлиять на качество голоса.

Голос звучал отвратительно. Трудно даже представить, что Джонни Фонтейн а провозглашали сладкоголосым певцом американской эстрады.

— Вы простужены? — спросил Юлиус у Джонни.

Тот вежливо ответил:

— Это не простуда, доктор. Просто я вчера натрудил горло. Перенапряг связки. Никак не могу смириться с тем, что с годами голос меняется, — и он подарил Юлиусу Сегалу одну из своих очаровательных киноулыбок.

Сегал спросил как бы мимоходом:

— А к врачу вы пробовали обращаться? Может, имеет смысл воспользоваться достижениями медицины?

Джонни Фонтейн больше не изображал беззаботность. Он посмотрел на Юлиуса длинным оценивающим взглядом и ответил без признаков прежнего обаяния:

— Именно к врачам я и побежал первым делом, еще два года назад. Кто только не смотрел меня. Да и мой собственный врач, которого считают одним из лучших калифорнийских специалистов, утверждает, что никакой патологии нет, нужен только длительный отдых. В общем, я просто старею и голос с возрастом меняется. Медицина тут бессильна.

Он отвернулся от доктора к Люси, продолжая прерванный разговор и опять включив все свое обаяние, как привык при любых разговорах с прекрасным полом. Юлиус продолжал прислушиваться, все больше входя в профессиональный азарт. Да, скорее всего у Джонни Фонтейна развивается опухоль на голосовых связках. Как только ее могли проглядеть все эти калифорнийские знаменитости? А если новообразование злокачественное? Тогда оперировать в таком месте не представляется возможным. Возможно, из-за этого болезнь и замалчивается. Но есть же другие способы лечения…

Он опять прервал Фонтейна на полуслове:

— Когда в последний раз вас осматривал специалист?

Теперь Джонни Фонтейн отвечал уже с нескрываемым раздражением, сдерживаясь только ради Люси:

— Примерно полтора года назад.

— А ваш личный врач, он осматривает вас время от времени?

— Разумеется, — почти отмахнулся недовольный Джонни Фонтейн. — Он постоянно делает мне кодеиновые ингаляции, регулярно осматривает гортань и всякое такое. Но он убежден, что это обычное возрастное явление. Ну и, конечно, советует поменьше пить, курить и так далее. Может, у вас есть на этот счет другое суждение?

Юлиус спросил:

— А как его имя?

Джонни Фонтейн произнес подчеркнуто:

— Такер. Доктор Джеймс Такер. Вам знакомо это имя? Да, имя было знакомо Юлиусу, оно связывалось для него с неимоверно дорогим санаторием для кинозвезд в Голливуде, где никого не лечили, а выкачивали деньги.

— Как же, знаю, он умеет хорошо выглядеть, — ядовито сказал Юлиус. — И большой специалист по рекламе.

Теперь Джонни Фонтейн уже просто разозлился:

— Вы считаете себя лучше, чем доктор Такер?

— А вы поете лучше, чем Билли Холидей? — рассмеялся Юлиус.

К его удивлению, захохотал Нино Валенти. Он хохотал заразительно, согнувшись пополам от смеха и уткнувшись лбом в спинку стула, хотя шутка не была такой уж удачной. Юлиус Сегал посмотрел на него внимательно и сделал единственный вывод, — что этот Нино Валенти, кем бы он ни был, с утра принял солидную порцию «бурбона».

Фонтейн тоже обернулся к приятелю и шутливо прикрикнул на него:

— Эй, дружок, ты ведь должен смеяться моим шуткам, а не его.

Но тут Люси потянула Юлиуса за руку, заставив приблизиться, и сказала Джонни:

— Он только на вид такой несолидный, а на самом деле серьезный хирург. Ты не думай, Джонни, что он говорит зря. Если он уверен, что Такер хуже, значит, так оно и есть, можешь ему поверить.

Вошедшая в палату сестра объявила, что время свидания истекло. Сейчас надо провести процедуры, так что все должны покинуть помещение.

Мужчины вместе вышли в коридор. Прощаясь, Люси намеренно подставила Джонни и Нино щеку для поцелуя, а Юлиуса поцеловала в губы и тихо сказала:

— Пожалуйста, приходи поскорее, ладно?

Он кивнул.

В коридоре Нино Валенти спросил:

— Что у нее за операция? Что-нибудь серьезное?

Юлиус покачал головой:

— Обычные женские недуги, ничего опасного. Можете не сомневаться, Я лицо заинтересованное, так что меня ее болячки волнуют больше, чем вас. Ведь в мои намерения входит женитьба на Люси.

Они остановились от неожиданности, впервые присматриваясь к нему по-настоящему. Потом Валенти сказал невпопад:

— В самом деле?

— И в самом ближайшем будущем, — подтвердил Юлиус. Потом поинтересовался: — А откуда вы узнали, что она здесь?

— От Фредо, — ответил Джонни Фонтейн. — Мы же все выросли вместе. Люси была подружкой невесты у сестры Фредди Корлеоне на свадьбе.

— А, — нейтрально сказал Юлиус, не подавая вида, что знает эту историю куда подробнее, чем они. Его немножко уязвляло их близкое

отношение к Люси и то, как старательно они обходили имя Санни Корлеоне.

Проходя по больничным переходам, Юлиус вдруг остановил Джонни Фонтейна:

— Послушайте, я свой человек в этой больнице, здесь меня неплохо знают. Давайте-ка я осмотрю ваше горло, коли подвернулся такой случай.

— Мне некогда, — сухо сказал Джонни Фонтейн.

Но тут вмешался Нино Валенти:

— Он не может позволить простому врачу заглядывать в свое драгоценное горло, которое, может, миллион стоит, — Нино добродушно усмехался, его камень целил не в Юлиуса, а в Джонни.

Сегал сказал в тон:

— Не такой уж я простой врач. Меня считали самым блестящим хирургом-диагностом на Восточном побережье — во всяком случае, так писали в газетах до тех пор, пока меня не застукали на подпольных абортах.

Как он и думал, это произвело на них должное впечатление. То, что он откровенно признался в криминале, предполагало и то, что в высокой оценке собственных профессиональных достоинств он не станет врать. Валенти, который и раньше симпатизировал доктору, первым пришел в себя.

— Ну, если Джонни не рискнет показать вам свое горло, я, с вашего позволения, пришлю к вам какую-нибудь подружку. Правда, осматривать ее надо будет с другого конца.

Фонтейн сказал нервно:

— А сколько времени нужно на осмотр?

— Минут десять, — ответил Юлиус. Он знал, что это неправда, но не считал, что больным обязательно всегда говорить правду. Медицина и истина трудно сосуществуют вместе.

— Будь по-вашему, — сказал Джонни Фонтейн голосом, еще более глухим и хриплым, чем обычно.

Юлиус легко договорился, чтобы ему предоставили свободный кабинет и медицинскую сестру. В кабинете оказалось не все, что нужно, но он обошелся малым. Еще не истекли обещанные десять минут, как доктор Юлиус Сегал ясно выявил новообразование на связках Джонни Фонтейна. Такер, этот грязный паразит, обязан был давно определить развивающуюся опухоль. Господи, у этого голливудского коновала, наверное, и лицензии на лечебную практику нет, А если есть, то ее следует отобрать не задумываясь…

Ничего не говоря ожидающим приговора мужчинам, доктор снял трубку с внутреннего телефона и пригласил к себе здешнего отоларинголога. Потом обернулся к Нино Валенти и сказал:

— Если у вас нет времени, ждать не имеет смысла. Теперь дело затянется.

Фонтейн вскинул на него глаза, словно не понимая, что происходит.

— Какого черта! — взорвался он. — Ты что, развлекаешься, сукин сын? Думаешь, я и вправду позволю ковыряться в своем горле всякому, кто пожелает?

Юлиус сказал очень сдержанно, но испытывая некоторое удовольствие оттого, что может резать правду-матку в глаза:

— Дело хозяйское, мистер Фонтейн, поступайте, как сочтете нужным. Я обнаружил развивающуюся опухоль у вас на голосовых связках, непосредственно в гортани. Если вы сейчас побудете здесь некоторое время, мы сможем немедленно сделать необходимые анализы и установить, злокачественная она или нет. От результата анализа зависит и способ возможного лечения. Я подскажу вам специалистов в этой области — полагаю, у вас хватит средств, чтобы вызвать их сюда сегодня же. На это уйдет несколько часов, так что дать ответ я смогу к вечеру. Но, естественно, если у вас есть более важные и неотложные дела, можете заниматься ими и предоставить свое горло дорогостоящему коновалу из голливудского борделя или еще кому-нибудь, столь же компетентному. Когда опухоль разрастется, ваш возлюбленный Такер удалит вам ее вместе с гортанью — или оставит умирать своей смертью. Пожалуйста, мистер Фонтейн, как вам будет угодно. Какие дела для вас сейчас важнее всего?

Валенти сказал:

— Кончай базарить, Джонни, какого дьявола? Оставайся, а я спущусь вниз и позвоню в студию. Говорить лишнего не буду, объясню только, что ты задерживаешься. А потом вернусь и побуду здесь с тобой.

Обследование тянулось бесконечно долго и вообще день показался обоим длинным и мучительным. Но Юлиус не тратил времени даром. Проконсультировавшись с отоларингологом, изучив рентгеновские снимки и показания лабораторных анализов, он смог установить диагноз. Причем был момент, когда среди процедур и хождения по пыточным кабинетам Джонни, у которого горло саднило от йода, дышать казалось нечем, а во рту намертво застрял отвратительный привкус медикаментов, сделал отчаянную попытку удрать. Но сильная дружеская рука Нино Валенти ухватила его и остановила паническое бегство.

Закончив исследования, Юлиус Сегал объявил приунывшим Джонни и

Нино Валенти, радостно сияя белозубой улыбкой:

— Это бородавки!

Друзья посмотрели на него с недоумением. Джонни не понял и переспросил: «Что?»

— Да бородавки же, — повторил доктор. — Выросли, как грибы, прямо в гортани. Мы их в два счета удалим и через пару месяцев вы будете, как новенький.

Валенти восторженно завопил, но Джонни Фонтейн не спешил радоваться. Он спросил:

— А как будет с голосом? Смогу я после этого петь или нет?

Юлиус спокойно развел руками:

— Кто же даст гарантии? Но вы и сейчас не поете, так какая разница?

Джонни Фонтейн неприязненно посмотрел на него:

— Послушайте, любезный, вы не отдаете себе отчета в, своих словах. Похоже, вы уверены, что порадовали меня. Но если я понял вас правильно, петь я не буду? Ведь так? Чему же мне радоваться в таком случае?

В ответ на эту тираду Юлиус Сегал не сдержался. Впервые за последнее время он занимался любимым делом и испытывал громадное удовольствие от того, что не утратил квалификации. Он провернул за один день огромную работу, оказал, можно сказать, благодеяние этому самовлюбленному петуху, а он еще смеет вести себя так, будто не ему шли навстречу, а он снизошел до любезности.

Юлиус сказал холодно:

— Я доктор медицины, мистер Фонтейн, и вы вполне можете называть меня просто «доктор», а не «любезный». Это раз. Далее. Новость, которую я только что сообщил вам, действительно радостная. Когда мы вошли в этот кабинет, я был почти полностью уверен, что у вас в гортани злокачественная опухоль, то есть рак. Если бы это подтвердилось, пришлось бы удалить гортань вместе с голосовыми связками, иначе болезнь привела бы к летальному исходу. Я страшно переживал из-за этого весь день, так как предстояло сообщить вам, что вы, в сущности, почти покойник. И потому, убедившись, что это не более, чем бородавки, я был на седьмом небе от счастья. И поторопился осчастливить вас, потому что испытывал теплое чувство к Джонни Фонтейну, под пение которого так легко соблазнять девушек. Да что там! Я всегда уважал вас как артиста. Но теперь вижу, что как человек вы достаточно испорчены — славой или дурным воспитанием. Думаете, если вы — знаменитый Джонни Фонтейн, так угрозы рака для вас не существует? И опухоли мозга, которая неоперабельна, у вас тоже не может быть? Или инфаркта? Наверное, вы считаете, что никогда не умрете? Нет, знаете ли, жизнь не имеет ничего общего со сладкой музыкой ваших замечательных песен. Прогуляйтесь-ка со мной по этой больнице. Я вам покажу такие человеческие страдания, что вы запоете любовные серенады своим бородавкам. Так что прекратите нести чепуху и делайте, что следует. Ваш Фернандель от медицины в состоянии найти для вас хорошего хирурга, но если он вздумает сам войти со скальпелем в операционную, мой вам совет: тут же вызывайте полицию, пусть арестуют его за покушение на убийство.

С этими словами Юлиус круто повернулся и направился к выходу. Нино Валенти одобрительно сказал ему вслед:

— Ты парень что надо, док, врезал ему, как на ринге. Полный аут.

Юлиус остановился на пороге, внимательно посмотрел на Нино Валенти и сухо спросил:

— Вы всегда напиваетесь с утра пораньше?

— Всегда, — подтвердил Валенти с широкой доброй улыбкой, которая обезоруживающе подействовала даже на доктора, и он сказал куда мягче, чем намеревался:

— Тогда имейте в виду, что протянете не больше пяти лет, если сейчас не остановитесь.

Валенти встал с места, подошел к доктору, обнял его, обдав густым запахом «бурбона», и сказал со смехом:

— Пять лет? Целых пять? Неужели еще так много, док!

Месяцем позже на пляже в Лас-Вегасе Люси сидела в той же позе, что

перед их первой ночью с Юлиусом, нежно вороша пальцами пряди волос на его голове. В другой руке у нее был коктейль.

— Тебе вовсе необязательно так взбадривать себя, — сказал Юлиус, дразнясь. — У нас еще есть бутылка шампанского.

— Ты уверен, что можно? — в который раз спросила Люси.

— Кто из нас врач? — сказал Юлиус. — О, сегодня намечается великая ночь. Я первый в медицине смогу самолично удостовериться в результатах операции, совершенной по моему диагнозу. Я экспериментально сравню «до» и «после». Ты не забыла, что я заранее наметил опубликовать свои наблюдения в медицинском журнале? — и тут же вскрикнул, потому что Люси довольно сильно, хоть и шутя, ущипнула его.

— Ну, если что-то тебя не устроит, я буду ни при чем, — засмеялась она. — Сам виноват.

— Не может такого случиться. Работа безупречная. По моей собственной выкройке, хоть сшито и чужими руками, — ответил Юлиус. — Все, не мешай мне отдыхать. Я должен собраться с силами перед великой ночью.

Когда они вернулись домой, а теперь они жили вместе, Люси обнаружила, что Юлиус подготовил для нее сюрприз. Стол был накрыт для ужина, во льду мерзло шампанское, а рядом с бокалом в маленькой бархатной коробочке лежало обручальное кольцо с бриллиантом.

— Это в знак того, что в качестве работы у меня нет сомнений. А вот заслуживаешь ли ты это кольцо, мы скоро проверим, — сыронизировал Юлиус.

Он был очень добр и нежен с нею, потому что Люси никак не могла преодолеть своего страха. Казалось, ее вновь лишают невинности, вся плоть сопротивлялась любому прикосновению. Но потом восторг охватил ее и наполнил до краев, как бокал шампанским. Трепеща от счастья, она услышала, как Юлиус шепнул на ухо:

— Неплохо сделано, а? — и, рассмеявшись, ответила ему таким же жарким шепотом: «Прекрасная работа!»

Прежде, чем вновь прижаться друг к другу, оба весело засмеялись.

ЧАСТЬ VI

ГЛАВА 23

Только прожив пять месяцев на родине отца, в сицилийском изгнании, Майкл начал понемножку разбираться в характере и судьбе дона Корлеоне и таких, как он. Как Люка Брази, жестокий толстяк Клеменца, хладнокровный Тессио. Осознал, наконец, почему мать спокойно и безоговорочно смирилась с навязанным ей образом существования. Потому что на Сицилии он увидел, какими все они стали бы, если не нашли в себе сил для борьбы с капризами и тяготами иной, нездешней жизни.

Совсем иначе воспринимал теперь Майкл и любимую присказку отца о том, что каждый сам создает собственную судьбу. Он узнал также, откуда берется пренебрежительное отношение к любой власти, тем более, государственной, и почему тот, кто нарушил закон «омерты» — молчания, — становился объектом всеобщего презрения и ненависти.

Когда переодетого в костюм с чужого плеча, изрядно потрепанный, и в непривычную матросскую шапочку, его переправили с корабля сначала в доки Палермо, а потом в глубь острова, Майкл невольно оказался в самом сердце Сицилии, где много веков безраздельно и самочинно хозяйничала мафия. Местный мафиозо, глава Семьи, был многим обязан дону Корлеоне за прошлые услуги. В этой же провинции размещалось и местечко, носящее родовое имя Корлеоне, но никого из близкой или дальней родни в живых не нашлось. Женщины состарились и умерли, мужчины попали в кровавую мясорубку вендетты или эмигрировали, кто куда — за океан, в Америку или Бразилию, а кто-то осел в других итальянских краях. Позже Майкл узнал, что по статистике его родной городок являлся рекордсменом по проценту убийств на душу населения. Если верить статистике. Но почему бы, собственно, не поверить ей в этом?

Майкла поселили в качестве гостя к старому холостяку-врачу, доверенному местной мафии. Хотя ему уже перевалило за семьдесят, он один осуществлял медицинское обслуживание во всей окрестности.

Сам же мафиозо — его звали дон Томмазино — числился управляющим крупнейшего поместья, принадлежащего старому роду сицилийских аристократов. Ему было несколько больше пятидесяти и по долгу службы он не только управлялся с огромным хозяйством, но и следил, чтобы бедняки не покушались как на имущество землевладельца, так и на пустующие земли окрест. Не имело никакого значения законны притязания или незаконны. Стоило кому-то попытаться получить

разрешение властей на обработку земли, входящей в пределы охраняемых доном Томмазино владений, власти могли решить, что им вздумается, последнее слово все равно оставалось за доном Томмазино. Под угрозой страшной смерти отступался любой храбрец.

Дон Томмазино представлял из себя типичнейшего мафиозо. Он не только, как цербер, караулил землю, но и держал под контролем все водные ресурсы района, не допуская строительства новых плотин, хотя в Риме время от времени их планировали. Но каждая лишняя плотина обернулась бы убытком для дона, очень неплохо торговавшего водой из артезианских колодцев. И вообще задачей мафии было охранять сложившиеся веками традиции, даже если они, как существующая система экономного водоснабжения, препятствовали развитию и расцвету подвластных им территорий.

Придерживаясь старых традиций, дон Томмазино, с другой стороны, ни за что не стал бы связываться с проституцией или с наркотиками. Из-за ортодоксальности его устоев молодые вожди мафии, например, одна из палермских Семей, то и дело вступала в конфликт с доном Томмазино, виня его в непростительной щепетильности, а то и в глупой недальновидности. До Палермо влияние американских настроений доходило быстрее, чем до сухого местечка Корлеоне.

Дон Томмазино выглядел очень величественно — вот уж кто действительно был «в теле» в полном соответствии с подтекстом этого сицилийского понятия, означающего сразу и физический вес, и вес его обладателя в обществе. Достаточно посмотреть на его монументальную внушительную фигуру, чтобы почувствовать страх и уважение сразу. Под крылом такого мощного дона Майклу некого было бояться, но береженого бог бережет: решили всячески скрывать его личность. Поэтому Майкл поселился не у дона, а у доктора Тазио, его дяди, и стал добровольным затворником за стенами его обширного имения.

Старый доктор Тазио в свои семьдесят лет чувствовал себя полным сил и здоровья. Высокий для сицилийца, румяный и седовласый, он каждую неделю совершал увеселительные прогулки в Палермо, точнее, в палермский публичный дом, где отдавал предпочтение самым юным обитательницам Другой его страстью была любовь к чтению Он читал запоем, а потом делился прочитанным со всеми подряд, а поскольку вокруг обитали лишь неграмотные крестьяне и совсем уж дикие пастухи, чтение только роняло доктора в их глазах. Какое им было дело до описанных в книгах историй?

Вечерами доктор Тазио, Майкл и дон Томмазино иногда выходили

втроем посидеть в тенистом саду, где мраморных фигур стояло почти столько, сколько деревьев. Казалось, скульптуры вырастают на этой благодатной земле, как и черные гроздья сладкого винограда, сами собой. Доктор Тазио со вкусом рассказывал всевозможные истории, связанные с мафией и ее традициями, отчасти фольклорные, отчасти переплетенные с вычитанными в книгах сюжетами. Майкл Корлеоне стал для него благодарным слушателем.

Порой доктор Тазио увлекался рассказом настолько, что, разомлев от прохладного вина и крепких ароматов цветущего сада, переходил на случаи из собственной практики или из жизни дона Томмазино. Доктор хранил легенды и предания, дон олицетворял собой сегодняшнюю реальность.

В этом древнем волшебном саду Майкл постепенно узнал об истоках, которые питали таких людей, как его отец. Первоначально слово «мафия» означало «убежище». Потом оно стало означать организацию, помогавшую скрываться от правителей тем, кто вступил в противоборство с властью. Организация разрасталась, но все глубже уходила в подполье, становясь единственной силой сопротивления против государственной машины, столетиями угнетавшей сицилийский народ. Не много найдется краев, подвергавшихся столь жестокому насилию на всем протяжении истории. Инквизиция огнем и мечом прошествовала по острову, не разбирая ни правых, ни виноватых, ни бедных, ни богатых. Бароны-землевладельцы и владыки католической церкви самовластно распоряжались и самими крестьянами, и их семьями, и их незначительным имуществом. Полиция не столько служила закону и правопорядку, сколько прислуживала власть имущим, и до сих пор обозвать сицилийца полицейским, значит нанести ему кровное оскорбление.

Чтобы сохранить душу и жизнь перед лицом свирепой абсолютной власти, загнанные в угол сицилийцы обучились многим способам не проявляться. Научились не выдавать своего гнева и прятать в душе жгучую ненависть. Научились не произносить вслух угроз, чтобы не подставляться под удар и иметь возможность в действительности осуществить месть. Они выучили наизусть и передавали по наследству детям понятие, что государство — враг сицилийца. А когда хотелось сквитаться с врагом, они шли в тайную организацию — мафию, потому что бороться в одиночку не имело смысла.

Укрепляя свои позиции, мафия ввела закон молчания — омерту. Крестьяне так привыкли ничего не говорить чужакам, что тщетно было бы спрашивать у них даже дорогу в ближайшее селенье — все равно не

получишь ответа. Но выдать полиции человека, стрелявшего или совершившего другой поступок против закона, с точки зрения традиций омерты — самое тяжкое преступление. Омерта почиталась не меньше, чем религия. Жена, у которой на глазах убили мужа, никогда не назовет полиции имя убийцы. Не назовет имя человека, уничтожившего ее единственного ребенка, совершившего насилие над горячо любимой дочерью, если таковое случится. Потому что от государства не ждали справедливости, за справедливостью шли к мафии. И мафия рождала собственных робин гудов.

До какой-то степени эти функции мафии сохранились и по сей день. Во всех трудных ситуациях люди обращались к капитанам-мафиозо, словно передав им в руки функции общественных защитников, которые и с работой помогут, если деваться некуда, и накормят, когда прижмет нужда.

Но в рассказах доктора Тазио не было и намека на то, что Майкл вскоре сам увидел в Сицилии: что теперешняя мафия давно уже стала частью существующей государственной системы, срослась с правящими кругами страны и втайне поддерживала и политиканов, и полицию. У нее появились совсем иные функции — она превратилась в опору капитализма, в его придаток, отвергающий любые демократические новации и диктующий свои цены на всякий вид трудовой деятельности, который приносит, пусть самый ничтожный, но кусок хлеба.

Впервые Майкл Корлеоне понимал, почему его отец и люди из его окружения легче идут на преступления и убийства, чем на роль законопослушных и добропорядочных граждан. Постоянное давление страха, унижения и нищеты в Сицилии переходили всякие мыслимые границы, и те, кто был посильнее телом и духом, просто не мог смириться с существующими порядками. И становясь эмигрантами, в чужой стране они по-прежнему не хотели и не могли считаться с официальной властью, потому что никогда не видели от тех, кто наверху, ничего доброго для себя и своих семейств.

Доктор Тазио предлагал Майклу прокатиться с ним в Палермо каждый раз, когда собирался в очередную экспедицию по борделям, но Майкл упорно отказывался. Поспешность побега из Америки не дала ему возможности пройти необходимый курс лечения, и на его лице осталась уродливая вмятина — память о капитане Макклоски. Челюсть срослась неправильно, отчего лицо, особенно, левая его сторона, выглядело противоестественно. Майкл не то чтобы так уж заботился о внешней красоте, но и вынужденное уродство раздражало. Достаточно было глянуть в зеркало, чтобы расстроиться — сильнее, чем он готов был в этом

сознаться. Зудящая боль тоже давала о себе знать, но на этот случай у доктора Тазио нашлись болеутоляющие таблетки. А на пластическую операцию, которую любезно предложил ему сделать хозяин, Майкл решительно отказался пойти, уже разобравшись к тому времени, что хуже врача, наверное, по всей Сицилии не сыщешь. Доктор Тазио готов был читать все на свете, кроме медицинской литературы, поскольку, по его собственному мнению, ни черта не понимал в ней. Диплом достался ему по протекции влиятельнейшего из мафиозных главарей, который лично прибыл в Палермо, когда Тазио должен был держать экзамен, и лично переговорил с каждым из профессоров медицины, входящих в выпускную комиссию. Этот факт лишний раз доказывал, что мафия пожирала страну, в которой расцвела пышным цветом, как буйный сорняк пожирает злаки в поле. Какое могли иметь значение талант или прилежание, если рядом оказывался недоросль, связанный кровным родством с одной из Семей, и Крестный отец преподносил ему диплом или желанное место работы в качестве подарочка или как услугу, за которую еще не раз придется расплачиваться.

Времени для размышлений у Майкла имелось более чем достаточно. Целыми днями бродил он по окрестностям поместья, всегда в сопровождении двух пастухов-охранников, приставленных к гостю заботами дона Томмазино. Мафия вообще постоянно использовала местных пастухов в роли то телохранителей, то, наоборот, наемных убийц, и они брались за это, как и за любую другую работу, сулящую верный заработок. Более всего Майкла занимала мысль об империи Корлеоне, созданной отцом по образу и подобию сицилийской мафии. Он понимал, что если и в Америке ситуация останется неизменной, мафия подточит общество изнутри, уничтожит страну, как убивает человеческий организм злокачественная раковая опухоль.

Сицилия казалась царством призраков. Ее мужчины готовы были бежать в самые дальние страны, чтобы отыскать заработок и прокормить семью или спасти свою жизнь, которая оказывалась под угрозой, стоило им попробовать добиться того же заработка у себя на родине.

А ведь какая это могла быть прекрасная страна! Часами бродя без особого дела, Майкл не уставал восхищаться сицилийскими красотами. Старинные дома, богато изукрашенные каменной резьбой и архитектурными фантазиями, давно обветшали и за их мраморными порталами не чувствовалось дыхания жизни. В развалинах мирно паслись бродячие овцы, забывшие пастуха. Сады и поля радовали глаз изумрудной зеленью. Иногда Майкл доходил аж до самого местечка Корлеоне, которое

притягивало его своими бедными домишками, выстроенными из цельных грубых камней с большой горы, у подножья которой они и расположились. На восемнадцать тысяч жителей здесь за последний год пришлось шестьдесят убийств, так что смерть, казалось, всегда незримо присутствует в будничных людских хлопотах.

Пастухи-охранники, сопровождавшие Майкла, никогда не выпускали из рук короткоствольные ружья-лупары. Эти жутковатые на вид и смертоносные по сути обрезы издавна стали любимым оружием мафии. В годы правления Муссолини, не желавшего уступить мафии полновластного господства на Сицилии, людей хватали и сажали за решетку уже за одно ношение лупар. Зато американцы, освободившие ост в и считавшие, что всякий, кто пострадал от фашистского режима, — борец за демократические права, часто извлекали именно мафиозо на административные должности при мэрии и комендатуре. С легкой руки американцев послевоенная мафия быстро восстановила свои поредевшие силы и расцвела вновь буйным цветом.

Долгие прогулки пешком, а следом за ними — большая тарелка мяса, в тесте и с томатной подливкой, и большая бутылка доброго вина, помогали Майклу заснуть и спать без сновидений. В библиотеке у доктора он взял итальянские книги и попробовал читать, но хотя неплохо говорил на диалекте и даже в свое время в университете прослушал спецкурс итальянского языка, чтение далось совсем не так легко, как можно было предположить. Но постепенно он одолел язык и говорил теперь по-итальянски практически без акцента. За местного жителя, конечно, его все равно бы не приняли, но вполне можно было выдавать себя за уроженца северной Италии, которые обитают Бог знает где — на самой границе с Германией и Швейцарией.

Шрам, рассекающий левую половину лица, тоже в какой-то мере сближал Майкла с местными жителями, ведь здесь не знали ни о каких пластических операциях и с гордостью носили следы драк и сражений, обезображивающие лица не только взрослых мужчин, но и подростков. С их точки зрения подобные шрамы не могли считаться неприятностью и исправление их не стоило денег, в которые обошлась бы операция, да у большинства таких денег и не имелось. В Америке можно было бы обойтись пустяшными затратами, а то и вовсе обратиться за помощью в бесплатную клинику, где с делом справились бы шутя, но в этой глуши отсутствие нужной суммы денег на лечение диктовало свои понятия.

Доктор Тазио как раз все время уговаривал Майкла сделать операцию — не только, чтобы исправить поврежденную челюсть, но и для

устранения причины боли, продолжавшей одолевать Майкла. Ему то и дело приходилось просить у доктора обезболивающие таблетки. На время лекарство притупляло боль, но потом она возвращалась еще более жестокими приступами, не давая покоя. Как объяснил Тазио, очевидно, задет нерв, проходящий ниже глаза, — один из целого пучка лицевых нервов. Это одна из традиционных пыток мафии, — пояснил доктор, — найти лицевой нерв и терзать его иглами. Возможно, при ударе крохотный осколок кости ущемил нерв и теперь без конца тревожит. Майкл мог бы легко избавиться от болей, операция несложная. В конце концов, в Палермо имеется госпиталь.

Но Майкл был упорен и лечиться не желал. Когда доктор Тазио буквально загнал его в угол, допытываясь причины упрямства, Майкл криво усмехнулся и ответил что-то вроде: «Хочу сохранить память о родном доме».

Впрочем, он действительно не считал необходимым всерьез обращать внимание на боль и изувеченную щеку, смирившись и относясь к этому как к неизбежному последствию происшедших событий. В какой-то мере неприятности сглаживали чувство вины и помогали смотреть вокруг отвлеченно.

Мыслил он четко и непредвзято. Порой вспоминал Кей, ее улыбку, ее объятия, и совесть жестоко терзала его, ведь он бросил Кей, даже не попрощавшись, не подав ни единой весточки. Как ни странно, при мыслях о том, что он собственноручно застрелил двух человек, совесть вела себя куда снисходительнее. Ведь один из этих двоих стремился уничтожить отца Майкла, а второй, Макклоски, изуродовал Майклу лицо.

Только на седьмом месяце безмятежного провинциального существования Майкл почувствовал, что начинает тяготиться бездеятельностью. Дон Томмазино все реже появлялся вечерами в доме своего дяди-доктора, поскольку у неге развернулся очередной конфликт с «новой мафией» — молодым поколением, наживавшемся на послевоенном буме, наркотиках и спекуляции и все сильнее отодвигавшем в сторону от общего пирога придерживавшихся старых традиций сельских донов.

Так что дону Томмазино пришлось занять круговую оборону, прилагая отчаянные усилия для закрепления остатков былого могущества. Майкл лишился общества мафиозо и ему приходилось бесконечно слушать разглагольствования старого доктора, который начал повторять свои истории по второму кругу.

Как-то у Майкла возникло желание предпринять далекую вылазку в горы. Утро стояло солнечное и прозрачное. Он пошел, разумеется, в

сопровождении своих непременных телохранителей, и в данном случае это имело смысл — не как защита против врагов Семьи Корлеоне, а просто потому, что прогуливаться в здешних местах одному вообще не стоило. Ни местным жителям, ни тем более чужаку. Вокруг орудовали банды, различные группировки мафии сражались друг против друга за место под солнцем, мимоходом принося смерть и горе всем, кто попадался на их пути.

Помимо всего прочего, Майкла легко могли принять за одного из бродяг, промышляющих воровством на крестьянских участках. В Сицилии ведь нет обыкновения селиться на той земле, которая идет под обработку, она слишком драгоценна, чтобы хотя бы клочок истратить под дом и хозяйственные постройки. Поэтому на участках стоят обычно только амбары, где крестьяне оставляют свои дневные припасы, и существует целая категория бродяг, еще более нищих, чем последние из земледельцев, которые решаются обкрадывать эти ничтожные запасы пищи, — под страхом жестокой расправы, ибо крестьяне совершенно безжалостны в таких случаях. Призванная защищать интересы крестьян от воров, местная мафия делала это достаточно одиозно: убивала на всякий случай всех нездешних мужчин, на которых могло пасть подозрение. То, что при этом гибла масса ни в чем неповинных людей, никого особенно не трогало.

Так что нарываться на дополнительные неприятности резона не было, и телохранители Майкла уж во всяком случае могли подтвердить, что он не бродяга и не вор.

Одного из телохранителей, пастуха по имени Кало, отличали черты истинного сицилийца: маленький рост, жилистость, которая легко заплыла бы жиром, если б он вышел в люди и мог позволить себе это, и полная бесстрастность выражения на грубоватом лице, чем-то напоминающем застывшую индейскую личину. Кало мало говорил и вообще вел себя очень сдержанно. Зато второй, Фабрицио, был и моложе, и общительнее. Он уже успел кое-что повидать на своем веку, потому что во время войны служил на флоте и побывал даже в плену у англичан, после того, как британские вооруженные силы победили итальянский флот. Фабрицио обладал чувством юмора и с интересом расспрашивал Майкла об Америке, поскольку происхождение его, конечно же, не укрылось от сопровождающих. Впрочем, знали они о Майкле лишь самое принципиальное: что он в бегах, гость дона Томмазино и зря болтать об этом не рекомендуется.

Иногда Фабрицио угощал Майкла свежим овечьим сыром, еще пахнущим снятым молоком. Все втроем они неторопливо шли по дорогам,

обгоняя медленных волов и весело разрисованные повозки. По обочинам росли розовые кусты, цвели апельсиновые рощи, далеко вокруг разносился аромат миндаля и слив.

Майкл, с детства наслышанный о нищете Италии и ожидавший увидеть здесь только пустую, выжженную землю, каждый раз заново изумлялся щедрости сицилийской природы. Его родина оказалась страной сказочного изобилия, усаженной райскими садами и устланной коврами трав и цветов. Она казалась такой невероятно прекрасной, что непонятно было, как люди могут покинуть ее навсегда и жить где-то вдали от ее красот. «До чего же надо довести человека, чтобы он преисполнился ненависти к родной земле и вынужден был уйти из солнечных садов этого Эдема куда глаза глядят, в края дождей, туманов и снегов, только бы подальше», — горько подумалось Майклу.

Сегодня он надумал пройтись до далекого селенья Марджалы на побережье, а вечером вернуться в Корлеоне автобусом. Наверное, после такого длинного пути он свалится с ног от усталости и спокойно проспит всю ночь. Пастухи-телохранители заботливо взяли в дорогу пропитание — сыр и хлеб. Лупары, которые они несли на плечах, даже не пытаясь припрятать, для окружающих означали охотников, собравшихся на дальний промысел.

От великолепия сицилийского утра Майкл шел, ощущая радость бытия каждой клеткой тела, как бывало только в раннем детстве, когда погожим летним днем он гонял мяч в саду. Тогда каждый день был словно пронизан солнцем и счастьем. Сицилия вызывала у Майкла похожее пьянящее чувство. Ее сладкие и пряные ароматы он ощущал даже несмотря на постоянный насморк.

Насморк тоже был одним из последствий лицевой травмы. Сама рана давно затянулась, но кости срослись неправильно и давили на носовую перепонку. От этого болел и слезился левый глаз, из носа текло, и Майкл вынужден был таскать в карманах уйму носовых платков, пропитанных мускусом. Но порой платки промокали так быстро, что приходилось в дороге сморкаться прямо на землю, на манер здешних крестьян. Так же сморкались старые итальянские эмигранты, окружавшие Майкла в детстве, — он безмерно презирал их за привычку стряхивать сопли с пальцев на асфальт Нью-Йорка, пренебрегая платками как изобретенной англичанами ненужной роскошью.

Вся левая сторона лица словно набрякла от скопления жидкости и отекла. Доктор Тазио, настаивая на операции, приводил красивые медицинские термины, объясняя, что если бы Майкл вовремя прошел курс

лечения, все легко было бы поправить: только подтолкнуть все косточки, хрящи и нервы на положенные места. Теперь же без хирургического вмешательства уже не обойтись, причем кость придется ломать. Уяснив это, Майкл наотрез отказался отдавать себя в руки палермских эскулапов. Правда, отечность смущала его больше, чем ноющая боль и постоянный насморк.

До побережья они в тот день так и не дошли. Отшагав миль эдак пятнадцать, все трое уселись позавтракать и выпить вина в тени зеленых апельсиновых деревьев.

Фабрицио достал хлеб, сыр и вино, философствуя о том, как однажды он уедет в Америку и заживет там припеваючи. Перекусив, они растянулись на влажной от росы траве, наслаждаясь отдыхом и прохладой. Фабрицио расстегнул рубаху на груди и обнажил свою знаменитую татуировку. Он не слишком часто хвастался ею, хотя сюжет вполне соответствовал сицилийским нравам: муж закалывал жену прямо в объятиях любовника. Напрягая мускулы на груди, Фабрицио умело заставлял выколотую на коже парочку двигаться, в то время как занесенный кинжал в руке супруга вздрагивал, будто от гнева. Всех троих эта ожившая картинка весьма забавляла.

И тут с Майклом произошло то, что в Сицилии называют «ударом грома».

За апельсиновой рощей, где они отдыхали, тянулись огромные помещичьи поля. Через дорогу от рощи виднелась белая вилла, похожая на маленький дворец, перенесенный сюда словно из-под руин Помпеи. Вилла была построена в ложно-классическом стиле, с массивным мраморным порталом и круглыми греческими колоннами. Среди этих колонн Майкл и увидел стайку юных девушек, которых сопровождали две скромные матроны в темных нарядах. Скорее всего все они были крестьянками из ближайшего селенья и исполняли сохранившуюся с незапамятных времен повинность: убирали дом к приезду господина. Сейчас они собирали цветы, чтобы наполнить ими многочисленные вазы в господском доме.

Не видя отдыхающих под деревьями мужчин, девушки подходили все ближе, увлеченные своими букетами. Их легкие ситцевые платья обрисовывали стройные юные фигурки, почти детские. Но под горячим сицилийским солнцем женщины созревают очень рано.

Они затеяли какую-то игру: трое погнались за одной, та выскочила к обочине дороги, держа в руке большую пурпурную кисть винограда, а другой обрывая по ягодке и бросая ими в подруг. Ее пышные темные волосы отливали червонным золотом, как виноград.

На дороге у опушки апельсиновой рощи девушка вдруг остановилась, различив под деревьями светлые пятна мужских рубашек, приподнялась на пальчики, как балерина в танцевальном движении, готовая стремительно сорваться с места и убежать испуганной ланью. Пока она стояла, застыв, случайные зрители смогли разглядеть каждую черточку ее нежного лица, словно состоящего из овалов: овальные большие глаза, овалом изогнутые брови, мягкий овал лица. Ее кожа светилась теплым цветом топленых сливок, глаза казались фиолетовыми за-за густой тени мохнатых и длинных ресниц и сияли, как две дивные таинственные звезды. Припухлые, но не очень крупные губы нежного рисунка были будто окрашены кармином из спелого винограда.

Девушка произвела такое сильное впечатление, что потрясенный Фабрицио только и произнес:

— Господи Иисусе, прими мою душу, я умираю!

При первых же звуках мужского голоса она действительно убежала, как тонконогая лань, и тело под мягко облегающими складками платья казалось по-звериному грациозным и язычески невинным.

Добежав до подружек, она оглянулась, показывая в сторону рощи рукой, с зажатой в ней гроздью винограда. Ее изумительное лицо теперь смотрелось темным пятном на цветастом фоне. Она о чем-то оживленно заговорила с подружками и тут же вся стайка исчезла из виду под грозные вопли надзирающих за ними матрон.

Только теперь Майкл Корлеоне с удивлением обнаружил, что стоит на ногах. Сердце бешено колотилось в груди, в глазах все шло кругом, кровь толкалась в виски горячими молоточками. Все ароматы волшебного острова будто разом опрокинулись на него и ударили в голову, как дурман.

Наверное, душа, отделившись от тела и уносясь в райские сады, испытывает то же. С усилием расслышал он смех своих верных спутников.

— Что, громом ударило, да? — спросил Фабрицио, хлопая его по плечу. Даже Кало, ничем обычно не проявляющий своих чувств, приветливо дотронулся до руки Майкла и сказал:

— Ничего, друг, полегче на поворотах. Успокойся, — причем в голосе его слышалось неподдельное участие, будто на Майкла наехал автомобиль.

Фабрицио откупорил бутылку с вином и подал Майклу. Майкл сделал из горлышка большой глоток и в голове его чуть-чуть прояснилось.

— С чего это вы так развеселились, черти полосатые? — спросил он, стесняясь нахлынувших неожиданно чувств.

— Да ничего, не переживай, — сказал ему на это Кало вполне серьезно, — еще никому не удавалось скрыть, если настигнет «удар

грома». Тут не стесняться, тут радоваться надо. Так Господь отмечает счастливчиков.

Нельзя сказать, что Майкл стал счастливее от его слов. Особенно ему не понравилось, что посторонние смогли прочесть по лицу его мысли. Но такое случалось с ним впервые в жизни. Сегодняшние ощущения не имели ничего общего ни с детскими влюбленностями, ни с его отношениями к Кей. Любовь к Кей покоилась не на внешнем очаровании, или, во всяком случае, не только на нем. Майкла привлекали к ней другие достоинства: то, что она умна и интеллигентна, то, как умеет логически мыслить и как относится к жизни. Наконец, то, что Кей — натуральная блондинка, тогда как сам Майкл — брюнет, а противоположности кажутся особенно притягательными.

Сейчас же, здесь, в сицилийском апельсиновом саду, его охватило сумасшедшее желание обладать этой девочкой во что бы то ни стало. Ее нежное лицо, казалось, вспышкой отпечаталось на коре его головного мозга. Майкл как-то сразу понял, что если не сможет заполучить ее, неосуществившееся желание будет мучить всю оставшуюся жизнь, отрицая любые другие желания и увлечения. Он должен был добыть ее для себя одного. Все свелось к этой простой банальной мысли, все сконцентрировалось вокруг этого. Остальное перестало иметь значение. Все долгие месяцы изгнания Майкл не переставал думать о Кей, переживать из-за нее, уговаривать себя, что ему больше не суждено быть с нею вместе и даже остаться друзьями. Ведь после случившегося он был, вероятно, в ее глазах таким же убийцей-мафиозо, как другие гангстеры, мелькавшие на страницах газет. Наверное, она решила, что ничего не поделаешь, волк всегда в лес смотрит. Это все время терзало Майкла, но сейчас в один миг перестало иметь хоть какое-нибудь значение. Казалось, образ Кей бесследно исчез из его памяти.

Фабрицио деловито предложил:

— Можно сходить в деревню, разузнать, кто такая. Вдруг они доступное, чем мы думаем? Ведь от «удара грома» есть только одно лекарство. А, Кало?

Второй пастух почесал в затылке и молча кивнул головой. Майкл тоже ничего не сказал, но решительно пошел вслед за обоими пастухами к дороге, ведущей в ближайшую деревню.

Вся деревня сгрудилась домами вокруг единственной центральной площади с фонтаном посередине. Но дома выглядели довольно зажиточными, потому что большая проезжая дорога подкармливала местных жителей: здесь имелось несколько продуктовых магазинов,

винная лавка и даже маленькое кафе с гремя столиками на резной веранде.

Они сели втроем за пустой столик, один из трех. Никого не было видно, девушек — и подавно. Деревушка выглядела пустой декорацией. Только несколько мальчишек играли в придорожной пыли да дремал под навесом одинокий ослик.

Из закрытых дверей кафе наконец появился хозяин, готовый принять заказ. Приземистый, угловатый, он неожиданно приветливо поприветствовал их и водрузил на стол блюдо с турецким горошком.

— Вы нездешние, как я понимаю, — сказал хозяин, — потому послушайте доброго совета — угоститесь моим вином. Виноград из фамильного виноградника, и готовится вино по старинным рецептам. Мои сыновья, когда варят его, добавляют сок лимонов и апельсинов, Во всей Италии другого такого не найдете.

Они заказали кувшин, и вино превзошло все ожидания. Оно оказалось даже лучше, чем он говорил: густое, крепкое, как бренди, и совершенно своеобразное.

Похвалив вино, Фабрицио разговорился с хозяином.

— Вы тут, наверное, всех наперечет знаете? Нам по дороге такая красавица встретилась, что вот его «ударило громом», — и он указал на Майкла. Хозяин посмотрел на Майкла с нескрываемым интересом. До этого обезображенное шрамом лицо чужака не привлекало его внимания, но человек, испытавший на себе «удар грома», заслуживает пристального взгляда.

— Пожалуй, вам стоит выпить у меня еще пару бутылей, раз такое дело, — сказал он, — иначе не так просто будет заснуть сегодня ночью.

— А вы знаете ее? — спросил Майкл. — Волосы пышные, кожа матовая, глаза очень большие и очень темные. Не знаете?

Хозяин сухо сказал:

— Нет. Такой не знаю, — и тотчас скрылся в недрах своего заведения.

Неторопливо они прикончили кувшин и сидели некоторое время в ожидании второго, потом позвали хозяина, но он не отозвался. Фабрицио пошел за ним и сразу же вернулся назад, строя выразительные гримасы.

— Ну и влипли! — огорченно произнес он. — Девчонка-то его дочь. Так я и думал. Родитель теперь весь кипит, аж брызги летят. Надо смываться, пока он там, в задней комнате. И возвращаться в Корлеоне, далеко мы сегодня уже не уйдем, похоже.

Майкл, который до сих пор так и не смог разобраться, что же именно задевает чувствительных сицилийцев по их пресловутому кодексу чести, не мог уразуметь, почему столь невинные вопросы могли обидеть

здешнего хозяина. На его взгляд такая чрезмерная обидчивость ни к чему даже самому чувствительному сицилийцу. Но оба пастуха не увидели в поведении отца девушки ничего из ряда вон выходящего и искренне считали, что в сложившейся ситуации им лучше всего возвращаться подобру-поздорову домой. Они только ждали сигнала встать из-за стола. Фабрицио добавил предостерегающе:

— У старого черта есть два сына, здоровенные лбы, он сам говорил. Как бы чего не заварилось. Надо бы поторопиться.

Но Майкл не двинулся с места. Он посмотрел на спутников своим спокойным и холодным взглядом. До сих пор перед пастухами-телохранителями был добродушный американский парень, спокойный и мягкий, и только по тому, что он скрывается под прикрытием местного дона, можно было предположить, что его поступки бывают достойны настоящего мужчины. Теперь же на них смотрел незнакомый человек — властный и жесткий. Фамильный взгляд Корлеоне мог сразить и более сильные натуры. Здесь только дон Томмазино имел представление и о том, кто есть кто, и о причине, которая привела Майкла к нему под крыло, и держался с младшим Корлеоне подчеркнуто вежливо, как подобает с наследным принцем чужой державы, достойной всяческого уважения. Но эти бесхитростные крестьянские парни исходили из собственных бытовых суждений — и попали впросак. Застывший холодный взгляд Майкла, его побелевшее от гнева лицо, сила, которая исходила от него сейчас подобно дымку, поднимающемуся от искусственного льда, буквально придавили обоих. Усмешки и панибратство как рукой сняло.

Убедившись, что они преисполнились почтительности и внимания, Майкл коротко приказал:

— Позовите его сюда.

Оба, ни минуты не колеблясь, вскинули на плечи свои лупары и исчезли в недрах здания.

Они вышли назад через самое недолгое время, приведя хозяина, который, впрочем, ничуть не испугался, а только поостыл немного и стал несколько напряженней.

Майкл, откинувшись на спинку стула, несколько мгновений рассматривал отца поразившей его красавицы. Потом заговорил со спокойным достоинством:

— Очевидно, я задел ваши отцовские чувства, заговорив о дочери. Примите мои извинения. Я иностранец и не знаю ваших местных обычаев. Но хочу искренне заверить вас, что не имел намерения оскорбить ни ее, ни вас.

Пастухи-телохранители встали по стойке смирно. Ни разу за все время они не слышали, чтобы Майкл говорил таким тоном, как сейчас. Несмотря на извинения и формулы вежливости, голос был властным и уверенным в своем праве властвовать.

Хозяин кафе вздрогнул от неожиданности. Теперь к его недоброжелательности примешивалась уверенность, что перед ним не простой гость.

— Я не знаю, кто вы такой и чего хотите от моей дочери, — сказал он уклончиво.

Майкл ответил прямо:

— Я американец, в Сицилии прячусь от полиции. Зовут меня Майкл. Можете донести на меня властям, они будут признательны, но скорее всего в результате ваша дочь потеряет отца, а могла бы обрести мужа. Во всяком случае, я хотел бы познакомиться с ней поближе. С вашего согласия, в вашем присутствии, с соблюдением всех приличий. Я готов оказать вашей семье максимум уважения. Надеюсь, вы не станете подвергать сомнению мою порядочность и приписывать мне намерение опозорить вашу дочь — у меня и в мыслях этого не было. Наоборот, если вы позволите нам повидаться и узнать друг друга и если мы оба почувствуем, что сможем поладить, я предложу ей руку и сердце. Если же нет, не стану надоедать вам своим присутствием. Ведь я могу и не понравиться вашей дочери, а от этого нет никаких средств во всем мире. Но в случае, если она не оттолкнет моих предложений, я расскажу вам все, что полагается знать отцу жены.

Теперь все трое присутствующих смотрели на Майкла с любопытством. Фабрицио прошептал благоговейно:

— Вот это действительно «удар грома»!

Хозяин кафе заметно помягчел и утратил большую часть родительского негодования. Он спросил осторожно:

— Вы — друг друзей? — что иносказательно подразумевало причастность к мафии. Ведь сицилийцы никогда не произносят слово «мафия» вслух.

— Нет, — ответил Майкл, — я не здешний.

Хозяин кафе еще раз осмотрел его внимательным и оценивающим взглядом, отметив про себя свежий шрам на лице и длинные ноги — нетипичные для сицилийца. Потом перевел глаза на пастухов, разгуливающих с лупарами на плече, нисколько не скрываясь. Он сопоставил свои наблюдения со словами этих парней, которые зашли за ним на кухню, чтобы позвать к своему «падроне». Он ответил им тогда, что не желает разговаривать с этим чужим сукиным сыном, а желает только,

чтобы тот убрался с веранды, на что услышал настойчивое:

— Послушайте, синьор, для вас же будет лучше, если вы выйдете и переговорите по-хорошему.

И было нечто в тоне пастуха с лупарой, заставившее его выйти к Майклу. А теперь тот же внутренний голос подсказал, что ссориться с американцем не стоит, что хорошо бы проявить любезность.

Он сказал вежливо, хотя и без особой охоты:

— Приходите в воскресенье днем, попозже. Меня зовут Вителли, а мой дом — на горе, за деревней. Но лучше нам повстречаться здесь, в кафе. Я сам сопровожу вас.

Фабрицио хотел встрять в разговор, но Майкл косо посмотрел на него, и слова застыли у Фабрицио на губах. Вителли не упустил этого тоже, и когда Майкл поднялся из-за стола, чтобы уходить, счел возможным пожать его руку и изобразить на лице некоторое подобие улыбки. В конце концов, до воскресенья у него еще имелся запас времени, чтобы навести справки об этом молодом человеке. Не говоря уж о том, что не составляло особого труда встретить гостя в компании двоих вооруженных сыновей, — если сведения окажутся не в его пользу.

У Вителли имелись кое-какие связи в среде «друзей друзей», но главным аргументом все-таки был внутренний голос, который подсказывал хозяину деревенского кафе, что нельзя отворачиваться от фортуны, если эта капризная дама решила вдруг одарить их дом своей улыбкой. Красота дочери могла обеспечить всю семью благоденствием, а ее — счастливым супружеством. В общем-то все складывалось к лучшему, ведь некоторые из деревенских парней уже засматривались на девушку, а помолвка с этим иностранцем, лицо которого изуродовано явно не в дворовой потасовке, распугает всех.

Быстренько прокрутив «за» и «против» в своем привыкшем считать уме, Вителли даже одарил гостей на прощание бутылкой своего бесподобного вина. Он заметил, что один из пастухов оставил деньги по счету, и это еще более укрепило его в предположении, что Майкл — большой человек, привыкший к обслуживанию со стороны других, а эти двое приставлены к нему как раз для услуг.

Дальше они не пошли — прогулка по побережью перестала занимать Майкла. В ближайшем гараже они наняли шофера с машиной, который доставил их в Корлеоне.

Вероятно, телохранители донесли доктору Тазио о событиях дня, потому что в тот же вечер за ужином он сказал, адресуясь к дону Томмазино:

— Мнится мне, что нашего молодого друга сегодня во время прогулки «ударило громом».

На что дон Томмазино проворчал, нисколько не удивившись:

— Лучше бы гром поразил кое-кого из молодцов в Палермо — тогда я мог бы спать спокойно в ближайшие дни, — он подразумевал, конечно, своих молодых противников из «новой мафии», бросивших перчатку вызова хранителям сицилийских традиций, таким, как он, дон Томмазино.

Майкл тоже обратился к дону Томмазино:

— Вы бы велели вашим ребятам не таскаться за мной в это воскресенье. Я собираюсь на обед в дом к девушке, и им там присутствовать будет излишне.

Дон Томмазино решительно замотал головой:

— И не проси — я перед твоим отцом головой за тебя отвечаю. А если, как я успел понять, речь пошла о женитьбе, то с этим придется повременить, пока я не сгоняю кого-нибудь к дону Корлеоне за советом.

Майкл подобрался и сказал, тщательно взвешивая каждое слово, — ведь перед ним сидел человек, достойный уважительного отношения:

— Дон Томмазино, вы знаете моего отца. Он никогда не слышит слова «нет», это слово просто не доходит до его слуха. Он остается глух к любым аргументам, пока не добьется желанного «да». Но от меня ему доводилось слышать «нет», и не один раз в жизни. Так что давайте поладим так. Что касается телохранителей — Бог с ними, пусть отправляются вместе со мной, если вам так спокойнее. Но если я захочу жениться на этой девушке, я женюсь. Поймите меня правильно: если уж я не позволяю отцу вмешиваться в мою личную жизнь, было бы непочтительно по отношению к нему позволить вмешаться вам. Ведь так?

Старый мафиозо глубоко вздохнул:

— Ну, как знаешь. Хочешь жениться — женись, девушка она хорошая, семья порядочная, никто о ней дурного слова не скажет. А осчастливить ее своей любовью без благословения все равно не выйдет, иначе или ее отец тебя прирежет, или тебе самому придется взяться за оружие. Да и я сам, близко зная эту семью, не позволю совершиться бесчестию.

— Да еще как сложится, — сказал Майкл. — Вдруг я отпугну ее своей внешностью, красавцем меня сейчас никак не назовешь. Да и молода она слишком, я ей, наверное, покажусь стариком, — тут оба старика одинаково усмехнулись. Майкл заметил их усмешку и перевел разговор: — Мне понадобятся деньги для подарков, дон Томмазино. И еще, возможно, автомобиль.

— Фабрицио позаботится о машине, — кивнул дон Томмазино. — Он

парень деловой, служил во флоте и техники не боится. Деньги для тебя принесут утром. Ну, а там — будь что будет. Я готов заменить тебе отца, если понадобится. Это мой святой долг.

— Как бы прекратить мой проклятый насморк? — спросил Майкл доктора Тазио. — Не найдется ли в вашей аптеке каких-нибудь сильнодействующих средств? Я сгорю от стыда, если вынужден буду ежеминутно сморкаться в ее присутствии.

— Есть у меня одно средство, — сказал доктор Тазио. — Перед самым свиданием я обработаю им твое лицо. Чувствительность будет утрачена, но пусть это тебя не заботит, почувствовать радость от ее поцелуя в воскресенье тебе не предстоит.

В воскресенье в распоряжение Майкла был предоставлен «альфа-ромео» — не новый, но вполне пригодный для употребления. Но в Палермо он съездил на автобусе и там накупил кучу подарков для всей семьи и для Аполлонии — так звали девушку, как выяснилось. Имя показалось ему таким же пленительным, как ее лицо, и каждую ночь он засыпал с ним на устах, представляя себе ее саму, В качестве снотворного он изрядно напивался по вечерам, а прислуге было приказано ставить рядом с его постелью бутыль легкого охлажденного вина, чтобы утолять жажду. Как правило, к утру эта бутыль была пуста.

В воскресенье, когда перезвон колоколов раздавался от церкви по всей Сицилии, Майкл поехал в знакомую уже деревню на своем «альфа-ромео». Кало и Фабрицио со своими лупарами устроились на заднем сиденье. Остановив машину на площади перед фонтаном, где расположилось кафе Вителли, Майкл приказал телохранителям оставаться на месте, а сам двинулся по направлению к пустынной веранде. Дверь кафе оказалась закрыта, но хозяин ожидал их, облокотившись на резные перила.

Они обменялись рукопожатиями, потом Майкл достал с переднего сиденья три свертка с подарками и пошел следом за Вителли вверх по тропинке на горку — к большому дому. Дом оказался значительно просторнее обычных крестьянских жилищ — вероятно, кафе на площади неплохо кормило семью. Но внутри все выглядело вполне традиционно, как и положено в сицилийских домах — только и украшений, что статуэтки мадонн под стеклянными колпаками и огоньки многочисленных ламп под ними. Оба брата девушки — кряжистые, в темных торжественных костюмах — поднялись навстречу гостю. Им было лет по двадцать с небольшим, но тяжкий крестьянский труд наложил на их грубые лица и фигуры свой отпечаток: парни казались вполне взрослыми и заматеревшими.

Хозяйка — мать Аполлонии смотрелась под стать мужу — такая же плотная, коренастая, но куда более активная. Сама Аполлония пока не появлялась.

После первых приветственных слов, которые Майкл от волнения почти не слышал, все уселись рядком в большой комнате — то ли гостиной, то ли столовой. Разностильная, но добротная мебель свидетельствовала о достатке, хоть и не слишком большом. По понятиям Сицилии Вителли жили вполне зажиточно.

Майкл поспешил передать супругам приготовленные для них подарки: главе семейства — золотой портсигар, синьоре — отрез самой дорогой материи, которая нашлась в Палермо. Еще один сверток — для девушки — остался у него в руках.

Хозяева поблагодарили вежливо, но сдержанно — подарки показались им слишком дорогими для первого визита. Отец Аполлонии грубовато, как мужчина мужчине, сказал гостю:

— Не подумайте, что мы первого встречного в дом впускаем. За вас поручился сам дон Томмазино, а в словах этого уважаемого человека в наших краях никто не усомнится. Поэтому мы рады принять вас у себя. Но если ваши намерения насчет моей дочери и впрямь серьезные, то и разговор пойдет серьезный. Вам придется рассказать, кто вы родом — ведь ваша семья, как я знаю, уехала из здешних мест.

Майкл согласно кивнул головой:

— Можете не сомневаться, синьор Вителли, я готов немедленно удовлетворить ваше любопытство.

Глаза хозяина кафе весело блеснули. Он протестующе вскинул вверх ладони:

— Я не столь любопытен. Поживем — увидим, надо ли знакомиться ближе. А пока вы у нас в гостях как друг дона Томмазино… — и тут Майкл, несмотря на анестезирующий препарат, которым доктор Тазио обработал его лицо, почувствовал дуновение свежих цветочных запахов и сразу понял, что в комнату вошла она, Аполлония. Он невольно обернулся и убедился, что девушка действительно стоит в сводчатом проеме дверей, ведущих в заднюю половину дома. Аромат цветов и свежесорванных апельсинов стоял над нею, как облако, хотя на строгом черном платье девушки и в пышных ее волосах не было никаких украшений. Она подарила Майклу один-единственный взгляд и легкую, едва заметную улыбку, а затем, опустив длинные ресницы, скромно села рядом с матерью.

От ее появления у Майкла, как тогда, перехватило дыхание, опять кровь бешено застучала в висках. Чувство, которое он сейчас испытывал, было далеко от обычного плотского желания. Ему хотелось нераздельно и постоянно владеть этой красотой. Сейчас он понимал, откуда берется классическая итальянская ревность, туманящая горячие головы, — ведь и ему в этот момент ничего не стоило уничтожить любого, кто посмел бы оспорить его права на Аполлонию, дотронуться до нее, посмотреть косым взглядом. Он возжелал обладать ею, как бедняк мечтает о собственном клочке земли или скупец тоскует о золотых кладах. Теперь не просто было остановить Майкла — он готов был на все, чтобы заполучить девушку. Он ни с кем не хотел делиться ею, и когда она вдруг улыбнулась одному из братьев, Майкл, сам того не осознавая, послал вслед за ее улыбкой свой убийственный взгляд.

Теперь вся семья получила возможность своими глазами удостовериться, что с парнем настоящий «удар грома», а ни что иное, и это обнадежило их. Теперь ему никуда не деться до самой свадьбы, голубчику. Аполлония может веревки из него вить, если пожелает. После женитьбы, конечно, ситуация может и измениться, но потом это уже не будет иметь значения.

На сей раз Майкл прибыл в приличном костюме, специально для знакомства приобретенном в Палермо, так что никто из родственников Аполлонии уже не принимал его за простого крестьянина. Вообще Вителли чутьем чуяли в нем дона. Искалеченная щека совсем не выглядела пугающе, как думал Майкл, а скорее интригующе, слишком разительным контрастом казалась вторая, безупречная половина лица.

Впрочем, в здешнем краю нужно было потерять какой-нибудь жизненно необходимый орган, чтобы окружающие признали это уродством.

Майкл любовался лицом девушки. Губы ее казались теперь коричневыми от темной пульсирующей под кожей крови. Удивительные линии овалов складывались в тончайшую живопись. Он хотел заговорить с нею, но не решался произнести вслух имя, ласкавшее губы, как запретный плод.

— Я увидел вас недавно у апельсиновой рощи. Вы сразу убежали. Не меня ли вы испугались? — спросил он.

Она на короткий миг вскинула тенистые ресницы над звездными своими глазами и сразу же опять опустила их, отрицательно мотнув головой. Красота глаз, приоткрывшихся в этот миг, ослепила Майкла, и он тоже поспешно спрятал взгляд.

Мать подтолкнула локтем девушку и сказала кисло-сладким тоном:

— Да поговори же с человеком, Аполлония! Он приехал издалека, чтобы повидаться с тобой.

Ресницы девушки дрогнули, как крылья бабочки, но она ничего не сказала. Майкл протянул ей сверток. Она молча взяла и сложила к себе на колени, не разворачивая.

Отец сказал:

— Можешь посмотреть, что там внутри, дочка.

Аполлония продолжала сидеть неподвижно, придерживая пакет маленькими, смуглыми, как у подростка, руками. Мать потянулась к ее коленям, взяла сверток и нетерпеливо, хоть и аккуратно развернула плотную бумагу. Красная бархатная коробочка из ювелирного магазина повергла ее в смятение — наверное, ей не доводилось держать в руках подобных вещей. Но мамаша не растерялась и инстинкт легко подсказал ей, какую надо нажать кнопочку, чтобы открыть замочек.

Коробочка распахнулась: на алом бархате лежала массивная золотая цепь, узорчатая, как ожерелье.

Подарок окончательно запугал семейство Вителли. В их среде такое подношение не оставляло никаких сомнений в серьезности намерений. Ясно, что Майкл решил жениться или, во всяком случае, будет делать предложение. Все сомнения по его адресу отпадали сами собой. Не приходилось уже волноваться и по поводу того, что он сам из себя представляет. Какое это могло иметь теперь значение?

Аполлония по-прежнему не прикасалась к подарку. Только когда мать, держа за концы, протянула ей золотое ожерелье, девушка опять взмахнула ресницами и, подняв на Майкла удивительные свои глаза, сказала одно короткое слово: «Грацио». Он впервые услышал звук ее голоса, мягкого и робкого от молодости и бархатистого — от глубины. У Майкла зазвенело в ушах. Он не мог спокойно смотреть на нее и пытался только поддерживать разговор с родителями. Достаточно было взгляда в ее сторону, чтобы сознание начинало мутиться. Тем не менее он разглядел, что под грубым и простым платьем прячется стройная, хорошо сложенная фигурка. И что нежная кожа цвета топленого молока становится смуглой, когда ее лицо заливает румянец смущения.

Надо было прощаться. Он поднялся, чтобы уходить. Вся семья тоже церемонно встала, провожая гостя. Девушка, как и прочие, подала ему руку на прощание. Прикосновение к ее теплой коже подействовало на него, как удар тока, хотя ручка оказалась крепкой и шершавой — ладошка маленькой крестьянки.

Сам Вителли проводил Майкла вниз, до автомобиля, и пригласил на обед в следующее воскресенье.

Майкл согласно кивнул, хотя это означало, что он не увидит ее еще целую долгую неделю.

Но он не выдержал бы неделю. Он явился назавтра же, один без телохранителей, и уселся на веранде кафе, развлекая болтовней отца, пока тот не сжалился над ним и не послал за женой и дочерью. Теперь уже все вели себя свободнее, Аполлония меньше смущалась Майкла и набралась смелости произнести несколько законченных фраз. Одета она была в цветастое ситцевое платье, которое лучше гармонировало с живыми красками ее лица.

Так повторялось ежедневно. Только на следующий раз шею девушки украшало золотое ожерелье, которое он ей подарил, означая, что подарок принят. Майкл улыбнулся ей, правильно поняв знак. Они вместе пошли вверх, до дома, в сопровождении матери. Но хотя мать шла позади, ни на шаг не отставая, им удавалось коснуться друг друга рукой, сгибом локтя. На крутом подъеме Аполлония вдруг споткнулась, Майкл немедленно подхватил ее, на секунду задержав в объятиях теплое хрупкое тело. Он не видел улыбки, которой мать сопроводила этот эпизод. Она-то знала, что дочь умеет бегать по здешним горам не хуже дикой козочки и не спотыкалась на этом склоне ни разу, с тех пор, как сбросила последние ползунки. Но деревенские традиции строги — другого случая прикоснуться к девушке до самой свадьбы может не оказаться.

Свидания продолжались две недели. Майкл с радостью дарил подарки, торопя события и демонстрируя семье Вителли не только добропорядочность, но и состоятельность. Аполлония перестала дичиться и куда свободнее держалась с ним. Но они ни разу не оставались наедине.

Майкл видел, что Аполлония — обычная деревенская девушка, вполне невежественная, понятия не имеющая об огромном мире, лежащем вокруг ее маленькой Сицилии. Но его влекли ее свежесть восприятия, умение радоваться жизни. Даже то, что думали они на разных языках, казалось Майклу невероятно забавным. Все в ней нравилось ему.

А поскольку девушке он тоже приглянулся и к тому же сомнений в его богатстве у Вителли больше не было, бракосочетание назначили очень быстро, через две недели, в очередное воскресенье.

Дон Томмазино к этому времени уже успел связаться с Вито Корлеоне, который попросил не чинить препятствий Майклу, а только позаботиться о безопасности. Посему старый мафиозо сам себя назначил посаженным отцом жениха, обеспечивая тем самым присутствие на свадьбе целой

толпы телохранителей. И Кало, и Фабрицио, и доктор Тазио, разумеется, тоже были приглашены. Жить новобрачным предстояло за высокой каменной стеной усадьбы доктора Тазио.

А в принципе их свадьба ничем особенным не отличалась от любой другой деревенской. Как положено, крестьяне выстроились вдоль дороги и осыпали путь перед церемонией цветами. Жених с невестой, родители и гости пешком отправились в церковь, а оттуда — в дом Вителли. Теперь наоборот — из свадебной процессии в толпу рассыпали засахаренный миндаль.

Свадебное пиршество продолжалось до полуночи, а с утра пораньше молодые должны были укатить на своем «альфа-ромео» на виллу доктора Тазио вблизи Корлеоне. Когда садились в автомобиль, Майкл с удивлением обнаружил, что мать Аполлонии тоже собирается ехать с ними.

— Так хочет невеста, — пояснил отец. — Ведь она совсем молода и невинна, ей страшно оказаться одной после первой брачной ночи. Надо, чтобы кто-нибудь из близких был рядом, чтобы наставить, успокоить, помочь, если что не так.

Майкл посмотрел на Аполлонию и увидел вопрос в ее темных, как ночь, огромных глазах. Он улыбнулся и кивнул ей головой.

Поэтому, когда машина с новобрачными подъехала к вилле доктора Тазио, на заднем сиденье размещалась новоиспеченная теща Майкла Корлеоне.

Но теща не стала надоедать своим присутствием. Как только они прибыли на место, синьора Вителли обняла и расцеловала свою дочь и немедленно испарилась, предоставив молодым возможность уединиться в огромной, специально прибранной спальне.

Аполлония долго стояла, не снимая даже легкой накидки, в которую укуталась поверх подвенечного платья перед дорогой. Слуги внесли в спальню сундук с приданым и дорожный чемодан невесты, но она не прикасалась к вещам, не пыталась обжиться в незнакомом месте, а словно затихла изнутри, затаилась. Ее состояние передалось Майклу. Они оба не дотронулись ни до вина, приготовленного для их услады на столике рядом с постелью, ни до легких воздушных пирожных, крошечных, как полевые цветы. Огромная низкая кровать гипнотизировала Аполлонию, как змея кролика. Она не решалась шевельнуться, ожидая, что Майкл сделает первый шаг.

А Майкл, завладев желанной девушкой на правах законного супруга, заполучив ее для себя одного, о чем мечтал со всей силой мужского

желания, теперь, когда перед ним не было уже никаких препятствий и он мог безраздельно насладиться этим нежным, ароматным плодом, вдруг почувствовал полную апатию. В молчании смотрел Майкл, как она стоит, повесив тонкие руки, посреди комнаты, как снимает кружевную фату и вешает на спинку стула, а затем укладывает на сиденье свой нарядный свадебный венец. На туалетном столике перед большим зеркалом выстроились флакончики и баночки со всевозможными духами и кремами — Майкл позаботился об этом заранее, чтобы еще раз порадовать ее. Аполлония с минуту разглядывала незнакомые предметы с видом любопытствующей кошки, потом равнодушно отошла.

Майкл подумал, что, наверное, она стесняется раздеваться при свете, и погасил лампу. Большая сицилийская луна немедленно заглянула к ним в спальню, заливая все серебристым прохладным светом. Майкл рассердился на луну и потянулся к шторам. Обернувшись, он увидел, что Аполлония все так же тихо и неподвижно стоит в своем белом невестином платье.

Он не придумал ничего лучшего, как оставить ее одну. Поколебавшись, Майкл прошел через галерею в ванную комнату. Дон Томмазино и доктор Тазио по обыкновению пили вино на веранде за круглым столиком. Он выпил с ними бокал, потом еще один. Хорошо бы, подумал он, если б она за это время переоделась в ночное белье, вылезла, наконец, из всех этих кружев и вуалей. Странно, что мать не сообразила помочь ей переодеться. Какие другие услуги собиралась она оказать дочери в первую брачную ночь? Или Аполлония ожидала, что Майкл снимет с нее подвенечный наряд? Но вспомнив, как стеснительна и робка девушка, Майкл почувствовал, что не стоило смущать ее еще больше. Он не мог себе представить, как подступиться к ней.

Вернувшись в спальню, Майкл обнаружил, что шторы теперь плотно закрыты — он оставил их задернутыми до половины, значит, кто-то завершил начатую им работу. Ощупью он добрался до постели и смутно различил в темноте контуры девичьего тела под тонким покрывалом.

Она не надела ночного белья, и эта отчаянная решительность привела Майкла в восторг. Медленным и бережным жестом он привлек к себе юное шелковистое тело, и Аполлония с готовностью и даже с поспешностью ответила на его призыв. Наконец-то она лежала в его объятиях.

В ту ночь и во многие последующие ночи Майкл Корлеоне хорошо оценил народную мудрость, придающую высокую цену девичьей невинности. Сейчас он переживал такой яркий всплеск чувств, какого не знал никогда раньше. К радости взаимной страсти примешивалось сознание собственной мужской силы, упоение красотой и непорочностью

Аполлонии. Удивительно приятно было наблюдать, как бутон распускается в дивный цветок, как в девочке пробуждается юная женщина, доверчивая и восхитительная, будто плод, сорванный в самую пору. Аполлония покорялась ему, как преданная раба; и господствовала над ним, как царица мира. Бесконечно веря нежной ласке мужа, она за короткий срок прошла по всем ступеням, которые не минует любовь, от первого порыва невинного чувства до полноты эротического восторга.

Ко всему прочему, присутствие юной женщины развеяло мрачную атмосферу докторского дома. Она отослала домой свою мамашу сразу же после первой брачной ночи, и теперь грациозно хозяйничала за холостяцким столом доктора Тазио со всей непосредственностью и старательностью молодой хозяйки. Дон Томмазино опять зачастил на ужины к старому доктору, а доктор опять принялся рассказывать свои увлекательные истории про героические дела мафии, которые, правда, несколько потускнели от частого повторения.

Вечерами они вместе бродили по тесному саду меж роскошных скульптур, а по ночам в тишине и темноте своей спальни часами неистово и счастливо предавались любви. Майкл никак не мог насытиться телом Аполлонии, ее кожей цвета топленого молока, ее огромными карими глазами, манящими, как звезды, ее ароматом, напоминающим запах цветущих трав. Они так подходили друг другу, что казалось, Господь специально подобрал их в пару, действительно свершив этот брак у себя на небесах.

Часто они в изнеможении засыпали уже на рассвете. Майкл любил смотреть на прекрасное, будто созданное руками ваятеля, тело своей возлюбленной в лучах раннего утреннего солнца, пробивающегося сквозь плотно затянутые шторы.

В первую неделю молодые совершали небольшие путешествия по округе на «альфа-ромео», но вскоре дон Томмазино предупредил Майкла, отведя его в сторону, что прогулки сейчас небезопасны. Благодаря такому приметному событию, как свадьба, личность Майкла Корлеоне перестала быть тайной для здешнего населения, а значит стоило предпринять дополнительные меры предосторожности против длинных языков и еще более длинных рук врагов Семьи Корлеоне.

Теперь вокруг виллы старого доктора постоянно дежурили вооруженные телохранители, готовые в любую минуту пустить в ход свои лупары. Кало и Фабрицио с еще большим усердием исполняли прежние обязанности. Майклу и его молодой жене пришлось отказаться от любых прогулок за пределами усадьбы, ставшей местом их добровольного

заточения.

Чтобы занять время, Майкл занялся обучением Аполлонии чтению и английскому языку. Иногда он гонял автомобиль вдоль ограды усадьбы и давал ей подержаться за руль.

Дон Томмазино опять стал исчезать на целые недели: его отвлекали неотложные дела. Доктор Тазио, поясняя, что дон пропадает не по своей воле, рассказал о «новой мафии» и новых формах бизнеса. Молодые мафиозо в Палермо упорно наступали на пятки старым вождям.

Однажды к Майклу обратилась одна из старых служанок, подававшая на стол блюдо со свежими фруктами. Впрочем, она была даже не служанкой, а крестьянкой, взятой в дом для услужения молодым. Прямо в присутствии дона Томмазино и доктора Тазио старуха спросила:

— Скажите, молодой синьор, правда ли, что ваш отец — дон Вито Корлеоне?

Дон Томмазино, услышав это, с неудовольствием покачал головой: ничего себе тайна, когда ее знает каждый встречный. Майкл посмотрел на женщину пристально, и по ее глазам увидел, что его ответ для нее жизненно важен.

— Вы знали дона Корлеоне? — вопросом на вопрос ответил он.

— Крестный отец спас мне жизнь, — сказала она. — Или уж во всяком случае уберег от дурдома.

Майкл почувствовал, что она сказала не все, что хотела, и ободряюще улыбнулся. Тогда она задала второй вопрос, преодолевая застарелое чувство страха:

— А правда ли, что Люка Брази мертв?

Майкл подтвердил это кивком головы, и чувство облегчения сейчас же озарило морщинистое, темное от старости лицо, Майкл подумал, что женщина, наверное, знает кое-что о страшном Люке Брази, чего не подозревает никто другой, и любопытство, всегда одолевавшее его по отношению к Люке, поднялось опять.

— Может, вы расскажете мне о Люке Брази и моем отце? — попросил он, приглашая женщину сесть рядом и наливая ей вина в большой стакан. — Не бойтесь ничего, — продолжил он мягко.

Женщина, которую звали Филомена, подняла глаза на дона Томмазино, словно спрашивая у него позволения говорить, Тот кивнул, и она начала рассказ.

Тридцать лет назад, когда Филомена была повивальной бабкой в итальянских кварталах на Десятой авеню в Нью-Йорке, где бедные эмигрантки беременели то и дело и рожали из года в год, дела у повитух

шли лучше не надо. Да и муж Филомены преуспевал в своей бакалейной лавке, сейчас-то он помер, царство ему небесное. Но как-то в злосчастную ночь, когда все добрые люди спят, кто-то постучал в дверь к Филомене. Она совсем не испугалась, потому что привыкла к ночным приглашениям: дети любят являться на божий свет, когда вокруг тихо. Поэтому, наскоро накинув одежку, приоткрыла дверь и увидела Люку Брази, уже тогда слывшего ужасом в их округе. Филомена знала, что жены у него нет, поэтому страх сразу же подкатил к горлу: вдруг Люка пришел сводить счеты с мужем? Все лавочники дрожали перед Люкой Брази.

Но Люке нужны были услуги самой Филомены. Он сказал, что хочет увезти ее с собой, потому что в одном доме, довольно далеко — он назвал адрес, — рожает женщина. Сердце подсказало Филомене, что дело неладное. Достаточно было увидеть лицо Люки, которое и обычно-то производило жуткое впечатление, а сейчас вообще выглядело дьявольским, будто самые страшные бесы раздирали его изнутри.

Она хотела отказаться, но Люка всучил ей пачку зеленых банкнот и потащил за собой. У нее не хватило решимости сказать «нет».

На улице их ждала машина, за рулем которой восседал водитель не менее злодейского вида, чем Люка Брази. До дома в Лонг-Айленде ехали примерно полчаса, так быстро летела в ночи дьявольская машина. Дом, рассчитанный, вероятно, на две семьи, стал бандитским пристанищем. В кухне несколько головорезов играли в карты и потягивали виски.

Роженица оказалась очень симпатичной ирландкой, совсем девочкой, с огромным, как бочонок, животом и совершенно запуганным видом. Стоило Люке войти в комнату, как ее, бедняжку, затрясло от ужаса. Да, чего-чего, а любви между ними не было, тут и к бабке не ходи, так видно.

Но Люка не стал задерживаться около нее. Повитухе помогали двое дюжих молодцов.

Когда все благополучно завершилось, измученная мать тяжело закрыла глаза, забывшись усталым сном, а Филомена, завернув ребенка в одеяльце, вышла к Люке Брази и протянула ему сверток, говоря по обычаю:

— Я сделала свое дело, вот девочка, и я передаю ее в руки отца.

Но Люка Брази не принял ребенка. Он посмотрел на Филомену безумными глазами, и жуткая гримаса перевернула его лицо, как это видишь в кривом зеркале.

— Да, я отец, — произнес он, — и потому не желаю, чтобы эта порода жила на белом свете. Отнеси ее вниз и брось в огонь.

Филомена не поверила своим ушам. Ее поразило слово «порода» и то, как он произнес его. Что он хотел сказать этим? Что мать ребенка не

сицилийка? Или что он сошелся с нею, подобрав на панели, потому что, судя по виду роженицы, по выкрашенным ее волосам, порода у нее и впрямь была, попросту говоря, дворняжья. Или он имел в виду, что дитя, рожденное от него, не имеет права жить на свете?

Она решила, что он просто грубо пошутил. Если Люка Брази умел шутить, то его шутки скорее всего бывали такого пошиба. Поэтому сказала сухо:

— Ребенок ваш — поступайте с ним, как вздумается.

Но тут из соседней комнаты донесся сдавленный крик матери, увидевшей сквозь открытую дверь, как впились в пакет с малышкой грубые пальцы Люки Брази.

— Люка, — кричала она беспомощно, — смилуйся, Люка!

Тот повернул к ней свое лицо, и взгляды скрестились, как клинки, как клыки диких зверей. В них нельзя было прочитать никаких человеческих чувств, кроме ненависти, переходящей любые границы, и какой-то болезненной животной страсти. Казалось, для этих двоих никого больше в мире не существует, даже новорожденного ребенка. Их взаимная ненависть обжигала и притягивала, как вечное проклятие.

Люка Брази отнял руки от девочки и приказал Филомене:

— Сделай, что я велел — не пожалеешь. Золотом осыплю.

Филомена, онемев от ужаса, только замотала головой. Потом собралась с силами и сказала еле слышно:

— Делайте это сами, ведь вы отец.

— Молчать! — рявкнул он хрипло. — Глотку перережу, если вздумаешь препираться.

Наверное, она была в прострации все дальнейшее время, потому что помнит только, что стоит у жарко полыхающей печи рядом с Люкой Брази, держит в руке мирно спящую девочку, завернутую в одеяло, и кто-то открывает печную заслонку.

Девочка не издавала ни звука, закричала Филомена. Тогда Люка и правда достал большой нож из-под рубашки, и она поняла, что он ни на секунду не засомневается, стоит ли убивать ее. Глаза Брази горели не менее ярко, чем огонь на угольях.

Филомена замолчала. Скрестив костлявые руки на груди, она посмотрела прямо в лицо Майклу. Он понял, что она не может произнести вслух то, что случилось дальше, и чтобы избавить женщину от необходимости назвать все своими именами, мягко спросил:

— И вы сделали это?

Филомена кивнула. Она залпом осушила стакан вина и несколько раз

перекрестилась. Скороговоркой пробормотала слова молитвы и только потом продолжила рассказ.

Ей всучили полный кошелек денег и отправили домой на машине. Она понимала, что любое сказанное слово может стоить ей жизни. А два дня спустя Брази убил все-таки юную ирландку, мать малютки, и его арестовали. Смертельно напуганная, Филомена отправилась к Крестному отцу и выложила ему все. Он приказал ей покрепче держать язык за зубами и пообещал все уладить.

В ту пору Люка Брази еще не работал на дона Корлеоне.

Прежде, чем дон вмешался, Люка сделал попытку покончить с собой, перерезав собственное горло куском стекла. Его перевели из одиночной камеры в тюремный лазарет, и пока он там поправлялся, дон Корлеоне успел сделать все, как надо. У следствия не оказалось неопровержимых улик, и Люка Брази за отсутствием состава преступления прямо из зала суда вышел на свободу.

Хотя дон заверил Филомену, что ей не надо бояться ни полицию, ни Люку, места она себе не находила от беспокойства. Нервы ее вконец расшатались, даже работа не успокаивала. В конце концов она убедила супруга продать дело и вернуться в Италию. Ее муж был добрым человеком, он поддался на ее уговоры. Но в Италии по слабости характера он в два счета спустил все, что дала им Америка. Удача отвернулась от него, вот и пришлось ей после смерти мужа идти в услужение.

Этими словами Филомена закончила свою историю, выпила еще стакан вина и сказала Майклу:

— Я всю жизнь благословляю имя вашего отца. Он не раз присылал мне деньги, когда я об этом просила, и спас меня от лап Люки Брази. Передайте ему, что я каждый вечер молюсь за него и прошу Господа, чтобы страх смерти не коснулся его души.

Когда она ушла, Майкл спросил дона Томмазино:

— Так все и было?

Дон Томмазино кивнул, подтверждая. «Ничего удивительного, — подумал Майкл, — что никто не хотел посвящать меня в историю о Люке Брази. Ничего себе история. Ничего себе Люка…»

На следующий день поутру дону Томмазино сообщили, что в Палермо для его гостя есть послание. Был отряжен курьер. К вечеру дон Томмазино сам приехал в усадьбу к доктору Тазио, чтобы сообщить Майклу дурную весть.

— В Америке произошло еще одно несчастье, — сказал он, отозвав Майкла в сторону. — Держись, мой мальчик. Твой брат Сантино Корлеоне

убит.

ГЛАВА 24

Как всегда, сицилийское утро заливало золотистым солнечным светом спальню, где Майкл, только что пробудившийся от сна, в который раз восхищенно разглядывал лежащую рядом Аполлонию. Ее жалко было будить. Она спала, раскинувшись, будто малое дитя, и солнце гладило ее медовую кожу.

Теперь Аполлония была уже на втором месяце беременности. Сегодня они собирались переезжать с виллы доктора Тазио в другое укрытие. В последнее время в окрестностях Корлеоне стало слишком беспокойно. Дон Томмазино накануне вечером долго разговаривал с Майклом за столом в саду, когда Аполлония уже ушла.

— Твоя женитьба раскрыла все карты, — говорил он озабоченно. — Удивительно, почему дон Корлеоне не волнуется за твою безопасность здесь. Ему следовало бы найти для вас с Аполлонией не только дом, но и другую страну. В Сицилии сейчас тревожно.

Дон Томмазино решил переправить их в другой городок на южном побережье. Фабрицио и Кало тоже поедут с ними.

Но прежде чем уехать отсюда, Аполлония захотела погостить в родительском доме неделю-другую. В ее новом положении ей опять понадобились материнские наставления. Майкл решил завезти ее по дороге, а потом, недели через две, прислать за нею машину, чтобы она приехала уже на новое место их обитания.

Дон Томмазино предупредил, что утром не сможет проводить их, так как дела призывают его опять в Палермо. Доктора Тазио тоже не будет, да оно и к лучшему — старый греховодник опять нацелился в свой очередной экскурс по палермским бардакам, как бы не ляпнул лишнего сгоряча.

Майкл с благодарностью принял предложение дона Томмазино. Того явно одолевали неприятности, нельзя было не заметить, как он осунулся, как часто нервничает даже в кругу друзей и не решается выйти на улицу без охраны. С оружием дон вообще не расставался.

Если они уедут подальше от беды, дон Томмазино тоже почувствует себя спокойнее. Во всяком случае одной заботой станет меньше.

Майкл прикоснулся рукой к горячему от сна плечу Аполлонии. Она проснулась, мягко и грациозно потянулась, будто молодой игривый зверек, и убежала в ванную наводить туалет. Майкл, все еще лежа под утренними лучами, выкурил первую сигарету. Потом загасил окурок, облачился в

простые рабочие брюки и рубашку, нахлобучил кепку с козырьком — неизменный атрибут сицилийского мужчины. Босиком подошел к окну спальни и выглянул во двор. Внизу, удобно устроившись на летнем плетеном кресле, нес караул телохранитель — Фабрицио. Правда, сейчас он был занят в основном тем, что наводил красоту на свои иссиня-черные кудри, водя по ним густой гребенкой.

Майкл свистнул ему. Фабрицио оглянулся.

— Выводи автомобиль, — приказал Майкл. — Скоро едем. А Кало где?

— Кало на кухне, пьет кофе, — ответил Фабрицио. — А ваша супруга тоже поедет вместе с вами?

Майкл с интересом посмотрел на парня. Расстегнутая на груди рубаха обнажала знакомую татуировку с роковым сюжетом. С чего бы это его интересовало, куда поедет Аполлония? Не то, что Фабрицио позволял себе поглядывать на молодую жену друга дона Томмазино, — такое может позволить себе на Сицилии лишь свихнувшийся самоубийца, — но как-то излишне часто парень посматривает в сторону Аполлонии. Майкл подчеркнуто холодно ответил:

— Нет. Она побудет у своих родителей в гостях.

Фабрицио сейчас же с услужливой готовностью направился к каменному строению, где размещался гараж и стояла «альфа-ромео».

Майкл пошел умываться. Аполлонии не было видно, наверное, убежала готовить ему прощальный завтрак.

В кухне ее тоже не оказалось.

— Где Аполла? — спросил Майкл у Кало, вошедшего в спальню за чемоданом.

Замкнутое лицо Кало озарилось сдержанной улыбкой:

— Синьора села за руль. Хоть никогда не была в Америке, а уже совсем как американка стала.

Ей действительно очень нравилось водить машину, она уже почти научилась этому неслыханному и невероятному для сицилийской деревенской девушки делу.

Майкл сказал Кало:

— Ступайте с Фабрицио в машину, садитесь и ждите меня. Я сам принесу чемодан.

Чемодан был уже собран, Аполлония еще с вечера пересмотрела и собрала все необходимое. Перед тем, как выйти, Майкл огляделся по сторонам, окинул взглядом всю комнату и опять посмотрел за окно. Машину вывели из гаража, но не подогнали к крыльцу, а оставили почему-то у портика подле парадного подъезда. Аполлония сидела на переднем

сиденье, аккуратно, будто школьница за партой, сложив руки на руле. Она была похожа на маленького ребенка, залезшего поиграть в папин автомобиль.

Кало ставил в багажник корзину с продуктами на дорогу. Фабрицио — Майкл с раздражением отметил это про себя — двигался по направлению к воротам. Наверное, что-то забыл сделать и вспомнил в самый последний момент, растяпа. Совсем распустился парень, черт бы его побрал… Надо будет сделать внушение.

У ворот Фабрицио вдруг воровато оглянулся, Что-то недоброе скользнуло в сознании Майкла, какая-то неясная тень, но он отогнал ее. Спустился с чемоданом на крыльцо навстречу утреннему легкому ветерку и ласковому солнцу. Запах цитрусовых окружал сад.

Аполлония помахала рукой Майклу, показывая жестами, что она сама хочет подогнать машину к крыльцу. Кало, тихо и радостно ухмыляясь, стоял рядом с лупарой на плече. Фабрицио исчез совсем. И тут из незначительных вроде бы деталей в мозгу у Майкла сложилась ясная и страшная картина. Все части подошли одна к другой, ошибки не могло быть.

— Стой! — крикнул он Аполлонии. — Не надо! Нет…

Но было уже поздно. Сильный взрыв заглушил его слова и его крик: Аполлония включила зажигание. Взрывом кухонную дверь разбило в щепки. Майкла отшвырнуло вбок, к самой стене, придавив сверху грудой камней. Чем-то тяжелым его ударило по голове, и последнее, что он видел, теряя сознание, были четыре колеса на стальной оси, искореженные до неузнаваемости, — все, что осталось от «альфа-ромео».

Майкл очнулся в полной темноте, потянувшись на приглушенный звук голосов. Но слов он не смог разобрать, и, повинуясь инстинкту, постарался не показать, что пришел в себя. Но разговор прервался и кто-то, сидящий рядом, наклонился над ним со словами: «Ожил, слава тебе, Господи!»

Майкл ощущал, что все тело и особенно голова налиты тяжестью, как свинцом. Лиц он не различал. Только низко наклонившееся над ним белесое пятно постепенно стало напоминать очертаниями голову доктора Тазио. Свет полоснул Майкла по глазам.

— Я только минуточку посмотрю и сразу погашу, — пообещал доктор, светя фонариком прямо в глаза Майклу. — Ну, ничего, могло быть и хуже. Со временем обойдется, — продолжал он. Потом выпрямился, погасил свет и сказал — С ним можно поговорить, только недолго.

— Пару слов, — согласился дон Томмазино. Оказывается, это он сидел рядом на стуле, теперь Майкл вполне признал его.

— Майкл, Майкл, ты меня слышишь? — спросил дон Томмазино. — Ты в состоянии понять мои слова?

Язык отказывался повиноваться Майклу. Единственное, что он смог, — это приподнять и вновь опустить руку, подавая знак. Дон Томмазино понял его и продолжал:

— Ты знаешь, кто выводил машину из гаража? Это был Фабрицио, да?

На застывшем неподвижном лице Майкла возникла зловещая ледяная улыбка, о которой он сам не подозревал, но которая произвела впечатление на дона Томмазино и на доктора. Они переглянулись. Пожалуй, с Майклом можно было говорить начистоту.

— Фабрицио мы не смогли найти, — сказал дон Томмазино. — Ты пролежал без памяти целую неделю, слышишь, Майкл, и все считают, что тебя нет в живых. Опасность миновала. Тебя больше не будут выслеживать. Оказывается, мои неприятности с «новой мафией» в Палермо были связаны с тобой. С самого начала им был нужен ты, а не я, меня только отвлекали, чтобы организовать покушение, когда мы утратим бдительность. Я сообщил обо всем твоему отцу, дон Корлеоне дал мне распоряжения относительно тебя. Ты скоро возвратишься домой, теперь уже недолго осталось, а пока спрячешься в горах, у меня есть домик, до которого никто не дотянется. Да им и на ум не придет. Как только прошел слух о твоей гибели, эти подонки из Палермо предложили мне мировую. Ты понимаешь, Майкл? Они просто отвлекали внимание, а тем временем готовили убийство. Запомни это. А в остальном положись на меня. Ни о чем не думай. Набирайся сил, они тебе еще понадобятся.

Майкл все понял и все вспомнил. Аполлонии нет в живых. У них не будет ребенка. Кало тоже погиб. Он с трудом выговорил:

— Фабрицио… Пусть найдут — скажите пастухам, за Фабрицио я отдам лучшую землю в Сицилии.

Оба старых мафиози опять переглянулись.

— Найдется, — утешил доктор Тазио, подходя опять ближе к кровати и беря Майкла за руку, чтобы сосчитать пульс. — Ты теперь вдовец, дружище, — сказал он поощрительно, словно это тоже могло утешить, и пояснил: — У нас, на Сицилии, все больше вдовы. А вдовцы — редкость.

Майкл сделал знак дону Томмазино, чтобы тот наклонился поближе.

— Сообщите отцу, что я хочу вернуться домой — сказал он. — Передайте ему, что я хочу выполнить сыновний долг.

Однако болезнь еще на месяц отодвинула отъезд. А когда Майкл поправился, понадобилось еще немало времени, чтобы оформить необходимые документы, продумать все моменты на всем протяжении

длинного пути за океан, чтобы обеспечить полную гарантию безопасности. Ему предстояло лететь на самолете из Палермо в Рим, а из Рима — в Нью-Йорк.

А след Фабрицио, хотя его искали со всем усердием, так и не отыскался.

ЧАСТЬ VII

ГЛАВА 25

После окончания университета Кей Адамс стала преподавать в начальной школе своего родного городка. Поначалу она регулярно звонила матери Майкла, спрашивая, нет ли вестей от него, но синьора Корлеоне, хоть и разговаривала с ней неизменно приветливо, была непреклонна: «Не надо думать о Майкле, Кей. Ты хорошая девочка, найди себе хорошего мужа». Кей даже не могла обижаться на старую итальянку, она понимала, что мать Майкла говорит так, искренне желая ей всяческого добра.

Как-то на каникулы она собралась съездить в Нью-Йорк за покупками. Хотелось купить себе новое нарядное платье, отвлечься от школы, повидать кого-нибудь из однокашников.

Она выехала пораньше и часам к трем была уже в своей гостинице. Гостиничный номер сейчас же напомнил все другие номера, где они останавливались с Майклом. Тоска больно сжала сердце. После утомительной дороги магазины с их суетой совсем не казались такими уж привлекательными. Но и сидеть одной в четырех гостиничных стенах было невыносимо. Все напоминало ей о тех временах, когда Майкл был рядом, и, поддавшись минутному порыву, она набрала хорошо знакомый номер.

Голос миссис Корлеоне с резким итальянским акцентом спросил, кого надо. Кей, уже пожалевшая о своем порыве, неловко залепетала, смущаясь:

— Это Кей Адамс, миссис Корлеоне. Может быть, вы не забыли меня? Я хотела спросить, известно ли что-нибудь о Майкле? Как он сейчас?

Некоторое время мать Майкла молчала. Потом сказала отчетливо:

— Майкл дома. Разве ты не знаешь об этом? Он не сообщил тебе?

Кей почувствовала, что сердце ее оборвалось и теперь истекает болью. Глотая слезы обиды и унижения, она все-таки решилась задать еще один вопрос:

— А когда он вернулся?

— Полгода назад.

— Полгода? — переспросила она чужим голосом. — Вот как, значит. Все ясно.

Действительно, теперь все было ясно — она ничего не значит для Майкла. Он не соизволил попрощаться с нею, не подал ни одной весточки за все время, не сообщил, что давно вернулся. А она-то, дура, переживала. Ей стало стыдно, что мать Майкла понимает, как она безразлична ее сыну. Хорошо хоть то, что по телефону не разглядеть, как пылают ее щеки. Вместе со стыдом в ней постепенно разгоралась обида. Неужели Майкл не

понимает, что ей не все равно, как сложилась его судьба, пусть даже он раздумал жениться на ней?

— Извините меня, — сказала она. — Большое спасибо, миссис Корлеоне. Я очень рада, что Майкл вернулся и у него все в порядке. Только это меня и интересовало. Спасибо. Я больше не стану тревожить вас звонками.

Миссис Корлеоне торопливо, не слушая ее сдержанных слов, предложила:

— А ты приезжай к нам, если хочешь повидать Майки. Это будет для него сюрпризом. Садись на такси, пообещай вдвое против счетчика, а то таксисты не любят ездить в такую даль. Я предупрежу охрану, что ты приедешь. Пусть заплатят.

— Что вы, миссис Корлеоне, — вежливо сказала Кей. — Это немыслимо. Если бы Майк хотел меня увидеть, он прекрасно знает, где я. Наверное, у него нет особого желания.

Напор в голосе матери Майкла усилился вместе с ее итальянским акцентом:

— Такая милая девочка, и ножки красивые, а голова пустая, — по-доброму засмеялась она в трубку. — Ты ко мне приезжай повидаться, а не к Майки. Я хочу повидать тебя. Послушай меня, садись в такси. Но не вздумай платить сама. Я буду ждать.

Положив трубку, Кей призадумалась. Конечно, можно перезвонить и наотрез отказаться от встречи. Но прислушавшись сама к себе, Кей поняла, что должна хотя бы еще раз повидать Майкла, пусть даже они просто вежливо поговорят ни о чем и расстанутся навсегда. Ведь если он дома, значит, та кошмарная история не коснулась его и он может жить нормальной жизнью. Значит, он вовсе не виноват в том, что вешали на него газетные враны! Кей вскочила с места, волчком закрутилась по номеру.

Надо было накраситься, приодеться, ведь они так давно не виделись. Хотя какое это могло иметь значение, если за полгода он ни разу не собрался набрать ее номер телефона?

Час спустя Кей въезжала на площадь между домами на Лонг-Бич. Здесь многое изменилось: усадьба оказалась ограждена чугунной решеткой с литым узорчатым рисунком. У больших металлических ворот охранник в белом костюме и цветной рубашке открыл перед нею дверцу, сам всунул голову в машину, чтобы посмотреть на счетчик, и протянул банкноту, которую таксист принял с изъявлениями горячей благодарности.

Миссис Корлеоне встретила Кей на пороге, Она безмятежно оглядела девушку с головы до ног, ничуть не сомневаясь в своем праве на это, и

произнесла одобрительно:

— Красивая.

Потом — неодобрительно, в адрес отсутствующего Майкла:

— Где только у него глаза?

Как и в прошлый раз, они последовали на кухню, где на плите ароматно булькал кофейник и на столе ожидало большое блюдо с едой:

— Угощайся пока. Майкл скоро приедет. Садись, — и сама села напротив, настойчиво заставляя Кей отведать ее угощений.

Минут двадцать они разговаривали, точнее, Кей пыталась отвечать на вопросы миссис Корлеоне, и так же безуспешно съесть хоть что-нибудь. Наконец, за окном заурчала подъехавшая машина, Кей оглянулась и увидела Майкла. Он вылезал следом за двумя здоровенными парнями и что-то говорил одному из двоих. Разговаривая, он повернулся левым боком к окну, и ей стала видна его искалеченная щека с глубокой вмятиной под глазом. Вмятина походила на продавленную голову целлулоидного пупса. Это не вызвало у Кей отвращения, только горечь и жалость — и слезы навернулись ей на глаза.

Чтобы не расплакаться, пришлось отойти в угол. Тем временем дверь открылась. Знакомый звук шагов приближался по коридору. Майкл вошел и увидел ее. Он замер на секунду, потом странно улыбнулся одним уголком рта — слева улыбке мешала вмятина. А Кей, которая только что по дороге сюда тысячу раз проговорила заранее заготовленную небрежную фразу, мол, надо же, все-таки встретились, как поживаешь? — молча сорвалась с места и обняла его, прижавшись к родной груди мокрым от слез лицом.

Потом он оторвал ее от себя, посмотрел и бережно поцеловал в щеку. Она постепенно затихла, и они вдвоем спустились по лестнице, вышли из дома и сели в машину. Телохранитель тоже собрался сесть сзади, но Майкл решительно отмахнулся от него. Они выехали за ворота. Кей, сидя рядом с Майклом на переднем сиденье, опомнилась и стала стирать с размазанных щек остатки пудры и туши. Майкл тихо засмеялся.

— Я не собиралась плакать, — сказала она, оправдываясь, — это получилось нечаянно. Я ведь не знала, как они тебя покалечили.

Майкл усмехнулся опять правым уголком рта и потрогал рукой вмятину под левым глазом:

— Ты об этом? Ерунда. Можно будет поправить, у нас здесь как раз это проблем не составляет. А писать я тебе не мог. Пожалуйста, поверь мне на слово.

— Я верю.

Некоторое время они ехали молча. Она увидела, что он направляет машину в Нью-Йорк, и спросила осторожно:

— А кто убил полицейского капитана, выяснилось? Ты ведь не мог вернуться, пока не нашли?

Майкл ответил, помолчав:

— Да, выяснилось. Ты разве не читала? Нью-йоркские газеты только и писали об этом не меньше недели.

«Все-таки стрелял не Майкл!» — радостно подумала Кей и обернула к Майклу свое засиявшее лицо:

— Как жаль, что не читала! Я вообще перестала брать в руки газеты после той истории. Если бы я знала, что не ты, — она запнулась, не в силах произнести слово «убийца», — то давно позвонила бы твоей матери. Ты знаешь, по-моему, она сама думала, что ты скрываешься не зря. И я почти поверила в это.

Майкл сказал:

— Ничего удивительного.

— Ох, Майк! Ну ладно, я — глупая дура, но она же твоя мать!

— Матери, как и полицейские, — пошутил Майкл, — всегда верят в самое худшее.

В Нью-Йорке они не поехали в гостиницу, где сняла номер Кей, а остановились рядом с красивым, но заброшенным особняком. Майкл поставил машину в гараж, поздоровавшись с владельцем как с хорошим знакомым. Потом открыл дверь в дом своим ключом и они вошли.

Внутри дом был на редкость обжитой и богатый. В его убранстве чувствовалась заботливая хозяйская рука, а в чистоте, царящей вокруг, — что внешнее запустение только декорация. Но людей в особняке не было.

Майкл провел Кей по широкой лестнице на второй этаж, впустил в просторную светлую гостиную. Одна из приоткрытых дверей вела, очевидно, в кухню, другая, закрытая, — в спальню.

Майкл достал из бара бутылки, налил себе и смешал коктейль для Кей. Они выпили, посидели на диване молча, испытывая чувство неловкости.

— Ну, что, все сначала? — спросил Майкл, глазами показывая в сторону закрытой двери. — Ты как, Кей?

— Конечно, — улыбнулась Кей, отпивая еще один большой глоток из своего бокала.

Казалось, все, действительно, как и прежде: они вместе, они лежат рядом в постели, и не было никаких трех долгих лет, и пустоты ожидания, полной надежд и тоски.

— Ты зря не доверился мне, — сказала Кей, тесно прижимаясь к

Майклу. — Ты плохо знаешь меня. Я бы никогда ничего не сказала. Я ввела бы омерту в Новой Англии. Между прочим, янки умеют молчать не хуже итальянцев.

Майкл тихо рассмеялся:

— Да у меня и мыслей не было, что ты ждешь моих писем. Я думал, после такого скандала между нами все кончено.

— Как ты мог! — возмутилась Кей. — Да я сразу ни минуты не сомневалась, что это не ты стрелял. Потом иногда сомневалась, после разговора с твоей матерью. Но в глубине души так и не смогла поверить. Я же знаю тебя, ты не смог бы убить человека.

Она услышала, как он горестно вздохнул в полутьме спальни и потянулся за сигаретами.

— А если бы смог? — спросил он. — Что тогда?

Кей села на постели, удивленная ледяным тоном его голоса.

— Но ведь не ты стрелял, правда Майк? Скажи мне! Раз нашли убийцу…

Он сказал:

— А какое имеет значение, я или не я? Разве ты от этого станешь иначе ко мне относиться? Как ты вообще относишься ко мне, Кей?

— Не знаю, — честно сказала Кей. — Я думаю, что люблю тебя, если это, конечно, так называется.

Майкл откинулся на подушки и сказал отсутствующе:

— Ты знаешь, когда я вернулся в Америку, мне, конечно, было очень приятно увидеть родителей, Тома, Конни, всех остальных. Но только сегодня, когда я вошел в кухню, где сидела ты, я вдруг понял, что вернулся и что счастлив от этого. Любовь это или нет, как ты считаешь?

— Что-то очень похожее, — рассмеялась она и опять потянулась к нему. Теперь Майкл не стал спешить, и они были очень нежны друг с другом.

Потом он сходил в гостиную, принес оба бокала и бутылку. Один бокал протянул ей, со вторым сам уселся напротив постели в низкое кресло.

— Поговорим серьезно, — сказал он. — Как ты теперь относишься к тому, чтобы выйти за меня замуж?

Кей ласково улыбнулась и, уходя от серьезного разговора, похлопала ладошкой по одеялу рядом с собой, чтобы он опять лег. Майкл улыбнулся ей, но остался сидеть в кресле.

— Прошу тебя, давай поговорим серьезно. Я ведь не могу рассказать тебе о том, что произошло. И вообще тебе придется усвоить, что в моей жизни теперь есть вещи, о которых я не буду разговаривать с женой. Я стал

работать с отцом, понимаешь? Обучаюсь у него всему, что может понадобиться для руководства семейным делом. Ты знаешь, что у нас торговая фирма по импорту оливкового масла. Но бизнес сейчас — дело довольно опасное, у нашей Семьи есть враги. Став моей женой, ты можешь в скором времени остаться вдовой, хотя это и необязательно, А вот что точно, так это то, что партнером в делах ты никогда не сможешь быть. Во всяком случае, равным партнером. Я не смогу делиться с тобой своими проблемами. Это исключено.

Кей тоже села, выпрямившись, на кровати.

— Таким образом, ты ставишь меня в известность, что стал гангстером и предлагаешь руку и сердце? Я правильно тебя понимаю? — спросила она ровным голосом. — И сообщаешь, что будешь и впредь нести ответственность за убийства и прочие беззакония, а я не должна расспрашивать тебя о твоих делах, не должна вникать в них. Так? О, Майкл, у нас разговор совсем, как в кино, когда чудовище просит красавицу выйти за него замуж!

Изуродованный профиль Майкла дернулся страшноватой ухмылкой. Она спохватилась:

— Прости, я не о том вовсе. Клянусь тебе, Майкл, твоя рана ничуть не мешает мне, я просто не замечаю ее.

— Вот и славно, — сказал Майкл со смешком. — Мне так даже нравится эта штука. Если не считать, конечно, насморка, который ей сопутствует.

— Я, значит, должна быть серьезной, а ты — нет? — парировала Кей. — Так какого рода жизнь светит мне, если мы поженимся? Такая, какую ведет твоя мать, воспитанная на старых итальянских традициях и думающая только о доме и о детях? Что же это за жизнь! Случись с тобой что-нибудь, я даже не буду знать, в чем дело. А вдруг тебя посадят в тюрьму?

— Ну нет, — спокойно ответил Майкл. — Такого быть не может. От пули я не застрахован, а тюрьма отпадает.

— Откуда ты знаешь? — воскликнула Кей. — Как ты можешь утверждать это, если собираешься заниматься отцовским промыслом? Объясни мне, Майк!

— Вот объяснить-то я как раз и не могу, — вздохнул Майкл. — Все остальное — пожалуйста, а объяснений не жди.

Кей замолчала надолго, потом спросила тихо:

— И при этом ты хочешь жениться на мне? Хотя ни разу не позвонил за полгода, что ты здесь? Неужели я так нравлюсь тебе в постели, что одного

этого достаточно?

— Ты мне нравишься в постели, — подтвердил Майкл серьезно. — Но я не стал бы никогда жениться только из-за этого. Я мог бы продолжать жить с тобой так. Разве нет? И тебе совсем не обязательно немедленно решать столь важный вопрос, ты можешь подумать не торопясь. Обсуди с родителями. Отец у тебя толковый человек и настоящий мужчина, посоветуйся с ним.

— Но ты не ответил, почему хочешь жениться на мне.

— Ладно, отвечу. Ты — единственная из всех, кого я знаю, кто мне по-настоящему дорог, к кому я привязан душой. Я не звонил тебе, потому что не надеялся, что мы сможем быть вместе после случившегося. Разумеется, я мог бы преследовать тебя своими ухаживаниями, но сама мысль о твоей неприязни была для меня отвратительна. А теперь я скажу тебе то, на что рассчитываю, о чем никогда не скажу ни кому, кроме тебя, даже отцу. Лет через пять Семья Корлеоне должна полностью легализовать свои капиталы и свое положение. Для этого придется провести серию достаточно сложных и хитрых операций, во время которых ты и можешь остаться молодой вдовой. Но если все обойдется благополучно, а я очень надеюсь на это, мне хотелось бы иметь надежную семью, жену, детей — опору за спиной. Я хочу, чтобы моей женой стала именно ты, а не кто-то другой. Хочу, чтобы ты воспитывала наших детей нормальными людьми, чтобы они не оказались под моим влиянием, как в свое время все мы подпали под влияние отца. Я ни в коем случае не осуждаю своего отца и не считаю, что он плохо влиял на нас. Наоборот, он всячески старался помочь мне отойти в сторону от семейных дел. Он мечтал, чтобы я окончил университет, стал врачом или учителем. Если бы не беды, обрушившиеся на наш дом, мне не пришлось бы сражаться за честь и достоинство Семьи Корлеоне. Мне невозможно было оставаться в стороне, раз старшего брата подло заманили в ловушку и зверски убили, в отца всадили пять пуль, а Фредди оказался выбит из колеи. Я люблю своего отца и восхищаюсь им, потому что он и вправду достоин любви и уважения. Он хороший отец, преданный муж и верный друг всем, кто считает его своим другом. Конечно, о нем можно сказать и многое другое, но для меня важнее это, ведь я — его сын. — Майкл сделал паузу и продолжил, прямо глядя в лицо Кей: — Но я не хочу, чтобы моим детям когда-либо пришлось сделать подобный выбор. Пусть растут американцами, типичными, самыми настоящими. Может быть, они сами, или наши внуки, захотят выбрать политическую карьеру. Может быть, кто-то из Корлеоне захочет стать президентом США. Во всяком случае, я сделаю все для того, чтобы они могли быть на равных со всеми

прочими стопроцентными американцами. К семейному бизнесу я никого из них и близко не подпущу. А к тому времени, как они подрастут, вообще прикрою лавочку. Тогда мы станем с тобой богатыми рядовыми американцами, уедем в провинцию и заживем спокойной мирной жизнью. Как тебе нравятся мои планы?

— Очень милые планы. Кроме одной малости, — что мне делать, если ты вдруг решишь оставить меня вдовой?

— Ну, на это не так уж много шансов. Просто я хотел раскрыть все карты полностью, ничего не утаивая.

— Но я не в силах понять все это, — она посмотрела на него с отчаянием. — Неужели нельзя найти более простые и безопасные пути к будущей спокойной жизни, объясни мне, Майкл?

— Больше я, пожалуй, уже ничего не могу тебе объяснить. Лучше всего было бы вообще не говорить с тобой на такие смутные темы. Ты поменьше думай об этом, Кей, это не коснется ни тебя, ни нашей совместной жизни, если мы все-таки решим пожениться.

— Да как ты можешь предлагать мне пожениться, — замотала головой Кей, — если до сего дня ни разу не объяснился мне в любви? Как ты можешь хотеть жениться, если совсем не доверяешь мне? Как жить с человеком, которому не доверяешь? Ведь твой отец полностью полагается на миссис Корлеоне, я уверена. Достаточно посмотреть со стороны. Ведь так?

— Да, — согласился Майкл. — Но это совсем не значит, что он делится с нею своими заботами. К тому же у него имеются все основания доверять матери, и не потому, что он когда-то женился на ней, а потому, что она родила и вырастила для него четверых детей в не самые лучшие времена. Она заботилась о нем, была предана ему сорок лет их совместной жизни. Если у нас с тобой все пойдет не хуже, через сорок лет, наверное, я тоже стану рассказывать тебе кое-что, если ты, конечно, пожелаешь слушать.

— А жить нам придется там, в Лонг-Бич?

Майкл кивнул.

— Но в собственном доме, и никто не станет совать нос ни в твою кухню, ни в наши отношения. Так там заведено. Можешь не сомневаться, мы будем полностью предоставлены самим себе. Но жить все-таки пока желательно там.

— Потому что в городе для тебя опасно?

Тут впервые за все время Кей почувствовала гнев Майкла. Он не прорвался наружу ни единым грубым словом или жестом, просто на нее дохнуло ледяным холодом, и она почувствовала, что если бы не знала его

близко, одной такой вспышки гнева хватило бы, чтобы раз и навсегда отбить охоту к браку с ним.

— Ты все еще остаешься под воздействием газетных публикаций, — сказал Майкл сухо. — Там пишут всякую чушь, а ты примеривши ее на моего отца и на Семью Корлеоне. Объясняю в последний раз, чтобы больше подобных вопросов не возникало. Мой отец — бизнесмен, который занимается исключительно делом и задача которого — обеспечить безбедное существование своей семье: жене и детям. Он старается также помогать по мере сил своим друзьям, а они, в свою очередь, приходят к нему на помощь в трудную минуту. Потому что не рассчитывают на защиту и помощь общества и не верят в его законы, обрекающие людей на униженное и бесправное существование. Такие законы не могут подходить для моего отца и ему подобных, вот они и отказываются принимать предлагаемые им правила игры, стремясь установить свои собственные. Может, тебе это покажется странным, но люди вроде моего отца по силе характера ничуть не уступают многим великим мира сего. Они могли бы вполне поменяться местами, и еще неизвестно, выиграло бы общество при подобных перестановках или проиграло. Тем не менее конечная цель моего отца: найти компромисс с окружающей действительностью, чтобы не вступать в конфликт и в то же время сохранить за собой собственную силу. Ведь на сегодняшний день только он один готов вступиться за тех, которому общество отказывает в защите, находясь при этом на нелегальном положении, а значит, действуя лишь по своему разумению, по своим неписаным законам.

Кей невольно возразила:

— Но так же нельзя! Если каждый начнет диктовать собственные законы, общество вообще не сможет нормально существовать! Так могло быть только в пещерные, первобытные времена. Ты же цивилизованный человек, Майкл. Разве можно верить в подобные фантазии?

— Я изложил тебе позиции отца, — подчеркнул Майкл. — Для того, чтобы ты не считала его чудовищем, а понимала место, которое он сам определил для себя в обществе. Чтобы удостоверилась, что он не убийца-маньяк, о котором пишут газеты. И не так уж доверяла печатному слову.

— А чему ты сам веришь, Майкл?

Майкл пожал плечами:

— Я верю в свою Семью. Верю в тебя и в то, что мы с тобой вдвоем сможем создать свой дом. Но в защиту со стороны общества или государства и в чью-то заботу со стороны о нашем с тобой благе, я, как бы ни хотел, поверить не могу. И потому не намерен отдавать свою судьбу в

чужие недобрые руки — в руки людей, чье достоинство лишь покоится на большом количестве голосов, отданных за них на очередных выборах. Таковы мои позиции на сегодняшний день. Но поскольку методы моего отца остались в прошлом, а расплачиваться за полную самостоятельность приходится человеческими жизнями, я считаю, что Семья Корлеоне должна войти в существующее общество, какое уж оно есть. Значит, надо подготовиться к решительному шагу, то есть запастись личным могуществом. А могущество, по меркам твоего излюбленного общества, это не что иное, как деньги и недвижимость. Так? Мне предстоит позаботиться о том, чтобы у моих детей был надежный тыл, чтобы они никогда и ни от кого не зависели материально, прежде чем вырастут и станут полноправными гражданами своей страны.

— Слушай, Майк, — удивилась Кей, — ты же совсем недавно уходил на фронт добровольцем, стал героем войны. Откуда в тебе это? Неужели можно так измениться за два года?

— Пустой у нас идет разговор, моя милая. Скорее всего я по складу характера похож на стариков-консерваторов из твоего родного Нью-Гемпшира. Я предпочитаю существовать сам по себе. И если придется — самому постоять за собственные интересы, а не бежать за подмогой к правительству, которое, кстати сказать, не слишком-то печется о своих подданных, не обременяет себя заботами об их нуждах. Считай, что ты теперь знаешь все. Я решил встать рядом с отцом, переложить на свои плечи часть его дел, а впоследствии — всю Семью. А ты должна решить за себя, хочешь ли быть рядом со мной, разделить мою ношу. Может быть, мое предложение звучит и не слишком удачно…

— Во всяком случае, сию минуту я решительно хочу быть рядом с тобой, — Кей хлопнула по одеялу ладонью. — Не знаю, что уж там будет с женитьбой, но я три года обходилась без мужчины и не собираюсь отпустить тебя так уж быстро.

Майкл улыбнулся.

Когда они снова были вместе, в тишине и темноте, она шепнула ему прямо в ухо:

— Знаешь, у меня ведь ни разу никого не было с твоего отъезда. Ты веришь мне?

— Верю.

— А у тебя был кто-нибудь? — прошелестела она еле слышно.

— Да, — сказал Майкл и почувствовал, как вся она сжалась и напряглась. Ему стало жалко Кей и он постарался смягчить удар, — но не в последние полгода.

Это было правдой. Кей оказалась первой женщиной, с которой он смог лечь в постель после смерти Аполлонии.

ГЛАВА 26

В широкое окно дорогого гостиничного номера был виден изумительный экзотический сад, искусственное творение искусных рук. Пальмы подсвечивались оранжевыми лампочками, в свете которых казались вырезанными из цветной бумаги. Два огромных бассейна, как два синих и ярких глаза, выступали из золотистой глади песчаных пляжей. На горизонте смутно маячили скалистые вершины, взявшие не в искусственное, а в натуральное горное кольцо неоновую долину Лас-Вегаса.

Джонни Фонтейн задернул тяжелые от золототканных узоров шторы и отвернулся от знакомого ландшафта.

Возле стола четверо лакеев в ресторанной униформе ловко сервировали ужин.

Нино Валенти со стаканом виски в руке, развалившись на диване, наблюдал, как вместо атрибутов карточной игры на столе вырастают приборы для изысканного пиршества.

— Прекрасная работа, — пробормотал он нетрезвым голосом. — Что ж ты, Джонни, не захотел поддержать меня сегодня против тех четверых мерзавцев? Мне ведь сегодня везет, все фишки забрал.

Джонни подсел рядом с диваном на пуфик.

— Я ведь не играю, ты же знаешь, Нино. Как себя чувствуешь?

— Лучше всех. К двенадцати должна приползти парочка шлюх, мы с ними поужинаем, а потом я опять спущусь к столу в казино. Представляешь, я умудрился выиграть пять косых! Пусть теперь целую неделю развлекают меня за собственный счет.

— Да уж лучше не бывает, — невесело сказал Джонни. — Только на кой черт тебе деньги, если ты сопьешься по-черному? Кому оставишь в наследство, когда пойдешь на дно?

Нино залпом осушил стакан.

— Как это ты умудрился, Джонни, заработать репутацию пьяницы и потаскуна? Ты скучен, как молитвенник. Господи, любой случайный турист живет здесь веселее, чем ты. Бери пример с меня…

Джонни резко поднялся и вышел из номера.

Нино Валенти, налив себе полный стакан, подозвал ресторанных лакеев и начал играть против них прямо не сходя с места. С бутылкой он тоже не расставался, и примерно час спустя, когда Джонни опять заглянул к нему, Нино вдруг начал клониться вперед, бессознательно глядя перед собой.

Обслуга, не проявив ни малейшего удивления, подхватила Нино привычными руками и отволокла в другую комнату, на постель.

Третий лакей оставался у стола.

Джонни спросил:

— И часто с ним такое?

— Сегодня что-то раньше, чем обычно, — равнодушно отозвался тот. — Раз мы даже вызвали доктора. Он тут целую лекцию прочитал мистеру Валенти. Потом мистер Валенти велел нам строго-настрого никаких врачей не звать, а просто укладывать его в постель, а утром все будет в порядке. Мы теперь так и делаем.

— О'кей, — сказал Джонни. — Но сегодня мы опять позовем доктора. Если надо, весь отель обыщите, но чтобы немедленно явился сюда. Ясно?

Через пятнадцать минут в номер вошел Юлиус Сегал.

Джонни с неудовольствием отметил про себя, что этот парень так и не научился выглядеть подобающе. На нем были свободная шерстяная куртка, мягкие фланелевые брюки и белые сандалии на босу ногу. Черный докторский саквояж при таком наряде совсем не смотрелся.

— Вам бы следовало заказать для себя саквояж по особому фасону, вроде спортивной сумки, — иронически посоветовал Джонни, пожимая доктору руку.

Юлиус поддержал шутку:

— Верно. Этой штукой только детей на ночь пугать. Хоть бы цвет сменить, что ли.

Он прошел в спальню, где лежал на кровати Нино, открыл свой саквояж и обронил через плечо в адрес Джонни:

— Кстати, спасибо за чек, который вы прислали мне. Для консультации плата чересчур щедрая. Я ведь ничего особенного не сделал.

— Какого черта вы кокетничаете? Я сам знаю, кто чего стоит. В любом случае чек ваш, и говорить больше не о чем. Поговорим лучше о Нино. Что с ним?

Юлиус быстро и умело осмотрел Нино: выслушал сердце, измерил артериальное давление, проверил пульс. Потом достал шприц и вонзил иглу в предплечье Нино. Бесчувственное лицо понемногу обрело краски, дыхание стало ровней.

— Обычный диагноз, — сказал Юлиус недовольно. — Мне уже довелось осматривать его в прошлый раз, когда он вот так же потерял сознание. Я отправил его в госпиталь прежде, чем он пришел в себя, там сделали анализы и определили диабет. В легкой форме. Болезнь сама по себе не такая уж страшная, если правильно вести себя и сидеть на диете.

Можно жить с такой болезнью до ста лет и умереть от гриппа или попасть в автомобильную катастрофу. Но ваш друг упрямо не желает признавать своей болезни и, похоже, поставил своей целью допиться до могилы. Печень у него уже почти разрушена, на очереди — мозг. Сейчас у него кома средней тяжести. Если хотите знать мое мнение, пожалуйста: отправьте его немедленно в клинику.

Джонни испытал некоторое облегчение. Значит, дело обстоит не так страшно, как он думал. Нино надо только чуть-чуть больше следить за своим здоровьем — и все.

— В какую клинику? В наркологическую?

— Нет, в психиатрическую.

— Вы шутите, док? Это в дурдом, что ли?

— Я абсолютно серьезен. Психиатрия — не моя профессия, но кое-что я в ней все-таки смыслю. Думаю, вашего друга можно привести в норму, если, конечно, разрушение печени не зашло слишком далеко. Но самая страшная болезнь сидит у него в мозгу — он не боится смерти. Более того — он сам хочет как можно скорей покончить счеты с жизнью. И пока психиатры не устранят этого комплекса, надежд на исцеление быть быть не может. Поэтому я уверен, что ему необходим полный курс лечения в специальной клинике.

В дверь постучали. Расстроенный Джонни Фонтейн пошел открывать. Люси Манчини буквально упала с порога в его объятия.

— О, Джонни, — сказала она, целуя его, — до чего же я рада опять тебя видеть!

— Да, не говори, давненько не виделись, — согласился Джонни. Он оглядел ее с ног до головы и увидел, что Люси очень изменилась за прошедшее время. Стала стройнее, изящнее, платье сидело на ней как-то особенно элегантно. Сейчас она выглядела моложе, чем когда бы то ни было. У него даже возникли на ее счет какие-то смутные мечтания, но память услужливо подсказала, что Люси Манчини связана любовными отношениями с этим самым доктором Сегалом, и Джонни умерил свой пыл. Он только дружески улыбнулся Люси и спросил шутливо:

— Чего это ты являешься в номер Нино так поздно?

— Мне сказали, что он болен и что Юлиуса вызвали к нему, — вот я и подумала, нельзя ли чем помочь. Как Нино? С ним все в порядке?

— Все будет в порядке, — сказал Джонни.

— Вот уж черта с два, — вмешался Юлиус. — Пожалуй, нам всем стоит побыть здесь, пока он не проснется, и попробовать убедить его лечь в клинику. Люси, он ведь к тебе очень хорошо относится, может, ты его

уговоришь? И вы, Джонни, если считаете себя настоящим другом, должны настоять. Иначе печень вашего драгоценного Нино, к сожалению, скоро окажется на прозекторском столе в какой-нибудь университетской лаборатории — в качестве уникального экспоната.

Джонни обидел легкомысленный тон Юлиуса. Что это он себе позволяет? Джонни уже совсем было собрался высказать пару ласковых слов в ответ доктору, как с постели послышался голос Нино:

— Эй, ребятки, а как там у нас с выпивкой?

Нино сел на кровати. Разглядев Люси, он улыбнулся ей своей широкой белозубой улыбкой и позвал:

— Привет, малышка! Иди-ка к старику Нино, он хочет тебя расцеловать.

Люси подошла и попала в теплые объятия Нино. Как ни странно, он выглядел довольно прилично. Никак не скажешь, что только выбрался из комы.

— Эй, Джонни, неужели у нас до сих пор не налито? — прищелкнул пальцами Нино. — Поторопись, дружище. Ночь только начинается, время детское. А стол почему убрали? Мы бы могли сыграть.

Юлиус отхлебнул из стакана и сказал:

— Пить могут все, кроме вас. А вам, Нино, ваш доктор категорически запретил, понятно?

— Да клал я на своего доктора, — небрежно выругался Нино и тут же, спохватившись, изобразил на лице забавную гримасу раскаяния: — Вы ведь не мой доктор, Юл? Значит, к вам это не относится. А если мне не хотят наливать, так я ведь и сам могу встать и налить.

Доктор Сегал, видя, что Джонни направляется к бару, безразлично сказал ему вслед:

— Еще раз предупреждаю: пить ему нельзя.

Тут Джонни осознал, что именно раздражало его в докторе Юлиусе Сегале — тон! Его безразличный вежливый тон, которым он произносил порой самые страшные вещи. Именно это внешнее безразличие так взбесило сейчас Джонни, что он набухал полный бокал виски и протянул Нино со словами:

— Ну не умрет же он от одного стакана?

— Нет, от одного не умрет, — ответил Юлиус не меняя голоса. Люси, которая уже хорошо знала доктора, посмотрела на него тревожно, но не решилась задавать вопросы.

Нино принял стакан из рук Джонни и разом опрокинул его в рот. Джонни подбадривающе улыбнулся другу, демонстрируя, что он всецело

на его стороне. Подумаешь, доктор не велит. Командир нашелся! Вдруг Нино задохнулся, лицо его напряглось и посинело, он слышно захрипел, хватая воздух открытым ртом. Потом сложился вдвое, как тряпичная кукла, лицо покрылось багровыми пятнами, глаза остекленели.

Доктор Сегал обошел вокруг кровати, придержал Нино сзади за шею рукой и воткнул ему иглу в предплечье. Тело судорожно дернулось, Нино обвис на руках у Юлиуса, потом судороги стали ослабевать, он затих, а несколько минут спустя он уже крепко спал, рухнув на подушки.

Джонни, Люси и доктор вернулись из спальни в соседнюю гостиную, сели в кресла вокруг журнального столика. Люси по телефону заказала в ресторане кофе и закуску. Джонни подошел к бару и смешал себе коктейль.

— Вы знали, как Нино отреагирует на виски? — спросил Джонни сдержанно.

Юлиус пожал плечами:

— Реакции обычно однотипные.

— Почему же вы не предупредили? — Джонни говорил уже резко и взвинченно.

— Я предупреждал.

— Это не значит предупреждать, — окончательно разозлился Джонни. — Какой же вы врач, черт вас подери, если вам наплевать на страдания больных! Вы сказали, что Нино надо отправить в сумасшедший дом, но не подумали объяснить, как подействует на него глоток виски. Вам, наверное, ненавистны люди вообще?

Юлиус невозмутимо посмотрел в лицо Джонни Фонтейну:

— Я не знаю, как мог бы реально помешать вам дать ему виски, раз вы оба хотели этого. Вы считали, что просто необходимо поставить меня на место, продемонстрировав наплевательское отношение к моим рекомендациям. Я видел это. Помните, что я ответил, когда после операции вы пригласили меня стать вашим личным врачом? Я отказался, так? А знаете, почему? Потому что нам никогда не поладить. Любой врач убежден, что он один способен найти панацею от всех бед, почти как всевышний — только бы слушались его предписаний. Если не верить в собственные силы, никогда не решишься лечить людей. Но вы никогда не смогли бы признать за мной права на последнее слово, постоянные контакты со мной стали бы вам в тягость. Потому что вы привыкли и иному стилю обслуживания. Ваши франты в шелковых штанах только и умеют, что облизывать вам задницу и получать гонорары, и если бы не гонорары, им бы было глубоко наплевать, живы вы или уже умерли. Ну, а у меня свой бзик, видите ли: я стараюсь сохранить своим пациентам жизнь и

здоровье. Я позволил вам дать виски Нино, потому что это был единственный способ показать, как смертельно опасен для него алкоголь. Поскольку я находился рядом, опасность, естественно, становилась меньше. А теперь представьте, что я запрещаю ему пить и ухожу, а вы, в дружеском порыве, наливаете ему стаканчик в мое отсутствие. Неужели вам непонятно, что он почти обречен? У него нет и одного шанса на тысячу выжить без серьезного медицинского вмешательства. Давление повышено, печень разрушена, в любую минуту может произойти кровоизлияние в мозг — и все. Да, я сказал про дурдом. Но я хочу, чтобы вы поняли степень опасности, иначе ухом не пошевелите. Скажу еще более откровенно — вам удастся спасти жизнь вашего друга только в том случае, если вы засадите его в психушку. Иначе можете попрощаться с ним заранее.

Люси мягко вмешалась:

— Юлиус, дорогой, не будь так жесток, прошу тебя!

Юлиус встал с мягкого кресла. Обычное хладнокровие оставило его, что с некоторым злорадством отметил про себя Джонни. И говорил он теперь отнюдь не равнодушным тоном:

— Вот Люси просит меня не быть жестоким. Ей невдомек, что жестоко было бы не сказать правды, если неправда убийственна. Думаете, мне впервые приходится говорить подобные жуткие вещи? Да я только тем и занимаюсь с тех пор, как стал лечить людей. Сколько раз приходилось предупреждать: не ешьте столько, иначе умрете! Или — пить спиртное все равно что принимать яд. Или — не работайте так много, угробите себя. Но все без толку. Люди понимают только тогда, когда скажешь им: вы умрете завтра. Так вот, могу по чести сказать вам, что Нино может не дожить до завтрашнего утра, — Юлиус подошел к бару и налил себе полный стакан. — Я сказал свое слово. Ваше право пренебречь им, — подытожил он.

— Я не пренебрегаю вашими советами, док, — сказал Джонни Фонтейн. — Я просто не знаю, что делать.

В дверь постучали. Двое официантов вкатили в гостиную столик с судками и кофейником. Расставив все, как положено, они беззвучно удалились.

Некоторое время Джонни, Люси и доктор Сегал ужинали в полном молчании. Потом Джонни закурил сигарету и спросил:

— Значит, вы считаете своим долгом спасение людей. Как же при таких убеждениях вы умудрились стать специалистом по абортам?

Вместо Юлиуса ответила Люси:

— Но он просто помогает бедным девушкам, попавшим в беду. Иначе они могут покончить с собой или сотворить что-нибудь самостоятельно, что будет стоить жизни и ребенку. и им самим.

Юлиус благодарно улыбнулся Люси и вздохнул:

— Не так все просто, моя милая. В конце концов, я ведь хороший хирург, у меня золотые руки, как говорится. Но мне то и дело приходилось разрезать какого-нибудь несчастного только для того, чтобы убедиться — его не спасти. Я делал операцию, заранее зная, что пациент обречен, а я бессилен помочь ему… Когда это продолжается раз за разом, самому жить не хочется. И я переключился на аборты, потому что там приносил конкретную пользу. Мне даже нравилось их делать. С моей точки зрения двухмесячный зародыш еще никак нельзя считать человеческим существом. Я помогал девушкам и замужним женщинам, они с радостью платили мне и были счастливы. Только когда меня поймали на этом, я почувствовал себя преступником — не потому, что делал аборты, а потому, что дезертировал из операционной. Ладно, нашелся приятель, который замял дело. Потому-то я здесь вместо того, чтобы работать в клинике, и даю советы, к которым никто не прислушивается.

— Да я с большим почтением отношусь к вашим советам, дружище, — сказал Джонни.

Люси спросила его, чтобы сменить тему:

— А ты зачем в Лас-Вегас, Джонни? Отдыхаешь?

— Майкл Корлеоне зачем-то вызвал меня сюда. Они с Томом Хейгеном тоже прилетают. Тебя, как я понял, собираются позвать на разговор. Правда, я не в курсе, что там затевается. А ты?

Люси отрицательно мотнула головой.

— Знаю только, что завтра мы все вместе ужинаем, и Фредди с нами. Наверное, это связано с отелем. В последние месяцы казино неожиданно стало терпеть убытки. Может быть, дон послал Майкла разобраться и навести порядок?

— Мне говорили, Майкл все-таки сделал пластическую операцию и опять стал прежним красавцем, — улыбнулся Джонни.

— Не иначе, как Кей уговорила его, — усмехнулась в ответ Люси. — До того, как они поженились, Майкл ни за что не хотел делать операцию. Почему, непонятно. Так ужасно все это выглядело, и вдобавок из носа постоянно текло. Давным-давно надо было привести себя в человеческий вид. Юлиус был там, когда Майкла оперировали.

— Я консультировал, — подтвердил Юлиус сухо.

— Знаю. Я посоветовал пригласить вас, — также сухо сказал Джонни.

Юлиус продолжил задумчиво:

— Он никому не доверяет. Предупредил, что я должен следить, правильно ли делается операция. Чтобы глаз не спускал. А ведь там делать-то нечего. Любой специалист справится в два счета.

Нино зашевелился за портьерами в спальне — они все повернули головы в его сторону, потом пошли туда. Джонни подсел к другу на край кровати. Люси и Юлиус стояли в ногах.

Нино с трудом раздвинул губы в ухмылке:

— Все братцы, кончаю баламутить. Самочувствие у меня паршивое. Джонни, помнишь, мы поссорились в Палм-Спрингсе год назад? С нами еще тогда две девки были, помнишь? Клянусь тебе, я не завидовал тогда, наоборот, я был рад за тебя, Джонни. Веришь?

— Конечно, верю, — успокаивающе сказал ему Джонни и неуверенно оглянулся на доктора. Люси и Юлиус тоже переглянулись. Вряд ли Джонни способен увести бабу у близкого друга, на него это не похоже. О какой зависти идет речь, тем более год спустя? Уж не бредит ли Нино? Уж не решил ли он спиться до смерти, избрав такой своеобразный способ самоубийства из-за возлюбленной, которая ушла от него к Джонни?

Юлиус еще раз осмотрел Нино и сказал:

— Я пришлю к вам сиделку. Пару дней полежите в постели. Без шуток.

Нино опять ухмыльнулся:

— Какие шутки, док! Если только сиделка не окажется слишком хорошенькой.

Юлиус вызвал сиделку по телефону и они с Люси, наконец, ушли. Джонни остался с Нино. Он тихо сидел в кресле рядом с постелью и, поджидая сиделку, размышлял. Нино вновь впал в сон, его лицо выглядело измученным.

Джонни размышлял о словах Нино: никогда раньше ему не приходило в голову, что год назад, в тот памятный вечер, друг может позавидовать ему.

Год назад Джонни Фонтейн пребывал в самом отвратительном настроении. Несмотря на то, что он сидел в своем собственном роскошном кабинете, в своей собственной кинокомпании и дела шли отлично, — на душе словно кошки скребли. Безо всякой на то объективной причины. Первый сделанный Джонни в качестве продюсера фильм пользовался большим успехом. Все считали, что сам он великолепен в драматической роли, а Нино, который сыграл характерного героя, — прямое попадание в очко. Все, кто работал над этой картиной, теперь лопатой гребли прибыль, а Джек Уолес от злости состарился лет на десять, не меньше.

Все сработало точь-в-точь, как намечалось. Сейчас на студии были запущены в производство два новых фильма, в одном он сам играл главную роль, в другом — Нино. Нино оказался настоящим подарком для кино, у него сразу же сложился имидж: покоритель женских сердец, рубаха-парень, простяга и балагур. Женщины в кинозалах таяли от восторга — таким близким и родным он представлялся с экрана.

Теперь деньги сами текли к Джонни и, что особенно было ему приятно, Крестный отец тоже начал получать причитающиеся ему проценты через банк. Так что возлагавшиеся на него надежды Джонни Фонтейн оправдал полностью.

Что же тогда настроение такое мерзкое?

Сегодня ему почему-то не хотелось радоваться барышам и прочим успехам. Да, он стал преуспевающим дельцом. Он теперь куда влиятельнее, чем в пору расцвета своей славы артиста и певца. Самые яркие звезды Голливуда готовы предложить ему себя и свои услуги, правда, по другим причинам, чем раньше, но какое это имеет значение? У него есть даже собственный самолет, а в роскоши, о которой мечтает любой обитатель здешних мест, Джонни теперь просто купается. А ему, как на грех, все абсолютно безразлично.

Так чего же хочется Джонни Фонтейну? Увы, он прекрасно знал ответ на этот вопрос.

У него зудело в гортани, свербило в носоглотке. першило в горле, отдаваясь тягучей головной болью. И единственной возможностью унять бесконечную муку было запеть. А он боялся взять хоть одну ноту.

Как-то после того, как ему удалили бородавки, он решился позвонить доктору Сегалу и спросить, можно ли ему петь.

— Пожалуйста, — ответил Юлиус, — сколько угодно и в любое время, хоть сейчас.

Он немедленно попробовал, но ужаснулся звучанию своего голоса. Сиплые, отвратительные звуки походили на что угодно, только не на пение. А наутро горло опять стало саднить, правда, не так, как до операции, но пожалуй, даже мучительней. Он решил, что утратил голос навеки. И больше ни разу не пытался попробовать.

Но если это и вправду так, на кой черт ему остальное? Богатство, признание, успех — ничего не стоящие пустышки.

Господь создал его, Джонни Фонтейна, для того, чтобы он пел. Это — единственное его призвание, единственное, что он умел делать по-настоящему, может быть, лучше всех на свете. Только теперь Джонни мог оценить, как хорош был когда-то его голос, как умело он владел им. За

годы, проведенные на эстраде, он стал профессионалом самого высокого класса. А теперь? Разве можно пережить подобную потерю?

Была пятница, которую он по обыкновению проводил с Вирджинией и девочками. Он позвонил бывшей жене с тайной надеждой, что когда-нибудь она все-таки откажет ему в уик-энде, сославшись на важную причину, но за все эти годы она ни разу не сказала «нет». Все-таки с Вирджинией ему повезло, — подумал Джонни, — хоть они и не могут больше жить, как муж и жена. Может, когда им будет по семьдесят, они опять соединяться и заживут одним домом, угомонясь от тягот и волнений жизни.

Он поехал к Вирджинии, но, к своему удивлению, сразу же ощутил, что сегодня он нежеланный гость. Девочек пригласили соседи на верховую прогулку, и для них это выглядело куда соблазнительнее, чем вечер, проведенный со стареющим, хоть и знаменитым отцом. «Который к тому же то и дело норовит прочитать наставление», — подумал Джонни и велел Вирджинии отпустить их кататься. Они вспорхнули, как птички, вырвавшиеся из клетки.

Когда они остались вдвоем с Вирджинией, Джонни попросил:

— Плесни-ка мне виски, да я тоже двину.

— Сейчас, — сказала она недовольно. У нее тоже в ту пятницу настроение было не из лучших. Наблюдая, как он большими глотками опорожнил бокал, Джинни спросила: — Чего ж ты теперь-то глушишь? Все ведь идет великолепно, лучше не придумаешь. Ты оказался не только талантливым артистом, но и великолепным бизнесменом.

Джонни усмехнулся:

— Все не так трудно, как кажется со стороны.

«Ей кажется, что я опять счастлив и это портит ей жизнь, — подумал он. — Таковы все женщины — им нестерпимо думать, что мужчина может быть счастлив вдали от них». И не столько из-за своего унылого настроения, сколько из желания ее утешить Джонни сказал:

— Да и какое имеет значение — пить или не пить, если петь я все равно не смогу!

— Ну, Джонни, ты же не ребенок. В сорок лет не стоит переживать из-за пустяков. Как продюсер ты ведь заработаешь куда больше.

Джонни, с любопытством глядя на нее, спросил:

— Разве для певца возраст имеет такое уж значение?

— Мне никогда не нравилось, что ты зарабатываешь на жизнь своими песнями, — сказала она. — Раз ты можешь быть приличным продюсером, можно забыть об эстраде. По-моему, это только к лучшему.

— Вот уж не ожидал от тебя такой подлости! — ответил он с яростью, удивившей даже его самого. Неужели Вирджиния до такой степени ненавидела его? Ведь она нарочно сыпала соль в его раны.

— А ты считал, что мне доставляет радость знать обо всех шлюхах, гоняющихся за моим мужем из-за его сладких песенок? Интересно, как бы отнесся ты, если бы я разгуливала по улицам голышом, а мужчины ходили следом, задрав хвост, как коты. В моих глазах все выглядело примерно так. Не обижайся, Джонни, но пока мы не развелись, я была бы счастлива, если бы ты потерял голос.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он обиженно. — Ничего.

И пошел на кухню звонить по телефону Нино. Тот оказался дома, и они быстро договорились, что встретятся в Палм-Спрингсе и проведут вместе субботу и воскресенье. Джонни продиктовал Нино адрес одной юной красотки и номер ее телефона:

— Пусть привезет с собой подружку для тебя. Я буду через час, — сказал он Нино и повесил трубку.

Вирджиния с прохладцей отнеслась к его уходу, но Джонни на этот раз обиделся на нее всерьез. «Пропади она пропадом, — решил он, — надо отдохнуть хорошенько от всего на свете».

Дом Джонни в Палм-Спрингсе специально предназначался для таких гусарских наездов. Там имелось все, необходимое для уик-энда. Они сначала позагорали у бассейна, потом сели ужинать, позвав кое-кого из приятелей составить им компанию. Девочки, совсем молоденькие, еще не отрастившие когти хищниц, оказались довольно забавными. Нино сразу после солнечных ванн повел одну красотку к себе в спальню. Джонни, который после стычек с Вирджинией некоторое время не в состоянии бывал воспринимать женщин в розовых тонах, отправил вторую, Тину, под душ. А сам остался в гостиной, квадратной, где все четыре стены, как в аквариуме, были целиком стеклянными, присел у рояля и, перебирая пальцами по клавишам, не то чтобы пропел, а тихо промурлыкал строфу из смешной и фривольной песенки.

Свежая, из-под душа, юная Тина тихонько прошла в гостиную, смешала коктейль для себя и для Джонни, тихонько уселась рядом и не стала мешать ему. Она что-то даже подпела слабеньким детским голоском. Джонни рассмеялся, похлопывая ее по спине и сам тоже отправился освежиться. Стоя под прохладными струями воды, он проговаривал целые фразы старой песенки, меняя их окраску с помощью интонации, и хотя петь не рискнул, звук собственного голоса на этот раз не был ему неприятен.

Когда он вышел из ванной, Нино и его девица все еще отсутствовали — то ли так долго предавались любовным утехам, то ли Нино успел нажраться и вырубился на некоторое время. Юная Тина, заскучав, вышла во внутренний двор и спустилась к бассейну. Никто не слышал Джонни: ему почему-то очень не хотелось сейчас быть на людях.

Он опять подсел к роялю и запел старинную итальянскую балладу, одну из самых любимых. Запел в полный голос, как на концерте, мучаясь только ожиданием, что в горле запершит, зацарапает и начнется знакомое жжение. Но никакого неприятного чувства не возникало. Голос лился свободно, он звучал несколько непривычно, но новый тембр понравился Джонни — голос стал словно бы глубже, чуть ниже, мужественней, как и подобает в зрелом возрасте. «Да, богатый мощный голос зрелого певца», — подумал Джонни словно со стороны. Погасив последний звук баллады, он остался сидеть у рояля, осмысливая случившееся.

Голос Нино сказал у него за спиной:

— Ничего, старик, пожалуй, очень даже неплохо.

Джонни резко крутанулся на вертящемся табурете. Нино один стоял на пороге гостиной. Девушек не было. Джонни облегченно вздохнул, он ничего не имел против присутствия лучшего друга, но чужие уши его сейчас раздражали.

— Слушай, Нино, — сказал он, — отправил бы ты отсюда девиц. Отошли их домой.

— С какой стати? — сказал Нино. — Симпатичные девчонки, зачем я их буду обижать? Пусть слушают, сколько влезет. Захрипит — так захрипит, их не касается.

Дом был полон музыкальными инструментами, так что через пару минут магнитофон подключили к сети, Нино взял мандолину в руки, и Джонни запел по-настоящему.

Он пел все песни, которые знал, которые когда-то исполнял с эстрады или на съемках в музыкальных картинах. Пел одну за другой. Голос вел себя превосходно. Чуть-чуть не ладилось с ритмом, но это ерунда, с непривычки, слишком долгим был перерыв. Джонни испытывал такой подъем, что, казалось, мог петь без конца.

Сколько раз за время своей немоты он мысленно обдумывал каждую ноту, каждый оттенок фразы, колорит, интонацию. Как хотелось ему выразить все это вслух — и вот сбылось. Теперь все будет хорошо, все образуется.

Когда он остановился, Тина, сияя, обняла и расцеловала его.

— Теперь я знаю, почему моя мама так любит фильмы с твоим

участием, — сказала она. Комплимент был несколько сомнительный, но сейчас Джонни и Нино только от души рассмеялись.

После ужина они включили магнитофонную запись. Теперь Джонни мог объективно прослушать свой новый голос.

Да, голос стал другим, но в то же время не узнать Джонни Фонтейна было невозможно. Просто прибавилось оттенков, да и техника стала своеобразнее — пожалуй, равных ему надо было поискать. После перерыва голос стал подобен глубокому звучанию совершенного инструмента, попавшего в руки мастера. А ведь пока он еще не умел управлять им в полной мере. Что будет, когда Джонни Фонтейн вновь обретет форму?

Широко улыбаясь, Джонни оглянулся на Нино и спросил:

— В самом деле хорошо или я одурел от радости?

Нино задумчиво ответил:

— Чертовски здорово. Но не торопись радоваться, подожди до завтра.

Джонни дернулся — его огорчил скептицизм Нино:

— Завтра будет, как сегодня, дубина ты стоеросовая! Тебе-то так в жизни не спеть. А чувствую я себя просто великолепно, так что не беспокойся.

Но больше в тот вечер он уже не пел. Они съездили в ресторан, потом Тина провела ночь в его постели. Правда, особых радостей от этой ночи она не получила и была несколько разочарована, но сам Джонни совершенно не огорчился: ну и что с того? Всех радостей в один день не ухватишь.

Утром, когда Джонни проснулся, ему вдруг показалось, что это лишь сон, и смутный страх охватил его. События вчерашнего вечера показались настолько невероятными, что он не мог в них поверить. Горло не царапало, не болело. Не одеваясь, он подсел к роялю, нерешительно взял несколько нот, тронул клавиши. Неприятных ощущений в гортани не возникло. Он решился — и запел в полный голос.

Звуки полились будто сами собой, безо всякого напряжения. «Все, — сказал сам себе Джонни, — черная полоса кончилась». Голос вернулся к нему навсегда. Теперь наплевать, пусть даже провалится очередной фильм или он обанкротится. Безразлично, что Тина осталась недовольна ночью, проведенной с великим Джонни Фонтейном. Все равно, если Вирджиния опять возненавидит его. Все не имеет значения, кроме одного — он опять может петь.

И только об одном пожалел он в то счастливое утро — что голос вернулся к нему не тогда, когда он пел для своих дочек. Вот если бы они первыми услышали бы его — как трогательно и прекрасно все получилось

бы!

Сиделка вошла, постучавшись, в номер к Нино. Перед собой она катила белый столик с медикаментами и препаратами. Джонни поднялся со своего места и еще раз посмотрел на тихо спящего Нино. А может, он вовсе не спит сейчас, а умирает, отходит в мир иной?

Нет, Нино не позавидовал тогда тому, что к другу вернулся голос, — вдруг понял Джонни. Он другому позавидовал — что голос так много значил для того, что можно стать счастливым из-за возможности петь. Потому что его самого, Нино, этим невозможно было бы осчастливить. Не было для Нино на свете ничего такого, что могло бы не то чтобы сделать его счастливым, но хоть пробудить желание жить, оставаться в живых.

ГЛАВА 27

Майкл Корлеоне прилетал в Лас-Вегас поздно вечером и предупредил, что встречать его в аэропорту нет необходимости. Его сопровождали двое: Том Хейген и новый телохранитель — Альберт Нери.

В отеле для прибывших заранее подготовили самые почетные номера. Апартаменты, предназначенные Майклу, устроили бы даже королевскую чету. Все, кому он назначил встречу, ждали приезда Корлеоне-младшего в гостиной.

Фредди первым бросился навстречу брату, заключая его в объятия. За время своей ссылки на курорт Фредо располнел, но выглядел куда более оживленным и бодрым. Одет он был по последней моде в прекрасно сидящий серый костюм с подобранными в тон прочими атрибутами — от рубашки и галстука до шелковых носков. Над его прической явно поработал первоклассный парикмахер, а над ногтями старательная маникюрша. Одним словом, узнать в нынешнем денди того безучастного ко всему молодого человека, каким он приехал в Лас-Вегас, было просто невозможно.

Фредди любовно оглядел брата:

— Хорошо выглядишь, Майкл! Молодец, что сделал операцию, на щеке и следа не осталось. Это Кей уговорила тебя, да? А чего ж она сама не приехала?

Майкл ответил теплой улыбкой:

— Тебя и подавно не узнать, Фредо! Ты прямо преобразился. А Кей поехала бы со мной, но опять ждет ребенка. И первый-то совсем малыш, тоже одного не оставишь. Да я ненадолго сюда, только по делу. Завтра же вечером обратно, крайний срок — послезавтра утром.

— Ну, не раньше, чем ты отведаешь здешних яств. Тут шеф-повар так готовит — пальчики оближешь, — сказал Фредо. — Давай сразу под душ, переодевайся к ужину, а я обо всем остальном позабочусь. Тут целая куча народу выстроилась в очередь, чтобы повидаться с тобой. Как только скажешь — предстанут пред ясные очи.

— Замечательно, — мягко сказал Майкл. — Только Моу Грина давай оставим напоследок. А сейчас пригласи Джонни Фонтейна, Нино, Люси и ее приятеля-доктора поужинать с нами. Заодно и переговорим, — он обернулся к Тому Хейгену. — Ты как считаешь, Том?

Том подтвердил кивком свое согласие. Они с Фредди встретились довольно прохладно, и Том прекрасно понимал, почему. Не впервые в

неблагосклонности дона винили его, советника. Хейген сам не знал, почему дон так резко отвернулся от среднего сына. Никаких обвинений или кривотолков на этот счет не было. Дон просто дал понять, что Фредди надо держать на расстоянии — и все.

Было уже к полуночи, когда, наконец, приглашенные уселись за накрытый к ужину стол в апартаментах Майкла. Люси расцеловала его, но ничего не сказала о том, как он изменился после операции. Юлиус Сегал внимательно осмотрел восстановленную скулу и коротко отметил:

— Чисто сделано. А как с насморком?

— Все в полном порядке, спасибо, — улыбнулся Майкл. Он вообще постоянно находился в центре внимания. Все вдруг заметили, как в его внешности стали проявляться отцовские черты: в жестах, в манере говорить. Так же, как дон, он внушал окружающим уважение и даже некоторый страх, оставаясь при этом спокойным и подчеркнуто мягким. Что касается Тома Хейгена, то он, как обычно, держался в тени. Альберт Нери, который для всех окружающих был новым лицом, тоже вел себя скромно и сдержанно: от ужина отказался, сказав, что не голоден, и устроился в уголке поближе к двери, погрузившись в курортную газету.

Поужинав, они отпустили официантов, и Джонни сказал:

— Ты хотел поговорить с нами, Майк?

— Но прежде всего поздравить тебя вместе со всеми твоими поклонниками, — сказал Майкл, — говорят, что ты теперь поешь лучше, чем когда бы то ни было.

— Спасибо, — ответил Джонни, пытаясь угадать, какой услуги от него потребуют и для чего их всех собрали сегодня. Впрочем, гадать пришлось недолго, Майкл заговорил, обращаясь ко всем сразу:

— Семья Корлеоне подумывает о том, чтобы обосноваться здесь, в Лас-Вегасе. Предполагается продать в другие руки оливковую фирму «Торговый дом Дженко» и заняться вплотную игорным бизнесом на курортах. Мы с доном и с Томом Хейгеном проработали этот вариант и сочли его перспективным. Для нашей Семьи в Неваде открываются новые горизонты. Конечно, это произойдет не завтра, возможно, понадобится года два-три или больше, чтобы привести дела в порядок и сменить ориентацию, но таковы наши планы. Часть акций здешнего отеля уже сейчас находится в руках наших друзей, отсюда и начнем. Когда Моу Грин продаст нам свою долю, отель полностью перейдет в руки семейства.

На холеном и округлившемся лице Фредди возникло некоторое беспокойство.

— Майк, почему ты решил, что Моу Грин готов расстаться со своими

акциями? Он никогда не говорил ничего подобного, и, насколько я знаю, очень любит этот курорт. Не думаю, чтобы он мог пойти нам навстречу.

Майкл спокойно ответил:

— Я сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться, — хотя он произнес эти слова без особых эмоций, на присутствующих словно дохнуло ледяным мраком. Возможно, потому, что именно так любил говорить сам Крестный отец — и ничего хорошего подобная формула не сулила.

Майкл обратился к Джонни Фонтейну:

— Дон очень рассчитывает на тебя, Джонни. На первых порах, чтобы привлечь клиентов, понадобится классное шоу. Нам объяснили, что развлечения — как пряности, которые придают блюду пикантность. Мы хотим предложить тебе контракт на пять выступлений в год. Будешь приезжать сюда на недельку, не возражаешь? И твои друзья по кино тоже, они ведь не откажутся, как ты думаешь? Ты ведь многим уже помог, теперь их черед оказать услугу.

— Разумеется, — сказал Джонни, — для Крестного отца я на все готов, — но уверенности в его голосе не прозвучало, поэтому Майкл добавил с улыбкой:

— В деньгах никто из них не потеряет, можешь пообещать это смело, Джонни.

— Понимаешь, тут под боком еще десяток отелей и казино, — высказался Джонни Фонтейн. — Как бы другие не опередили вас.

— Строительство трех ближайших отелей финансируют наши друзья, — подал голос Том Хейген. — Значит, еще три гостиницы с казино принадлежат Семье Корлеоне.

— Вы получите акции, если пожелаете, — добавил Майкл. — Считай, что я говорю это от лица дона.

— Завтра же начну собирать команду, — сказал Джонни Фонтейн.

Теперь Майкл повернулся к Люси и Юлиусу Сегалу.

— Я ваш должник, — сказал он доктору. — Но если мои сведения верны, вам хотелось бы вернуться за операционный стол, куда вас никак не подпускает медицинская ассоциация из-за старой истории с абортами. Я правильно излагаю суть? Вы и правда хотели бы продолжить резать и потрошить?

Юлиус усмехнулся:

— Мало ли чего бы я хотел! Но в медицинском мире действуют свои законы. Боюсь, что никакие связи извне помочь в этом не в состоянии. На медицину власть не распространяется, даже ваша.

Майкл выслушал его, рассеянно кивая головой, и сказал:

— Наверное, вы правы, но здесь, в Лас-Вегасе, наши добрые друзья намерены построить крупную клинику. Люди они влиятельные, и я не сомневаюсь, что свое намерение они осуществят в самое ближайшее время. Город растет не по дням, а по часам, ему просто необходим приличный медицинский центр. А удастся ли заманить первоклассных хирургов в такую пустыню? Вы окажете честь местным властям, если согласитесь практиковать у них. Я думаю, если правильно изложить ситуацию, осложнений не должно быть, и таким образом доступ к хирургическому столу откроется для вас сам собой. Так что держитесь поблизости и ждите. Где они, черт возьми, отыщут лучшего специалиста? Кстати, правда, что вы с Люси собираетесь пожениться?

Юлиус пожал плечами:

— Как только у меня прояснится хоть какое-нибудь будущее.

— Строй скорее свою больницу, Майкл, — сказала Люси с надеждой, — иначе я так и умру здесь, в пустыне, старой девой.

Все рассмеялись, кроме Юлиуса, который обратился к Майклу Корлеоне очень серьезно:

— Я могу принять ваше предложение, только если не буду связан никакими обязательствами.

Майкл сдержанно отозвался:

— Какие могут быть обязательства? Я считаю, что в долгу перед вами, док, и хочу расплатиться. Но ваши слова мне не под душе. Неужели я похож на человека, который способен попросить вас об услуге, которая будет вам неприятна? Ну, а если жизнь сложилась бы так, что без этой услуги мы бы и обошлись? Что тогда? Разве кто-нибудь, кроме Семьи Корлеоне, пошевелил бы хоть пальцем, когда понадобилась вам? Разве теперь, узнав о вашем стремлении вернуться к профессии, я не ломал голову — без всяких просьб с вашей стороны, — чтобы найти решение проблемы? Оказалось, что решение есть, — и я не хочу ничего взамен. Ничего, кроме вашей дружбы, конечно. А если между нами возникнут дружеские отношения, то, мне кажется, вы и сами не откажете мне в услуге, которую оказали бы близкому человеку. Разве не так? Вот и все обязательства. Но, разумеется, ваше право не связывать себя ими.

Том Хейген тихо улыбнулся, не поднимая головы: сам дон не сказал бы лучше.

Юлиус так смутился, что даже покраснел:

— Прошу прощения, Майкл, я был не прав. Спасибо вам и вашему отцу. Я сболтнул глупость, забудьте о ней.

Майкл согласно кивнул:

— Вот и славненько. А пока больницу строят, вы будете возглавлять медицинскую службу всех четырех отелей. Подберите необходимый штат. Естественно, ваш оклад возрастет вместе с обязанностями, подробности обговорите с Томом. Тебе, Люси, тоже пора занять более серьезное место, чем то, на котором ты находишься теперь. Может быть, возьмешься за организацию продажи сувениров — здесь надо будет наладить целую торговую сеть, от киосков до пассажа. Или займешься кадровыми делами, ведь придется подбирать девушек для работы в казино. Чтобы, если Юлиус на тебе так и не женится, ты умерла, по крайней мере, очень богатой старой девой.

Во время всего этого разговора Фредо молча сидел в углу стола и сердито попыхивал сигаретой. Майкл оглянулся на брата и сказал ему очень мягко:

— Я ведь только посыльный, Фредди. Все, что дон захочет тебе сообщить, ты узнаешь от него самого. Не знаю, что он приберег для тебя, но наверняка в обиде не останешься, я уверен. Мы только и слышим, как умело ты поставил работу здесь, в отеле.

— Что ж старик тогда на меня бочку катит? — чуть не плача отозвался Фредди. — Из-за убытков в казино, что ли? Но казино ведь не по моей части, этим Моу Грин занимается. На кой ляд мне совать нос в чужие дела?

Майкл не успел ответить Фредди — в дверь номера резко постучали, и на пороге вырос Моу Грин собственной персоной. К удивлению присутствующих, телохранитель, прикрывавшийся газетой в кресле у двери, даже не пошевелился, а Хейген, шагнувший было навстречу, почти отлетел от того, как стремительно Моу Грин шагнул в комнату. Следом за ним вторглись двое громил.

Репутация Моу Грина, в молодости бывшего одним из наемных убийц мафии, с годами не улучшилась. Правда, к его чести надо заметить, что он первым обнаружил скрытые возможности индустрии развлечений и первым построил свое казино в Лас-Вегасе. Но став хозяином казино, купив контрольный пакет акций отеля, своих повадок головореза он не утратил. В Лас-Вегасе все до одного, включая Фредди, Люси и доктора Сегала, предпочитали обходить его стороной. Моу Грина попросту боялись, как дикого, непредсказуемого зверя.

Сейчас его красивое лицо казалось перевернутым от ярости.

— Я жду тебя целую вечность, Майкл, — сказал он без лишних приветствий. — Какого черта меня держат в приемной, как шавку? Завтра куча дел, а поговорить и вправду надо. И лучше сделать это сразу. Ты как

считаешь?

Майкл смотрел на вторжение Моу Грина с неясным выражением лица, которое, впрочем, можно было истолковать как приветливое.

— Разумеется, нам нужно поговорить, — согласился он дружелюбно. — Присаживайся к столу, Моу. Том, налей, пожалуйста, мистеру Грину чего-нибудь, — попросил он Хейгена.

Юлиус перехватил взгляд, которым человек по имени Альберт Нери наблюдал за мистером Грином. Моу Грин, не оборачиваясь, сказал своим приближенным:

— Выдайте всем фишки за мой счет, я угощаю.

Джонни Фонтейн, Люси Манчини и доктор Сегал поняли, что пора уходить, и распрощались с Майклом. Телохранители Грина и Альберт Нери тоже удалились из гостиной.

Как только за последним из них закрылась дверь, Моу Грин брякнул бокалом о стол и сказал, форсируя голос:

— В чем у нас дело, Майкл? Что за слухи ходят? Почему все вокруг утверждают, что Семья Корлеоне хочет скупить мои акции? Да это я скуплю все ваши акции и вас самих впридачу…

Майкл ответил вежливо и проникновенно:

— Но ведь твое казино без конца терпит убытки. Значит, что-то не срабатывает, иначе быть не может. Надо попробовать исправить положение дел.

Грин расхохотался в лицо Майклу:

— Учить меня вздумали, макаронники проклятые! Я же вам на помощь пришел, приютил вашего сопливого Фредди, высморкал и умыл его, а теперь в благодарность вы собрались выжить меня отсюда. Ничего не выйдет, предупреждаю сразу. Я не из тех, которыми швыряются. И друзей у меня не меньше, чем у вас, и сил хватит.

Майкл продолжал обращаться к нему спокойно и рассудительно:

— За то, что ты приютил Фредо, Семья Корлеоне оделила тебя немалой суммой на оборудование казино и приобретение мебели. А Семья Молинари, со своей стороны, гарантировала безопасность твоему игорному бизнесу — тоже благодаря присутствию здесь Фредо. Так что, полагаю, Корлеоне ничего не должны тебе, Моу, и возмущаться тут нечем. Твою долю мы готовы выкупить за любую разумную цену, которую ты сам назначишь. Что ж тут сердиться? Если учесть, по казино уже давно несет убытки, мы даже оказываем тебе некоторую услугу.

Моу Грин вскинул голову:

— Не держи меня за мальчика, Майкл. Я знаю, что у Семьи Корлеоне

нет прежней силы, что Крестный отец болен и из Нью-Йорка вас попросту выживают другие семейства. Вы прикинули, что в Лас-Вегасе жирный кусок, а добыча сама идет в руки. Но вы ошиблись, Майкл. Мой тебе совет — оставьте затею с Лас-Вегасом, пока не дошло до беды.

Майкл вкрадчиво спросил:

— Исходя из этих соображений ты и решил, что вправе давать Фредди пощечины даже на людях?

Том Хейген внимательно посмотрел на Фредди. Фредди медленно покрылся багровыми пятнами.

— Не лезь в это, Майкл, — сказал он, не поднимая глаз. — Моу не хотел меня оскорбить. Он просто вспыльчив, но мы с ним обычно ладим. Скажи, Моу?

— Ясно, ладим, — согласился Моу Грин, насторожившись. — Приходится время от времени вправлять сотрудникам мозги, чтобы все не развалили. Фредди, например, путался решительно со всеми официантками в баре — ну что за дела? Эти девки и так норовят не работать, как только случай предоставится. Вот и пришлось сделать Фредо внушение.

Майкл бесстрастно осведомился у Фредди:

— Подействовало внушение, брат?

Фредди посмотрел исподлобья и промолчал. Он понимал, что позволить типу вроде Моу Грина дать себе по морде — значит допустить, чтобы выразили неуважение всей Семье Корлеоне. Теперь понятно, почему отец подчеркивает свое неудовольствие.

Моу Грин понял молчание Фредди по-своему:

— Да ваш игрунчик затаскивает к себе в постель по две шлюхи сразу. Устраивает с ними бутербродики, знаете, что за штука? Причем он лучший мастак по женской части, после Фредо ни один мужик в счет не идет, девки сами так говорят.

Хейген и Майкл переглянулись. Об этом не знали даже они. А дон, с его консерватизмом в вопросах семьи и нравственности, естественно, не мог хорошо отнестись к новым пристрастиям сына. Надо же быть таким идиотом, чтобы затащить в постель двух баб сразу!

Майкл поднялся из-за стола, давая понять, что тема исчерпана и разговор окончен.

— Завтра я возвращаюсь в Нью-Йорк, — сказал он Грину. — Подумай пока, прикинь цену.

Моу Грин чуть не подскочил:

— Ах ты, сукин сын! Решил, что уже от меня отбрехался? Да я сам полечу в Нью-Йорк и сам потолкую с доном. Не он мне, а я ему буду

диктовать условия.

Фредди беспокойно заерзал на стуле.

— Может, пусть Том Хейген поговорит с отцом? Ты же советник Семьи, Том, — попросил он озабоченно. — Посоветуй дону ничего не менять здесь.

Тогда Майкл круто обернулся и посмотрел на обоих — Моу Грина и своего старшего брата — леденящим гневным взглядом, став на минуту подлинным Корлеоне.

— Отец в значительной степени отошел от дел, — сказал он до ужаса холодным тоном. — Теперь семейный бизнес возглавляю я. Я снял Тома Хейгена с поста советника. Он будет представлять интересы Семьи Корлеоне здесь, в Лас-Вегасе. Через пару месяцев он окончательно переберется жить сюда и начнет оформление наших дел с юридических позиций. Поэтому, если у вас есть что сказать дону, можете сказать мне.

Повисло молчание. Майкл продолжил почти официально:

— Ты, Фредди, мой старший брат, я очень уважаю тебя и очень прошу — никогда не становись больше на сторону противников нашей Семьи. Я не стану рассказывать дону о сегодняшнем инциденте, — потом он обернулся к Моу Грину — А тебе хочу посоветовать не бросаться оскорблениями, особенно в адрес тех, кто идет тебе навстречу. Лучше бы ты направил свою энергию на приведение в порядок казино. Семья Корлеоне немало вложила в твое предприятие, но не получает от этого никаких дивидентов. Тем не менее не я оскорблял тебя сегодня и не я высказывал обвинения. Напротив, тебе протянули руку помощи, но если ты считаешь возможным плюнуть в протянутую тебе руку, — что ж, дело хозяйское. Мне больше нечего добавить, — и он знаком показал, что оба могут быть свободны. Хейген подошел к двери и распахнул ее. Моу Грин и Фредди, не прощаясь, присмиревшие, вышли из номера.

Время было далеко за полночь.

Утром Моу Грин передал через Фредди окончательное решение — не вести переговоров о продаже акций ни на каких условиях.

Майкл Корлеоне спокойно повел плечом и не стал обсуждать его отказ.

— Я хотел бы до отъезда повидаться с Нино Валенти, — сказал он Фредди. Они прошли в номер, где Нино лежал в постели под присмотром бдительной сиделки. Майкл был потрясен: из цветущего и крепкого молодого мужика Нино превратился в жалкую развалину. Глаза ввалились, губы обмякли, в лице не осталось ни тени надежды или стремления жить. Только улыбка напоминала прежнего озорного и веселого Нино.

Пока доктор Сегал в очередной раз осматривал больного, задернув портьеру, Майкл спросил у Джонни Фонтейна, который завтракал рядом, в гостиной:

— Что с ним стряслось?

— Совсем расклеился, — мрачно ответил Джонни. — Док велит отправить его в психушку. Говорит, что он нарочно спивается и хочет свести счеты с жизнью. Представляешь, Майкл? Деньги, женщины, работа — все само идет в руки. На одной картине пятьдесят косых отломилось. А ему по деревне. Пьет по-черному — и гори все синим пламенем…

— Рад видеть тебя, Нино, — сказал Майкл, когда доктор впустил его в спальню. Майкл присел на край постели и потрепал Нино по плечу: — Дон часто вспоминает о тебе. Что передать ему?

— Скажи, что я умираю, — улыбнулся Нино своей широкой добродушной улыбкой. — Скажи дону, что шоу-бизнес куда опаснее, чем экспорт оливкового масла. Пусть знает.

— Да ты поправишься, — возразил Майкл, — не дури, Нино. Надо только знать, что нужно сделать. Мы все для тебя сделаем.

— Да что уж тут сделаешь? — ответил Нино. — Ничего. Ровным счетом ничего, — и покачал головой.

Майкл посидел с ним еще пару минут и ушел, расстроенный. Фредо сам проводил брата и его сопровождающих в аэропорт. Но дожидаться отлета рейса не стал.

Поднимаясь по трапу в самолет следом за Томом Хейгеном, Майкл спросил у Альберта Нери, который шел рядом:

— Ну как, запомнил Моу Грина?

Альберт Нери постучал себя согнутым пальцем по лбу:

— Сфотографировал, проявил и сложил в архив на полочку. Это надежно.

ГЛАВА 28

Сидя в самолетном кресле по пути домой, в Нью-Йорк, Майкл очень хотел расслабиться и вздремнуть, хоть ненадолго, но напряжение не отпускало его. Наступал самый трудный период в его жизни, может быть, роковой. И теперь уже ничего нельзя было поделать: камень покатился с горы. Отступить значило проиграть, а на это он не имел права.

На прошлой неделе дон официально объявил доверенным и всей верхушке Семьи, что удаляется от дел и передает их Майклу. Это было сигналом к началу действий. Час пробил.

С тех пор, как он вернулся домой из сицилийской ссылки, прошло три года. Два года назад они с Кей поженились. Майкл не терял времени даром: все три года он посвятил изучению семейных дел. Его вводили в курс сам дон и Том Хейген. Раньше Майкл даже представить себе не мог масштаба богатства и могущества клана Корлеоне. Семья владела баснословно дорогой землей в самом центре Нью-Йорка, целыми кварталами, отданными под небоскребы, и самими небоскребами, вмещавшими множество административных учреждений, банки, универмаги. Разветвленная система казино, не считая еще более сложную систему подпольных игорных домов, являлась монопольным достоянием их империи. А кроме того, бессчетные акции всевозможных корпораций на Лонг-Айленд и промышленных фирм на Уолл-стрит.

Знакомясь подробно с развитием семейной державы, Майкл открывал для себя совсем уж неожиданные вещи. Например, он узнал, что вскоре после окончания войны Корлеоне покровительствовали шайке мошенников, занимавшейся подделкой и сбытом грамм-пластинок. С дисков популярных исполнителей изготавливались матрицы, фирменные пакеты копировались с такой точностью, что, наверное, сами владельцы не смогли бы отличить, и все это продавалось под шумок, принося изрядные доходы, тем более, что музыканты-исполнители никаких гонораров, естественно, не получали. Оказалось, что любимец дона Джонни Фонтейн тоже пострадал, сам того не ведая, на этих махинациях, потому что долгое время — до того, как потерял голос — очень котировался у меломанов и любителей эстрады.

«Интересно, — подумал Майкл, — как же дон позволял кому-то обделять своего крестника?» Он даже полюбопытствовал у Тома Хейгена, но Том отнесся к вопросу философски. Бизнес это бизнес, надо уметь извлекать выгоду, если сама в руки идет. К тому же Джонни как раз в это

время развелся с женой и был в опале у дона.

А куда потом делись музыкальные жулики? Почему прекратили свои операции? Фирма граммзаписи вычислила их или полиция поймала? «Нет, все кончилось ничьей», — объяснил Том Хейген. Просто дон лишил их своего покровительства, и они вынуждены были прикрыть лавочку. «Почти сразу после свадьбы Конни», — добавил он.

Вообще подобная схема действовала достаточно регулярно: дон отворачивался от провинившихся или неблагодарных, и их процветающее дело сейчас же чахло, как неполитый огород. Или, наоборот, дон выручал своих приспешников из беды, частично созданной его же руками, или, во всяком случае, с его ведома и согласия.

Майкл продолжал размышлять об этом, подлетая к аэропорту Нью-Йорка. Наверное, Кей уже выехала навстречу ему. Их свадьба состоялась в ее родном городке по обычаю, принятому у здешних обитателей, — тихая свадьба, на которой присутствовали только родители да несколько близких друзей. В Новой Англии не любят пышных брачных обрядов.

Поселившись в доме на Лонг-Бич, Кей легко и быстро сошлась со старшими Корлеоне, чем очень удивила Майкла. Да и вообще она приняла здешний быт на редкость спокойно, будто всю жизнь провела в среде итальянских выходцев, и даже забеременела почти сразу, как добропорядочная сицилийка. То, что первым ребенком оказался сын, еще больше укрепило позиции Кей в доме Корлеоне и в глазах родителей Майкла. Сейчас она ждала уже второго малыша. Но это не мешало ей самой приезжать в аэропорт — в сопровождении охранника, разумеется. Она всегда старалась приблизить час их встречи, хоть ненадолго, потому что чувствовала себя счастливой лишь когда Майкл был рядом. Сам он тоже всегда заранее предвкушал радость встречи с женой и с домом. Но сегодня Майклу очень хотелось бы оттянуть миг прилета. Потому что, вернувшись домой, он сразу должен был принять на себя всю державу Корлеоне, приступить к исполнению обязанностей, которым обучался все три года, взяться за дело, которое терпеливо дожидалось его уже три долгих года. Словом, он вступал в новый этап своей жизни, и последний шаг перед этим давался ему с трудом.

Он знал, что сейчас в доме на Лонг-Бич его уже ждут и дон, и капитаны. Теперь они все подчиняются только его приказам, от его решений будет зависеть благополучие Семьи, а зачастую и судьбы подданных, вверивших себя в его руки. Час действительно пробил.

По утрам, когда Кей Адамс просыпалась, чтобы покормить ребенка, она

нередко видела из окна ванной, как свекровь, мама Корлеоне, садится в автомобиль и отбывает куда-то. Обычно ее сопровождал кто-нибудь из телохранителей. Возвращалась синьора только час спустя, а назавтра все повторялось опять.

Потом Кей узнала, что жена дона обязательно посещает каждое утро церковь.

На обратном пути она нередко заходила к Кей выпить чашечку кофе и полюбоваться малышом. Иногда мама Корлеоне заговаривала с Кей о религии и даже спрашивала, не собирается ли она принять католичество, хотя прекрасно знала, что сын Майкла крещен по протестанскому обряду. Кей обычно отшучивалась, но однажды, выбрав удобный момент, спросила, обязательно ли всем католикам ежедневно являться к утренней службе.

— Совсем не обязательно, — поспешно ответила мама Корлеоне, словно опасаясь, что иначе Кей может отвернуться от католичества. — Совсем нет, деточка. Некоторые католики только и бывают в соборе, что на Пасху да на Рождество, Тут никто ничего не указывает, каждый по сердцу поступает. Когда сердце подскажет, тогда и идешь.

— А почему же вы ходите каждое утро? — не удержалась от вопроса Кей. И свекровь ответила ей спокойным и ровным голосом, как об обыденном:

— Я молюсь за мужа. Не хочу, чтобы его душа попала туда, — мама Корлеоне ткнула указательным пальцем вниз, в направлении пола, подразумевая, конечно, ад. — Каждое утро я прошу у Господа, чтобы мой муж попал на небо, когда придет его час, — и она воздела руку вверх.

Трудно баю понять по ее интонации, всерьез она отвечает или шутит, во всяком случае должного почтения к великому дону в словах его супруги не прозвучало. Вроде бы ее молитвы и желания не совпадали с устремлениями мужа и собиралась она добиться его вознесения в небеса вопреки его воле.

— Как самочувствие дона? — вежливо спросила Кей.

Мама Корлеоне ответила с иронией:

— Он совсем сдал с тех пор, как в него стреляли. Переложил на Майки все свои дела, а сам, как придурок, возится в огороде, сажает перцы и томаты, словно опять стал крестьянином. Впрочем, все мужчины похожи на детей.

Позднее к Кей заходила Конни Корлеоне с двумя своими детьми. Невестка нравилась Кей за неиссякаемую доброту и легкий нрав. Она по-настоящему любила Майкла, но, кажется, в последнее время стала

относиться к нему с некоторым страхом.

Как-то Конни спросила Кей, как, по ее мнению, Майкл воспринимает Карло, хорошо или только притворяется? Раньше Карло не умел приладиться к Семье Корлеоне, но за последнее время он очень переменился. Он совсем другой человек И свою работу в профсоюзе выполняет добросовестно и трудится с полной отдачей. «Карло любит Майкла, — утверждала Конни, — Майкла любят все, как раньше любили дона. Хорошо, что именно Майкл теперь возглавит Семью и станет наследником дона».

То, как Конни переживает, когда разговаривает о муже, Кей замечала еще раньше. Казалось, она с какой-то болезненной остротой все время ждет добрых слов в адрес Карло. А когда заходила речь об отношениях Майкла и Рицци, в глазах у Конни застывало выражение тихого ужаса. У нее просто падало сердце от мысли, что Майкл недолюбливает ее супруга. Она то и дело касалась больной темы, бередя собственную рану.

Вечером Кей заговорила об этом с Майклом. Она тоже успела заметить, что в доме не принято говорить о Карло Рицци. Во всяком случае, в ее присутствии имя мужа Конни практически не упоминалось, будто его вовсе не существовало. Никто и никогда не вспоминал и о Санни. Почему? Конни вся прямо задергалась, когда Кей спросила ее напрямую о старшем брате.

Майкл с неудовольствием рассказал жене о трагических событиях, связавших убийство Санни со скандалом в доме Карло Рицци. О том, как Карло избил жену, та позвонила к родителям и взбешенный Сантино помчался на ее защиту, а угодил в засаду. Потому-то Карло и Конни до сих пор тревожатся, не винят ли их в гибели Санни. Но они тревожатся зря. Никто и не думает обвинять их. То, что они теперь живут в имении дона в Лонг-Бич и то, что Карло дали ответственную должность в профсоюзе, — подтверждение позиции Семьи. Зла никто не держит, а Карло, похоже, действительно исправился: во всяком случае, пьянствовать и загуливать он перестал, начал работать, не стремится прыгнуть выше головы. Семья вполне довольна им в последнее время и никто ни в чем не винит их обоих.

— Но если так, то почему бы не сказать все это Конни? — спросила Кей мужа. — Давай позовем их с мужем к нам в гости, посидим вместе, поговорим. Надо утешить бедняжку. Скажи ей попросту, что она зря сама себя накручивает.

— Да нет, — не принял Майкл, — в Семье так не принято поступать.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я сказала Конни? — предложила Кей. Ее удивило, что Майкл не может решиться на такой простой шаг.

Ее предложение муж тоже обдумывал на удивление долго. Наконец, после утомительной паузы, отрицательно покачал головой:

— Нет, Кей, не стоит. Мне не кажется что ты сможешь помочь Конни. Она все равно будет тревожиться.

Кей вслушивалась в спокойные и бесстрастные слова Майкла, осознавая, что он, по-видимому, не так уж переживает за сестру. Возможно, он и раньше относился к Конни прохладнее, чем к прочим членам Семьи, хотя сестра горячо и нежно привязана к нему. В чем дело?

— Ну, а ты, Майкл? Ты не винишь Конни в смерти брата? Ведь правда?

Майкл вздохнул:

— Ну как я могу винить ее? Она — моя младшая сестренка, я очень люблю Конни и мне жаль ее от всей души. Карло, конечно, теперь не тот, что прежде, но, как ни крути, муж из него никудышный и для Семьи не подарок. Но исправить ничего невозможно, чего же разговоры разговаривать?

Кей не стала продолжать развивать тему, раз Майкл уклонялся. Она уже привыкла, что муж не из тех супругов, на которых можно давить. Стоило прижать его, он весь затвердевал, становился совершенно неподатливым. Кей знала, что в принципе она может заставить Майкла поступить вопреки собственной воли, но знала и то, что злоупотреблять своей властью над его волей никак не следует. Их близость за последние три года стала еще больше, и ей вовсе не хотелось рушить ее собственными руками.

Она ценила Майкла по достоинству. Например, за то, что он всегда поступал по справедливости. Как ни странно, он был справедлив со всеми, с кем имел дело, даже когда речь заходила о ничтожных пустяках. Она чувствовала, конечно, какую силу обрел Майкл в последнее время, видела, как тянутся к нему самые разные люди, приходящие за советом или защитой. Он внушал доверие и уважение всем вокруг.

И ей самой тоже.

Ее любовь к нему стала еще сильней после одного случая, когда она увидела, как дорога Майклу. После возвращения из Италии вся семья долгое время убеждала его сделать пластическую операцию, чтобы исправить покалеченную челюсть. Как-то за воскресным обедом мама Корлеоне буквально набросилась на сына:

— Да сделай ты наконец операцию, ради Христа! Посмотри на себя, — прямо гангстер из телевизора. И сопли висят на носу, будто у пьяного ирландца.

Копии, появившаяся в это время из кухни с блюдом в руках,

поддержала мать:

— Нет, правда, Майкл! Ведь ты всегда был симпатичным парнем. Ну чего тебе стоит?

Но Майкл только равнодушно выслушал их причитания и не удостоил даже ответом, Словно не слышал вовсе.

Кей обезображенное лицо мужа ничуть не смущало, но постоянный насморк беспокоил и ее. Если бы он сделал пластическую операцию, беда прошла бы сама по себе. Ей тоже хотелось, чтобы Майкл обратился к хирургу, но что-то подсказывало Кей неслучайность его пассивного протеста. Она видела, что и дон не настаивает, а значит, понимает Майкла.

Но после рождения первенца Майкл неожиданно спросил у жены:

— Ты считаешь, мне надо исправить это? — и показал на свою левую щеку.

Кей кивнула:

— Ты же знаешь, Майк, как чувствительны дети. Когда малыш подрастет, он начнет стесняться, что отец изуродован. Не хотелось бы, чтобы у мальчика были комплексы на этот счет. А мне самой все равно, честное слово, Майк. Я люблю тебя любого.

— Добро, — улыбнулся Майкл. — Сделаем операцию.

Вся Семья визжала от восторга, что Майкл пошел на операцию. Особенно Кокни, которая каждый день навещала брата в больнице, неизменно притаскивая с собой унылого Карло. Когда Майкл вернулся домой, Конни радостно расцеловала его, восклицая:

— Посмотрите, какой у меня красивый братишка!

И только дон, равнодушно поведя плечом, отозвался скептически:

— Стоило ли огород городить?

Но Кей, хорошо осознавая, что ее желание побудило мужа пойти наперекор собственному суждению, была благодарна ему. И действительно, единственный человек, который мог заставить Майкла подчиниться своему желанию, была она, Кей, его жена и мать его детей.

Чтобы Кей встретила мужа в аэропорту, Рокко Лампеоне заранее подал автомобиль к подъезду их дома. Кей тоже спустилась пораньше — ей хотелось приблизить встречу с Майклом, возвратившимся из Лас-Вегаса.

Она видела, как он спускался по трапу вместе с Томом Хейгеном и своим новым телохранителем Альбертом Нери. Нери вызвал в Кей смутное чувство ужаса: почему-то вспоминался чудовищный Люка Брази.

Поспешив навстречу мужу, Кей прижалась к нему на мгновение — он почти сразу нежно, но твердо отстранился. Поцеловал и сразу же повел к

машине. Во втором автомобиле разместились Альберт Нери и еще двое охранников. С таким эскортом они и двинулись в Лонг-Бич.

Помня о словах Майкла, который еще до свадьбы внушал ей, что деловым партнером ей для него не быть, Кей никогда не расспрашивала мужа. Сейчас она тоже не решилась задать вопрос, успешно ли прошла его поездка. Раз и навсегда она не касалась того, что напоминало о радостях, отсутствующих в их в общем-то благополучной семейной жизни. Если бы она спросила, ответ все равно прозвучал бы нейтрально и ни к чему не обязывающий. Кей уже привыкла к этому и не расстраивалась зря. Но когда, только переступив порог собственного дома, Майкл объявил ей, что на весь вечер уходит к отцу, она не смогла скрыть огорчения.

— Не сердись, милая, — сказал Майкл, уловив ее настроение. — Мне надо подробно отчитаться о поездке. Зато завтра вечером мы вместе с тобой съездим в Нью-Йорк, в театр сходим, поужинаем, — он ласково погладил ее по выпуклому животу — Кей была уже на седьмом месяце. — А то скоро появится второй малыш, и ты снова будешь привязана к дому. Вот уж никак не думал, что из тебя получится типично итальянская жена: второй ребенок за два года. А еще числишься коренной американкой! Ты обманула все мои ожидания.

— А ты — мои, — парировала Кей. — Из тебя получился типичный американский муж: не успел приехать домой — сразу за дела, — она опять улыбнулась ему и попросила: — Ну ты хоть постарайся не задерживаться сегодня слишком поздно.

— Не позже двенадцати. Но ты не жди меня, ложись.

— Нет уж, я подожду, — отозвалась Кей.

Встреча, которая на этот раз состоялась в угловом кабинете дона Корлеоне и где, как обычно, собирались оба капитана, Клеменца и Тессио, Том Хейген, Карло Рицци, а с ними Майкл и сам дон, не отличалась обычной дружеской атмосферой. Не было в их кругу ни сердечности, ни единодушия. С того дня, как дон объявил во всеуслышание, что отныне частично отстранился от дел и передает их в руки младшему сыну, в Семье возникла и держалась напряженность.

Пост дона — не монарший престол. Он не обязательно передается по наследству. В принципе, на звание главы Семьи вполне могли претендовать оба доверенных, прошедших рядом с Вито Корлеоне всю жизнь и обладавшие необходимым опытом. Могли они теперь позволить себе и отделиться от Семьи Корлеоне, организовав собственный бизнес.

К тому же после примирения с пятью Семьями влияние и могущество

Семьи Корлеоне несколько ослабело. На первое место вышла Семья Барзини, занявшая в союзе с семейством Таталья то место, которое раньше полноправно принадлежало Корлеоне. Совместно они шаг за шагом внедрялись на территорию Корлеоне, где хитростью, где грубостью насаждали своих букмекеров и ростовщиков, делая один осторожный шаг за другим.

Для Барзини и Тальи уход Вито Корлеоне от дел был маслом по сердцу. Майкл, даже если в нем есть задатки великого дона, еще не скоро сможет проявить себя, а отцовский авторитет — совсем иное дело. Да и вряд ли он поднимется до уровня старшего Корлеоне в хитрости и в гибкости. Для могущественных друзей Вито Майкл так и так останется мальчиком, папиным ставленником. Значит, влияние Семьи в правительственных кругах тоже будет утрачено. Очевидно, империя Корлеоне вступает в пору своего заката.

Что и говорить, справиться с потоком обрушившихся на Семью трудностей было нелегко и самому дону. Как можно смириться с тем, например, что Фредди Корлеоне вырос бабником и мелким администратором, годным лишь на вторые и третьи роли? Все знали, что старший из сыновей, Санни, не позволял с собой шутки шутить, он представлял из себя грозную силу, заслуживающую уважения. Его гибель оказалась непоправимым ударом для Семьи. Конечно, Санни имел множество недостатков, он тоже не мог бы тягаться с доном — в дальновидности, скажем. С его стороны послать младшего брата Майкла убивать капитана Макклоски и Солоццо было отнюдь не лучшим тактическим ходом. Ведь именно это подтолкнуло Пять Семей к открытым враждебным действиям, из-за чего сам Санни погиб, дон вынужден был встать с постели до срока, а Майкл на целых два года удалился от дел, которые ему, как преемнику дона, следовало бы изучать непрестанно.

Но больше всего винили дона Корлеоне за то, что он передал пост советника Семьи из рук Дженко в руки какого-то молодого ирландца. Где ж ирландцу устоять против сицилийца? Кишка тонка, — единодушно считали все пять Семей. Уже в силу этих соображений союз Барзини — Таталья выходил на первое место в Нью-Йорке. Впрочем, по поводу Майкла все единодушно считали, что по силе он уступает Санни, хоть и превосходит его умом, а по уму уступает дону Корлеоне, что — увы! — непоправимо. Он вполне устраивал Большую Пятерку на посту дона, потому что его приходилось опасаться вдвое меньше, чем непредсказуемого Санни и, конечно, куда меньше, чем расчетливого и мудрого дона, не зря удостоенного звания великого.

Сам дон тоже несколько утратил достоинство в мнении окружающих. Спору нет, он проявил себя с лучшей стороны, пойдя на примирение в трудный час и сумев обставить условия мира с должным достоинством. Но он не отомстил за смерть Санни! Какими бы благородными аргументами ни оправдывался этот факт, в глазах сицилийцев он несколько ронял престиж Вито Корлеоне. Можно называть это большой дипломатией, а можно — обычной слабостью.

Все, кто собирался сейчас в кабинете дона, прекрасно знали расстановку сил и положение дел. Кое-кто из присутствующих в целом даже разделял бытовавшие взгляды. А как иначе? Карло Рицци, например, хорошо относился к Майклу, но отнюдь не боялся его, как в свое время трепетал перед Санни. Клеменца, хоть и отдавал Майклу должное за мастерски проведенную расправу над Солоццо и капитаном Макклоски, все-таки сомневался, что у Майкла хватит мочи держать всю Семью. Он, Клеменца, предпочел бы в сложившейся ситуации отколоться от Корлеоне, создать собственную державу, однако дон решительно отказал ему в этом, а их с Вито Корлеоне связывали слишком долгие и слишком родственные узы, куда более прочные, чем кровные, и из уважения к другу Клеменца подчинился его желанию, оставляя за собой, впрочем, право на отступление, если уж совсем невмоготу станет.

Тессио лучше других думал о Майкле. Инстинкт подсказывал опытному капитану, что в молодом человеке кроются тайные силы, надежно спрятанные от чужих глаз. Тессио понимал, что Майкл, как и Вито Корлеоне, не показывает окружающим свое истинное лицо, предпочитая, чтобы друзья недооценивали его плюсы, а враги переоценивали его минусы, вполне в духе отцовских заповедей.

Сам дон и Том Хейген, естественно, понимали, что иллюзии насчет слабостей Майкла безосновательны. Дон ни за что не отошел бы от дел, если бы хоть чуть-чуть усомнился в способностях сына вернуть Семье Корлеоне ее былое могущество и авторитет. Хейген, который на протяжении двух лет наставлял и натаскивал Майкла, не переставал удивляться легкости, с какой тот вошел в курс всех тонкостей и хитростей семейного бизнеса. Вот уж, действительно, ничего не скажешь — сын своего отца.

Одной из причин недовольства Клеменцы и Тессио было ослабление вооруженной силы отрядов. Майкл ничего не сделал, чтобы усилить их команды и не попытался восстановить гвардию Санни. Теперь Семья Корлеоне имела только две, причем ослабленные военными действиями, боевые единицы, и капитаны считали, что подобная беспечность не просто

ошибочна, но и смертельно опасна. Тем более, что Барзини и Таталья не прекращают выпадов. Оба надеялись на сегодняшнее чрезвычайное совещание как на возможность исправить положение дел.

Первым заговорил Майкл. Он доложил о своей поездке в Лас-Вегас и об отказе Моу Грина принять предложение Семьи.

— Ну, предположим, он все-таки примет наше предложение, никуда не денется, — завершил Майкл. — Вы ведь знаете, что взято направление на Запад, и в ближайшем будущем все мы переместим поле деятельности поближе к Лас-Вегасу. Четыре наши казино на побережье уже заложены, они станут опорой поначалу. Суетиться не станем, надо все постепенно прибирать под себя. На это понадобится время, — он обратился непосредственно к обоим капитанам и сказал настойчиво: — Питер, я хотел бы надеяться, что ты и Тессио будете честно и преданно стоять рядом со мной весь этот год. Чтобы подчинялись беспрекословно, ни о чем меня не спрашивая и ни в чем не сомневаясь. Для меня это будет как бы испытательный срок. Через год, если пожелаете, можете отколоться от Семьи Корлеоне, создать собственные кланы. Разумеется, дружба между нами сохранится, как и прежде. Но сейчас мне надо быть полностью уверенным в вас. Сейчас уже идут переговоры, чтобы решить проблемы, казавшиеся неразрешимыми. Я прошу от вас только доверия и немножко терпения.

Тессио спросил:

— Не пойму, почему ты не пустил Моу Грина переговорить с отцом. Дон умеет убедить кого угодно в чем угодно.

Дон сам ответил своему доверенному:

— Я удалился от дел, Тессио. Майкл никогда не сможет завоевать авторитет, если все будут знать, что его можно переплюнуть. А кроме всего прочего, у меня нет желания разговаривать с Моу Грином.

Тессио сейчас же припомнил, что кто-то рассказывал ему о стычке Моу Грина и Фредди Корлеоне, якобы Моу Грин съездил по физиономии Фредо. Если сопоставить эту сплетню и слова дона, Моу Грин уже, можно считать, покойник. Тессио замолчал и откинулся на спинку стула. Что ж, тогда нет смысла тратить время на переговоры с Моу Грином.

Теперь в разговор вступил Карло Рицци:

— Так, что, мы вообще все свернем здесь, в Нью-Йорке?

Майкл подтвердил это кивком головы:

— Почти. Фирму по торговле оливковым маслом просто продадим. Все, что будет возможно, передадим Тессио и Клеменце. Но тебе, Карло, безработица не угрожает. Ты же родом из Невады, хорошо знаешь штат и

местные нравы. Полагаю, ты будешь моим первым помощником, когда мы переберемся туда.

Карло раскраснелся от предвкушения. Наконец-то его вознесут на должную высоту, приобщат к руководству делами Семьи.

Тем временем Майкл продолжил:

— Хочу вас поставить в известность, что Том Хейген уже не советник. Он будет представлять интересы Семьи в Лас-Вегасе как юридический консультант. Месяца через два Том переберется туда вместе со своей семьей на постоянное место жительства. Теперь он просто адвокат, и с этой минуты ни по каким другим внутренним вопросам его не следует беспокоить. Никаких ссылок на мнение Тома я больше принимать не стану. Не потому, что он в чем-то не угодил Семье. Наоборот, я безмерно уважаю Тома и благодарен ему. Но снять его с поста советника считаю необходимым. А если мне понадобится совет, кто сможет дать его лучше, чем мой отец? — все рассмеялись в ответ на слова Майкла, хотя прекрасно понимали, что скрывается за его шуткой. Том Хейген лишается власти, он выведен из игры, его устранили. Искоса все, кроме дона, бросили испытующий взгляд на бывшего советника, но лицо Тома Хейгена не выражало никаких чувств.

Клеменца спросил:

— Если я правильно понял, через год Семья Корлеоне передаст город нам?

— Возможно, даже несколько раньше, — любезно ответил Майкл. — Если, конечно, у вас будет желание остаться в Нью-Йорке. Если захотите продолжить работу в нашей Семье, — Бога ради. Но сферой нашего влияния отныне станет Западное побережье, так что, быть может, вам действительно есть смысл создать собственные Семьи.

Тессио сдержанно сказал:

— А пока, мне кажется, мы должны пополнить людьми свои отряды. Эти ублюдки из стана Барзини обнаглели до неприличия. Рыщут под самым моим носом. Не мешало бы их поучить маленько.

Майкл не согласился:

— Худой мир пока лучше доброй ссоры. Посидите немножко тихо. Все уладится, вот увидишь, Тессио. Мы уже начали вести переговоры. Во всяком случае, пока мы соберемся переезжать, все конфликты будут исчерпаны.

Похоже, что Тессио остался неудовлетворен таким поворотом событий. Рискуя навлечь на себя неудовольствие Майкла и игнорируя слова дона об устранении от дел, он обратился все-таки к самому Вито Корлеоне.

— Мы старые друзья, Крестный отец, — сказал он. — Пусть это послужит мне оправданием. Но с моей точки зрения вся эта затея с Невадой сомнительна. Как можно рассчитывать на успех там, если нет опоры здесь? Когда вы оставите город, Барзини и Таталья сожрут нас с Клеменцей и косточек не оставят. Нам с Питом здесь достанется по первое число, а потом все равно придется идти к ним под каблук, одним нам не устоять. А Барзини совсем не по моему вкусу. Так что если Семье Корлеоне и уезжать из города, то надо уезжать на белом коне, будучи в силе и в авторитете. И вообще, надо действовать с позиции силы а не подставляя собственные слабые места. Прежде всего, я считаю, надо вернуть захваченные территории, как минимум, отвоевать Статен-Айленд.

Дон покачал головой:

— Я не могу нарушить слово, Тессио. Ведь я заключил мир.

Тессио не унимался:

— Барзини тоже заключил мир, но вовсе не собирается выполнять взятых обязательств. Все знают, сколько провокаций с тех пор на его счету. А кроме того, слово давал ты, а Семью теперь возглавляет Майкл, он вовсе не связан твоим обещанием.

Майкл холодно и с достоинством перебил Тессио:

— Об этом-то сейчас мы и толкуем на переговорах. Обещаю, как только что-то прояснится, я отвечу на все эти вопросы и на любые другие еще. Если моего слова тебе мало, Тессио, спроси у дона.

Но Тессио и так уже почувствовал, что перешел за границы дозволенного. Обратиться еще раз с вопросом к дону, значит обрести в лице Майкла врага на всю оставшуюся жизнь.

Поведя бровью, он сказал бесстрастно:

— Воля ваша. Я только хочу, как лучше. Не для себя — для всей Семьи стараюсь.

Майкл широко и дружески улыбнулся Тессио и сказал:

— Да я никогда и не сомневался в тебе, капитан. Ни одной минуты. Но и ты должен доверять мне. Конечно, у меня нет ни твоего опыта, ни опыта Питера. Но мною руководит отец, и я постараюсь справиться с делами как можно лучше. Увидишь, все наладится.

На том совещание закончилось. Главным решением было на сегодня обещание, что Тессио и Клеменца смогут через год отделиться от Семьи Корлеоне. Тессио приберет к рукам и ныне подвластные ему игорные заведения и доки Бруклина, к Клеменце отойдет весь подпольный Манхэттен и ипподромы Лонг-Айленда. И все-таки уходили старые капитаны не вполне удовлетворенными, потому что ясности у них не было.

Только Карло Рицци покинул совещание в превосходном настроении и с массой новых надежд, Он даже потоптался на пороге, рассчитывая, что уже сейчас может пригодиться Майклу, но Майкл посмотрел мимо шурина пустыми глазами, а Альберт Нери услужливо, но настойчиво открыл перед Карло Рицци дверь.

В кабинете остались только Том Хейген, Майкл и дон. И сразу витавшая в угловой комнате напряженность улетучилась, как дым от сигарет. Эти трое действительно были одной семьей, одним целым. Их так многое связывало и столько лет провели они под одной крышей, что сейчас говорили друг с другом не менее откровенно, чем сами с собой.

Майкл, облегченно вздохнув, налил анисовой дону, виски Тому и смешал коктейль себе, что допускал не часто.

— Майк, ты и вправду выводишь меня из игры? — спросил Том, поднимая бокал.

Майкл, казалось, не понял вопроса:

— Ты о чем это? А кто будет моей правой рукой в Лас-Вегасе. Мы же собираемся полностью легализоваться, юрист выходит на первое место во всех делах, где раньше можно было словчить или использовать недозволенный прием. Так что игра у нас будет общая.

Хейген невесело усмехнулся:

— Да я не об этом. Я о том, что Рокко Лампеоне втайне от всех, и от меня тоже, сколачивает новый отряд. И еще ом, что ты сам даешь поручения Альберту Нери, а не через меня или капитанов, как принято. Если, конечно, я вообще могу еще судить о том, что происходит вокруг.

Майкл пристально посмотрел на него и спросил:

— А откуда ты знаешь про отряд Лампеоне?

Хейген повел плечом:

— Не волнуйся, никакой утечки информации нет. Кроме меня, никто ни о чем не догадывается, просто мое место на самом верху, а сверху многое видно. Лампеоне создает свою маленькую гвардию из наших же людей, и о каждом новом рекруте мне становится известно отдельно. А я не могу не заметить, что это отборные ребята, ступенькой выше других и заслуживающие несколько большего жалованья, чем имели до сих пор. Кстати, твой выбор мне нравится. Лампеоне — дельный парень. И действует без накладок.

Майкл скривил губы:

— Не так уж он хорош, раз ты сумел вычислить. Но, как бы то ни было, Лампеоне присмотрел дон, а не я.

— Да Бог с ним, — сказал Том. — Меня-то ты почему устраняешь

Майкл?

Майкл посмотрел Тому прямо в глаза и сказал тоже прямо:

— Ты не годишься для военных действий, Том. Дела скорее всего повернутся круто, и нам придется идти на самые крайние меры. А раз намечается драка, тебя надо убирать с передовой, Том.

Том Хейген покраснел. Если бы это сказал ему сам дон, он принял бы отставку как неизбежное. Но слышать такую откровенную оценку от Майкла оказалось тяжко.

— Ладно, — сказал он. — Но хочу сказать тебе тоже напрямую: я согласен с Тессио. То, что ты задумал, смотрится как проявление слабости, а не силы. А это ни к чему доброму привести не может. В стае уважают сильного, и если Барзини, как волк, будет рвать тебя в клочья на глазах у всех, ни одно семейство не придет на помощь проигравшему.

— Том, — вмешался теперь сам дон Корлеоне, — это не сам Майкл, я тоже так решил. Он следует моим советам. Возможно, нам действительно предстоит ввязаться в новую заварушку, но ни я, ни ты не должны иметь к этому никакого отношения. Я не виню тебя как советника, Том, в допущенных нами просчетах. Я никогда не считал тебя плохим советником, я понимал, что Санни — никуда не годный дон, царство ему небесное. Он не в состоянии был возглавить Семью, поэтому, как только меня выбили из строя, начались, неприятности. Ну, а насчет того, что Фредди может скурвиться, я и сам никогда бы не подумал. Так что не обижайся, Том, не надо. Я полностью доверяю Майклу, как и тебе, Есть причины, по которым тебе не следует участвовать в будущих наших операциях. Кстати, я заранее предупредил Майкла, что от твоих глаз не укроется то, что Лампеоне собирает тайный отряд. Видишь, как я высоко ценю твои достоинства, Том.

— А я, между прочим, не думал, что ты углядишь, ей-богу, — рассмеялся Майкл. Том тоже натянуто улыбнулся. — Но может, я все-таки пригожусь? — спросил он у Майкла.

— Все, Том, все, — решительно открестился тот. — Тебя больше нет.

Том Хейген допил свой стакан и аккуратно поставил его на стол.

— Ты всем хорош, Майк, — сказал он сдержанно, — и почти ни в чем не уступаешь своему отцу. Но одному тебе еще надо поучиться у дона.

— Чему именно? — сейчас же откликнулся Майкл.

— Как говорить людям «нет», — сказал Том Хейген, вставая из-за стола.

После его ухода огорченный Майкл осведомился у дона: «А как нужно говорить людям „нет“?»

— Так, чтобы твое «нет» звучало как «да», — серьезно ответил дон. — Вообще надо избегать слова «нет» с людьми, которых любишь. Во всяком случае, использовать отказ как можно реже, а если уж совсем некуда деваться — пусть сами придут к мысли о полной бесперспективности, пусть сами додумаются до твоего «нет».

— Но ведь мы вынуждены отстранить Тома, правда? — спросил Майкл.

Дон подтвердил:

— Сущая правда.

Майкл сказал раздумчиво:

— Наверное, пора расставить все точки над «i». То, на что я иду, не будет одной только местью за Аполлонию и Сантино. Нам просто иначе не выжить. И Тессио, и Том правы — Барзини сожрет нас, если мы не проявим силу.

Дон Корлеоне выразительно кивнул.

— Месть — это деликатес, а такое блюдо лучше есть в остывшем виде. Я бы никогда не пошел на мировую, если бы не понимал, что иначе не смогу вернуть тебя в Штаты живым. Но Барзини еще раз попробовал устроить покушение на твою жизнь, вот что любопытно. Я даже не знаю, что думать. Или это сработал давно составленный план, который уже было не тормознуть? Или они охотились все-таки не на тебя, а на дона Томмазино? Как, по-твоему?

— Со стороны все выглядело действительно как покушение на старого дона, — подтвердил Майкл. — Даже ты, возможно, принял бы эту версию, если бы все кончилось так, как задумывалось. В их планы вкралась лишь одна маленькая неувязка — я остался жив. А чуть раньше я видел, как Фабрицио скрылся за воротами. Он сбежал. Я ни минуты не забывал об этом и, вернувшись, все перепроверил тщательнейшим образом.

— Нашли его? — спросил дон.

— Я нашел. Недавно — год назад. У него небольшое дело в Буффало. Недурно устроился, мой славный пастушок Фабрицио.

— В общем, пора за дело, — подытожил дон. — Ждать уже нечего. Когда начнешь?

— Нет, все-таки еще чуть-чуть подожду, — покачал головой Майкл. — Пусть Кей благополучно разродится. А Том пустит корни в Лас-Вегасе и все будут знать, что его больше нет при нашем бизнесе. Пусть останется полностью в стороне. Так что планирую начать через год, считая с сегодняшнего числа.

— Ты все предусмотрел? — спросил дон, не поднимая глаз от гладкой поверхности стола.

— Пусть это тебя не заботит, — мягко ответил отцу Майкл. — Ты к этому тоже никакого отношения иметь не будешь. Я все беру на себя. А тебе не оставляю даже права «вето». Потому что, если ты решил бы вдруг запретить мне что-либо из задуманного, я вынужден был бы ослушаться и идти своим путем. Ты ни за что не отвечаешь.

Дон еще некоторое время смотрел молча перед собой, потом поднял глаза на сына:

— Ну, чему быть, того не миновать, Что смог, я уже сделал, а на большее все равно нет ни сил, ни желания. Может быть, потому-то я и ушел в сторону, переложив свои заботы на твои плечи, сын. Такая штука жизнь. Никуда от нее не денешься.

С того дня и начался отсчет года, полного разнообразных событий. Кей Адамс, ныне Корлеоне, легко и благополучно родила Майклу второго сына. Когда она вернулась из больницы, в Лонг-Бич ее встречали с почестями, достойными королевы.

Нино Валенти умер от кровоизлияния в мозг. Об этом событии написали буквально во всех газетах, так как новый фильм с его участием только-только вышел на экраны и пользовался невероятным успехом. Критики возносили Нино на уровень самых великих звезд мирового кино. В одном из интервью Джонни Фонтейн горько сетовал, что не спас жизнь другу, не настоял на его лечении в клинике. Но покаяния продюсера затерялись в потоке хвалебных статей.

Никто из Семьи Корлеоне, кроме Фредо, не смог присутствовать на похоронах. В последний путь Нино провожали Джонни Фонтейн, Люси и доктор Юлиус Сегал, а так же Альберто Нери, присланный в качестве официального представителя от Семьи Корлеоне в Голливуд. Дон сам собирался поехать на похороны, но не смог из-за сердечного приступа, на целый месяц приковавшего его к постели. Он прислал только роскошный венок из живых цветов.

Через два дня после похорон Нино Валенти кто-то застрелил Моу Грина в роскошном голливудском особняке его любовницы — известной кинозвезды. Альберт Нери долго не был в Нью-Йорке и только месяц спустя вернулся с отдыха на берегу Карибского моря — загорелый, как негр. Майкл Корлеоне приветствовал его дружеской улыбкой и коротко сообщил, что отныне он, Нери, будет получать сверх жалованья еще соответствующие проценты от предприятий Семьи Корлеоне. Это означало, иначе говоря, что по доходу Альберт Нери из разряда высокооплачиваемого служащего превращается в богатого человека. Нери сразу почувствовал, что живет в том мире, который способен воздать по

справедливости за профессиональную работу и что здесь каждого ценят именно по труду.

ГЛАВА 29

Приступая к осуществлению своего, до малейших черточек обдуманного плана, Майкл принял все меры предосторожности и учел все случайности. У него хватило терпения, чтобы потратить на приготовления целый год. Но ему не удалось воспользоваться намеченным планом. Сама судьба воспротивилась этому.

Да, сама судьба нанесла Майклу удар из-за угла, потому что беда пришла, откуда не ждали. Самый надежный оплот империи Корлеоне оказался самым хрупким. Майкла подвел сам Крестный отец, великий Вито Корлеоне.

В воскресное солнечное утро, когда женщины отправились по обыкновению в церковь, дон Вито Корлеоне облачился в рабочий костюм: просторные серые штаны, уже оттянутые на коленях, вылинявшую голубую рубашку, от века неглаженную, и широкополую соломенную шляпу с побуревшей от солнца шелковой лентой. Дон отяжелел за последние годы, фигура его расплылась и он утверждал, что работа на огороде идет на пользу его здоровью, Но никто не сомневался в пристрастии дона к крестьянской работе. Ухаживая за садом, он словно бы возделывал землю родной Сицилии. Ему нравилась работа земледельца: она напоминала о том счастливом времени в далеком итальянском детстве, когда отец Вито был еще жив и ничто не предвещало бурных событий и невзгод.

В этот ранний час дон торопился полить свои грядки и деревья из огромной бочки, размещавшейся в дальнем углу просторного двора. Лучше было сделать это, пока солнце еще не начало припекать землю. Фасоль уже цвела, зеленые стрелы лука, как частокол, торчали из рыхлой, хорошо унавоженной земли. Помидорные плети взбирались навстречу солнцу по собственноручно сколоченным доном деревянным рамам.

К полудню, когда светило. начало припекать вовсю, дон успел справиться во всеми намеченными делами. Оставалось подвязать бечевкой лишь две-три помидорные плети — самые маленькие в ряду.

Старший мальчик Майкла как раз выбежал в сад и увидел деда, опустившегося на колени возле крохотного куста, словно облаком, окутанного весенним цветом. Он заспешил к деду, тот увидел его и сделал рукой остерегающий жест: не беги! Это был последний жест дона Вито Корлеоне в этом мире. Боль, которая долгие годы тихо проживала в его груди, вдруг стала огромной и невыносимой. Солнце, висящее высоко в

небе, спикировало вниз, на его сад, на грядки с фасолью и помидорами, и перед глазами поплыли золотистые и багровые круги. Сквозь них пробился и со всей силой обрушился на дона мощный удар молота. Вито Корлеоне все понял сразу — ведь не зря его так долго величали великим доном. Смерть не могла обмануть его, как не в состоянии были сделать это простые смертные. Глотнув напоследок ароматный воздух весеннего сада, он изогнулся всем своим погрузневшим со старостью телом и рухнул вниз лицом.

Внук, растерявшись, круто повернул к дому и побежал звать взрослых. Майкл Корлеоне и несколько человек из охраны немедленно отозвались на его призыв. Когда они примчались в сад, дон все так же лежал ничком на грядке, судорожно царапая пальцами жирную, хорошо обработанную землю. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

Дона бережно подняли и отнесли в патио, под тень кирпичной стены. Майкл взял отца за руку и опустился с ним рядом на колени. Остальные поспешили в дом — звонить по телефону, вызывать врача и карету «скорой помощи». Собрав все остатки воли, дон еще раз открыл глаза, чтобы увидеть сына. От сердечных спазм его загорелое, смуглое лицо казалось подернутым серой пленкой. Последним ощущением дона стал волшебный ветерок, наполнивший легкие свежими запахами возделанного им сада, и солнечный луч, мягко коснувшийся его лица. «Замечательная штука — жизнь», — прошептал Вито Корлеоне едва слышно. С этими словами на губах он и упокоился в мире, не омраченный ни слезами женщин, ни медицинскими потугами продлить муки и тяготы конца. Жена еще не вернулась из церкви и карета «скорой помощи» не поспела, когда все было кончено. Он отошел, окруженный своей мужской гвардией, держа за руку сына, унаследовавшего созданную им державу. Сына, которого любил больше всех на свете.

Хоронили дона Корлеоне с королевскими почестями. Все Пять Семейств сочли своим долгом направить на церемонию погребения не только своих доверенных, но и донов лично.

Прилетел Джонни Фонтейн, хотя Майкл предостерегал его от подобного шага, и на вопросы липнувших к нему, как пчелы, газетчиков, объявил, не задумываясь:

— Крестный отец был лучшим из людей, а если кто-то считает иначе, так пусть катится ко всем чертям собачьим.

Газеты не замедлили растрезвонить об этом.

По старым традициям, друзья и близкие прощались с покойным в доме, а не в похоронной конторе. Америго Бонасера, обряжавший дона в его

последний путь, превзошел сам себя, стирая следы, оставленные временем на гордом челе Вито Корлеоне, и теперь чувствовал себя именинником, потому что дон покоился среди цветов, величественный и значительный, как прежде.

На площади между домами в Лонг-Бич собралась масса народу: все старые друзья, знакомые, друзья друзей. Явились Назорини с женой, дочерью и ее семейством. Прилетели из Лас-Вегаса Фредди, Люси Манчини и Том Хейген с женой. Прибыли доны из других штатов — Лос-Анжелеса, Сан-Франциско, Бостона. За воротами усадьбы сгрудились репортеры и фотокорреспонденты, а также неизменные агенты ФБР. Им выставили закуски и напитки, но, несмотря на отчаянные усилия, проникнуть за ограду не удалось никому. Да и подступиться к выходящим гостям тоже не удавалось: проще брать интервью у каменных скульптур.

Майкл Корлеоне большую часть этого трудного и длинного дня провел в угловом кабинете дона вместе с Кей, Томом Хейгеном и Фредди. Те, кто хотел выразить соболезнование Семье Корлеоне, входили в кабинет по очереди. Майкл принимал соболезнования с подобающей любезностью, но если при этом его подобострастно называли доном Майклом или Крестным отцом, он недовольно сжимал губы. Впрочем, никто, кроме Кей, не замечал неудовольствия младшего Корлеоне.

Позднее в кабинет явились капитаны, Тессио и Клеменца. Майкл сам наполнил их бокалы. Они выпили и коротко обговорили ближайшие дела. Майкл сообщил, что отныне Лонг-Бич вместе со всеми домами и строениями приобретает за очень крупную сумму некая домостроительная фирма — таково завещание дона. Все молча отдали дань предусмотрительности великого Вито Корлеоне.

Теперь центр империи окончательно перемещался на Запад. Предприятия Семьи в Нью-Йорке ликвидировались, дела сворачивались. Смерть дона послужила толчком к событиям, которые сдерживались только им самим.

Пора было ехать на кладбище. Майкл подал руку жене и с ней вместе спустился в сад, чтобы присоединиться к процессии. Сад и площадь заполняли люди, облагодетельствованные доном, но были в толпе и лица врагов, пришедших проводить Крестного отца в последний путь. Майкл, к губам которого, казалось, крепко прилипла вежливая сдержанная улыбка, подумал, оглядывая толпу собравшихся: «Если я смогу умереть с словами: „Замечательная штука — жизнь“, — все остальное можно не принимать всерьез.» Надо научиться, как отец, ставить на первое место свою Семью, свой дом, своих детей, свой маленький мир. Он пойдет по стопам отца, но

детей отправит жить в другой, большой мир. Он постарается, чтобы они прижились в том большом чужом мире. Пусть становятся докторами или художниками, учеными или губернаторами, пусть даже выходят в президенты, если пожелают. Пусть вся семья человеческая станет их семьей, а он… Что ж, он будет приглядывать за ними как заботливый и мудрый родитель, бдительно оберегая их путь в чужом мире и сохраняя свою маленькую семью, свой мир — в недрах их огромного мира.

После похорон дона, на следующее утро, все приближенные лица Семьи Корлеоне собрались в доме на Лонг-Бич. Опустевший особняк дона распахнул двери перед собравшимися. Теперь их принимал в этих стенах Майкл, наследник дона.

Смерть Крестного отца пошатнула устои Семьи Корлеоне.

Это понимали все, кто собирался сегодня в угловом кабинете дона: Клеменца и Тессио, его верные капитаны, соратники с юных лет, приближенный в последнее время Рокко Лампеоне, единственный зять Карло Рицци, притихший и уже не пытающийся занять стержневые посты, Том Хейген, удаленный от дел, который теперь охотно предоставил себя в распоряжение семейства, с некоторым удовольствием уклоняясь пока от своих прямых юридических функций. Кроме названных, в кабинете присутствовал еще новый телохранитель Майкла Альберт Нери, ставший неотступной тенью Майкла.

Все ждали решительных слов и дел нового дона. Со смертью Вито Корлеоне могущество семьи уменьшалось как бы вдвое, и практически исчезала всякая надежда противостоять происках союза Барзини и Татальи. Если при жизни Крестный отец мог объявить сына своим преемником, то теперь этот титул вовсе не воспринимался как бесспорный, его еще следовало заслужить или, возможно, завоевать.

Майкл выждал, пока Альберт Нери обнесет всех напитками и закуской, что телохранитель сделал не хуже профессионального бармена: ловко и бесшумно. Потом спокойно и с достоинством сказал:

— Думаю, что хорошо понимаю ваши мысли и чувства. Я не сомневаюсь в искреннем уважении, которое все вы питали к моему отцу, но сейчас каждый из вас должен позаботиться о себе и своих семьях. И прежде всего вас должен беспокоить вопрос, не изменятся ли позиции Семьи Корлеоне и ее планы на будущее, все те планы, которые мы вместе строили. Так что сразу хочу ответить прямо и однозначно: все останется по-прежнему. Я собираюсь придержаться данных обещаний и намеченных перспектив.

Клеменца вздернул крупную голову с копной жестких черных волос, подернутых сединой:

— Барзини и Таталья теперь возьмутся за нас всерьез, это как дважды два. Тебе предстоит или вступить с ними в драку, или сразу признать себя побежденным, Майк.

Он сказал это мягко, но все сейчас же обратили внимание, что Клеменца не только не назвал Майкла доном, но и не счел необходимым полностью и с должным почтением произнести его имя.

— Подождем какое-то время, — ответил Майкл. — Посмотрим, что они будут делать.

— Уже делают, — высказался, в свою очередь, бесстрастный Тессио. — Уже открыли — сегодня с утра — две букмекерские точки в Бруклине. У меня сведения непосредственно от капитана полиции, который держит на карандаше всех, оплачивающих его услуги. Если так пойдет дальше, через месяц в Бруклине шляпу некуда будет повесить.

Майкл посмотрел на капитана долгим задумчивым взглядом.

— Как ты отреагировал? — спросил он Тессио.

— Да никак! — раздраженно отозвался тот, покачав своей маленькой облысевшей головой. — Не хотел прибавлять тебе лишних проблем с утра пораньше.

— Вот и ладненько, — сказал Майкл, — так и сиди пока спокойно. Продержись малость, пожалуйста. Это и к остальным относится: сидите пока тихо и на провокации не отзывайтесь. Мне надо пару недель, чтобы уладить все дела и разобраться, куда ветер дует. Я постараюсь утрясти все с максимальной для вас выгодой. А потом устроим последнее совещание и решим окончательно все наши дела.

Его слова ошеломили всех — они ожидали чего угодно, только не новой отсрочки. Игнорируя их недоуменные взгляды, Майкл встал, и Альберт Нери немедленно распахнул дверь, выпроваживая гостей. Майкл сухо и коротко сказал через плечо:

— Задержись ненадолго, Том.

Хейген остался и встал у окна, выходящего в сад. Оба подождали, пока Нери не сопроводил сквозь охрану у ворот капитанов и Рокко Лампеоне с Карло Рицци.

Потом, повернувшись к Майклу, Том спросил:

— Ты все успел прибрать к рукам? Все ниточки?

— Не все, — ответил Майкл с огорчением. — Месяцев четырех не хватило. Мы как раз работали над этим с доном. Судьи, правда, уже все у меня, с них мы и начинали. Кое-кто из конгресса тоже. А партийных

лидеров здесь в Нью-Йорке привлечь к нашим делам — не так сложно. Самые влиятельные тузы остались с нами, так что Семья Корлеоне куда крепче, чем предполагают некоторые, — он улыбнулся Хейгену. — Но ты-то все понял, естественно?

— Естественно, — подтвердил Том. — Мне совсем не трудно было понять все, кроме одного, — зачем тебе понадобилось устранять меня? Но я напялил себе на голову сицилийскую шляпу, как говорил твой отец, и, поразмыслив, разобрался, что к чему.

Майкл рассмеялся:

— Старик заранее знал, что так все и будет. Но теперь я никак не могу позволить себе подобную роскошь. Ты нужен мне здесь, Том, хотя бы на ближайшие две-три недели. Можешь позвонить в Лас-Вегас и предупредить жену. Скажешь, что задержишься ненадолго.

— Ты думаешь, они теперь возьмутся за тебя? — в раздумьи спросил Том.

— Дон это тоже предсказывал, — вздохнул Майкл. — Им понадобится человек из моего ближайшего окружения. Скорее всего Барзини постарается подобраться через родственника, который вне подозрения.

— Вроде меня, — усмехнулся Том.

— Ты не годишься, — в тон ему ответил Майкл. — Ирландцу они не доверятся.

— Да какой же я ирландец? — отверг Том. — Немец наполовину, а в общем-то американец.

— Значит, ирландец, с их точки зрения, — утвердил Майкл. — Не жди, к тебе они обращаться не станут. И к Нери не пойдут, раз он замаран службой в полиции. Кроме того, они знают, что вы оба близки со мной, а рисковать им нельзя. Рокко Лампеоне тоже не годится — он, наоборот, недостаточно близок. Значит, остается либо Клеменца, либо Тессио. Ну, может быть, еще Карло Рицци.

— Бьюсь об заклад, что это будет Карло, — сдержанно сказал Том Хейген.

— Поживем — увидим, — сказал Майкл. — Во всяком случае, теперь уже недолго ждать.

Ждать действительно не пришлось долго — утром, когда Майкл с Томом завтракали, в кабинете зазвонил телефон. Майкл встал из-за стола и пошел брать трубку, а когда вернулся, лицо у него было сосредоточенное.

— Вот так, — сказал он Тому. — Игра началась. Мы условились встретиться с Барзини ровно через неделю, чтобы обговорить условия

нашего с ним нового соглашения. Старое не в счет, поскольку дон умер, — и он невесело усмехнулся.

Хейген спросил:

— Звонил кто-то из наших? Кто? — Оба понимали, что посредник в данном случае и есть предатель, кто бы он ни был и какое бы место не занимал в Семье.

Майкл посмотрел прямо в глаза Тому и сказал с сожалением:

— Тессио.

Оба доели завтрак в полном молчании.

Только приступив к кофе, Том подал голос.

— Невероятно, — сказал он. — Я готов был об заклад побиться, что это будет Карло или Клеменца, на худой конец. Только не Тессио, ведь он — самый лучший из троих.

— Самый умный, — невесело сказал Майкл. — И поэтому считает свое решение единственно верным. Подставляя меня под удар Барзини, он закрепляет за собой империю Корлеоне. А оставаясь при мне, он проигрывает, по его мнению. Он не верит в мою победу, вот в чем беда. Ему кажется, что меня непременно раздавят.

Хейген спросил после длинной паузы:

— У его сомнений серьезные основания?

Майкл пожал плечами?

— Со стороны именно так все и должно казаться. Мои акции пока не котируются. Но отец учил, как ты помнишь, что лучше иметь политические связи и реальную власть, чем десять гвардий под ружьем. Думаю, что на сегодняшний день реальной властью и политическими связями я как раз обладаю, хотя, кроме меня, ты единственный, кто знает это, — он обнадеживающе улыбнулся Хейгену: — Им придется все-таки именовать меня доном. Хотя из-за Тессио просто руки опускаются, до того обидно.

— С Барзини ты сговорился о дате встречи? — спросил Том.

— Конечно. Ровно через неделю, в Бруклине, на территории Тессио, который обеспечивает безопасность, — он хмыкнул, скривив губы.

Хейген сказал:

— До той поры будь крайне осторожен.

Впервые Майкл посмотрел на Хейгена своим холодным, ничего не выражающим взглядом и сказал сухо:

— Чтобы понять это, мне советник не нужен.

Чему-чему, а осторожности у Майкла мог поучиться любой. За всю

неделю, предшествующую переговорам с Барзини, он ни разу не вышел за ворота усадьбы в Лонг-Бич, ни разу ни с кем не встречался один на один — только в присутствии телохранителя.

Однако без сложностей не обошлось. Именно в эти дни старший сын Конни и Карло Рицци должен был конфирмироваться в католической церкви. Кей обратилась к мужу с просьбой быть крестным отцом племяннику, но Майкл отказался. Кей настойчиво повторила свою просьбу.

— Сделай это для меня, Майк, — сказала она. — Я не часто прошу тебя о чем-то.

Она действительно не часто тревожила его просьбами, но тут, зная, как это важно для Конни и для Карло, сочла возможным вмешаться. Увидев, как рассерженно сверкнули глаза Майкла, она приготовилась к решительному отпору, но он вдруг, к ее удивлению, склонил голову:

— Пусть будет по-твоему. Но я не могу рисковать из-за поездки в церковь. Передай, пусть проводят конфирмацию прямо здесь, в Лонг-Бич. Все расходы я беру на себя. Если церковники заартачатся, Том Хейген уладит.

Так что за сутки до встречи и переговоров с Барзини Майкл Корлеоне выступил в роли крестного отца на конфирмации своего племянника, сына Конни и Карло Рицци. Его подарок крестнику восхитил всех своей роскошью — он преподнес мальчику золотые часы с цепочкой.

Вечером в доме Карло Рицци собралась вся верхушка семьи: оба капитана, Том Хейген, Рокко Лампеоне, вдова дона и другие близкие — все они жили рядом, в Лонг-Бич. Конни, изнемогая от переполнявших ее чувств, весь вечер липла к Майклу, норовя обнять и расцеловать то его самого, то Кей. Даже Карло Рицци расчувствовался и долго тряс руку шурину, по старинному обычаю во всеуслышание именуя его Крестным отцом. Майкл излучал дружелюбие.

Конни, обнимая Кей, восторженно шепнула ей на ухо:

— Вот увидишь, Майкл с Карло станут теперь настоящими друзьями. Такие события всех сближают.

Кей радостно сжала руку невестки.

— Как мне хотелось бы этого! — сказала она.

ЧАСТЬ VIII

ГЛАВА 30

В своем доме в Бронксе Альберт Нери старательно приводил в порядок свою старую синюю полицейскую форму. Металлическую бляху он отцепил и отложил отдельно, чтобы почистить потом. Кобура с пистолетом и ремень висели на спинке стула. Эта ранее привычная, каждодневная процедура удивительно радовала его сейчас, хотя мало что доставляло ему радость вот уже два года — с тех пор, как жена покинула Альберта Нери.

Они поженились, когда Рита только-только окончила школу, а сам Альберт Нери едва освоился с полицейской формой.

Рита воспитывалась по старым итальянским традициям, этой стеснительной темноволосой девушке родители не разрешали задерживаться на улице после десяти часов вечера. Нери очаровал ее нежный облик, ее невинность и доброе сердце.

Поначалу юная жена тоже смотрела на мужа влюбленно и преданно. Ее поражала его сверхъестественная физическая сила, но она видела и то, что Нери по-своему справедлив и имеет моральные принципы, непоколебимые и опирающиеся именно на его личную силу. Нери не был дипломатом. Если он бывал несогласен с кем-то, то не мог вежливо согласиться, а либо мрачно молчал, либо возражал. Его сицилийский темперамент в сочетании с нечеловеческой мощью наводил на окружающих ужас. Впрочем, гнев Нери никогда не обращался на красавицу жену.

За пять лет полицейской службы он стал пользоваться репутацией одного из самых грозных охранников правопорядка в Нью-Йорке. Нарушители боялись его, как огня, но в то же время признавали за ним определенную честность, весьма редкую в полицейской среде. Его моральный кодекс и уважение к закону выражались весьма своеобразно. Особенно не терпел он хулиганов, и стоило Нери заметить группу молодых бездельников, не дающих проходу мирным жителям и нарушающим покой района, как он незамедлительно прибегал к самым решительным мерам, до физического воздействия включительно. А поскольку сила его была немеряной, и он сам не знал ее пределов, иногда это обращалось против его самого.

Как-то раз в районе Западного парка он задержал шестерых парней, обряженных в черные кожаные куртки. Группа выглядела настолько агрессивно, что напарник Нери не решился вылезать из машины, хотя ребята всего-навсего подходили к прохожим, требуя угостить их сигаретами, и дразнили прогуливающихся девушек непристойными

жестами на французский манер.

Нери выскочил из патрульной машины и задержал парней прямо возле стены, отделяющей парк от Восьмой авеню. В свете яркого, будто прожектор, электрического фонаря, с которым Нери не расставался по вечерам, нарушители сразу утратили большую часть своей агрессивности. Вообще Нери использовал этот тяжелый, в металлической оплетке фонарь в качестве универсального оружия, очень редко доставая из кобуры настоящее. Да в том и не было особой необходимости: грозное лицо и полицейская форма действовали сильнее любого пистолета.

Вот и теперь, поставив парней у стены, Нери спросил того, что оказался ближе:

— Имя, фамилия, адрес?

Парень испуганной скороговоркой назвал ирландскую фамилию, которая проскользнула мимо ушей Нери. Тем не менее полицейский грозно предупредил:

— Топай отсюда и упаси тебя Бог еще раз встретиться на моем пути сегодня. Понял?

Он посветил фонарем прямо в лицо парню, который торопливо кивнул и немедленно исчез в указанном ему направлении. То же повторилось с двумя другими «чернорубашечниками». Но когда четвертый в ответ на вопрос полицейского произнес итальянскую фамилию, с подкупающей улыбкой глядя на Нери как на соотечественника, ведь это сомнений не вызывало, — тот жестоким ударом по голове поставил парня на колени. Кровь залила полное изумления молодое лицо.

— Подонок! — зло прошипел полицейский, поднимая парня на ноги и пронзая яростным взглядом. — Из-за таких, как ты, об итальянцах ходит дурная слава. А ну, стой! — и едва парень выпрямился, вновь ударил его, теперь уже под дых, не сильно, но больно.

— Сиди дома, а не таскайся в потемках где попало, — предупредил он. — Если еще раз встречу в таком шутовском наряде, ноги повыдергаю.

Остальные тоже удостоились пинка и наказа впредь не попадаться. Экзекуция происходила настолько быстро, что вокруг Нери даже не успевала собраться толпа. Никто не встревал и не высказывал протеста. Расправившись с хулиганами, Нери немедленно садился в патрульную машину, напарник давал газу — и только их и видели. Правда, порой попадались субъекты, норовившие оказать сопротивление, а то и выхватывающие нож. Но лучше им было не делать этого. Нери, испытывая чувство собственной правоты, в таком случае набрасывался на нарушителя со звериной жестокостью и избивал его до потери сознания.

Окровавленную жертву патруль доставлял в тюрьму, обвиняя в нападении на представителя власти, а потом отдавал под суд. Правда, суду, как правило, приходилось подождать, пока подсудимого подлечат и выпишут из больницы.

Как-то Нери из-за разногласий с сержантом перевели на другой участок. В числе прочих там размешалась штаб-квартира Организации Объединенных Наций. Сотрудники ООН, будучи фигурами дипломатическими и неприкосновенными, привыкли несколько вольно относиться к правилам, любым и всяческим. Например, они уверенно перегораживали проездную часть дороги своими роскошными автомобилями, ставя их прямо под запрещающими знаками. Нери с ног сбился, штрафуя и ругая водителей, потом обратился за поддержкой к вышестоящему начальству, в результате чего получил щелчок по носу: не в свое дело не суйся, знай сверчок свой шесток.

Тогда он решил поступать по-своему, и однажды, когда поставленные как попало машины перегородили проезд на какую-то из боковых трасс, вооружился своим тяжелым фонариком, прошелся вдоль улицы и перебил ветровые стекла всех не по правилам стоящих машин.

Даже самому высокопоставленному дипломату, чтобы заменить ветровое стекло, надо потратить и время, и деньги, в одночасье этого не сделаешь. В полицию посыпались жалобы и требования защитить от подобных экстремистских выходок. Полиция обещала принять срочные меры, однако еще целую неделю Нери крушил своим фонариком стекла в автомобилях, пока в управлении не разобрались, что к чему.

В наказание Альберта Нери перевели работать в Гарлем.

Но ему было все равно, где работать.

Как-то вскоре после этого они с женой навестили сестру Альберта. Сестра была много старше, и Нери любил ее со всей силой привязанности, на которую был способен, — ведь в свое время она заменила ему мать, а для сицилийца такое родство вдвойне дорого. Сейчас, после кончины супруга, сестра Альберта жила вдвоем со своим великовозрастным сыном Томми, который, в отличие от сицилийских парней, свою мать ни в грош не ставил.

Так уж вышло, что в то воскресенье Томми не сдержался и нагрубил матери в присутствии дяди, — раньше он благоразумно не делал этого, когда Нери посещал мать, опасаясь бешеного характера, которым тот славился. Посмотрев, как спокойно и привычно сестра перенесла оскорбительное поведение сына, Нери понял, что хамство мальчишки не случайно, что тот дурно воспитан и не умеет вести себя с матерью. Не

столько даже от возмущения, сколько в воспитательных целях, Нери жестоко избил племянника, пообещав, что если подобное повторится, и вовсе пришибет.

Рита оказалась свидетельницей карательных мер, и лицо ее страшно побледнело, глаза наполнились слезами. Муж всегда был ласков с ней, даже голоса ни разу не повысил, но она так испугалась, увидев его в гневе, что не смогла оставаться с ним больше. Выждав на всякий случай еще пару недель, Рита улучила момент, и вернувшийся с дежурства по участку Альберт однажды утром не застал ее дома — она уехала к родителям, кое-как собрав самые необходимые пожитки. Тесть объяснил Нери, что дочка боится жить с ним — боится когда-нибудь испытать на себе его страшную нерассуждающую силу.

Альберт Нери искренне растерялся: ведь он действительно и не помышлял о том, что можно обидеть Риту, он обожал ее и не испытывал никаких других чувств, кроме глубокой нежности. Он не мог представить себе, что Рита покинула его навсегда. Может быть, надо выждать какое-то время, пока она успокоится, одумается? Он решил съездить к ней через несколько дней и попытаться поговорить по-хорошему. Она должна понять и вернуться.

Но, видно, судьба решила иначе. Назавтра Нери попал в самую большую неприятность за все время своей полицейской службы. К нему в машину по радио поступил сигнал с одной из гарлемских улиц: покушение на убийство. Он помчался во всю мощь мотора, по обыкновению выскочил на ходу и первым вбежал в полутьму коридора, вооруженный, как всегда, своим верным фонариком. В свете фонаря Нери увидел на полу в дальнем конце коридора, где собралась толпа негров, два окровавленных тела. Какая-то негритянка вскрикнула: «Ребенка зарезали!»

Действительно, рядом с неопределенного возраста чернокожей женщиной, исполосованной ножевыми ударами, в луже крови лежала девочка-подросток. Нери отстранил стоявших в проходе, вошел в комнату и увидел виновника кровопролития который, ухмыляясь, восседал за столом. Им оказался старый знакомый — сутенер, наркоман и бандит Вакс Бейнз. Здоровенный негр, совершенно одуревший от принятой изрядной порции, поигрывал большим и острым, как бритва, ножом.

— Брось нож, ты арестован, — сдерживая ненависть, сквозь зубы сказал Нери. Вид скалящего зубы подонка, только что искромсавшего тело ребенка своим ножом, поднимал в душе полицейского волны тошнотворного бешенства. Он уже принял решение расправиться с негром на месте, хотя даже сам себе не сознавался в этом.

— Ты прежде достань свою, пушку, — сказал с противным смешком Вакс Бейнз, все так же поигрывая ножичком. — Без нее тебе меня не взять, и не надейся. Напорешься на вот это, — и он взмахнул рукой с ножом. В следующее мгновение Альберт Нери, сделав неуловимое движение левой рукой, перехватил взлетающий перед его лицом нож, а правой рукой быстро, так, что даже находящийся рядом напарник не успел разобраться, что происходит, ударил увесистым фонарем по виску бандита. Бейнз упал лицом на стол с раздробленным черепом. Во втором ударе, конечно, не было необходимости, что потом и подтвердили свидетели, но Нери не смог удержаться. В тот же день негр скончался в больничной палате одной из клиник Гарлема.

Его смерть означала конец карьеры полицейского Альберта Нери. Его отдали под суд, обвиняя в превышении необходимой обороны и непредумышленном убийстве.

Оказавшись в тюрьме вместе с уголовниками, от которых он всегда так старательно защищал мирных людей, Нери был до такой степени потрясен несправедливостью, что впал в полную апатию. Его возмущение и ненависть к обществу, которое поставило Нери вровень с преступниками, хотя он действовал из лучших побуждений, карая зверя в человеческом обличии, вылились в полное безразличие ко всему. Он никого не хотел видеть, отказывался разговаривать с окружающими, не реагировал на арест и перипетии заключения. Если общество так фальшиво и безумно, что не способно оценить и отличить доброе действие от дурного, оно не стоит ни уважения, ни верной службы. Какой может быть правопорядок, если собачья смерть черномазого подонка приравнивается к жизням двух беззащитных ни в чем не повинных женщин, одна из которых — совсем ребенок.

Он думал только об этом, а не о том, что ждет его, бывшего полицейского, в уголовной тюрьме. К счастью, тесть Альберта, старый и многоопытный итальянец, владелец рыбной лавки в Бронксе, сумел вовремя понять, что в заключении его незадачливому зятю долго не выдержать. Его шансы выйти на волю, отсидев срок, ничтожно малы: если не прикончат сокамерники или сам не наложит на себя руки, то, скорее всего, сорвется, сам убьет кого-то и схлопочет новый срок. Чувствуя некоторую вину перед Альбертом из-за дочки, которая так неожиданно и легкомысленно его бросила, тесть решил обратиться за помощью к дону Корлеоне. Он долгие годы был связан с Семьей и регулярно считал своим долгом преподнести к столу дона отборнейшую рыбу, поэтому надеялся, что к его просьбе отнесутся внимательно.

Об Альберте Нери в семействе уже были наслышаны — у него был имидж сурового и честного полицейского. Знали и то, что таким человеком, как Альберт Нери, не стоит пренебрегать, хоть он и имел неосторожность связаться с полицейской службой и носил синюю форму с бляхой, ненавистную сицилийцам. Но кто гарантирован от ошибок молодости? Каждому ли удается сразу и навсегда определить свой жизненный путь? Время и судьба так или иначе помогают, в конце концов, выяснить настоящее предназначение. Так что в Семье Корлеоне к ситуации и к личности Альберта Нери проявили внимание и заинтересованность.

Клеменца, у которого за многие годы руководства боевиками выработался особый нюх на перспективных ребят, передал Тому Хейгену просьбу тестя Альберта Нери. Том Хейген выслушал мнение Клеменцы задумчиво и серьезно, потом ознакомился с материалами дела бывшего полицейского.

— Возможно, ты отыскал нового Люку Брази, — сказал он Клеменце. Клеменца просиял. Его широкое лицо сохраняло добродушное выражение, свойственное всем толстякам.

— По-моему, Майкл сам должен взяться за него, — посоветовал капитан.

Так что не успели Альберта Нери перевести из предварительной тюрьмы в тюрьму штата, где ему назначалось отбывать заключение, как суд заочно пересмотрел его дело и на основании новых данных, дополненных показаниями высших полицейских чинов, вступившихся за своего подчиненного, изменил приговор. Теперь вместо тюрьмы ему было вынесено условное наказание. Он вышел на свободу.

Альберт Нери знал уже, что чудес не бывает, — он многому научился, пока суд да дело. Дураком же он и вовсе никогда не был. А его тесть отнюдь не отличался застенчивостью, и Нери, узнав подробности происшедшего, сделал благородный жест — дал развод Рите, не терзая ее лишними разговорами. Потом он счел своим долгом нанести визит в Лонг-Бич, чтобы лично поблагодарить своих благодетелей. Разумеется, о встрече уговорились заранее.

Майкл принял Нери в угловом отцовском кабинете. Нери сдержанно и церемонно стал выражать свою благодарность, но Майкл так дружески заговорил с ним, что сразу же очаровал.

— Да как же иначе? — сердечно сказал ему Майкл. — Нельзя же допускать, черт их всех побери, чтобы они так унижали сицилийцев! В конце концов, все мы земляки, все видим, когда с человеком поступают не по совести. Я бы не стал вмешиваться, если бы не был убежден, что

решение суда абсолютно несправедливо. За такие поступки надо награждать, а не наказывать. Здесь с начала и до конца все шло не по-людски.

Контакт был налажен. Несмотря на обычную замкнутость, Нери охотно разговорился с Майклом. Майкл был всего на пять лет старше, но Нери чувствовал себя с ним так, будто Майкл ему в отцы годится.

— Ну, теперь все пойдет, как надо, — утешил Майкл. — Твой тесть очень хвалит тебя, такое не часто бывает, — Майкл дипломатично не упомянул о том, что ему известна семейная драма бывшего полицейского. — Мы готовы помочь с работой, если есть необходимость. Иначе не стоило и стараться вытаскивать тебя на свободу. Не бросим же мы такого достойного человека без куска хлеба. С твоим опытом ты можешь взять на себя руководство охраной наших гостиниц в Лас-Вегасе. Или, если есть какие-то другие планы, я готов переговорить с банком по поводу ссуды.

Растроганный и переполненный благодарностью, Нери все же отказался от столь лестного предложения: все равно, пока приговор суда остается в силе, предпринимательством заниматься нельзя. Ведь он под надзором полиции.

Майкл не принял возражений:

— Такие пустяки нетрудно устроить. Забудь про надзор. А если в банке начнут воротить нос, нетрудно изъять твой желтый бланк.

Желтый бланк — лист учета судимостей. Он обычно находится в полиции и передается судье для занесения в него приговора по уголовным делам. Нери достаточно долго прослужил в органах правоохраны, чтобы знать, как часто преступники отделываются более мягким приговором лишь потому, что желтый бланк у них оказывается девственно чистым. Такое практиковалось, за определенную мзду, разумеется, так что предложение Майкла не показалось Альберту Нери нереальным. Его только удивило, что Майкл готов и впредь оказывать поддержку, тем более довольно дорогостоящую. Зачем ему брать на себя лишние хлопоты?

— Спасибо. Если без помощи будет не обойтись, я приду к вам, — сказал он Майклу.

— Так и порешим, — сказал Майкл, глядя на часы. Нери понял это как знак, что пора уходить, и поднялся, но Майкл еще раз удивил его словами:

— А ведь время обедать. Не хочешь ли пообедать с нами? Я познакомлю тебя с отцом, он тоже наслышан о твоем деле. А мама сегодня, по-моему, фаршировала перец яйцами и ветчиной, как делают в Сицилии? Идем?

Обед в доме Корлеоне стал для Альберта Нери одним из самых праздничных. В его жизни с того времени, как он осиротел, редко случались дни, подобные этому. Дон Вито Корлеоне говорил с Нери ласково и тепло, искренне обрадовался, когда узнал, что тот родом из крохотной деревушки в нескольких минутах ходьбы от родного дону селенья Корлеоне. Разговор шел легкий и непринужденный, еда оказалась вкусной, приготовленной в старых традициях, по народным рецептам, и все это — и беседа, и еда — обильно запивалось замечательным красным вином.

В какой-то миг Нери вдруг осознал, что впервые за долгие годы сидит в кругу близких людей, среди своих, что хотел бы иметь такой же дом и стол. Он понимал, что оказался случайным гостем у чужого очага, но уходить отсюда не хотелось, потому что только здесь он чувствовал себя дома. Как счастлив, наверное, тот, кто постоянно живет в мире, созданном Вито Корлеоне…

Майкл и дон проводили Нери до машины.

— Ты замечательный парень, Аль, — сказал на прощанье дон, протягивая руку. — Мой Майкл пришел ко мне как-то, а я ведь ему передаю все свои дела, потому что стар и хочу отдохнуть, так вот, сын пришел ко мне и сказал, что надо помочь одному замечательному сицилийскому парню. С ним, говорит, обошлись черт-те как, надо вмешаться. Я говорю тебе об этом, потому что он оказался прав, мой Майкл, — теперь, когда я узнал тебя, уверен в его правоте. И рад, что мы смогли помочь. Поэтому, если еще — когда бы то ни было — тебе понадобится наша помощь, приходи, не стесняйся. Вот тебе моя рука.

«Жаль, что дона больше нет в живых, — думал теперь Нери, вспоминая их первое знакомство. — Жаль, что дон не узнает, какую важную услугу Альберт Нери окажет сегодня Семье Корлеоне».

Он понимал тогда, что его не зря обихаживают, а попросту вербуют, но понимал и то, что в Семье Корлеоне одобряли его поступок, который общество сурово осудило. Отец и сын Корлеоне сумели разобраться в побуждениях Альберта Нери, тогда как правосудие проявило полное пренебрежение и равнодушие. Словом, не прошло и трех дней, как бывший полицейский поступил на службу к Корлеоне, потому что счел, что в его империи ему будет лучше, чем в мире, где он жил до сих пор. А в том, что в пределах собственного мирка Корлеоне существуют более справедливые порядки и что власть Крестного отца в рамках его империи безраздельна, он уже не сомневался.

Он опять явился в Лонг-Бич, встретился с Майклом и заговорил без

утайки. Сказал, что Лас-Вегас его не привлекает, но работать на Семью он готов, здесь, в Нью-Йорке, и будет рад на деле доказать свою преданность. Майкл был тронут искренностью Нери, ведь тот открыл все карты. Они нашли общий язык, но Майкл настоял, чтобы Альберт Нери отдохнул месяцок в Майями, в отеле Семьи Корлеоне. Ему оплатили дорогу, выдали крупный аванс, чтобы он мог отдыхать, не стесняясь в расходах. Но для друга Майкла Корлеоне наличные деньги, как оказалось, большой ценности не имеют — в пределах империи, разумеется. Впервые Нери узнал, как живут богачи. Его поселили в роскошных апартаментах и каждое его желание с готовностью предупреждалось.

— Вы гость нашего отеля! — с благоговением подчеркивал управляющий, то заботясь о изысканном обеде, то специально для Альберта Нери приглашая лучших девочек из ночного бара.

Месяц отдыха изменил бывшего полицейского. Вернувшись в Нью-Йорк, он уже смотрел на жизнь иными глазами.

Его отдали на выучку Клеменце, и капитан, непревзойденный по части подбора кадров и отделки новичков, устроил для Нери особый спецкурс, подвергнув его тщательным проверкам. Иначе было нельзя, ведь Нери все-таки в прошлом носил мундир легавого. Меньше, чем через год, ему поручили «мокрое дело», тем самым обрезав все пути назад.

Клеменца не мог нарадоваться на нового рекрута — настоящее чудо, второй Люка Брази. Возможно даже, лучший, чем первый, во всяком случае, превосходящий покойного по физическим данным. Клеменца быстро выяснил, что Альберт Нери стоит большего, чем рядовая служба в отряде под началом капитана. Будет лучше, если Нери сразу перейдет в личное распоряжение Майкла — через посредничество Тома Хейгена, естественно. Так и вышло.

Нери получал теперь огромные деньги, ни в чем не нуждался и по всему было видно, какое безмерное уважение он питает к Майклу Корлеоне.

Правда, собственных источников дохода, вроде процента от дани букмекерской конторы или профсоюза, у него до поры не было. Но тем более тесной и неразрывной являлась его зависимость от главы Семьи. Том Хейген однажды даже шутливо сказал Майклу:

— Ну вот, теперь и у тебя есть собственный Люка Брази.

Майкл только кивнул в ответ на это. Он не шутя, а вполне серьезно и осознанно приручал Альберта Нери. И добился своего — тот стал верным псом, до самой смерти принадлежащим хозяину.

Правда, и тут не обошлось без направляющей руки дона. В ту пору,

когда Майкл перенимал у Крестного отца секреты семейного бизнеса, разговор коснулся личности Люки Брази.

— Как тебе удалось прибрать к рукам такого страшного зверя? — поинтересовался Майкл.

И он прочитал сыну целую лекцию.

— Есть такие люди, — сказал он, — которые будто сами напрашиваются на неприятности. Ты, наверное, обращал внимание. Они скандалят в людных местах, оскорбляют партнеров по карточному столу и цепляются к незнакомым, не задумываясь о собственной безопасности. Однажды мне довелось видеть идиота, который лез на рожон, будучи один и без оружия, тогда как против него выступала целая банда головорезов. Такие люди будто специально вызывают огонь на себя, это почти то же, как если бы они ходили и кричали: «Убейте меня! Вот он я!» Если внимательно почитать газеты, подобных примеров множество. А не боясь за свою жизнь, они не могут дорожить и чужой. Таким человеком был Люка Брази. Но он несколько выпадал из общего ряда, потому что его-то убить было не так просто. Вообще, с подобной публикой лучше не связываться, управлять ими не так просто, а остерегаться все равно приходится. Но в умелых руках такой, как Люка, может стать самым грозным оружием Все дело в том что раз уж он смерти не боится и даже сам ищет ее, надо стать единственным на свете человеком, от которого он не хотел бы принять смерть. Пусть он боится не того, что умрет, а того, что его можешь убить ты.

Если подобный фокус удастся, он будет твой полностью, со всеми потрохами.

Майкл хорошо запомнил преподанный ему отцом урок, и когда на горизонте возник Альберт Нери, воспользовался им, чтобы получить собственного Люку Брази. Так, по слову великого дона, все и вышло.

И теперь, сидя у себя в квартире, Альберт Нери готовился вновь облачиться в полицейскую синюю форму. Вычистив мундир, он навел блеск на кобуру, повозился с фуражкой, козырек которой потускнел от комнатной пыли. Потом вычистил тяжелые черные башмаки — тоже до яркого блеска. Он занимался всем этим с видимым удовольствием. Он нашел свою дорогу в жизни и чувствовал себя при деле. Майкл Корлеоне поручил ему важное дело, и сегодня он должен показать, на что способен, и полностью оправдать доверие.

ГЛАВА 31

Два громоздких черных автомобиля, пыля по асфальту, въехали в то утро в ворота резиденции в Лонг-Бич и остановились на площади перед домами. Один предназначался для семейства Конни, которая с матерью, мужем и детьми сегодня собиралась в аэропорт, а затем — в Лас-Вегас, на новое место жительства. Впрочем, пока еще они только собирались отдохнуть в Лас-Вегасе и осмотреться. Во всяком случае, так велел Майкл, не затруднявший себя объяснениями о том, что из-за свидания с Барзини в Лонг-Бич никто из родных оставаться не может. Встреча и предстоящие переговоры были окружены глубокой тайной. Никто, кроме капитанов и Тома Хейгена, не был в курсе дела.

Второй автомобиль предназначался Кей и мальчикам. Их тоже отсылали с глаз долой — погостить у родителей Кей в Нью-Гемпшире. Майкл с неудовольствием отправлял жену и детей одних, но обстоятельства требовали его неотложного присутствия в Лонг-Бич.

Карло должен был отбыть вместе с Конни, но накануне вечером Майкл через посыльного передал ему, что просит задержаться в Лонг-Бич на несколько дней, не позже, чем до конца недели. Конни эта новость вывела из себя еще больше, чем их срочная высылка на отдых. Она попыталась дозвониться до Майкла, но ей отвечали, что дон отбыл в город и неизвестно, когда вернется. Садясь в машину, Конни продолжала жадно искать глазами следы присутствия брата, но ничего не находила. Майкл заперся в кабинете с Томом Хейгеном, и велено было ни в коем случае не прерывать их совещания.

Карло усадил жену и детей в машину, Конни расцеловала его на прощанье.

— Чтобы прилетел к нам не позже, чем через два дня, — сказала она, — а то мне придется вернуться за тобой.

Он ответил на ее слова понимающей улыбкой верного супруга:

— Непременно через два дня буду.

Конни высунулась из открытого окошка лимузина.

— Как ты думаешь, что у Майкла на уме? — спросила она озабоченно. Ее недовольное нахмуренное лицо показалось мужу на редкость непривлекательным и старым. Он пожал плечами:

— Что-нибудь, связанное с работой в Лас-Вегасе. Об этом давно разговор идет. Может, пора переходить от слов к делу.

Это обрадовало Конни.

— Ты уверен, Карла? — заинтересованно переспросила она.

Он утвердительно кивнул.

Машина тронулась, увозя маму Корлеоне, Конни и детей за ворота усадьбы.

Когда она окончательно скрылась из виду, Майкл тоже спустился вниз проводить Кей и ребят. Карло приблизился и пожелал Кей доброго пути. Вторая машина последовала за первой.

— Мне очень жаль, — сказал Майкл Карло, — что пришлось задержать тебя здесь. Но это ненадолго.

— Да я не против, — торопливо ответил Карло Рицци.

— Вот и хорошо. Посиди пока дома у телефона. Я тебя приглашу, как понадобишься. А пока еще куча дел. Ладно?

— Конечно, конечно, Майкл, — согласился Карло.

Поднявшись к себе, он первым делом позвонил любовнице, которую уже несколько лет тайком содержал на квартире в Вестберне. Сказал, что прибудет вечером, попозже. Потом, прихватив бутылку ржаного виски, прочно уселся у аппарата. Но время тянулось, а телефон молчал. В окно Карло видел, как вскоре после полудня на площадь стали стекаться автомобили. Из одного вылез Клеменца. Чуть позднее прибыл Тессио. Охранник пропустил обоих в кабинет к Майклу.

Клеменца через пару часов отбыл куда-то. Тессио больше не появлялся.

Карло устал ждать и вышел прогуляться на свежем воздухе. Он был знаком со всеми охранниками в Лонг-Бич, а с некоторыми состоял в приятельских отношениях — насколько допускала семейная иерархия. Во всяком случае, с ними можно было перекинуться словцом со скуки. Но, к удивлению Карло, никого из обычных телохранителей сегодня на посту не было. Лица охранников ничего не говорили ему. Все они оказались чужими.

Еще больше удивился Карло, когда узнал в человеке, стоящем у ворот, никого иного, как Рокко Лампеоне. Рокко занимал в Семье слишком высокое положение, чтобы стоять самому на воротах.

Что-то происходило вокруг. Что-то очень странное.

Рокко, заметив Карло, дружески помахал ему рукой и сказал: «Привет!». Карло настороженно приблизился. Рокко спросил:

— Разве ты не отбыл на солнечные пляжи?

— Как видишь, — ответил Карло, все так же настороженно наблюдая за Рокко в роли охранника. — Майкл попросил меня задержаться на пару дней, — пояснил он, — я ему зачем-то нужен.

— А, — отозвался Рокко, — и я тоже. Вот, на ворота поставил. Тоже

мне занятие, одна блажь. Но что делать? Он ведь начальник, наше дело подчиняться, — по его тону можно было понять, что Рокко не так высоко ставит нового дона. Он ведь начинал работать еще с отцом Майкла.

Но Карло разговор не пришелся по вкусу.

— Майкл знает, что делает, — сухо сказал он.

Рокко понял намек и смолчал. Карло повернул обратно к дому, небрежно попрощавшись. Ясно было, что происходят важные события, но он и представить себе не мог, какие.

Из окна гостиной Майкл наблюдал за передвижениями Карло по замкнутой площади среди домов.

Хейген протянул ему из-за плеча рюмку крепкого бренди, и Майкл с благодарностью на лице сделал большой обжигающий глоток. Голос Хейгена из глубины комнаты сказал очень мягко:

— Все, Майкл, пора начинать.

Майкл проглотил вздох вместе с бренди.

— Хоть бы отложить еще ненадолго… Если бы старик был жив…

— Все будет хорошо, — сказал Том. — Не переживай. Раз уж я ничего не заподозрил, пока ты сам не рассказал, другие и вовсе не смогут догадаться. Ты все сделал как нельзя лучше, Майкл.

Майкл обернулся от окна.

— Это не я, это дон. Я никогда прежде не понимал, какая у него голова, какие организаторские способности. Только ты, наверное, способен оценить.

— Таких, как дон, больше не делают, — согласился Хейген. — Но ваш с ним план проработан великолепно, и ты должен оказаться на высоте, я не сомневаюсь в этом.

— Время покажет, — отозвался Майкл, — Клеменца и Тессио прибыли?

Хейген подтвердил. Майкл допил бренди до последней рыжей капельки, медленно сбежавшей по хрустальному боку рюмки.

— Начали, — сказал он. — Пришли ко мне Клеменцу, я сам его проинструктирую. А с Тессио, наоборот, больше не хочу видеться, хорошо? Передай ему только, что через полчаса мы выезжаем на встречу с Барзини. Пусть о нем позаботятся люди Клеменцы.

Хейген спросил бесцветным голосом:

— Оставить Тессио никак нельзя?

— Нельзя, — ответил Майкл.

А в это время в Буффало, в маленькой пиццерии, где обычно полно народу, особенно в час ленча, наступило некоторое затишье. Хозяин-итальянец, довольный своим процветающим делом, получил короткую передышку, убрал с прилавка непроданную пиццу, облегченно распрямил спину и вернулся за стойку.

Лишь один новый посетитель перешагнул через порог его заведения — невысокий молодой человек, поигрывающий желваками на решительном жестком лице. Он ткнул пальцем в сторону круглого подноса с пиццей и сказал коротко:

— Мне с сыром.

Хозяин лопаточкой поддел остывшую пиццу с сыром и сунул ее в печь разогреваться. Клиент не спеша прошел в глубь зала и сел за столик, дожидаясь, пока принесут еду. В пиццерии уже никого не было, кроме его и хозяина. Тот, достав разогретую пиццу из печи, уложил ее на разовую картонную тарелочку и направился к столику. Молодой человек внимательно и в упор разглядывал его. Пицца уже стояла перед ним, пузырясь горячим растаявшим сыром, но он не торопился расплачиваться.

— А что, верно говорят, что у вас на груди татуировочка есть? — задал он вдруг странный вопрос хозяину. — Вон, из-за воротника виднеется, точно. Ну-ка, расстегни ворот пошире, дядя! Очень посмотреть хочется.

Хозяин от неожиданности побледнел и замер у столика.

— Расстегни, расстегни, не скромничай, — повторил парень.

— Это не у меня, это у напарника, — с прорезавшимся страха итальянским диалектом, коверкая самые простые слова, хрипло проговорил хозяин, — он вечером работает.

Клиент рассмеялся ему в лицо. Резкий смех прозвучал неприятно и не предвещал ничего доброго.

— Не жмотничай, дай полюбоваться, — сказал он, вынимая руку из кармана. Хозяин попятился назад, надеясь отступить за огромную печь, но рука с пистолетом уже выпрямилась, выстрел грянул. Пуля, угодившая в грудь, ударила так сильно, что отбросила жертву назад и стукнула об угол печи.

Молодой человек все так же неспешно подошел к распластавшемуся у печи телу и рванул ворот рубашки. Пуговицы отскочили, открывая залитую кровью грудь, на которой явственно виднелось изображение сплетенных в объятиях любовников и грозного супруга, поднявшего над ними свой карающий кинжал. Хозяин пиццерии был еще жив и слабо дернул рукой, словно пытаясь заслониться, но рука тут же безжизненно упала. Убийца наклонился и внятно сказал:

— Фабрицио, тебе привет от Майкла Корлеоне.

Потом поднес пистолет к самому виску лежащего и спустил курок.

На улице его ожидала на обочине машина с крытым верхом. Молодой человек выскользнул тенью из пиццерии, сел на заднее сиденье, и автомобиль стремительно сорвался с места.

Телефон, установленный на перекладине прямо у ворот в Лонг-Бич, громко зазвонил. Рокко Лампеоне подошел к нему, снял трубку и услышал чей-то незнакомый голос:

— Ваш заказ готов, — после чего сразу раздался сигнал отбоя и короткие гудки Рокко положил трубку на место мгновенно оседлал свой автомобиль и выехал за пределы усадьбы. Он двинулся по той же дороге, по которой Санни Корлеоне гнал машину в последний раз в своей жизни — в ту, предательскую ночь, когда на этой дороге Санни повстречалась смерть.

Добравшись до железнодорожной станции, Рокко оставил автомобиль на стоянке и, преодолев почти бегом короткое расстояние, пересел в другую, поджидавшую его там, машину. В машине уже сидели двое. Минут через десять быстрой езды они подъехали к мотелю, расположенному на боковой дороге. Рокко Лампеоне выскочил, двое сопровождающих остались на месте. Рокко летящим шагом двинулся к одному из нарядных маленьких домиков в глубине архитектурного ансамбля — домик напоминал индийское бунгало. От сильного удара ноги легкая дверь слетела с петель, впуская незваного гостя в комнату.

Семидесятилетний Филипп Таталья, голый, как новорожденный, приподнялся с кровати, на которой лежала юная девушка. Если на голове волосы старого развратника были выкрашены в благородный черный цвет, то на груди и в паху оказались совсем седыми. Рыхлое тело старика напоминало живой труп. Рокко и превратил его в труп, всадив в желтоватый живот сразу четыре пули. Потом немедленно вновь сел в машину, водитель нажал на газ и все трое вместе с автомобилем растаяли на дороге. Все повторилось в обратном порядке — машина прибыла к станции Уантаг, Рокко пересел в свой автомобиль, рванул с места в разбег и скоро уже опять стоял на воротах в Лонг-Бич, до этого всего на минутку заскочив в кабинет к Майклу Корлеоне. На его лице ничего не выражалось, казалось, он так и простоял на своем посту весь длинный день.

Альберт Нери у себя в Бронксе довел до идеала старую полицейскую форму, еще раз критически осмотрел дело своих рук и начал спокойно одеваться. Натянул брюки, облачился в мундир, тщательно повязал

форменный галстук. Во время ареста у него изъяли оружие, но, к счастью, оставили номерную бляху. Клеменца снабдил Альберта Нери новеньким кольтом 38-го калибра. Теперь, смазанный, проверенный и до отказа заряженный, кольт покоился в кобуре у него под мышкой.

Он был вполне готов. Примерив еще раз полицейскую фуражку, Нери сунул ее в бумажный пакет, а поверх полицейской формы набросил обычный гражданский плащ. Посмотрел на часы — ровно через пятнадцать минут внизу его будет ждать машина. Эти пустые минуты он провел у зеркала, придирчиво рассматривая в нем свое отражение. Все было нормально. Вне всяких сомнений, он выглядел настоящим защитником правопорядка.

Едва автомобиль остановился у подъезда, как Альберт Нери открыл заднюю дверцу и молча сел. Впереди сидели двое из отряда Рокко Лампеоне. Машина сейчас же отъехала, почти беззвучно скользя по гладкому шоссе. Когда оказались за пределами района, где Нери могли признать, он легким движением освободился от плаща и надел на голову полицейскую фуражку.

Их путь лежал до угла Пятьдесят пятой улицы и Шестого авеню. Там машина остановилась, и Нери вышел. Странно было опять идти в полицейской форме знакомым маршрутом — он успел отвыкнуть от нее. Как обычно во время патрулирования, он двинулся вверх по многолюдной улице до Рокфеллеровского центра, поблизости от собора святого Патрика.

Нужный ему автомобиль гордо красовался на той же стороне, нагло бросая вызов со всех сторон окружающим его табличкам с предупреждениями, что стоянка строго запрещена. Нери замедлил шаг: было еще рано. Он достал большой блокнот и притворился, будто старательно записывает в него номер нарушителя. Потом еще раз зорко оглядел улицу и снова двинулся вперед. Нери постучал полицейским жезлом по крылу машины. Водитель лениво приоткрыл глаза.

Все тем же жезлом Нери молча показал водителю на запрещающую надпись и сделал повелительный знак, чтобы тот сменил место стоянки. Водитель с деланным равнодушием отворотил физиономию в другую сторону. У парня был вид мелкого наглеца — как раз таких Нери особенно не терпел в пору своей полицейской службы.

С упорством подлинного постового Нери обошел автомобиль с другой стороны и остановился напротив открытого окошка, за которым сидел водитель, и сказал, стараясь как можно сильнее уязвить его самолюбие:

— Ну ты, умник, кати куда следует, или я вставлю тебе штрафной талон прямо в зад!

Парень сказал небрежно:

— Ты бы лучше шастал по своему участку, там, небось, уже заждались. А штраф, если так приспичило, можешь выписать, черт с тобой.

— Езжай, куда следует, говорят тебе, — прорычал Нери. — Пока я не вынул тебя из тачки и рога не поотшибал.

Водитель хладнокровно извлек откуда-то вчетверо сложенную десятидолларовую бумажку и попытался сунуть в кармашек на мундире Нери, Нери отодвинулся, будто не замечая жеста, отошел на тротуар и поманил водителя пальцем, перейдя с оскорбительного тона на сугубо официальный:

— Предъявите водительские права и регистрационную карточку.

Парню ничего другого не оставалось, как выйти из машины, что он и сделал крайне неохотно. Вообще-то Нери надеялся, что заставит его отогнать машину за угол, но теперь это не имело смысла: краем глаза он увидел, как по ступенькам «Плазы» к ним направляются трое мужчин — Барзини и телохранителями. Они должны были выезжать на встречу с Майклом Корлеоне.

Один из телохранителей, увидев полицейского рядом с автомобилем, ускорил шаг и приблизился, чтобы выяснить, в чем дело.

— Есть проблемы? — обратился он к водителю.

— Да какие проблемы, — коротко отмахнулся тот. — Парень, видать, новичок — порядка в районе не знает. Вот штраф мне собрался выписать, — скривил он губы.

Барзини со вторым телохранителем уже подошли. «Какого черта?» — спросил Барзини с неудовольствием.

Нери как раз закончил делать запись в регистрационной книжке. Он вежливо вернул водителю и книжку и права, потом аккуратно закрыл свой большой блокнот и сунул его в боковой карман. И тут же неуловимым движением выхватил из кобуры пистолет — кольт 38-го калибра. Выстрелы слились все три — в один. Пули друг за дружкой точно угодили в широченную выпяченную грудь Барзини. Телохранители и шофер, словно в шоке, стояли все это время, а потом в испуге бросились бежать прочь. К тому времени, как они пришли в себя, Нери уже нырнул в густую толпу прохожих на площади, свернул за угол и вскочил в поджидавший его автомобиль. Автомобиль сейчас же помчался прочь по направлению к Девятой авеню.

В районе Челси Нери, который уже успел не только скинуть полицейскую фуражку, но и переодеться в гражданскую одежду, пересел в другой лимузин. Форма и оружие остались в прежней машине, на заднем

сиденье, но Нери знал, что от них умело избавятся.

Через час он уже беседовал с Майклом Корлеоне за безопасной оградой усадьбы в Лонг-Бич.

Тессио поджидал выхода Майкла на кухне в доме старого дона, попивая кофе из большой расписной чашки, Том Хейген зашел за ним туда.

— Майкл готов ехать, — сообщил он. — Можешь позвонить Барзини, чтобы тоже выезжал.

Тессио поднялся из-за стола, прошел к висящему на столе телефонному аппарату, набрал нужный номер.

— Мы выезжаем в Бруклин, — сказал он отрывисто и повесил трубку. Потом улыбнулся Тому: — Ну, дай Бог, чтобы Майкл сумел все уладить сегодня.

Хейген ответил серьезно:

— Я не сомневаюсь в этом.

Он открыл перед Тессио кухонную дверь, и они вместе вышли на площадь, пересекли ее и оказались у двери дома Майкла. Стоящий на часах охранник заступил им дорогу:

— Хозяин велел передать, что поедет в другой машине. А вы оба поезжайте вперед.

Тессио, сдвинув брови, обернулся на Тома:

— Так нельзя поступать, Том! Черт возьми, он ломает все, не начав строить. Ведь был уговор… — не докончив фразу, Тессио запнулся, потому что от стены за их спинами отделились еще несколько молодцов и взяли их с Томом в кольцо.

Хейген мягко проговорил:

— Я тоже не поеду с тобой, Тессио.

Опытный и умный капитан все понял мгновенно и только на доли секунды самообладание изменило ему. Он понял и покорился судьбе.

— Передай Майку, — сказал он, — я действовал из чисто деловых соображений. А сам он всегда мне нравился.

Хейген кивнул:

— Он знает это.

Тессио, превозмогая себя, спросил очень тихо:

— Ты не можешь снять меня с крючка, Том? По старой дружбе?

— Не могу, — грустно покачал головой Хейген.

Он стоял и смотрел, как капитан в окружении телохранителей обреченно идет в поджидающий его автомобиль у ворот усадьбы. Сердце

Тома разрывалось от боли, в горле стоял комок тошноты. Тессио всегда был лучшим из всех. Старый дон полагался на него, как на самого себя, Разве что Люка Брази преданнее служил Семье Корлеоне. Какая жалость, что логика подвела его теперь, когда он уже не молод и когда любая ошибка становится последней.

Карло Рицци уже заметно нервничал, сидя возле открытого окна и молчащего телефона. На площади постоянно подъезжали и отъезжали машины, что-то происходило, причем что-то весьма значительное, а он опять оставался в стороне. Не удержавшись, он позвонил было Майклу, но ответил ктото из переполнявших дом охранников. Справившись у Майкла, охранник передал только, чтобы Карло набрался терпения: его позовут, когда придет время. Хозяин скоро освободится.

Это была хоть какая-то, но информация. Карло опять позвонил своей любовнице. Она уже ждала его, так что пришлось уговаривать подождать еще немного. Они сегодня непременно поужинают вместе, и он останется у нее до утра. Раз Майкл передал, что скоро освободится, значит, еще час-два, и Карло будет свободен. Сколько же может длиться даже самый серьезный и деловой разговор?

Убаюканная его ласковыми уговорами она а перестала злиться. Карло, положив трубку, решил заранее переодеться. Но только успел сменить рубашку, как в дверь постучали. «Наверное, не смогли прозвониться, ведь он долго любезничал по телефону», — подумал Карло и пошел открывать. Но на пороге стоял сам Майкл Корлеоне, и сердце Карло гулко ухнуло, а тело покрылось противным липким потом. Лицо Майкла показалось ему маской смерти из ночных кошмаров.

Он молча шагнул в прихожую, за ним — Том Хейген и Рокко Лампеоне. Все выглядели серьезно и сосредоточенно, как вестники, явившиеся к старому другу с дурными новостями. Следом за Карло все трое прошествовали в гостиную. Карло, стараясь прийти в себя от нервного потрясения, отнес было свою слабость на счет собственной фантазии. «Так нельзя, — подумал он, — надо владеть собой». Но первые же слова Майкла подействовали на Карло Рицци, как удар в солнечное сплетение.

— Пришла пора расплатиться за Сантино, — сказал Майкл.

Карло ничего не смог ответить, ноги у него стали ватными, возникла дурнота. Том Хейген и Рокко Лампеоне стояли по обе стороны от двери, так что Карло и Майкл оказались словно один на один, лицом к лицу.

— Ты навел на Санни людей Барзини, — невыразительным голосом

продолжал Майкл. — Вспомни-ка спектакль, который ты разыграл перед моей сестрой! Неужели тебя, как малого ребенка, смогли уговорить, что Семью Корлеоне так легко провести?

От ужаса Карло забыл о мужской гордости, человеческом достоинстве и других понятиях. Дрожа, он еле выговорил:

— Майкл, клянусь, я ни в чем не виноват! Своими детьми клянусь! Не убивай меня, Майкл, не делай этого…

Все так же ровно Майкл сказал:

— Барзини мертв, Филипп Таталья тоже. Сегодня я свожу все счеты своей Семьи. Поэтому не повторяй неправды, не говори, что не виновен. В твоих же интересах сказать все, как есть.

Хейген и Рокко Лампеоне этот разговор удивил и несколько даже покоробил. Нет, Майкл все-таки не мог подняться до уровня своего отца. Дон не стал бы убеждать предателя покаяться, тем более, что вина его полностью доказана — в той мере, в какой вообще можно доказать чью-либо вину. Во всяком случае, разговаривать здесь не о чем. Или Майкл все еще не уверен в своих силах и хочет, чтобы Карло Рицци сам подтвердил свою вину?

Карло упорно молчал.

Майкл продолжал мягко, почти ласково:

— Не бойся, Карло, мне совсем не хочется оставить сестру вдовой, а племянников — сиротами. Вспомни ведь одному из твоих сыновей я прихожусь крестным отцом. Нет, наказывать можно по-разному. Например, удалить тебя от дел Семьи. Отослать в Лас-Вегас к жене и детям, и сиди там под их крылом, а уж содержание я для Конни как-нибудь обеспечу. Не надо трусить, но и врать перестань. Не повторяй, что не виновен, когда я хорошо знаю, как все было. Не оскорбляй моего слуха ложью, я ведь не идиот. Так ты только злишь меня понапрасну. Говори толком, кто на тебя выходил тогда — Таталья или Барзини?

Карло, обезумев от сладостной надежды, которая забрезжила впереди, произнес почти с облегчением:

— Барзини.

— Ясно, — сказал Майкл, сразу утратив интерес к Карло Рицци. — А теперь сразу же выезжай в аэропорт. Машина во дворе.

Карло, как загипнотизированный, направился к выходу. остальные — за ним следом. Был уже поздний вечер, но площадь перед домами ярко освещалась прожекторами. Когда они остановились, к ним немедленно подкатил автомобиль — а за рулем сидел один из охранников, которого Карло не признал. Неясная фигура маячила и на заднем сиденье но Карло

Рицци не разглядел, кто. Лампеоне открыл перед ним переднюю дверцу, и Карло с некоторым чувством освобождения послушно сел. Его белая рубашка вся пропиталась потом.

— Я позвоню Конни и сообщу, что ты выехал, — сказал Майкл на прощанье.

Машина двинулась к выезду из Лонг-Бич, набирая скорость. Карло, постепенно приходя в себя, вспомнил о сопровождающем, сидящем сзади, и повернул голову, чтобы посмотреть, кто это, но в тот же момент Клеменца, а это был именно он, грациозным движением, как девочка, повязывающая бантик на шею котенку, набросил гарроту и перетянул горло Карло скользящим смертоносным шнурком. Карло Рицци дернулся, словно рыба, попавшая на крючок, и его сильное тело забилось в судорогах, но Клеменца знал дело туго и продолжал затягивать гарроту, пока сознание не покинуло жертву. Тело обвисло на сиденье, тяжелое зловоние наполнило автомобиль: ослабевшая мускулатура вытолкнула содержимое мочевого пузыря. Клеменца, поморщившись, свернул удавку, сунул ее в карман и открыл окно, чтобы проветрить машину. Безжизненное тело Карло Рицци сползло с сиденья на пол, к самой дверце автомобиля.

Победа Семьи Корлеоне была убедительной и безоговорочной. За одни сутки отряды Клеменцы и Лампеоне расправились со всеми, кто посмел нарушить границы державы Корлеоне. Альберт Нери, возведенный в ранг капитана, получил под начало гвардию Тессио в Бруклине. Он сейчас же разнес вдребезги все точки букмекеров Барзини и подстрелил двух его верных громил, обедавших, ничего не подозревая, в итальянском кабачке на Мальбери-стрит. Свели счеты с одним из покровителей Барзини, прикрывавшим от властей его тотализатор. Тела известных ростовщиков из портовых кварталов, тоже действовавших от лица семейства Барзини, обнаружились только через почти полгода в топях Нью-Джерси, — а исчезли они все в тот же роковой день.

Те, кто поумнее, постарались перейти из стана врагов в стан друзей Семьи Корлеоне. Одним мощным ударом Майкл восстановил первенство Семьи среди других подпольных семейств Нью-Йорка и обрел репутацию настоящего дона — вся Большая Пятерка прониклась к нему подлинным уважением. Верхушка семейств Барзини-Таталья униженно сдалась на милость победителя, а самые сильные капитаны со своими отрядами высказали готовность работать впредь на Семью Корлеоне.

Итак, Майкл мог торжествовать, но его радость омрачила сестра Конни, узнавшая о гибели мужа. Она прилетела домой вместе с мамой Корлеоне,

оставив детей в Лас-Вегасе. Пока машина шла из аэропорта, Конни держалась, но едва они въехали за ограду усадьбы в Лонг-Бич, она выпрыгнула из автомобиля, бросив мать, и прорвалась мимо опешивших Охранников прямо к брату. Майкл вместе с Кей в это время сидел в гостиной.

Конни явилась перед ними, как смерч, и сразу набросилась на Майкла с кулаками, не обращая никакого внимания на поднявшуюся ей навстречу невестку.

— Ты негодяй! — визжала она. — Негодяй и убийца! Ты только и ждал, пока папа умрет, а как дождался, так сразу и убил его. Я ведь знаю — ты не мог простить ему Санни. А на меня тебе наплевать. Вам всем на меня наплевать. Никто не подумал, как мне теперь жить, без мужа? — Конни истерически разрыдалась. Она даже не плакала, а выла по-звериному, раскачиваясь из стороны в сторону и перемежая рыдания проклятиями. Два телохранителя подошли к ней и встали наготове, ожидая сигнала хозяина. Но Майкл молча ждал, пока Конни успокоится.

Заговорила Кей:

— Конни, ты сама не понимаешь, что говоришь! Это от горя…

— Да? — зло воскликнула та, справившись, наконец, с истерикой и жаждущая мести. — А ты задумывалась, почему твой муж всегда так холоден со мной? И почему он не отпускал от себя Карло? Майкл просто держал камень за пазухой. Он всегда знал, что убьет Карло, только ждал подходящего момента. Пока отец был жив, он не мог себе этого позволить. И ведь согласился быть крестным отцом нашего мальчика, изверг! Надо же быть таким бесчеловечным подонком! А ты думаешь, что знаешь своего муженька? Черта с два… Ничего ты не знаешь. Хоть бы газеты посмотрела, сколько душ он на тот свет отправил вместе с моим Карло, — Барзини, Таталью и еще целую кучу. Все это дело рук моего братца Майкла! — Она прицелилась послать презрительный плевок в его адрес, но в пересохшем от плача горле не нашлось слюны.

— Ее надо отвести домой и вызвать врача, — спокойно сказал Майкл. Телохранители тотчас подхватили Конни под руку и выволокли за дверь.

Кей застыла посреди комнаты, потрясенная.

— Как она может говорить про тебя такое? — сдавленным голосом выговорила она. — Неужели она в это верит?

Майкл повел плечом:

— Обыкновенная бабья истерика.

Кей посмотрела мужу прямо в глаза:

— Но ведь это неправда, да, Майкл? Скажи мне, что это неправда!

Майкл устало ответил:

— Конечно, неправда. Ты должна верить мне, и никому больше. Один-единственный раз я готов ответить на твои вопросы о делах. Последний раз, учти это. Так вот, это неправда, — он говорил со всей силой своего убеждения, глядя Кей прямо в глаза. Он вложил в свой взгляд всю силу чувства, все то доверие, которое они собрали за годы совместной супружеской жизни, всю свою привязанность к ней. И она поверила. Она не могла не поверить ему. Успокаиваясь, она прижалась к мужу и подставила губы для поцелуя.

— Ах, Майк, кажется, нам обоим не помешает выпить, — виновато сказала Кей, когда их объятия разжались. С легким сердцем она вышла на кухню, достала лед и тоник, смешала коктейль и услышала, как внизу распахнулась парадная дверь.

Кто-то пришел. Она остановилась с подносом в руках на пороге гостиной. Майкл не видел ее — он стоял к двери спиной. Перед ним, как на параде, выстроились полукругом Клеменца, Альберт Нери и Рокко Лампеоне с телохранителями. Она сделала еще шаг вперед — теперь Майкл был виден ей сбоку, в профиль, и только собралась поздороваться с гостями, как услышала торжественный голос старого Клеменцы, который со значением произнес:

— Дон Майкл… — остальных слов Кей не услышала, потому что все внимание ее захватил изменившийся облик мужа. Майкл весь выпрямился, напрягся, как тугая струна и походил, пожалуй, на античные древние статуи величественной и властной силой, сквозившей во всем — в выражении лица, в позе, в том, как он круто подбоченился одной рукой и свободно свесил другую. Казалось, всемогущие боги даровали ему право распоряжаться жизнью и смертью простых смертных, не зря же в их голосе звучит столько почтительности:

— Дон Майкл… — и в этот миг Кей уверовала, что все, о чем говорила Конни, и все, в чем она обвиняла брата, — чистая правда.

Кей тихонько попятилась со своим подносом, вышла на кухню и горько заплакала наедине со своими мыслями.

ЧАСТЬ IX

ГЛАВА 32

Победа Семьи Корлеоне, достигнутая ценой крови, была окончательно закреплена только через год путем долгих и хитроумных дипломатических маневров. Но в результате Майкл Корлеоне стал общепризнанным главой самой могущественной в стране подпольной империи. Год спустя он смог с чистой совестью покинуть свою резиденцию в Лонг-Бич, продать усадьбу, свернуть все дела и переселиться с семьей в Лас-Вегас. Оставалось завершить разные пустяки — и все приближенные к Майклу и друзья Семьи в последний раз собрались в Нью-Йорке. Им предстояло провести месяц в усадьбе на Лонг-Бич. Пока Майкл заканчивал руководство делами, Кей взяла на себя упаковку и отправку вещей.

Теперь, когда авторитет Майкла вошел в зенит, Клеменца безболезненно отпочковался от Семьи, создав собственный синдикат. Капитаном стал Рокко Лампеоне, доказавший на деле преданность и высокий профессионализм. Альберту Нери поручили возглавить службу безопасности в отелях и казино Невады, входящих в новый семейный синдикат Семьи Корлеоне. Хейген раньше всех обосновался в Лас-Вегасе, подготовил добрую почву для развития семейного бизнеса.

Говорят, время — лучший лекарь, оно залечивает любые раны. Конни очень быстро помирилась с братом: неделю спустя после своего возвращения в Лонг-Бич и истерики в гостиной Майкла она одумалась, осознала ситуацию и явилась к брату с извинениями, умоляя Кей не верить ее глупым речам, сказанным в запальчивости. Разве может быть хоть слово правды в необдуманных воплях молодой вдовы? Горе свело ее с ума, Кей должна понять это.

Собственно, вдовой Конни пробыла очень недолго. Не прошел еще даже срок годового траура, как она обрела мужа, и место Карло в их просторной двуспальной постели занял скромный молодой итальянец из приличной семьи. Несмотря на свое прекрасное образование, он обретался в должности секретаря в бывшей фирме «Торговый дом Дженко», но теперь женитьбой на младшей сестре дона обеспечил себе карьеру и полное благополучие.

Кей Адамс, ныне Корлеоне, к радости всего семейства супруга, неожиданно перешла в католичество. Теперь оба мальчика росли под благословением и покровительством Римского папы. Впрочем, сам Майкл не слишком восторженно принял такой поворот событий. С его точки зрения, детям было бы лучше расти протестантами, как принято в

большинстве нормальных американских домов.

Как ни странно, жизнь в Неваде пришлась Кей по вкусу. Ей понравились западные пейзажи с их каменистыми пространствами, красноватыми от глины каньонами и раскаленной под жарким солнцем пустыней. После жары прохлада бассейнов дарила неземное блаженство, поэтому даже жара полюбилась Кей. Мальчикам подарили пони, на которых они охотно катались. У Кей, наконец, были не телохранители, а обычная прислуга. И Майкл в Неваде жил вполне нормальной жизнью богатого дельца: занимался строительной компанией, посещал местный клуб, стал членом каких-то общественных комитетов, а его интерес к политическим играм штата был окрашен совсем иными тонами, чем закулисные интриги в Нью-Йорке под прикрытием вооруженных банд. Впрочем, настоящего интереса к политике в Лас-Вегасе Майкл все же не проявлял, предпочитая оставаться в стороне. Все-таки хорошо, что его посетила мысль переселиться на Запад! И хорошо, что они оставляют свой дом в Лонг-Бич, Кей уже не выносила его мрачные стены. Теперь она с удовольствием занималась упаковкой и отправкой вещей, вкладывая в это весь свой пыл и все желание поскорее уехать. Так выздоравливающий торопится выписаться из опостылевшей ему больницы, чтобы забыть о болезни, оставив ее позади. Новый дом в Лас-Вегасе Кей решила устраивать по собственному разумению.

В последнее утро перед отъездом Кей, как обычно, проснулась чуть свет, но на площади среди домов уже урчали автофургоны для перевозки мебели: дневным рейсом вся Семья, включая маму Корлеоне, отбывала навсегда в Лас-Вегас. Кей тихо, чтобы не потревожить мужа, вышла в ванную, но когда вернулась, Майкл, приподнявшись на локте, уже курил сигарету.

— Давно хочу спросить — с чего это ты так зачастила в церковь? — с интересом проговорил он. — Ну, по воскресеньям, на праздники — это святое, но чтобы каждое утро? Какого черта тебе это надо, скажи на милость? Ты стала совсем, как моя мать, — он протянул руку и зажег лампу на столике рядом с постелью. Кей упрямо натягивала на ногу чулок.

— Все новообращенные католики отличаются особым рвением, — сказала она. — Они куда серьезнее относятся к обрядам, чем католики от рождения.

Майкл испытующе посмотрел на нее и слегка усмехнулся:

— Вот как, — он коснулся рукой полоски теплой кожи над гладким чулком.

Кей отпрянула.

— О, Майк, сегодня не надо — мне принимать причастие.

Он не стал настаивать, но Кей почувствовала, как сузились зрачки мужа и каким пронизывающим стал его взгляд — «взгляд дона», как определяла его она.

— Что ж тогда мальчишки растут в грехе, если ты столь ревностная католичка? — поинтересовался он. — Им ты позволяешь пропускать службы.

Кей смутилась.

— Ну, они еще успеют наверстать, потом, когда подрастут, — она наклонилась, поцеловала Майкла и вышла из дома. Летнее утро обещало жаркий солнечный день. На востоке розовели облака. Кей направилась прямо к воротам, где в машине, закутанная в черный вдовий платок, ее уже ждала свекровь. Теперь они каждое утро начинали с ранней мессы.

Кей приложилась губами к сухой морщинистой щеке мамы Корлеоне. Та спросила с подозрением:

— Ты не завтракала сегодня?

— Нет, нет, — ответила Кей, усаживаясь за руль. Она однажды забыла, что с полуночи до принятия святого причастия положено поститься, и старушка каждый раз считал своим долгом напомнить ей о церковных правилах. Получив ответ, мама Корлеоне удовлетворенно кивнула.

Церковь в утренних солнечных лучах выглядела маленькой и беззащитной перед окружающими ее мирскими страстями. Внутри всегда было прохладно и чуточку зябко. Витражи на сводчатых окнах не пропускали солнечных лучей. Кей подала руку маме Корлеоне и они вместе поднялись по белым каменным ступенькам в храм. Старушка прошла вперед, к алтарю. Кей последовала за ней, но вперед пройти не решилась: в ее душе робость мешалась с надеждой.

Стоя в прохладном полумраке, омочив кончики пальцев святой водой, она медленно перекрестилась и приложила влажные пальцы к сухим губам. Потом прошла на свое место, встала коленями на жесткий деревянный настил за барьером. В ожидании, пока святой отец пригласит ее к церемонии причастия, Кей склонила голову. Со стороны казалось, что она усердно возносит молитвы. Но на самом деле ее мысли были заняты совсем другим. Только здесь, под сумеречными сводами маленькой церквушки, позволяла она себе задуматься о греховной, тайной жизни мужа. Только здесь вспоминала события, произошедшие год назад, когда Майкл воззвал к ее любви и доверию, чтобы пойти на откровенную ложь. И она поверила этой лжи — поверила, что в смерти мужа своей сестры ее Майкл неповинен.

Господи, зачем он солгал тогда!

На следующее утро она ушла из его дома — не из-за того, что он совершил, а из-за того, что смог обмануть ее так ужасно. Она взяла с собой сыновей и увезла их в Нью-Гемпшир, к своим родителям, никому не сказав ни слова и, вероятно, не очень осознавая, какую цель преследует.

Майкл все понял лучше ее самой. Он в тот же день позвонил, а потом недели на две оставил ее в покое. Но однажды возле дома семейства Адамсов опять остановился черный лимузин с нью-йоркским номером. За рулем сидел Том Хейген.

Часы, проведенные ею с Томом, были самые длинные и мучительные в ее жизни. Они не стали беседовать в доме, а отправились на природу, в лесок на окраине ее родного города.

Кей поначалу решила встретить его в штыки. Но роль независимой гордячки не слишком подходила для нее.

— Майкл приказал тебе силой доставить меня? — вскинулась она на Тома. — Что ж он тогда не прислал полную машину ребят, увешанных автоматами? Им было бы проще справиться со мной.

Впервые она увидела, что Том вышел из себя.

— Не дури, Кей, — сказал он резко, — не изображай девицу из подворотни. Вот уж не ожидал такой встречи, я думал о тебе лучше. Пойдем прогуляемся, Кей.

— Пойдем, — согласилась она.

Некоторое время они молча шли между зеленых изгородей. Потом Том Хейген спросил просто:

— Ты чего удрала-то?

Она обернулась к нему, пылая обидой:

— Он убил мужа своей сестры. И обманул меня. Я просила его стать крестным отцом сына Конни. Он предал меня, из-за него я тоже обманщица. Я не могу любить такого человека. И не хочу, чтобы у моих сыновей был такой отец.

— Ты что-то не то говоришь, — сказал Том.

Настал черед Кей выходить из себя.

— Я знаю, что говорю. Он убил мужа Конни. Понимаешь? — она сорвалась на крик. — И обманул меня…

Какое-то время они молча шли по все той же дороге. Наконец Хейген сказал:

— Ну, положим, знать этого ты не можешь, это одни предположения. Но допустим, что это так, — допустим, я говорю, а вовсе не подтверждаю, что ты права. Но если бы это и была правда, я готов привести

неопровержимые доказательства, смягчающие вину Майкла.

— Тебе не идет быть адвокатом, Том, — снисходительно парировала его слова Кей. — У тебя нет к этому таланта.

Том улыбнулся:

— Возможно, но ты все-таки выслушай меня. А если Карло действительно продал Санни? Если он не случайно спровоцировал скандал и избил жену, а его напарники прекрасно знали, по какой дороге Санни ездит из Лонг-Бич? Ты не допускаешь, что Карло просто-напросто заплатили за голову Санни? А если все было так, что тогда?

Кей не нашла ответа. Хейген продолжал:

— Дон не нашел в себе сил отомстить за смерть сына. Человек благороднейший, он мучился до конца своих дней, но не мог решиться на то, что должен был сделать. И передавая тяжкую ношу Майклу, дон знал, что тот снимет грех с его души, возьмет вину на себя.

— Но столько времени уже прошло! — со слезами в голосе сказала Кей. — Все уладилось. Они так хорошо жили. Почему нельзя было простить Карло? Забыть и жить дальше.

Хейген сел прямо в траву под развесистыми ивами, окинул взглядом зеленый и голубой пейзаж вокруг и сказал:

— Если б весь мир был так тих и прекрасен, как здесь, все было бы возможно.

— Майкл теперь не тот человек, за которого я вышла замуж, — проговорила Кей с обидой.

И услышала в ответ веселый смех Хейгена:

— Разумеется, не тот, иначе ты сейчас уже была бы молодой вдовой, а его зарыли бы в землю. И вся любовь.

Кей посмотрела прямо в глаза Тому:

— Ты можешь объяснить все толком, черт вас всех возьми? Можешь хоть раз в жизни поговорить со мной начистоту? Я уже знаю, что Майкл не в состоянии быть откровенным с женой, но ты-то не сицилиец, Том, ты можешь воспринимать женщину как человека и разговаривать на равных?

Некоторое время Том молча сидел на траве. Потом покачал головой в раздумьи.

— Ты как-то неправильно судишь о Майкле. И не можешь понять того, что я пытаюсь тебе внушить. Вот он солгал тебе, и ты готова на стенку кидаться от злости. А разве Майкл не предупреждал, что нельзя расспрашивать его о делах? Тебя злит, что он стал крестным отцом сына Карло. Но ведь ты же заставила его сделать это. Между прочим, по всем правилам он и должен был так поступить — классический прием, чтобы

усыпить подозрения, — Хейген мрачновато хмыкнул. — Но он-то не хотел, не соглашался, пока ты не вынудила его. Ну, я достаточно доходчиво объясняю? Ты довольна?

Кей сидела, не поднимая глаз.

— Могу говорить еще доступней. Ты, наверное, не знаешь, что сразу после смерти дона Майкл был приговорен, его собирались убрать. И знаешь, кто предал Майкла? Тессио. Значит, от Тессио необходимо было избавиться. И от Карло тоже, потому что предательства прощать нельзя. Майкл-то мог бы простить их обоих, но люди сами не забывают своего предательства и именно поэтому опасны. Майкл был искренне привязан к Тессио. Он любит сестру. Но он не выполнил бы свой долг по отношению к Семье, к тебе и к твоим детям, ко всем, кто зависит от его силы и власти, если бы отпустил грех предателям. Оставшись в живых, Карло и Тессио постоянно представляли бы угрозу для всех нас.

У Кей по щекам катились слезы, и она их не вытирала.

— Майкл прислал тебя сюда, чтобы ты сказал мне все это? — спросила она.

Хейген посмотрел на нее с нескрываемым удивлением:

— Ты понимаешь, что говоришь, Кей? Конечно, нет. Он послал меня сюда, чтобы я сказал тебе: у тебя будет все, что ты захочешь, и ты можешь жить так, как тебе вздумается, если только ты будешь заботливо воспитывать его детей. Он сказал еще, — Хейген улыбнулся, — что ты — его дон. Но это, конечно, шутка.

Кей коснулась рукой руки Тома:

— Так значит, ты не должен был говорить мне то, что сказал?

Хейген с минуту помедлил, точно сомневаясь, стоит ли договаривать все до конца, и ответил серьезно:

— Ты так и не поняла, наверное. Если Майкл когда-нибудь узнает, о чем мы говорили здесь сегодня, я погиб, — он еще помолчал, но договорил: — Ты и дети — единственные на свете люди, кому он никогда не сможет причинить вреда.

Еще добрых пять минут они тихо сидели рядом. Потом Кей встала, Том поднялся следом. Почти у самого дома она спросила:

— Ты сможешь отвезти нас с мальчиками домой после ужина?

— Конечно, — ответил Том, — я для того и приехал.

А через неделю Кей попросила католического священника подготовить ее для перехода в новую веру.

Из глубины купола возник и раскатился под сводами прозрачный колокольный звон. Кей поднялась с колен и вместе с другими

причащающимися прошла к алтарю. Она истово сжимала перед собой сомкнутые ладони. Священник словно вырос перед нею, она запрокинула голову, чувствуя на языке тонкую хрустящую облатку тела господня. Сейчас, пока облатка не растает во рту, она еще не отрешилась от мирских дел и забот, от мыслей о себе и о детях. Но вот, наконец, благость снизошла на ее душу: очищенная от всех грехов, смиренная и верующая, она скрестила руки у алтаря, слегка расслабив мышцы ног, чтобы не уставали колени. Теперь, свободная от суетных мыслей и желаний, полная надежды укрепиться в своей вере, Кей Адамс-Корлеоне вознесла к небесам молитву — как возносила ее каждый божий день с того дня, когда узнала об убийстве Карло Рицци, — молитву о душе своего возлюбленного мужа Майкла Корлеоне.